

81
Т 735

И. М. Тронский

Историческая грамматика
латинского языка

Общеиндоевропейское
языковое состояние
(вопросы реконструкции)

Издательство «Индрик»

Архив РАН (Санкт-Петербургское отделение)
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук

81
Т 735

И. М. Тронский

**Историческая грамматика
латинского языка**

**Общеиндоевропейское
языковое состояние
(вопросы реконструкции)**

Второе дополненное издание подготовили:
*А. В. Грошева, Н. Н. Казанский, М. Л. Кисиллер,
Е. Р. Крючкова, Н. Н. Надель, А. И. Солопов*

Под общей редакцией *Н. Н. Казанского*

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2001

УДК 801+807
ББК 80+81.2
К 61

Утверждено к печати Институтом лингвистических исследований РАН

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
(грант 98-04-30008 а/и = РГНФ-INTAS № 627)*

и

*Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) грант
«Школа сравнительно-исторического языкознания акад.
В. М. Жирмунского»
(рук. Л. А. Вербицкая, Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)*

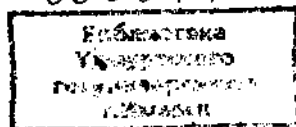
*Издание осуществлено при финансовой поддержке
«Федеральной программы книгоиздания России»*

И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). 2-е дополненное издание. Подготовили А. В. Грошева, М. Л. Кисилиер, Е. Р. Крючкова, Н. Н. Надель. Послесловие Н. Н. Казанского и А. И. Солопова / Отв. редактор Н. Н. Казанский. - М.: Индрик, 2001. — XIII+576 с.

ISBN 5-85759-136-8

Книга объединяет две монографии профессора Иосифа Моисеевича Тронского (1897–1970). Первая — «Историческая грамматика латинского языка» (1960), ставшая основным учебником для многих поколений филологов, публикуется в значительно расширенном объеме с использованием материалов из архива И. М. Тронского (Архив РАН). В качестве приложения помещена монография «Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции)» (1967). Книга рассчитана на студентов и аспирантов, специализирующихся в области классической филологии, романского и индоевропейского сравнительно-исторического языкознания.

690347

ISBN 5-85759-136-8

00:

- © Издательство «Индрик» (Москва), 2001 г.
- © Коллектив авторов, 2001 г.
- © Н. Н. Казанский, А. И. Солопов – Послесловие, 2001 г.
- © ИЛИ РАН, 2001 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	VII
И. М. Тронский – биографическая справка	X
И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка	1
Предисловие	3
Глава I. Индоевропейская семья языков (§§ 1-21)	5
Состав индоевропейской языковой семьи (§§ 1-3). Единство происхождения индоевропейских языков (§§ 4-7). Общеиндоевропейское языковое состояние (§§ 8-20). Общие тенденции развития в истории индоевропейских языков (§ 21)	
Глава II. Итальянская ветвь индоевропейских языков (§§ 22-46)	28
Состав итальянской ветви (§§ 22-25). Общеиталийское языковое состояние (§§ 26-34). Основные особенности оско-умбрской группы (§§ 35-39). Осский язык (§ 40). Умбрский язык (§ 41). Место итальянской ветви в индоевропейской семье языков (§§ 42-45). Проникновение итальянских языков на территорию Италии (§ 46).	
Глава III. Краткий обзор истории латинского языка и источники ее изучения (§§ 47-61)	39
Краткий обзор истории латинского языка (§§ 47-56). Источники (§§ 57-60). Научное изучение истории латинского языка (§ 61).	
Глава IV. Нормальное произношение классической латыни (§§ 62-96)	51
Гласные (§§ 62-63). Дифтонги (§§ 64-70). Согласные (§§ 71-85). Слог (§§ 86-89). Ударение (§§ 90-96).	
Глава V. Латинский алфавит (§§ 97-106)	72
Глава VI. Развитие гласных (§§ 107-205)	77
Монофтонгизация дифтонгов (§§ 107-115). Качественные изменения гласных под влиянием соседних фонем (§§ 116-138). Качественные изменения кратких гласных и дифтонгов в срединных слогах (§§ 139-156). Качественные изменения кратких гласных и дифтонгов в конечных слогах (§§ 157-163). Синкопа (§§ 164-169). Метатеза (§§ 170-173). Анаптика (§§ 174-177). Дальняя ассимиляция (§§ 178-181). Количественные изменения гласных (§§ 182-194). Слияние гласных (§§ 195-200). Переход гласного в согласный (§ 201). Развитие гласных в поздней латыни (§§ 202-205).	

Глава VII. Развитие согласных (§§ 206-295)	108
<p>Развитие одиночных сильноконечных согласных (§§ 206-216). Развитие одиночных сильноначальных согласных (§§ 217-222). Развитие двойных согласных (§§ 223-225). Развитие групп согласных (§§ 226-272): группы из двух согласных (§§ 226-261); группы из трех согласных (§§ 262-271); группы из четырех согласных (§272). Ассимиляция и диссимиляция (§§ 273-281). Метатеза (§ 282). Гаплогогия (§ 283). Диалектные явления (§§ 284-288). Развитие согласных в поздней латыни (§§ 289-295).</p>	
Глава VIII. Явления фразовой фонетики (§§ 296-301)	140
Глава IX. Грамматические категории имен существительных (§§ 302-309)	142
<p>Род (§§ 302-305). Число (§ 306). Падеж (§§ 307-309).</p>	
Глава X. Именное склонение (§§ 310-403)	147
<p>Предварительные замечания (§§ 310-311). Первое склонение (§§ 312-324). Второе склонение (§§ 325-344). Третье склонение (§§ 345-367). Четвертое склонение (§§ 368-382). Пятое склонение (§§ 383-395). Смешанная флексия (§§ 396-402). Несклоняемые имена (§ 403).</p>	
Глава XI. Имя прилагательное (§§ 404-411)	189
<p>Склонение прилагательных (§§ 404-405). Степени сравнения прилагательных (§§ 406-411).</p>	
Глава XII. Местоимение (§§ 412-475)	195
<p>Особенности образования и склонения местоимений (§§ 412-413). Личные местоимения (включая возвратное) (§§ 414-421). Притяжательные местоимения (§§ 422-423). Местоимения указательные, относительные и вопросительно-неопределенные (§§ 424-474). Местоименные прилагательные (§ 475)</p>	
Глава XIII. Структура глагола (§§ 476-491)	219
<p>Развитие системы глагольного словоизменения (§§ 476-478). Наклонение (§ 479). Видовременная система (§§ 480-483). Залог (§§ 484-489). Способы образования глагольных форм (§ 490). Система латинского глагола (таблица) (§ 491).</p>	
Глава XIV. Система инфекта (§§ 492-617)	227
<p>Индоевропейские основы настоящего времени (§§ 492-494). Образование основ инфекта (§§ 495-526): 1 спряжение (§§ 496-503); 2 спряжение (§§ 504-511); 3 спряжение (§§ 512-521); 4 спряжение и тип <i>carib</i> (§§ 522-526). Личные окончания (§§ 527-543). Настоящее время изъявительного наклонения (<i>praesens indicativi</i>) (§§ 544-548). Повелительное наклонение настоящего и будущего времени (<i>imperativus praesentis et futuri</i>) (§§ 549-552).</p>	

Настоящее время субъюнктива (*praesēns subiūnctīvi*) (§§ 553-559). Прошедшее несовершенное время субъюнктива (*imperfectum subiūnctīvi*) §§ 560-561). Будущее I (*futūrum I*) 3 и 4 спряжений (§§ 562-563). Будущее I (*futūrum I*) 1 и 2 спряжений и прошедшее несовершенное изъявительного наклонения (*imperfectum indicātīvi*) (§§ 564-567). Именные формы основ инфекта (§§ 568-582): инфинитив (*infīnītīvus praesentis*) (§§ 568-572); причастие инфекта (*participium praesentis āctīvi*) (§§ 573-576); герундий (*gerundium*) и герундив (*gerundivum*) (§§ 577-582). «Неправильные» глаголы (§§ 583-613). Недостаточные глаголы (§§ 614-617).

Глава XV. Система перфекта (§§ 618-692)

276

Состав системы перфекта (§ 618). Образование основ перфекта (§§ 619-638). Образование времен и наклонений в системе активного перфекта (§§ 639-660): настоящее перфектное изъявительного наклонения (*perfectum indicātīvi*) (§§ 640-648); настоящее перфектное субъюнктива (*perfectum subiūnctīvi*), будущее перфектное (*futūrum II*), прошедшее перфектное изъявительного наклонения и субъюнктива (*plūsquamperfectum indicātīvi* и *subiūnctīvi*), перфектный инфинитив (*infīnītīvus perfecti*) (§§ 649-656). Краткие формы системы перфекта (§§ 657-660). Сигматические образования (§§ 661-664). Причастие перфекта (*participium perfecti*) (§§ 665-679). Описательные медиопассивные формы системы перфекта (§§ 680-683). Супин (*supīnum*) (§§ 684-687). Причастие и инфинитив будущего времени активных и отложительных глаголов (*participium futūri āctīvi*, *infīnītīvus futūri āctīvi*) (§§ 688-690). Инфинитив будущего времени страдательного залога (*infīnītīvus futūri passīvi*) (§§ 691-692).

Пропущенные разделы

I. Категории имени в латинском языке (§§ 693-738)

314

Род (*γένος*, *genus*) (§§ 693-698). Число (*ἀριθμός*, *numerus*) (§§ 699-704). Падеж (*πίπτως*, *cāsus*) (§§ 705-738): падежная система (§§ 705-708); именительный падеж (*ὀνομαστική*, *nōminātīvus*) (§ 709); звательный падеж (*κλητική*, *vocātīvus*) (§ 710); винительный падеж (*αἰτιατική*, *accūsātīvus*) (§ 711-718); родительный падеж (*γενική*, *genetīvus*) (§ 719-725); дательный падеж (*δοτική*, *datīvus*) (§ 726-730); отложительный падеж (*αἰχμαστική*, *ablātīvus*) (§ 731-738).

II. Элементы латинского словообразования (§§ 739-795)

352

Образование именных основ (§ 739). Суффиксальное образование имен (§§ 740-776). Морфологическая структура латинского слова (§§ 777-783). Словосложение (§§ 784-791). Глагольное словообразование (§ 791 а). Именное склонение (§§ 792-794). Местоименные образования, осложненные префиксами и послеложными словами (§ 795).

III. Неизменяемые слова (§§ 796-852)

380

Наречия (§§ 797-804): местоименные наречия (§799); отымен-

ные наречия (§§ 800-801); степени сравнения наречий (§ 802); отглагольные образования (§ 803); составные наречия (§ 804). Предлоги (§§ 805-809). Союзы (§§ 810-815). Частицы (§§ 816-823). Междометия (§§ 824-825).

IV. Числительные и примыкающие к ним счетные слова 396
(§§ 826-849)

Приложение

**И. М. Тронский. Общендоевропейское
языковое состояние (вопросы реконструкции)**

Введение	409
I. Реконструкция звукового строя	413
Ларингальная теория	413
К вопросу об общендоевропейском фонемном инвентаре	426
Гуттуральные	426
Глухие аспираты	436
Гласные	440
II. Реконструкция категорий именной и глагольной флексии	446
Категории именной флексии	446
К вопросу о категориях индоевропейской глагольной флексии	473
Послесловие	
Н. Н. Казанский, А. И. Солопов. Изучение исторической грамматики латинского языка на современном этапе	489
Индоевропейские языки и латинский язык (стр. 489). Языки древней Италии и латинский язык (стр. 492). Схема расселения племен на территории Апеннинского полуострова (стр. 495). Ларингальная теория и её значение для понимания классических языков (стр. 496). Глоттальная теория (стр. 505). Единство именных парадигм в праиндоевропейскую эпоху и развитие флексии в итальянских языках, в том числе вопрос о флексии генетива тематических основ (стр. 506). Имена числительные и их развитие в латинском языке (стр. 512). Глагольная система праиндоевропейского языка и её развитие. Реликтовый характер спряжения на -mī в латинском языке (стр. 512)	
Объяснение знаков	526
Объяснение сокращений	528
Важнейшие пособия, рекомендованные И. М. Тронским к "Исторической грамматике латинского языка"	531
Указатель к "Исторической грамматике латинского языка"	534

ОТ РЕДАКТОРА

Переиздавая книгу, написанную без малого полвека тому назад, невозможно не испытывать некоторого двойственного чувства. С одной стороны, переиздаётся учебник, ставший для целого ряда поколений отечественных филологов основным пособием по исторической грамматике латинского языка. С другой стороны, воспроизводится текст, в котором отсутствуют вопросы и решения, появившиеся за последние полстолетия. Из создавшегося противоречия выделялись только два выхода: переписать заново учебник Иосифа Моисеевича Тронского, или сделать необходимые уточнения к используемому материалу.

И. М. Тронский обладал замечательным даром ясно, в доступной форме и последовательно шаг за шагом излагать суть проблемы и пути к ее разрешению. Его формулировки сохраняются не только в виде письменного текста, но и в устной традиции преподавания филологических дисциплин.

Последнее обстоятельство стало решающим, так что предлагаемая публикация в полной мере ориентирована на текст, принадлежащий самому Иосифу Моисеевичу. Для этого из архивных материалов в настоящее издание были включены пропущенные главы и разделы, которые по недостатку места и вследствие протестов рецензентов учебника не попали в издание 1960 года. Тем самым до некоторой степени удалось восстановить полноту замысла «Исторической грамматики» так, как она выделялась самому И. М. Тронскому в начале пятидесятых годов. Во-вторых, было принято решение включить новую трактовку фактов латинского языка и прайндоевропейской реконструкции, по возможности ориентируясь на собственные формулировки И. М. Тронского. Поэтому в качестве приложения к «Исторической грамматике латинского языка» публикуется монография И. М. Тронского «Общеиндоевропейское языковое состояние», вышедшая отдельным изданием в 1967 году.

Благодаря использованию архивных материалов и Приложению удалось сохранить подлинный текст и авторские формулировки И. М. Тронского, проведя лишь техническую правку и почти не вмешиваясь в текст. Именно желание следовать авторской воле И. М. Тронского объясняет то, что в книге оставлены такие формы терминов, как «ротакизм» вместо привычного «ротацизм», хотя, по свидетельству учеников, сам И. М. Тронский говорил «ротацизм», а форма «ротакизм» восходит, скорее всего, к Якову Марковичу Боровскому, который был редактором первого издания «Исторической грамматики латинского языка». Эти и другие особенности (например, неукоснительное обозначение долгот в слове *pōtīnāīvūs* и других латинских грамматических терминах, приведённое последовательно по всему учебнику), внесённые Я. М. Боровским в текст рукописи, сохранены без изменений, так

как очевидно, что И. М. Тронский принял эту редакторскую правку. Сохранив авторский текст, пришлось отказаться от внесения в книгу целого ряда новых интерпретаций, вошедших в научный обиход в последнее время.

В первую очередь речь идёт об использовании ларингальной теории, без которой давно уже не обходится ни одна статья, посвящённая латинской этимологии. Этот пробел компенсирует соответствующая глава из книги «Общеиндоевропейское языковое состояние», в которой замечательно сформулированы и подробно отражены успехи ларингальной теории, достигнутые к концу 1960-х годов. Другие главы этой книги позволяют рассмотреть такие кардинальные для латинского языка категории, как падеж, число и др., с позиций общего языкознания, объединяющих системные теоретические взгляды на проблему с эволюцией категорий в рамках диахронической лингвистики.

Тем не менее, для современного уровня, обозначенного в истории латинского языка трудами Эндрю Зилера¹, Филиппа Бальди² и участников многочисленных конференций по латинской лингвистике, материалы которых едва ли не полностью отсутствуют в библиотеках России, данных, содержащихся в архиве И. М. Тронского, оказывается недостаточно. Именно поэтому решено было снабдить издание послесловием, в котором кратко изложены основные успехи исторического изучения латинского языка за последние двадцать лет. В этом же разделе, чтобы не вторгаться в текст И. М. Тронского с помощью многочисленных примечаний, помещена и современная библиография.

Для того чтобы не превращать послесловие в самостоятельную монографию, его авторам пришлось выделить по возможности короткий список «узловых» вопросов, решение которых было предложено в недавние годы и от понимания которых зависят общие взгляды на историю латинского языка, на становление его фонологической и морфологической системы, а также – на общую концепцию языковых изменений от праиндоевропейского периода до памятников классического латинского языка.

Среди этих «узловых» вопросов будут выделены следующие:

1. Индоевропейские языки и латинский язык.
2. Языки древней Италии и латинский язык.
3. Ларингальная теория и её значение для понимания классических языков.
4. Глоттальная теория.
5. Единство именных парадигм в праиндоевропейскую эпоху и развитие флексии в итальянских языках, в том числе вопрос о флексии генитива тематических основ.

¹ A. L. Sihler. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. New York; Oxford, 1995.

² P. Baldi. *The Foundations of Latin*. Berlin-New York, 1999.

6. Имена числительные и их развитие в латинском языке.

7. Глагольная система праиндоевропейского языка и её развитие. Реликтовый характер спряжения на *-tī* в латинском языке.

Естественно, охватить все спорные вопросы, связанные с развитием латинского языка, не представляется возможным, поэтому авторы неизбежно должны были упустить что-то важное в изложении.

Усилия работавших над подготовкой второго издания были в первую очередь направлены на то, чтобы дать читателю аутентичный текст И. М. Тронского по возможности без типографских искажений, которые закрались в первое издание.

Подготовка книги, совпавшая с 30-летием со дня смерти И. М. Тронского, объединила представителей разных поколений, от прямых учеников и сотрудников И. М. Тронского – к их числу относятся А. В. Грошева и Н. Н. Надель, долгие годы выполнявшая обязанности секретаря И. М. Тронского, – до недавних выпускников кафедры классической филологии СПбГУ (М. Л. Кисилиер), а также ученых Москвы (А. И. Солопов – МГУ). На всех этапах подготовки текста к печати компьютерное редактирование осуществляла Е. Р. Крючкова. Работе над неизданными частями труда способствовала любезная поддержка директора Санкт-Петербургского отделения Архива РАН В. С. Соболева. Издание готовилось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках сбора материалов для компьютерного тезауруса индоевропейских языков (грант 98-04-30008 а/и = РГНФ-INTAS № 627), а также – на последних этапах подготовки материалов к изданию – с использованием гранта "Школа сравнительно-исторического языкознания академика В. М. Жирмунского" (руководители Л. А. Вербицкая, Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский) от Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ).

Н. Н. Казанский

ИОСИФ МОИСЕЕВИЧ ТРОНСКИЙ

Подготовка этой книги к изданию завершалась как раз в тридцатую годовщину со дня смерти Иосифа Моисеевича Тронского. За это время появились новые поколения исследователей, которые по-прежнему воспитываются на его научном наследии.

И. М. Тронский родился 28 мая 1897 г. в Одессе в семье учителя начальной школы. Его отец был почетным гражданином Одессы. К моменту окончания гимназии, 14 мая 1915 года педагогическое совещание Одесского учебного округа приняло постановление "оказать всевозможное содействие к тому", чтобы Иосиф Троцкий¹ был принят в Новороссийский университет.

Годы учения на историко-филологическом факультете Новороссийского университета во многом определили разносторонность интересов И. М. Тронского: история античной литературы, история языка и общества, проблемы развития общественной и религиозной мысли. Среди его наставников в первую очередь следует назвать имя профессора Б. В. Варнеке, крупного исследователя истории античного театра, чья жизнь закончилась в тюремной больнице в 1944 году². Наряду с занятиями у Б. В. Варнеке в студенческие годы И. М. Тронский слушал курс сравнительной грамматики индоевропейских языков и санскрита у А. И. Томсона, занимался у профессоров С. Д. Пападимитриу и М. И. Мандеса. В 1918 году И. М. Тронский был удостоен золотой медали за сочинение "Цицерон об искусстве".

По окончании университета И. М. Тронский был оставлен при кафедре римской словесности для приготовления к профессорскому званию. Через два года И. М. Тронский совмещал уже преподавание в университете с работой библиотекарем и историко-библиографическими исследованиями. В это же время была опубликована его первая работа, посвященная Сафо.

После смерти отца И. М. Тронский вместе с матерью и младшим братом Исааком Моисеевичем Троцким переехал в Петроград и в следующем году выдержал испытания в объеме магистерских в Научно-исследовательском институте Сравнительной истории литератур и языка (ИЛЯЗВ). С 1924 года И. М. Тронский начал работать в Российской Публичной библиотеке.³

В начале 30-х годов И. М. Тронский преподает античную литературу и ведет занятия по чтению римских писателей и по проблемам

¹ И. М. Троцкий сменил свою фамилию на фамилию Тронский в 1938 г.

² И. В. Тункина. Борис Васильевич Варнеке: страницы биографии // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 1998. С. 441-452.

³ Связи И. М. Тронского с Публичной библиотекой подробно изложены в статье: Л. Б. Вольфун. Иосиф Моисеевич Тронский и Публичная библиотека (материалы к биографии) // Классические языки и индоевропейское языкознание. Сборник статей по материалам Чтений, посвященных 100-летию со дня рождения профессора И. М. Тронского. СПб., 1998. С. 24-33.

латинского синтаксиса на возрожденной кафедре классической филологии ЛГУ. В эти же годы И. М. Тронский принимает участие в редактировании раздела, посвященного языку, в издании "Античные теории языка и стиля", пишет комментарии к Илиаде и "Одиссее", работает над проблемами античной литературной теории.

Можно думать, что напряженная научная работа для И. М. Тронского в те годы служила также и спасительной отдушиной. В 1936 году был арестован младший брат И. М. Тронского Исаак Моисеевич, из лагеря уже не вернувшийся.

В конце 30-х годов по совокупности трудов И. М. Тронскому была присвоена ученая степень кандидата филологических наук, а защита докторской диссертации проходила уже в блокадном Ленинграде. Эта диссертация ныне известна всем филологам как "История античной литературы" И. М. Тронского. Выдержавшая четыре издания и переведенная на целый ряд языков, она до сих пор служит одним из основных пособий для университетского преподавания. Как заметила Н. А. Чистякова, И. М. Тронский использовал социологический подход и теорию стадийности как "основу этого учебника в качестве методологического принципа". И. М. Тронский серьезно воспринимал марксистскую теорию культурной эволюции и искал ее обоснование (см. Л.Я.Гинзбург. О старом и новом. Л., 1982, с. 363)".

Военные годы И. М. Тронский провел в Саратове, куда был эвакуирован Ленинградский университет. После возвращения в Ленинград в 1945 году он работает на кафедре классической филологии, в Институте языка и мышления (с 1950 г. – ЛО Института языкознания АН СССР, с 1992 г. – Институт лингвистических исследований РАН).

Снятие запретов на занятие компаративистикой открыло для И. М. Тронского возможность возвратиться к традиционной индоевропеистике⁴ и приступить к созданию истории латинского языка. В 1953 году И. М. Тронский публикует "Очерки из истории латинского языка", привлекая для описания развития и истории латинского языка широкий круг фактов других италийских языков. Следующая часть этого масштабного труда, посвященного латинскому языку, "Историческая грамматика латинского языка" (которая публикуется в данном томе), фактически создавалась одновременно с "Очерками", но описывала уже внутреннюю историю латинского языка – становление латинской языковой системы. Данное исследование нашло свое продолжение в книге "Общеиндоевропейское языковое состояние", в которой И. М. Тронский сделал попытку рассмотреть не только спорные вопросы индоевропеистики, но и восстановить набор категорий праиндоевропейского языка, на фоне которых изменения, происходившие в латинском языке, выглядят рельефнее и наполняются внут-

⁴ И. М. Тронский. «К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании», УЗЛГУ. Серия филол. наук, вып. 15, 1952, стр. 5—27.

ренным смыслом. Между этими двумя книгами И. М. Тронский опубликовал исследование, посвященное древнегреческому ударению, а в последние годы работал над монографией "Вопросы языкового развития в античном обществе", которая по замыслу И. М. Тронского должна была объединять древнегреческую и латинскую традиции.

70-летний юбилей И. М. Тронского был торжественно отмечен в ЛО Института языкознания. Я. М. Боровский преподнес юбиляру следующее поздравление:

Iacobi Borovskij

AD IOSEPHUM TRONSKIUM SEPTUAGENARIUM

Quanto labitur impetu
Arctoe glacies rigor,
Quem per frigida saecula
Alta nix cumulauit,

Viua mortua perterens
Caeco pondere nec sibi
Quicquam commemorabile
Sinens pone manere,

Tanto momine fertur
Fugax temporis amnis
Quicquid uenerit obuiam
Deorare paratus.

Vna res tamen est truci
Quae succumbere flumini
Denegat mediis potens
Edurare procellis

Celso numine concita
Docta mens generat sibi
Inter ardua perpetem
Prolem morte carentem.

Illi candida Musa
Tollit nomen honore
Qui palmaria posteris
Largus dona reliquit.

Haec Iosephe tua est quoque
Virtus saepius edita
Fructu cum uenerabili
Per decennia septem,

Pergas lumina litteris
Fundere atque benignius
Exornes amarantino
Tuam flore coronam.

Omnes rite precamur
Annorum ut uice multa
Munere hac liceat tibi
Exercere senectam.

Плодотворная и разносторонняя работа И. М. Тронского оборвалась вскоре после 70-летнего юбилея. Как писала А. В. Десницкая, "теоретический размах творческих замыслов И. М. Тронского нарастал с каждой новой книгой"⁵. Сочетание замечательной глубины осмысления конкретного материала с широким теоретическим видением проблематики представляет собой характерную черту научных трудов И. М. Тронского, обеспечивая его творческому наследию постоянную востребованность у все новых и новых поколений филологов.

Работы И. М. Тронского широко известны во всем мире.⁶ Полная библиография его трудов была подготовлена Н. А. Чистяковой и В. Н. Ярхо⁷, а в Италии – Эмилио Перуцци⁸ для публикации в сборнике, посвященном памяти И. М. Тронского. Не случайно первый сборник памяти И. М. Тронского появился именно в Италии. Альфонсо Траина, подготовивший его в 1975 году, включил перевод большого раздела из книги "Очерки из истории латинского языка" в стандартное для итальянских университетов пособие по истории латинского языка.⁹

Начиная с 1971 года в ЛО Института языкознания (ныне Институт лингвистических исследований РАН), в Москве¹⁰ и во Львове¹¹ неоднократно проводились заседания, посвященные памяти профессора И. М. Тронского. После проведения юбилейной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. М. Тронского, Чтения его памяти стали в ИЛИ РАН ежегодными.¹²

⁵ А. В. Десницкая. Послесловие // И. М. Тронский. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 197

⁶ I. Borovskij. URSS. De philologia classica// La filologia Greca e Latina nel secolo XX. Atti del Congresso Internazionale. Vol. II. Pisa, 1985. P.793-794.

⁷ Н. А. Чистякова, В. Н. Ярхо. Иосиф Моисеевич Тронский [некролог] // ВДИ, 1971. № 2. С. 162-166.

⁸ Quaderni dell'Istituto di Filologia Latina. 4. I memoria di I. M. Tronskij. Bologna, 1976.

⁹ La formazione della lingua litteraria latina// F. Stolz, A. Debrunner, W.P. Schmid. Storia della lingua latina/ A cura di A. Traina. Bologna, 1968. P. 145-194 (третье издание 1973 г.)

¹⁰ См., например, Г. П. Чистяков. Заседание памяти И. М. Тронского МГПИИЯ им. М. Горького // ВДИ, 1978. № 3. С. 225-226.

¹¹ В. Н. Ярхо. Научный путь И. М. Тронского // Іноземна філологія. Випуск 32. Питання класичної філології. Львів, 1973. С. 3-9.

¹² Материалы Чтений публикуются в виде отдельных выпусков, а информация регулярно представляется в журнал Петербургского лингвистического общества: Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы Чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского (I-IV). СПб., 1997-2000. См. также журнал "Язык и речевая деятельность" (ЯРД), №№ 1-3. СПб., 1998-2000.

И. М. Тронский

**Историческая
грамматика
латинского
языка**

Допущено

*Министерством высшего образования
в качестве учебника для университетов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача настоящей книги – подвести учащихся к пониманию закономерностей истории латинского языка в аспекте развития его фонетической и морфологической системы. Филолог-классик – непосредственный адресат этого учебника. Поскольку этот читатель в первую очередь заинтересован в историческом анализе структуры латинского языка классической эпохи и предшествующего ей архаического периода, основное содержание книги составляют вопросы происхождения и развития «архаической» и «классической» латыни. Однако и позднейшее языковое развитие в той мере, в какой оно происходило еще в рамках единой латыни, не оставлено без внимания, и важнейшие фонетические закономерности предроманского периода намечены в заключительных разделах глав, посвященных истории латинских гласных и согласных звуков.

Вопрос о распределении материала по «аспектам» или по периодам истории языка является, как известно, весьма спорным. В пользу и того и другого способа изложения можно было бы привести серьезные теоретические и практические доводы. Однако «классическая» латынь имеет лишь очень короткую предысторию, документируемую письменными памятниками архаического периода (III–II вв. до н. э.). Основные особенности фонетического и морфологического строя классической латыни сложились почти в окончательном виде уже к началу архаического периода, и исторические процессы, рассматриваемые в этой книге, относятся, главным образом, к эпохе, предшествующей письменным памятникам, и восстанавливаются на основе сравнительно-исторического метода и анализа противоречий исторической структуры языка. В этих условиях изложение историко-грамматического материала по периодам было бы нецелесообразно, и я ограничился тем, что предпослал историко-фонетической и историко-морфологической части главу, содержащую краткий обзор истории латинского языка по периодам его развития. Более подробные сведения по этим вопросам читатель найдет в моих «Очерках из истории латинского языка», М.-Л. 1953.

Некоторые разделы курса не могли быть изложены без привлечения материала сравнительной грамматики индоевропейских язы-

ков. Это тем более являлось необходимым в данном учебнике, что он предназначен для студентов-классиков, одновременно специализирующихся по греческому языку и заинтересованных в сравнительно-историческом сопоставлении античных языков. Учебник открывается поэтому небольшой главой, посвященной фонетической и морфологической характеристике реконструируемого сравнительно-историческим методом общиндоевропейского языкового состояния, разумеется, без подробностей, парадигм и т. п.; исключение сделано лишь для вопроса об индоевропейском чередовании гласных (§§ 13 — 17), которое оставило в латинском языке ряд следов и нуждалось в систематическом изложении. Сравнительно-исторический материал преобладает также и во II главе, где дается характеристика общеталийского языкового состояния, являющегося исходным пунктом для истории латинского языка на путях его самостоятельного развития.

При отсутствии у нас справочных пособий историко-лингвистического характера для латинского языка я не считал возможным ограничиться “учебным” материалом в строгом смысле слова. Отсюда — широкое применение петита для подробностей, которые не должны служить предметом лекционного изложения или экзаменационных требований, но окажутся полезными как справочный материал при чтении архаических и даже классических текстов. Полным реперторием фонетико-морфологических особенностей архаической латыни эта книга, однако, не является, и ставить себе подобную задачу было бы невозможно при небольшом ее объеме. По этой же причине я ограничился наиболее важными для учащегося разделами, фонетикой и флексией, и опустил вопросы словообразования и употребления именных и глагольных форм, входившие в первоначальный замысел книги.

И. Тронский.

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ

§ 1. Индоевропейская семья языков включает в себя ряд языковых групп ("ветвей"), из которых наиболее полно известны и представлены поныне существующими языками десять ветвей¹.

1) Индийские языки. Древнейший период их развития представлен древнеиндийским языком (или санскритом). Наиболее архаическая фаза его сохранена в Ведах, сборниках древнеиндийских религиозных гимнов и изречений. Самый ранний из этих сборников, Ригведа, содержит материалы, восходящие к середине второго тысячелетия до н. э. В настоящее время эта ветвь представлена многочисленными новоиндийскими языками — хинди, бенгали, пенджаби и др.

2) Иранские языки. От древнеиранского периода сохранились два письменных языка: древнеперсидский, на котором составлены надписи персидских царей из династии Ахеменидов, Дария I (522 — 486 гг. до н.э.) и его преемников, и авестийский — язык Авесты, основного памятника древнеиранской религии.

Древнейшую часть Авесты составляют гаты (гимны); они восходят к первой половине первого тысячелетия до н. э.

Современные иранские языки: новоперсидский (тексты с IX в. н. э.), таджикский, курдский, афганский, осетинский и др.

3) Армянский язык. Литературные памятники с V в. н. э.

4) Славянские языки. Древнейший литературный язык — старославянский (или "древнецерковнославянский"), на который в IX в. н. э. Кирилл и Мефодий перевели христианские богослужебные книги.

Современные славянские языки: русский, украинский, белорусский, польский, чешский, болгарский, сербский и др.

5) Балтийские языки представлены в настоящее время литовским и латышским, письменные памятники которых восходят к XVI в.; от замершего в XVII в. древнепрусского языка остались некоторые тексты.

6) Албанский язык — древнейшие письменные памятники относятся к XV в.

7) Греческий язык, древнейшими письменными памятниками которого являются крито-микенские надписи XV — XIII вв. до н. э. и гомеровские поэмы, в древности распадался на ряд диа-

¹ В настоящем кратком обзоре состава индоевропейской языковой семьи мы ограничиваемся указанием на древнейшие памятники каждой языковой ветви и на ее основных современных представителей. Более подробные сведения см. в книгах: А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. — Л. 1938; А. В. Десницкая. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М. — Л. 1955. — а также в любом курсе введения в языкознание.

лектов (ионийско-аттическая группа, аркадо-кипрская, эолийская, западная, охватывавшая северо-западные говоры и дорийские). В эллинистическую эпоху эти диалекты уступили место общегреческому языку (κοινή), от которого происходит современный новогреческий.

8) Германские языки, древнейшее состояние которых зафиксировано скандинавскими и руническими надписями III — IV вв. н. э. (“руны” — письмена древних германцев) и готским языком, на который епископ Вульфила перевел в IV в. н. э. некоторые части Библии.

Современные германские языки: немецкий, голландский, английский, исландский, норвежский, датский, шведский и др.

9) Итальянские языки распались на латино-фалисскую и оско-умбрскую группу, о чем подробнее см. в следующей главе (§§ 22 — 46).

Современными представителями этой ветви языков являются романские языки, возникшие на основе латинского языка (§ 56): итальянский, испанский, португальский, французский, румынский и др.

10) Кельтские языки. Эта ветвь индоевропейских языков, территория распространения которой по средней и южной Европе некогда была весьма значительной, ныне представлена сравнительно немногочисленными остатками. Живые кельтские языки все относятся к островной группе; наиболее древние тексты — на ирландском языке (с V в. н. э.) и на валлийском или кимрском языке в современном Уэльсе (с IX в. н. э.). Континентальный кельтский, или галльский, язык известен лишь на основании немногочисленных коротких надписей, к которым присоединяются имена собственные, личные, племенные, географические, а также отдельные слова, сообщаемые античными писателями.

§ 2. Наряду с перечисленными живыми ветвями индоевропейской семьи языков, в древности существовали и другие ветви, впоследствии замершие, но сохранные в письменных памятниках. Некоторые из них стали известны лишь сравнительно недавно, уже в XX веке.

Так, в 1904 году в Западном Китае были найдены тексты VI — VII вв. н. э., написанные на двух разновидностях дотоле неизвестного индоевропейского языка. Язык этот, находившийся на крайнем востоке древней территории распространения индоевропейской речи, получил условное наименование тохарского (А и В).

В 1915 г. чешскому ученому Б. Грозному удалось разобрать клинописные таблички архива хеттских царей в Богазкее (М. Азия). Работами Грозного и других исследователей установлено, что в хеттских памятниках, клинописных и иероглифических, отражено несколько языков, среди которых неситский, лувийский, палайский и

так называемый “иероглифический хеттский” являются индоевропейскими. Из всех этих языков наиболее полно документирован неситский, и когда при сравнительно-историческом изучении индоевропейских языков говорят о “хеттском”, обычно имеют в виду именно неситский. Хеттские документы относятся к 1900 — 1200 гг. до н. э., и древнейшие из них являются наиболее ранними памятниками, оставшимися от какого-либо индоевропейского языка.

Как хеттский, так и тохарский имеют черты, особо сближающие их с италийскими.

Чтобы привести несколько примеров, отметим такие хеттские формы, как *kuiš* ‘кто’, лат. *quis*; *kuit* ‘что’, лат. *quid*; тохарские: *wānt* ‘ветер’, лат. *ventus*; *postam* ‘после’, лат. *post*.

§ 3. От некоторых групп индоевропейских языков сохранились лишь самые незначительные остатки.

Таковы, например, иллирийские языки, имевшие довольно широкую область распространения по обе стороны Адриатического моря и к северу от него и оставившие немалые следы в ономастике (личных именах) и топонимике (географических названиях) Греции и Италии. Единственные несомненные тексты на языке этой ветви — мессапские надписи в Калабрии и Апулии.

Плохо известны также фрако-фригийские языки; фракийские тексты совершенно единичны, от фригийского имеется небольшое количество надписей VIII — VI вв. до н. э. (“древнефригийский”), а затем уже III — IV вв. н. э. (“новофригийский”).

С фрако-фригийской группой, — а по мнению других исследователей, с иллирийской, — связан, вероятно, современный албанский язык (§ 1, п. 6).

Не в полной мере укладываются в известные нам группировки языки вентов илигуров.

По мнению некоторых исследователей такие языки М. Азии, как лидийский и ликийский, также принадлежат к индоевропейской семье.

Нет ничего невероятного в предположении, что некоторые ветви индоевропейской языковой семьи полностью вымерли, не оставив никаких письменных документов. С другой стороны, вполне возможно, что с открытием новых материалов, с дешифровкой неразобранных еще письмен, обнаружатся новые, в настоящее время еще неизвестные представители индоевропейской семьи и даже новые ее ветви.

§ 4. Картина соотношений между индоевропейскими языками, развернутая в предшествующих параграфах, получена на основании сравнительно-исторического изучения их, установившего родство индоевропейских языков. Родство это обнаруживается как в основном словарном составе, так и в грамматическом инвентаре, в средствах словообразования и словоизменения.

§ 5. Так, в основном словарном составе любого индоевропейского языка имеется значительное количество слов и корней, общих не только с другими языками соответствующей ветви, но и с рядом других ветвей.

Для иллюстрации этого положения о лексической общности индоевропейских языков приведем несколько примеров лексических единиц, широко распространенных по разным ветвям.

1) Глагол со значением ‘брать, нести’: д.-и. *bhárati* (3 л. ед. ч. наст. вр.), др.-ир. (авест.) *baraiti*, арм. *berem* (1 л.), ст.-сл. *берж* (ср. время), лит. *beriu* ‘сыплю’, алб. *bjer* (пов. накл.), греч. *φέρω*, гот. *baigan* (инф.), лат. *ferō*, др.-ирл. *biru*, тох. *pär-*, фриг. *abberet* ‘принес’, месс. *ta-beran*. Не засвидетельствован глагол только в хеттском, может быть, из-за недостаточности известного нам материала.

Общим для разных ветвей является не только наличие самого этого глагола, но и ряд характерных частных. В спряжении латинского глагола *ferō* чередуются, как известно, тематические формы (*ferō, ferimus, ferunt*) с атематическими (*fer-s, fer-t, fer-tis*), см. § 612. С наличием атематических форм рядом с обычными тематическими мы встречаемся и в др.-индийском и греческом: д.-и. вед. 3 л. ед. ч. *bhárti*, греч. гом. *φέρτε*. Словообразовательным лат. дублетам *ferculum* ‘носилки, поднос’ и *fericulum* с односложной и двусложной формой корня соответствуют в греческом языке *φέρτρον* и гом. *φέρτρον*. Далее, глагол этот обозначал длительное действие, не имел ни аориста, ни перфекта, поэтому в ряде языков появились “пополняющие” его (так. наз. “супплетивные”) формы, образованные от другого корня: лат. *ferō — tulī*, греч. *φέρω — ἔνευον*, русск. беру — взял.

2) Глагол ‘быть’ в 3 л. ед. ч. наст. вр.: д.-и. *ásti*, др.-ир. *asti*, арм. *ē*, ст.-сл. *кстъ*, лит. *ēsti*, алб. *ešte*, греч. *ἔστι*, гот. *ist*, лат. *est*, др.-ирл. *is*, тох. *B ste*, хет. *ešzi*, вен. *est*.

Характерное чередование форм корня в 3 л. ед. ч. *es-t* — в 3 л. мн. ч. *sunt* (с гласным и без него) мы находим также и в старославянском *кс-тъ* — *с-жтъ*, древнеиндийском *ás-ti* — *s-ánti*, готском *is-t* — *s-ind*, греч. *ἔσ-τι* — дор. *ἐντι* (<*σ-εντι).

Также и этот глагол, не образывавший аориста, нуждался в супплетивных формах, которые и образывались от корня **bhū-* (лат. перфект *fū-*, ст.-сл. *бы-* и т. д.) повсюду, кроме армянского и греческого, где этот корень сохранил конкретное значение ‘расти’, напр., греч. *ἔ-φῶ*.

3) Существительное ‘мать’: д.-и. *mātā* (основа *mātār-*), др.-ир. (авест.) *mātar-*, арм. *mayr*, ст.-сл. *мачи* (род. п. *матере*), лит. *mótė* ‘замужняя женщина’, род. п. *motėrs*, алб. *motre* ‘сестра’, греч. дор. *μᾶττηρ*, древневерхненем. *muoter*, лат. *māter*, др.-ирл. *máthúr*, тох. *mātar*.

4) Прилагательное ‘новый’: д.-и. *pávaṅ*, др.-ир. (авест.) *pava-*, арм. *por*, ст.-сл. *новъ*, ст.-лит. *navas*, греч. *νέ(F)ος*, гот. *niujis*, лат. *novus*, ирл. *núe*, хет. *pevas*.

5) Числительное ‘сто’: д.-и. *śatám*, др.-ир. (авест.) *satəm*, ст.-сл.

сѣто, лит. šimtas, греч. ἑκατόν, гот. hund, лат. centum, галл. canton, тох. kānt (хеттское слово неизвестно, в албанском заимствование из латинского kint, происхождение арм. hariur не выяснено).

В дальнейшем изложении читатель найдет много других примеров.

§ 6. Индоевропейские слова (или корни), дифференцируясь по разным ветвям и языкам в процессе их исторического развития, принимали различный звуковой облик. Поскольку развитие звукового строя каждого языка происходит закономерно, в родственных языках устанавливаются закономерные звуковые соответствия между словами (или корнями), унаследованными от языка-предка.

Рассмотрим корень глагола в первом примере параграфа 5 (лат. ferō и т. д.). Он почти всюду состоит из трех звуков: за начальным губным согласным следует гласный, затем сонант r. Сопоставление этих звуков приводит к следующим формулам соответствия:¹

(1) в начальном положении: д.-и. bh, греч. ф, лат. f, ст.-сл. в и т. д.;

(2) д.-и. а, греч. ε, лат. e, ст.-сл. е и т. д.;

(3) д.-и. r, греч. ρ, лат. r, ст.-сл. р и т. д.

Соответствия эти регулярно повторяются и могут быть прослежены на ряде слов.

В определенных позиционных условиях соответствия могут видоизменяться. Так, во втором примере параграфа 5 обнаруживается соответствие (2^a) д.-и. а, греч. ε, лат. e, ст.-сл. ю; это имеет место в начальном положении, где в славянских языках перед е- развивается йот.

Там же в четвертом примере находим:

(2^b) д.-и. а, греч. ε, лат. o, ст.-сл. о; такое соответствие возникает в положении сопоставляемого гласного перед v.

Следует различать, поэтому, соответствия основные и лишь позиционно обусловленные, нередко возникающие уже сравнительно поздно, в процессе развития отдельных языков.

За каждым соответствием лежит некий звук (а в некоторых случаях и сочетание звуков) языка-основы. Сравнительное языкознание восстанавливает эти звуки гипотетически, с большей или меньшей степенью достоверности. За соответствием (1) предполагается *bh (звонкий придыхательный), за (2) *e, за (3) *r. В связи с этим формулы (1), (2), (3) приобретают следующий вид:

(1) и.-е. *bh-: д.-и. bh-, греч. ф-, лат. f-, ст.-сл. в- и т. д.;

(2) и.-е. *e: д.-и. а, греч. ε, лат. e, ст.-сл. е и т. д.;

(3) и.-е. *r: д.-и. r, греч. ρ, лат. r, ст.-сл. р и т. д.

Общеиндоевропейские слова, взятые в качестве примеров в § 5,

¹ Здесь, как и во всем дальнейшем изложении, мы ограничиваем сравнительный внелатинский материал, привлекаемый для сопоставления с латынью, тремя языками — древнеиндийским, греческим и старославянским; другие языки будут привлекаться лишь при специальной надобности.

восстанавливаются в форме: 1) *bherō (1 л. ед. ч. наст. вр.), 2) *esti, 3) *mātēr, 4) *nevos, 5) *kmtom.

О формулах звукового соответствия, связывающих латинский язык с другими индоевропейскими языками, см. подробнее в § 10.

Само собой разумеется, что формулы звуковых соответствий распространяются не только на корневую часть слова, но и на грамматические морфемы, как-то: приставки, суффиксы и т. п.

§ 7. Одним из важнейших признаков родства языков служит первичное единство их грамматического строя.

Рассматривая грамматический строй различных индоевропейских языков, мы обнаруживаем тем большую близость между ними, чем более мы углубляемся в их историю. Современные французский, или английский, или персидский языки по своему грамматическому строю гораздо больше отличаются от современного русского языка, чем это имело место в древних языках соответствующих ветвей — в латинском, готском и авестийском — по отношению к старославянскому. В самих древних индоевропейских языках сохраняются многочисленные следы еще более значительной общности их в прошлом. В любом из этих древних языков имеется ряд явлений, которые представляются внутри данного языка непонятными “аномалиями”, но раскрываются при сопоставлении с другими языками как остатки прошлого, лучше сохраненного в других языках. Латинская форма субъюнктива (конъюнктива) *siem*, позднее *sim*, может быть разъяснена лишь при учете того, что в латинском субъюнктиве слились, по функции и по форме, два прежде самостоятельных наклонения, конъюнктив и опатив, раздельно сохранившиеся в греческом и древнеиндийском (ведическом) языке, и что показателем опатива был суффикс *-jē- в единственном числе актива (ср. греч. ε-ἴη-ν), *-ī- в других формах (греч. ε-ἴ-μεν); ср. §§ 555 и 586. С такого рода явлениями мы неоднократно будем встречаться в дальнейшем изложении.

Первичное единство грамматического строя индоевропейских языков обнаруживается в структуре предложения, в системе частей речи, в способах словообразования, в категориях и средствах именного, местоименного и глагольного словоизменения. Типологическое единство грамматической структуры сопровождается материальным единством применяемых при этом грамматических средств, как-то: словообразовательных суффиксов, окончаний склонения и спряжения.

В четвертом примере параграфа 5 единым является не только корневой элемент слова, но и конечный, обнаруживающийся в д.-и. *pávañ*, греч. *vé(F)ος*, лат. *novos* > *novus*, ст.-сл. *новъ*, согласно формуле звукового соответствия: и.-е. *-os: д.-и. -añ, греч. -ος, лат.

-os > -us, ст.-сл. -ъ. Этот элемент составлен из конечного гласного основы -o- и окончания имен. п. ед. ч. несреднего рода -s и является показателем именительного падежа единственного числа несреднего рода основ на -o-.

Во втором примере параграфа 5 выявляется единство окончания 3 л. ед. ч. наст. вр. действительного залога: д.-и. -ti, греч. -τι, лат. -t и т. д.; ст.-сл. -тъ представляет собой уже некоторое отклонение, так как точным соответствием приведенным выше окончаниям было бы -ть; причину такого отклонения надлежит искать в процессах морфологического развития старославянского языка.

Единство словоизменения является одним из решающих аргументов при установлении общности происхождения языков. Словоизменение — наименее “проницаемая” часть языковой структуры, наименее подверженная воздействиям со стороны других языков. При контакте языков из одного языка в другой могут проникать слова, даже словообразовательные элементы (например, в русском языке суффикс -изм), но ни один язык никогда не заимствует у другого систему падежных или личных окончаний. Единство таких систем не может быть результатом “скрещивания” языков, оно свидетельствует о единстве происхождения.¹

§ 8. Сравнение родственных языков позволяет установить перспективу их развития в период, предшествующий исторически засвидетельствованным фактам языков, указывает на место этих фактов в историческом развитии языков. Такова цель сравнительно-исторического изучения языков.

В достижении этой цели значительную роль играет методический прием сравнительно-исторической реконструкции. Когда исследование показывает, что слова, морфемы, звуки и т. д. родственных языков имеют общее происхождение и представляют собой возникшие в историческом развитии отдельных ветвей и языков исторические варианты одного и того же слова, морфемы, звука, — стараются восстановить “архетип” этих языковых фактов, т. е. ту исходную форму, которую эти факты имели перед своим разветвлением.

Мы видели, что на основе формул звукового соответствия восстанавливаются те звуки, относительно которых с наибольшим вероятием можно предположить, что они лежат в основе данного соответствия (§ 6). Двигаясь в этом направлении дальше, можно восстанавливать слова, формы их изменения, целые парадигмы склонения и спряжения.

Восстановление неизбежно включает в себе известный эле-

¹ См. А. В. Десницкая. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М. — Л. 1955.

мент гипотезы, оно не может претендовать на полную точность — например, в отношении фонетической характеристики восстанавливаемых звуков, — но, при наличии достаточного материала для сравнения и при строгой методике исследования, учитывающей различную степень достоверности отдельных выводов, сравнительно-историческая реконструкция приводит к научно значимому результату.

История изучения индоевропейских языков знает много случаев, когда появление новых, ранее неизвестных материалов обнаруживало правильность восстановлений, производившихся на основе сравнительно-исторического метода. В частности, открытие в XX в. тохарского и хеттского языков (§ 2) внесло ряд поправок, дополнений и углублений в сравнительно-историческую реконструкцию индоевропейских языков, но в целом не опровергло, а подтвердило ее.

Сумму реконструируемых фактов общего прошлого индоевропейских языков можно условно назвать *общее индоевропейским языковым состоянием*, памятуя, однако, что речь не идет о конкретном языковом состоянии какой-либо определенной эпохи, и что не все восстанавливаемые нами факты обязательно относятся к одному и тому же времени.

Изучение пути, приведшего от общеиндоевропейского языкового состояния к историческому состоянию отдельных языков, обычно облегчается наличием промежуточного этапа в виде *общего прошлого отдельной ветви*, уже отошедшей от общеиндоевропейского состояния. Примерами таких этапов являются общеславянское, общегерманское, общеталийское языковое состояние и т. д. Общее прошлое ветвей восстанавливается тем же сравнительно-историческим методом. Поскольку общее прошлое отдельных ветвей значительно менее удалено от исторически засвидетельствованных языков, чем их общеиндоевропейское прошлое, и сопоставляемые при этом языки находятся в гораздо более близких родственных отношениях между собой, применение сравнительно-исторического метода приводит здесь, — при условии наличия достаточного материала для сравнения, — к более точным результатам, и реконструкция, например, общеславянского языкового прошлого ближе воспроизводит конкретное состояние некоего определенного периода, чем это возможно сделать по отношению к индоевропейским языкам в целом.

§ 9. Всестороннее и последовательное рассмотрение общеиндоевропейского языкового строя составляет содержание особой научной дисциплины — сравнительной грамматики индоевропейских языков¹ и не может входить в задачи курса исторической грамматики латинского языка. В §§ 10 — 20 будут рассмотрены

¹ См., например, А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. — Л. 1938.

лишь некоторые черты этого языкового строя, предварительное знакомство с которыми необходимо для нашего дальнейшего изложения. Ряд дополнительных данных читатель найдет в отдельных разделах исторической морфологии.

§ 10.

ТАБЛИЦА

основных соответствий между общеиндоевропейским звуковым состоянием и звуками латинского, греческого, древнеиндийского и старославянского языков

и.-с.	лат.	греч.	д.-и.	ст.-сл.
*e	ē (ē, ī)	ε	ǣ	є (о, ъ)
*ē	ē	η	ā	ѣ (и, а)
*a	ā	ᾶ	ā	о
*ā	ā	ᾱ, η	ā	а
*o	ō (ū)	ο	ǫ (ā)	(ε, ъ, ъ)
*ō	ō	ω	ā	а (ы)
*i	ī (ē)	ι	ī	ь
*ī	ī	ι	ī	и
*j	j [в письме i]	ι (ζ)	y [= j]	ѣ [= j]
*u	ū	υ	ū	ъ
*ū	ū	υ	ū	ы
*y	y [в позднейшем письме v]	Ϝ	v	в
*o ¹	ā	ᾶ, ε, ο	ī	о
*o ²	ā	ι (υ)	ā	ь (ъ)
*ei ³	ei > ī	ει	ē	и
*ai ³	ai > ae	αι	ē	ѣ (и)
*oi ³	oi > ū, oe	οι	ē	ѣ, и
*eu ³	eu > ū	ευ	ō	ю
*au ³	au	αυ	ō	оу
*ou ³	ou > ū	ου	ō	оу
*r	r	ρ	r	р

и.-с.	лат.	греч.	д.-и.	ст.-сл.
*ɣ	ōr (ūr)	ρα, αρ; эол. ро, ор	ɾ	рЪ, рЬ
перед глас- ным [*ɔɾ]	ār	αρ, ур	ir, ur	Ър, Ър
*ȝ	rā	ρω, ρη, ρᾱ (αρα)	īr, ūr	рЪ, рЬ
*l	l	λ	ɾ (l)	л
*j	ōl	αλ, λα	ɾ	лЪ, лЪ
перед глас- ным [*ɔl]	āl	αλ	ir, ur, ul	Ъл, Ъл
*j̄	lā	λω, λη, λᾱ (αλα)	īr, ūr	лЪ, лЪ
*m	m	μ (-ν)	m	м
*m̄	ēm	α	ā	м (Ъ, Ъ)
перед глас- ным. j, u [*ɔm]	ām (īm)	αμ	am	Ъм, Ъм
m̄		μα (αμα)	ām	м
*n	n	ν	n	н
*n̄	ēn	α	ā	м (Ъ, Ъ)
перед глас- ным. j, u [*ɔn]	ān, īn	αν	an	Ън, Ън
*ñ	nā	να (ανα)	ā, ān	м
*s	s [между глас- ными r]	σ ('-)	s (š)	с (χ, ш)
*p	p	π	p	п
*b	b	β	b	б
*bh	f-, -b-	φ	bh	б
*t	t	τ (σ)	t	т
*d	d	δ	d	д
*dh	f-, -d- -b- [рядом с г. перед l и после u]	θ	dh	д
*k̄ ⁴	c [k]	κ	ç	с
*ḡ ⁴	g	γ	j	з

и.-е.	лат.	греч.	д.-и.	ст.-сл.
*gh ¹	h [в начале слова и между гласными] g [рядом с согласным] f [перед y, u]	χ	h	з
*k	c [k]	κ	k (c)	к
*g	g	γ	g (j)	г (ж)
gh	h [в начале слова и между гласными] g [рядом с согласным]	χ	gh	г
*k ^u	qu c [перед согласным и u]	π ⁵ (τ, κ)	k (c)	к (ч, ц)
*g ^u	ц gu [после n] g [перед согласным и u]	β (δ, γ)	g (j)	г (ж, з)
*g ^u h	f-, -ц- gu [после n]	φ (θ, χ)	gh (h)	г (ж, з)

Пояснения к таблице

o обозначает слоговой характер звука, o — неслоговой. В скобках помечаются важнейшие варианты звуковых соответствий, возникающие в определенных позиционных условиях (ср. § 6).

В таблицу не введены дифтонги с первым долгим элементом, "ларингальные" звуки (§ 15), глухие придыхательные (*ph, *th и т. д.), сложные шелевые (*b, *d и т. д.).

Пояснения к знакам таблицы, имеющим при себе цифры

¹ Так наз. "шва" — краткий гласный неопределенного тембра, являющийся редукцией долгих *ā, *ē, *ō.

² Очень краткий гласный (по Фортунатову, "иррациональный"), являющийся редукцией кратких *ā, *ē, *ō. Отражения этого гласного в исторических языках появляются только в определенных положениях: перед сонантами и там, где без него возникла бы неудобопроизносимая группа согласных, например, -ā- в латинском слове *quattuor*, и существование его как самостоятельного индоевропейского звука остается спорным.

³ И.-е. дифтонги возникали как сочетание краткого или долгого гласного со слоговым сонантом, произносимое в один слог. Кроме приведенных в таблице дифтонгов с первым кратким элементом, имелись также дифтонги с первым долгим элементом *āi, *ēi, *ōi, *āu, *ēu, *ōu. Дифтонгический характер имели также сочетания *ēn, *ēp, *ēg, *ēl.

⁴ В зависимости от дальнейшего развития среднеязычных (палатальных) согласных k̄, ḡ, gh̄ и и.-е. языки делятся на две группы: греческая, германская, кельт-

ская и италийская ветви, а также хеттский, тохарский и венетский языки, принадлежат к группе *septim*, в которой палатальные слились с заднеязычными (велярными) и образовали единый заднеязычный ряд; индийская, иранская, армянская, славянская, балгийская и албанская ветви относятся к группе *satəm*, в которой с велярными слились лабиовелярные и также образовали единый заднеязычный ряд, в то время как палатальные смычные перешли в щелевые (свистящие, шипящие и т. д.).

В качестве наименования групп приняты слова, обозначающие 'сто' в латинском и авестийском языке, как иллюстрация развития и.-е. среднеязычных в обеих группах.

⁵ В крито-микенских надписях звуки, восходящие к и.-е. лабиовелярным *k^u, *g^u, *g^h, составляют еще особую группу, не слившуюся со смычными других рядов.

§ 11. Ударение. И.-е. слово характеризовалось не только своим звуковым составом, но и ударением, падавшим на какой-либо определенный слог. Место ударения не зависело от положения ударяемого слога в слове или от длительности этого слога; ударение было свободным, т. е. в разных словах могло падать на различные слоги по счету их в слове. Также и разные формы одного слова могли иметь ударение на различных слогах: в греческом склонении *ποῦς, ποδός, ποδός* сохранена эта подвижность и.-е. ударения, которое могло быть использовано для характеристики грамматической формы слова.

Ударение было музыкальным; оно заключалось в повышении тона на ударном слоге.

§ 12. По своему морфологическому типу древние и.-е. языки могут быть определены как по преимуществу синтетические, притом суффилирующие и флективные.

Синтетическими они являются потому, что основным средством выражения различных грамматических значений являлось изменение формы слова, а не порядок слов или служебные слова, как это имеет место в языках аналитического строя. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить латинский язык с современным французским: *faciō — je fais, facis — tu fais; fēcī — j'ai fait, fēcistī — tu as fait; liber — le livre (un livre), librī — du livre (d'un livre)*.

Чем дальше мы продвигаемся вглубь в историю индоевропейских языков, тем меньше мы обнаруживаем служебных слов. Слова, которые впоследствии стали предлогами или союзами, были прежде самостоятельными словами — наречиями, местоимениями и т. д. — и не играли служебной роли.

В и.-е. слове словообразовательные морфемы, как правило, следуют за корнем, а за ними словоизменятельные: *nā-tī-ōn-ibus*. Приставочных морфем не было; позднейшие префиксы были первоначально самостоятельными словами и присоединялись лишь в порядке словосложения. Таким образом, в отличие от языков, широко применяющих префиксные и инфиксные морфемы, древние и.-е. языки были суффилирующими.

Наконец, флективный характер индоевропейских языков обнаруживается в том, что в отличие от агглютинативных языков, нанизывающих один на другой аффиксы с отдельными грамматическими значениями, аффиксы наделяются комплексами грамматических значений; так, в греч. род. п. мн. ч. ποδ-ῶν окончание -ῶν не состоит из двух отдельных элементов, из которых один имел бы значение родительного падежа, а другой — множественного числа. Аффиксы бывают, к тому же, настолько тесно спаяны с основой, что не поддаются выделению. В греч. φέρω конечный гласный основы -ῶ- и окончание 1 л. ед. ч. нераздельно слиты.

Помимо внешней флексии (флексии окончаний), индоевропейским языкам была свойственна и внутренняя флексия (флексия основы). Греческое причастие наст. вр. λέιπῶν и аористное причастие λῆπῶν отличаются друг от друга не окончанием, а местом ударения и характером огласовки основы; 1 л. мн. ч. λέιπορευ отличается от 2 л. λέιπετε не только окончанием (-μεν, -τε), но и основообразующим гласным (-ο-, -ε-). Морфемы индоевропейского слова могут выступать, таким образом, в разной огласовке.

§ 13. Существенной чертой общеиндоевропейского языкового состояния является последовательно проводившаяся система чередования гласных. Система эта сохранилась в греческом языке гораздо лучше, чем в латинском, и мы будем иллюстрировать ее в первую очередь греческими примерами.

Чередования бывают трех типов, и типы эти возникли, вероятно, в разное время.

1) Морфема, содержащая краткий гласный, обычно *ě, может выступать без этого гласного; если морфема при этом односложная, она сведется к своей согласной части: πέτ-εσθαι — πτ-έσθαι, ēs-t — s-ūnt.

В таких случаях говорят о чередовании полной ступени, содержащей гласный *ě, с нулевой ступенью морфемы (корня, суффикса и т. д.).

Формула чередования: *ě — нуль.

2) Гласный *ě морфемы (в единичных случаях *ā, и притом только в корневых морфемах) чередуется с *ō:

λέγ-ω — ἄ-λογ-ος; κλέπ-τ-ω — κέ-κλοφ-α — κλοπ-ή; ἄγω — ὄγ-μος;

пёс-ō — пёс-еō; тёг-ō — тög-а; äc-us — öc-ris.

Это — чередование полной ступени и полной ступени с тем же бром о. Формула: *ě (*ā) — *ō.

Если *ō является основным гласным морфемы, он в тембре уже не меняется:

ὄσ 'кость', греч. ὄσ-τέον.

3) Некоторые морфологические образования (падежные фор-

690347

Библиотека
Удмуртского
государственного

мы, словообразовательные типы) характеризуются тем, что краткий гласный, свойственный морфеме на ее полной ступени, становится долгим, удлиняясь как в своем основном тембре, так и в тембре о (удлиненная ступень):

им. п. м. (ж.) р. ед. ч. ψευδ-ής при основе ψευδ-εσ-; μέδ-ομαι — μήδ-ομαι; κλέπτω — κλώψ; ἐδ-ηδ-ώς; ὄδ-ωδ-α; ἀγ-ωγ-ή; τῆγ-ῶ — τῆγ-υλα; ἄс-us — ἄс-ег.

Формула: *ĕ (*ō), *ā (*ō), *ō — *ē (*ō), *ā (*ō), *ō.

Первый и третий тип чередования иногда называют количественным чередованием, в отличие от второго типа — качественного, или тембрового.

Из чередований разного типа можно составить единый ряд. Обозначая полную ступень П, полную ступень с тембром о — П°, удлиненную — У, удлиненную с тембром о — У°, нулевую — Н, получаем для наиболее обычного случая с гласным ĕ следующий ряд:

П	У	П°	У°	Н
*ĕ	*ē	*ō	*ō	*нуль
πέδου	πηδαῦ	ποδός	дор. πώς	ἐπί-βδαι
(эол. πεδά)			(атт. πούς)	(<*πδαι)
πέτομαι		ποτέομαι	πωτόομαι	ἐπτόμην

Аналогично можно было бы образовать ряды:

*ă	*ā	*ō	*ō	*нуль
*ō	*ō			*нуль

О происхождении системы чередований возможны только догадки. Нулевая ступень, вероятно, возникла в неударных слогах (πέτεσθαι — πτ-έσθαι). Некоторые исследователи полагают, что в таком же положении, уже в другое время, развился тембр о качественного чередования (κλέπτω — κέκλοφα — κλοπή, λέγω — ἄλογος; тип λόγος, с этой точки зрения, уже позднейший). Удлиненную ступень пытались объяснить “заместительным удлинением”, связанным с утратой какого-либо звука, но эта гипотеза не объясняет всех случаев удлинения. Каково бы ни было происхождение отдельных типов чередования, они служили морфологическим средством словообразования и словоизменения независимо от того, сохранились ли фонетические условия, в которых они возникли, или нет.

§ 14. Когда краткий гласный полной ступени, например ĕ, находился в сочетании с сонантическим элементом, т. е. в сочетаниях ei, eu, eg, el, em, en, нулевая ступень претерпевала своеобразную модификацию. При утрате гласного ĕ оставался элемент, способный выступать как в роли чистого гласного ĭ, ū или слогового со-

нанта [,] , т, н, так и в согласной функции. Первое происходило в положении перед согласным, сонант функционировал тогда как гласный; второе — в положении перед гласным.

Чередование примет тогда следующий вид:

П	У	П°	У°	Н
*ei	*ēi	*oi	*ōi	*ĩ, *ī
*eu	*ēu	*ou	*ōu	*ũ, *ū
*er	*ēr	*or	*ōr	*r̄, *r
*el	*ēl	*ol	*ōl	*l̄, *l
*em	*ēm	*om	*ōm	*m̄, *m
*en	*ēn	*on	*ōn	*n̄, *n

Приведем некоторые примеры:

П	У	П°	У°	Н
λείπ-ω	λέ-λοιπ-α			ἔ-λιπ-ον
deic-ō > dīc-ō				dīc-tus
*feid-ō > fīd-ō	foid-erātei > foed-erātī			fīd-ēs
ἐ-λεῦ(θ)-σομαι	εἰλή-λουθ-α			ἤ-λυθ-ον
*deuc-ō > dūc-ō				dūx
πατέρ-α	πατήρ εὐ-πάτορ-α	εὐ-πάτωρ		πατρά-σι (и.-е. *r̄ > греч. πα) πατρ-ός
φρένα	φρήν φρον-έω	εὐ-φρων		φρα-σί (поздн. φρε-σί; и.-е. *r̄ > греч. α)
πεῖσομαι (< *πειθ-σομαι)	πέ-πονθ-α			ἔ-παθ-ον *πάθ-σκω > πάσχω

Поскольку по фонетическим законам греческого и латинского языка в группе “долгий гласный + сонант + согласный” долгий гласный сокращается (§ 183), удлиненная ступень дифтонгических сочетаний плохо сохранилась; греч. ἔζευξα происходит из *ē-ζηυξ-α, о чем свидетельствует древнеиндийский язык.

Мы рассматривали сочетания, в которых сонант следует за гласным звуком, но сонант может также предшествовать гласному. На нулевой ступени опять остается один сонант, который в положении перед согласным вокализируется.

П	П°	Н
τρέπ-ω	τέ-τροφ-α	ἔ-τραπ-ον (где πα < *r̄)

Суффикс, используемый в латинском языке для образования сравнительной степени, имеет варианты:

П **-jēs*: *māiēstas* < **māg-jēs-tas*

П^o **-jōs*: *māiūs* < **māg-jōs*

У^o **-jōs*: *māiōrem* < **māg-jōsem*

Н **-īs*: *māg-īs*

Исследователи, принимающие в индоевропейском звуковом составе звук **q* (§ 10. примеч. 2), устанавливают рядом с нулевой ступенью еще особую редуцированную ступень, на которой краткий гласный не исчезает, а только редуцируется до **q*; сочетания краткогo гласного с сонантом соответственно получают на редуциционной ступени форму **qt* и т. д.

Редуциционная ступень возникает вместо нулевой в определенных слоговых (и даже фразовых) условиях, когда нулевая ступень привела бы к недопустимому в данных условиях скопленению согласных.

Для латинского языка вопрос о редуциционной ступени имеет значение при объяснении огласовки *ā* в таких словах, как *sābō*, *māneō* (ср. μένω), *māgnus* (ср. μέγας), *quattuor* (§ 10. примеч. 2).

Другие исследователи усматривают здесь своего рода древнюю "аналитику" (§ 174), возникшую в начальных группах согласных.

Иногда встречается термин "слабые ступени", который объединяет в себе понятия нулевой и редуциционной ступени.

§ 15. Кроме морфем, характеризовавшихся на их полной ступени кратким гласным (§ 13) или кратким гласным в сочетании с сонантическим элементом (§ 14), существовали и морфемы, содержавшие долгий гласный — **ē*, **ā*, **ō*. Эту долготу гласного надо строго отличать от внешне сходной долготы, возникавшей как видоизменение краткогo гласного в определенных морфологических условиях (т.н. удлинённая ступень чередования). Не существовало, например, односложных корней, оканчивавшихся на краткий гласный **ē*, **ā*, **ō*, но имелись такие корни, как **dhā-* 'класть, делать' (д.-и. *dá-dhā-mi*, греч. τί-θη-μι, лат. *fē-cī*, ст.-сл. *дѣ-ти*, *дѣ-ло*); **stā-* 'стоять' (д.-и. *á-sthā-m*, греч. дор. ἔ-στᾱ-ν, атт. ἔ-στῆ-ν, лат. *stā-re*, ст.-сл. *ста-ти*); **bhā-* 'говорить' (греч. дор. φᾱ-μί, атт. φῆ-μί, лат. *fā-rī*, ст.-сл. *ба-ютьи*); **dō-* 'давать' (д.-и. *dá-dā-mi*, греч. δί-δω-μι, лат. *dō-nim*, ст.-сл. *да-ти*) и т. д. В приведенных формах не "удлинённая" ступень корня, а "полная", но содержащая долгий гласный.

Такие морфемы не имеют удлинённой ступени, но они способны к тембровому чередованию **ē* — **ō* (τί-θη-μι — θω-μός, ῥήγ-νυμι — ἔ-ῥῥωγ-α), **ā* — **ō* (φᾱ-μί — φω-νῆ) и в условиях, в которых возникает нулевая ступень, имеют звук **ə* ("шва"), определяемый соответствием д.-и. *ī*, греч. *ᾱ* (ε, ο), лат. *ā* и т. д. (§ 10), напр.: д.-и. *sthi-tāh*, греч. *στᾱ-τός*, лат. *stā-tus*. Таким образом, там, где краткий

гласный исчезает, от долгого сохраняется некоторый остаток в виде “шва”. Этот звук надо представлять себе как некий сонантный элемент, который, как и прочие сонанты, в положении перед согласным функционировал как гласный звук (*э). Перед гласным оставался неслоговой вариант *э, который впоследствии утратился.

П	П°	Н
*ē	*ō	*э (нуль)
*ā	*ō	*э (нуль)
*ō		*э (нуль)

Латинский язык сохранил ряд примеров чередования долгого гласного с *э (> лат. ā): fē-cī — fā-cīō; sē-men (ст.-сл. сѣ-мѧ), sē-vī — sā-tus, перед гласным *sī-s-ō > sēō ‘я сею’ (ср. §§ 117, 212); stā-men, stā-re — stā-tus, перед гласным stē-t-ī (< *stē-st-ai, ср. § 623); dō-num — dā-tus, перед гласным dē-d-ī.

Нулевая ступень долгих гласных *ē, *ā, *ō образуется так, как будто долгий гласный представляет собою дифтонгическое сочетание краткого гласного с сонантным элементом *э (или *э), например. *ē = *еэ (или *еэ), подобно еі или ег. На нулевой ступени в положении перед согласным этот элемент, как и все прочие сонанты (§ 14), функционирует как гласный звук (*э). Отражение этого сонанта в его неслоговой функции (*э) усматривают в звуке хеттского языка, обозначаемом через h. Отсюда гипотеза, что одним из основных источников образования долготы гласных в индоевропейских языках является сочетание краткого гласного с ларингальным сонантом *э или даже с несколькими ларингальными сонантами: *э₁, *э₂, — различие между которыми обусловило тембровую разницу долгих гласных *ē, *ā, *ō и многообразие отражений гласного “шва” в греческом языке (ε, ᾶ, ο).

Наряду с-этим допускаются, конечно, и другие источники образования долготы, как-то: слияние гласных, заместительное удлинение и т. д. Однако проблематика “ларингальной” теории в значительной мере выходит уже за пределы того общеиндоевропейского языкового состояния, которое устанавливается сравнительно-историческим методом, и относится к области догадок о предыстории этого состояния, о тех процессах, которые к нему привели.

§ 16. Сочетание сонантного элемента со следующим за ним *э приводит к вокализации первого сонанта и образует долгий гласный. Например, *iэ > *īэ > *ī; поэтому суффикс желательного наклонения *-iē- имеет на нулевой ступени *-ī- < *-iэ; лат. s-iē-s — sī-tis (§ 586).

Аналогично *rэ, *lэ, *mэ, *nэ образуют долгие слоговые *rī, *lī, *mī, *nī, отражающиеся в латинском языке как rā, lā, nā (*mā не засвидетельствовано): strā-tus, lā-tus < *tlā-tos, (g)nā-tus, — ср. §§ 10, 27.

Такие образования возникают в двусложных морфемах при нулевой ступени в обоих слогах. Морфемы эти, как правило, не име-

ют полной ступени в обоих слогах, и полная ступень в одном слоге чередуется с нулевой ступенью в другом, но возможна и нулевая ступень в обоих слогах. Основа глагола со значением 'рождать' *ǵenǵ- (ПН), *ǵnē- (НП) представлена в греческом и латинском языках в следующих вариантах:

ПН перед согласным: *ǵenǵ-, греч. γένε-σις, лат. gēnī-
tor < *ǵēnǵ-tǵr (§ 141 a);

ПН перед гласным: *ǵen-, греч. γέν-ος, лат. gēn-us;

П°Н перед гласным: *ǵon-, греч. γον-ή, γέ-γον-α;

НП *ǵnē-, греч. γνή-σιος;

НП° *ǵnō-, греч. γνω-τός 'родич';

НН перед согласным: *ǵñ-, лат. (g)nātus, cognātus;

НН перед гласным: *ǵñ-, греч. γί-γν-ομαι, лат. gñ-gn-ō.

§ 17. Во избежание возможных недоразумений необходимо сделать два дополительных замечания к изложенным здесь основным законам индоевропейского чередования гласных:

1) Формулы чередования выведены для реконструированных путем сравнения общеиндоевропейских гласных, а не для гласных исторических языков. Чтобы перейти к этим последним, надо сделать поправку на последующую историю индоевропейских звуков в отдельных ветвях и языках. В предшествующем изложении таких поправок было сравнительно немного, потому что греческий, а отчасти и латинский язык сохранили ряд особенностей индоевропейского вокализма в неизменном виде, и это давало возможность иллюстрировать систему индоевропейских чередований примерами, в которых фигурировали гласные, тождественные с реконструируемыми по основному тембру и длительности, например, ē, ā, ō. Однако, если мы возьмем латинское чередование fētō — fōrs (< *fōrtis), то оно восходит не к и.-е. П — П°, а к П — Н: имена с суффиксом -ti- имеют нулевую огласовку корня, и -ǵr-<*r- (§§ 10, 27; ср. д.-и. bhṛtiḥ 'несение'). Им. п. mēns (< mēntis) содержит корень men- отнюдь не на удлинненной ступени, а на той же нулевой: -ēn- < *-n- (ср. д.-и. matiḥ 'мысль'), а -ē- удлинилось перед ns (§ 193 б) уже значительно позже, после синкопы -ī- и ассимиляции -ts > -ss > -s.

Русское чередование везу — воз непосредственно восходит к П — П°, но в немецком brechen (П) — brach — gebrochen представителем П° является форма brach, а в gebrochen отражается Н.

2) В историческом развитии отдельных языков нередко возникали чередования, по внешности сходные с индоевропейскими, но не стоящие с ними ни в какой исторической связи и вызванные совершенно другими причинами. Чередование ē — ō, которое мы находим в vēl-le — vōl-o или в bēn-e — bōn-us (ср. §§ 123, 180), не имеет никакого отношения к индоевропейскому чередованию гласных.

Изучать систему индоевропейского чередования гласных можно только при помощи сравнительно-исторического метода, привлекая материал различных ветвей индоевропейских языков.

§ 18. Именной строй, восстанавливаемый сравнительной грамматикой индоевропейских языков, не представляет по своим основным очертаниям значительных отличий от именной структуры греческого или латинского языка.

Существительное и прилагательное дифференцированы, но границы между ними в известной мере текучи, и грамматическое противопоставление их менее резко, чем в позднейшее время. Многие словообразовательные суффиксы являются общими для обеих частей речи, и в склонении не наблюдается существенных различий.

Основным словообразовательным средством являлась суффиксация при помощи многообразных и нередко наслаивающихся одна на другую суффиксальных морфем. Наряду с этим, играло большую роль словосложение, для которого был выработан ряд типов. Составные слова нередко употреблялись в качестве личных имен.

Имелась развернутая падежная система. В качестве общеиндоевропейских могут быть рассматриваемы все восемь падежей, сохраненные в древнейших памятниках индийской и иранской ветви (ср. § 307): именительный, винительный, творительный (инструментальный), дательный, отложительный (аблатив), родительный, местный и звательный.

Различались три числа — единственное, двойственное и множественное. Единственное число отличалось наибольшей дифференцированностью падежных окончаний. Во множественном, а особенно в двойственном числе, дифференцированных падежных окончаний было меньше, чем падежей, и некоторые падежи оказывались омонимными (подробнее об этом в § 307).

Древним индоевропейским языкам свойственно деление имен на три рода: мужской, женский и средний; только хеттский имеет двучленную классификацию, не различающую мужского и женского рода.

Есть основание предполагать, что хеттский сохранил здесь черты более древнего состояния, чем прочие языки, и что мужской и женский род выделились из состава “активного” рода, которому противостоял “инертный” род (впоследствии — средний).

Средний род имеет две характерные особенности. Во-первых, в среднем роде именительный падеж всегда сходен с винительным. Во-вторых, множественное число среднего рода употреблялось не в смысле раздельного множества, а собирательно, для обозначения некоей массы предметов. Употребление это отразилось в известном правиле греческого синтаксиса: при подлежащем в среднем роде множественного числа глагольное сказуемое стоит в единственном числе; такое же правило соблюдается в языке древнейших индийских и иранских памятников. Надо думать, что обе особенности среднего рода связаны со значением “инертности”, “бездеятельности”, которое некогда было присуще этой грамматической категории.

Склонения различались в зависимости от характера основы. Основы, оканчивающиеся на согласный, на сонант (дифтонгиче-

ское сочетание), на долгий гласный (*-ā-, *-ē-), на *-ě/ǔ-, имели различные склонения. Различие это было связано с различием в окончаниях некоторых падежей и с разным характером чередования гласных в зависимости от конечного элемента основы и места ударения.

§ 19. Среди местоимений личные местоимения отличаются от прочих (указательных, вопросительно-неопределенных и т. д.) тем, что не изменяются по родам. Склонение местоимений, различающих роды, в основном сходно с именным склонением, но имеет свои особенности. Более отлично от именного склонение личных местоимений: помимо своеобразных окончаний, для него характерен в ряде случаев “супплетивизм” — образование основы именительного и основы косвенных падежей от разных корней.

§ 20. Глагольный строй отличался гораздо меньшим разнообразием словообразующих морфем, чем именной, но в отношении системы образования форм одного слова он представлял менее целостную картину, чем имя.

В исторических языках получил более или менее широкое распространение “правильный” тип глагольного словоизменения, развертывающийся вокруг единой основы: παιδεύ-ω, laudā-re. Это — позднейшее явление, не характерное для общиндоевропейского языкового состояния. В системе форм древнего глагола объединялись различные основы, самостоятельно образованные от глагольного корня и друг от друга независимые. Одинаковый тип образования настоящего времени в глаголах βάλλω и σφάλω не позволяет предвидеть различие аористных основ ἔβαλον и ἔσφηλα, равно как тождественная структура аористов ἔ-παθ-ον, ἔ-βαλ-ον, ἔ-λιπ-ον не дает основания ожидать различных основ настоящего времени πάσχω (< *παθ-σκ-ω), βάλλω (< *βαλ-ι-ω), λείπω. Столь же “немотивированно” соотношение между frāngō — frēgī и tāngō — tēigī с одной стороны, lēgō — lēgī с другой. Все это — самостоятельные образования непосредственно от глагольного корня без доминирующей роли какой-либо единой основы. Притом не все глаголы имели “полное” спряжение по всем видам и временам, и сравнение показывает, что “супплетивизм” видов и времен, т. е. образование их от разных корней (например, φέρω — οἶσω — ἦιενκου), представлял собой в прошлом гораздо более частое явление, чем в историческое время.

Различие глагольных основ служило в первую очередь для обозначения видовых различий. Так, основа, традиционно называемая основой настоящего времени, не имела сама по себе временного значения; она указывала на длительность действия или состояния, в то время как основа аориста выражала действие или

состояние без указания на длительность¹.

Третий вид, перфект, обозначал завершенность действия, вылившуюся в некоторое состояние (лат. *meminī*—я “запомнил” и, стало быть, “помню”). К различию трех видовых основ присоединялось выражение способа протекания действия с помощью глагольных приставок, разнообразившее видовые значения индоевропейского глагола.

Внутри видов развертывалась система наклонений. Различались изъявительное наклонение, сослагательное (конъюнктив), желательное (оптатив) и повелительное. Конъюнктивом выражалось ожидание действия или побуждение к нему; оптатив обозначал действие возможное или желательное. Для образования конъюнктива и оптатива служили особые суффиксы, присоединявшиеся к видовой основе.

Значительно слабее было выражено различие времен. Настоящее и прошедшее дифференцировались путем применения разных личных окончаний, но подлинное противопоставление двух времен имелось только в изъявительном наклонении длительного вида (презенс и имперфект). В некоторых ветвях (индийской, иранской, греческой и армянской) прошедшее время получает дополнительную характеристику в виде приращения **ē-*, но нет основания считать это явление общеиндоевропейским. Равным образом нет основания приписывать общеиндоевропейскому языковому состоянию какую-либо выработанную специальную форму будущего времени. Развитие сложных временных систем относится уже к более позднему периоду истории индоевропейских языков и по-разному происходило в разных ветвях.

О том, что приращение представляет собою сравнительно более позднее явление, отчетливо свидетельствует греческий язык, допускающий на древнейшем своем этапе — в микенских надписях и в гомеровских поэмах — формы прошедшего времени без приращения. Формально тождественен с греческим имперфектом без приращения индийский и иранский “инъюнктив”, употребляющийся как в значении обоих времен изъявительного наклоне-

Необходимо обратить внимание на разницу между соотношением презенса и аориста в древних индоевропейских языках и противопоставлением несовершенного и совершенного вида в современном русском языке. В русском языке “выразительной” формой является совершенный вид: он позитивно выражает наличие предела действия, между тем как несовершенный вид может быть определен только негативно — отсутствием указания на завершенность действия (см. “Современный русский язык. Морфология”. Под ред. акад. В. В. Виноградова. М. 1952, стр. 309 — 310). В древних индоевропейских языках соотношение обратное: “выразительной” является основа презенса, позитивно указывающая на длительность действия, тогда как аорист характеризуется негативно, отсутствием указания на способ протекания действия.

ния, так и в значении сослагательного. В этом “инъюнктиве” многие исследователи видят остаток древнейшего глагольного спряжения, предшествовавшего дифференциации наклонений и времен.

З а л о г о в было два — актив и медий.

Глагол, как и имя, имел три числа: единственное, двойственное и множественное. Окончания глагола одновременно выражали лицо, число, залог и отчасти время, как это сохранилось в греческом языке. Поскольку обозначение лица и числа полностью содержалось в глагольной форме, присоединения к глаголу личного местоимения не требовалось.

Из именных форм глагола несомненно общеиндоевропейский характер имели только причастия. Инфинитивы создались уже позднее.

§ 21. Обособлявшиеся языки индоевропейской семьи самостоятельно развивались в неразрывной связи с историей народов, носителей этих языков. Однако законы развития родственных языков обычно бывают в известной мере сходны. В истории языков индоевропейской семьи обнаруживается поэтому ряд общих моментов, свидетельствующих о сходной направленности развития при большом многообразии конкретных форм этого развития и его темпов по отдельным ветвям и языкам.

Укажем на некоторые важнейшие моменты. Характерные для общеиндоевропейского звукового строя гласные неполного образования всюду были устранены. Ни один язык не сохранил *э или *ǵ в качестве особого звука, отличного от прочих гласных. Всюду усилилась дифференциация гласных и согласных в ущерб системе сонантов, способных выступать и в слоговой и в неслоговой функции. Дифтонги либо упрощались, монофтонгизировались, либо распадались на два самостоятельных звука. Если в отдельных ветвях и языках вторично развивались дифтонги или редуцированные гласные, то эти звуки уже не были генетически связаны с общеиндоевропейскими дифтонгами и редуцированными гласными.

Подвижность ударения всюду ослабела, а во многих ветвях свободное ударение сменилось фиксированным. В большинстве ветвей изменилась и природа ударения: музыкальное ударение уступило место динамическому, и это приводило к значительному ослаблению неударных гласных.

При этих условиях общеиндоевропейская система чередования гласных не могла сохраниться, и в современных языках мы наблюдаем лишь ее остатки.

Значительно редуцировалась и система индоевропейских смычных, и за счет ее ослабления развились щелевые согласные и аффрикаты.

Грамматический строй изменялся в том направлении, что всю-

ду возрастала роль служебных слов: предлогов, вспомогательных глаголов и т. п. Слово переставало быть самостоятельным носителем своих синтаксических соотношений с другими словами, и в предложении возрос момент "подчинения", синтаксической зависимости одного члена предложения от других. Падежная система во всех ветвях в той или иной мере сократилась.

Глагол получил более целостное и регулярное спряжение, в котором значительно окрепла категория времени; система наклонений, видов, наоборот, упростилась. Развился страдательный залог.

Все эти изменения происходили в разных языках в разное время. Они могут быть прослежены и на истории латинского языка; значительная часть их падает на доисторический период его развития, предшествующий древнейшим письменным памятникам, но многие процессы происходили в историческую эпоху и получили окончательное завершение даже не в самом латинском языке, а в развившихся на его основе романских.

ГЛАВА II

ИТАЛИЙСКАЯ ВЕТВЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

§ 22. Ряд языков, носители которых во II — I тысячелетии до н. э. распространились по Италии и заняли значительную часть ее территории, имеет общее происхождение и восходит к группе индоевропейских говоров, совместно развивавшихся и по-особому изменявших общеиндоевропейское наследие. Эти языки образуют так называемую и т а л и й с к у ю ветвь индоевропейской семьи языков.

“Италийские” языки, таким образом, — понятие г е н е а л о г и ч е с к о е, а не территориальное. Специфические языковые черты, характеризующие италийскую ветвь, создались раньше, чем носители языков этой ветви поселились в Италии. С другой стороны, на территории древней Италии, рядом с “италийскими” языками, имелось еще много других языков; среди этих языков были и неиндоевропейские, были и индоевропейские, но не принадлежащие к “италийской” ветви.

§ 23. Италийская ветвь распадается на две группы — л а т и н о - ф а л и с с к у ю и о с к о - у м б р с к у ю (или у м б р о - с а б е л ь с к у ю).

К первой группе, кроме латинского языка, относится язык фалисков, территория которых (*ager Faliscōrum* с городом *Faleriū*) находилась в юго-восточной Этрурии. Первоначально очень близкий к латинскому, он одно время оказался под значительным воздействием этрусских и оско-умбрских говоров, но впоследствии, с экспансией Рима, быстро латинизировался, и позднейшие фалисские тексты представляют лишь диалектные отличия от обычной латыни.

Пример фалисского текста с оско-умбрскими фонетическими влияниями — С. I. E. 8179: *foied vino pīrafo, cra carefo* = лат. *hodie vinum bibam, crās carēbō*.

К этой же группе принадлежал, по-видимому, и язык сикулов в Сицилии, известный только по единичным надписям и по некоторым лексическим элементам, вошедшим из него в язык сицилийских греков, как например: *κάρτος* ‘ристалище’ = лат. *campus*, *κάρкаρον* ‘темница’ = лат. *carcer*, *βοῦνμος* ‘монета’ = лат. *pumtus*, *λίτρα* ‘фунт’ = лат. *libra* (§ 28), *ὀγκία* ‘унция’ = лат. *uncia*.

Вторую группу составляют языки о с с к и й и у м б р с к и й с примыкающими к ним говорами ряда племен средней Италии.

§ 24. О с с к и м языком (*lingua Osca*) римляне именовали группу родственных между собой говоров, принадлежавших многочисленным сабельским племенам (*Sabellī* — племенное название того же происхождения, что и *Sabīnī* или *Samnītēs*, где *Samn-* < **Sabn-*; § 234).

Передвижения этих племен, особенно интенсивные в V — IV вв. до н. э., привели к тому, что территория распространения осского языка охватила значительную часть средней и южной Италии — Кампанию, Самний, Луканию, часть Апулии, Бруттий; с захватом мамертинами Мессаны, осский язык проник и в Сицилию. Среди диалектов осского языка наибольшее значение имел кампанский, на котором составлялись официальные документы и вне пределов Кампании. По имени кампанского племени осков или опиков (**Opīkoī*, **Ops-coī* > *Oscī*) язык сабелльских племен и получил у римлян свое наименование.

Сохранилось свыше 250 осских надписей из разных местностей, преимущественно из Кампании. Наиболее ранние памятники относятся к V в. до н. э., самые поздние — к I в. н. э. (помпейские надписи).

К осскому языку примыкают говоры пелигнов, маррукинов, вестингов, от которых сохранились лишь единичные и притом очень короткие надписи.

§ 25. На территории Умбрии обнаружены памятники другого италийского языка, который, соответственно, принято называть умбрским. Памятники эти немногочисленны, но среди них имеется один обширный текст (свыше 4000 слов): игувинские (эвгубинские) таблицы, найденные в XV в. в городе Губбио (древний *Iguvium*) и заключающие ритуальные предписания местной жреческой коллегии атиедских братьев. Надпись, сделанная отчасти местными письменами этрусского происхождения, отчасти латинским письмом, содержит тексты разного времени, и это позволяет, в известной мере, судить о развитии языка.

К умбрскому языку близок племенной говор вольсков (одна надпись величиной в четыре печатных строки).

§ 26. Реконструируемое с помощью сравнительно-исторического метода общее прошлое италийских языков ("общейталийское языковое состояние") удобнее всего охарактеризовать путем указания его отличий от общиндоевропейского языкового состояния (§§ 10 — 20).

§ 27. Все общиндоевропейские гласные полного образования, долгие и краткие, сохранились без изменения, но редуцированные слились с а:

и.-е. *э > италийск. *ā; и.-е. *α > италийск. *ā.

Гласный резонанс слоговых сонантов развился в самостоятельный гласный звук, е в носовых, о в плавных:

и.-е. *ṃ > италийск. *ēm;

и.-е. *ṛ > италийск. *ēr;

и.-е. *ṛ > италийск. *ōg;

и.-е. *ǰ > итальяиск. *ǰl.

Долгие слоговые сонанты, образованные из сочетания слоговых сонантов с *ǰ, развили долгий гласный а:

и.-е. $\bar{\eta}$ > итальяиск. *nā;

и.-е. $\bar{\gamma}$ > итальяиск. *gā;

и.-е. \bar{l} > итальяиск. *lā;

и.-е. * $\bar{\eta}$ в итальяйских языках не засвидетельствовано.

Таким образом, общепиталийскому языковому состоянию мы вправе приписать гласные: *ā, *ē, *ō, *ī, *ū, дифтонги *āi, *ēi, *ōi, *āu, *ēu, *ōu, с той поправкой, однако, что дифтонги с первым долгим элементом сохранились, быть может, не все и не во всех положениях (ср. §§ 108, 183).

§ 28. Итальяйский консонантизм представляет одно существенное отклонение от того состояния, которое характерно для языков группы centum (§ 10, примеч. 4). И.-е. звонкие придыхательные отражаются в итальяйских языках как глухие щелевые (f, h), причем в оско-умбрском это имеет место и в начале и в середине слова, в латинском только в начальном положении, а в середине слова они заменяются, за исключением отдельных положений, звонкими смычными:

и.-е.	ос.-умбр.	лат.
*bh	f	f-, -b-
*dh	f	f-, -d- (-b-)
*ǰh, *ǰh	h	h-, -g- (-h-)
*g ^h h	f	f-, -g ^h - (-ǰ-)

О положениях, в которых возникают звуки, поставленные в скобки, см. § 10; там же некоторые дополнительные подробности.

Этапы довольно сложного процесса развития индоевропейских звонких придыхательных в итальяйских языках можно предположительно восстановить следующим образом:

1) И.-е. звонкие придыхательные группы centum *bh, *dh, *ǰh, *g^hh перешли (как и в древнегреческом языке) в глухие придыхательные *ph, *th, *kh, *k^hh, которые затем перешли (как это имело место в позднейшем греческом языке) в глухие щелевые своего ряда, обозначаемые фонетически как *f, *β > (= англ th), *χ, *χ^h.

Это общепиталийский процесс.

2) а/ В оско-умбрском глухие щелевые губного, переднеязычного и лабиовелярного ряда *f, *β, *χ^h слились в лабиодентальном f (§ 74); *χ > h.

б/ В латинском те же процессы имели место в начале слова: *f-, *β-, *χ^h- (а также *χ- перед и, у, ср. § 260) слились в f-: *χ- > h-. В середине слова *-f-, *-β-, *-χ-, *χ^h- сохранились, но *-β- рядом с г. перед l и после ū перешло в *-f-, а *χ- в положении между гласными перешло в -h-.

3) Латинские глухие щелевые *-f-, *-p-, *-x-, *-χ^u- в середине слова перешли в звонкие (обозначаемые фонетически как *b, *d, *γ, *γ^u) и слились со звонкими смычными своего ряда b, d, g, g^u: о звуке g^u > ц см. § 214. Греческое заимствование из языка сикулов λίτρα (лат. libra) свидетельствует о том, что переднеязычный звук, восходящий к и.-е. *dh, был у сикулов глухим (щелевым или смычным). То же, вероятно, в наименовании сицилийского вулкана λίτιη, лат. Aetna ср. греч. αἴθω, лат. aedēs (< и.-е. *dh-). Это позволяет думать, что озвончение глухих щелевых, равно как и частичный переход *-p- > *-f- имели место уже после отделения сикулов от латинов.

§ 29. Чередование гласных, в частности, чередование ё — ъ перестает играть роль продуктивного морфологического приема. С утратой плавных и носовых слоговых сонантов (§ 27) стирается во многих случаях и различие между полной и нулевой ступенью. В исторических италийских языках от системы чередования остаются лишь пережитки.

В связи с этим, а также, вероятно, с утерей подвижности и даже свободы ударения (ср. § 21), основным средством формообразования остается присоединение суффиксов к сравнительно неподвижной основе.

§ 30. В связи с тем же ослаблением системы чередования стоит и перегруппировка склонений. Основы на сонанты отходят в согласное склонение, и с ним сближается склонение основ на -ī-. В оско-умбском те же пять склонений, что и в латинском.

Двойственное число в италийских языках утрачено.

Отложительный падеж, который уже в общеиндоевропейском языковом состоянии был наименее четко отграничен в формальном отношении от прочих падежей (§ 307), слился с творительным. В латинском языке с этим падежом впоследствии слился и местный, но в оско-умбском он сохранился как самостоятельный падеж.

§ 31. И.-е. вопросительно-неопределенное местоимение с основой *k^uō-, *k^ui- употребляется как относительное. Распределение основ *k^uo- и *k^ui- в обеих группах италийских языков совпадает.

§ 32. Категории глагольного словоизменения образуют систему, единую для всей италийской ветви.

Спряжение концентрировано вокруг двух основ, инфекта (основа настоящего времени) и перфекта, в котором слиты общеиндоевропейские аорист и перфект. Основы инфекта в оско-умбском распределяются по тем же четырем спряжениям, что и в латинском языке.

Конъюнктив и оптатив обобщены в едином наклонении — “субъюнктиве”. Существенное отличие италийской глагольной системы от общеиндоевропейской, сохраненной, например, в греческом языке, заключается в том, что не только индикатив, но и субъюнктив развертыва-

ется по временам, и приметой времени становятся особые суффиксы.

В изъявительном наклонении различаются три времени: настоящее, прошедшее и будущее, в субъюнктиве только два — настоящее-будущее и прошедшее.

В латинском языке эта система времен и наклонений развертывается симметрично по обоим видам — инфекту и перфекту.

		Инфект	Перфект
Индикатив	Наст.	laudō	meminī
	Прош.	laudābam	memineram
	Буд.	laudābō	meminerō
Субъюнктив	Наст. - буд.	laudem	meminerim
	Прош.	laudārem	meminissem

(О последующем развитии значения временных форм см. §§ 482, 483).

В оско-умбрском та же система, только перфектное прошедшее (плюсквамперфект) не засвидетельствовано.

Залогов два: актив и медиопассив. В оско-умбрском медиопассив засвидетельствован только в третьем лице; в инфекте он имеет конечный элемент -r, в перфекте образуется описательно, при помощи *part. perf. pass.*

Из неспрягаемых форм общеталийскими несомненно являются причастия (*praes. āct.* и *perf. pass.*), герундив и супин; к этой же категории относится, вероятно, инфинитив. Таким образом, латинская глагольная система во всех своих существенных чертах оформилась уже в общеталийский период.

§ 33. Синтаксических расхождений между оско-умбрским и древней латынью почти нет, если не считать различия, вызванного тем, что в оско-умбрской группе сохранился особый местный падеж. Обороты *accūsātīvus cum īnfīnītīvō* и *ablātīvus absolūtus* засвидетельствованы и в осских и умбрских текстах.

§ 34. Такое далеко идущее сходство языков оско-умбрской группы с латинским языком свидетельствует о том, что обе группы италийской ветви одинаково видоизменили общеиндоевропейское наследие и в целом и в ряде характерных деталей. Это означает, что в прошлом существовало некое общеталийское языковое единство, от которого произошли обе группы.

Следует иметь однако в виду, что не все общие черты италийских языков должны относиться к эпохе общеталийского языкового единства; некоторые из этих черт могли возникнуть уже позже, в порядке параллельного развития отдельных ветвей или влия-

ния одних италийских языков на другие¹.

§ 35. Наряду с глубоким сходством, две ветви италийских языков представляют и известные различия. Укажем основные отличия оско-умбрской группы от латинского языка.

Так, ряд слов, засвидетельствованных в оско-умбрской группе или хотя бы в одном из языков этой группы, не имеет этимологических соответствий в латинском языке. Например:

основа *tuatā* 'народ, община', ср. лит. *tauta* 'народ', др.-прусск. *tauto* 'страна', др.-ирл. *-tuath* 'народ', гот. *þiuda* 'народ';

основа *treb-* 'обитать', ср. др.-ирл. *treb* 'местопребывание', лит. *trobà* 'здание', гот. *þairþ* 'поле', совр. нем. *Dorf* 'деревня';

egto 'вещь' (ос.);

ceud- 'поворачивать' (умбр.; ср. совр. нем. *wenden* 'поворачивать').

§ 36. Из фонетических особенностей оско-умбрской ветви в целом можно отметить:

1) лабиовелярные переходят в губные: *k^h>р, *g^h>б;

2) и.-е. звонкие придыхательные переходят в щелевые f, h (§ 28);

3) изменение групп согласных kt > ht, pt > ft, nd > nn, -ns > -f;

4) -ā > -ō; ō > ū;

5) гласные в срединных и конечных слогах часто синкопируются.

§ 37. В 1-м склонении Nōm. Pl. имеет окончание -ās.

Во 2-м склонении Gen. Sg. имеет окончание -eis по аналогии основ на -i-: Nōm. Pl. — -ōs.

В 3-м склонении Gen. Sg. — -eis; Acc. Sg. согласных основ — -ōm, по аналогии основ на -ō; Nōm. Pl. в согласных основах — -ēs > -s, в основах на -ī — -ēs.

§ 38. Будущее время образуется с помощью -s-.

В образовании основ перфекта оско-умбрская группа значительно расходится с латинским языком. Латинские образования на -s- и на -ц- отсутствуют в оско-умбрском, зато имеются образования на -f- (<*bh-), формально сходные с латинскими формами будущего времени на -b-, а в осском и на -tt- (в 1-м спряжении).

Перфектный субъюнктив имеет суффикс -ē-. Перфектное будущее представляет собою, по-видимому, образование, составленное из именной формы глагола и вспомогательного глагола 'быть', причем именная форма имеет различные суффиксы (-us-, -l-, -nkj-). Инфинитив (praes. āct.) имеет окончание *-ōm (ср. §689).

§ 39. Наиболее серьезные расхождения между оско-умбрской ветвью и латинским языком относятся, стало быть, к образованию глагольных форм, но касаются таких форм, которые либо являются заведомо поздними, как будущее время, либо подверглись значительной перестройке в процессе развития самой италийской ветви, как перфект.

С другой стороны, из этих расхождений можно сделать вывод, что оско-умбрская

¹ В недавнее время некоторые языковеды, в том числе итальянский историк латинского языка Девото, выдвинули иное объяснение италийской языковой общности. По их мнению, латино-фалисская и оско-умбрская группы являлись самостоятельными ветвями индоевропейской семьи языков и лишь впоследствии, оказавшись по соседству на территории Италии, стали между собой скрещиваться и сближаться одна с другой. Теория эта приписывает чрезмерно преувеличенное значение "скрещиванию" как фактору образования языковой близости. См. И. М. Гронский. Очерки из истории латинского языка. М.— Л. 1953. стр. 72 и сл.

группа, уже после отделения от латино-фалисской, значительное время развивалась как единое целое, прежде чем она разветвилась на осский и умбрский языки.

§ 40. Осский — наиболее консервативный из всех италийских языков по темпам фонетического развития. Он до конца своего существования сохранил почти все дифтонги, конечные согласные, интервокальное *-s-*.

Характерным для осского языка процессом является анаптика (ср. § 174), т. е. развитие гласного элемента внутри согласной группы, например, *sakarater* = лат. *sacrātur*.

Образец осского текста (Vetter, № 11). *í* = открытому *i*; *ú* = *o*; *z* = *ts*; удвоение гласного означает долготу.

V. Aadirans V. eitiuam
paam vereiiai Púmpaiianaí
tristaamentud deded, eísak
eítiuvad V. Viínikiís Mr.
kvaísstur Púmpaiians trífbúm
ekak kúmbennieís tanginud
úpsannam deded, ísídum
prúfatted.

V. Ādirānus V. f. pecūniam
quam custōdiae portāriae
Pompeiānae testāmentō dedit, eā
pecūniā V. Vinicius Mr. f.
quaestor Pompeiānus domum
hanc conventūs sententiā
faciendam dedit, ídem probāvit.

§ 41. В противоположность осскому языку, умбрский представляет собой язык со сравнительно быстрыми темпами фонетического развития. Он монофтонгизировал все дифтонги, в значительной мере устранил конечные согласные, ротакизировал интервокальное и отчасти конечное *s*, превратил *k* перед гласными переднего ряда в свистящий *ç*, *d* в *ř* (точный характер звуков *ç* и *ř* неизвестен); таким образом, ряд фонетических процессов, имевших место в латинском языке в конце его истории, предвосхищен был задолго до этого в умбрском.

Образец умбрского текста (Игувинские таблицы, V a 24 — V b 7). Умбрский алфавит не имеет буквы *o* и использует знак *u* и для *o* и для *u*. Что эти звуки различались, видно из текстов, написанных латинским алфавитом.

Sve mestru karu fratu
Atiieŕiu, pure ulu benurent,
prusikurent kuratu rehte neip
eru, enuk fratu ehvelklu feia
fratreks ute kvestur, panta muta
aŕferture si. Panta muta fratu
Atiieŕiu mestru karu, pure ulu
benurent, aŕferture eru
pepurkurent herifi, etantu mutu
aŕferture si.

Sī maior pars frātrum
Atiediōrum, quī illūc vēnerint,
prōnuntiāverint cūrātum rēctē nōn
esse, tum frātrum sententiam roget
magister aut quaestor, quanta multa
flāminī sit. Quantam multam frātrum
Atiediōrum maior pars. quī illūc
vēnerint, flāminī esse oportuerit
poposcerint, tanta multa flāminī sit.

§ 42. Некоторые ветви индоевропейских языков связаны настолько тесным родством, что для них приходится предположить более или менее продолжительный период совместного развития уже после того, как они отделились от прочих членов семьи. Так, есть очень серьезные основания считать, что индийская и иранская ветвь прошли через период индоиранского языкового единства; нередко высказывалась мысль, что выделению славянской и балтийской ветви предшествовал период балто-славянского языкового единства.

Доисторическое единство отдельных ветвей обнаруживается в совместных новообразованиях, совместном изменении общеиндоевропейского наследия; характер новообразований должен быть при этом таков, чтобы исключалась возможность случайных совпадений или параллельных процессов, и чтобы новообразования специфичны были только для данных ветвей. Совместное сохранение древних черт индоевропейского наследия в тех или иных ветвях не может служить признаком их тесного родства, наличия в прошлом какого-либо другого единства, кроме общеиндоевропейского.

По вопросу о принадлежности италийской ветви к более широкому языковому единству внутри индоевропейского были высказаны две гипотезы.

§ 43. Одна из этих гипотез восходит в своих истоках к самой античности. Греческие грамматик и антиквары еще в I в. до н. э. (например, Дионисий Галикарнасский, Ant. Rom. 1.90) утверждали, что латинский язык представляет собой ответвление от эолийского диалекта греческого языка, искаженное в результате многочисленных смещений с другими языками. Наблюдения над сходством латинского языка с греческим привели в XIX в. уже в рамках сравнительно-исторического языкознания к гипотезе греко-италийского единства. В генеалогической классификации Шлейхера (1863) и его последователей греческий и италийский языки вместе с кельтскими рассматривались как единая "южноевропейская" ветвь индоевропейских языков.

Действительно, греческий язык представляет сходные черты с

италийскими, но они отнюдь не свидетельствуют в пользу греко-италийской гипотезы. Тут надо различать троякого рода явления.

Как известно, греческая культура играла большую роль в историческом развитии Рима и всей Италии. Греческие слова проникали в латинский и прочие италийские языки и даже сохраняли иногда свое словоизменение: *ἄἄρ* (ἀήρ) имеет форму вин. п. *ἄἄга*; в период господства Рима в греческих землях имел место и противоположный процесс — усвоение греческим языком латинских слов. Но вытекающие отсюда “сходства”, разумеется, не имеют никакого отношения к рассматриваемой здесь проблеме доисторического “греко-италийского” единства.

Рассмотрим другой случай — формы единственного числа первого склонения:

	Лат.	Ос.	Умбр.	Греч.	И.-е. окончания
Nōm.	terra	touto	mutu¹	θεᾶ́	*-ā
Gen.	apx. terrās	eituas	totar	θεᾶ́ς	*-ās
Dat.	terrae	deivaí	tote	θεᾶ́	*-āi
Acc.	terram	toutam	totam	θεᾶ́ν	*-ām

Если сделать поправку на фонетическую эволюцию отдельных языков (*ā > ос.-умбр. ō; -s > умбр. -r; -āi > лат. -ae, умбр. -e; -m > греч. -ν*), то перед нами почти тождественное склонение (о лат. Nōm. на -ā см. § 315).

Это — несомненное “сходство” и притом древнее, но оно не ограничивается италийскими языками и греческим. Те же окончания можно обнаружить, опять-таки с учетом фонетического развития отдельных языков, в формах Nōm.: д.-и. *áçvā*, лит. *gankà*, ст.-сл. *рѣка*, гот. *giba*; Gen.: лит. *gañkos*, гот. *gibos*; Dat.: лит. *gañkai*, ст.-сл. *рѣцѣ*, гот. *gibai*; Acc.: д.-и. *áçvām*, лит. *gañka*, ст.-сл. *рѣкѣ*.

Рассматриваемая парадигма свидетельствует не о каком-то особом “греко-италийском” единстве, а об о б щ е и н д о е в р о п е й с к о м .

Для оправдания “греко-италийской” гипотезы нужны факты, которые свидетельствовали бы не о совместном сохранении старого наследия, а о совместном его изменении в отличие от других языков. Между тем, совместных н о в о о б р а з о в а н и й в греческом и в италийских языках очень мало, и ни одно из них не является настолько специфическим, чтобы необходимо было предположить общее происхождение новообразования и чтобы невозможно было его возникновение в процессе параллельного развития.

¹ Жирным шрифтом выделены формы, которые встречаются в надписях, начертанных италийскими письменами.

К таким новообразованиям, которые легко могут возникнуть в разных языках независимо друг от друга, относится, например: оглушение звонких придыхательных, предполагаемое в доисторическом прошлом италийских языков (§ 28), распространение местоименных окончаний *Nōm. Pl.* в 1-м и 2-м именном склонении и *Gen. Pl.* в 1-м склонении (§§ 321, 322, 338), форма повелительного наклонения *λεγύ-ντω-ι.* ср. лат. *legu-ntō* (§ 551).

В ряде своих новообразований греческий язык тяготеет к восточной группе (армянский, индоиранские; ср. § 20 о приращении), между тем как италийские сходятся с языками западной группы: кельтскими, германскими, отчасти славянскими.

Нет ничего невозможного в предположении, что в доистории греческой и италийской ветви был период, когда они расположены были по соседству, и между ними происходил некоторый между-диалектный обмен, но доводы, приводившиеся в пользу гипотезы об особом “греко-италийском” языковом единстве, совершенно неосновательны, и эта гипотеза в настоящее время уже не имеет сторонников.

§ 44. Другая гипотеза — итало-кельтская. Предположение о былом единстве италийских и кельтских языков более обосновано, чем греко-италийская гипотеза, но и здесь не приведено каких-либо решающих доводов.

В качестве “итало-кельтских” новообразований приводились: ассимиляция губного *p* лабиовелярному *q^u* следующего слога (и.-е. **penk^e* ‘пять’, лат. *quīnque*, др.-ирл. *coic* и, с переходом лабиовелярных в губные, ос. *rompre-*, кимр. *rhmp*; ср. § 274); расширение основ на *-ti-* суффиксом *-ōp-*; превосходная степень на **-is-ōmo-* (§ 408); род. п. *-ī* в основах на *-ō-* (§ 331); субъюнктив на *-ā-* (§ 556); образование будущего времени на *-b-* в латинском и древнеирландском (§ 566); окончания медиопассива на *-г* (§ 538).

С открытием в XX в. тохарского и хеттского языков (§ 2) выяснилось, что наиболее характерные черты “итало-кельтской” морфологии имеют гораздо более широкое распространение. Медиопассив на *-г* обнаружен был в обоих новооткрытых языках: субъюнктив на *-ā-* оказался в тохарском. Это привело к мысли, что мы имеем дело здесь не с “новообразованиями”, а с чертами древнего общиндоевропейского состояния, сохранившимися на окраинах территории, занятой индоевропейскими языками, но утерянных в центральной ее части. Род. п. на *-ī* также не составляет “итало-кельтской” специфики: он имеется в венецком и мессапском.

§ 45. Не образуя специфического “единства”, италийские и кельтские языки имеют ряд общих признаков; некоторые черты

сближают их и с германскими языками, например: своеобразный переход *-tt- > -ss-* (§ 230), слияние аориста с перфектом и образование перфекта с помощью удлинения корневого гласного (§ 625).

Место италийской ветви внутри индоевропейской семьи правильнее всего определить ее принадлежностью к “западной” группе индоевропейских говоров, из которых она выделилась в самостоятельную ветвь, наряду с кельтской и германской ветвями.

§ 46. Не приходится сомневаться в том, что языки италийской ветви не являются “исконными” для Апеннинского полуострова, а проникли туда с севера, но о времени этого проникновения и его путях возможны только догадки.

Выдающуюся роль в разработке всего круга вопросов, связанных с происхождением и расселением племен Италии, сыграли работы русского ученого В. И. Модестова (1839 — 1907), который впервые стал широко привлекать материалы доисторической археологии Италии для разрешения проблемы ее этногенеза.

Развивая и дополняя предположения Модестова в соответствии с новейшими археологическими и лингвистическими данными, можно сделать следующие выводы о соотношении между обеими группами италийской ветви.

Языки италийской ветви проникли в Италию не как единое целое, а, по меньшей мере, двумя волнами, отделенными одна от другой значительным промежутком времени. За этот промежуток времени накопились те различия, которые отделяют латинский язык от оско-умбрской группы в целом.

Сперва по территории Италии распространились латино-фалиссские языки. Затем вторая миграционная волна, оско-умбрская, оттеснила и, вероятно, в значительной мере перекрыла языки латино-фалиссской группы. Языки оско-умбрской группы занимают в историческое время сплошную территорию, и притом очень значительную, в то время как латинский и сиккульский территориально разобщены и оттеснены на запад и на юг полуострова.

Если учесть, что интенсивное заселение Лация, составляющее один из заключительных моментов описанного здесь процесса, датируется концом второго тысячелетия до н. э., вряд ли мы сделаем большую ошибку, отнеся к его первой половине начало проникновения латино-фалиссской языковой группы на территорию Италии.

ГЛАВА III

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА И ИСТОЧНИКИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

§ 47. Береговая полоса к югу от Этрурии до Помптинских болот вместе с прилегающей к ней долиной нижнего Тибра и его притока Аниена и вулканическим массивом Альбанских гор составляли территорию латинских племен — древний Лаций. Во второй половине второго тысячелетия до н. э. склоны потухшего вулкана стали быстро заселяться, и к началу железного века весь Лаций был покрыт сетью поселений однотипной культуры. Здесь осели носители латино-фалиссской речи.

На самой границе Лация и Этрурии, у реки Тибра, в 23 километрах от устья, рядом с областью сабинян, раскинулся город Рим. Возникновение Рима окутано в античной традиции покровом мифа, но в этом мифе можно разглядеть и исторические черты. Согласно преданию, Рим, основанный Ромулом, был заложен на Палатинском холме, а объединившиеся с римской общиной сабиняне имели свой центр на Квиринале. Этот момент объединения двух общин подтверждается археологическими данными.

В создании римской общины принимали участие и северные соседи римлян — этруски. Последние цари Рима, согласно преданию, принадлежали этрусской династии.

Таким образом, Рим был городом со смешанным населением, в его создании принимало участие несколько племен. Однако язык римлян оставался латинским. Сабиняне, принадлежавшие по языку к осской ветви, были латинизованы настолько, что не сохранилось ни одного памятника на сабинском языке.

§ 48. Словарный состав латинского языка отразил многообразные связи между латинянами (или их предками) и иноязычными племенами, с которыми они вступали в исторический контакт. В латинском языке есть слой слов с неясными индоевропейскими связями: *focus* 'очаг', *guttur* 'горло', *orbis* 'круг', *laus* 'похвала', *pareo* 'являться' и т. п. Оказавшись в Италии, латиняне встретились с растительным миром Средиземноморья и в ряде случаев заимствовали слова для его обозначения из языков местных жителей.¹ Нередко в греческом языке имеются сходные по звучанию слова, но они не связаны регулярными фонетическими соответствиями с латинскими словами. Эти слова были заимствованы и греками и

¹ О языках Италии, не принадлежавших к "италийской" ветви и.-е. языков, см. И. М. Тронский. Очерки из истории латинского языка. М. — Л., 1953, гл. III.

римлянами у средиземноморских народов: *rosa*, *Plum*, *laurus* и т. д.

Языки непосредственных соседей Лация оставили также след в словарном составе латинского языка. Сабинский язык принадлежал к осской группе, и сабинский элемент в латинской лексике выделяется своими фонетическими особенностями. К числу их относится, например, срединное *-f-* (§ 28) или замена общиндоевропейских лабиовелярных звуков губными (§ 36). Такие слова, как *lupus*, *bōs*, *scōfa*, *īferus* вошли в латинский язык из сабинского. Это, с одной стороны, сельские слова, обозначающие животных, растения, орудия, с другой стороны, — культовые термины (*dī īferī*, *dīgus*, *pora* 'помощник жреца' и т. п.). Роль сабинян в создании римского культа подчеркивает также и римская традиция о царе Нуме Помпилии.

Этрусский слой латинской лексики труднее поддается определению, т. к. этрусский язык (по-видимому, неиндоевропейский) очень мало известен. Лучше всего известны этрусские личные имена, и сопоставление их с латинскими показывает, что система римских имен (личное имя — *praenomen*, затем родовое — *nomen*, а иногда и добавочное имя ветви рода — *cognomen*) создалась под непосредственным этрусским влиянием. Самые имена, в особенности родовые, имеют в очень большом количестве этрусское происхождение — *Aulus*, *Atīlius*, *Popilius*, *Sisenna*, *Caecina*. К этрусскому языку восходят слова *histriō* 'актер', *mantissa* 'довесок', *lanista* 'содержатель школы гладиаторов', *persōna* 'маска, лицо', и, вероятно, многие другие слова на *-na* — *trāsenna* 'сеть для ловли птиц', *catēna* 'цепь', *sagīna* 'откармливание', *aegumna* 'палка для ношения тяжестей' (впоследствии — 'тяжелый труд'), *antenna* 'рея', слова на *-eus* — *balteus* 'перевязь, сбруя', *clupeus* 'щит', *pilleus* 'войлочная круглая шапка' и т. д.

Этрусское культурное влияние распространилось на государственную и культовую сферу, а также на область техники, торговли, театральных представлений. Именно к этой области и относятся лексические заимствования из этрусского языка. Начальные этапы образования классового общества и государства проходили у латинян в период наибольшего этрусского влияния, и это отразилось на таких терминах, как *urbs*, *populus*; они не индоевропейские и могут восходить только к языку этрусов — создателей древнейшего классового общества в средней Италии. Через этрусов пришли в латинский язык и многие греческие заимствования — *hercle* 'клянись Гераклом', *Accherŕŕns* 'Ахеронт', *lanterna* 'светильник' и т. д.

§ 49. В начале своего исторического пути латинский язык был племенным языком нескольких небольших родственных племен и

занимал очень ограниченную территорию. В V в. до н. э. она простиралась не более, чем на 2000 кв. км. Разрыв с Этрурией, наступивший в связи с установлением Римской республики, и продвижение осских горных племен на юге создали для Рима, передовой общины Лация, изолированное положение. Результатом этого был рост значения сельского патрициата и замедление культурного развития. В IV в. до н. э. начинается экспансия Рима, приведшая в первой половине III в. до н. э. к созданию италийской федерации под главенством Рима. Окончание в конце III в. до н. э. сословной борьбы плебеев с патрициями превратило Рим в окончательно оформившуюся рабовладельческую общину античного типа. Латинский язык к этому времени стал языком римской народности, возникшей из соединения нескольких племен, и вместе с тем языком центральной общины большого государства. Территория распространения латинского языка увеличилась благодаря созданию целой сети римских колоний, т. е. военных поселений, в южной и средней Италии.

От всего этого периода до середины III в. до н. э. сохранились лишь единичные небольшие по размеру либо поврежденные памятники, как-то: Пренестинская заставка (1².3, VI в. до н. э.), надпись на форуме (1².1, около 500 г. до н. э.), надпись Дуэноса (1².4, вероятно, IV в. до н. э.), опубликованная в 1926 г. надпись из Тибура (1².2658), бронза Фуцинского озера (1².5). Прочие тексты этого времени — отрывки законов XII таблиц и сакральных (так называемых “царских”) законов, отрывки из гимна салиев, гимн арвальских братьев (1².2) — дошли до нас в фонетически модернизованном, иногда даже искаженном виде. Сопоставление этих текстов с позднейшими памятниками латинского языка свидетельствует о том, что в это время происходили фонетические процессы, обновившие звуковой облик латинского слова. В надписи Дуэноса почти ни одно слово еще не имеет той формы, которая установилась для него во II в. до н. э. К V — III вв. до н. э. относятся фонетические процессы в срединных и конечных слогах (§§ 139 — 163), начало монофтонгизации дифтонгов (§§ 107 — 115), ротаксизм (§ 212), ослабление конечных согласных (§§ 218 — 220). Одновременно развивались различные виды сложноподчиненного предложения.

В процессе своей экспансии Рим вступал в языковой контакт с греками, и греческий язык стал источником обогащения латинской лексики в течение ряда веков. Древнейший слой заимствований из греческого языка относится по преимуществу к области материальной культуры, торговли, морского дела.

Греческие слова попадали в Рим устным путем от италийских греков чаще всего в той форме, какую они имели в дорическом диалекте южной Италии и Сицилии. Попав в латинский язык, эти

слова полностью ассимилировались и изменялись в процессе фонетического развития латинского языка: *māchina* < греч. дор. *μᾶχανᾶ* (§ 141a), *olīva* < *ἐλαίφα* (§ 152), *talentum* < *τάλαντον* (§ 149).

Из древних диалектов латинского языка лучше всего известен говор Пренесте¹.

Особые диалектные явления возникали в языке колоний, где окружающая иноязычная среда воздействовала на язык поселенцев. Сельские говоры вблизи Рима также имели свои отличия. Для них характерна, например, более интенсивная монофтонгизация дифтонгов, чем в Риме (§§ 114, 115), тенденция к тембру *u* вместо тембра *o* (§§ 127, 137) и отпадение *-s* (§ 220). Благодаря влиянию сельского патрициата диалектные явления нередко проникали в канцелярский стиль римских официальных документов.

§ 50. С середины III в. до н. э. история письменного латинского языка документируется уже не только эпиграфической, но и литературной традицией. Наступивший после культурного застоя V — IV вв. перелом привел к возникновению римской литературы. Темпы идеологического обновления еще более возросли во II в. до н. э. в связи с резкими сдвигами в хозяйстве Италии и новыми задачами Рима, присоединившего к себе Испанию, Северную Африку и европейскую Грецию.

Во второй половине II в. до н. э. Рим приобщается уже к таким сложным формам рабовладельческой идеологии, как греческая философия и риторика. Вторая половина III в. до н. э. и в особенности II в. до н. э. представляет собой период становления литературного латинского языка. В отличие от той, уже выработанной формы, которую литературный язык получает в I в. до н. э., язык III — II вв. до н. э. обычно именуется архаической латынью. От литературы этого периода сохранились комедии Плавта и Теренция и сельскохозяйственный трактат Катона Старшего; от остальных авторов дошли только фрагменты. Новые культурные задачи требовали значительного роста словарного состава, усложнения синтаксиса. Быстрыми темпами идет создание новых отвлеченных имен, новых сложных глаголов, обогащение старых слов новыми значениями. Подчас новые слова создаются по греческой модели, но литературный латинский язык старается прибегать к прямым заимствованиям возможно реже, несмотря на то, что в разговорной речи и римской верхушки и низов города Рима греческие заимствования во II в. до н. э. получили большое распространение. Попытка поэта Луцилия расширить употребление заимствованных

¹ Надписи на ларцах и зеркалах этрусской работы, изготовлявшихся в Пренесте, принадлежат, по-видимому, этруским мастерам и не могут служить источником для изучения пренестинского говора.

греческих слов в литературном языке не имела успеха. С другой стороны, расшатанная бурными процессами предшествующего периода фонетико-морфологическая система латинского языка приходит в более устойчивое состояние. В основу литературного языка ложится диалект города Рима, более консервативный с фонетической стороны, чем сельские говоры. Литература рабовладельческого общества культивирует в первую очередь жанры “высокого” стиля: эпос, трагедию, красноречие. Литературный язык поэтому, хотя и устраняет различные обветшавшие архаизмы, относится очень сдержанно к грамматическим новообразованиям живой речи и восстанавливает в этих случаях нарушенную “чистоту” языка. Значительную роль в создании литературного языка сыграла деятельность поэта Энния (239 — 169 гг. до н. э.) и его литературных последователей. Деятельность эта имела вполне сознательный характер и опиралась на теоретическую разработку вопросов языка и стиха. С именами Энния и Акция (170 г. — после 90 г. до н. э.) связаны орфографические реформы (§§ 102, 103). Со второй половины II в. до н. э. в Риме уже развивается грамматика как самостоятельная дисциплина, и видные писатели, как Акций, Луцилий, а впоследствии Юлий Цезарь, принимают участие в разработке грамматических вопросов.

В рассматриваемый период латинский язык распространился на севере Италии и вышел за ее пределы. Присоединение Сицилии, Сардинии и Корсики в результате первой Пунической войны, Испании — в результате второй, присоединение Цизальпинской, а затем и Нарбонской Галлии сопровождалось основанием колоний и началом романизации этих областей.

§ 51. Литературный язык, соответствующий усложнившимся потребностям развитого рабовладельческого общества, устанавливается в I в. до н. э. “Классическая”, или, как ее называли гуманисты, “золотая” латынь по своему лексическому богатству и многообразию синтаксических средств способна уже выражать сложные отвлеченные мысли и тонкие оттенки душевных переживаний. Это язык, обладающий богатой научно-философской, политической и технической терминологией. Фонетико-морфологическая система укреплена, почти стабилизирована.

Стилистическим идеалом является *latīnitās* — чистый латинский язык, точнее *urbānitās* — установка на говор города Рима и его образованной верхушки в противоположность *rūsticitās* — сельским диалектам и *peregrīnitās* — особенностям латинского языка других местностей.

Многочисленные морфологические дублеты старой латыни устранены, а в тех немногих случаях, когда они сохраняются, они

получают стилистическую дифференциацию.

По вопросу о соотношении литературного языка и разговорной речи в Риме, как и в Греции, существовали два направления, нашедшие выражение в учениях двух грамматических школ: “аномалисты” допускали в литературном языке многочисленные нерегулярности обыденной речи, а сторонники противоположной точки зрения — “аналогисты” — требовали проведения максимального единообразия в словопроизводстве и словоизменении. “Классическая” латынь в значительной мере следует этому последнему принципу. Синтаксическое развитие идет по линии обогащения отвлеченных значений именных и глагольных форм, усложнения структуры предложения. Оживляются причастные конструкции, создаются новые формы подчинения предложений. Синтаксический период получает у Цицерона гармоническую форму, основанную на равновесии отдельных ритмико-синтаксических частей (сōlon), и завершается ритмической концовкой (clausula).

Вырабатываются грамматические отличия языка поэзии от языка прозы. Язык поэзии имеет более архаический характер и допускает более свободный порядок слов, использование простых глаголов вместо сложных, беспредложное употребление падежей вместо постановки предлогов при них; поэзии свойственно также особое употребление множественного числа. Вокруг вопросов нормирования литературного языка шла борьба различных литературных направлений. Основная, получившая впоследствии преобладание линия представлена Цицероном — в прозе, Вергилием — в поэзии. Но рядом с этим были и другие тенденции. В отличие от строгого отбора слов и форм у Цицерона и еще более строгого у Цезаря, мы наблюдаем тенденцию к свободному пользованию богатствами языка у Лукреция и архаический колорит у Саллюстия.

Нормализованный и усложненный язык классического периода не отрывался, однако, от живого римского говора. Это тот язык, грамматический строй которого описывается в школьной грамматике.

§ 52. Уже в начале I в. до н. э. “союзническая война” (91—89 гг.), окончившаяся распространением римского гражданства на всех италиков, положила начало сплочению некогда многоплеменной Италии в единую италийскую народность. Известную роль при этом сыграло также смешение населения при раздаче земель войскам Суллы, а впоследствии войскам Антония и Августа. С этого времени в Италии исчезают памятники, составленные на местных языках. Дольше других держался осский: осские надписи встречаются еще в I в. н. э. При повсеместном переходе Италии на латинский язык распространение получал не только литературный язык, основанный на римском говоре, но и диалектная “сельская” латынь, отличавшаяся своими особенностями. Представление об этих

особенностях дают помпейские надписи, сохранившиеся в разрушенном при извержении Везувия в 79 г. н. э. городе Помпеях. Надписи эти во многих случаях отражают народно-разговорную речь. Они показывают, что латинский язык вышел победителем из столкновения с местными языками. Следы побежденных языков сохранились, быть может, в некоторых фонетических деталях¹, но они, во всяком случае, немногочисленны. Однако в помпейских надписях мы находим фонетические явления, свойственные диалектной латыни, и ослабление некоторых грамматических категорий, например, отложительного падежа (§§ 308, 309).

Надо полагать, что явления того же рода имели место в других областях Италии и вне ее. В I в. до н. э. и в начале I в. н. э. Рим овладел Галлией, Иллирией, Ретией, Паннонией и Нориком, и эти области вскоре начали романизоваться. На области, в которых господствующим языком был греческий, — на европейскую Грецию и эллинистические страны Востока — романизация не распространилась.

§ 53. Новые явления, которые намечаются в народно-разговорной речи Италии в I в. н. э., не отразились в литературном языке. Послеклассический литературный язык I в. н. э. (“серебряная” латынь) окончательно стабилизировал фонетико-морфологическую систему классического языка, и развитие ее приостановилось. Грамматик Реммий Палемон во времена Тиберия и Клавдия положил в основу грамматического обучения язык писателей классического периода; до этого оно происходило на основе языка писателей III — II вв. до н. э. В грамматических трактатах Палемона и его последователей была подробно фиксирована морфологическая система классического языка и установлены правила орфографии. Это та орфография, которой мы поныне пользуемся при издании латинских текстов. Для литературных стилей I в. н. э. характерно стремление к искусственности, введение в прозу особенностей поэтического языка, частое употребление греческих оборотов речи.

Словарный состав языка продолжает обогащаться, особенно в области производства новых отвлеченных имен. У Цицерона насчитывают около 600 имен на -tiō; во времена Адриана их уже 1447.

К самому началу II в. относится последнее крупное территориальное приобретение Рима, на основе которого возник новый очаг распространения латинского языка, — завоевание Дакии.

§ 54. Со II в. н. э. античное рабовладельческое общество вступает в состояние застоя, за которым в III в. последовал острый кризис. В Греции и в Риме распространяется архаистическое направление, ориенти-

¹ Возможно, например, что распространенная в современных диалектах средней и южной Италии ассимиляция -nd- > -nn- (unniē < лат. undecim) восходит непосредственно к переходу -nd- > -nn- в осском языке (§ 36).

рующееся во всех областях идеологии на культуру прошлого.

То же имеет место в литературном языке. Архаисты II — III вв. щеголяют старыми словами, заимствуемыми у писателей доклассического периода. Литературный язык отрывается, таким образом, от развития народно-разговорной речи и перестает регулировать это развитие.

Между тем в живом языке происходили значительные явления. Самым серьезным из них был переход латинского музыкального ударения в динамическое (§ 95), который со временем повлек за собой радикальную перестройку системы гласных латинского языка (§ 203), отразившуюся также и на системе согласных звуков (§§ 289 — 290).

Флективная система подтачивалась в силу семантической перегруженности многих форм и фонетической слабости конца слова. Усиливалось значение предложных конструкций и описательных глагольных форм, более экспрессивных, чем старые флективные формы.

Интенсивно проходило также лексическое развитие. Разговорная лексика расходилась с книжной; из разговорного языка вытеснялись многие старинные слова, особенно если они были недостаточно экспрессивны, отличались малым объемом и нерегулярными формами словоизменения. Такие восходящие ко временам индоевропейской языковой общности слова, как *ferō*, *edō*, *vir*, уступали место более экспрессивным, полнозвучным и регулярным синонимам как *portō*, *mandūcō* или *comedō*, *homō*.

Распространение христианства также оказывало влияние на развитие языка. Новая религия принесла с собой специфическую лексику, заимствованную из греческого языка — *ecclēsia*, *baptizāre*, или еврейского языка — *pascha*. Переводы христианских священных текстов с греческого языка изобиловали грецизмами, многие из которых прочно вошли в христианскую письменность.

При всех этих новых тенденциях народно-разговорный латинский язык оставался относительно единым на всей территории Империи. Нет основания сомневаться в том, что в каждой романизованной провинции имелись свои лексические, а может быть, и фонетические особенности, проникавшие в латинский язык из вытесняемых им языков. Однако в период ранней Империи (I — III вв.) это была только диалектная окраска единого языка.

§ 55. Положение изменилось с IV в., когда натурализация хозяйства в Римской империи ослабила экономические и культурные связи между отдельными провинциями. Самостоятельность отдельных областей еще больше возросла, когда в V в. в результате германских нашествий от Империи отторгались многочисленные территории. Латинская народно-разговорная речь стала развиваться в отдельных областях более самостоятельно.

Литературный язык поздней Империи (“поздняя” латынь) вряд ли заслуживает того презрительного отношения, которое он иногда встречает. Если в средние века латинский язык оказался языком науки и философии, то это было возможно лишь в результате того лексического богатства, которое он приобрел в период поздней Империи. Однако синтаксические нововведения народно-разговорной речи, например развитие дополнительных придаточных предложений взамен оборота *accūsātīvus cum īnfīnītīvō*, не остались ему чужды. Общая установка литературного языка была консервативной, и позднелатинская поэзия продолжает строиться на старом количественном различии долгих и кратких слогов, уже исчезнувшем в живой речи. На развитие этой речи книжный язык не мог оказывать сколько-нибудь значительное влияние уже потому, что культурный уровень в период распада античного общества стремительно понижался, и книжный язык был доступен немногим.

§ 56. С крушением Империи латинский язык остался языком не только Италии, но и романизованных областей. Лишь в немногих местах (Британия, Северная Африка) латинский язык уступил место другим. В огромном большинстве римских провинций романизация зашла настолько далеко, что латинский язык продолжал распространяться как среди старого местного населения, так и среди новых завоевателей — германцев.

Перестройка латинского языка, наметившаяся еще в эпоху единой латыни (§ 54), продолжалась в каждой области по-особому, но в едином направлении, приводившем к редукции флективных форм и замене их служебными словами. Народности, образовавшиеся после крушения Империи, по-особому развивая латинский язык в связи с особенностями своей истории, выработали новые романские языки, относящиеся к латинскому как к своему языку-основе. Романский языковый тип создан благодаря общности происхождения романских языков от латинского и сходству законов развития, нередко наблюдаемому у родственных по происхождению языков. К романским языкам относятся на территории Испании — испанский, португальский и каталонский; во Франции — французский и провансальский, в Швейцарии и Тироле — ретороманский; далее — итальянский, сардинский, румынский. Далматинский язык, некогда распространенный по Далматинскому побережью, замер в XIX в.

С образованием романских языков латинский язык перестал быть орудием живого общения народных масс, но сохранился как письменный язык, как язык официальных документов, науки, философии, католической церкви. В части этих функций он сохраняется и поныне.

Процесс образования романских языков, равно как и дальней-

шая история письменного латинского языка в Средние века, в эпоху Возрождения и Новое время, выходит однако за рамки содержания настоящей книги, которая посвящена лишь античной латыни.

ИСТОЧНИКИ

§ 57. 1) Тексты.

Античные тексты, являющиеся памятниками латинского языка, можно разделить на литературные и эпиграфические (надписи). Литературные тексты сохранились, как правило, в средневековых рукописях (античных папирусов, содержащих латинские тексты, дошло очень немного). Они обильно представлены, начиная с классического периода развития языка. Архаические литературные тексты немногочисленны (§ 50) и дошли до нас в форме, несколько модернизированной позднейшими переписчиками. Литературные тексты хорошо документируют историю литературного языка, но значительно слабее отражают народно-разговорную речь. Для изучения народно-разговорной речи важны те литературные жанры, которые хотя бы в некоторой степени воспроизводят ее характерные черты: комедия, сатира, эпиграмма. Особенно интересен роман Петрония (умер в 66 г. н. э.) “Сатирикон”, некоторые части которого содержат художественное воспроизведение разговорной речи необразованных вольноотпущенников. Близки к народно-разговорной речи также неприязательные произведения научного или технического содержания, особенно относящиеся к позднему времени, например ветеринарный трактат *Mūlomedīcīna Chīrōnīs* и некоторые произведения христианской письменности.

Поэтому весьма полезным добавлением к литературным текстам служат надписи, сохранившиеся в количестве более 100000. Кроме официальных надписей, являющихся документами римского канцелярского стиля, имеется огромное количество частных надписей, принадлежащих иногда лицам, не владевшим литературным языком. В отношении близости к народно-разговорной речи особенно интересны помпейские надписи (§ 52). Надписи сохранились от более раннего времени, чем литературные тексты (§ 49), и для всего архаического периода являются единственным вполне надежным материалом, лишь в исключительных случаях подвергавшимся модернизации. Они сохранились по всей территории Римской империи и дают поэтому представление о степени диалектных отличий в латинском языке разных местностей.

Латинские надписи собраны в *Corpus Inscriptiōnum Latīnārum* (С. I. L.), издающемся и переиздающемся с 1863 г. и составляющем 16 обширных томов. Для нашей цели особенно важен первый том корпуса, который содержит надписи республиканского периода, и четвертый том — надписи на стенах Помпеи и Геркуланума.

§ 58. 2) Античные свидетельства о фактах латинского языка. Изучение латинского языка восходит в Риме ко II в. до н. э. (§ 50). Однако от произведений римских грамматиков республиканского периода сохранились лишь книги 6 — 10 трактата Марка Теренция Варрона (116 — 27 гг. до н. э.) *Dē linguā Latīnā*, от прочего сохранились только фрагменты¹. Сохранившиеся трактаты римских грамматиков периода Империи собраны в издании Н. Keil, *Grammatici Latini* (G. L.), т. I—VII (с дополнением *Anecdota Helvetica*, ed. H. Hagen), 1857 — 1880.²

Наиболее подробные грамматические трактаты относятся уже к позднему времени.

Таковы трактаты IV в. н. э., принадлежащие Харисию, Диомеду и Донату; к руководству Доната составлялись впоследствии многочисленные комментарии (Сервия, псевдо-Сергия, Помпея и др.). К V в. относится грамматический труд Консенция, а к VI в. — обширный трактат Присциана. Специальные работы по орфографии сохранились от авторов II в. Веллия Лонга и Теренция Скавра. Трактат Теренциана Мавра *Dē litterīs, dē syllabīs, dē metris* содержит описание произношения латинских звуков.

Особый интерес представляет анонимное приложение к руководству Проба, так наз. *Arrendīx Probī*, противопоставляющее ряд “неправильных” форм, употребительных в живой речи, тем формам, которые грамматик считал правильными.

Сохранился также ряд лексикографических работ, посвященных истолкованию редких и непонятных слов. Обширный лексикографический материал был собран в труде Веррия Флакка (время Августа) *Dē significātū verbōrum*. Словарь этот дошел до нас в сокращении Помпея Феста (по-видимому, III в. н. э.). Однако единственная сохранившаяся рукопись Феста повреждена и содержит только часть текста, остальное известно по краткому извлечению из Феста, составленному в конце VIII в. Павлом Диаконом³. Другой пространный лексикографический труд принадлежит Нонию Марцеллу (III — IV вв.): *Dē compendiōsā doctrīnā ad filium*. Ряд словарей более позднего происхождения, так называемых глоссариев, собран в *Corpus glōssariōrum Latīnōrum* (C. G. L., 1888 — 1923).

Свидетельства, интересные для истории языка, имеются также у авторов, не писавших специально по грамматическим вопросам,

¹ Фрагменты республиканских грамматиков собраны в издании Н. Funaioli, *Grammaticae Romanae fragmenta*, т. 1, 1907.

² Фрагменты грамматиков периода Империи изданы А. Mazzarino. *Grammaticae Romanae fragmenta aetatis Caesareae*, т. 1, 1952.

³ *Sexti Pompei Festi dē verbōrum significātū quae supersunt cum Pauli epitomē...* ed. Lindsay. 1913.

например, в риторических трактатах Цицерона и Квинтилиана, в *Noctēs Atticae* Авла Геллия и т. п.

§ 59. 3) Добавочный материал дают также языки, с которыми латинский язык находился в контакте. Греческие написания латинских слов, звуковой облик слов, заимствованных из латинского языка греческим, а также германскими и кельтскими языками, нередко доставляют ценные сведения по латинской исторической фонетике, не содержащиеся в римских источниках.

§ 60. 4) Особый и исключительно важный для истории латинского языка материал устанавливается при помощи сравнительно-исторического метода на основании сопоставления латинского языка с генетически родственными языками. Какие выводы для происхождения латинского языка и его доисторического развития могут быть этим путем установлены, мы видели уже в гл. I — II. С другой стороны, романские языки находятся в таком же отношении к латинскому, как различные ветви индоевропейской семьи к индоевропейскому языку-основе. Сравнительная грамматика романских языков устанавливает закономерные звуковые соответствия между латинским языком и романскими. Во многих случаях факты, не засвидетельствованные латинскими источниками, могут быть установлены на основании романских языков.

§ 61. Научное изучение истории латинского языка стало возможным лишь в XIX в. с развитием исторического языкознания и применением сравнительно-исторического метода, которые значительно расширили базу исследования и исторический кругозор и заложили основу для более научного понимания процессов языкового развития. Уже в первой половине XIX в. филологи-латинисты обратили большое внимание на вопросы древней латыни, на язык Плавта и архаических надписей. Однако тесный контакт классической филологии и сравнительно-исторического языкознания установился лишь в более позднее время, в 80-е годы XIX в.

Крупную роль в разработке истории латинского языка играли русские ученые. О выдающемся значении работ В. И. Модестова уже упоминалось (§ 46). Из других работ русских лингвистов и филологов-классиков по истории латинского языка наибольшую ценность представляют труды Ф. Е. Корша, И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, И. В. Цветаева, И. В. Нетушила, С. Н. Жданова, М. М. Покровского, А. А. Грушки, А. И. Садова.

ГЛАВА IV

НОРМАЛЬНОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛАТЫНИ

§ 62. Гласные звуки латинского языка: *ā, ā, ē, ē, ō, ō, ī, ī, ū, ū*.

Во II — I вв. до н. э. в звуковой состав литературного языка вошли гласные *ū, ū*, которыми передавались греческие звуки *ū, ū* в словах, заимствованных из греческого языка, вместо прежней передачи через *ū, ū* (например, греч. *τύμβος*, лат. *tŭm̄ba* > ит. *tomba*); во времена Цицерона (Ог. 160) звук *ū* уже прочно вошел в латинскую звуковую систему. В это же время возник, может быть, и монофтонг *oe* (долгое закрытое губное *ē*, типа немецкого *ö*, в фонетической транскрипции *ø*), образовавшийся в порядке монофтонгизации дифтонга *oe* (§ 67).

Система эта построена на противопоставлениях двоякого порядка: с одной стороны количественных, с другой стороны качественных (тембровых).

С количественной стороны латинские гласные бывают краткими (*˘*) и долгими (*ˉ*); каждому краткому соответствует свой долгий. Это различие находит отражение в письме (§ 103), засвидетельствовано традицией римских грамматиков и подтверждается стихосложением, законами ударения (§ 90) и всей историей фонетического развития латинского языка.

Просодическое “количество” бывает двух родов: оно может сводиться к простому различию в относительной длительности долгих и кратких гласных, как это имеет место, например, в немецком языке; с другой стороны, оно может сопровождаться двухсоставностью долгого гласного, который содержит две “моры”. Так, в греческом языке долгий гласный может иметь ударение на первой море (облеченное ударение) или на второй (острое ударение). В таких языках долгий гласный приравнивается двум кратким. В латинском языке долгота была двухморная. Об этом свидетельствуют и традиция (§ 93) и графика (§ 103), и это вытекает из приравнивания долгого двум кратким в системе ударения (§ 90) и в стихе.

Все количественные противопоставления используются в латинском языке для различения слов и форм:

ā — *ā*: *mālum* ‘зло’ — *mālum* ‘яблоко’; *ācer* ‘клен’ — *ācer* ‘острый’; *silvā* (N. Sg.) — *silvā* (Abl. Sg.).

ē — *ē*: *lēvis* ‘легкий’ — *lēvis* ‘гладкий’; *tūtē* ‘ты’ — *tūtē* ‘безопасно’; *vēnīt* (3 л. ед. ч. Praes.) — *vēnīt* (3 л. ед. ч. Perf.).

ō — *ō*: *ōs* ‘кость’ — *ōs* ‘пот’; *pōpulus* ‘народ’ — *pōpulus* ‘тополь’; *seruōs* (N. Sg.) — *seruōs* (Acc. Pl.).

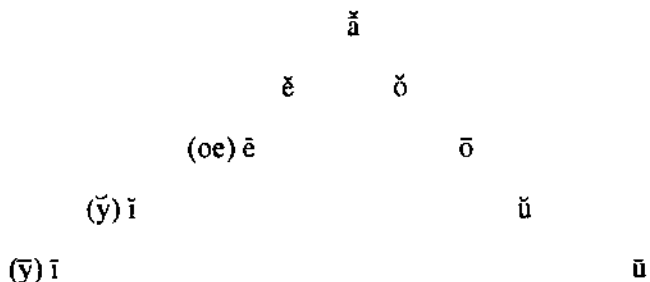
ī — i: pīla ‘мяч’ — pīla ‘ступка’; dīcō ‘посвящаю’ — dīcō ‘говоряю’; pontīs (Gen. Sg.) — pontīs (Acc. Pl.).

ÿ — ū: lÿtum ‘ил’ — lÿtum ‘желтоцвет’; lÿstrum ‘логово’ — lÿstrum ‘очищение’; exercitÿs (N. Sg.) — exercitÿs (Gen. Sg., Nom.-Acc. Pl.).

Все долгие и все краткие гласные латинского языка являются, таким образом, фонологически дифференцированными.

От фонологически значимого “количества” надо строго отличать вопросы фонетической длительности гласных, связанной с темпом речи и качеством гласного, равно как варианты длительности, зависящие от положения гласного в слоге и в слове. Как правило, открытые гласные длительнее закрытых, в открытом слоге (§ 87) гласный длиннее, чем в закрытом. Есть основание полагать, что в древней латыни гласный начального слога был длиннее, чем гласный срединного или конечного слога (§ 96). Длительность такого рода не образует фонологической долготы (а тем более долготы, основанной на двухморности) и не несет смысло-различительной функции, но в известных условиях может стать фактором, определяющим направление фонетических изменений.

§ 63. Систему латинских гласных можно схематически изобразить в виде фигуры:

где у основания угла лежит наиболее открытый гласный, “среднее” а (может быть, с незначительным тяготением в сторону переднего ряда), а по сторонам угла симметрично располагаются, в порядке возрастающей закрытости, слева негубные и губные гласные переднего ряда, а справа противостоящие им губные гласные заднего ряда; в этом последнем ряду степень огубленности гласных возрастает по мере возрастания закрытости.

Чехословацкий лингвист Горещкий (Ногеску) высказал предположение, что в древней латыни существенной стороной противопоставления u — i и o — e было различие губных и негубных гласных. Этим объяснялось бы, что греческое u, оставшееся во всех своих диалектных вариантах губным звуком, всегда передавалось по латыни как u. С появлением в латинской звуковой системе губных гласных переднего ряда (oe, ŷ, ū) соотношение изменилось, и существенным отличием u, o оказалась их принадлежность к заднему ряду. Впоследствии все губные гласные переднего ряда утратили свою огубленность и слились с соответствующими негубными: ŷ > ī, oe > ē; в романских языках они уже не получили самостоятельного отражения.

Римские грамматики сообщают о “некоем промежуточном звуке” (medius quidam sonus — Квинтилиан. 1. 4. 8) между i и u, который в письме прежде обо-

значался *u*, а впоследствии, примерно со времен Цезаря, стал писаться *i*. Речь идет о кратком закрытом гласном в положении перед губным согласным, обычно в срединных слогах (*optūmus* — *optīmus*), реже в начальном слоге — здесь обычно между *l* и губным (*lūbet* — *libet*). Этот звук не составлял особой фонемы (не существует, например, двух различных слов: *optūmus* с обычным *ī* и *optīmus* с “промежуточным звуком”) и не имеет рядом с собой соответствующего долгого гласного. Вероятно, именно для этого звука император Клавдий предложил новую букву $\bar{\iota}$ (§ 106). В чем состоял “промежуточный” характер звука, источники не сообщают. Судя по тому, что на его месте изредка встречается написание *y* (*LACHRYMIS* 1².1222), это был губной звук переднего ряда, близкий к *y*, но фонетически несколько от него отличный (вероятно, более открытый). Если это верно, гипотеза Горецкого позволяет объяснить разную его трактовку в разное время. Пока основное различие между *u* и *i* заключалось в противопоставлении огубленности и неогубленности, “промежуточный звук” воспринимался как принадлежащий к звуковому типу *u*; когда на первый план выдвинулось противопоставление передних и задних гласных, он попал в звуковой тип *i*. Возможно, конечно, что и самый звук с течением времени изменился. В более позднюю эпоху, во всяком случае, он потерял свой особый оттенок и уже ничем не отличался от *ī*.

Все долгие гласные, кроме *ā*, отличаются от соответствующих кратких по тембру: краткие — открытые (*ē, ǝ, ĭ, ŭ*), долгие — закрытые (*ē̄, ǝ̄, ī, ū*).

Об этом свидетельствуют:

1) прямые сообщения римских грамматиков: *ē* и *ē̄* — Викторин (G.L.6. 33.3 — 4), Помпей (G.L.5. 102. 4 — 13), Сервий (G.L. 4. 421. 16 — 21); *ī* и *ī̄* — Консенций (G.L.5. 394. 19 — 22); *ǝ* и *ǝ̄* — Теренциан (G.L.6. 329. 12f — 134), Викторин (G.L.6. 33. 3 — 9);

2) различная судьба кратких и долгих латинских гласных в романских языках, после того как старые количественные противопоставления исчезли и остались только тембровые (§ 203);

3) орфография надписей, в которых наиболее частыми “ошибками” являются написания: *e* вместо *ī* (открытого), напр.: 2. 2085 **VTELETAS** = *uīlītās*, 12.2997 **KARESSEMO** = *caīrīssīmō*; *i* вместо *ē̄* (закрытого), напр.: 12.1792 **ADOLISCENS** = *adolēscēns*, **MINSIS** = *mēnsis*; *o* вместо *ŭ* (открытого), напр.: 4.2288 **OBIQUE** = *ūbique*, 4.4112 **CANONT** = *canunt*; *u* вместо *ǝ̄* (закрытого), напр.: 4.5735 **FLVS** = *flōs*, 5.5416 **VXVRE** = *uxōre*; *o* закрытом произношении *ī* свидетельствует тот факт, что предназначенная для этого гласного “длинная иота” (§ 103) нередко обозначает в надписях неслоговое *j* (§ 71, § 203), т. е. настолько закрытую форму *i*, что она оказывается уже на грани согласности;

4) передача латинских звуков греками: лат. *ī* нередко передается через *ε*, напр.: κοπέτιον = *comītium* (κοπέτια, Syll.³ 646.2, 170 г. до н. э.), там же, 646.33 Κοπετάλιον = *Capitōlium*; лат. *ŭ* через *ο*, напр. Μόμμιος = *Mūmmius* (μομμιον — там же. 676), Πόπλιος = *Pūblius* (там же. 646.15): при этом следует иметь в виду, что греческие *ε* и *ο* имели закрытый характер; с другой стороны, римляне часто передают *ε* через *i*, *ο* через *u*, напр.: 10.3699 **ARCHILAVS** = *Αρχέλαος*, Theodosius (**THEVDOSI** 9.1365.) = *Θεοδοσιος*.

Отсутствие заметных тембровых различий между *ā* и *ā̄* устанавливается на основании показаний грамматиков (в первую очередь Луцилия, 9. 352 — 355) и одинаковой судьбы этих звуков в романских языках (лат. *cārus* > ит. *caro*, лат. *cārus* > ит. *caro*).

Закрытый характер долгих гласных является в период классической латыни их добавочным признаком и не имеет самостоятельного фонологического значения.

В положении перед гласным (может быть, и перед *r*) краткие гласные имели более закрытый оттенок, чем обычно.

Это устанавливается тем же путем, как и закрытый характер долгих гласных, на основании тех же источников (сообщения грамматиков, отражение в романских языках, орфография надписей, греческая передача латинских звуков). Этот чисто позиционный оттенок также не имел самостоятельного фонологического значения.

§ 64. Когда тембр гласного меняется во время его произнесения, образуется д и ф т о н г.

Дифтонги могут составлять самостоятельные фонемы, но могут встречаться и дифтонгические сочетания из двух гласных фонем, произносимых в один слог. Дифтонги латинского языка н и с х о д я щ и е : второй элемент менее открыт, чем первый. Наиболее частые дифтонги классической латыни *ae* и *au*.

§ 65. Дифтонг *ae*, происходящий из более древнего дифтонга *ai*, сохранял дифтонгическое произношение в течение всего классического периода, хотя рядом с ним существовало диалектное монофтонгическое произношение \bar{e} (§ 114). Согласно описанию Теренция Скавра (G. L. 7.16. 6 — 10, II в. н. э.), конечный элемент дифтонга звучал как *e* (*e novissima sonat*).

Таким образом, *ae* произносилось *aɛ* (ср. англ. *my*, нем. *mein*). С I в. н. э. распространяется монофтонгическое произношение в виде открытого долгого \bar{e} , которое к IV в. становится уже всеобщим.

§ 66. Дифтонг *au* сохранял свой дифтонгический характер в течение всего античного периода и вошел в ряд романских языков. Однако, как это имело место и с дифтонгом *ae*, в ряде диалектов он монофтонгизировался в \bar{o} (§ 115).

§ 67. Дифтонг *oe*, происходящий из более древнего дифтонга *oi* (§ 113), встречался в немногих словах, и римские грамматика не сохранили его описания. Изменение графики (*oi* > *oe*) свидетельствует о том, что конечный элемент получил более открытое произношение (*oɛ*, ср. нем. *heute*). Этот дифтонг довольно рано монофтонгизировался в губное закрытое \bar{e} (§ 62) и иногда служил для передачи близкого по тембру греческого \bar{u} (*Mῦσία* > *Moesia*, *λάγυινος* > *Iagoena*). Впоследствии губной характер звука был утрачен и он слился с долгим закрытым \bar{e} (**PHEBUS** вм. *Phoebus* в надписи 4.1890, I в. н. э.). Было ли литературное произношение в классический период дифтонгическим или уже монофтонгизированным, неизвестно.

§ 68. Дифтонг *eu* исчез еще в древней латыни и вновь возник в немногих словах, заимствованных из греческого языка (напр., *eugus*), или в результате отпадения конечного *e* [*seu, neu, seu* < **sēve, nēve* (или **neive*), **seive* (§ 168, § 111); возможно, что и в этих словах первый элемент дифтонга был долгий]. Neuter было трехсложным словом (*nēūter* — Консенций, G. L. 5. 389. 28 — 29), хотя в поэзии допускалась синизеса¹ (например, *Cīris*, 68); *neutiquam* в действительности произносилось с элизией *e*.

Дифтонг *eu* встречается также в междометиях *heu, heus*.

§ 69. Еще реже встречается дифтонг *ui*: местоименные формы *cui* (§ 470), *huic* (§ 445), междометие *hui*.

§ 70. Возникающие при слиянии гласных дифтонгические сочетания *oi* (напр., *proinde* < *pro-inde*), *ei* (напр.: *deinde* < *de-inde*, *reice* < *re-ice*) не могут рассматриваться как самостоятельные фонемы литературного классического языка. Это — явление неполного стиля речи², часто сопровождающееся параллельными формами без слияния. Таким же дифтонгическим сочетанием двух фонем является *aiŋ* (= *aisne*), произносимое в один слог. Сюда же относятся синизесы типа: *ēodem*, *Orphēa*, не создающие, конечно, самостоятельной фонемы.

§ 71. Сонанты *ĭ* (*j*) и *ŭ* (*v*) отличались от гласных *i*, *u* более закрытым характером и меньшей напряженностью, сохраняя сходство по тембру. Отличие *ĭ* от гласного *i* не имело в латинском языке смысловозначительной функции. В латинском языке не существует слов, различие которых покоилось бы на противопоставлении *i* — *ĭ*.

ĭ встречается:

а) перед гласным звуком в начале слова *ĭam*, *ĭacuī*, а в позднейших словосложениях перед вторым членом: *ad-ĭuvō*, *ad-ĭectus*; б) в качестве переходного звука, обычно не отражаемого в письме, между *i* и гласным другого качества: *pius* = *riiūs*; в) *-ĭi-* — в середине слова между гласными: *maiūs* = *maiĭūs*. Написание двойного *ĭ* (*aiiō*, *Maiiam*) засвидетельствовано для Цезаря и Цицерона (Квинтилиан, 1.4.11; Присциан, 2.14. 5 — 14), но обычная орфография удовлетворялась одной буквой. При этом первое *ĭ* заканчивало один слог, второе — начинало новый слог. Перед *ī* группа *-ĭi-*, по-видимому, упрощалась и чаще всего вовсе не отражалась в письме, например, *ais* (= *aiiis*), *Graīs* (= *Graĭiis*), хотя некоторые античные грамматики

¹ Синизеса (греч. *συνίσις*, *synizēsis*, метрический термин) — просодическое стяжение двух соседних гласных слова в один слог.

² Л. В. Щерба различает “полный стиль” речи, с тщательным, несколько замедленным произношением, и “разговорный стиль” в более быстром темпе, порой допускающий небрежное произношение.

и допускали написания с тремя *i*: *coiicit* (Велий Лонг, G. L. 7.54.20), *Протреїї* (Присциан, G. L. 2.14.10).

Слоговое *i* в начале слова перед гласным встречается в латинских словах очень редко, напр., в формах от глагола *eō* (*iī* и т. д.), но оно возможно в словах, заимствованных из греческого языка: *iambus*. Отсутствие фонологической разницы между слоговым и неслоговым *i* делало возможным частую замену *i* на *j* в поэзии (*abjete* вместо *abīete*).

Лишь в поздней латыни *j* превратилось в щелевой звук (§ 290).

Неслоговое *ɥ* (= англ. *w*) имело более самостоятельный фонологический характер со времени возникновения противопоставлений типа *volūi* — *volvī*, но противопоставления эти возникли сравнительно поздно (§ 201), и смысловозначительная нагрузка *ɥ* незначительна. О звуковой близости неслогового *ɥ* и *u* свидетельствуют показания грамматиков, факты исторической фонетики (§ 201), обычная передача латинского *ɥ* греками через *ou* и наличие дублетных форм типа *tenūis*, *tenɥis*, как в разговорном языке, так и в поэзии.

Цицерон рассказывает (Div. 2.84), что во время посадки войска Красса на корабли продавец фиг выкрикивал *сапсеās* (кавские фиги); в этом можно было усмотреть дурное предзнаменование, так как *сапсеās* = *savē nē eās*.

Неслоговое *ɥ* служило также переходным звуком между *u* и гласным другого качества: *топūi* = *топūɥi*, но это *ɥ*, как и переходное *j*, не имело самостоятельного фонологического значения и в письме обычно не отражалось.

С I в. н. э. *ɥ* начало развиваться в губогубной щелевой согласный (*β*), а затем и в губозубной (*v*). Этим, вероятно, и объясняется предложение императора Клавдия создать особую букву для звука *v*. Поскольку *ɥ* являлось самостоятельной фонемой, мы в дальнейшем обозначаем его через *v*.

§ 72. *l* — представляло собой боковой сонант, при артикуляции которого кончик языка упирался в верхние зубы.

Античные источники указывают на три оттенка *l*, но не всё в их описаниях ясно. Для исторической фонетики существенно отличие палатального *l* (= русскому мягкому *л*) и веллярного *l* (*l* = русскому твердому *л*). Латинское *l* было палатальным в положении перед *i* (*facilis*) и в группе *-ll-* (*ille*), в прочих положениях *l* было веллярным.

§ 73. *r* — дрожащий переднеязычный сонант, артикулируемый

кончиком языка, направленным к альвеолам¹.

§ 74. *f* — губозубной, по описанию римских грамматиков, глухой щелевой звук. В исконно латинских несоставных словах встречается только в начале слова (§ 28). В прошлом, возможно, имел губогубной характер, о чем свидетельствуют написания типа: **COMFLVONT** (I². 584), ср. классическое *cōfluunt*.

§ 75. *s* — глухой, круглощелевой. В древней латыни имел звонкий вариант в положении между гласными, который в IV в. до н. э. перешел в *g* (ротакизм, § 212). В классическую эпоху к *s* присоединился звонкий круглощелевой *z* в словах, заимствованных из греческого (*zōna*)².

§ 76. *h* — восходит к и.-е. **ǵh*, **ǵh* и представляло собой в древности, вероятно, фарингальный щелевой звук. Звук этот, однако, рано ослабел, что явствует из его выпадения между гласными (*pēmō* < **ne-hemō*; *nīl* < *ni-hil*) и неспособности влиять на просодию слова; в стихах слово, начинающееся с *h*, трактуется так, как если бы *h* не было и слово начиналось с гласного звука. Грамматики часто рассматривают *h* не как “букву” (*littera*), а как “знак придыхания” (*nota aspirātiōnis*). В таких написаниях как *ahēnus*, *cohercēo* буква *h* не имеет собственного звукового значения и служит лишь знаком того, что *ae* и *oe* не должны сливаться в дифтонг.

Чисто графический характер имеет также написание *āh*, *ōh* (в рукописях), свидетельствующее об особо экспрессивном произношении *ā*, *ō*.

Верхушка римского общества рассматривала умение пользоваться этим ослабевшим звуком как признак правильного литературного произношения. Это приводило к многочисленным недоразумениям и в произношении и в письме. В 84 эпиграмме Катутла высмеивается некий Аррий, который произносил *hīnsidiās* вм. *īnsidiās*. Некоторые такие “гиперурбанизмы” проникли и в традиционную орфографию, напр. *humerus* ‘плечо’ вм. *uterus* (ср. греч. ὕμος), в то же время такое слово как *ānser* ‘гусь’, где исторически *h*- имело бы основание (ср. греч. χήν, нем. Gans, русск. гусь), закрепилось в орфографической традиции без *h*-. Этим же объясняются многочисленные орфографические колебания типа: *harēna* — *arēna*, *herus* — *erus* и т. п.

¹ Наряду с *ch*, *ph*, *th* (§ 85) было введено и написание *th* для греческого *θ*- и *gth* для *ϑ*- (*Rhēgium*, *Rythus*) и иногда переносилось на *g*- слов, заимствованных из других языков (*Rhēnus*). Соответствовало ли написанию *th* какое-либо особое произношение, неизвестно. Следов в романских языках оно не оставило.

² В более раннее время греч. ζ передавалась через *ss*: μάζα — лат. *massa*.

§ 77. Смычные согласные латинского языка образуют следующую систему:

	Глухие (<i>tenuēs</i>)	Звонкие (<i>mediae</i>)	Носовые со- нанты (<i>nāsālēs</i>)
Губные (<i>labiālēs</i>)	p	b	m
Переднеязычные (<i>dentālēs</i>)	t	d	n
Заднеязычные (<i>gutturālēs</i>)	c (k)	g	(ŋ)
Лабиевелярные (<i>labiovelārēs</i>)	q ^u (в письме qu)	g ^u (в письме gu)	

Глухие звуки p, t, c принадлежат к категории сильных (*fortēs*), звонкие b, d, g — слабых (*lēnēs*).

§ 78. p — глухой губогубной смычный;

b — звонкий губогубной смычный, но в народно-разговорной речи с I в. н. э. в положении между гласными становится щелевым (β);

m — губогубной смычный носовой сонант.

Конечное -m, по крайней мере в многосложных словах, представляло собой редуцированный звук, в описании которого грамматики затрудняются и говорят, что он звучит “затемненно”. Так, Квинтилиан пишет: *illa littera m quotiens ultima est et vōcālem verbī sequentis ita contingit, ut in eam trānsīre possit, etiāmsī scrībitur, tamen parum exprimitur, ut multum ille et quantum erat, adeō ut paene cuiusdam novae litterae sonum reddat; neque enim eximitur, sed obscūrātur et tantum in hōc aliqua inter duās vōcālēs velut nota est, ne ipsae coeant*¹ (9. 4.40).

Аналогичные указания мы находим у ряда других авторов (Великий Лонг, G. L. 7.54.13; 7.78.19; Присциан, G. L. 2.29.15 и др.). В надписях — как архаических, так и поздних — -m часто опускается. В романские языки оно не вошло, за исключением немногих односложных слов (фр. *rien* < лат. *rem*).

¹ “Эта буква [m] каждый раз, когда она стоит в конце слова и так близко соприкасается с гласной следующего слова, что может в нее перейти, хотя и пишется, однако почти не произносится, как, например, в словах *multum ille* и *quantum erat*; она выражает звук какой-то новой буквы, так как, хотя и не изымается, но затемняется и сохраняется лишь как некий знак между двумя гласными, препятствующий им слиться”.

Сращения типа *circīre* < *circumīre*, *animadvertō* < *animum advertō*, *vēneō* < *vēnum eō* показывают, что -m или группа “гласный + -m” элидируется перед начальным гласным следующего слова. Аналогичную трактовку находим, как известно, в стихах, где, однако, при положении перед согласным следующего слога “гласный + -m” рассматривается как долгий слог.

Нередко предполагают, что -m обозначает только носовой оттенок предшествующего гласного. Но то обстоятельство, что в надписях -m почти никогда не смешивается с n, которое в некоторых положениях (§ 79) тоже выпадало, назализируя, вероятно, предшествующий гласный, — заставляет предполагать сохранение носовой, хотя и весьма редуцированной губной артикуляции. Попытки предложить для обозначения -m новую букву (§ 106) успеха не имели.

§ 79. t — глухой переднеязычный апикальный смычный, производимый смычкой кончика языка с альвеолами.

d — звонкий переднеязычный дорсальный смычный, производившийся, согласно описанию Мария Викторина (6.33.24 — 28), смыканием передней части спинки языка с верхними зубами.

О позднейшем переходе групп *ti*, *te*, *di*, *de* в аффрикаты см. § 289–290.

n — переднеязычный смычный носовой сонант, вероятно, дорсальный.

Перед щелевыми s и f n слабо звучало и часто выпадало в письме (напр., сокращение *cos* = *cōnsul*); предшествующий гласный при этом удлинялся и, вероятно, назализировался.

В надписях, отражающих народно-разговорную речь, такое выпадение n и ŋ (§ 82) происходило иногда и перед смычными.

§ 80. c (k) — глухой заднеязычный смычный. В зависимости от характера следующего гласного смычный c имел ряд оттенков, которые в древнем письме обозначались разными буквами (§ 100). Так, о палатализованном произношении c перед e уже в классическую эпоху свидетельствует трактовка группы *cel-* (§ 123).

То, что c во всех положениях оставалось смычным и не переходило перед e, i в аффрикату (русск. ц) вытекает из следующих соображений:

1) Античные грамматики никогда не упоминают о каких-либо различиях в произношении c, а Квинтилиан прямо говорит, что c сохраняет свое звучание перед всеми гласными (Квинтилиан, 1.7.10).

2) В некоторых романских языках — в сардинском (центральном) и далматинском — c всюду отражается как k. Поскольку фонетически возможен переход c в аффрикату, а обратный процесс перехода аффрикаты в k невозможен, необходимо считать, что в

сардинском и далматинском сохранилось древнелатинское произношение.

3) Греки в античное время всегда передавали *se, si* через *k* (Κικέρων = Cicerō; Καῖσαρ = Caesar).

4) В германских и кельтских заимствованиях латинских слов, происходивших с I по V в. н. э., неизменно встречаем звук *k* (лат. *cista* — нем. *Kiste*; лат. *cellārium* — нем. *Keller*; лат. *cīvitātem* — кимрск. *ciwdad*; *cēra* — кимрск. *swyr*).

5) В словах типа *апсепс* мы находим заднеязычное *p* (§ 82), что не могло бы иметь место, если бы *s* было переднеязычной аффрикатой.

6) Такие фонетические изменения, как *pulcer* — *pulcher*, также свидетельствуют о звуке *k*.

Переход в аффрикату засвидетельствован текстами и заимствованными из латинского языка словами лишь начиная с V в. н. э. (§ 289).

§ 81. *g* — звонкий заднеязычный смычный с теми же позиционно обусловленными оттенками, какие имели место у глухого *s*. О переходе *ge, gi* в шелевой и аффрикату в поздней латыни см. § 290.

§ 82. *ŋ*. Античные грамматики отметили наличие особого звука, передававшегося буквой *n*, но отличного от обычного *n*. Геллий (19. 14.7) приводит цитату из Нигидия Фигула, указывающую, что в сочетаниях *ng* и *nc* “*nōn vērum n sed adulterīnum pōnitur. Nam n nōn esse lingua indicīō est; nam sī ea littera esset, lingua palātum tangeret*”¹. Этот заднеязычный смычный носовой сонант Акций предлагал выражать через *g* на манер греческого письма (*agceps, agcoqa*).

С этим звуком многие исследователи отождествляют звук, выражавшийся через *g* в сочетании *gn* (*dignus*), носовой характер которого вытекает из таких эпиграфических начертаний, как **DINGNISSIME** (14.1386), и который наравне с заднеязычным сонантом приводит к переходу предшествующего *ĕ* в *ĭ* (§ 119). Античные грамматики не обратили внимания на этот звук и не оставили его описания. В нем можно видеть заднеязычный сонант *ŋ* или среднеязычный *ɲ*; на последнее могла бы указывать его судьба в романских языках. Если отождествление *n* в группе *ng* и *g* в группе *gn* правильно, то заднеязычный сонант *ŋ* противопоставляется как *g*, так и *n*: с одной стороны, *angere* (= *aggere*) — *aggere*, с другой — *agnus* (= *agnus*) — *agnus*; тогда *ŋ*, будучи отличным от *g*

¹ “... не настоящее *n*, а ложное. Что это не *n*, свидетельствует положение языка: язык в этом случае касался бы переднего неба”.

и п, представляет собой самостоятельную фонему: если же это звуки разные, то заднеязычный сонант п следует рассматривать как фонетический оттенок п в положении перед заднеязычным, а среднеязычный сонант п как оттенок г в положении перед п.

Вопрос остается неясным, но поскольку фонетическое развитие групп, содержащих как тот, так и другой звук, одинаково (см., например, § 119), мы будем в дальнейшем условно приравнивать г в группе gn к заднеязычному сонанту п.

§ 83. qⁿ (в письме qu) — глухой заднеязычный смычный с дополнительной губной артикуляцией (лабиовелярный).

Что сочетание qu обозначало один согласный звук, вытекает как из описаний античных грамматиков, так и из того, что сочетание “гласный + qu” не образует долгого слога¹.

§ 84. Звонкий лабиовелярный gⁿ (в письме gu) сохранился только в положении после п (lingua); античные грамматики не дают описания этого звука.

§ 85. Придыхательные согласные ch, ph, th, чуждые исконной латинской звуковой системе, появились в латинских словах из греческого и этрусского языков и получили распространение одновременно с модой на произношение h. Высмеиваемый в упоминавшейся уже эпиграмме Катуллы (§ 76) Аррий произносит chommoda вм. commoda. Литературное произношение допускало придыхание лишь в немногих латинских словах, напр. pulcher (Цицерон, Ор. 48.160).

В истории латинского языка смычные придыхательные остались случайным эпизодом. В народной речи th и ch потеряли придыхание (наше произношение ch = русск. х совершенно искусственно); ph перешло в шелевой f. Др.-лат. sulphur ‘сера’, получившее аспирацию sulphur, впоследствии звучало sulfur (ит. zolfo, фр. soufre, но ретором. solphr с сохранением древнего р). В романские языки придыхательные не вошли.

§ 86. Слог образуется нарастанием и последующим падением мускульного напряжения в звуковой цепи. Кульминационным пунктом нарастания является слогаобразующий звук (слоговой центр). В литературном латинском языке слоговым центром может служить только гласный звук. Предшествующий гласному согласный звук имеет сильноконечную форму, произносится с возрастающим мускульным напряжением. Согласный, заканчивающий слог и произносимый с убывающим мускульным напряжением,

¹ В стихе Лукреция (4.1259) crassaque convolant liquidis et liquida crassis мы имеем дублетные формы liquidus и liquidus, восходящие к разным ступеням чередования гласных (корень *leiqⁿ- / liqⁿ-).

имеет сильноначальную форму. В слогоразделе возможна и двух-вершинная форма согласного, когда началом согласного заканчивается слог и концом начинается другой.

В латинском языке линия нарастающего и убывающего напряжения совпадает с линией восходящей и убывающей звучности. Элементы слога могут располагаться по восходящей линии только в последовательности: шумный согласный — сонант — гласный; по нисходящей линии только в последовательности: гласный — сонант — шумный. Другой порядок элементов (как например, в русск. 'рву', где в восходящей линии слога сонант предшествует шумному), не допускается¹. При этом соединение двух шумных возможно в исконно-латинских словах (незаимствованных) лишь для сочетания "s + смычный" в восходящей линии и "смычный + s" или -st — в нисходящей.

Последующий слог не начинается с элемента более высокой звучности, чем конечный элемент предшествующего слога (кроме группы gm). Отсюда вытекают правила латинского слогаделения.

Слогораздел проходит: а) между двумя гласными (de-us); б) между гласным и (неконечным) единичным согласным (do-mus); в) внутри двойного согласного (es-se); г) в группе из двух согласных в середине слова — между согласными, исключая группу mīta cum liquidā, внутри которой слогораздел не проходит, иначе последующий слог начинался бы с элемента более высокой звучности (liquidā), чем конечный элемент предшествующего слога (mīta): oc-tō, cen-tum, но sa-cra, pa-tri-a; д) в группе из трех согласных в середине слова — между вторым и третьим согласным, за исключением случая, когда последние два согласных mīta cum liquidā: sānc-tus; dex-ter, но nos-trī, tem-plum.

Вышеприведенные правила расходятся с учением римских грамматиков. Будто бы группы согласных, которые могут стоять в начале слова (напр. sp, st, str, gn), также и в середине слова относятся к последующему слогу. Искусственность этого учения, заимствованного римлянами у греческих грамматиков, особенно резко проявляется в том, что они включают в этот ряд даже группы, встречающиеся только в заимствованных греческих словах, и устанавливают, например, слоговую границу i-pse на том основании, что группа ps возможна в начале слова psallō. Коррективом к грамматическому учению служит практика слогаделения в римских надписях, где нередко слоги бывают отделены друг от друга точкой, и принципы переноса слов из одной строчки в другую в надписях и рукописях, в большинстве случаев отражающие то слогаделение, которое диктовалось естественным языковым чутьем. напр.: **COG·NA·TVS** (6.18034), **STA·TV·IS·TIS** (6.15546), **IP·SAE** (6.15546), **CAS·TRA** (9.795), **CRIS·PUS** (6.7276).

В составном слове слогаделение может зависеть от его этимологического состава. Квинтилиан (1.7.9) указывает на слогаделе-

¹ См. А. А. Белецкий. Принципы этимологических исследований. Киев, 1950 г., стр. 238.

ние *hagu-spex*. *Abripō* имеет у Плавта начальный долгий слог, т. е. членится *ab-ripō* в нарушение общего закона о группе *mūta cum liquidā*¹.

§ 87. Различаются слоги открытые и закрытые. Открытым является слог, оканчивающийся гласным звуком. Слог, оканчивающийся согласным звуком, — закрытый. В конечном слоге закрытый или открытый характер может зависеть от фразовых условий, напр. *domus* как изолированное слово или в паузе имеет закрытый конечный слог; то же будет иметь место, когда следующее слово начинается с согласного: *domus magna*; но если следующее слово начинается с гласного: *domus alta*, то при отсутствии паузы в потоке речи (особенно в стиховом ряду) слоговоеделение будет *do-mu-sal-ta* и слог *-tu-* окажется открытым (ср. § 296).

§ 88. Для латинского языка чрезвычайно существенным является счет слогов по морам. Слоги бывают одноморные (краткие) и двухморные (долгие). Кратким слогом является открытый слог, содержащий краткий гласный. Слог, содержащий долгий гласный, или закрытый слог, содержащий краткий гласный, — долог. Первой группе слогов античные теории приписывают долготу “по природе” (*φύσει*, *pātūrā*), второй — долготу “по положению” (*θέσει*, *positiōne*). В этом последнем термине первоначально была заключена мысль о некоей поэтической условности, приравнивающей этот вид слога к подлинно долгим, — долгим по природе. В дальнейшем первоначальный смысл термина был утрачен и *positiō* понималось как положение гласного перед группой согласных.

Граница между морами слога, которые надо отличать от мор долгого гласного (§ 62), лежит, если гласный долог, внутри гласного, между его морами (или между элементами дифтонга), а если гласный краток, то между гласным и закрывающим слог согласным элементом: *dē-se'g-nō*. При этом наличие в слоге, содержащем долгий гласный, конечного (сильноначального) согласного, например *lēs-tus*, не создает третьей моры: слог *lēs-* остается двухморным, и граница между его морами проходит внутри *ē*.

§ 89. В латинском гексаметре слог с кратким гласным, находящийся перед группой *mūta cum liquidā*, допускает двоякую просодию, т. е. может рассматри-

¹ В глаголах, сложных с *iaciō*, слогораздел часто проходит между префиксом и *-iaciō* (§ 141 а): *ab-ice* (Катулл. 24.9) с долгим первым слогом, но *ā-biciam* (Невий. *Com.* 94), *ā-biciit* (Ювенал. 15.17) и т. д. Слогораздел типа *ab-iaciō* поддерживался аналогией перфектных форм *ab-icēci* и т. д. и иногда обозначался в письме через *-ii-* (ср. Квинтилиан, 1.4.11). В силу соответствия *abiēcī* — *abiicīci* возникло и соотношение *coiēcī* — *coiicīci* (§ 71).

ваться и как краткий и как долгий. Некоторые исследователи (ср. § 146) видят в этой долготе архаическую черту, восходящую к более древнему слогоделению, когда слогораздел проходил внутри группы *mūta cum liquidā*: *pat-ris*. Однако в просодии древних поэтов — Плавта, Теренция — мы как раз не находим такой долготы, и очень возможно, что она основана на перенесении принципов греческой просодии в латинское стихосложение.

§ 90. О том, что приравнение двух видов долгих слогов друг к другу (§ 88) отнюдь не является условностью, произволом, свидетельствуют законы латинского ударения. Место ударения в латинском слове зависит от ритмической структуры составляющих его слогов, от их долготы и краткости.

Бывают языки со связанным ударением и с ударением свободным (ср. § 11). В первом случае ударение фиксировано на постоянном месте, определяемом счетом слогов или мор. Так, в чешском языке оно стоит на первом слоге, в польском — на предпоследнем; русский язык имеет свободное ударение, допускает его на любом слоге.

Правила, определяющие место латинского ударения, были установлены еще римскими грамматиками (ср. напр., Квинтилиан, I. 5. 29 — 31). В двусложном слове ударным является первый слог. В слове, содержащем более двух слогов, ударение падает на предпоследний слог, если он долгий (безразлично — “по природе” или “по положению”), и на третий от конца, если предпоследний слог краткий. Объединяя эти правила и вводя, помимо счета слогов, счет мор, можно сказать, что ударение падает на гласную мору, предшествующую той море (гласной или согласной), которая находится перед последним слогом слова. Там, где объем слова меньше этого расстояния (т. е. меньше, чем слог + две моры, считая с конца), ударение падает на самое начало слова, на его первую мору. Место ударения, таким образом, определяется комбинированным отсчетом слогов и мор, начиная с конца слова. Так, в слове *cīvītās*, отсчитывая с конца слог (-tās) и предшествующую ему мору (-vī- — единственную мору краткого слога), находим ударение на второй море долгого слога *cī-*; в слове *scēlēs-tūs*, отсчитывая последний слог (-tūs) и предшествующую ему мору (-s- — вторую мору долгого слога -lēs-), находим ударение на предшествующей ему гласной море -lē-; в слове *lābōgō*, отсчитывая последний слог (-gō) и предшествующую ему мору (последнюю мору долгого гласного -ō-), находим ударение на первой море этого гласного. Аналогично находим, что в слове *mētā* ударение находится на первой море долгого слога *mē-*, в слове *cāstūs* — на *cā*; в слове *lēgō*, объем которого меньше расстояния, требуемого правилом, ударение падает на начало слова, т. е. на его первую мору *lē-*.

§ 91. Грамматики приводят ряд исключений из общего закона ударения, в которых ударение падает на последний слог. Это имеет место в тех случаях, когда ударение с отпадением последнего слога (§§ 168 — 169) осталось на своем прежнем месте. Например, в местоименных наречиях на -с (< -сĕ): *adhūc* < **adhūce*, *illīc* < **illīce*; иногда при вопросительной частице -n (< nĕ): *tantōn* < *tantōne*; во втором лице повелительного наклонения глаголов, сложных с *dīcō* и *dūcō*: *addīc* < *addīce*, *addūc* < *addūce*; в некоторых словах с конечным -ās и -īs: *nostrās* < *nostrātis*, *Samnīs* < *Samnītis*; в стяженных формах перфекта: *audīt* < *audīvit*, *fūmāt* < *fūmāvit* (§ 658). Отклонение от основного закона происходит также в некоторых случаях позднего словосложения: *calefācis* < *cale facis* (ср. § 566), в междометиях *attāi*, *paraē*. Однако показания грамматиков о нарушениях общего закона ударения нередко бывают сбивчивы и противоречивы.

§ 92. Таким образом, латинский язык принадлежит к типу языков со связанным ударением, зависящим от долготы и краткости слогов, составляющих слово. В латинском языке не может быть поэтому слов, отличающихся между собою только ударением: *īnvēnit* и *invēnit* противостоят друг другу в силу различного “количества” е, и различие в ударении является лишь дополнительным признаком, неизбежно вытекающим из основного — квантитативного — различия. Другими словами, латинское ударение не фонологично, не имеет самостоятельной смысловозначительной функции. У греков в эллинистическое время установилась практика постановки знаков ударения в письме, хотя бы в отдельных трудных случаях; римляне к этому приему никогда не прибегали, хотя и заботились о постановке “апексов” (§ 103) — знаков долготы гласных. Это свидетельствует о правильном фонологическом чутье: ударение не было самостоятельным признаком латинского слова.

§ 93. Античная традиция различает в латинском языке, как и в греческом два вида ударения: острое ударение (*accentus acūtus*, *προσῳδία ὀξεῖα* ^) и обложенное (*accentus circumflexus*, *προσῳδία περισπωμένη* ^). Обложенное ударение имеет восходяще-нисходящий характер и возможно только на долгом гласном; оно означает, что под ударением находится первая мора гласного. Острое ударение, восходящее, может падать на краткий гласный, для которого оно представляет собой единственный возможный вид ударения, или на долгий гласный, относясь к его второй мере (или, может быть, захватывая обе меры равномерно). Согласно античным сообщениям, латинское ударение бывает обложенным в двух случаях:

- а) в односложных словах, содержащих долгий гласный — тип *rēs*;
- б) в словах, у которых предпоследний гласный долг, а последний краток — тип *mētā*.

На третьем от конца слоге возможно только острое ударение.

Многие лингвисты скептически относятся к этим показаниям римских грам-

матиков и считают их измышлением, механическим перенесением законов греческого ударения на латинский язык. Однако эти показания вполне соответствуют латинской системе ударения и вытекают из сформулированных выше правил (§ 90).

Действительно, латинское слово никогда не имеет ударения в абсолютном конце, на последней мере. Латинский язык не знает самостоятельных одноморных слов, т. е. односложных слов, которые бы оканчивались на краткий гласный; к этому типу принадлежат лишь энклитические частицы *-quē*, *-vē*, *-nē*, *-cē*. Ударение односложного слова падает, согласно основному закону, на его первую меру и в словах типа *tēs* должно быть обличенным.

Вполне согласуется с основным законом также обличенное ударение в словах типа *mētā*. Ударение на третьем от конца слоге возможно лишь в том случае, когда предпоследний слог краток, содержит в себе лишь одну меру; основной закон требует, чтобы ударение упало на меру, предшествующую этому слогу, и в случае, когда гласный третьего от конца слога долг (тип *civitas*), это будет вторая мера долгого слога и ударение окажется острым. Неслывым остается лишь один пункт: почему обличенное ударение на долгом предпоследнем гласном допускается только в случае краткости последнего гласного¹.

§ 94. Ряд слов, обычно малого размера (односложные, реже двусложные) и в большинстве случаев служебного характера (предлоги, союзы, отчасти местоимения), не имеют в предложении самостоятельного ударения и являются а т о н н ы м и, примыкая к соседнему полноценному, с точки зрения ударения, слову, следующему за ними или предшествующему. В первом случае они именуется п р о к л и т и к а м и, во втором — э н к л и т и к а м и. Об энклитиках и проклитиках латинского языка мы очень плохо осведомлены. Античная теория мало обращала внимания на этот вопрос, и о безударности слова мы можем судить только на основании косвенных данных, как-то: слитные написания, место слова в предложении, фонетические изменения, несвойственные начальному слогу самостоятельного слова (§§ 139 и сл.), постановка слова в стихе на таком месте, где обычно избегается словораздел и т. п.

Несомненно энклитическими являются частицы *-quē*, *-nē*, *-vē*, *-cē*, пишущиеся обычно слитно с предыдущим словом, или послелог *-cum* (*nōbiscum*). Предшествующее слово всегда получает в этом случае ударение на последнем слоге: *ītāquē* (и так) в отличие от цельного слова *ītāquē* (итак).

Можно предположить, что примыкание энклитики к предшествующему слову было не столь тесным и что между ними ощущался некоторый "разрыв", расценивавшийся в мельчайшую ритмическую единицу, т. е. в одну меру; тогда, согласно основному закону ударения, оно должно было оказаться на последнем гласном предшествующего слова.

Ряд явлений фонетического развития местоименных форм, на-

¹ Подробнее см. в статье: И. Тронский. К вопросу о латинском ударении. Сб. "Памяти академика Л. В. Щербя". Л. 1951, стр. 276 сл.

пример, *mīhī, tībī, sībī* (§ 419), *hīc* (§ 443), наилучшим образом объясняется, если предположить, что они находились в энклитической позиции. На энклитический характер относительных и неопределенных местоимений, в противоположность вопросительным, указывают грамматики. Энклитическим может быть и глагол *sum* в функции связки и как часть составных глагольных форм (тип *laudātus sum*); это вытекает, между прочим, и из развития этих форм в романских языках (*erat* > ит. *era*; если бы слово было ударенным, получилось бы **iera*).

Слитные написания свидетельствуют о проклитическом характере предлогов, например: **APVRFINEM** (= *apud finem*, 1².5), **INFRONTE** (1².1319), слоговоеделение **A•BA•MO•RE** (6.35767). Об этом сообщает и античная традиция (Квинтилиан, 1.5.27): ... *cum dīcō circum lītora, tamquam ūnum ēnuntiō dissimulātā dīstīncōne, itaque tamquam in ūnā vōce ūna est acūta*...¹. Однако, когда предлог стоял после зависящего от него слова и заканчивал синтаксическую группу, он был ударенным: *virtūtem propter*, но *virtūtem propter* (проклитика) *imperātōris*. Ударенными оставались, разумеется, и омонимные с предлогами наречия. Есть указания и на проклитический характер союзов в начале синтаксической группы. Такие союзы как *et* или *sed* несомненно были проклитиками. Это можно заключить из их места в стихе и из развития в романских языках.

§ 95. Ударный слог или мора может выделяться по сравнению с прочими высотой, силой или длительностью. Соответственно этому мы различаем музыкальное (или тоническое) ударение, динамическое (или силовое) ударение и, наконец, ударение квантитативное (количественное). Древнегреческое ударение было, например, музыкальным, русское ударение является динамическим. Чистого ударения одного из упомянутых трех видов в языках обычно не бывает, и всегда налицо некий смешанный тип. Например, русское ударение, динамическое в своей основе, сопровождается ясно выраженным моментом длительности. Поэтому, когда говорят о виде ударения в языке, разумеют существенный для этого ударения признак, играющий в нем преимущественную роль.

Римские грамматики вплоть до IV в. н. э. единогласно характеризуют латинское ударение как музыкальное. "Человеческая речь, — говорит Цицерон (Ог. 57 — 58), — есть некая смутная мелодия... сама природа, как бы перелагая речь на музыку, в каждом слове установила острый (= высокий) звук и притом только один.

¹ "Когда я говорю *circum lītora*, я произношу это как единое целое, без разделения на слова, и как в едином слове здесь имеется одно острое ударение".

и не далее, чем на третьем слове от конца” (*est autem etiam in dicendō quīdam cantus obscurior... ipsa enim nātūra, quasi modulārētur hominum ōrātiōnem, in omnī verbō posuit acūtā vōcem nec ūnā plūs nec ā postrēmā syllabā citrā tertiam...*).

Согласно Варрону (G. R. F., fr. 278), различие высоты звука в слове устанавливается ударением, тем, что одна часть слова понижается до тяжелого (= низкого) тона, другая возвышается до острого (= высокого) (*altitudinem discernit accentus, cum pars verbī aut in grave dēprimatur aut sublimātur in acūtum*). Там же, fr. 281: “природа ударения заключается в том, что (тональность изменяется) или вверх или вниз; она проявляется вообще в высоте голоса, так что, если бы все слоги произносились с одинаковым повышением голоса, то не было бы никакого ударения (*nātūra vērō prosōdiac in eō est, quod aut sūrsum est aut deorsum; nam in vōcis altitudine omnīnō spectātur adeō ut si omnēs syllabae parī fastigiō vōcis ēnuntientur, prosōdia sit nūlla*).

Латинское ударение описывается в тех же музыкальных терминах, какие были приняты у греческих грамматиков, с различием, как мы уже видели (§ 93), тех же тонических вариантов острого ударения и обложенного. Неударный слог характеризуется, как и у греков, наличием тяжелого (низкого) тона (*accentus gravis, βαρεῖα προσῳδία*).

Только с V в. н. э. характеристика ударения у римских грамматиков меняется, и они начинают подчеркивать в нем силовой момент. Так, у Помпея (G. L. 5. 126. 31 — 32): *illa syllaba plūs sonat in tōtō verbō, quae accentum habet* ‘тот слог звучит сильнее в слове, который имеет ударение’. То же самое пишет Сервий (G. L. 4. 426. 16): *accentus in eā syllabā est, quae plūs sonat*.

Античная традиция о музыкальном характере латинского ударения вполне согласуется с теми законами, которые мы установили, изучая место ударения. Наблюдения над живыми языками приводят к выводу, что счет по морам и музыкальное ударение обычно связаны между собой. Для языков с динамическим ударением характерен счет не по морам, а по слогам. Поскольку латинский язык ведет счет по морам, в этом языке следовало ожидать музыкального ударения, даже если бы оно не было прямо засвидетельствовано показаниями римских грамматиков.

С другой стороны, подтверждением правильности традиции могут служить принципы римского стихосложения. Латинский стих, как и латинская ритмическая проза, основаны, как известно, на количественном принципе чередования долгих и кратких слогов, т. е. на том же счете мор. Языкам с динамическим ударением

такое стихосложение обычно не бывает свойственно.

С III — IV вв. н. э. система стихосложения начинает меняться: квантитативное стихосложение заменяется акцентуирующим. Т. е. основанным на чередовании ударных и неударных слогов.

Замена одной стиховой системы другой и новые моменты в описании латинского ударения, которые мы находим у позднейших грамматиков, свидетельствуют об одном и том же: природа ударения изменилась. Старое музыкальное ударение классической эпохи с характерным для него счетом по морам, противопоставлением долгих и кратких слогов и основанным на этом счете квантитативным стихосложением уступает место новому, динамическому ударению, при котором различие долгот и краткостей стало ослабевать и стих стал акцентуирующим. Совершенно аналогичные явления происходили в то же время в греческом языке. Старое музыкальное ударение греческого языка заменилось в первые века н. э. динамическим, и это привело, как и в латинском языке, к замене квантитативного стихосложения акцентуирующим.

Итак, античная традиция, связь счета по морам с музыкальным ударением и характер древнеримского стихосложения заставляют нас считать латинское ударение музыкальным вплоть до III — IV вв. н. э.

Восстанавливаемое сравнительной грамматикой общиндоевропейское ударение было музыкальным (§ 11). Естественно поэтому думать, что латинский язык унаследовал эту природу ударения от общиндоевропейского состояния и изменил ее только в эпоху поздней античности.

Как было указано выше, признание латинского ударения музыкальным отнюдь не исключает наличия в нем динамического момента, который несомненно должен был быть и нарастать в течение веков, пока нарастание элементов нового качества ударения не привело к изменению его сущности.

§ 96. Понимание природы латинского ударения, развитое в предыдущем параграфе, вызывает возражения со стороны многих лингвистов. “Музыкальной” теории латинского ударения противостоит “динамическая”. Как мы увидим в §§ 139 — 169, одним из важнейших процессов фонетического развития латинского языка, значительно изменившим облик латинского слова, было ослабление или даже выпадение кратких гласных в срединных и конечных слогах. Эти гласные развивались по направлению к более закрытому тембру. Коренной гласный *ā* в глаголе *sāriō*, попав в срединный слог, переходил в *ī* или *ī*: *accīriō*, *ossīrō*. Срединный или конечный гласный в известных условиях отпадали: *orīficiū* > *offīcium*, *mentīs* > *mēns*. В начальном слоге эти процессы не происходили. Очевидно, начальный слог получил в ходе развития латин-

ского языка некое особое качество, в результате которого прочие слоги стали редуцироваться. По мнению многих языковедов, этим качеством было динамическое ударение на первом слоге, приводившее к ослаблению последующих слогов. Согласно этой теории, историческому латинскому ударению, находившемуся на втором или третьем слоге от конца слова, предшествовало доисторическое "пралатинское" ударение на первом слоге, и притом ударение динамическое. Последовательные сторонники этого взгляда считают, что латинское ударение и в дальнейшем оставалось динамическим на всем протяжении истории латинского языка, только место ударения изменилось, и оно перешло на предпоследний слог или третий от конца.

Возникновение динамического ударения на первом слоге, пришедшего на смену древнему свободному музыкальному ударению, унаследованному от общеиндоевропейского состояния, некоторые авторы (например, Скуч) объясняют влиянием лингвистической среды Италии, в частности влиянием этрусского языка, имевшего, по-видимому, ударение на первом слоге.

Сторонники динамической теории отвергают, таким образом, показания римских грамматиков о музыкальном ударении, усматривая в них рабское следование греческой теории ударения и искажение латинской языковой действительности. Отвергаются и сообщения о тональных различиях латинского ударения, о двух его видах — "остром" и "облеченном" (§ 93). Довод, основанный на характере стихосложения, пытаются ослабить ссылкой на то, что стихосложение "заимствовано" у тех же греков и будто бы мало подходит для латинского языка. Указывают также на частое совпадение стихового повышения со словесным ударением, например, в конце гексаметра (*ōra tenēbant, ōrsus ab altō, renovāre dolōrem* и т. д.) и, в особенности, в стихе древнеримской комедии: такой стих, как Плавт, *Aul. 1*:

Nē quis mīrētur quī sim, paucīs ēloquār.

не содержит ни одного расхождения между словесным ударением и повышениями стиха.¹

Динамическая теория получила большое распространение среди немецких и англо-американских лингвистов, в то время как французские и итальянские исследователи обычно придерживаются музыкальной теории. Из русских авторов динамическую теорию поддерживали И. А. Бодуэн де Куртенэ, И. В. Нетушил, Ф. Ф. Fortunатов: единственный русский автор, специально работавший над этим вопросом, — С. Н. Жданов ("К учению о греческом ударе-

¹ Наличие двух повышений на слове *ēloquār* не составляет, конечно, "расхождения". О расхождении может идти речь только в том случае, если стиховое повышение падает на неударный слог, в то время как ударный находится в стиховом понижении.

ний". СПб, 1878), — категорически высказался в пользу музыкальной природы латинского ударения.

Динамическая теория находится в противоречии с античными свидетельствами, и в этом ее слабое место. Неприемлемо также предположение, будто бы римляне в течение веков могли придерживаться стихосложения, заимствованного извне и неподходящего для их языка. Совпадение стихового повышения со словесным ударением имеет место только частично. Так, мы его находим в конце гексаметра, но не в начале его; в конце пентаметра нормой является расхождение. К тому же это совпадение в значительной мере невольное и неизбежное по структуре стиха¹.

Трудности, сопряженные с последовательным проведением динамической теории, принудили некоторых авторов искать компромиссного выхода. Высказывалась, например, мысль (Вандриес), что в древней латыни сосуществовали два вида ударения: музыкальное на его историческом месте (второй и третий слоги от конца) и одновременно с ним — динамическое на первом слоге. Другие ищут разрешения проблемы в том, что предполагают в истории латинского языка ряд последовательных смен природы и места ударения (Нидерман, Кент).

Можно усомниться и в справедливости того положения, которое лежит в основе всей динамической теории. Фонетическое качество начального слога, обусловившее собой редукцию гласного последующих слогов, могло заключаться не в динамической ударности. Характер изменения латинских гласных в срединном слоге (-ā- > -ī-) отличается от той редукции неударных гласных, которая наблюдается в языках с динамическим ударением, например, в русском языке. В основе процессов изменения латинского краткого гласного в срединных и конечных слогах могли лежать совершенно иные особенности начального слога, например, его замедленное и четкое произношение (§ 62), приведшее к сокращению длительности и качественным изменениям одноморных гласных в других слогах. Это последнее предположение, принадлежащее французским лингвистам (Мейе, Жюре), по-видимому, наиболее согласуется с известными нам фактами истории латинского языка; вопрос однако остается спорным.

¹ Подробнее об этом вопросе см. И. М. Тронский. Очерки из истории латинского языка. М. — Л., 1953, стр. 160 — 170.

ЛАТИНСКИЙ АЛФАВИТ

§ 97. Латинский алфавит, как и все прочие алфавиты Италии, греческого происхождения. Он восходит к так называемым западно-греческим алфавитам, отличающимся от восточно-греческих тем, что представляют последовательность букв χ , ϕ , ψ в значении ks , ph , kh , имеют h в значении h и не знают букв ξ и ω . По вопросу о непосредственном источнике римского алфавита существуют два мнения. Одни исследователи считают его заимствованным непосредственно у кампанских греков, другие выдвигают гипотезу этрусского посредничества. Последнее представляется более вероятным в силу того, что древнейший римский алфавит не имел особого знака для звонкого заднеязычного g и передавал буквой C , восходящей к греческой Γ , как глухой, так и звонкий заднеязычный. При непосредственном заимствовании алфавита у греков это было бы непонятным, в то время как этруски, не различавшие звонких и глухих смычных, использовали Γ для изображения глухого смычного перед гласными переднего ряда. Этруски заимствовали свой алфавит не у кампанских греков, а непосредственно из Средней Греции и притом в более древней форме, чем алфавиты известных нам греческих памятников. Этрусский алфавит, найденный в Марсилиана д'Албенья, содержит 26 знаков: 22 буквы семитического алфавита и 4 буквы (Γ , Φ , χ , Ψ), присоединенные греками.

§ 98. Приспосабливая греческий алфавит к своим нуждам, римляне устранили буквы Θ , Φ , Ψ , употреблявшиеся для обозначения отсутствовавших в латинском языке придыхательных. Эти буквы получили новое использование в качестве цифр: Θ стало обозначать 100 и впоследствии было изменено так, что превратилось в начальную букву слова *centum* ($\Theta > \text{C} > \text{C}$); Φ обозначало 1000 и в соответствии со своим значением графически развилось, превратившись в начальную букву слова *mille*: $\Phi > \text{M} > \text{M}$; соответственно D — правая половина — получило значение 500; Ψ употреблялось как знак 50 и получило форму $\Psi > \downarrow > \perp > \text{L}$.

§ 99. С другой стороны, в греческом алфавите отсутствовал знак для щелевого f^1 . Для обозначения этого звука стали применять двухбуквенное сочетание $\text{FE} = \text{vh}$, встречающееся также в этрусских и венецких надписях, но впоследствии упростили это написание, доведя его до F . Употреблять F в качестве знака для c римлянам не нужно было, поскольку c в древнее время не составляло особой фонемы отличной от u (§ 71). По этой же причине римля-

¹ Φ обозначало, как известно, придыхательный (= лат. *ph*), который стал щелевым (= *f*) лишь значительно позже.

нам не нужно было особого знака для *j*. Буквы **I** и **V** служили для обозначения соответствующих фонем как в слоговом, так и в неслоговом варианте (а также для обозначения группы *ij*, *iv* перед гласным, где *j* или *v* являлись переходными звуками между *i*, *u* и гласным; § 71).

§ 100. Буква *z* могла иметь применение в латинском письме, пока существовал звонкий вариант фонемы *s* (§§ 212, 255 — 257). В сохранившихся памятниках этой буквы не встречается, но римские антиквары знали о ее существовании (Великий Лонг, G. L. 7.51. 5 — 6). После перехода интервокального звонкого *z* в *g* буква *z* вышла из употребления. Традиция связывает ее устранение из алфавита с именем Аппия Клавдия, цензора 312 г. до н. э. (Марциан Капелла, 3. 261).

Три буквы, служившие для выражения заднеязычного звука, гамму (**Г**), каппу (**К**) и коппу (**Q**) — этруски использовали как знаки фонетических вариантов заднеязычного в положении перед разными фонемами. Надпись на форуме воспроизводит этрусский порядок: **К** перед *a* и согласными, **С** перед неогубленными гласными *e*, *i*, **Q** перед огубленными гласными *o*, *u*. В дальнейшем **Q** (обычно в сочетании с **V**) специализируется как знак для лабиовелярного, являвшегося самостоятельной фонемой, а **К** уступает место **С**, сохраняясь в качестве архаизма в сокращениях и иногда перед *a*.

Недостающий знак для звонкого заднеязычного был создан в III в. до н. э. путем модификации буквы **С**, означавшей в древнейшем письме как глухой, так и звонкий. Создание буквы **G** приписывается Спурию Карвилию Руге. Новая буква заняла в алфавите место устранившегося из него *z*. Буква **С** в значении **G** сохранилась в сокращениях: *C* = *Gāius*, *Cn.* = *Gnaeus*.

§ 101. С введением **G** вместо *z* латинский алфавит принял ту форму, которую он имел в период поздней Республики:

A B C D E F G H I K L M N O P Q R S T V X.

Этот алфавит, состоявший из 21 буквы (Цицерон, D. N. 2. 93), нередко изображается на надписях, монетах и т. д.

§ 102. В древнем письме буквы не удваивались даже в том случае, если бы две одинаковые буквы оказались по обе стороны словораздела: **KAPIA** (1².1) = *kariad* перед словом, начинающимся с *d*-. Введение удвоенного написания по образцу осков и греков приписывается Эннию (Фест, 374. 3 сл.). В декрете Эмилия Павла от 189 г. (1².614) согласные удваиваются, хотя и не всегда последовательно. Но такой официальный документ, как *Senātūs cōnsultum dē Vacchānālibus* (1².581), составленный в 186 г., не прибегает к уд-

воению согласных. Лишь к концу II в. до н. э. оно начинает систематически применяться. В качестве знака удвоения согласного иногда употребляется “серповидный” (*ſicilicus*): *osa* (10.3743).

§ 103. Существенным недостатком латинского алфавита было отсутствие средств для выражения долготы и краткости гласных. В осском, а отчасти и фалисском письме долгота гласного изображалась с помощью его удвоения. К этому приему, рекомендованному поэтом Акцием также для латинского письма, иногда прибегают в надписях конца II и начала I в. до н. э.: **AARA, LEEGE** (1².1438), **IVVS** (1².587).

Долгота *i* никогда не выражается с помощью удвоения (-*ii*- обозначает геминированное неслоговое *i* — *aiiō*).

После того как дифтонг *ei* монофтонгизировался и перешел в середине II в. до н. э. в *i*, дифтонгическое написание *ei* стали использовать для написания *i* независимо от его происхождения. Этот прием, очень распространенный в памятниках республиканского периода, часто применялся и в более позднее время. Наряду с этим в эпиграфическом письме со времен Суллы входит в употребление так называемая “длинная йота” (*iōta longum*), превышающая своей величиной обычную высоту букв : **vlcvvs**.

Впоследствии *iōta longum* часто применялась для *i* (§ 203).

Однако наиболее употребительным обозначением долготы стала с конца I в. до н. э. постанковка апекса (*apex*) ’’ над гласной буквой (ср. упомянутый выше *ſicilicus* как знак удвоения согласного; § 102). На тщательно выполненных надписях, как например, *Monumentum Ancuſtānum*, апексы проставляются более или менее систематически, и Квинтилиан рекомендует постанковку их во всех случаях, где неразличение долготы и краткости в письме может привести к недоразумению.

§ 104. В древней латыни смежные гласные одинакового тембра, как правило, сливались (§ 196), и потребность в удвоении гласных букв возникала очень редко; такой случай мы находим, например, в **EEIS** (1².581), где второе *e* является первым элементом дифтонга *ei*. С течением времени, однако, группы из двух одинаковых гласных, принадлежащих разным слогам, стали встречаться все чаще (§ 200). Удвоенное написание гласного как средство обозначения таких групп (а не как способ изображения долготы гласного; § 103) окончательно установилось только в конце республиканского периода. В более раннее время, в стремлении избежать написания двух одинаковых гласных букв подряд, нередко прибегали к их дифференцированию, заменяя одну из них другой буквой, обозна-

чающей ближайший по тембру звук: например, **ADIESE** (1².581 — 180 г. до н. э.) = *adiisse* (ср. § 659), е вместо *i*.

Особый случай составляет удвоение **I** и **V**, имевших как гласное, так и согласное значение (§ 99). В I в. до н. э. *-ii-* употреблялось для обозначения удвоенного неслогового *i* — *aijō* (§ 71). С фонетической точки зрения это было правильно, но для письма представляло излишнее осложнение, так как в тех положениях, где встречалось *-i-i-*, не бывает других разновидностей фонемы *i*, от которых нужно было бы отличить *-ii-*. От удвоения *i* в этой группе впоследствии отказались. Переходное *j* между *i* и гласным другого качества (§ 71) не нуждалось в специальном обозначении. То же в большинстве случаев имело место по отношению к переходному *ц* (там же), но здесь иногда возникали трудности чтения, требовавшие для *цц* удвоенного написания. Это происходило: 1) в начале слова — *ūvae*; написание **VAE** могло быть прочтено как *vae*; 2) в группе *iūc-* — *iūventa*; **IVENTA** могло читаться как **iventa*; 3) в группе *-uqi-* перед гласным — *fluuius*; **FLVIVS** могло читаться как **fluuius*, ср. *huius*. В этих случаях установилось написание **VV**. Но возможность недоразумений при чтении не всюду была устранена: *volu(v)ī* и *volvī*, *alu(v)ī* и *alvī* продолжали писаться одинаково: **VOLVI, ALVI**.

§ 105. В последний век Республики распространилась манера произносить слова, заимствованные из греческого языка, на греческий лад, и это потребовало увеличения алфавита. К прежним буквам присоединились **Y, Z** (§§ 62, 75), а для греческих придыхательных возникли написания: **ph, th, gh, ch** (§§ 85, 73).

§ 106. При условии применения апексов латинский алфавит соответствовал фонологической структуре классической латыни, не хватало только знака для ставшего самостоятельной фонемой *ц* (§ 71) и, может быть, для заднеязычного *п* (§ 82).

Предложение Акция изображать заднеязычное *п* на греческий лад через *g* (*agguis* = *anguis*) не имело успеха. Действительно, эта реформа могла создать только путаницу, поскольку удвоенное *g* встречалось в таких словах, как *agget*, и не представляла собою усовершенствования по сравнению с обычной графикой (*п* перед *g* — *longus* и *g* перед *п* — *dignus*).

В равной мере бесполезным было предложение Веррия Флакка ввести новый знак для обозначения редуцированного *-m* (§ 78)¹.

¹ Из кратких указаний в словаре Феста (364.9; 220.7: P. F. 24.20: 63.18) и из двух не вполне достоверных в отношении своего текста мест Квинтилиана (1.7.23 и 9.4.39) можно сделать вывод, что Катон Старший употреблял форму 1 л. ед. ч. будущего времени третьего спряжения с окончанием не то *-e*, не то *-ae*, вместо *-am*: *dīcae* или *dīcae* вместо *dīcam*. Форма на *-e* могла бы представлять собой встречающееся в рукописях Плавта (см. § 563) 1 л. на *-em* с опущением редуцированного *-m*, но окончание *-ae* является морфологической загадкой. В связи с этим возникло предположение, что уже Катон пользовался для конечного *-m* особым знаком (например, повернутым на 90° M), который был впоследствии принят за *-e*, и таким образом получилось *-ae* вместо *-am*.

Более радикальную реформу алфавита пытался провести император Клавдий. Он предложил три новых буквы:

┌, встречающуюся на надписях его времени вместо у, но задуманную быть может для того звука, который источники определяют как “средний” между і и и (§ 63);

└ – для ц, переходившего в это время уже в щелевой звук;

○ – в значении греческого ψ = лат. ps, bs.

Эта реформа, содержащая наряду с ненужными для римского письма предложениями вполне рациональную попытку ввести особый знак для v, не удалась. Только государственная канцелярия пользовалась новыми буквами, и то лишь при жизни Клавдия.

В позднейшей античности и в Средние века латинский алфавит оставался без изменений. В XVI в. французский гуманист Пьер Ламэ (Pierre La Ramée, в латинизированной форме Petrus Ramus) ввел буквы j и v для обозначения і и ц.

В современных научных изданиях античных латинских текстов чаще всего сохраняется античная графика, но иногда пользуются и буквами, введенными Ламэ. Некоторые издатели пользуются только v, не прибегая к j, и этот путь с фонологической точки зрения представляется наиболее правильным.

РАЗВИТИЕ ГЛАСНЫХ

МОНОФТОНГИЗАЦИЯ ДИФТОНГОВ

§ 107. Наиболее существенные изменения состава гласных фонем, имевшие место между эпохой древнейших памятников и латинским языком классического периода, связаны с процессом монофтонгизации дифтонгов. Тенденция к монофтонгизации дифтонгов, унаследованных от общендоевропейского состояния, характерна для многих ветвей индоевропейских языков. Из языков италийской ветви только осский сохранил дифтонги. В самых ранних умбрских текстах они уже монофтонгизированы. В латинском языке монофтонгизация наступила позже, чем в умбрском, и привела отчасти к другим результатам.

В умбрском языке дифтонги, не содержащие огубленного элемента (ai, ei) монофтонгизировались в ē, прочие дифтонги (au, ou, oi) — в ō.

§ 108. Дифтонги с первым долгим элементом уже в древнейшей латыни сохранились лишь в конце слова — ōi, -āi.

В древнейших памятниках мы еще находим формы дательного падежа **NVMASIOI** (1².3), **DVENOI** (1².4). О том, что первый элемент дифтонга ōi был долгий, свидетельствует его дальнейшее развитие (ōi > ō: Numeriō, bonō). В дальнейшем как эти унаследованные дифтонги, так и вновь образованные, например, āi в Gen. Sg. и Nōm. Pl. первого склонения (§§ 316, 321), либо сокращали свой долгий первый элемент (Dat. fortūnae < fortūnai < fortūnāi: § 318), либо утрачивали второй (Numeriō < Numasiōi, в пренестинском диалекте Fortūnā < Fortūnāi).

Сокращение долгого элемента дифтонга āi в Dat. Sg. и Nōm. Pl. первого склонения произошло позже, чем изменение качества дифтонга с первым кратким элементом в конечном слоге (§ 163): -ai уже не переходило в -ei.

§ 109. Монофтонгизация дифтонгов с первым кратким элементом, как унаследованных от общендоевропейского состояния, так и возникших впоследствии в результате сокращения дифтонгов с первым долгим элементом, происходила в основном в III — II вв. до н. э.

Процесс имел ассимилятивный характер: составные элементы дифтонга сливались в долгий гласный единого тембра. Первый элемент средней степени узости e, o сливался со вторым элементом i, u в долгий узкий гласный. Долгий узкий гласный сохранял огубленность, если хотя бы один из элементов дифтонга был огубленным (см. схему): ei > ī; ou > ū; oi > ū.

Дифтонги с максимальным расстоянием между элементами в римском говоре и основанной на нем литературной латыни сохранили дифтонгический характер, но в *ai* элементы сблизилась между собой: *ai* > *ae*. В сельских диалектах также и эти дифтонги монофтонгизировались, образовав один долгий гласный средней степени узости: *ai* > *ē*; *au* > *ō*.

§ 110. *ou* > *ū*.

IOVXMENTA (1².1, около 500 г. н. э.) > *iūmenta*; **LOVCOM** (1².366) > *iūcum*.

Этот процесс завершился уже в III в. до н. э. В древнейших надгробиях Сципионов (1².7 и 1².9) рядом с архаизирующим написанием *Loucapat* находим формы *Lūciom*, *Lūcius* вместо **Louciom*, **Loucius*.

Архаизирующая орфография сохраняла написание *ou*, особенно в юридических терминах, — *iouus*, *ioudex*, *iougāre*, — вплоть до начала I в. н. э.

В некоторых говорах (Пренесте, Норба) *ou* > *ō*: **LOSNA** (= *lūna*, 1².549, Пренесте) < **louhna*, ср. др.-прусс. *lauhnos* 'созвездие'; **LOCINA** (= *Lūcinae*, 1².359, Норба) < **Loucināi* (§ 108).

По аналогии развития *ei* > *ē* > *ī* (§ 111) можно предполагать *ou* > *ō* > *ū*.

§ 111. *ei* > *ī*.

ei > *ī*, пройдя через промежуточную ступень *ē*: **DEICERENT** (1².581, 186 г. до н. э.) > *dīcerent*; **CEIVIS** (там же) > *cīvis*; **INCEIDERETIS** (там же) > *incīderētis*; **PREIVATOD** (там же) > *prīvātō*.

Промежуточный этап *ē* засвидетельствован многими памятниками конца III — начала II в. до н. э.: **PLOIRVME** (1².9, III в. до н. э.) < **plourumei*, кл. *plūrimī*; **CONPROMESISE** (1².581, 186 г. до н. э.) < **comprōmeisise*, кл. *comprōmīsisse*.

Из "обратного" написания **DECREIVIT** (1².614, 189 г. до н. э.) вместо *dēcrēvīt* видно, что старый дифтонг *ei* в это время звучал как *ē* (стало быть, приведенное выше написание *ei* в надписи 186 г. до н. э. является уже архаизирующим). Это *ē* отличалось от обычного *ē* более закрытым характером и к середине II в. до н. э. перешло в *ī*. С этого времени написание *ei* превратилось в графический

знак для \bar{i} любого происхождения: в формах **COGENDEI** (1².632) = *cōgendī*, **OMNEIS** (1².638) = *omnīs*, дифтонга никогда не было и *ei* обозначает только долготу \bar{i} (§ 103). В этом значении написание *ei* сохраняется в течение всей эпохи Республики и встречается еще в памятниках периода Империи.

\bar{e} (< *ei*) сохранило свой тембр: 1) между *l* и *v*: *lēvis* < **leivis* (ср. греч. *λεῖος* < **leifos*): *lēvi* < **leivai* (корень **lei-/li-* ср. *līnō*);

2) в слове *seu* 'или' < **sē-ve* < **sei-ue*, где (с отпадением *-e*) *e* + *u* образовали дифтонг *eu*, но (с сохранением *-e*) **seive* > *sīve*: ср. также *neu* (§ 68);

3) сократившись в положении пред гласным, перед которым оно оказалось в результате выпадения *v*:

DEIVOS 'бог' (1².4) > *dēvos* > **dēos* (§ 210) > **deos* (§ 185) > *deus* (§ 162). В сельских диалектах \bar{e} не перешло в \bar{i} (Варрон. R. R. 1.48.2: *spīca autem, quam rústici, ut accēpērunt antiquitus, vocant spēsam*¹; ср. Цицерон. Or. 3.46). С распространением латинского языка по Италии это явление переходило в городские говоры: **CVAMECIS** (4.3152², Помпеи) = *cum amīcis*.

§ 112. *eu* > *ou* > \bar{u} .

Дифтонг *eu* сохранился только в древнейшем римском тексте, гимне салиев: *Leucesie* (fr. 2), и очень рано, как и в прочих языках италийской ветви, перешел в дифтонг *ou* и соответственно монофтонгизировался вместе с исконным *ou* (§ 110).

Имя греческого божества Πολυδεύκτης , попавшее в Рим около 500 г. до н. э. через этрусское посредничество (этр. *pultuke*), звучит по-латыни **POLOVCES** (1².548) = *Pollouces* > *Pollūx*. И.-е. **deucō* > лат. *dūcō* 'веду', ср. арх. **ABDOVCIT** (1².7).

§ 113. *oi* > \bar{u} .

HONC OINO (= *oinom*; § 219) **PLOIRVME** (1².9) > кл. *hunc ūnum plūrimī*; **COMOINEM** = *com-moinem* (1².581, 186 г. до н. э.) > кл. *commūnem*; *lūdus* < **LOIDOS** (1².364); *cūrāvēre* < **COIRAVERE** (1¹.566); *ūtile* < **OITILE** (1².586).

Первые примеры написания *u* на месте старого дифтонга: **VTIER** (1².10, около 170 г. до н. э.), **VSVRA** (1².632, 146 г. до н. э.); но в орфографии еще долго сохранялось дифтонгическое написание. Возможно, что промежуточным этапом между *oi* и \bar{u} был дифтонг *ou*: **PLOVS** (1².581), **COVRAVERVNT** (1².1894).

В нескольких словах дифтонг *oi* не развился в направлении *ou*, а перешел в дифтонг *oe*: *roena* из греч. $\rho\omicron\iota\eta\acute{\nu}$ 'наказание', но *rūpiō* 'наказываю'; *Roenus* 'пуниец', но *Rūnicus* 'пунический'; *moenia* 'укрепления', но *mūpiō* 'укрепляю' и *mūnia* 'обязанности';

¹ *spīca*, которую деревенские жители, унаследовав от древних, называют *spēsca*.

pōmoerium < *postmoirium 'древний рубеж города Рима', но mīrus 'стена'; foedus 'союз' (**FOIDERATEI** 1².581 'союзники') и прилагательное foedus 'безобразный'; amoenus 'прелестный'; proelium 'сражение'; собств. имя Cloelius.

Причина отклонения дифтонга oi от обычного развития недостаточно выяснена. Здесь усматривают либо диссимилирующее влияние предшествующего губного звука (roena, Poenus, foedus), парализуемое, однако, гласной i последующего слога (pūnīre, Pūnicus), либо тенденцию к архаистическому произношению в словах официального юридического языка и высокого стиля (foedus, roena, moenia, romoerium, proelium, amoenus), в именах людей, народов и т. д.¹

В словах, сохранивших дифтонг, составные его элементы сдвинулись: oi > oe и составили новую фонему oe. Написанием oe пользовались для передачи греческого дифтонга oi, например, в заглавии комедии Теренция Adelphoe = греч. Ἀδελφοί, и дифтонга oi древнеримских памятников, например, в окончании им. п. мн. ч. м. р. 2-го склонения pilumpoe porpoe. Впоследствии дифтонг oe монофтонгизировался в огубленное ē, в дальнейшем потерявшее свою огубленность (§ 67).

§ 114. ai > ae.

Памятники III в. до н. э. сохраняют написание ai еще неизменным: **AIDE** (1².9) = aidem > кл. aedem; **GNAIVOD** (1².7) > кл. Gnaeō; **AIDILIS** (там же) > кл. aedīlis.

С начала II в. до н. э. появляется написание ae: **AETOLIA** (1².616, 189 г. до н. э.); **AEDEM** (1².581, 186 г. до н. э.), рядом с архаизирующим **AIQVOM** (в той же надписи).

Изменение графики свидетельствует об изменении произношения, о сближении составляющих дифтонг элементов².

Дифтонгическое произношение ae сохранялось в течение всего классического периода.

В сельских говорах, однако, как и в ряде других италийских языков (вольском, умбрском, фалиссском), дифтонг ai монофтонгизировался в ē. Уже у Луцилия (1130) претору Цецилию при монофтонгическом произношении его имени и должности грозит опасность стать "деревенщиной": Cēcilius prētor nē rūsticus fiat. Ср. Варрон. L. L. 7.96: rūsticī pappum Mēsium, non Maesium; 5.97: in

¹ Тенденция противопоставлять в юридическом стиле дифтонг oe разговорному ū могла распространяться и на слова, в которых ū не восходило к oi. Таково, вероятно, происхождение oboediō вместо *obūdiō < *ob-audiō (§ 153).

² В надписях второй половины II в. до н. э. часто встречается написание aei: **CONQVAEISIVEI** (1².G38), являющееся показателем закрытого характера второго элемента дифтонга.

Latiō rūre ēdus quī in urbe, ut in multīs ‘a’ additō, aedus.

Некоторые слова проникли и в римскую латынь в своем “сельском” монофтонгическом произношении: fēnum ‘сено’, sērēs ‘изгородь’, rēsēria ‘хлев’, но при этом ē приобрело обычный для латинского языка закрытый характер — ē̄. Сосуществование двух произношений, из которых одно рассматривалось как более “корректное”, имело своим последствием возникновение “гиперурбанизмов” (“сверхкорректных” форм), например, в заимствованных словах: scaena вместо scēna (греч. σκηνή), scaeptrum вместо scēptrum (греч. σκῆπτρον). В дальнейшем монофтонгическое произношение ē̄ получило широкое распространение по всей Италии. К III — IV вв. н. э. оно вошло в литературный язык и было признано грамматиками. Так, для Сервия (G. L. 4. 421. 16 — 21) открытое звучание ē̄ в слове ēdus “близко к звучанию дифтонга”, т. е. к его монофтонгическому произношению в слове aedus.

§ 115. au.

Дифтонг au в латинском языке сохранился. В сельских диалектах, равно как и в умбрском языке, имела место монофтонгизация, параллельная монофтонгизации ae (§ 114): au > ō. По Фесту (196. 26 — 31): ōrāta, genus piscis, appellātur ā colōre aurī, quod rŭsticī ōrum dīcēbant, ut auriculās ōriculās¹.

Это монофтонгическое произношение вошло в римскую латынь в некоторых словах, относящихся к области сельскохозяйственной и бытовой лексики: ōlla ‘горшок’, cōda ‘хвост’, cōlis ‘капусты’, plōstrum ‘телега’. Родовое имя Claudius имело “демократический” вариант Clōdius; в помпейской надписи (4.2353) **CAMPANI SALVETE VIRI AVLVS OLO SVO SALVTEM**² “Авл” не без лукавого задора приветствует кампанского “Ола”.

Как и в развитии дифтонга ae (§ 114), наличие двух произношений стало источником “гиперурбанизмов”: austium вм. ōstium, gaudus вм. gōdus, plaudō вм. plōdō и т. д. Светоний передает анекдот о том, как некий Флор обратил внимание императора Веспасиана на то, что произношение plaustra является более правильным, чем plōstra; на следующий день Веспасиан обратился к Флору, иронически именуя его Flaurus.

¹ ōrāta — вид рыбы. получает свое наименование от цвета золота — aurum, которое деревенские жители произносили ōrum, так же как auricula — ōricula.

² “Привет кампанцам. Авл шлет привет любезному Олу”.

Однако монофтонгическое произношение *au* не получило общи-таллийского характера, оставалось диалектным и укрепилось лишь в немногих словах в обычной для латинского языка форме закрытого \bar{o} . Дифтонг *au* вошел и в некоторые романские языки: румынский, западный ретороманский, провансальский, португальский (в последнем случае в форме *ou*). Монофтонгизация *au* в итальянском (\bar{o}), французском (\bar{o}), испанском (\bar{o}) имела место уже за пределами латинского развития.

КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ ПОД ВЛИЯНИЕМ СОСЕДНИХ ФОНЕМ

§ 116. В настоящем разделе рассматриваются качественные изменения латинских гласных, происходящие под влиянием соседних согласных и не зависящие от места слога в слове. О сужении гласных в срединных и конечных слогах см. §§ 139 — 163. Интересующие нас здесь процессы проявляются с наибольшей ясностью в начальном слоге, и примеры на их действие в других слогах мы будем приводить лишь в тех случаях, когда они не имеют результатом сужение гласного и являются, таким образом, независимыми от специфических процессов срединных и конечных слогов.

§ 117. $\bar{i} > \bar{e}$ перед *r*, возникшим в порядке “ротакизма” из *s* в положении между гласными (§ 212): род. п. от *cinis* (< **cenis*; § 180) — *cinēris* < **cenīs-es*; название города *Falērii* < **Falīsioi*, ср. наименование племени *Falīsci*; *serō* ‘сею’ < **si-s-ō* (образование настоящего времени с удвоением от корня **sē-* / *sə-*; § 515, ср. также § 15).

В составных словах *dir-imō*, *dir-ibeō* -*i-* префикса восстановлено по аналогии с *dis-* в *dis-simulō*, *dis-tendō* и т. д.

§ 118. $\bar{u} > \bar{o}$ перед *r*, возникшим в порядке “ротакизма” из *s* в положении между гласными (ср. § 117): *fōret* < **fū-sē-d* (от итальянск. корня *fu-*, ср. ос. *fusíd*). *Nurus* (< и.-е. **snusos*, ср. д.-и. *snuŕā*, греч. $\nu\acute{o}\varsigma$, ст.-сл. *снѣха*) и *furvos* (ср. *fuscus*) сохраняют \bar{u} под влиянием *u* (*v*) следующего слога, но рядом с *nurus* существовала в разговорном языке форма *pora*, легшая в основу романских форм: ит. *puoga* и т. д.

§ 119. $\bar{e} > \bar{i}$ перед заднеязычным носовым η : *tingō*, ср. греч. $\tau\acute{\epsilon}\gamma\gamma\omega$; *quīnque* < и.-е. **penk^he* (об ассимиляции *p* — *qu* > *qu* — *qu* см. § 274; долгота \bar{i} под влиянием *quīntus*, см. § 193 в); *inguen* < **enguen* < и.-е. * $\eta\eta^{h}en$ -, греч. $\acute{\alpha}\delta\eta\nu$; *septīngentī* < **septēmcēntī* (этот переход не связан с сужением гласных в срединных слогах, по-

сколькy ě в закрытом срединном слоге не изменяется; § 148); *dīgnus* < **dēgnos* < **dēcno*s (связано с глаголом *dec-et*); *līgnum* < **lēg-*nom (связано с глаголом *legō* 'собирать'). См. также § 125.

Неясно *iuvēncus*: сохранение ě после *v* или. быть может, диалектная форма (умбр. *iueŋga*)?

§ 120. ě > ĭ перед -mb-:

арх. *lēm̄bus* 'кайма' > *līm̄bus*; *īmber* < **ēm̄bris* < **mb̄hri-s*, ср. греч. *ἀφρός* < **mb̄hro-s*. В слове *tembrum* (< **mēm̄strom*) -b- позднее (§ 253).

То же перед -mpl- в *sim-plex* (ср. *sem-per*), однако, *templum*.

§ 121. ě > ĭ перед -rc- (диалектно): **STIRCVS** (I².401): **MIRQVRIOS** (I².553). ср. ос. *amiricatud* = лат. *immersāto*.

§ 122. ě > ō перед -ц- (во всех италийских языках): *novus* < и.-е. **neuos*, ср. греч. *νέος*; *pōvet* < и.-е. **neup*, ср. греч. *ἐννέα* < **ēv-ve-fa* (-m вместо *-n — по аналогии с *decem*).

В *brevis, levis* -v- позднее (< **g^h*), ср. § 10.

§ 123. ě > ō перед велярным l (l̄):

арх. *hēlus* > кл. *hōlus*; *vōlō*, *vōlēbam*, *vōlam*, *vōlumus*, но *vēlle*, *vēlim* (корень *vēl-*); *cōlō* < **quēlō*, ср. *inquitīlus*.

В начальном слоге после *s-*, *g-* сохраняется -ě-: *cēler*, *scēlus*, *gēlū*, *cēlsus*, что свидетельствует, вероятно, о палатализованном произношении *s*, *g*.

§ 124. *quē-* > *quō-* > *cō-* перед -qu-: *cōquō* < **quēquō* < и.-е. **rek^h*. ср. §§ 215, 274: *suē-* > *sō-* (§ 260).

§ 125. ō > ū перед заднеязычным носовым η (ср. § 119): *ūncus*, ср. греч. *ὄγκος*; *ūnguis*, ср. греч. *ὄνυξ*; арх. **HONCE** (I².366) > кл. *hūnc*.

Неясно *longus*.

§ 126. ō > ū перед -m- (ср. § 120):

ūmbō 'цунг', *ūmbilicus* 'пуп', ср. греч. *ὀμφαλος*; *lūmbus* < **londhuos*, ср. ст.-сл. **ЛАДВИНЬ**; *ūmerus* 'плечо' < **ōmesos* < **omsos*, ср. греч. *ὤμων*; *pūmerus*, ср. греч. *πόμος*; *Nūmidae*, ср. греч. *Νομίδες*.

Позднее *ōm-* в *ōmnis* (< **ornis*; ср. § 234), *sōmnus* (там же), *hōmo* (§ 180).

В *dōmus* -ō- сохранилось, может быть, благодаря начальному переднеязычному.

§ 127. ō > ū иногда перед группой 'γ + согласный' (вероятно, диалектно; ср. § 49): *fūgnus*, но *fōgnāx*; *cūgnus* 'кривой', но *cōgnus* 'ворон': *Appendix Probi*. § 58) предупреждает: *fortīca pōn furtīca*.

§ 128. ō > ū перед сильноначальным l̄. Переход этот распространяется и на *ol̄*, возникшее из *el̄* (ср. § 123).

арх. *molta (**MOLTAI** I².366) > кл. mūlta 'штраф'; арх. colpa (Присциан, G. L. 2.27.33) > кл. cūlpa; арх. cōnsōl > кл. cōnsūl; stūltus, cp. stōlīdus.

ei > oi (§ 123) > ut: catapul̄ta < греч. καταπέλτης; pūlsus от pēllō.

§ 129. После u, v переход ö > ŷ наступил, по крайней мере в письме, только в начале эпохи Империи. С этого времени: avōnculus > avūnculus, vōlgus > vūlgus, vōlt > vūlt и т. д.

Некоторые исследователи, например Нидерман, усматривают в написаниях во республиканской эпохе лишь графический прием, к которому прибегали из-за неясности написания vv (§ 104).

§ 130. ö > ę.

В середине II в. до н. э. ö, которому предшествовало v, перешло в ę перед сильноначальными -r-, -s- и перед сильноконечным -t-:

арх. vōrsus > кл. vērsus; арх. vōrtō > кл. vērtō; арх. vōrtex > кл. vērtex; арх. vōster > кл. vēster; арх. vōtō > кл. vētō.

Свидетельство Квинтилиана (1.7.25) относит этот переход ко времени Сципиона Африканского. В орфографию официальных документов он вошел в последней четверти II в. до н. э.

§ 131. В начальном слогe, находясь перед v, ö > ę:

cāveō, cp. греч. κοῦω < *kofεω; fāveō, но арх. **FOVE** = fāvē (I².573); lāvō, cp. гом. λῶω < *lofω; cāvus < *cōvos, которое отражено в исп. cueva, порт. соva 'пещера'. cp. греч. κόοι < *kofoi.

С другой стороны, vā- > vō-: арх. vōcīvus < *vācīvos (cp. vācius).

Условия этих переходов еще недостаточно выяснены.

§ 132. [aj, > jej: jaiūnus (= jaijūnus, Плавт) > icīūnus.

§ 133. oi > ei (с последующей монофтонгизацией > i) после начального v и между l и губным или лабиовелярным: vīdī < *veidei < и.-е. *uoidai, cp. греч. (f)οῖδα; vīcus (диалектно vēcos, напр. I².388) < *veicos < и.-е. *uoiikos, cp. греч. (f)οῖκος; vīnum, cp. греч. (f)οῖνος; līquī, cp. греч. λέ-λοιπ-α; cīvus < и.-е. *k̄loiu-os, cp. гот. hlaiw.

§ 134. Между l и губным развившийся из *eu латинский дифтонг ou > oi > ę > i:

и.-е. *leudheros (cp. греч. ἐ-λεῦθερος, ст.-сл. людик, совр. нем. Leute) > лат. līber; промежуточные формы находим в пелигнском loufir 'līber', в фалисском Loifirtato 'Libertātis', фалисском loferta (< *louferta) 'līberta', арх. лат. loebesum = līberum, арх. лат. loebertātem = lībertātem (P. F. 108. 5, с модернизированным написанием oe вместо oi, см. § 113, и -um вм. -om), **LEIBEREI** (I².614), lēber (Квинт. 1. 4. 17), cp. **LEBRO** (I².381).

§ 135. au > a при наличии u в следующем слогe: **AGVSTO** (помпейская надпись 4.2124) < Augusto — народно-разговорная диссимилиация.

§ 136. ö > ŷ перед -r в односложных словах: fūr, cp. греч. φύρ, и cūr < quōr-.

§ 137. ö > ŷ перед -ns (диалектно): frūs (Энний) = frūns; cp. ос.-умбр. переход

ō > ū (§ 36). Тембр и переходит и в косвенные падежи: frundēs (Энний, *Ann.* 261); fūntēs (Присциан, *G. L.* 2. 27. 1) < fontēs.

§ 138. ō > ā перед v: octāvus < *octōŭ-os, nāvus < apx. gnāvos < и.-е. *gnōŭ-os.

КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КРАТКИХ ГЛАСНЫХ И ДИФТОНГОВ В СЕРЕДИННЫХ СЛОГАХ

§ 139. Специфическое качество начального слога в древней латыни (§ 96) имело своим последствием сокращение длительности кратких гласных или дифтонгов с первым кратким элементом во всех слогах, кроме начального, и это сокращение длительности привело к изменению тембра гласных и дифтонгов.

Датировка этих процессов представляет некоторое затруднение. Лишь самые последние этапы изменения гласных в конечных слогах падают на сравнительно хорошо датированный период III — II вв. до н. э. В древнейшей латинской надписи (1².3, около 600 г. до н.э.) **MANIOS MED FHE: FHAKED NVMASIOI** ‘Mānius mē *fēficit (= fēcit) Numeriō’ ни один гласный еще не затронут, но значение этой надписи как *terminus post quem* ослабляется тем, что надпись из Пренесте не может служить образцом римского говора.

Глоссы *concapitō* ‘concipitō’ и *concapsit* ‘comprehenderit’ (CGL. 5. 182. 21 — 22)¹ заставляют предполагать, что в распоряжении римских грамматиков были тексты, предшествовавшие сужению а в серединном слоге. Термин римского календаря *Kalendae* стал известен грекам еще в форме *Kalandai* (ср. греч. Καλύδα). Начало процессов изменения гласных в серединных закрытых слогах должно относиться поэтому к сравнительно не столь отдаленным временам — примерно к IV в. до н. э.

§ 140. В открытом серединном слоге краткий гласный ā, ē, ō переходит в гласный максимальной узости, который принимает тембр ĩ или ŷ в зависимости от качества следующего согласного:

ĩ перед переднеязычными и заднеязычными (d, t, n, g, c, q) и палатальным l,

ŷ перед v и f,

ĩ или ŷ перед губными (p, b, f, m).

Перед г и гласными, после i, e этот краткий гласный остается на средней ступени — ō перед f, ē — в прочих случаях.

§ 141. Перед переднеязычными и заднеязычными:

a) ā > ĩ (пройдя, очевидно, через промежуточную ступень ē):

cādō — occīdō — cecīdī; itā — itīdem; sātus — ĩnsītus; pāter —

¹ Concapit в тексте законов Двенадцати таблиц (6. 7) может быть испорчено.

luppīter; cānō — concīnō — cecīnī; āgō — redīgō — ambīguus; tāngō (корень tāg) — tetīgī; fāciō — cōnficiō; plāceō — displīceō; *utā (ср. ali-uta 'иначе') — utīque; греч. дор. μαχάνα (мон.-атт. μηχανή), лат. māchīna; греч. τρυάνη — лат. trūīna.

В сочетании с предшествующим *i* суживающийся гласный образует *i*, с *q*^h — *cu*: iāciō — abīciō; quātiō — concūtiō.

б) *ě* > *i*:

sēdeō — obsīdeō — obsīdēs; mēdius — dīmīdius; dīvēs — dīvītis; pētō — compītum 'перекресток' (ubi viae competunt—Варрон, L. L. 6. 25); nōmēn — nōmīnis — nōmīnāre; tēneō — retīneō — pertīnāx; lēgō — dīlīgō; rēgō — dīrīgō; spēcīō (ср. auspex, speculum) — cōnspēcīō.

Неясно iuvēnis, ср. iuvēncus (§ 119).

В архаических надписях кое-где сохранилось еще написание -e-. Особенно характерно формульное merētō(d), например I². 9.

На той же надписи **TEMPESTATEBVS** — обратное написание вместо tempestātibus. Переход *ě* > *i*, захвативший также то *ě*, которое развилось из древнего *ǎ* (пункт а), имел место, очевидно, не ранее III в. до н. э. Переход *ǎ* > *ě* произошел несколько ранее.

в) *ǒ* > *i*:

īlīcō < *ǎn-stlōcōd¹ 'на месте, тотчас' (locus < *stlocos; § 271); grīmīgenīa < grīmōgenīa (I².60, Пренесте); греч. Καλόδωρος, лат. Calīdōrus; греч. ἄποκος, лат. apīca.

ǒ позднейшего происхождения переходило в *i* независимо от тембра следующего согласного:

Troiūgena < *Troiiōgena; рядом с сакральным tripōdāre 'плясать в трехстопном ритме', сохранившем *ǒ* в силу этимологической прозрачности составного слова (§ 156), имеется разговорная форма tripūdiāre (ср. также герūdium, которое народная этимология сблизилась с pūdet).

§ 142. Перед палатальным *l* *ǎ* (> *ě*) > *i*, *ě* > *i*; перед *l* *ě* (равно как *ě* < *ǎ*) переходит, согласно § 123, в *ǒ* и затем в *i*; в отличие от § 128

¹ Предлог *in* 'в, на' < и.-е. **en*, ср. греч. ἐν, ос.-умбр. en, гот. in. Переход *en* > *in*, фонетически закономерный перед начальным заднеязычным и губным следующего слова (§§ 119, 120), а также и перед начальным гласным следующего слова, в силу проклитического положения предлога (ENVRBID I².5 > in urbe, § 297), распространился на все положения предлога. Древний вокализм *e* сохранился в форме *endo* (XII tab. 1. 2 с частицей -do, ср. греч. ἐνδον, quando).

в срединных слогах переход $\delta\acute{i} > \acute{u}i$ имеет место также и перед сильнооконечным \acute{i} :

$s\acute{a}li\bar{o}$ — $d\acute{e}s\acute{i}li\bar{o}$; греч. $Μασσ\acute{\alpha}λλια$ — $Mass\acute{i}lia$, но $\sigma\kappa\upsilon\tau\acute{\alpha}\lambda\eta$ — $scut\acute{u}la$; $fam\acute{i}lia$, но $fam\acute{u}lus$ (ос. $famel$); $\Sigmaικελ\acute{i}α$ — $Sic\acute{i}lia$, но $\Sigmaικελ\acute{o}\varsigma$ — $Sic\acute{u}lus$; $sim\acute{i}lis$, но $sim\acute{u}l\bar{o}$; $s\acute{e}d\acute{u}l\bar{o} < *s\acute{e}d\ d\acute{o}l\bar{o}d$ ‘без обмана’; греч. $\epsilon\pi\iota\sigma\tau\acute{o}λ\eta$ — $epist\acute{u}la$; $per\acute{u}l\bar{i} < *pe-p\acute{e}lai$.

В архаических памятниках еще встречается написание $o\bar{i}$ вм. позднейшего ui : **CONSOLVERVNT** (1².581).

После v переход $\delta > \acute{u}$ наступает в более позднее время (§ 129): $parv\acute{o}lus > parv\acute{u}lus$.

§ 143. Перед v краткий гласный переходит в \acute{u} , при этом v обозначается в письме лишь тогда, когда за ним следует группа “ i + гласный” (§ 104):

$p\acute{a}vi\bar{o}$ — $d\acute{e}p\acute{u}vi\bar{o}$; $l\acute{a}v\bar{o}$ ($< l\acute{o}v\bar{o}$; § 131) — $abl\acute{u}(v)\bar{o}$ — $ill\acute{u}vi\acute{e}s$; $den\acute{u}(v)\bar{o} < d\acute{e} n\acute{o}v\bar{o}$.

Переход этот распространяется и на гласный \acute{i} : $tr\acute{i}d\acute{u}(v)om < *tr\acute{i}d\acute{i}vom$ ‘трехдневный промежуток’.

§ 144. Перед губными закрытый краткий гласный выступает в форме то \acute{i} , неогубленного или огубленного (“средний звук”; § 63), то \acute{u} :

$\acute{a} > \acute{i}$.

$h\acute{a}be\bar{o}$ — $adh\acute{i}be\bar{o}$; $c\acute{a}ri\bar{o}$ — $acc\acute{i}ri\bar{o}$; Gen. Sg. $pr\acute{i}nc\acute{i}pis < *pr\acute{i}mo-c\acute{a}p-es$;

$\acute{a} > \acute{u}$:

$c\acute{a}ri\bar{o}$ — $occ\acute{u}r\bar{o}$; Gen. Sg. $auc\acute{u}pis < *avi-c\acute{a}p-es$;

$\acute{a} > \acute{u}/i$:

$c\acute{a}ri\bar{o}$ — $rec\acute{u}per\bar{o}$ — $rec\acute{i}per\bar{o}$; Gen. Sg. $man\acute{c}u\acute{p}is$ — $man\acute{c}i\acute{p}is < *man-c\acute{a}p-es$; $g\acute{a}ri\bar{o}$ — $surr\acute{i}ri\bar{o}$ — $surr\acute{u}ri\bar{o}$;

$\acute{e} > \acute{i}$:

$\acute{e}m\bar{o}$ — $red\acute{i}m\bar{o}$; $pr\acute{e}m\bar{o}$ — $compr\acute{i}m\bar{o}$;

$\delta > \acute{i}$:

греч. $\text{Κλειτοφ\acute{o}\nu}$, лат. $Cl\acute{i}t\acute{i}r\acute{h}\bar{o}$; греч. $\text{Δημοφ\acute{o}\nu}$, лат. $D\acute{e}m\acute{i}r\acute{h}\bar{o}$;

$\delta > \acute{u}/i$

$aur\acute{u}fex$ — $aur\acute{i}fex < *auro-f\acute{a}c-s$.

Законы, распределяющие направление движения гласного к \acute{i} или \acute{u} , остаются в значительной мере невыясненными. Из \acute{e} обычно развивается неогубленное \acute{i} : $ad\acute{i}m\bar{o}$; то же имеет место, когда последующий слог содержит гласный \acute{i} : $acc\acute{i}ri\bar{o}$ в противоположность $occ\acute{u}r\bar{o}$. Но ряд случаев представляет затруднение для истолкования.

Движение \acute{a} к \acute{u} проходило через промежуточный этап δ :

греч. Ἐκάβη > арх. лат. Несōба (Квинт., 1.4.16) > кл. Несūба.

§ 145. Закрытые гласные *ī, ū* остаются в срединном слоге неизменными, кроме группы *-īv- > -ūv-* (§ 143).

carūt — *carūtis* восходит, вероятно, к основе **caruot-/caruet-*, и *-ī-* в *carīt-* не происходит из *-ū-*.

§ 146. Перед *g ā > ě*, а прочие гласные остаются неизменными:

NVMASIOI (1².3) > *Numēriō; dāre* — *reddēre; pāriō* — *perēti* — *gerētiō; Ἀλάλια* (греческая колония на Корсике) — *Alēria* (диссимляция *l — l > l — r*; § 279).

То же имеет место перед сильноконечной согласной группой, содержащей *g*:

sācō — *cōnsēcō; pātō* — *perpētō; intēgrum* (корень *tāg-*).

По мнению некоторых исследователей мы имеем здесь след архаического слогостроения, сохранившийся от периода, когда слогораздел проходил внутри группы *mūta cum liquidā* (ср. § 89): *cōp-sec-gō*. С этой точки зрения переход *ā* в *ě*, а не в *ī*, объяснялся бы тем, что *ā* находилось в закрытом слоге (§ 149).

Вторичное *ō*, возникшее в формах типа *tempōris* (< **tempēs-es*, ср. наречие *tempētī*) под влиянием им.-вин. падежа **tempōs > tempus* (§ 162), остается перед *g* неизменным, но переходит в *u* под влиянием *u* предыдущего слога: *fulgūr* — *fulgūris*, ср. арх. *fulgōrīvīt* (Невий), в отличие от *rōbōr* — *rōbōris* (Харисий, G. L. 1. 86.5; о форме *rōbūr* см. § 362).

§ 147. Перед гласным краткое *ě*, имеющее закрытый тембр (§ 63), сохраняется: *augēus, docēō, linēa*.

Переход *ě > ī* задерживается также диссимилирующим влиянием предшествующего *i*: *hiētāre, pariētis, hiēmīs*.

В этом последнем положении *ō > ě*: *variētās* < **variō-tāt-s*.

После *i, e oī* не переходит в *uī*: *filiōlus, alveōlus*.

§ 148. В закрытом срединном слоге *ā > ě; ō > ū*.

§ 149. *ā > ě*: *māndō* — *commēndō; cāstus* — *incēstus; cāptus* — *accēptus; factus* — *cōnfēctus; pārcō* — *perpērci; fāllō* — *fefēlli*; греч. *τάλαντον* — *talēntum*; Ἀκράγας, Ἀκράγαντος — *Agriğēntum*.

О *cōnsēcō* и т. п. см. § 146.

ě, возникшее из *ā* в закрытом слоге, перед *ŋ* переходило в *ī*, согласно § 119, и перед *ŋ* в *ū*, согласно § 128:

tāngō — attingō (< *attēngō < *attāngō); frāngō — infrīngō (< *infrēngō < *infrāngō); sältō — exsültō (< *exsöltō < *exsēltō < *exsältō); sālsus — insūsus (< *insölsus < insēlsus < *insālsus).

§ 150. ö > ü:

*endöstruos (indostruum, P. F. 94.15) > indüstrius (с диссимиляцией среднего u в трех последовательных слогах, содержащих u); röndō — dupündi; ampölla — ampülla; арх. **VENOS** (1².550) — venüstus; mōns, mōntis — prömünturium ‘мыс’; alūmnus < *alōm-nos, ср. греч. причастия на -μενος.

Окончание 3л. мн. ч. пассива по 3-му и 4-му спряжению -ūntur < *-ōntor.

После u, v, qu переход ö > ü наступает лишь в конце I в. до н. э. (ср. § 129):

fruōntur > fruüntur; sequōntur > secüntur, ср. § 215.

§ 151. Первый краткий элемент дифтонга как бы “закрывается” вторым и трактуется поэтому как краткий гласный в закрытом слоге.

§ 152. ai > ei, которое затем монофтонгизируется в ī (§ 111):

caedo (< *caidō) — accidō, pāricīda; aequus (ср. **AIQVOM** 1².581) — inīquus; quaerō (ср. **QVAIRATIS** 1².11) — inquirō; aestimō (< *aistumō) — exīstimō; греч. ἐλαία (< *ἐλαϊfā), лат. *elaiva > oleiva (начальное ö по § 123) > olīva; греч. Ἀχαιοί (< *Ἀχαϊfoi) — лат. Achīvi.

§ 153. au > eu > ou, которое затем монофтонгизируется в ū (§ 112):

causa — accūsō (< *accousō < *acceusō < *adcausō); claudō — inclūdō; fraus — dēfrūdō.

§ 154. Фактором, модифицирующим законы развития гласных в срединных слогах, может являться ассимилирующее воздействие гласного начального слога.

Гласный а начального слога способствует сохранению гласного ā в срединном слоге:

alācris вм. *alēcris; barbārus вм. *barbērus; Gen. anātis вм. anītis.

Иногда встречаются дублетные формы с сохранением гласного звука и с изменением его, напр. Nōm. Pl. anātēs и anītēs (Сарт. 1003); рядом с литературным alācris должна была существовать разговорная форма *alēcris, к которой восходит итальянское al-legro. По-видимому, в литературном языке ассимилирующее влияние начального гласного было сильнее, чем в разговорной речи и в

сельских диалектах.

Гласный е начального слога способствует сохранению гласного ě в срединном слоге:

segētis, hebētis, vegētus.

Об ассимилирующем воздействии и см. § 146: fulgūris.

§ 155. Процесс изменения гласных в срединных слогах закончился к концу III в. до н. э. и больше в истории латинского языка не повторялся. Причиной этого явился вероятно некоторый рост динамического момента в латинском ударении, приведший к исчезновению древней специфики начального слога. Слова, создававшиеся или заимствовавшиеся впоследствии, уже не подпадали под действие закона об изменении гласных в срединных слогах. Среди глаголов, сложных с hābeō, мы находим рядом с prohībeō, inhībeō и т. д. образование posthābeō, возникшее из более позднего сращения и сохраняющее коренной гласный ā в неизменном виде. То же в глаголах сложных с dāre: addēre, reddēre и т. д., но circumdāre; у глаголов сложных с faciō: inficiō, cōnficiō и т. д., но satisfaciō, patefāciō.

§ 156. Одним из последствий качественного изменения гласных в срединных слогах было некоторое отдаление родственных слов или форм одного слова друг от друга: dāre — condēre; milēs — milītis.

Этому противодействует другая языковая тенденция — стремление сохранить единство звукового знака. В словах, составной характер которых оставался прозрачным, нередко наступала рекомпозиция, воссоздание составного слова с восстановлением вокализма простого слова: vēniō — advēniō; pētō — compētō, в то время как семантически отделившееся и потерявшее этимологическую прозрачность слово compitum 'перекресток' сохранило фонетический переход ě > ī.

Возникали и дублетные формы: intelligō и intelligō, retrāctō и retrāctō; литературное compāgare имело разговорный дублет *compēgare (ит. compare). Рекомпозиции, вероятно, способствовали и определенные фонетические условия: так, в сложных глаголах с коренным гласным ō — convōcō, adrōgō, respōndeō — ō всегда является восстановленным.

Впрочем, условия рекомпозиции еще очень мало изучены.

Иногда имел место и обратный процесс. Вокализм, развившийся в составном слове, проникал в простое. Рядом с claudō мы находим форму clūdō, извлеченную из составных форм conclūdō, inclūdō и т. д. Тенденцию провести единый вокализм в пределах форм одного слова мы наблюдаем в таких формах как intēger (вме-

сто фонетически закономерного *intīger) по образцу intēgra, intēgrum; Caesāris по аналогии с Caesar вместо формы Caesēris, встречающейся иногда в надписях.

В глаголах, сложных с grādiōr и pātiōr — ingrēdiōr, perpētiōr и т.д. — мы находим не ī, которое было бы фонетически закономерно в открытом срединном слоге, и не ā, которое возникло бы в случае рекомпозиции, а ē, образовавшееся в системе перфекта: ingrēssus, perpēssus (закрытые слоги) и перешедшее оттуда в систему инфекта.

КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КРАТКИХ ГЛАСНЫХ И ДИФТОНГОВ В КОНЕЧНЫХ СЛОГАХ

§ 157. Рассматривая процессы развития гласных в конечных слогах, мы имеем в виду слова, содержащие более, чем один слог. В односложном слове “конечный” слог является одновременно и начальным и не претерпевает тех качественных изменений вокализма, которые свойственны неначальным слогам (§ 96).

§ 158. В конце слова краткие гласные -ā, -ē сохраняются без изменения; -ī > -ē:

antē < *antī, ср. antī-stes ‘старшина’, греч. ἀντί; marē < *magī, ср. maria, др.-верхненем. meri.

Окончание -ī сохранилось. быть может, в надписи Дуэноса (I².4, IV в. до н. э.): PACARI, позднееe pācārē (inf. praes. act.).

При отпадении -s (§ 220) -is > -ē: TRIBVNVS MILITARE (I².48 — 49) = tribūnus militāris.

-ī вторичного происхождения возникает в результате ямбического сокращения (§ 187): quāī.

-ō сохранилось в древнем endō (§ 141 в), которое впоследствии встречается лишь в качестве архаизма, например, Лукреций 6.890 (иногда в модернизированной форме indū, возникшей в середине слова или в проклитическом положении: induperātor — Энний, Ann. 83; indu forō — там же, 238 и т. д., ср. industrius. § 150).

В прочих случаях, когда можно предположить наличие гласных ō, ū в исходе древнего латинского слова, они перешли в -ē: окончание 2 л. ед. ч. пассива -rē < *-sō, ср. греч. -σο: istē < *istō; tūtē < *tū-tū.

Однако предположения эти не являются достоверными.

-ō вторичного происхождения возникает 1) в результате ямбического сокращения (§ 187): mōdō или 2) вследствие отпадения -m и -s: Cornēliō (I².8) = Cornē-lios. oīnō (I².9) = oīnom. В этих случаях -ō сохраняется и после перехода -ōs > -ūs, -ōm > -ūm.

Развитие кратких гласных в исходе слова происходит, таким образом, в направлении, как будто бы противоположном развитию их в срединном слоге. Происходит не сужение открытых гласных, а расширение закрытых, причем наиболее открытый гласный а ос-

тается неизменным. Исследования Л. В. Щербы в области экспериментальной фонетики показали, что в конце слова -i требует больше времени для своего произнесения, чем -e. Стало быть, мы имеем здесь дело с тем же процессом сокращения длительности гласного звука (§ 139) в неначальном слоге, но в исходе слова этот процесс приводит к иным результатам.

§ 159. Если слово имеет в исходе согласный звук, надо различать два случая:

1) Конечный слог оканчивается на группу согласных и является закрытым независимо от фразовых условий. Развитие кратких гласных происходит в этом случае в соответствии с законами их изменения в закрытых срединных слогах.

2) Конечный слог оканчивается на один согласный и бывает открытым или закрытым в зависимости от фразовых условий (§ 87). Развитие гласных происходит и в этом случае так же, как в закрытых срединных слогах, но $\check{e} > \check{i}$ перед -s и -t, как в открытом срединном слоге.

§ 160. $\check{a} > \check{e}$, которое затем переходит в \check{i} в положении перед -s и -t.

Перед группой согласных: *artifēx* < **arti-fāc-s, gēmēx* < **rēm-āg-s*;

перед одним согласным: *corni-cēn, sp. cānō*.

$\check{a} > \check{i}$ перед -s и -t: 2 л. ед. ч. *prōdīs* < **prō-dā-s*, 3 л. ед.-ч. *prōdīt* < **prō-dā-t*.

В *anīs -īs* сохраняется благодаря ассимилирующему воздействию а- (ср. § 154).

Перед -r \check{a} сохраняется: *Caesār, iubār*.

§ 161. \check{e} остается неизменным, кроме положения перед -s и -t: *senēx; auspēx, sp. spēs-ulum; passēr; decēm; nōmēn*.

-ēt > -īt около 300 г. до н. э.: *agīt* < и.-е. **aġeti*. ср. д.-и. *ájati*; 3 л. ед. ч. perf. **FECED** (1².4. IV в. до н. э.), впоследствии **DEDIT** (1².561, около 300 г. до н. э.).

-ēt сохраняется в выделительной энклитической частице -met: *egomēt*.

-ēs > īs около 200 г. до н. э.

В памятниках III в. до н. э. имеем: Gen. Sg. **SALVTES** (1².450) > *Salūtīs*; **CERERES** (1².973) > *Cereīis*.

Окончание -īs впервые встречается в надписи 193 г. до н. э. (1².612): **HONORIS**. Однако обратное написание **AIDILES** вм. *aidilīs* мы находим уже в надписи 1².8 в III в. до н. э.

Формы *mīlēs, dīvēs* и т. п. в рассматриваемый период имели еще -ss (§ 225 в) и гласный \check{e} находился перед группой согласных.

§ 162. $\check{o} > \check{u}$ (конец III в. до н. э.).

На надписи 1².9 (конец III в. до н. э.) мы находим **FILIOS**, кл.

filii, **LVCIVM**, кл. *Lūcium*, **COSENTIONT**, кл. *cōsentiunt*, но в той же надписи форма **TEMPESTATEBVS** (< *-bos; § 365) свидетельствует о том, что написания -os, -om, -ont уже были архаистическими. Надпись 1².7 (около 200 г. до н. э.) дает **CORNELIVS, LVCIVS, PROGNAVVS**, как в классическом языке.

aliūd < *aliō-d, ср. quō-d.

Окончание 3 л. ед. ч. пассива -tōr (*nancitor* — Фест, 166. 29) > -tūr.

После *u, v, qu* *ō* сохраняется до конца I в. до н. э. (§ 129). Поэтическое и мало употребительное в живой речи *aequos* сохранило свою архаическую форму и впоследствии. В составных словах: *comprōs* < *com-roti-s, *inōrs*, *conpōrs* — сохраняется гласный *ō* по образцу соответствующих простых слов (*rotiis*, *ōrem*, *cōr*). Слово *cōhōrs* в живом языке произносилось односложно: *cōrs* (ср. § 196).

Рассмотренные в §§ 158 — 162 процессы изменения краткого гласного в конечном слоге к началу II в. до н. э. уже были завершены. Краткие гласные, образовавшиеся в конечном слоге в результате позднейшего сокращения долгих гласных (§§ 183 — 191), как напр., в словах *animāi*, *docēt*, качественных изменений уже не претерпевали.

§ 163. В конечном слоге дифтонги (с первым кратким элементом) *ai, oi* перешли в дифтонг *ei* и впоследствии монофтонгизировались в *i* (§ 111):

sibi < *sibei* (1².581).

Окончание *Nōm. Pl. m. p.* 2-го склонения -*oi* (в написании грамматиков -*oe*: *pilumioe porioe* — Фест, 224.4) > -*ei* (**FOIDERATEI** 1².581) > -*ē* (**PLOIRVME** 1².9, III в. до н. э.) > кл. -*i*. Окончание *Dat.-Abl. Pl.* 2-го склонения -*ois* (у грамматиков -*oes*: *ab oloes* — P. F. 17.22) > -*eis* (**CASTREIS** 1².614) > -*ēs* > кл. -*īs*.

Окончание 1 л. ед. ч. перфекта *-*ai* (ср. фалис. *peragai* = лат. *peregī*) > -*ei* > -*i*.

Окончание *Dat.-Abl. Pl.* 1-го склонения *-*ais* (ср. ос. *deivinais* = лат. *divīnis*) > -*eis* (**SOVEIS** 1².364 = *suīs*) > кл. -*īs*.

Окончание -*ae* восходит к -*ai*, образовавшемуся из *āi* (§ 108) или *āī* (§ 316) уже после завершения рассмотренного здесь процесса.

СИНКОПА

§ 164. Синкопой (от греч. *συνκοπή* 'усечение') называется редукция гласного звука, приводящая к полному его исчезновению. В латинском языке синкопируется только краткий гласный, и это явление может происходить как в срединных, так и в конечных слогах.

В отличие от процессов качественного изменения гласных в срединном и конечном слоге, ограниченных определенным хронологическим периодом, синкопа происходит на всем протяжении истории латинского языка. Она отчасти зависела от темпа речи и

составляла особенность разговорного стиля. Слово нередко имело два варианта — несинкопированный и синкопированный: *calidus* ‘горячий’ и *caldus*; *balineum* ‘баня’ и *balneum*; *protigō* ‘протягиваю’ и *progtō*. Синкопированный разговорный вариант проникал иногда в литературное произношение; император Август, например, считал форму *calidus* “педантичной” (*περίεργον* — Квинт., 1.6.19).

В некоторых случаях синкопированная и несинкопированная формы отошли друг от друга по значению, образовав два разных слова: *prōvidēns* — *prūdēns*; *facilitās* — *facultās*.

В латинском языке синкопа не представляет собой регулярного явления, закономерно происходящего в определенных фонетических условиях. Последовательное проведение синкопы гораздо более характерно для окружавшей латинский язык лингвистической среды. В осском и умбском языках, равно как и в этрусском, синкопа встречается гораздо чаще, и весьма возможно, что синкопированные формы, установившиеся в римском говоре, в ряде случаев имеют диалектное происхождение.

§ 165. В середине слова краткий гласный открытого слога, не находящийся непосредственно в соседстве с другим гласным, может синкопироваться.

§ 166. Синкопе особенно благоприятствуют следующие условия:

а) Скопление кратких слогов. Языки, в которых ритм слова основан на чередовании долгих и кратких слогов, избегают длинных серий кратких слогов (закон де-Соссюра). В латинском языке в случаях такого скопления происходит нередко синкопа:

officīna < **orī-fī-cīna*; perf. *rettulī* < **rē-tētūlī*; *repperī* < **rē-rērēgī*;
gemellus (уменьшительное от *geminus*) < **gēmēnēlōs*.

б) Положение краткого гласного (не перед гласным) после сильноконечного сонанта *l*, *r*, *m*, *n*, в особенности, если сонанту предшествует долгий слог:

pergō (с упрощением удвоенного согласного перед согласным, ср. *perētēxī*) < **perrēgō*, но *ērigō*, *dīrigō* без синкопы; *ūsūrpāre* < **ūsū-rār-āre*, ср. *gāriō*; *ulna* ‘локоть’ < **olna* (§ 128) < **olēna*, ср. греч. *ὠλένη*;

princeps < **prīmō-caps* (ср. §§ 236, 183, 160); *villum* ‘винцо’ < **vī-nēlom*; *ardeō* < **ārīdeō* (краткость *a* согласно § 183), но *ārīdus*.

Чем длиннее последующая часть слова, тем короче звучит гласный, тем более благоприятные условия создаются для синкопы.

в) Положение после сильноконечных *j*, *v*:

aucups ‘птицелов’ < **avī-cap-s*; *audeō* < **avīdeō*, ср. *avidus*;
gaudeō < **gāvīdeō*, ср. прич. *gāvīsus*; *brūma* ‘зимнее солнцестояние’

< brevīta ‘кратчайший день’; bīgae < bi-iūgae (-ī- < -ij-).

§ 167. Иногда синкопируется гласный, находящийся между s и t: positus > postus¹; dexter < *dexīteros, ср. греч. δεξιτερός; между шумным согласным и сонантами r, l:

suprā, infrā, extrā, intrā рядом с supēri, infēri, extēri, intērior.

В период, когда латинский язык еще допускал согласные группы -sn-, -sm-, гласный, находящийся между s и n, m мог синкопироваться:

rōlō < *rōsnō < *rō-sīnō (глагол сложный с sinō, ср. positus, арх. perf. po-sivī); sūmō < *sūsmō < *sūbsmō < *subs-ēmō (ср. арх. perf. surēmī < *sus-ēmī).

§ 168. Краткий гласный в исходе слова обнаруживает тенденцию к синкопе, особенно в тех случаях, когда он не имеет флективной функции. У античных грамматиков такое отпадение конечного гласного именуется апокопа (греч. ἀποκοπή ‘отсечение’).

1. Предлоги, союзы, частицы.

ut < *utā, ср. aliūta ‘иначе’, но ita; et < *etī, ср. греч. ἔτι ‘еще’; ab < *apō, ср. греч. ἀπό, д.-и. āpa; sub < *supō, ср. греч. ὑπό; ob < *opī, ср. греч. ἐπί, ὄπι-σθε, крит.-мик. o-pi; tot < *totī, ср. totī-dem, д.-и. tāti ‘столько’; quot < *quotī, ср. д.-и. kāti ‘сколько’.

Об озвончении согласного в ab, sub, ob см. § 217.

В ряде случаев имеются дублетные формы:

post < *postī, но postē (< *posti; § 158) у Плавта, As. 915; deindē — dein, proindē — proin (с отпадением -d после согласного).

Однако: antē, propē, sinē.

Энклитические частицы:

-que > -c (§221): neque > nec, atque > ac; -ne > -n: sumne? — habeōn?; -ce > -c: hunc > hunc; -ve > -u (§ 222): nēve — neu.

У Плавта illē, istē, indē, undē, quiprē, nempře нередко скандируются в две моры; очень возможно, что они теряют -e (ср. §§ 452, 453). Это — явление разговорной речи.

2. Глагольные формы.

3 л. мн. ч. наст. вр. tremunt < tremonti (гимн салиев, см. Фест, 222.29, Теренций Сквавр, G. L. 7.28.11).

Формы повелительного наклонения: dīc, dūc, fac (§ 550); полные формы dīcē, dūcē, facē еще встречаются у писателей II в. до н. э.; emē ‘возьми’, но междометие em ‘на!’; inger (Катулл, 27.2).

¹ Синкопа эта, может быть, сперва возникла в составной форме re-positus > repostus, где была серия кратких слогов (§ 166); то же могло быть с упоминаемой дальше формой rōsīnō.

В надписях встречаются формы инфинитива *tanger, biber*.

3. Именные формы.

Именительный падеж единственного числа существительных среднего рода с основой на -ī и нулевой флексией в положении после сонанта l, r, которому предшествует долгий слог (ср. § 166 б):

animal < **animālī*, *calcar* < **calcārī* (§ 190), но встречаются формы на -ālē, -ārē: *vectīgāle, exemplāre*; в прилагательных -ē сохраняются: *animāl-is, -ē* (по аналогии с *brev-is, -ē*).

Усеченные формы несомненно проникли в литературный язык из разговорной речи и в ряде случаев вытеснили полные формы. Квинтилиан видит в употреблении формы *tribūnālē*, вместо обычного *tribūnal*, “докучливый и извращенный педантизм” (*molestissima dīlīgentīae perversitās* — 1.6.17).

§ 169. В конечных слогах, оканчивающихся на согласный, синкопа происходила перед -s:

1) Иногда в им. п. ед. ч. на -is после смычного согласного, когда предыдущий слог был долг:

pars < **partis*, ср. наречие *partim*; *mors* < **mortis*, ср. д.-и. *mŕ-tī-h*, ст.-сл. *сѣмръть*; *mēns* < *mentis*, ср. д.-и. *matīh*.

Однако: *hostis, orbis, fortis* и т. д.

Позднее синкопирование с сохранением ударения на слоге, ставшем последним (§ 91):

Samnīs < *Samnītis*; *nostrās* < *nostrātis*.

В осском и умбрском языках синкопа i в им. п. ед. ч. основ на -ī происходит регулярно:

ос. *ceus* — лат. *cīvis*.

2) В конечном элементе -rōs, -rīs после краткого гласного в словах, содержащих более, чем два слога:

dexter < **dexīterōs* (ср. § 167); *puer* < **pueros*; *celer* < *celeris*.

При -r-, происходящем из -s- в положении между гласными (§ 212), синкопы не происходит:

umerus (< **omesos*; § 126), *numerus* (там же).

Отсюда можно сделать вывод, что эта синкопа древнее “ротакизма”.

В некоторых словах имеют место колебания:

īnfer — *īnferus*; *super* — *superus*.

3) Сходная синкопа элемента -līs в словах *pugil* < *pugilīs*, *mūgil* < *mūgilīs* имеет, вероятно, диалектное происхождение. Сюда же, по-видимому, относится *vigil*; *famul* — латинская адаптация осского *famel* по аналогии с *famulus*.

§ 170. В группе, состоящей из смычного, сонанта и краткого гласного, нередко происходит “метатеза”: сонант переходит из сильноконечного положения перед гласным в сильноначальное — после него, а гласный, оказавшийся в положении перед сонантом, принимает тембр, характерный для этого сонанта:

ë перед г и п, ĭ перед палатальным л, ŷ перед ł, например: сгĭ > сĕг. Это явление может происходить и в начальном, и в срединном, и в конечном слоге.

§ 171. В начальном открытом слоге “смычный + ģ” > “смычный + er” перед переднеязычными согласными:

сĕрпō < *сгĭ-пō, ср. греч. κρῖνω (< *κρῖνω); сĕrtus < *сгĭ-тос, ср. гр. κρῖτός; tĕrtius < *trĭtios, ср. греч. τρίτος. Односложное tĕr восходит к *trĭs (ср. греч. τρίς) > *tĕrs > tĕrr (§ 261) > tĕr (§ 225 в). Ср. составные слова tĕstis ‘свидетель’ < *tĕrstis (§ 269) < *trĭstis, ср. ос. Nōm. Pl. trstus ‘testēs’, и testāmentum ‘завещание’, ср. ос. Abl. Sg. trĭstaamentud.

§ 172. В срединном открытом слоге:

а) “Смычный + г + краткий гласный” > “смычный + ĕr”:

sacĕrdōs < *sakro-dhō-t-s; libĕllus < *librelos (с ассимиляцией -rl- > -ll-; § 245).

б) “Смычный + л + краткий гласный” > “смычный + ŷl” при ł, а при палатальном л в группе -ll- — “смычный + ĭl”:

facŷltās < *facĭltāt-s; рōcĭllum < *рōclĕlom ‘кубок’ (уменьш. от рōс(u)lum); ср. §§ 174, 175.

в) “Смычный + п + краткий гласный” в положении перед сильноконечным л > “смычный + ĭl” (с ассимиляцией -nl- > -ll-; § 247):

tigĭllum < *tignĕlom (уменьш. от tignum ‘балка’); scabĭllum < *scabnĕlom (уменьш. от scamnum < *scab-no-m ‘скамейка’, ср. § 234).

Однако здесь возможно -ĕll-: scabĕllum, columĕlla < *columĕlla (уменьш. от columna ‘колонна’).

§ 173. В конечных слогах перед -s “смычный + г + краткий гласный” > “смычный + ĕr”, где затем конечное -ĕr-s > -ĕrt (§ 261) > -ĕr (§ 225 в):

sacĕr < **SAKROS** (I².1, около 500 г. до н. э.); agĕr < *agros; ācĕr < ācris.

Многие исследователи полагают, что процесс метатезы проходил в два приема: сперва имело место отпадение краткого гласного и вокализация предшествующего сонанта г, ĭ, п, а затем перед сонантом развивался новый гласный, например: *librĕlos > *librĭlos >

*libēros > libēllus; *agros > *agrs > *agērs > *agērr > agēr.

Если это было так, то метатеза представляет собой, по крайней мере в срединных и конечных слогах, частный случай синкопы, приводивший к вокализации сонанта.

Возникавшие таким образом *ɣ, *ɟ, *ŋ надлежит отличать от древних индоевропейских *r, *l, *n. Они принадлежат другому времени: форму sakros, предшествующую возникновению латинского *r, мы видели в надписи I².1, около 500 г. В то время как индоевропейские *r, *l > лат. ōr, ōl, лат. *r > ēr, лат. *l > ūl, īl.

АНАПТИКСА

§ 174. Анаптиксой (от греч. ἀναπτύσσω ‘развертывать’) называется развитие гласного (краткого) внутри сильноконечной группы согласных. В латинском языке такая группа может быть образована только сочетанием смычного и сонанта.

Развивающийся краткий гласный получает тот тембр, который обычно имеет место в открытых срединных слогах перед соответствующим сонантом: ĭ перед палатальным l и n, ū перед l и m, ē перед r.

Анаптикса, весьма распространенная в осском языке (§ 40), в латинском языке встречается сравнительно редко.

§ 175. В исконно-латинских словах анаптикса имела место в группе “смычный + l”.

Суффикс -bulo-, -bulā- < -blo-, -blā- < и.-е. *-dhlo-, *-dhlā-: stabūlum, pābūlum, patibūlum, tabūla, но TABLEIS (I².585); -bīli- < -bli-: stabīlis.

В суффиксе -clo- < и.-е. *-tlo- анаптикса имеет обычно факультативный характер: saeculum и saecūlum; piaculum и piacūlum; periculum и pericūlum. Однако всегда facilis (< *facilis), curricūlum, rīdicūlus.

Суффикс -clo- с анаптиксой -cūlo- не должен быть смешиваем с равнозвучным уменьшительным суффиксом -culo- (< *-colo-), который в поздней латыни получает также и синкопированную форму -clo-: articūlus > articulus.

Ср. также дублиеты extemplō и extempulō, iūgūlāns и iūglāns.

Когда в словах, содержащих суффиксы -blo-, -clo-, l > r под диссимилирующим воздействием предшествующего l (§ 279), анаптикса не наступает: flābrum, sepulcrum. Она—более позднее явление, чем диссимиляция l —l > l —r.

§ 176. Есть предположение, что в суффиксах -āgīn-, -īgīn-, -ūgīn-, -tūdīn- краткий гласный развился в порядке анаптиксы в сочетаниях суффиксов -ās-, -īs-, -ūs-, -tūd- с суффиксальным элементом n.

§ 177. Анаптика нередко встречается в заимствованных словах, содержащих неприемлемое для латинского языка сочетание согласных. Так, в долитературных заимствованиях из греческого языка мы имеем: греч. дор. δραχμῆ — лат. dracūta; греч. дор. τέχνα — лат. tēcīna; греч. дор. Αἰσούλαριος — лат. Aescūlārius; греч. Ἡρακλῆς — лат. Hercūlēs при посредстве этрусского hercle; греч. μῖα — лат. mīna. Эпиграфические формы **TEREBONIO** (1².33) = Trebōnius, **MAC[II]STERATVS** (1².401) = magistrātus имели диалектный характер.

В некоторых случаях, когда происхождение слова неизвестно, бывает трудно установить, в результате какого процесса, анаптиксы или синкопы, возникают дублетные формы: porūlus и porūlus.

ДАЛЬНЯЯ АССИМИЛЯЦИЯ

§ 178. Гласные двух последовательных слогов, отделенные друг от друга сонантом, реже шумным согласным или группой согласных, могут уподобиться друг другу. Явление это не имеет регулярного характера: ассимиляция может не произойти, но если она происходит, то в определенном направлении, зависящем от качества и взаимного расположения гласных. Ассимиляция называется прогрессивной, если последующий гласный уподобляется предшествующему, и регрессивной, когда предшествующий гласный уподобляется последующему.

§ 179. Прогрессивную ассимиляцию мы наблюдали уже в тех случаях, когда под воздействием гласного начального слога гласный среднего слога не претерпевал обычных изменений своего тембра: a — a: apas (§ 154); e — e: segetēs (§ 154); u — u: fulgura (§ 146).

§ 180. В порядке регрессивной ассимиляции гласный *ē* начального слога изменяется под воздействием *o* или *i* следующего слога.

e — o > o — o:

DVENOS 1².4 (= dvenos) > dvonos (Gen. Pl. **DVONORO** 1².9), впоследствии bonus (§ 260), но bene < *dvenē; homō < *hemō. Acc. Sg. hemōnem (P.F. 89.8), ср. nēmō < *ne-hemō; secordia > socordia; vomō < *vemō, ср. греч. ἐμέω < *Fεμεω.

Перед *г* *e* остается неизменным: feru < *feros; merus < *meros;

e — i > i — i:

ni-hil < *ne-hilom (§ 299); nisi < *ne-sei; nimis < *ne-mīs (в обоих случаях сокращение гласного последнего слога в ямбическом слове согласно § 187); может быть similis < *semilis < *semalis (греч. σμᾶλός). ср. **SEMOL** (1².1531).

Ассимиляция не наступает перед *v*: brevis, levis (ср. § 122), перед *r*: herī.

Ассимиляция может затронуть и *ē*:

dē-lēniō > dē-līniō, suspī-ciō < *sub-spēciō; tēla — sub-tīlis.

§ 181. В разговорной речи ассимиляция гласных была более широко распространена, чем в литературном языке: oppidum > **OPPODVIM** (1².585), rotundus > rutundus и т. д.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ

§ 182. Противопоставление долгих и кратких гласных, унаследованное от общиндоевропейского состояния (§ 10), сохраняется и в латинском языке классического периода. Только в поздней латыни развитие динамического ударения (§§ 95, 203) приводит к уничтожению древнего количественного различия латинских гласных. Однако и в более ранние периоды развития латинского языка наблюдается некоторая тенденция к уничтожению количественных различий, выражающаяся в недопущении долгого гласного в определенных положениях.

§ 183. В латинском языке, как и в греческом, по-видимому, с давних пор действовал так называемый закон Остгофа: долгий гласный сокращается перед сонантом, за которым следует другой согласный. В этом сокращении обнаруживается тенденция к сокращению чрезмерно перегруженных слогов со слишком длительной второй морой. Сокращение дифтонгов с первым долгим элементом во всех положениях, кроме конечного (§ 108), является одним из примеров действия этого закона.

Так, перед группой “п + смычный” гласный обычно краток: *amānt*, *amāntem*, *amāndus*, но *amā-tis*, *amā-re*; *prīnceps* (-ī- засвидетельствовано Сервием, G. L. 4.426.34) < **prīmo-cap-s*; *ūndecim* (ср. фр. *onze*) < *ūp-* < **oin-*; *nūntius* (ср. фр. *annoncer* < *adnūntiare*) < *nūntius* (§ 211) < *nountios* (М. Викторин, G. L. 6.12.18) < **noventios*; *ventus* < и.-е. **uēntos* (корень **uē-*), ср. греч. ἀνῆι, д.-и. *vāti* ‘веет’, ст.-сл. вѣтръ.

О случаях вторичной долготы гласного *quīntus*, *Mārcus* см. § 193 в, 194.

§ 184. Та же тенденция к сокращению чрезмерно долгих слогов обнаруживается в сокращении долгого гласного при экспрессивном удвоении (§ 224) следующего согласного: *Iūpiter* — *Iūppiter*, равно как и в упрощении двойного согласного после долгого гласного или дифтонга (§ 225 г).

§ 185. Долгий гласный, которому не предшествует другой гласный, сокращается перед гласным (*vōcālis ante vōcālem corrigitur*): *nēb* — *nēre* (корень **snē-*), ср. греч. νῆβω, гом. εὐνιητος, д.-и. *snāyu* ‘жила’; *deorsum* < **dē-vorsom*; *deus* < **dē(v)os* < *deivos*; от *rēs* Gen. Sg. *rēi*, но от *diēs* — *diēt* (после гласного).

В стихе допускается сокращение конечного гласного односложного слова перед начальным гласным следующего слова (§ 300). Гораций (*Serm.* 1.9.38):

Sī mē amās, inquit, ‘*paullum hīc ades*’.

В эпоху первых литературных памятников закон сокращения гласного перед гласным уже был в силе, но его осуществлению могли препятствовать переходные звуки *j* и *v* (§ 71) в положении между *i*, *u* и соседним гласным другого качества. В архаической поэзии встречаются долготы типа *fūit* (= *fū(v)it* — *Capt.* 555), *instītūi* (= *instītū(v)i* — *Most.* 85), *Dīāna* (Энний, *Ann.* 62 и часто *iōta longum* на надписях), *fidēi* (= *fidēi* — Энний, *Ann.* 338).

В классический период просодия этого рода встречается преимущественно в качестве архаизма (*Verg.*, *Aen.* 1.499: *exercet Dīāna chorōs*), но она сохранилась в окончании Gen. Sg. местоимений и

местоименных прилагательных: *istius* и т. д. (§ 424).

Относительно *fiō* см. § 613.

§ 186. В архаической римской поэзии, главным образом в комедии, “ямбическая” последовательность слогов \cup — нередко приравняется к “пиррихической” $\cup\cup$. Долгий слог, следующий за кратким, расценивается как одноморный. Это явление, не замеченное римскими грамматиками, было открыто в XVIII в. Бенгли и получило наименование закона ямбического сокращения (“*brevis breviāns*”).

Pseud. 40: *tācē* [вместо *tacē*] *dum tabellās pellegō*. — *Ergō quīn legis?* (ямбический сенар).

Miles 325: *tum mīhī sunt mānūs* [вместо *manūs*] *inquīnātae—Quīdum?* — *Quia lūdō lutō* (трохеический септенар).

Men. 16: *tantum ad narrandum argūmentum ādēst benignitās* (ямбический сенар) — слог *-dest* приравняется к одноморному.

Здесь надо различать два случая. Когда за кратким слогом следует слог, долгий “по природе”, содержащий долгий гласный звук, ямбическое сокращение приводит к действительному количественному изменению гласного, долгая фонема переходит в краткую. Если же слог, следующий за кратким, долог “по положению”, т. е. представляет собой закрытый слог, содержащий краткий гласный звук, то никаких фонологических изменений не происходит, но слог расценивается как краткий¹.

Чаще всего ямбическое сокращение имеет место в конечном слоге двусложного слова, но оно возможно и в трехсложном кретической формы ($-\cup - dīcītō$), реже во внутренних слогах (*āmīctia*, *vōlūptās*, где *-lup-* — одна мора). Ямбическую последовательность могут образовать даже слоги, принадлежащие двум словам, если одно из них односложно, или между словами синалэфа. Ямбическое сокращение имеет факультативный характер. В медленных, торжественных размерах (например, в кретиках, бакхиях) оно почти не встречается; редко оно бывает и в гексаметре. Пиррихий, получающийся в результате ямбического сокращения, допускается только как замена долготы внутри полустопы, в словах, связанных тесным ритмическим единством. Это — явление неполного стиля речи, связанное с быстрым ее темпом (*allegro*-формы).

Для истории языка наибольшее значение имеет тот случай, когда сокращению подвергается слог, долгий “по природе”, и долгий

¹ В § 88 мы видели, что в закрытом слоге, содержащем долгий гласный, например, *īe-us*, конечный согласный слога не прибавляет третьей моры. нечто подобное происходит и здесь. В *ādēst* двухморная группа *ādē-* приравняется к долготому слогу, а заключительная согласная часть не присоединяет новой моры.

гласный становится кратким. Такое сокращение нельзя рассматривать как “метрическую вольность” древних поэтов; они следовали за ритмом разговорной речи.

§ 187. В некоторых двусложных словах вспомогательного значения “неполная” форма выпеснила “полную” и стала наиболее употребительной в латинском языке классического периода (*bēnē, mālē, cītō, mōdō, nīsī, quāsī, ībī, ūbī, mīhī, tībī, sībī, ěgō, nīmīs*). Происходило это обычно в тех случаях, когда окончание слова не имело грамматической функции (*ībī, ūbī, ego* и т. д.) или было в языке изолировано и встречалось только в словах ямбической формы (*mīhi, tibi, sibi*).

§ 188. Там, где окончание имело грамматическую функцию и встречалось не только в словах ямбической формы, ямбическое сокращение привело бы к расщеплению грамматического показателя: пов. накл.: *āmā, no laudā; hābē, no spondē; Dat. Sg.: lūrō, no hortō; наречия: cātē, no certē*.

В латинском языке классического периода разрыв этот был устранен и почти повсюду грамматический показатель получил единую форму, притом обычно (ср., однако, § 189) форму “полного” стиля: *āmā, hābē, lūrō, cātē*.

При этом иногда возникала фонетическая дифференциация между склоняемой или спрягаемой формой и возникшим из ее омертвления неизменяемым словом: *Dat. — Abl. mōdō, no наречие mōdō; imper. rūtā и rūtā ‘например’*.

В слове *bēnē* “неполная” форма удержалась, вероятно, потому, что оно оторвалось от прилагательного *bonus* и имело другой вокализм коренной морфемы (§ 180); *bēnē* повлекло за собой *mālē*.

§ 189. В некоторых случаях, однако, формы с долгим и кратким гласным продолжали сосуществовать: *mīhī, tībī, sībī*.

То же имело место в окончании *-ō* им. п. ед. ч. существительных и 1 л. ед. ч. глагола: *hōmō — hōmō, vōlō — vōlō*.

В поэзии времени Августа это *-ō* переходит в слова с кретическим (— ◡ —) окончанием: *mentīō* (Гораций, *Serm.* 1.4.93), *dīxerō* (там же, 104), а затем во все неодносложные, независимо от количества их предпоследнего слога: *Sulmō* (Овидий, *Trist.* 4.10.3), *tollē* (Овидий, *Am.* 3.2.26). Сокращение *-ō* распространяется затем на формы *imperātīvus futūrī: caeditō* (Проперций, 4.5.77), *estō* (Овидий, *Trist.* 4.372), а в дальнейшем и на отложительный падеж герундия: *vīcendō* (Сенека, *Troad.* 264), *vīgilandō* (Ювенал, 3.232).

Об *-a* в *Nōm. Sg.* 1-го скл. и *Nōm. Pl.* ср. п. 2-го скл. см. §§ 315, 342.

§ 190. В конечном слоге долгий гласный сокращается перед всеми согласными, кроме -s. Перед -m это сокращение произошло еще до начала письменной традиции, перед прочими согласными (-t, -r, -l) — в начале II в. до н. э.:

laudābām, laudābāt, laudābār, но laudābās; animāl, но animālis, осн. animāli-; calcār — calcāris, осн. calcāri-.

Сокращение долгого гласного перед -t, -r, -l засвидетельствовано со времен Энния. У Плавта оно встречается почти исключительно в словах ямбической формы, в которых оно, по-видимому, и возникло. Распространению этого процесса способствовала, вероятно, общая тенденция латинского языка к сокращению чрезмерно долгих слогов.

Перед -m, -t сокращение распространилось также и на односложные слова. Перед -r, -l в односложных словах долгота сохраняется: sōl, cūr. Сохранилась долгота также перед энклитиками -s и -n: istīc, adhūc, quīn; в vīdēn < *vidēn < vidēs(n)e) — ямбическое сокращение.

§ 191. Наблюдаются также случаи сокращения конечного долгого гласного при присоединении к нему энклитики, например, -quidem: sīquidem и sīquidem; tūquidem и tūquidem; quandōquidem и quandōquidem.

Этим же объясняется, быть может, quāsi (с ямбическим сокращением) < *quāsi < *quāsi < *quānsēi (§ 111) < quam sei (§ 252); hōdiē, если это слово действительно происходит из сочетания hō(d)diē, а не содержит простую основу hō-.

§ 192. В то время как в сокращении долгих гласных обнаруживается медленная прогрессирующая тенденция языка к уничтожению количественных различий, удлинение кратких гласных имеет в большинстве случаев “заместительный” характер и связано с выпадением или ослаблением последующего согласного.

§ 193. Краткий гласный удлиняется:

а) При исчезновении следующего за ним s перед звонкими согласными (§ 256): didūcō < *dīs-dūcō, cōmis < **COSMIS** (1².4); pōnō < *pōsnō < *posinō (§ 167); aēnus < *aēsnos, ср. умбр. ahesnes = aēnīs, Abl. Pl.

б) Перед ns, nf, где носовой слабо звучал, назализируя при этом предшествующий гласный и удлиняя его в случае краткости (§§ 79, 252): amāns, cōnsul, īnsipiēns, īnfēlix, īnferī.

Долгота гласного в положении перед ns, nf засвидетельствована античными показаниями (Цицерон, Ор. 159; Проб, G. L. 4.245.14 — 15 и др.), орфографией надписей, греческой транскрипцией латинских слов и романскими языками.

в) Перед группой “нс + согласный”: nx, nct, *ncn. Засвидетельствовано апексами на надписях **CONIVNX** (6.6592), **SANCTA** (5.2681) и Геллием (9.6.3) — ūnctitō; quīntus < *quīntos (§ 266);

sōpnīveō < *sop-spnīveō, ср. гот. hneiwan 'склоняться'.

г) В причастии прошедшем страдательном глаголов с корнями на звонкий заднеязычный *g* и в образованных от той же основы формах краткий гласный удлиняется (закон Лахмана): āctus от āgō; lēctus от lēgō; tēctus от tēgō; tāctus от tāngō; frāctus от frāngō; rēctus от rēgō; соответственно āctitō, lēctitō; но fāctus от fāciō, sēctus от sēcō. Долгота гласного засвидетельствована Геллием (9.6.3), апексами на надписях, отсутствием качественных изменений в срединных слогах сложных слов (redāctus, cōnfrāctus) и романскими языками.

Удлинение гласного имеет здесь "заместительный" характер в том смысле, что при утрате звонкости смычного, колебания голосовых связок переносились на предшествующий гласный.

Оглушение звонкого смычного перед глухим — явление общеиндоевропейское (§ 227). Однако оно обычно не сопровождается удлинением гласного, которое мы находим только в латинском языке. Вероятно, здесь возникла тенденция к вторичному озвончению корневого согласного под влиянием основы инфекта (*ag-tos по аналогии с agō), которое и привело к рассматриваемому результату.

В strīctus, как показывают романские языки, удлинения не произошло: аналогическому воздействию основы инфекта препятствовал носовой инфикс.

Такого же происхождения удлинение гласного в превосходной степени māximus [MĀX(imō) 6.2080.17] при mag-nus, в ad-āxim при agō.

Неясно, имело ли место удлинение в корнях с переднеязычным звонким *d*: cāsus от cādō, но sēssus от sēdeō (см. § 674).

д) Краткий гласный в исходе односложного слова удлиняется. Пов. накл. глагола dare: *dā > dā.

В односложных предлогах и частицах иногда бывали унаследованные варианты количества конечного гласного: *prō (ср. д.-и. pra, греч. прó, ст.-сл. про-) и prō (ср. греч. прω-, ст.-сл. пра-).

Латинский язык допускает краткий вариант в словосложении, но не в самостоятельном слове: prō — prōfānus; nē — nēque; dē — undē.

В односложных словах, если они являются носителями самостоятельного ударения (§ 94), наблюдается тенденция к удлинению краткого гласного также в положении перед одним конечным согласным: Lār, но род. п. Lāris; sāl, но sālīs.

§ 194. Остаются неясными некоторые случаи, где мы имеем, очевидно, дело с поздними процессами, не получившими всеобщего распространения в языке. В трактате Присциана (G. L. 2.82.7 сл.) утверждается, что перед -gnus, -gna, -gnit гласный был долг. Это подтверждается орфографией некоторых надписей: SEIGNVM (1².42). DIGNE (6.6314), — но расходит с показанием Диомеда (G. L. 1.470.7 сл.) и со свидетельствами романских языков.

Надписи иногда указывают на долготу гласного перед группой "r + согласный": ōrdō, ōrō, fōrma, firmus, Fōrtūnāta. В одних случаях это подтверждается романскими языками (ōrdō, fōrma), в других — расходит с их свидетельством. Помпей (G. L. 5.285.24) возражает против ārta. Это удлинение, находящееся в

противоречии с законом Остгофа (§ 183), очевидно, позднейшего происхождения.

В имени *Mārs* долгота восходит к *Māvors*; то же в производном *Mārcus* < **Māvort(i)cos*; *quārtus* (Mon. Anc. 3.22), ср. пренест. **quōrtos* (*QVORTA* 1².328), неясно.

СЛИЯНИЕ ГЛАСНЫХ

§ 195. Когда в результате выпадения согласного (j, v, h) или словообразовательных процессов два гласных звука оказывались в смежном положении, они часто сливались в единый звук.

В группах “i + гласный, кроме i” и “u + гласный, кроме u”, где между i, u и гласным развивался переходный звук j и v, слияния не происходило. Равным образом не сливался краткий гласный с последующим долгим гласным другого тембра.

§ 196. Два гласных звука одинакового тембра сливаются, независимо от их количества, в долгий гласный этого тембра:

ǣ + ǣ > ā: *lātrīna* < *lavātrīna*;

ē + ē > ē: *nēmō* < **ne-(h)emō*; *svēram* < *svēveram*; *dēmō* < *dē-emō*;
dēgī < *dē-ēgī*; *trēs* < и.-е. **trejes*;

ō + ō > ō: *cōpia* < **co-opia*; *prōlēs* < **pro-olēs*; *cōram* < *co-ōram*;

ī + ī > ī: *nīl* < *nihil*; *mī* < *mihī*; *dītis* < *dīvitis*;

ai + *i* > *ai* > *ae*: *praetor* < **praitōr* < **prai-itōr* ‘выступающий впереди’; *praebeō* < **prai(h)ibeō* < **prai-habeō*; *praemium* < **praiimiom* < **prai-emiom*.

§ 197. Краткие гласные разного тембра:

ō + ǣ > ō: *cōgō* < **co-agō*; *cōpula* < **coapula*;

ō + ē > ō: *cōtmō* < **coetmō*.

Позднее ō + ī > oe (ср. § 113): *coetus* < **coitus*; *coepio* < **co-ipiō* < **co-ariō* (м. б. < **co-eriō* < **co-ariō*, ср. § 141 a)¹.

Сочетания *ea*, *eo*, *eu* не сливаются.

§ 198. При слиянии долгого гласного с кратким сохраняется тембр долгого:

ē + ǣ > ē: *dēgō* < **dē-ǣgō*; *dēbeō* < **dē(h)ǣbeō*;

ā + ō > ā: *Mārs* < *Mā(v)ors*; *mālō* < *māvolo* (§ 599);

ā + ē > ā: 2л. *plantās* < и.-е. **plantājēsī*.

§ 199. Долгие гласные разного тембра при слиянии получают тембр второго гласного:

ā + ō > ō: *stō* < и.-е. **stājō*

ā + ē > ē: *amēs* < и.-е. **amājēs*.

¹ Произошло ли слияние, когда гласный а сузился только в е или уже развивался в ī, неясно; *coepī* или непосредственно < *co-ēpī* или по аналогии *coepiō*, *coepius* (< **co-ēptus* < **co-artus*).

§ 200. В ряде случаев неслитные формы сохранялись в полном стиле речи: *miñi* рядом с *mī*, *nihil* наряду с *nī*, или были восстановлены по аналогии, особенно в сложных словах: *deesse*, *coortō* и т. д.

Отсутствие слияния *deatō* дифференцировало этот глагол от *dēmō* < **dē-emō*.

На стыке окончания с основой слова процессы монофтонгизации дифтонгов и качественного изменения гласных в конечных слогах привели к возникновению группы гласных одинакового тембра, которые большей частью уже не сливались: *colōpī-tis* (< *-i-eis*; § 323), *magistrātu-um* (< *-u-om*; § 379). В классической латыни неслитные формы допускались чаще, чем в архаической.

ПЕРЕХОД ГЛАСНОГО В СОГЛАСНЫЙ

§ 201. Перейти в согласный могут только самые закрытые краткие гласные *i* и *ū*, которые при дальнейшем подъеме становятся неслоговыми сонантами *j* и *ç* (*v*).

В серединном слоге между сонантами *g*, *l* и гласным — *ū* становится согласным: *solvō* < **se-luō* (ср. § 123), *volvō* < **çeluō* (ср. там же). Если слог, предшествующий *-lū-*, *-gū-*, долг, то еще в древней латыни гласный звук сохранялся, но впоследствии перешел в согласный: *mīlūos* > *mīlvos*, *lārūa* > *lārva*.

Вновь возникшие в системе перфекта группы *-lu-*, *-gu-* перед гласным — *voluī*, *seguī* и т. п. (§ 633) — сохраняли гласный *-ū-*.

О чередовании *i* — *j*, *ū* — *ç* (*v*) в поэзии см. § 71.

В народно-разговорной речи консонантизация *i* и *ū* приняла, особенно в период Империи, более широкие размеры (см. § 203).

РАЗВИТИЕ ГЛАСНЫХ В ПОЗДНЕЙ ЛАТЫНИ

§ 202. Два основных фактора определяют процессы развития гласных в поздней латыни. Это — появление новых гласных, возникших из дифтонгов, и изменение характера латинского ударения.

§ 203. Старая система латинских гласных была основана на противопоставлении кратких гласных и долгих. Различия между гласными (кроме *ā*) по тембру не имели фонологического значения: долгие гласные были закрытыми, краткие — открытыми (в положении перед гласными — закрытыми). Уже монофтонгизация дифтонга *ae*, ставшего открытым долгим гласным *ē*, осложнила эту систему. *Longae* отличалось от *longē* только тембром конечного долгого гласного. Разница между открытыми и закрытыми гласными приобрела, таким образом, смысловозначительный характер и стала фонологической. В результате создается новая группировка гласных, основанная на близости по тембру. Так в помпейских надписях намечается три группы:

1) *ē* (*ae*) и *ĕ*, ср. написание **LAESAERIT** (4.538) = *laesērit*;

2) *ē*, *ĕ* (перед гласными) и *ī*, причем *ĕ* стремится слиться с *ī*, ср. написание **AENIA** (4.64) = *aēnea*, **HABIAS** (4.2083) = *habeās*;

3) *ī*, *ĭ* (перед гласными) и *j*, причем *ī* стремится слиться с *j*, ср. **IACTIANI** (4.2155) = *āctiāni*, где *iōta longum* (§ 103) служит знаком как долготы, так и неслогового характера гласного.

В итоге, уже в I в. н. э. *ē* и *ī* перед гласным становятся неслоговым *j*.

Сходные процессы, только менее четко выраженные, происходили в группе гласных заднего ряда, например, сближение *ū* (перед гласными) с *u*.

С другой стороны, многовековое накопление элементов динамизма в латинском ударении привело, наконец, к изменению качества этого ударения, переходу его из музыкального в динамическое, ср. свидетельства грамматиков в § 95. Это привело к ослаблению старых количественных противопоставлений гласных. Ударный гласный (место ударения осталось прежним¹) удлинился, по сравнению с неударными, а в неударных слогах стало исчезать старое количественное противопоставление долгих и кратких. В III в. н. э. ритмическая концовка (*clausula*) римской ораторской прозы основывается уже не на различии долгих и кратких слогов, а на ударении. В V в. н. э. в живой речи различие долгих и кратких гласных становилось неощутимым, и грамматика могли определить долготу гласных лишь на основании старых поэтических образцов.²

Утрата количественных различий не означала смешения гласных, так как тембровые различия между ними (кроме *a*) сохранились. Однако тенденция к сближению соседних по тембру гласных существовала, как мы видели, уже давно, и тембровые различия, не поддерживаемые более количественными, стали ослабевать. Процесс этот привел к разным результатам в различных областях распространения живой латинской речи. В большинстве областей Италии, в Галлии, Испании и альпийских областях *j* слилось с *ē* и сходным образом *ū* с *ō*. В результате получилась четырехступенная система семи гласных фонем.

	(лат. <i>ā</i> >) <i>a</i>	
(лат. <i>ē, ae</i> >) <i>e</i>		<i>o</i> (< лат. <i>ō</i>)
(лат. <i>ī, ē</i> >) <i>i</i>		<i>u</i> (< лат. <i>ū</i>)
(лат. <i>i</i> >) <i>i</i>		<i>u</i> (< лат. <i>ū</i>)

§ 204. Неслоговые *j* и *u*, создававшиеся в положении перед гласными, исчезали в группах *je, uo, ui*: **QVESCAS** (5.2108) < **quiescas* < *quiēscās; battō* (Фронтон) < **battuō* < *battuō*; **QVATTOR** (6.13302) < *quattuor* (Энний, *Ann.* 93) < *quattuor*.

§ 205. Динамическое ударение оживило явление синкопы в неударных слогах, особенно по соседству с плавными *l, r*. Appendix Probi (§ 58) приводит, например, формы *speculum* (< *speculum*), *vetulus* (< *vetulus*, G. L. 4.197.20), *viridis* (< *viridis*, там же 199.9).

¹ За тремя исключениями: 1) перед сильноконечной группой *mīta cum liquidā* в последнем слоге краткий гласный предпоследнего слога получил ударение: *in-tē-grum*; это объясняют возникновением внутри группы *mīta cum liquidā* анапактического гласного (**integrum*) и соответственным переходом ударения на новый третий слог от конца слова; 2) при переходе *ī* или *ē* в *i* перед гласным ударение, падавшее на *ī* или *ē*, переходило на следующий гласный: *mulierem* > *muljērem*, *filiolum* > *filjōlum*, *linoleolum* > *lintjōlum*; 3) при рекомпозиции (§ 156) или новом образовании сложных глаголов ударение получало то же место, которое оно занимало в простом глаголе: **dis-plācet* вместо *dis-plīcet*: *renégat*. Изменение ударения засвидетельствовано написанием (**PVTEOLIS** 10.1889), стихосложением (в V в. Драконтий скандирует *muljērem*, Сидоний — *arāneōla*, как если бы предпоследний слог был долгим) и романскими языками, ср. фр. *entier, filfeul, déplaît, renie*, ит. *intero, figliuolo, lenzuolo, spiace* и т. п.

² *Syllabās nātūrā longās difficile est scīre. Sed hanc ambiguitātem sōla probant auctōritātis exempla. cum versūs poētae scandere coepis* (псевдо-Сергий, G. L. 4.522. 24 — 26): 'Трудно знать, какие слоги долги по природе. Разрешить эту неопределенность могут только примеры из литературных образцов, когда мы начнем скандировать стихи поэта'.

ГЛАВА VII

РАЗВИТИЕ СОГЛАСНЫХ

РАЗВИТИЕ ОДИНОЧНЫХ СИЛЬНОКОНЕЧНЫХ СОГЛАСНЫХ

§ 206. Слоговая структура латинского языка допускает одиночные сильноконечные согласные либо в начале слова, либо в положении между гласными.

i (i)

§ 207. *i* в положении между гласными выпало во всех италийских языках:

trēs < **trees* < и.-е. **trejēs*, ср. д.-и. *tráyah*; *aēnus* < **aics-nos*, ср. д.-и. *áyah* 'медь'; *cō* 'иду' < **ejo*, но *īs* 'идешь' < *eis*; ж. р. *ea* < **eja*, но *ī-s* (корень *eī/i-*).

В историческое время в положении между гласными бывает только *-ij-*, возникшее в результате ассимиляции групп *gi*, *dí*, *si* (§ 259). В положении перед гласным *i* группа *-ij-* исчезает: *ajō* (= *ajjō*) < **ag-ijō*, но *ais* (< **ajjis*), *ait* (ср. § 614).

v (u)

§ 208. Между двумя гласными одинакового тембра *v* выпадает и гласные сливаются:

lātrīna < *lavātrīna*; *oblītus* < **oblivitos*; *dītis* < *dīvītis*; *dīvīnus* > *dīnus* (**DINAI** 1².366 = *dīvīnae*); *intrōrsūm* < *intrōvorsūm*; *sīs* 'если тебе угодно' < *sī vīs*.

В большинстве случаев, однако, рядом со "стяженной" формой сохраняется и нестяженная. Вероятно, стяжение было характерно для неполного стиля речи. Никогда не бывает выпадения в словах *avārus*, *sevērus*.

§ 209. В народно-разговорной речи *v* выпало и между гласными различного тембра, если находилось поблизости от губного согласного: *bovārius* > *boārius*; ср. в поздних надписях формы *fabnīus* < *favōnīus*, *noēre* < *novēre*, *noember* < *november* и т. д.

§ 210. *-vo->-o-* (в конечном слове *-u-* согласно § 162): **DEIVOS** (1².4) > *dēvos* (§ 111) > *deus*; *Gnaivos* (Abl. **GNAIVOD** 1².7) > *Gnaeus*; *Māvors* > **Māors* > *Mārs* (§ 198); Gen. Pl. *bovom* > *boum*; *deorsum* < *dēvorsum*.

Переход этот имеет место не только после гласного, когда *v* является одиночным сильноконечным, но и после согласного в предшествующем слове (это может быть только плавный *r* или *l*): *parvom* > *parum*.

В формах склонения и в словосложении *v* перед *o* обычно восстанавливается по аналогии с теми формами, где *v* находилось пе-

ред другими гласными или в начале слова: *parvos*, *parvom* по аналогии с *parva*, *parvī*, но наречие *parum*, оторвавшееся от склонения, сохранило фонетически закономерную форму; *advortsum* по аналогии с *vorsum*.

Сосуществование форм *deus*, *deum* рядом с *dīvī* и т. д. привело к расщеплению древнего *deivos* на два самостоятельных слова *deus*, *dīvus*.

В народно-разговорной речи восстановление происходило реже, чем в литературном языке, и в употреблении были фонетически закономерные формы: *gius* < *gīvus*, *aus* < *avus*, *vīus* < *vīvus*, *flaus* < *flāvus* и т. д.

§ 211. Из групп -оц-, -оці- в положении перед согласным и при условии, что второй гласный находился не в конечном слоге, возникал дифтонг *ou*, в дальнейшем монофтонгизирующийся в *ō* > *ū* (§ 110):

cūria < **co-viria* (вольск. *couehrio*); *iūstus* < **iouestos* (Abl. **IOVESTOD** 1^{2.1}); *iūrō* < **iouesō* (**IOVESAT** 1^{2.4}); *nūntius* < *nountios* (Марий Викторин, G. L. 6.12.18) < **noventios*; *nūndinae* < **noundinae* (**NOVNDINVM** 1^{2.581}) < **novendinae*.

Однако аналогическое воздействие родственных форм, содержащих *o*, иногда приводило к тому, что *ō* заменялось обычным *o* и уже не развивалось в *ū*: *mōtus* < **movitos*, *vōtum* < **vovitom*; *nōnus* < **novenos* (§ 183); *contīō* < **cōntiō* < **coventiō*.

Novitās восстановлено по аналогии с *bonitās*, *fīrmitās* и т. д.

s

§ 212. Между гласными -s- > -r- в первой половине IV в. до н. э.

NVMASIOI (1^{2.3}) > *Numeriō*; *Larēs* 'лары' < **LASES** (1^{2.2} — гимн арвальских братьев); **IOVESAT** (1^{2.4}) > *iūrat*; *nefārius* < **nefāsios*, ср. *nefās*; *gerō* < **gesō*, ср. *ges-sī*, *gestum*; *amāre* < **amāsi*, ср. *esse* < **es-si*; *generis* < **geneses*, ср. *genus* < **genos*; *maiōrēs* < **maiōsēs* (*maiōsibus* — P. F. 323.5), ср. *maius*; *diribēō* < **dīs(h)abēō*.

Переход -s- > -r-, именуемый "ротакризмом", был хорошо известен римским ученым, в распоряжении которых имелись тексты, восходившие к доротакистическому периоду. Варрон (L. L. 7.26): *in multīs verbīs, in quō antīquī dicēbant s, postea dīcunt r*¹.

Грамматики приводят такие формы, как *Valesiī*, *Fūsiī*, *āsa* (= *āra*), *meliōsem*, *fēsīis* (= *feriīs*) и т. д.

Фонетической предпосылкой перехода *s* в сонант *r* является озвончение *s* между гласными и переход *z* в звонкий фарингальный *h*: *s* > *z* > *h* > *r*.

¹ "Во многих словах, где древние произносили *s*, впоследствии стали произносить *r*"

Озвончение интервокального *s* было свойственно всем италийским языкам. Переход *z > g* имел место, кроме латинского, также и в фалисском, и в умбрском языках: осский язык сохранил *z*. Латинской форме *harēna* соответствовала сабинская форма *fasēna* (Велий Лонг, G. L. 7.69.8 со ссылкой на Варрона).

Римская традиция сообщает, что Луций Папирий Красс, цензор 339 г. до н. э., первый в своем роде именовался *Papīrius*, а не *Papīsius* (Цицерон, *Epist.* 9.21.2); это, конечно, надо понимать так, что написание *Papīrius* впервые появляется в это время в списке римских магистратов. Канцелярская орфография обычно запаздывает в сравнении с языковым развитием, в особенности в написании собственных имен, и можно думать, что к началу IV в. до н. э. переход *s > g* уже завершился.

Последствием ротакизма было устранение *z*, т. е. звонкого варианта фонемы *s*, из системы звуков латинского языка.

В составных словах начальное *s* второго члена восстанавливалось в порядке рекомпозиции: *dē-super*, *dē-siliō*, *po-situs*, *ni-si* и т. д. (но конечное *s* префикса *dis-* переходит в *r*).

Однако восстанавливаемое *s* было глухим и уже не подвергалось озвончению. То же имело место в таких словах, как *miser*, *caesariēs*, где диссимилирующее воздействие последующего *r* воспрепятствовало ротакизму.

В дальнейшем латинский язык обогатился рядом заимствованных слов, содержавших *s* в интервокальном положении; из кельтских языков заимствованы такие слова, как *gaesum*, *cisium*, вероятно *bāsium* и т. д.: из греческого — *pausa*, *philosophia* и т. д.; из других языков — *rosa*, *asinus*, *casa*.

Возникало интервокальное *s* и в исконно-латинских словах в результате упрощения *-ss-* после долгого гласного или дифтонга (§ 225 г): *causa*, *cāsus*, или метатезы: *quasillus* < * *quaslelos* (§ 172) и т. д. Во всех этих случаях это интервокальное *s* оставалось глухим и не претерпевало никаких изменений.

h

§ 213. Щелевой фарингальный *h*, возникший в латинском языке из и.-е. **ǵh*, **ǵh* в начале слова перед гласным и в интервокальном положении (§ 10), очень рано ослабел. Во время перехода *s > g* интервокальное *h* уже не существовало (*diribeō* < **dis-habeō*). Гласные одинакового тембра, между которыми находилось *h*, сливаются (§ 196): *pēmō* < **ne-hemō*; *nīl* < *nihil*; *bīmus* 'двухгодовалый' < **bīhimos* 'двухзимний'. Ослабление *h* предшествует началу литературной традиции; в стихе *h* не принимается в расчет; *h* сохранялось только в орфографии, и попытки оживить его в произношении имели искусственный характер (§ 76).

Лабиевелярные

§ 214. Как уже указывалось (§ 84), звонкий лабиевелярный g^u (в письме *gu*), восходящий к и.-е. $*g^u$ и $*g^uh$, сохранился в латинском языке только в положении между *n* и гласным звуком. Одиночный лабиевелярный, как в начальном положении, так и между гласными, перешел в *v*:

vīvus < и.-е. $*g^uivos$, ср. д.-и. *jīvān*, ст.-сл. живъ; *nivem*, ср. *ninguit*; *nītor*, арх. *gnītor* (P. F. 85.21) < $*gnīvitor$ < $*gnei-g^uh-$ (и.-е. $*knei-g^uh-$, ср. гот. *hneiwan* 'склоняться'), ср. *(g)nīxus*, *nictō*, *cōnīveō*.

§ 215. Глухой лабиевелярный q^u (в письме *qu*) утрачивает губной придаток:

1) перед *u*:

relicuos (Плавт), ср. *relinquō*; *cōnsecuos*, ср. *cōnsequor*; *alicubi* < $*ali-q^uubi$, ср. умбр. *pu-fe* 'где', ос. *puf*, ст.-сл. къде;

2) перед *o*, которое в закрытом срединном и конечном слоге затем переходит в *u* (§§ 150, 162): *colus* 'веретено' < $*quolos$, ср. греч. πόλος; *colō* < $*quolō$ < $*quelō$, ср. *inquilīnus*, греч. πέλομαι; *cottīdiē* < *quottīdiē*; *coquō* < $*quocuō$ < $*q^ueq^uō$ (ср. § 274); *secundus* < $*sequondos$, ср. *sequitur*; 3 л. мн. ч. *secuntur* < $*sequontor$; *ecus* < *equos*.

Этот же переход имеет место, когда q^u не является одиночным сильноконечным и ему предшествует согласный предыдущего слога: *stercus* < $*sterquos$, ср. *sterquilīnium*.

В безударном положении (§ 297):

cuius < *quocius* (ср. § 470); *cum* < *quom*.¹

Лабиевелярный q^u перед *o* во многих случаях восстанавливается по аналогии с формами, в которых за ним следовали другие гласные: местоименная основа *quo-* по аналогии с основой *qui-*: *quod*, *quot*, *quottīdiē*; *equos* по аналогии с *equi* и т. д. С переходом *o* > *u* восстановленный губной придаток снова утрачивался, и в памятниках нередко встречаются формы *ecus*, *secuntur* и т. д.

§ 216. В словах *ubi* (умбр. *pu-fe*, ст.-сл. къде), *ut* (ос. *puz*, умбр. *puse*), *uter* (ос. *pūter*-, греч. πότερος, д.-и. *katarān*, ст.-сл. которын) и родственном *unde* этимоло-

¹ Некоторые античные грамматики предлагали написание *quum* вместо *cum* для создания графического отличия от предлога *cum* (Марий Викторин, G. L. 6.13.11).

гически ожидаемое начальное q^u - утрачено: ubi, но ali-cubi, nē-cubi; unde, но ali-cunde, nē-cunde; uter, но ne-cuter.

Очевидно, в развитии латинского языка был период, когда q^u - в начальном положении выпадало перед u. Некоторые исследователи, впрочем, полагают, что утрата q^u - не фонетическая и возникла в результате переразложения сложных слов nec-ubi, alic-ubi и т. д. откуда и были извлечены формы, лишенные q^u -.

РАЗВИТИЕ ОДИНОЧНЫХ СИЛЬНОНАЧАЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ

§ 217. Одиночные сильноначальные согласные возможны в латинском языке только в исходе слова.

В доисторический период развития латинского языка глухой смычный в исходе слова ослаблялся и переходил в звонкий.

-t > -d:

“Вторичное” (§ 533) окончание 3 л. ед. ч.: **FHE:FHAKED** (1^{2.3}); **ESED** (1^{2.1}) > кл. erit; **SIED, FECED** (1^{2.4}).

То же в осском и умбрском языках.

Только в латинском языке находим: ab (ср. греч. ἀπό); ob (ср. греч. ἐπί, крит.-мик. o-pi, ос. op); sub (ср. греч. ὑπό, ос. сит).

Некоторые исследователи отделяют -p > -b от -t > -d и считают, что формы ab, ob, sub возникли в положении перед звонким согласным (abdouci и т. п. > кл. abducit) и были впоследствии обобщены.

Позднее, в результате отпадения конечного краткого гласного, в латинском языке вновь возникли глухие согласные в исходе слова. Таково “первичное” (§ 533) окончание 3 л. ед. ч. -t < *-ti, в дальнейшем заменившее окончание -d; -c < -ce: haec < hai-ce.

-d

§ 218. -d отпало после долгого гласного на рубеже III — II вв. до н. э.

Abl. Sing.: **PRAIDAD** (1^{2.48}) > praedā; Troiād (Невий, В. Р., fr. 4) > Troiā; **GNAIVOD** (1^{2.7}) > Gnaeō; **CASTVD** (1^{2.360}) > castū.

Imper. fut.: **STATOD** (1^{2.4}) > stātō; **SVNTOD**, [l]ICETOD (1^{2.366}) > suntō, licētō.

Декрет Эмилия Павла (1^{2. 614}, 189 г. до н. э.) дает уже написание без -d. Если в Senātūs cōnsultum dē Bacānālibus (1^{2.581}, 186 г. до н. э.) -d систематически сохраняется, то это уже архаизм канцелярской орфографии. Не входившая в официальный текст заключительная приписка in agrō Teugānō правильно отражает произношение своего времени.

У Плавта, помимо единичных случаев пародии на высокий стиль, -d иногда сохраняется перед гласным в односложных mēd, tēd, sēd, которые нередко употреблялись как проклитики и составляли единое фонетическое целое со следующим словом. Naud все-

гда было проклитикой и сохранило -d, в действительности никогда не бывавшее в конечном положении.

Дублетная форма *hau* возникла в положении перед согласным в результате ассимиляции -d с этим согласным и последующего упрощения двойного согласного после дифтонга (§ 225 г):

haudsciō > haussciō > hauscīō.

После краткого гласного -d сохраняется: *apud, istud, aliud*.

С середины I в. до н. э. -d и -t нередко смешиваются: **APVT** (1².593.15. 45 г. до н. э.) = *apud*; **ALIQVOD** (Мон. Апс. 2. 25) = *aliquot*; **SID** (6.5767) = *sit*.

Для фонетической характеристики звука, в котором сопали -d и -t, нет достаточных данных. Возможно, что это был глухой переднеязычный "слабый" звук (*lēnis*).

-m

§ 219. О редуцированном характере -m см. § 78. Он засвидетельствован восходящей к середине III в. до н. э. традицией римского стихосложения и надписями этого времени.

1².9: **HONC OINO PLOIRVME COSENTIONT R_[omai] DVONORO OPTVMO FVISE VIRO LVCIOM SCIPIONE** = кл. *hunc ūnum plūrimī cōsentiunt Romae bonōrum optimum fuisse virum* (Gen. Pl.) *Lūcium Scīpiōnem*.

В древнейших текстах (надпись на форуме 1².1 около 500 г. до н. э., надпись Дуэноса 1².4, IV в. до н. э.) -m не опускается.

-s

§ 220. В архаической римской поэзии конечный слог, содержащий краткий гласный + s, рассматривается иногда как краткий слог, несмотря на то, что последующее слово начинается с согласного. Энний, *Ann.* 531:

Cīāmōg ad caelum volvendus per aethera vāgit (слог -*dus* краткий).

Очевидно, -s в этом положении ослабевало, но, в отличие от -m, редукция -s была, во-первых, факультативной, и во-вторых, обнаруживалась не перед гласным последующего слова, а только перед согласным. Это чаще всего имеет место при окончании -*us*, на что обратил внимание уже Цицерон (*Or.* 161):

*Quīn etiam, quod iam subrūsticum vidētur, ōlim autem polītius, eōrum verbōrum, quōrum eadem erant postrēmae duae litterae, quae sunt in optimus, postrēmam litteram dētrahēbant, nisi vōcālis īnsequēbātur*¹.

Древнейшие надписи этого явления не знают. Более распространенным оно становится в III — II вв. до н. э., но в памятниках, отражающих римский говор, встречается почти исключительно в именах собственных, особенно в именах на -*ios* > -*ius*. Гораздо ча-

¹ "Добавим, что в тех словах, у которых два последних звука такие же, как и в слове *optīmus*, последний звук отбрасывали, если далее не следовал гласный. Теперь это выглядит немного по-деревенски, между тем как ранее это было свойственно более отделанной речи".

ще отпадает -s в диалектной латыни: **M. FOVRIO C. F. TRIBVNOS MILITARE** (= *militāris*), 1².48 — 49 (Тускул); **NATIONV** (= *nātiōnus*; §357); **DIOVO** (= *Diovos*; см. там же), 1².60 (Пренесте); **PISAVRESE** (= *Pisaurēnsēs*), 1².378 (Писавр); в последнем случае мы имеем даже отпадение -s после долгого гласного. Отпадает -s и в фалисском языке: фалис. **CRA** (§ 23) = лат. *crās*.

Редукция -s, таким образом, представляет собой явление, характерное для диалектной “сельской” латыни, и Цицерон справедливо определяет его как “*subrūsticūm*”. Римский говор, по-видимому, был мало затронут этой редукцией, и литературный язык ее устранил. Дольше всего она сохранялась в дактилических размерах (Энний, Луцилий, Лукреций), пользование которыми представляло некоторые трудности, поскольку латинский язык не очень богат краткими слогами. У Катутлла только один случай отпадения -s (116.8); поэзия классического периода к этому уже не прибегает.

-q^u

§ 221. -q^u, оказываясь в исходе слова в результате отпадения -e, теряет губной придаток и переходит в -c: *neque* > *nes*.

-v (ц)

§ 222. v, оказываясь в исходе слова в результате отпадения -e, сливается с предшествующим гласным в дифтонг: *pève* > *peu*.

РАЗВИТИЕ ДВОЙНЫХ СОГЛАСНЫХ

§ 223. Термин “двойной” (или “геминированный”) согласный фонетически неточен. Он основан на смешении звука и буквы. Удвоение знака согласного в письме обычно обозначает не два согласных звука, а один двухвершинный звук (§ 86), начало и конец которого относятся к разным слогам. Двухвершинный согласный возможен только в середине слова.

Наряду с двухвершинными согласными существуют долгие согласные, отличающиеся длительностью своей артикуляции: для их обозначения также может применяться удвоение буквы.

В отношении латинского языка мы не всегда в состоянии отличить двухвершинный согласный от долгого и будем пользоваться традиционным термином “двойной” согласный. Когда мы будем говорить об “упрощении” “двойного” согласного, мы будем разуметь под этим как случаи перехода двухвершинного в одновершинный, так и случаи сокращения долгого согласного.

§ 224. Двойной согласный обычно возникает на стыке морфем или в результате ассимилятивного процесса (§§ 226 и сл.) Особый

случай представляет собой так называемое “экспрессивное” удвоение в словах, имеющих аффективный оттенок (ср. русск. ужасно). Оно часто имеет место в наименованиях частей тела (*nassus* ‘нос’, *bucca* ‘щека’, *bracchium* из греч. βραχίον ‘рука’, *guttur* ‘горло’), в словах, обозначающих физические недостатки (*lippus* ‘страдающий гнойным воспалением глаза’, *flaccus* ‘вислоухий’, *brossus* ‘скалозубый’, *gibba* ‘горб’, *gibber* ‘горбатый’, *gibbus* ‘горб’, ‘горбатый’), в наименованиях животных (*pullus* ‘детеныш’, *gallus* ‘петух’), в собственных именах, кличках (*Varrō* от *vārus* ‘кривоногий’, *vorgus* ‘обжора’, ср. глаг. *voro*, *cuppes* ‘лакомка’), в обращениях (*Iuppiter*, § 354), в экспрессивных глаголах (*gluttiō* ‘пожирать’, *battuō* ‘колотить’). Удвоение согласных характерно также для детской лексики (*pappa*, *mamma*, *atta* ‘отец’, *bulla* ‘пузырь, детский нагрудный шарик’), для слов, заключающих в себе элемент звукоподражания (*gargiō* ‘болтать’, *ganniō* ‘скулить’, *hinniō* ‘ржать’). Неясны причины удвоения в таких словах, как *littera* ‘буква’, *littus* ‘побережье’, *mittō* ‘посылать’.

При удвоении согласного, которому предшествует долгий гласный, этот гласный сокращается:

Iūpiter (< *Iou-pater) > *Jūpiter*; *lītera* (**LEITERAS** 1².583) > *littera*.

В этом случае обычно возникают дублетные формы. Ср., наряду с вышеприведенными, *littus* и *litus*, *muccus* и *mūcus*, *bacca* ‘ягода’ и *bāca*, *succus* ‘сок’ и *sūcus*.

В архаическом письме удвоенность согласного не обозначалась. Удвоение знака установилось только во II в. до н. э. (§ 103).

§ 225. Двойной согласный упрощается в следующих положениях:

а) Перед согласным; за исключением плавных г, l:

per-gō < **perrgō* < **per-regō* (§ 166 б); *discindō* < **dis-scindō*. Однако *acclāmō*, *opprimō*.

Это согласуется с законами латинского слогосложения, не допускающего в неначальном слоге иной сильноконечной группы согласных, кроме *mūta cum liquidā*.

Некоторые римские грамматиканы, исходя из этимологических соображений, рекомендовали написания типа *dis-scindō*. Но это восстановление двойного согласного имело чисто орфографический характер. Более последовательным являлось восстановление в составных словах, где префикс *ex-* предшествовал согласному *s* (*exsolvō*). В некоторых случаях это вызывалось потребностью орфографической дифференциации сходно звучащих слов: *exproliō* ‘отполировать’ и *exproliō* ‘снимать доспехи с противника’.

б) После согласного:

sēnsī (perf. от *sentīō*) < **sēnsī* < **sent-sai*; *vorsus* (кл. *versus*; § 130) < **vorssos* < **vort-tos* (§ 230).

в) В конечном положении.

Долгий согласный в конечном положении (двухвершинный здесь невозможен) мы находим еще у Плавта в односложных сло-

вах и в многосложных, кончающихся на -ss. Долгота согласного засвидетельствована стихом: слог, оканчивающийся на двойной согласный после краткого гласного, остается долгим перед начальным гласным следующего слова; следы написания с двойным согласным сохранились и в рукописях, например, *ess* в Амвросианском палимпсесте Плавта, Merc. 489, ср. также **ESS** на надписи б. 14404. Как правило, однако, в рукописях Плавта мы находим написание с одним согласным; точно так же поступают обычно в печатных изданиях.

У Плавта *es* перед начальным гласным следующего слова всегда является долгим, например, Rud. 240: *sed vidēre expetō tē — mihi es(s) aetula* (кретический тетраметр); Amph. 836: *mulier es(s), audācter iūrās. — quae nōn dēliquit decēt* (трохеический септенар).

ter 'трижды' < *ter(r)* (Bacch. 1127) < **ters* < **tris*, ср. *tetuncius* 'монета в три унции'; *cor* < *cor(r)* (Poen. 390) < **cord*; *mel* < **mell* (ср. *mellis*); *fel* < **fell* (ср. *fellis*); *mīles* < *mīless* < **milet-s* — Aul. 528: *Mīles(s) imprānsus astāt, aes cēnsēt darī* (ямбический сенап); *dives* < *dives(s)* (Asin. 330) < **divet-s*; *potes* (Зл. ед. ч. *indic. praes. ot possum*) < *pot-es(s)* (Most. 596).

В отличие от -s, допускающего редукцию (§ 220), -ss никогда не отпадает.

Сокращение -гг в неодносложных словах произошло до Плавта: *sacer* < **sacert* < **sacers* < *sacros* (§ 173). Сокращение долгого конечного согласного в тех позициях, в которых он допускается у Плавта, мы находим начиная с Энния.

Местоимение *hoss* < **hod-ce* (ср. *hossine*), которое находилось по большей части в проклитическом положении и составляло единое фонетическое целое с последующим словом, сохранило также и в классический период двойной согласный перед гласным следующего слова: *hoss erat in vōtīs* (Гораций, *Serm.* 2.6.1). Произношение *hōss*, а не **hōs* засвидетельствовано грамматиками (Велий Лонг, G. L. 7.54.6; Присциан, G. L. 2.592.16 сл.); ср. написание **OCCEST** (8.17938) = *hoc est*. В обычной орфографии обобщена форма *hos*, возникшая в паузе или, согласно пункту а настоящего параграфа, перед согласным следующего слова.

г) После долгого гласного или дифтонга.

Латинский язык I в. до н. э. допускал в положении после долгого гласного или дифтонга только -ss- и -ll-.

С действием этого закона мы уже встретились, рассматривая экспрессивное удвоение. При удвоении согласного предшествующий долгий гласный сокращался. Это одно из проявлений уже неоднократно отмечавшейся тенденции латинского языка к сокращению чрезмерно длинных слогов.

Создалось ли это положение в результате упрощения других двойных согласных, существовавших в прошлом, трудно с достоверностью установить.

Упрощение двойного смычного можно предполагать в словах, сложных с префиксом *sē-*, если он действительно восходит к форме *sēd-* (ср. *sēd-itiō* ‘расхождение, раздор’): *sēdulō* < **sēd dolōd*; *sēcēdō* < **sēcēdō* < **sēd-cēdō*; *praecō* восходит, вероятно, не к **praicō* > **praicō* (с синкопой *i*) > **praicō* > **praicō*, а к **prai-vocō* > **praivicō* > **praicō* > *praecō*.

Нет достоверных примеров для *-mm-* > *-m-*: *glūma*, *caementum* могут восходить не к **glūb-ma* > **glūmma*, **caid-mentom* > **cai-mentum*, а к **glūb-sma* > **glū-sma* > *glūma*, **caid-smentom* > **caismentom* > *caementum* (§ 256). В пользу этого последнего предположения свидетельствует удлинение гласного в формах *casūmen*, *trāma*, которое могло возникнуть только перед *s*: **kakubh-smen*, ср. д.-и. *kakubh-* ‘верхушка’, **tragh-sma* (от *trahō* < **traghō*).

К началу нашей эры *-ss-* > *-s-*.

По сообщению Квинтилиана (1.7.20), Цицерон и Вергилий еще писали *cāssus*, *caussa*, *dīvīssiō*. Такие написания попадают иногда и в позднейшее время. В “стяженных” формах неопределенного наклонения перфекта *amāsse*, *audisse* *-ss-* всегда сохранялось по аналогии с *amāvisse*, *audīvisse*.

По словам Марии Викторина (G. L. 6.8. 5 — 6), слова, в которых “древние” писали *-ss-*, *pressiōre sonō ēduntur*. Таким образом, *-ss-* артикулировалось иначе, чем обычное *-s-* и, быть может, осталось долгим согласным.

Сложнее обстоит дело с *-ll-*.

-ll- > *-l-* после долгого гласного только в том случае, когда за *-ll-* следует *i*:

mīlia, но *mīlle*; *vīlicus*, но *vīlla*; *stēliō* ‘звездчатая ящерица’, но *stēlla* (долгота гласного в *mīlle*, *vīlla*, *stēlla* засвидетельствована романскими языками).

Неясен вопрос о развитии *-ll-* после дифтонга. Существовали формы *aulla* и *aulla* (ср. монофтонгическое *ōlla*: § 115); *raulum* и *raulum*; *Paulus* и *Paulus*. При этом *aulla* восходит к **ausla* < **auxla* (ср. уменьшит, *auxilla*), а *raulus* — к **pauslos* < **pauxlos* от **pauc-os* (ср. уменьшит, *pauxillus*). Эти формы никогда не имели *-ll-*. Формы с *-ll-* (*aulla*, *raulus*) возникли либо в результате “экспрессивного” (§ 224) удвоения, либо представляют собой самостоятельные слова. *Aulla* может быть уменьшительным от *aulla*: **aulela* > *aulla* (синкопа *e*; § 166 б); *Paulus* — уменьшительным от **pauros* (> *parvus*; § 282): **paurelos* > *raulus*.

Этот материал не дает оснований судить о том, действительно ли сохранилось *-ll-* в классическом языке, или оно является архаической орфографией в собственном имени *Paulus*, изредка переходящей и написание наречия *raulum* (*aulla* встречается только в рукописях Плавта и Катона). В положении перед *i* *-ll-* после дифтонга никогда не встречается: *Paulinus*.

Caelum ‘резец’ может восходить не к **caidolom* > **caidlom* > **caillom*, а к **caidslom* > **cais(s)lom*.

По словам Велля Лонга (G. L. 7.80.11 — 12), форма *raulum* “непроизносима” (*reperitō eōdem elementō ... enūntiārī nullō modō potest*). Очень возможно, что, по крайней мере в положении после дифтонга, произносился не двухвершинный, а долгий согласный.

Есть мнение (Мейе, Нидерман), что -ll- после долгого гласного и дифтонга всегда переходило в -l-, которое, однако, оставалось палатальным (§ 72), и что написание -ll- перед гласным, отличным от i, представляет собой не что иное, как орфографический прием выражения палатальности.

д) Недостаточно выяснена наблюдающаяся в многосложных словах тенденция к недопущению двойного согласного после краткого гласного первого слога, когда второй слог долгий. В литературном языке эта тенденция наиболее часто проявляется при двойном согласном gg и в тех случаях, когда за гласным второго слога также следует двойной согласный: *sigūlis*, производное от *cirtus*; *farīna* от *farr-* (§ 261); *mamilla*, но *mamma*; *ofella*, но *offa*; *omittō* < **ommittō* < *ob-mittō*. Ярче выражена эта тенденция в разговорном языке: в помпейских надписях мы находим формы **ANONAM** (4.5016), **COMVNIBVS** (4.4855), **ACEPI** (4.2106), между тем как литературный язык восстанавливает в таких случаях двойной согласный: *ap̄p̄lla*, *com̄m̄pn̄is* и т.д.

РАЗВИТИЕ ГРУПП СОГЛАСНЫХ

ГРУППЫ ИЗ ДВУХ СОГЛАСНЫХ

§ 226. Происходившие в группе из двух согласных изменения согласных имели в огромном большинстве случаев ассимилятивный характер. В потоке речи один согласный уподобляется полностью или частично другому. Примером полной ассимиляции может служить *ig-ruō* < *in-ruō*. В *im-berbis* < *in-berbis* смежные согласные уподобились только частично, по активному речевому органу: переднеязычный носовой в соседстве с губным смычным перешел в губной носовой. В *āctus* < **agtos* смежные согласные уподобились только частично, в отношении звонкости: звонкий смычный перешел в глухой перед глухим смычным.

Ассимиляция согласных может быть прогрессивной и регрессивной (§ 178). В латинском языке чаще всего имеет место регрессивная ассимиляция. Сильноначальный согласный, которым заканчивался один слог, уподобляется сильноконечному, которым начинается следующий слог. Прогрессивная ассимиляция встречается гораздо реже. Она либо затрагивает согласные с ослабшей артикуляцией, как например, звонкий вариант *s* (*z*), или *ц*, или относится к отдаленному времени, предшествующему выработке исторической звуковой системы латинского языка.

Комбинаторные изменения согласных, которые мы будем здесь рассматривать, во многих случаях не поддаются датировке. Некоторые из них несомненно имели место уже в общеиндоевропейской звуковой системе (например, ассимиляция соседних смычных по звонкости). Другие изменения, хотя и не имеющие общеиндоевро-

лейского характера, наступили в период, предшествовавший письменной традиции латинского языка; лишь очень немногие процессы засвидетельствованы памятниками, например выпадение *s* перед *m* (§ 256). Изменения, происходившие в группах согласных, устанавливаются обычно лишь путем наблюдений над чередованиями звуков внутри одной и той же морфемы или с помощью сравнительно-исторического метода.

Звонкий шумный и глухой

§ 227. В группах с двумя шумными согласными глухому согласному всегда предшествует глухой, звонкому звонкий: *sub-dūcō*, но *sup-petō*.

Этот закон, восходящий еще к общендоевропейскому состоянию, действовал на всем протяжении истории латинского языка.

Звонкий шумный, попадая в положение перед глухим, становится глухим:

rēx < **rēg-s*, ср. род. п. *rēgis*; *lūctus* < **lūg-tos*, ср. *lūgeō*; *vēxī* < **uēgh-sai*, ср. *vehō* < **ueghō*, *vectus* < **uegh-tos*; *scrīpsī* < **scrīb-sai*, ср. *scrībō*, *scrīptus* < **scrīb-tos*.

Примеры на озвончение *s* перед звонким шумным см. § 256.

Переход глухого смычного в звонкий имел место в префиксах **ap-*, **op-*, **sup-* перед звонким шумным в начале второго члена (тип *ab-dūcō*, *ob-dūcō*, *sub-dūcō*). С тех пор как эти префиксы получили свои исторически засвидетельствованные формы *ab-*, *sub-*, *ob-* (§ 217), в латинском языке уже не представлялось случая для озвончения глухого смычного перед звонким смычным.

О переходе глухого шумного в звонкий перед носовым см. § 233.

Латинская орфография в ряде случаев восстанавливает звонкий шумный перед глухим, исходя из этимологического состава слова: *urb-s*, ср. *urbis*; *ob-tineō*, ср. *ob* и *teneō*.

О том, что эта орфография не соответствовала звучанию слова, прямо свидетельствует Квинтилиан (1.7.7): *quaerī solet in scrībendō praepositionēs, sonum quem iūnctae efficiunt an quem sēparātae observāre conveniat, ut cum dīcō optinuit (secundam enim b litteram ratiō poscit, aurēs magis audiunt p).*¹

¹ "Обычно при написании предлогов возникает вопрос, какого из звуков следует придерживать: того, который проявляется в соединении, или того, который проносится в отдельности: например, когда я говорю *optinuit*, аналогия требует написания на втором месте *b*, а уши скорее воспринимают *p*".

Группы с лабиовелярным первым элементом

§ 228. Лабиовелярный в положении перед другим согласным теряет свой губной придаток:

qu > c:

relictus при relinquo; secta наряду с sequor:

gu > g, которое перед последующим глухим переходит в c:

exstīnxi — exstinguō, nix < *snig^h-s (ср. ninguī), род. п. nivis (§ 214).

Смычный + смычный

§ 229. Если смычные принадлежат к различным рядам с точки зрения классификации по активному речевому органу, то:

1) перед заднеязычным (или лабиовелярным) переднеязычный или губной переходит в заднеязычный (перед лабиовелярным заднеязычный возникает вместо лабиовелярного, согласно § 228);

2) перед губным переднеязычный переходит в губной.

Одновременно с ассимиляцией по активному речевому органу происходит в случае надобности и ассимиляция по звонкости.

Таким образом наибольшая сила ассимилирующего воздействия принадлежит в латинском языке заднеязычным. Второе место занимает губной, а самым “слабым” является переднеязычный:

1) aggredior < *ad-gradior; accūsō < *ad-causō; hocс (§ 225 в) < *hod-ce; quicquam < quid-quam; succurrō < *sub-currō; suggerō < *sub-gerō; ocquiniscō ‘присесть’ < *ob-quiniscō;

2) quippe < *quid-pe; toppe ‘тогда’ < *tod-per.

Поскольку рассмотренная ассимиляция имела место преимущественно в словосложении, нередко происходит аналогическое восстановление ассимилированного согласного: quid-quam, ob-gerō. Такое восстановление было необходимо в префиксе ad- перед губным во избежание смешения с префиксом ab-, придававшим составному слову другое значение: ad-bibō вм. *ab-bibō.

В народно-разговорной речи ассимилятивный процесс распространился и на группы, в которых последующий гласный был переднеязычный: octo > otto; septem > sette(m) (ср. § 293).

§ 230. Если смычные принадлежат к одному ряду, то в латинском языке они не подвергаются никаким изменениям, кроме ассимиляции по звонкости (§ 227) и упрощения в случаях, указанных в § 225.

Однако, латинский язык унаследовал от прошлого одно изменение, имевшее место в группе из двух смычных одного ряда. Еще в общеиндоевропейское время в группе “переднеязычный + t” > -tt- возник промежуточный звук s (*-t^s-), который в италийских, кельтских и германских языках ассимилировал себе оба переднеязычных звука, в результате чего образовалось -ss-. Таким образом,

и.-е. *-tt- }
 и.-е. *-dt- } >лат. -ss-:
 и.-е. *-dht- }

messis < *met-tis; passus < *pat-tos, ср. patior; sessus < *sed-tos, ср. sedeō; iussus < *judh-tos, ср. iubeō, где -b- < *-dh- (§ 10); ūsus < ūssus < *oit-tos, ср. ūtor; perf. lūsī < *lūssī < *loid-sai, ср. lūdō.

Группа “t^st + r” > str:

tōnsor < *tond-tōr, но tōnstrīx < *tond-strīx; t в группе str могло возникнуть позже в качестве переходного звука между ss и r (ср. русскую народно-разговорную форму страм < срам), но возможно, что в этом положении оно никогда не изменялось, и *t^str переходило в str.

В позднейшее время группа -tt-, возникавшая вновь в словосложении или появлявшаяся в результате синкопы, уже не изменялась:

attingō < *ad-tangō; rettulī < *retetulī.

§ 231. В начале слова, где латинский язык не допускает двух смычных (§ 86), первый смычный отпадает: pt- > t-: tilia ‘липа’, ср. греч. πτελέα; то же в заимствованных словах: ūsapa, ср. греч. πτισσίμη ‘ячменная каша’: ct- > t-: tunica (заимствовано из финикийского языка) < *ctunica.

Смычный + f

§ 232. Смычный + f > -ff-. Поскольку f бывает только в начале простого латинского слова (§ 28), группа “смычный + f” возможна только в словосложении:

officīna < *op-ficīna < opificīna (§ 166 a); afferō < ad-ferō; offerō < ob-ferō; efferō < es-ferō.

В глаголах, сложных с предлогами, нередко встречаются рекомпонированные формы без ассимиляции: obferō, adferō, esferō.

Группы, состоящие из смычного и носового

Смычный + носовой

§ 233. Перед носовым смычный озвончался (если был глухим) и переходил перед n в гоморганный носовой (т. е. в носовой, образованный тем же активным органом речи, что и смычный), а перед m — в губной носовой (кроме группы gm).

§ 234. Смычный + n:

- 1) губной + n > -mn-;
- 2) переднеязычный + n > -nn-;
- 3) заднеязычный + n > -ŋn-:

1) *somnus* < и.-е. **сцєрnos*, ср. д.-и. *svápnah* 'сон', лат. *sopor*; *scamnum* < **scabnom* (италийск. **skafnom* < и.-е. **skabhnom*), ср. уменьш. *scabillum*; *Samnium* < **Sabniom* (ос. *Safinim*), ср. *Sabīnī*, *Sabellī*;

2) *mercēn(n)ārius* 'наемник' < **mercēdnārius* — производное от *mercēs*, *mercēdis*; *penna* 'перо' < **petna*, ср. *petō*; *annuō* < *adnuō*.

В поздней латыни *rapna* < **patna* < *patina* 'сковорода', заимствовано из греч. *πατάνη*;

3) *dignus* (= *dignus*) < **dec-nos*, ср. *decet*; *lignum* (= *lignum*) < **leg-nom*, ср. *legō* 'собирать'; *salignus* (= *salignus*), ср. *salix*; *signum* (= *signum*) < *seq^u-nom*; ср. арх. *īn-seque* 'назови'.

В сложных словах часто рекомпозиция: *adnotō* и *annotō*; *adnuō* и *annuō*. Почти всегда рекомпируется префикс *ab-*: *abnuō* (*annuō* только в глоссах); *abnegō* (**AMNEGAVERIT** 6.14672. 10).

В начале слова *gn-* > *n-*: арх. *gnātus* > *nātus*; *gnōscō* (**GNOSCIER** 1².581) > *nōscō*; *gnīxus* (< **cn-*) > *nīxus*.

Написания *gnātus*, *gnōscō* долго сохранялись под влиянием составных слов: *cognātus*, *cognōscō*. В рукописях Плавта и Теренция существительные *gnātus* 'сын', *gnāta* 'дочь' дифференцируются от причастия *nātus*. К концу II в. до н. э. устанавливается написание *n-*. Прилагательное *gnārus* сохраняет *gn-* благодаря *ignārus*, но всегда *patō*. Архаическое сочетание *gn* сохранилось в имени *Gnaeus*, но упростилось в производном *Naevius*.

§ 235. Смычный + *m*:

1) губной + *m* > -*mm-*;

2) переднеязычный + *m* > -*mm-*;

3) заднеязычный + *m* > -*gm-*, и эта группа не подвергается ассимиляции:

1) *summus* < **sub-mos* < **sup-mos*, ср. *sup-er*; *summittō* < *submittō*; *obmittō* > **ommittō* > *omittō* (с последующим упрощением двойного согласного; § 225 д);

2) *ammovēō* < *admoveō*;

3) *segmentum* < **sec-mentom*, ср. *secō*; *agmen* < *ag-men*, ср. *agō*.

В сложных словах часто рекомпозиция: *submittō* и *summittō*; *admoveō* и *ammovēō*.

Носовой + смычный

§ 236. Перед смычным возможен только гоморганый носовой: *m* перед губным, *n* перед переднеязычным, *ŋ* (в письме *n*) перед заднеязычным.

Носовой звук, не гомоганный с последующим смычным, соответственно изменяется:

m > n перед переднеязычным:

centum < и.-е. *kmtom, ср. лит. šimtas; eundem < *eum-dem; septendecim < *septem-decim; префикс com- (ср. com-itium): contineō < *com-teneō.

m > ŋ перед заднеязычным:

princeps (= priŋceps) < *pŕim(o)-caps (ср. §§ 160, 183); clanculum (= clanculum) от clam; tunc (= tuŋc) от tum; tanquam (= tanquam) < tam-quam.

n > m перед губным:

imbuō < in-buō; improbus < in-probus.

n > ŋ перед заднеязычным:

incipiō (= iŋcipiō), homunculus (= homuŋculus), ingenium (= iŋgenium), inquam (= iŋquam), inquirō (= iŋquirō).

ŋ > n при выпадении c в группе nct:

quīnctus (= quīŋctus) > quīntus.

Редкие случаи рекомпозиции сложных слов в письме, например: quamdiū, tamquam, vērumtamen, utrumque, -cumque, **INPEIRATOR** (1².614), — имеют, по-видимому, чисто орфографический характер. Так, “обратные написания” в официальной надписи времени Цезаря Lēx Iūlia mūnicipālis (1².593, 45 г. до н. э.): **DAMDVM** вместо dandum, **SENTENTIAM** вместо sententiam и т. п., — свидетельствуют о привычке писать -md-, -mt- там, где в живой речи слышалось -nd-, -nt-.

Действительное восстановление -m- мы находим в причастии от emō и сложных с ним глаголов. Это восстановление привело к развитию внутри группы -mt- переходного звука p: ēmp-tus, sūmp-tus. Однако в разговорной речи сохранялась и невосстановленная форма, ср. ит. as-sun-to < лат. народно-разговорн. *assuntus, кл. assūptus.

Встречающееся иногда в архаической латыни -nd- > -nn-: dispennite < dispendite (Mil. 1407), tennitur < tenditur (Phorm. 330), grunniō < grundīō — представляет собой диалектное явление, возникавшее под влиянием оско-умбрской языковой среды, где переход этот был закономерным (ср. § 36).

Носовой + f

§ 237. Носовой + f > -nf- (с удлинением предшествующего гласного, ср. § 193 б): cōnferō, īnferō, что объясняется губозубным характером латинского f (ср. § 74). На редуцированное звучание n в группе nf указывает опущение n в письме: **IFERI** (10.8249) = īnferī, **COFECI** (1².560, Пренесте, III в. до н. э.) = cōnferēci, но в литературном языке n обычно восстанавливалось.

Группы, состоящие из смычного и плавного

Смычный + r

§ 238. Сильноконечная (§ 86) группа “смычный + r” не подвергается изменению; в словосложении, где слоговая граница проходит между смычным и r, смычный + r > rr:

arripiō < *adrapīō; surripiō < *subrapīō; surgō < *sub-regō (с синкопой e; § 166 б). Taeter < *taidros (ср. taedet), быть может, под воздействием начального t-.

Неясно происхождение -dr- в quadrāgintā, quadruplex и т. д. ср. quattuor).

Смычный + l

§ 239. Об анапиксе в группе “смычный + l” см. § 175.

§ 240. -tl->-cl-.

В истории латинского языка этот переход имел место дважды: в доисторическое время и в поздней латыни.

Суффикс -clo- (с анапиксой -culo-) < и.-е. *tlo-: rōc(u)lum < и.-е. *rōtlo-m (ср. д.-и. rātram ‘сосуд для питья’). Переход этот общеиталийский:

В поздней латыни, когда в результате синкопы гласного (§ 205) вновь возникла группа tl, вновь имел место переход tl > cl:

veclus < vet(u)lus, ср. ит. vecchio.

§ 241. -d + l-> -ll-:

sella < *sed-la, ср. sedeō; grallae ‘ходули’ < *grad-lai, ср. gradior; lapillus уменьш. от lapis, lapidis; alloquor < adloquor.

§ 242. В начале слова tl-> l-:

прич. lātus < *tlātos < и.-е. *t[ǵ]tos, ср. греч. τλητός.

Может быть, dl-> l-:

longus, ср. греч. δολιχός < д.-и. dīrgháh, ст.-сл. дълъгъ.

l + смычный

§ 243. -l + d-> -ll-:

sallō < *sal-dō (ср. salsus < *sald-tos); Pollūcēs < греч. Полуδεύκης.

Впоследствии, когда в результате синкопы гласного звука возникала группа ld: valdē < validē, caldus < calidus — она уже не изменялась.

Группы, состоящие из плавных и носовых

Носовой + носовой

§ 244. -n + m-> -mm- в словосложении:

immeritus < inmeritus; immemor < inmemor.

Вне словосложения ясных случаев нет. German 'росток' < *genmen и sammen < *sammen (?), ср. sapō, вероятно, под диссимилирующим воздействием -п.

Группа mn в литературном языке сохраняется: alumnus, Vertumnus, — но в разговорной речи часто дает nn: tampe < tamne (Афраний, 410); alonnus (3.2240).

Sollemnis вм. sollemnis по аналогии с biennis.

Переход mn > mnn (autumnus, dampnum) встречается только в рукописях и представляет собой позднее явление.

Плавный + плавный

§ 245. -r + l- > -ll-:

stēlla < *stēr-la, ср. греч. ἀστὴρ; agellus < *ager-los < *agre-los (§ 172); pelliciō < *per-laciō; intellegō < *inter-legō.

Аналогические восстановления: per-legō; per-lūceō.

Носовой + плавный

§ 246. -nr- > -rr-.

Примеры только в словосложении:

irruō < irruō; irritus < *in-ratos; conrigō < *con-regō¹.

Возможны аналогические восстановления: inritus и т. п.

§ 247. -nl- > -ll-:

corōlla (уменьш. от corōna) < *corōn(e)la; ūllus (уменьш. от ūnus) < *oinelos; malluviae < *man(u)laviae; illēx < inlēx; colloquor < con-loquor.

Возможны аналогические восстановления: conloquor и т. д.

§ 248. -nr- > -br-:

hibernus < *gheibrinos (§ 172) < *gheim-rinos, ср. греч. χειμερινός.

То же в начале слова, nr- > br-:

brevis < *mreghuis, ср. др.-верхненем. turg 'короткий'.

§ 249. -ml- > -mpl-:

exemplum < *ex-em-lom.

По поводу развития переходного звука между согласными ср. §§ 230, 236, 252. Неожиданным является то, что губной, развивающийся между двумя сонантами, остается глухим.

Плавный + носовой

§ 250. -ln- > -ll-:

collis < *colnis (ср. лит. kálnas 'гора'); pellō < *pelnō (ср. греч. πέλλαι); tollō < *tolno (ср. др.-ирл. tlenaid).

¹ Префикс con- (§ 236) > con- перед переднеязычным: con- распространилось и на другие положения, в частности, перед l, r.

Вновь возникшая в латинском языке в результате выпадения гласных или согласных группа -ln- (ulna; § 166 б) изменениям уже не подвергалась.

Группы, содержащие s

Смычный + s

§ 251. Перед s звонкий смычный переходит в глухой (§ 227); при этом переход g > c сопровождается удлинением предшествующего краткого гласного: māxīmus (ср. § 193 г).

Глухой заднеязычный или губной перед s сохраняется, кроме положения в начале слова.

Переднеязычный + s > -ss-:

perf. concussī < *conquat-sai; assiduos < adsiduos; аpx. mīless, кл. mīles (см. § 225 в) < *mīlets; obses < *obsess < *obseds; iussī < *iudh-sai; perf. claussī (§ 225 г) < *claud-sai (ср. claudō); possum < *pot-sum; pars < *parss < *parts, ср. род. п. partis.

В начале слова ps- > s-: sabulum < *psabh-lom, ср. греч. ψάμμος; cs- > s-: sentis < *csentis, ср. греч. ξαίνω; situs < *csitos, ср. греч. κτίσις, д.-и. kšć-ti.

Носовой + s

§ 252. Носовой + s > -ns- с удлинением предшествующего краткого гласного:

QVANSEI (1².585) < quam sei; extrīnsecus < *extrimsecus; cōnspiciō < *com-speciō.

В случаях аналогического восстановления m между m и s развивался переходный звук p (ср. §§ 230, 236, 249): perf. sūmpsī, **HIEMPS** (1².218; в письме обычно hiems).

В исходе слова группа -ns утеряла носовой звук в период, предшествовавший началу литературной традиции. В формах вин. п. мн. ч. equōs, ovīs, pedēs, manūs остатком и.-е. окончания -ns является лишь долгота предшествующего гласного. Впоследствии конечная группа -ns вновь возникла из -nts: mōns < *monts; но и в этом положении, как и в середине слова, носовой n перед s звучал редуцированно и в письме нередко опускался (§ 79):

COSOL (1².8) ср. сокращение cos = cōsul; **CESOR** (там же) = cēnsor; **SCIES** (1².366) = sciēns; **CRESCES** (4.4100) = Crēscēns; **MESES** (6.10218) = mēnsēs; ср. также греческие транскрипции Ορτήσιος = Hortēnsius, Κλήμης = Clēmēns.

О том же свидетельствуют обратные написания типа *occānsiō* (= *occāsiō*), *thēnsaurus* из греч. *θησαυρός*. Вставке *n* благоприятствовала в этом последнем случае народная этимология, сближавшая это слово с *tendō* и *augur*.

В романских языках *n*, находившееся в группе *ns*, сохранилось только в отдельных случаях в префиксах *con-* и *in-*: *mēnsis* — ит. *meze*, фр. *mois*, но *cōnsilium* — ит. *consiglio*, фр. *conseil*.

s + r

§ 253. Еще в общеиталийский период *s* в положении перед *r* перешло в межзубной щелевой *ʃ*, который в начальном положении развился в лат. *f*; в серединном положении в лат. *-b-* (§ 28). Таким образом:

sr- > *ʃr-* > *fr-*:

fīgus < **ʃrīgos* < **srīgos*, ср. греч. *ῥίγος*;

-sr- > *-ʃr-* > *-br-*:

sobrīnus [*sobrīnī sunt ex duābus sorōribus* (Донат к Неч. 459)] < **suesrīnos*, ср. *soror* < **suesōr* (о развитии *sue-* см. § 260); *fūnebris* < **fūnes-ris*, ср. *fūnes-tus*, под. п. *fūneris* < **fūnes-es*.

Группа *sr*, вновь возникающая в словосложении (*dis-rumpō*), изменяется согласно § 256.

s + f

§ 254. *-s + f-* > *-ff-*:

diffidō < **disfidō*; *difficilis* < **dis-facilis*.

s перед звонкими согласными

§ 255. Фонема *s* имела звонкий вариант *z* не только в интервокальном положении: она озвончалась перед звонкими смычными (*b*, *g*, *d*), перед носовыми и главными, а также между главными *g*, *l* и гласным.

Перед *g z* > *г* еще в доисторическое время:

mergō < **mezgō*, ср. лит. *mazgōti* 'мыть', д.-и. *májjati* 'погружается'.

Группа *sg*, вновь возникающая в словосложении: **disgerō*, изменяется согласно § 256.

Впоследствии, как и в интервокальном положении, *z* > *h*, но перед согласным *h* выпадает (§ 256), а после плавного ассимилируется с ним (§ 257).

§ 256. Перед звонким согласным *s* (*z* > *h*) выпадает, удлиняя при этом предшествующий гласный, если он краток: *sīdō* < **si-zd-ō* (*zd* нулевая ступень корня *sed-*, ср. *sedeō*); *īdem* < **is-dem*; *trēdecim* < **trēs-decim*; *cōmis* < **COSMIS** (1².4); *dūmus* < **dusmos*, ср. *dusmō in*

locō (Ливий Андроник, fr. 31); cānus < *casnos, ср. cas-cus, пелигн. casnar 'старик'; rōnō < *ros-nō (*pos(i)nō; § 167); vidēn < vidēs(n)e с последующим ямбическим сокращением (§ 187); слова, сложные с префиксом dis-: didō, dīgerō, dīligō, dīmidius, dīnumerō, dīrumpō. но перед глухим согласным discēdō, dispergō, dissimulō, distrahō.

Примеры аналогического восстановления: eiusdem, eīsdem, quibusdam по образцу eius, eīs, quibus.

То же в начале слова:

mīca < *smīca, ср. греч. σμῖκρός; nix < *snig^h-s, ср. ст.-сл. снѣгъ, греч. гом. ἀγάγιφος < *ἀγα-σιφος; nurus < *snusos; lūbricus < *slūbricus, ср. гот. sliupan.

Плавный + s в интервокальном положении

§ 257.

-rs- > -rz- > -rr-;

-ls- > -lz- > -ll-;

torreō < *torsejō, ср. д.-и. taršáyati, греч. τέρσομαι; terreō < *tersejō, ср. умбр. tursitu = лат. terrētō; farreus, ср. умбр. farsio; ĩnf. praes. ferre < *fersi, ср. es-se; арх. collus (кл. collum) < *colsos, ср. гот. hals 'шея'; ĩnf. praes. velle < *velsi.

Интервокальные группы -rs-, -ls-, сохранившиеся в историческое время, не восходят к -rz-, -lz-. Они возникли в результате таких процессов, как упрощение двойного согласного (arsī < *arssī < *ardsai; § 225), выпадение заднеязычного между с и s (fulsī, farsī из *fulcsai, *farcasai; § 266), распространение суффикса -so- вм. -to- в part. perf. pass. и его дериватах (pulsāre вместо pultāre; § 676); встречаются они и в заимствованных словах (Persa). Во всех этих случаях, независимо от происхождения групп -rs-, -ls-, звук s уже не был звонким.

В разговорной речи была тенденция к переходу -rs- (с глухим s) > -ss-: assus 'ухой' < arsus: dossum 'горб' (Велий Лонг, G. L. 7. 79. 4) < dorsum: prōsa < prōssa < prōrsa < *pro-vorsa.

Группы, содержащие j, и

§ 258. В группе из двух согласных, не находящихся в начале слова, сонанты j, џ могли занимать только второе место, в противном случае они должны были бы присоединиться к предшествующему гласному и перейти во второй элемент дифтонга.

j

§ 259. dj- > j-:

lovis < *Dļoџes, ср. арх. **DIOVO** (1². 60) = Diovos, **DIOVE** (дат. п., 1³. 20), ос. дат. п. Diúveí.

- dī-> -īj- (в письме i): peior < *ped-ījōs, ср. д.-и. pádyate, русск. падать, подлый; саia ‘дубина’ < *caidja, ср. caidō ‘бить’.

-gī-> -ij- (в письме i):

maior < *mag-ījōs, ср. magnus, māximus; aiō < *agiō, ср. ad-ag-iō ‘поговорка’.

Вероятно, -sī- > -ij-:

quoius, eius (см. § 424).

В прочих случаях сонант j после согласного перешел в гласный i:

medius < и.-е. *medh-ijos, д.-и. mádhyañ, греч. μέσος; speciō < *spec-ījō, ср. д.-и. rácyati; cariō < *car-ījō, ср. гот. hafja ‘поднимаю’; alius < *al-ijos, ср. греч. ἄλλος, ос. allo (= лат. alia); pariō < *par-ījō; etiam < et iam; nunciam < nunc iam; -mj-, может быть, > -nj-: veniō < *g^uom-ījō, но здесь возможно и диссимилирующее воздействие начального лабиовелярного — ср. quoniam < quom iam (гласный ě — а не ā, ср. § 10 — вероятно, под влиянием таких форм, как супин ventum < и.-е. *g^uem-tum, причастие (in)-ven-tus < и.-е. *g^um-tos и т. п.)

Группа «согласный + j» вновь возникает в словосложении: sub-īēcī, ad-iungō; -s- в этом положении озвончается и выпадает (§ 256) с удлинением предшествующего гласного: dīiūdicō < *dis-iūdicō. Бывают восстановления: dīiungō и disiungō.

ц

§ 260. ц имело тенденцию сливаться с предшествующим согласным в один звук.

Так, группа «задняязычный + ц» переходила в лабиовелярный: equos < и.-е. *ekjos, ср. д.-и. ácyah; levis < *leg^uis < и.-е. *leg^hu-, ср. греч. ἐλαχύς, д.-и. laghúh.

В начале слова *g^hu- (как и g^uh-) > f-: ferus < *g^heros, ср. греч. θήρ, ст.-сл. звѣрь (как formus < *g^uormos; § 10).

В группе «губной + ц» -ц- поглощается предшествующим губным:

*-rc- > -r-: aretiō ‘открывать’ < *ar-цerjō, ср. ос. veru ‘ворота’ (Acc. Pl. N.);

*bhц развивается как *bh (§ 10): f-, -b-: fit < *bh^ui-ti; superbus < *super-bh^uos; суффикс imperf. -bā- (ср. § 566).

Аналогично *dh^u: forēs, ср. греч. θύρα, ст.-сл. двѣри; lumbus < *londh^uos, ст.-сл. ладвнѣ.

В положении между гласными *-d^u- > -d-:

svāvis < *suād^uis, ср. греч. дор. ἄδύς (<*σFādus), д.-и. svādúh.

dv- > b- (III в. до н. э.):

bonus < *dvonos (**DVONORO** 1². 9) < **DVENOS** (1². 4); bellum < dvellum; Bellōna < *Dvellōna (под. п. **DVELONAI** 1². 581); bis, bidēns, bicēnsus < dvis (ср. греч. δίς < δφίς), dvidēns, dvicēnsus (P. F. 58. 16 — 19).

По античным сообщениям (Цицерон, *От.* 153), консул 260 г. Двилий (Dvīlius или Dvellius) первый в своем роде именовался Би-лием (Bīlius или Bellius). Встречающаяся у поэтов форма duellum (со слоговым u вм. неслогового v) — ложный архаизм.

В положении между гласными *-su- > *-zu- > -v-: gruīna (< *grūcīna) < *pruscīnā (ср. д.-и. prusvā). То же в словосложении: dīvidō < *disuidō (ср. § 256).

В группе *tū ц переходит в ŷ:

quattuor, ср. д.-и. catvārah; mortuus, ср. ст.-сл. мрътъвъ.

Группа «согласный + ц» вновь возникает в словосложении (ad-vehō, in-veniō) или в результате перехода гласного u в ц после l, r (§ 201).

Начальная группа *sye- > so-: soror < *syesōr;

*ur- > r-: rādix < *urādix, ср. греч.ρίζα < Φρίζα, гот. waurts;

*ul- > l-: lāna < *ulāna < и.-е. *ulnā (§ 27).

О группе -tco- см. § 210.

Группы из двух согласных в исходе слова

§ 261. В исходе слова группа из двух согласных имеет сильно-начальный характер, и это нередко приводит к ослаблению конечного согласного. С другой стороны, в потоке речи на стыке группы конечных согласных с начальным звуком следующего слова также могут происходить фонетические изменения, результаты которых иногда переносятся и на другие фразовые положения. Поэтому в исходе слова, наряду с уже рассмотренными нами процессами, имеют место и некоторые другие, особые.

Из известных уже нам процессов отметим, что перед часто встречающимся в латинском языке конечным -s звонкий согласный оглушается (rēx < *rēg-s; § 227), лабиовелярный теряет свой губной придаток (nix < *snig^h-h-s; § 228), переднеязычный переходит в s (арх. mīless, кл. mīles < *mīlets; § 251), n редуцируется или даже выпадает (§ 252); в -ms развивается переходный звук p (hiemps, там же).

Об упрощении геминаты в конце слова см. § 225 в.

Особые процессы наблюдаются в конечных группах, где первым согласным является r или l, в группе nt и в группе, состоящей из двух смычных.

-rs > -rr > -r:

ter < terr (Васч. 1127) < *ters < *tris, ср. § 171; sacer < *sacert < *sacers < **SAKROS** (1². 1), ср. §§ 173, 225в.

На группу -rss < *-rts (pars < *parss < *parts) переход этот не распространяется. Во 2 л. fers — аналогическое восстановление обычного окончания 2 лица единственного числа (§ 612).

-rd > -rr > -r:

cog < cog (Роеп. 390) < *cord, ср. род. п. cordis (§ 225 в).

Вероятно, -ls > -ll > -l:

semel < *semell < *semels; vel < vell < *vels (§ 597).

Есть предположение, что -nt некогда переходило в -ns, как это имеет место в оско-умбрской группе. Этим объяснялась бы форма причастия среднего рода (ferēns < *ferent: (§ 576).

В конечной группе из двух смычных второй отпадает: lac < lact.

В результате — латинский литературный язык допускает в исходе слова лишь следующие сочетания двух согласных:

1) -s, которому предшествует либо сонант, либо заднеязычный или губной смычный — ns: ferēns; -rs: pars; -cs (в письме x): pāx; -ps (в письме ps, bs): stirps, urbs;

2) группы, восстановленные или впервые возникшие в исходе слова вследствие синкопы конечного гласного (§ 168): -rt, -lt, -nt, -st: fert, volt, ferunt, est (синкопа -i); -nc: nunc, tunc, hunc (синкопа -e).

В диалектах -nt редуцируется: **DEDRON** (1². 30), **DEDROT** (1². 378), **DEDRO** (1². 379) = dederunt.

ГРУППЫ ИЗ ТРЕХ СОГЛАСНЫХ

§ 262. Литературный латинский язык сохранил сравнительно немногие группы согласных, содержащие три элемента. По закону слоговой структуры латинского слова (§ 86) в начале слова возможны только группы, состоящие из s-, глухого смычного и одного из плавных -r-, -l-: sprētus, scrībō, splendidus, strātus и т. д.; в конце слова возможна лишь группа, составленная из сонанта (r, l, m, n), глухого смычного (c, p) и -s: arx, urbs, lānx, calx. В середине слова возможны два случая: 1) либо слогораздел проходит после первого согласного, и следующий слог начинается группой mīta cum liquidā; 2) либо слогораздел проходит после второго согласного, и тогда предшествующий слог кончается группой, состоящей из сонанта и смычного (или s), или из смычного и s, а следующий слог начинается также со смычного или s. В этом положении образуется сильноначальная (т. е. заканчивающая слог) группа из двух согласных в середине слова, между тем как в других положениях (не как часть группы из трех согласных) группа, состоящая из двух согласных, может иметь сильноначальный характер лишь в исходе слова. Элементы, составляющие группу из трех согласных, должны быть таковы, чтобы средний согласный мог находиться рядом с

предыдущим и последующим по законам, установленным нами для групп из двух согласных; но помимо этого существуют особые законы, регулирующие сильноподначальную группу согласных в середине слова. Таким образом, в группе из трех согласных обнаруживается с одной стороны действие уже известных нам законов относительно групп из двух согласных, с другой стороны — действие особых законов, подлежащих нашему рассмотрению.

§ 263. Так, в группах из трех согласных действуют изученные нами законы полной ассимиляции двух смежных согласных, сопровождающейся упрощением двойного согласного в положении рядом с третьим согласным (§ 225 а, б):

amputō < *ampputō < *amb-putō (§ 227); aspiciō < *asspiciō < *adspiciō (§ 251); arsi (perf. от ardeō) < *arssi < *ardsai; pars < *parss < *parts (§ 251); ēsca < и.-е.*ed-sca.

Действует в группах из трех согласных и закон о выпадении s (z) перед звонким согласным с удлинением предшествующего гласного:

pōmoerium < *pos(m)moiriom (§ 235) < *post-moiriom; pānis < *pa(s)snis < *past-nis, ср. уменьш. pastillus (§ 234).

Группа -ns- выпадает перед звонким согласным:

tōlēns 'зоб' < *tōnslēs, ср. уменьш. tōnsillae 'миндалины'.

Слова, сложные с trāns-:

trādō < trāns-dō; trādūcō < trāns-dūcō; trāloquor < trāns-loquor; trānō < trāns-nō.

В этом случае, однако, часто имеет место восстановление: trānsdūco, trāns-loquor и т. д.

§ 264. Как мы уже указывали, сильноподначальная группа согласных либо начинается сонантом, либо имеет своим вторым элементом s. Всякая иная сильноподначальная группа оказывается устраненной из языка. Так, -sct- > -st-: pāstus (part. perf. от pāscō) < *pāsc-tos; -spt- > -pt-: vōpte < *vōsppte; -sps- > -ps-: ipse, может быть, < *ispse.

§ 265. Однако группы, удовлетворяющие упомянутым общим условиям, также связаны рядом ограничений. После сонанта во многих положениях выпадает заднеязычный звук, а в группе, состоящей из смычного и s, смычный имеет тенденцию к отпадению и сохраняется лишь в немногих словах литературного языка, преимущественно в порядке аналогического восстановления.

§ 266. В группе из трех согласных заднеязычный, следующий за начальным сонантом и находящийся в сильноподначальном положении (т. е. не перед r, l), выпадает, но группа -ncs- (-nx-) сохраняется:

fortis < forctis (XII tab. I. 5, у Феста 474.27, ср. Фест 91.14); sarta (part. perf. pass. ж. р. от sarcio) < sarcta (P. F. 429.5); sarsi (perf. от

sarciō) < *sarxī; ursus < *urxos, ср. греч. ἄρκτος, д.-и. ŕkṣaḥ; quernus < *quercnos, ср. quercus; torsī, tortus, tormentum, tornus, ср. torqueō; ultus (part. perf. от ulcīscor) < *ulctos; fultus (part. perf. от fulciō) < *fulctos; fulsī (perf. от fulciō и fulgeō) < *fulxai; mulsī (perf. от mulceō и mulgeō) < *mulxai; fulmentum < *fulmentum, ср. fulciō; fulmen < *fulmen, ср. fulgeō; quīntus < *quīnctos; quīndecim < *quīnqu(e)decim, ср. quīnque; quīnī < *quīncnoi; spīnter заимствовано из греч. σφιγκτήρ.

Группа *nc-* восстановлена в причастиях *iūnctus*, *sānctus* и т. д. по аналогии с *iungō*, *sanciō*; так же *quīnctus* по образцу *quīnque*, особенно в собственном имени *Quīnctus* и производных от него: *Quīnctiī*, *Quīnctilius*.

Неясно *cūnctus*. *cūnctāī*. где группа *-nc-* может быть сравнительно позднего происхождения: *cūnctus* < **conctos*.

В народно-разговорной речи позднейшего времени с не восстанавливалось: *santus*, *nantus*, *defuntus*.

В исходе слова *-lx*, *-rx* сохраняется: *argx*, *merx*, *calx*, вероятно, по аналогии с косвенными падежами: *argis* и т. д. В рукописях Плавта нередко встречается *mers* вместо *merx*. На произношение *calx* указывает Капр (G. L. 7.98.10), предлагая дифференцировать в письме *calx* 'известь' от *calx* 'пятка'.

Рассмотренный нами процесс, завершившийся уже после составления законов XII таблиц в середине V в. до н. э., был одним из факторов восстановления в латинском языке групп *-rs-*, *-ls-* (§ 257).

§ 267. В народно-разговорной речи выпадал также срединный губной звук группы *-mpt-*:

lanterna < греч. λαμπτήρ.

Этим объясняется, очевидно, наличие дублетных форм: *temptō* и *tentō* (часто смешивается с омонимным глаголом *tentō*, фреквентативным к *tendō*), *pedetemptim* и *pedetentim*, *Pompīnus* и *Pontīnus*.

§ 268. Губной и заднеязычный смычный выпадают перед *s*, за которым следует согласный. Если этот согласный звонкий, то *s* также выпадает (§ 256) с удлинением предшествующего краткого гласного.

а) *Oscus* < *Op̄scus* (Энний, Ann. 296), ср. греч. Ὀπ-σκοί; *ostendō* < **ops-tendō*; *suscipiō* < **sups-capiō*; *aspellō* < **aps-pellō*; *sustulī* < **sups-tolai*; *sescentī* < **sex-centī*; *Esquilīnus* < **Exquilīnus*, ср. *in-quilīnus*.

Группа *cst* сохраняется (или восстанавливается) в литературном языке после краткого гласного: *dexter*, *iuxtā*, *mixtus*, *Sextus*, *extrā*, *extendō*, но *lūstrāre*, *illūstris* от корня *lūc-* < **leuk-*. Однако в народно-разговорной речи с обычно выпадало: *sestus* и производное от него имя *Sestius*, *estrā* и т. д.

б) iūmentum < *iouxmentom (мн. ч. **IOVXMENTA** 1². 1); lūna < *louhna, ср. пренест. **LOSNA** (1². 549); āla < *axla, ср. уменьш. axilla < *axlela, совр. нем. Achsel; tēla < *texla, ср. texō; vēlum < *vexlom, уменьш. vexillum; aula < *auxla; paulum < *paulom (ср. § 225 г); sēnī < *sexnoi; sēdecim < *sexdecim; sūmō < sups-(e)мō;

ā- < as- < abs- перед звонким согласным:

āmittō < *absmittō; ā mē, ср. abs tē; ēbibō, ēdicō, ēgredior, ēiūrō, ēligō, ēmigrō, ēnicō, ēripiō, ēveniō < exb-, exd-, exg-, exi-, exl-, exm-, exn-, exr-, exv-. Из сложений такого рода извлечены были новые формы предлогов ā < abs, ē < ex в положении перед звонким согласным.

§ 269. ts + глухой смычный > ss + глухой смычный > s + глухой смычный:

Māspiter < Mārspiter (1². 970. с восстановленным r); tostus (part. perf. pass. от torreo < *torseo; § 507) < *tosstos < *torstos; **SVPESTITEM** (13.1981) < superstitem (в литературном языке г обычно восстанавливается); Tuscus < *Turscos, ср. умбр. ср. р. Turskum, греч. Τυρσηϊοί.

§ 270. *-ldy- > -li-:

mollis < *moldyis. ср. д.-и. mōldūh, греч. ἄ-μαλδύιω, ст.-сл. младь.

§ 271. В начале слова stl- > l-:

locus < арх. stlocus (P. F. 411.13; Квинтилиан. I.4.16); līs < арх. **SLIS** (1². 583) < stlīs (P. F. 411.14). Форма stlīs сохранилась как архаизм юридического стиля (decemviri stlitibus iudicandīs).

ГРУППЫ ИЗ ЧЕТЫРЕХ СОГЛАСНЫХ

§ 272. Группы, содержащие четыре согласных, сохранились в латинском языке лишь в исключительных случаях: mōnstrum (однако уменьш. *mōstellum, ср. заглавие комедии Плавта Mōstellāria; mulctrum (с восстановлением с, ср. § 266). Слогораздел проходит между вторым и третьим согласным, причем сильноначальную группу составляет сонант с шумным, а сильноконечную mūta cum liquidā.

Приведем несколько примеров на слова, которые в прошлом должны были содержать группы из четырех согласных:

poscō < *porscō < *porc-scō < и.-е. *prk-skō, ср. precor, procus, д.-и. pŕschāti 'он спрашивает', др.-верхненем. fōrscōn 'спрашивать'; cēna < cesna (cesnās, Фест 222.26) < *cerssnā (ос. kerssnāis = лат. cēnis, Dat.-Abl. Pl.) < *cert-snā 'отрез', от корня *kert-, ср. д.-и. kŕmtāti 'режет'; lūstrō < *leuc-stro; scālae < *scand-slai; ilicō < *en stlocōd (§ 141 в).

АССИМИЛЯЦИЯ И ДИССИМИЛЯЦИЯ

§ 273. Процессы ассимиляции и диссимиляции смежных согласных были рассмотрены в разделе о группах согласных; здесь мы приведем примеры на дальнюю ассимиляцию или диссимиляцию согласных, имеющую подчас спорадический характер.

АССИМИЛЯЦИЯ

§ 274. p — qu > qu — qu:

quinque < *q^uenq^ue < *renq^ue, ср. д.-и. rānca, греч. πέντε, ст.-сл. пѣть, др.-ирл. coic; о долготе -ī- в quinque см. § 119; coquō < *q^ueq^uō < *req^uō, ср. д.-и. rācati, ст.-сл. пекж.

Процесс этот имел место в итальянских и кельтских языках.

§ 275. p — b > b — b:

bibō < *pibō, д.-и. rībati.

§ 276. f (< *bh) — b > b — b:

barba < *bhardhā, ст.-сл. брада, др.-верхненем. bart.

§ 277. Вероятно, c — g > g — g:

neglegō < *nec-legō.

ДИССИМИЛЯЦИЯ

§ 278. Диссимилиации подвергаются чаще всего сонанты, в первую очередь плавные r и l. Результатом диссимилиации является либо изменение звука, либо полное его исчезновение.

Прогрессивная диссимилиация

§ 279. l — l > l — r:

Aleria (город на Корсике) < *Alalia, греч. Ἀλαλία.

Суффиксы -āli-, -clo-, -blo-, -bli- заменяются на -āri-, -cro-, -bro-, -bri-, если присоединяются к основе, содержащей l: nāvālis, aequālis, vēnālis, но mīlitāris, cōnsulāris, lūnāris; animal, cubital, tribūnal, но exemplar, calcar, pulvīnar; piāclum, perīclum, но lucrum, fulcrum, sepulcrum; stabulum, но lavābrum; amābilis, но salūbris.

Диссимилиация эта относится к более раннему времени, чем развитие анаптиксы в суффиксах: -bli-, -blo-, -clo- (§ 175). Когда основа, к которой присоединялся суффикс, содержала и l, и r, замена l на r не происходила: plūrālis, liberālis.

Образования, не содержащие диссимилиации, как glaciālis, lētālis относятся, вероятно, к более позднему времени.

r — r > r — 0:

Полное исчезновение согласного находим в таких примерах: expergīscor < *exper-grīscor, ср. греч. ἐπερίρω < *ἐπερίρω; praestīgiae < *praestīgiae; agrestis < *agrestis; propius (надписи) < proprius. О диссимилиации при удвоении см. § 623.

Регрессивная диссимилиация

§ 280. l — l > r — l:

caerulus (если от caelum) < *caelulus.

d — d > r — d:

merīdiē < *medīdiē.

Регрессивная диссимилиация часто имела место в народно-разговорной речи.

r — r > l — r:

peregrīnus < peregrīnus, ср. русск. заимств. 'пилигрим': albor < arbor, ср. ит. albero 'дерево':

r — r > n — r:

meretrīx < meretrīx;

l — l > n — l:

cuntellum < cultellum;

n — n > l — n:

molumentum < monumentum;

n — m > l — m:

lump(h)a заимств. из греч. λύμφη.

§ 281. Исчезновение согласного:

cavilla < *calvilla, ср. calvor; taberna < *traberna, ср. trabs.

Вероятно, lac, lactis < *glact-, ср. греч. γάλα, γάλακτος.

МЕТАТЕЗА

§ 282. В истории латинского языка метатезы согласных происходили лишь спорадически.

Метатезы в смежных согласных: -цг- > -гц-: parvos < *paucros, ср. pau-cus, греч. παῦρος; penvos < *neucros, ср. греч. νεῦρον; но в taurus, ср. греч. ταῦρος, группа -цг- сохранялась без изменений.

-цl- > -lц-: alvos < *aulos, ср. греч. αὐλός.

-ps- > -sp-: vespa < *уерса, ср. лит. vapsa, др.-верхненем. wafsa.

-cs- > -sc-: ascia < *acsia, греч. ἀΐνη; viscum < *уиссом, ср. греч. (F)ύξος; может быть, -dn- > -nd-: fundus < *bhudh-nos, ср. л.-и. budh-nañ, греч. πυθ-μήν (с диссимилиацией аспирата), др.-верхненем. bodam.

Метатезу согласного и гласного мы находим иногда в словах, заимствованных из греческого языка:

trapezīta рядом с trapezīta из греч. τραπέζιτης;

crocodilus рядом с crocodilus из греч. кроκόδειλος; ср. разг. interperior < interpretor (Консенций, G. L. 5.392.24).

Метатеза несмежных согласных бывает односторонней или взаимной.

Взаимная метатеза:

soluptus от solutus; часто в латинской разговорной речи: lerigiō < religiō. leriquiae < reliquiae, ср. русск. тарелка < *галерка, нем. Teller; displicina < disciplina под влиянием < displicet.

Односторонняя метатеза:

soacla (Консенций, G. L. 5.392.24) < cloāca: Prancatius < Pancratius.

ГАПЛОЛОГИЯ

§ 283. Под гаплогией разумеется диссимильяторное выпадение слога, происходящее тогда, когда два слога одного слова, чаще всего смежные, начинаются с одинакового согласного, или когда гласный находится между двумя одинаковыми согласными:

sēmēnstris 'полумесячный' < *sēmi-menstris (отличать от sēmēnstris 'шестимесячный' < *sex-mēnstris); sēmōdius < *sēmimōdius; stipendium < *stipi-pendium; portōrium < *porti-tōrium; restūtus < *resti-tūtus; lapidīcinae или lapidicīnae < *lapidi-cīdīnae; dixīti < dixistī.

В пренестинском диалекте происходило галлологическое выпадение начального слога: cōnea (Truc. 691) < cōcōnia.

ДИАЛЕКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

§ 284. Одинокое сильнооконечное d ни в римском говоре, ни в литературном латинском языке не подвергалось изменению. Иначе, по-видимому, обстояло дело в диалектах. Ряд слов вошел в латинский язык со звуком l вместо этимологически ожидаемого d:

lēvir 'деверь', ср. д.-и. devār-, греч. δᾱήρ; lacri/uma, арх. dacri/uma (Ливий Андроник, P. F. 60.5), ср. греч. δάκρυ; lautia, арх. dautia (там же) 'угощение иноземных гостей на общественный счет'; lingua, арх. dīngua (Марий Викторин, G. L. 6.26.2) < и.-е. *dn̥g^h-, ср. совр. нем. Zunge, англ. tongue (м. б., народная этимология связывала lingua с глаг. lingō 'лизать'); calamitās — cadamitās; novēnsilēs — novēnsidēs '(боги) новоселы'; olēre, но odor. арх. odefacit (P. F. 189.9) = ol(e)facit; ūlīgō, но ūdus; solium 'кресло, трон' (если это слово действительно образовано от корня sed- 'сидеть').

Многие исследователи усматривают здесь сабинское диалектное влияние.

Аналогичный диалектный переход d > l имел место и в греческом языке: Ὀδυσσεύς > Ολυσσεύς, откуда латинская форма Ulixēs.

Диалектное происхождение имеет также переход интервокального d > r: perēs = pedēs (Консенций, G. L. 5.392.15); maredus = madidus (C. G. L. 4.452.7); **ERITOR** (10.6565, около 370 г. н. э.) = ēditor.

В умбрском языке из интервокального d возникла аффриката, которая изображалась особой буквой (в транскрипции f), а латинским письмом передавалась через rs.

§ 285. В памятниках древней латыни иногда встречается переход -d > -r предлогов (префиксов) ad, arud преимущественно перед губным звуком: **ARF**(uerunt). **ARFVISE** (12.581); **ARVORSVM** (там же); arvehant (Катон, Agr. 138); arvectum (там же, 135.7); **APVRFINEM** (1². 5). Явление это было отмечено римскими грамматиками (Присциан, G. L. 2.35.2): antīquissimī prō ad frequentissimē ar pōnēbant: arvenās, arventōrēs, arvocatōs, arfinēs, arvolāre, arfāri dicentēs prō advenās etc¹.

Упоминаемая там же Присцианом форма arger = agger сохранилась в романских языках: ит. argine и т. д. По-видимому, мы имеем здесь дело с диалектным явлением, находящим параллель в упомянутом в § 284 умбрском переходе d > r (в латинизованном письме rs):

умбр. arsfertur = лат. adfertor;

вольск. arpatitu = лат. adquatitō.

О диалектной окраске языка древних римских официальных памятников см.

§ 49. В общенародный латинский язык проникло слово arbiter < *adbiter и производные arbitror и т. д., ср. умбр. aŋputrati = лат. arbitrātū.

¹ «Древние очень часто ставили ar вместо ad и говорили arvena вместо advena и т. д.».

§ 286. Римскому *h-* < и.-е. **gh-* или **ġh-* нередко соответствует диалектное *f-*: *harēna* — сабинск. *fasena*, *hodiē* — фалис. *foied*. Формы с *f-*, возникшие, вероятно, под влиянием этрусского языка, проникли и в древнюю латынь: *hostis* вм. *hostis*, *firicus* вм. *hircus*, **FORATIA** вм. *Horātia* (1². 166, Пренесте), и порой даже вытесняли исконную латинскую форму: *fel* вм. **hel*, ср. греч. *χόλος*.

§ 287. Наличие дублетных форм диалектного происхождения осознавалось самими римлянами, и стремление к чистоте языка порой приводило к «гиперлатинизмам», например, к постановке *h-* вместо исконного *f-*: *hordus* вм. *fordus*, ср. *fero*; *haba* вм. *faba*, ср. ст.-сл. **БОБЪ**.

§ 288. *-t* в латинском языке сохраняется, но часто отпадает в умбрском, и это явление переходило в латинские диалекты, близкие к умбрской лингвистической среде: **DEDE** (1². 377, Писавр, около 180 г. до н. э.), кл. *dedit* (ср. умбр. *dede* 'dedit'). То же в римской надписи 1². 477. С распространением диалектной латыни по Италии мы находим это явление и в других областях: **AMA** < *amat*, **VALIA** < *valeat*, **PERIA** (4.1173, Помпеи) < *pereat*.

РАЗВИТИЕ СОГЛАСНЫХ В ПОЗДНЕЙ ЛАТЫНИ

§ 289. Существенное значение для развития согласных в поздней латыни имел переход *ī* и *ē* в *i* в положении перед гласными (§ 203). В создававшихся при этом группах, где *i* присоединялось к предшествующему переднеязычному или заднеязычному, возникла тенденция к образованию аффрикат. Ранее всего это произошло в группе *t + i*: **VINCENTZVS** (Def. tab. 253. II в. н. э.) < *Vincentius*; **FIDENSVS** (8. 21638, 395 г. н. э.) < *Fidentius*; **DEFENICIONIS** (8.8812, между 222 и 235 гг.) < *dēfīnitīōnis*. Мы имеем, таким образом, ряд попыток выразить привычным алфавитом новый звук (= русск. ц). О том, что этот звук свистящий, сообщает грамматика. По словам Помпея (G. L. 5.286. 12 — 14): *quotiēscumque ... post ti vel di syllabam sequitur vōcālis, illud ti vel di in sībilum vertendum est* 'всякий раз как за слогом *ti* или *di* следует гласный, это *ti* или *di* должно получить присвист'. Кассиодор (G. L. 7.216. 8 — 9) цитирует указание Папириана: «*iustitia*» cum scribitur, tertia syllaba sic sonat, quasi constet ex tribus litteris. *t, z, i* 'когда пишется *iustitia*, третий слог звучит так, как если бы он состоял из трех букв — *t, z, i*'. Сообщение о «свистящем» произношении *dj* (= *dz*) подтверждается написаниями типа **ADZVTOR** (8.26683) = *aditor*; **AZVTORVVS** (там же, 18224); **ZEBVS** (14.1137) = *diēbus*; однако романские языки свидетельствуют о том, что это произношение не было повсеместным.

К более позднему времени, вероятно, к V в. н. э., относится переход *cj* в аффрикату; перед гласными *e, i* этот переход с произходом, по-видимому, еще позже. Детали процесса остаются неясными, и в разных романских языках он привел к разным результатам. Старофранцузской дорсальной аффрикате (= русскому ц)¹ соответствует, например, в некоторых французских же диалектах и в Италии какуминальная аффриката (= русскому ч). Таким образом, *tj* и *cj* не всегда переходили в один и тот же звук.

¹ Это старофранцузское произношение с перед гласными переднего ряда распространилось в Германии и перешло затем в славянские земли.

На эту разницу указывает Консенций (G. L. 5.327.28): *alterum sonum habet i post t et alterum post c: nam post c habet pinguem sonum, post t gracilem* 'i имеет один звук после t и другой звук после c: а именно: после c он имеет густой звук, а после t — тонкий' (вероятно, имеется в виду различие между ч и ц). Некоторые романские языки оказались вообще не затронутыми этим процессом: далматинский, логудорийский диалект сардинского.

Иначе развивался перед гласными переднего ряда звонкий заднеязычный g, перешедший в шелевой j (§ 290).

§ 290. Старые j и c развились в шелевые согласные j и v (§ 71).

Впоследствии в начале слова (в середине слова не повсеместно) e j слились dj (< de, di перед гласным: § 203) и g перед e и i (gi не повсюду). Это видно по написаниям: **ZANVARIO** (10.2466) = *Jānuāriō*: **GIANVARIA** (11.4335, 503 г. н. э.) = *Jānuāria*: **CODIVGI** или **CONGIVGI** (10.2559 и 11.1016) = *co(n)jugi*: **HVZVS** (6.37200 b.5) = *huius*.

Во многих романских языках из j развилась звонкая какуминальная аффриката (= русскому дж).

Шелевой согласный v имел сперва губогубной, а затем губозубной характер. С начала I в. н. э. с ним начинает сливаться смычный b, переходящий в губогубной шелевой между гласными. С другой стороны, v после плавных, по-видимому, переходило в b, и это же в некоторых местностях происходило в начале слова при согласном в конце предшествующего слова. Отсюда частые смешения в надписях и рукописях: **LEBARE** (3.7251) = *levāre*: **IVVENTE** (11.137) = *iubente*: **PARBI** (10.4183) = *parvī*: **BIXIT** (14.1195) = *vixit*.

§ 291. Диалектный характер имел переход qu > c: **CIS** (5.6244) = *quis*: **COT** (3.2107) = *quot*: **COSENS** (*Appendix Probl. G. L.*, 4.197.30) = *coquēns*.

§ 292. В народно-разговорной речи имелась тенденция к озвончению глухих согласных в положении между гласными или между гласным и сонантом: **TRIDICUM** (4.5380) = *triticum*: **OPORDET** (там же) = *oportet*: **CONGORDIA** (9.2249) = *concordia*. Однако систематическое озвончение глухих согласных в интервокальном положении наступило очень поздно (VI в.) и лишь на одной части территории распространения латинского языка (в северной Италии, Галлии и Испании).

§ 293. Те немногие группы из двух шумных согласных, которые сохранились в латинском языке, ослаблялись в народно-разговорной речи: x > ss: **VISSI** (3.2564) < *vixī*: **ISSA** (4.1589) < *ipsa*, ср. также § 229.

§ 294. В начальных группах sc-, sp-, st- (в словах, заимствованных из греческого языка, также в группах sm-, zm-) со II в. н. э. возникает протетический гласный i, реже e: **ISCIATIS** (6.18659); **ISPARTACVS** (10.1974); **ISTATUAM** (11.5996); **ESPIRITVM** (9.6408).

§ 295. Конечное -m отпало (ср. § 219); конечные -t и -s также имели тенденцию к отпадению, особенно в Италии и на Востоке (ср. §§ 288, 220).

ЯВЛЕНИЯ ФРАЗОВОЙ ФОНЕТИКИ

§ 296. В речевом потоке слова, образующие тесно связанную синтаксическую группу (синтагму), представляют собой, в известной мере, и фонетически единую цепь. Это единство находит свое выражение в том, что звуковой ряд, образуемый исходом предшествующего слова и началом последующего, может трактоваться так, как если бы он находился внутри слова или на стыке элементов словосложения. На стыке слов, образующих тесную синтаксическую или ритмическую группу, происходит слияние гласных или ассимиляция согласных.

§ 297. Предлоги и другие частицы речи нередко сливаются в письме с последующим словом (§ 94): **ADEVN** (1². 593). Конечный согласный предлога уподобляется начальному согласному следующего слова в отношении звонкости, а конечный носовой и в отношении артикулирующего органа: **IM BALNEVM** (4.2410); *im flammam* (Verg., Aen. 12.214, написание Медицейской рукописи V в. н. э.), **TAN DVRVM** (4.1895); **SVPTEMPLO** (6.10251); **AT TEGVLAS** (10.787); **OM MERITIS** (6.23680); **OPEINOD** (= *oripog*, модальное слово) **DEVINCAM TED** (1². 547, надпись на зеркале из Пренесте).

Весьма вероятно, что отпадение конечных согласных, например -d (§ 218), возникло в положении перед начальным согласным следующего слова в порядке ассимиляции и последующего упрощения двойного согласного; лишь впоследствии возникавшая таким образом дублетная форма (с отпавшим согласным) переносилась и на другие фразовые положения.

О том, что дублетные формы предлогов *ē* < *ex*, *ā* < *abs* были обобщены на основе изменений, происходивших в словосложении и словосочетании, упоминалось в § 268.

При тесном примыкании к соседнему слову начальный слог энклитики, а иногда и проклитики, терял то специфическое качество, которое было ему свойственно в древней латыни (§ 96). В таких слогах могли происходить те же процессы качественного изменения гласных, которые были свойственны срединным (или конечным) слогам самостоятельного слова. Так, 3 л. ед. ч. **agetor*, кл. *agitur*, застыв в качестве энклитической частицы, приняло форму *igitur*, с переходом *a* > *i*, как это имеет место в открытых срединных слогах (§ 141 а).

§ 298. Слова не служебного характера примыкают друг к другу в латинском языке менее тесно, чем в греческом. Обнаруживается это в просодии. В древнеримском стихе конечный слог, оканчивающийся кратким гласным, не становится долгим в положении перед начальной согласной группой следующего слова: *et ille scelus* (Rud. 198); *unde sciat*, (Лукреций, 4.475). У поэтов классического периода такой слог нередко рассматривается как долгий — быть может, под влиянием греческого стихосложения, но, может быть, и в результате изменений, наступивших в самом латинском языке и нашедших свое выражение в ослаблении фонетической самостоятельности отдельного слова.

§ 299. О том, что в латинском языке слова менее тесно примыкали друг другу, чем в греческом, свидетельствует также различная трактовка стыка гласных в словоразделе. В греческом стихе краткий гласный нередко элидируется, полностью выпадает: латинский стих, как архаического периода, так и в классическую эпоху, прибегает не к элизии, а к синалэфе (*synaloephē*): гласный полностью не выпадает, а редуцируется до своего рода «полугласного», который соединяется с начальным гласным следующего слова. Цицерон называет это «соединением» гласных (*vōcālēs coniungere* — Ор. 150). Что гласный при этом сохранял свой тембр, видно из рассуждения Авла Геллия (13.21.6). Рассматривая слова Вергилия (Aen.

2.460) — *turrim in praecipiti stantem* — он указывает, что форма *turret* звучала бы здесь иначе (ср. Квинтилиан. 9.4.33). Во втором кратком слоге дактилической стопы возможна синалфа краткого гласного, но не допускается синалфа долгого или краткого + *m*. Такое ограничение не имело бы смысла, если бы звук действительно исчезал, как это имеет место при современной скадровке стиха.

Однако по сообщениям более поздних авторов элидируемый слог совершенно исчезал (Сацердот, G. L. 6.448. 6 — 8), и это, вероятно, соответствует произношению III — IV вв. н. э. Таким образом и с этой стороны подтверждается, что развитие латинского языка вело в сторону ослабления фонетической самостоятельности слова в предложении.

В неполном стиле речи «элизия» имела, очевидно, место и раньше. В этом смысле показательны такие сращения, как *animadvertō < animum advertō, nūllus < *ne ūllus, numquam < *ne unquam* и т. д.; *nihil < *ne-hīlom* (§ 180) возникло, вероятно, перед гласным начала следующего слова и лишь затем распространилось на другие положения.

§ 300. В односложных словах как гласные, так и согласные произносились более четко. Это обнаруживается в зиянии на стыке с начальным гласным следующего слова. Синалфа в этом случае могла сводиться к сокращению долгого гласного, ср. Вергилий, *Ecl.* 8.108:

Crēdimus? an quī amant, ipsi sibi somnia fingunt.

а конечная группа «гласный + *m*» свободнее допускала зияние.

Односложные предлоги, оканчивающиеся долгим гласным, никогда не бывают в синалфе с последующим начальным долгим слогом, а междометия *ō!*, *ā!* вообще не допускают синалфы.

§ 301. Средством устранения зияния является афэреса (*aphaeresis*) — выпадение *e-* в связке *est* и во 2 л. ед. ч. *es*. Она имеет место, когда предшествующий слог оканчивается на гласный или на гласный + *s* или *m*: **PRIVATAST** (9.4171); **VOCITATVST** (1². 584); **SCRIPTVST** (1². 1209) = *scriptum est* (так обычно в надписях, в то время как рукописи в таких случаях дают окончание *-umst*); *āctīlus's* (*Epid.* 284). Причина афэресы лежит, вероятно, в недостаточной экспрессивной значимости связи, и это роднит афэресу с синкопой.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

РОД

§ 302. Одним из наиболее характерных морфологических признаков латинского существительного, выражающих его предметные значения, является принадлежность к некоторому грамматическому роду. Каждое существительное принадлежит к определенному роду, и этим оно отличается от прочих склоняемых частей речи — прилагательных, числительных, местоимений, причастий, — у которых категория рода возникает лишь синтаксически, например, в результате согласования с существительным, и которые не принадлежат к определенному роду, а изменяются по родам. Из склоняемых слов только личные местоимения не причастны к категории рода (§ 414).

§ 303. Классификация имен существительных по родам унаследована латинским языком от общиндоевропейского языкового состояния (§ 18). Однако противопоставление среднего рода мужскому и женскому глубже пронизывает морфологическую структуру древних и.-е. языков, чем противопоставление мужского и женского родов. Средний род имеет особенности склонения, отличающие его от прочих родов — равенство именительного и винительного падежей, особые окончания им. п. ед. ч., окончание: *-ā/-ə в им.-вин. п. мн. ч.

Принадлежность существительных к мужскому или женскому роду на склонении не отражается — *scrība* и *terra*, *animus* и *humus*, *pater* и *māter*, *exercitus* и *manus*, *diēs* и *speciēs* склоняются одинаково. Дифференциация мужского и женского рода прилагательных захватила в латинском языке только основы на -o- (2-е склонение) и в позднейшее время проникла в небольшую группу прилагательных 3-го склонения (тип *ācer* — *ācris*, § 404). Прочие прилагательные 3-го склонения не различают мужского и женского рода, противопоставляя единую форму мужского и женского рода форме среднего рода. Неразличение мужского и женского рода в прилагательных характерно также и для некоторых других и.-е. языков; например, оно часто имеет место в греческом языке, распространяясь при этом на прилагательные как 3-го, так и 2-го склонений, и притом как раз на древние словообразовательные типы сложных слов (*ἀβάτος*, *εὐγενής*, *εὐσχήμων* и т. д.). Эти особенности морфологической структуры древних и.-е. языков заставляют предполагать, что средний род некогда противостоял мужскому и женскому не как двум самостоятельным родам, а как единому целому, лишь

впоследствии расщепившемуся на два отдельных рода. Двучленная родовая классификация предшествует трехчленной. Как было указано в § 18, из сохранившихся древних и.-е. языков такую двучленную классификацию имеет только хеттский язык.

§ 304. В исторический период развития латинского языка родовые различия сохраняют знаменательный (семантический) характер почти исключительно в сфере различий пола живых существ. В этих случаях лексическое значение существительных определяет его родовую принадлежность. К именам, выражающим естественный пол, присоединяются и некоторые другие семантические группы. Имена деревьев обычно женского рода, имена рек и ветров — мужского. В прочих случаях род существительных лишен знаменательности и определяется традицией, почти всегда закрепившей определенные суффиксы или падежные окончания за тем или иным родом.

§ 305. С наступившим в эпоху перехода латинского языка в романские упадком именной флексии (§ 308) изменилась и система родов. Слабым местом латинской родовой системы был средний род, лишенный ясно выраженной знаменательности и отличавшийся от мужского немногими падежными формами. Первые признаки ослабления категории среднего рода в народно-разговорной речи мы наблюдаем в «Сатириконе» Петрония, где неправильное употребление среднего рода и замена его мужским или женским является одним из признаков языка вольноотпущенников. Впоследствии, с утратой конечных *-m* и *-s* (§ 295), с переходом *ī* > *ē* (§ 203), формальные отличия среднего рода от мужского и женского оказались совершенно ничтожными, и категория среднего рода исчезла. В романских языках среднего рода уже нет и унаследованные из латинского языка существительные среднего рода распределены между двумя сохранившимися родами — мужским и женским.

ЧИСЛО

§ 306. Единственная словоизменительная категория, являющаяся общей для всех изменяемых частей речи, как склоняемых, так и глаголов — это число.

Общеиндоевропейское языковое состояние характеризовалось противопоставлением трех грамматических чисел — единственного, двойственного и множественного. В латинском языке, как и в прочих итальянских, грамматическая категория двойственного числа утеряна. Остатки форм, обслуживавших двойственное число, сохранились, например, в оформлении числительных *duo* и *ambo* (§ 343).

Различия в грамматическом числе выражаются с помощью флективных окончаний слова; основа безразлична к грамматическому числу.

ПАДЕЖ

§ 307. Для общеиндоевропейского языкового состояния устанавливаются те восемь падежей, которые сохранены древними индоиранскими языками: именительный, винительный, творительный (инструментальный), дательный, отложительный (аблатив, означает исходную точку: откуда?), родительный, местный и звательный.

Падежи выражались окончаниями, присоединяемыми к основе имени (местоимения); при этом окончание указывало не только на падеж, но и на число. Однако не все падежи имели особые формы для разных чисел. В хеттском языке, например, формы творительного падежа, отложительного и, как правило, родительного, безразличны к числу. В других языках эти безразличные к числу формы остались в функции единственного числа, недостающие падежные формы двойственного и множественного числа были восполнены путем использования наречных окончаний.¹ Этот процесс происходил в различных ветвях или группах ветвей и.-е. семьи самостоятельно и приводил к различным результатам. Вошедших в склонение наречных образований не хватало для всех падежей, и это приводило к систематической, проходящей через все склонение омонимии падежных форм. Например, в итальянской, кельтской и германской ветви дательный, творительный, отложительный и местный падежи множественного числа обслуживались единой формой. Особенно бедно дифференцированными падежными формами было двойственное число.

В других случаях падежная омонимия распространялась только на склонение одной части именных основ. Отложительный падеж имел особую форму только в единственном числе склонения основ на *-e/o-*. В прочих случаях форма отложительного падежа единственного числа совпадала с формой родительного падежа.

§ 308. Ни один из современных и.-е. языков не сохранил восьми древних падежей. Число падежей всюду сокращалось. Уже древнейшие памятники всех ветвей, кроме индоиранской, являют падежную систему в редуцированном виде. Редукция происходит в результате слияния прежде самостоятельных падежей в единый падеж. Соотношение между общеиндоевропейской, древнеиндийской, старославянской, греческой, итальянской (оско-умбрской) и латинской падежными системами можно изобразить следующей схемой:

¹ Ср. в языке крито-микенских надписей и у Гомера образования на *-фи*, функционирующие в значении отложительного, местного, дательного, творительного и даже родительного падежа, как в единственном, так и во множественном числе.

и.-е.	д.-и.	ст.-сл.	греч.	ос.-умбр.	лат.
Им.	им.	им.	им.	им.	им.
Зват.	зват.	зват.	зват.	зват.	зват.
Вин.	вин.	вин.	вин.	вин.	вин.
Род.	род.	} род.	} род.	род.	род.
Отлож.	отлож.			} отлож.	} отлож.
Творит.	творит.	творит.	} дат.	местн.	
Местн.	местн.	местн.		местн.	
Дат.	дат.	дат.		дат.	дат.

В италийской ветви слились, таким образом, отложительный и творительный падеж (§ 30); с падежом, образовавшимся из их слияния, слился в латинском языке местный падеж.

Редукция падежей продолжалась и в историческое время. Греческий язык в процессе своего исторического развития утратил дательный падеж, в русском языке исчез звательный. В латинском языке звательный падеж и возникший из слияния трех падежей аблатив редуцировались в народно-разговорной речи периода Империи; в развившихся из латинского романских языках (кроме румынского) дальнейшая редукция падежной системы привела — в разное время (во французском языке, например, лишь в XIV в.) — к полному исчезновению изменения имени по падежам.

§ 309. Редукция падежной системы, имевшая место во всех ветвях и.-е. языковой семьи, вызывалась совокупностью причин, действовавших по-разному в разных ветвях и языках в различные моменты их истории. Одним из важнейших факторов, видоизменявших падежную систему, был рост употребления предлогов. Грамматические отношения, выражаемые падежными формами, очень рано потребовали конкретизации и уточнения с помощью предлогов. В первую очередь это произошло в падежах, обозначающих пространственно-временные отношения. При выражении грамматических отношений путем сочетания предлогов с падежной формой, функция дифференциации значений переходит нередко на предлоги, а падежная форма теряет свою выразительность и становится излишней. Специальная падежная форма оказывалась излишней и в том случае, когда ее значение выражалось особой интонацией, например, форма звательного падежа в обращении. Однако такого рода факторы обычно сами по себе не приводят к редукции падежей, если к ним не присоединяются добавочные моменты. К числу последних относится падежная омонимия, распространяющаяся из одной области склонения на прочие, например, из множественного числа на единственное. Историческая редукция

латинской падежной системы — слияние отложительного, творительного и местного падежей — имела место при условии выражения ряда основных падежных значений предлогами (ab, cum, in и т. д.) и при омонимности форм во множественном числе. Значительную роль в редукции падежной системы и.-е. языков может играть фонетическое ослабление конца слова, лишаящее падежную форму ее дифференцирующих признаков. С такого рода процессами связана редукция аблатива в поздней латыни и окончательная утрата именной падежной флексии в романских языках.

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 310. Римские грамматики разделили имена латинского языка на пять склонений. Эта классификация вполне соответствует членению латинской именной флексии на типы, и в дальнейшем изложении мы будем из нее исходить.

§ 311. Особенностью склонения в италийских и кельтских языках является последовательно проведенная по всей системе единая форма, обслуживающая во множественном числе падежи, восходящие к и.-е. дательному, отложительному, творительному и местному падежам, т. е. в латинском языке — дательный и отложительный падеж (§ 307).

Местный падеж имел особую форму, отличную от формы отложительного и творительного падежей, только в ед. ч., и эта форма сохранилась в латинском языке исторического времени во многих наречиях и наречных словосочетаниях: *domī (meae domī, aliēnae domī), domī dvellīque, militīae, vicīniae, proxumae vicīniae, humī, rūri, peregrī, vesperī, herī, postrīdiē, diē septimī, temperī, lūcī* и т. д.

Наречный характер имеют также формы имен городов и небольших островов (изредка стран), употребляющиеся для указания места на вопрос 'где?': *Rōmae, Beneventī, Carthāginī*.

Поскольку эти наречные и полунаречные образования с морфологической точки зрения восходят к форме местного падежа единственного числа, мы при рассмотрении склонения единственного числа будем включать местный падеж (*Locātivus*) в морфологическую систему латинских падежей.

ПЕРВОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 312. В латинском первом склонении отражено общиндоевропейское склонение основ на *-ā/ǣ- (> лат. -ā/ǣ-), но в процессе истории латинского языка оно сблизилось со вторым склонением, вместе с которым оно составляло единую систему в отношении склонения прилагательных.

На именное склонение основ на -ā- влияло также местоименное склонение основ на -ā-, имевшее в некоторых случаях особые падежные формы (§ 425).

§ 313. Относящиеся сюда существительные — женского рода, за исключением некоторых случаев, когда принадлежность к мужскому роду определяется лексическим значением существительного.

По первому склонению склоняется также женский род прилагательных, мужской и средний род которых склоняется по второму склонению.

§ 314. Парадигма.

Sg.	N. V.	tĕrrā	Pl.	tĕrrae
	G.	tĕrrae		tĕrrārūm
	D.	tĕrrae		tĕrrīs
	Acc.	tĕrrām		tĕrrās
	Abl.	tĕrrā		tĕrrīs

Единственное число

§ 315. Именительный падеж ед. ч. основ на *-ā/ə с общиндоевропейских времен имел нулевое окончание. Особенностью латинского развития является то, что конечный гласный основы выступает как краткий, в то время как прочие италийские языки, равно как и языки других ветвей, указывают на -ā в им. п., кроме типа -iā (sapientia), ср. греч. χώρᾱ, но ἀλήθεια.

В латинском языке -ā распространялось на все склонение еще в долитературный период, и невозможность датировать этот процесс затрудняет его объяснение.

Распространению -ā могли содействовать: 1) -ā в звательном падеже, ср. греч. гом. ἰϋϰῶ. ст.-сл. жено (-о восходит к и.-е. *-ā) при им. п. жена (-а < и.-е. *-ā); 2) замена -ā на -ā в им. п. мн. ч. среднего рода 2-го склонения (§ 342); если же этот процесс относится к сравнительно недавнему времени, то в качестве сопутствующих факторов можно указать на 3) сокращение a перед t в вин. п. ед. ч. -ātm (§ 190) и 4) тенденцию к сокращению конечных слогов в ямбических словах (§§ 186 — 189).

В цезуре стиха краткий слог может трактоваться как долгий и скандовка типа Et dēnsis aquilā pennīs obnixā volābat (Энний. Ann. 147) не может рассматриваться как свидетельство просодической долготы.

Формы Leōnidā (Voc.. As. 740), Aeacidā (Nōm. — Энний, Ann. 275; Voc. — там же. 179), Phaedrā (Овидий. Rem. 743) и т. п. воспроизводят греческое окончание со свойственной ему долготой.

Формы pāricidas (P. F. 247.24), hosticapas (там же, 91.15) позволяют заключить, что в латинском языке одно время была тенденция (впоследствии исчезнувшая) дифференцировать существительные м. р. 1-го склонения с помощью присоединения окончания -s по аналогии со 2-м склонением (ср. греч. νεβίῃ-ς).

§ 316. Родительный падеж. Восходящий к общиндоевропейскому языковому состоянию родительный падеж на -ās (<*-ā-(e)s), ср. греч. χώρᾱς, ос. vereiās, умбр. tutas, существовал также и в древнейшем латинском языке и сохранялся у поэтов III — II вв. до н. э. в качестве архаизма эпического стиля: Lātōnās, ēscās (Ливий Андроник, Od. fr. 12), terrās, fortūnās (Невий, V. P., fr. 20), viās (Энний, Ann. 441). В классический язык вошла в качестве архаизма юридического стиля только форма familiās в сочетаниях pater familiās, fīlius familiās и т. п. (наряду с -ae).

Однако упомянутые выше поэты в своих драмах уже не пользовались род. п. на *-ās*. Он заменился новообразованием на *-āī* с *-ī*, возникшим по аналогии с формами 2-го и, может быть, 5-го склонения (§§ 331, 388).

Впоследствии *-āī* > *-ai* > *-ae* (§ 114).

Двусложное *-āī* нередко встречается в языке Плавта, но в ряде случаев имеет уже торжественное архаическое звучание: *Magnāī rēī pūblicāī grātiā* (Mīl. 103, ямбический сенар).

Обычным для языка Плавта является дифтонгическое окончание род. п. ед. ч. *-ai*, но оно еще не было тождественно с *-ai* (> *-ae*) дат. п. и почти не допускает синалэфы. Возможно, что во время Плавта дифтонг, возникший из слияния *-āī*, сохранял еще долготу своего первого элемента.

Теренций уже не употребляет двусложного окончания *-āī*. В эпическом стиле оно сохранялось вплоть до Вергилия, но уже неохотки от него отказались, а для Марциала (11.90.5) оно представлялось совершенно отжившим архаизмом.

Встречающиеся в «низовых» надписях с конца I в. до н. э. окончания на *-aes* или *-es* (с монофтонгическим произношением *ae*) преимущественно в личных именах — **AQUILLIAES** (1². 1249), **LIBERATES** (4.5855) — представляют собой контаминацию латинского *-ae* с греческим или осским *-s*, поддержанную стремлением дифференцировать род. и дат. п. по аналогии с 3-м склонением (*Aquilliaes*: *Aquilliae* = *Veneris*: *Veneri*).

§ 317. Местный падеж имел окончание *-āī* (ср. ос. *víai*) > *ae*: **ROMAI** (1². 561) > *Rōmae*.

§ 318. Дательный падеж имел и.-е. **-āī* (ср. греч. *χώρα*, ст.-сл. *женѣ*, ос. *deívai*) > лат. **-āī* > *-ai* (**MENERVAI** 1². 34) > *-ae* (§ 114); диалектно *-ā* < *-āī* (§ 108): **MATVTA** (1². 379, Писавр); **LOCINA** (1². 359, Норба).

§ 319. Винительный падеж. И.-е. окончанием при всех основах был носовой сонант, который выступал в двух формах — **-m* и **-n*; в индоиранских и италийских языках окончание восходит к **-m*. В основах на **ā-* и.-е. **-ā-m* > лат. *-ām* (§ 190), ср. д.-и. *ácvām* (= *equam*), ос. *raam* (= *quam*).

§ 320. Отложительный падеж. Общеиталийское новообразование *-ād* по аналогии с окончанием 2-го склонения *-ōd* (§ 335): **PRAIDAD** (1². 48), **HINNAD** (1². 608, 211 г. до н. э.), **SENTENTIAD** (1². 581, 186 г. до н. э.), ср. ос. *toutad* ‘*cīvītāte*’; *-ād* > *-ā* (§ 218) уже в языке Плавта.

Множественное число

§ 321. Именительный-звательный падеж. И.-е. окончание *-ās (< *-ā-es), на которое указывает ряд языков, ср. д.-и. ásvāh ‘кобылы’, гот. gibos ‘дары’, лит. raĩkos ‘руки’, сохранилось в осском и умбрском языке: ос. aasas = лат. ārae, умбр. urtas = лат. ortae; в латинском языке оно встречается как диалектизм в стихе Помпония (141, трохеический септенар):

Quot laetitias ĩnsperātās modo mī ĩnrēpsere in sinum,
и может быть, с отпадением -s, в форме **MATRONA** (1². 378, Писавр).

В нормальной латыни -ās заменено новообразованием *-āi > -āi > -ae (§§ 108, 114) по аналогии со 2-м склонением (§ 338): **TABELAI DATAI** (1². 581) = tabellae datae, ср. греч. параллельное новообразование χῳραι.

При возникновении этого новообразования могла играть роль также древняя форма двойственного числа, которая, судя по материалам индоиранских, славянских, балтийских и кельтских языков, должна была оканчиваться в греческом языке на -αι. в латинском на -ai. ср. ж. р. числительного duae.

§ 322. В родительном падеже мн. ч. италийские языки, равно как и греческий, имели новообразование *-āsōm (вм. ожидаемого -ā-ōm) по аналогии с местоименным склонением (д.-и. tāsām, греч. гом. τᾶων, ос. egmazum ‘rēgum’); италийск. -āzōm > лат. -ārūm (§§ 212, 190, 162).

У дактилических поэтов иногда встречаются дублетные формы род. п. мн. ч. на -um в составных словах на -cola и -gepa и в греческих именах: agricolum (Лукреций, 4.586) и agricolārūm (там же, 2.1161); Graiugenum (Вергилий, Aen. 3.550) и Graiugenārūm (Лукреций, 1.477); Aeneadum (Лукреций, 1.1) и Aeacidārūm (Энний, Алл. 180).

Нет основания усматривать в этих формах остатки древнего окончания, непосредственно восходящего к *-ā-om; они возникли, вероятно, по аналогии с дублетными окончаниями -um, -ōrum во 2-м склонении (§ 339).

§323. Дательный-отложительный падеж мн. ч, основ на -ā- получил в италийских языках окончание *-āis: ос. deivinais ‘dīvinīs’ по аналогии с -ois во 2-м склонении (§ 340). Такое же новообразование имеется и в греческом языке: χῳραις.

*-āis > *-ais > -eis (**SOVEIS** 1². 364 = suīs) > -ēs (**MANVBIES** 1². 635, 135 г. до н. э.) > īs (§§ 108, 163, 111).

В основах на -iā- бывает слияние: -iīs > -īs: taenīs (Aen. 5.269) = taeniīs, **COLONIS** (Моп. Анс.) = colōniīs. То же в застывшей адвербиализованной форме отложительного падежа grātīs. Однако в литературном языке предпочитались неслитные формы.

Рядом с формой, восходящей к *-āis, существовало окончание -bus, напоминающее формы, засвидетельствованные для основ на -ā- в некоторых других ветвях индоевропейских языков: д.-и. *Dat.-Abl. Pl. ácwābhyaŋ* от *ácwā* 'кобыла', гал. *uaduisika-βo* 'жителям Немауса'. В латинском языке это окончание характерно для числительных: *duābus, ambābus*; в именах оно служит главным образом для устранения омонимии форм женского рода 1-го склонения и форм мужского и среднего рода 2-го склонения: ж. р. *gnātābus* (Плавт у Присциана, *G. L. 2.293.20*) от *gnāta* противостоит м. р. *gnātis* от *gnātus*; аналогично *filiābus, deābus, libertābus, animābus, amicābus*; то же в местоимениях: *eābus* (Катон, *Agr. 152*); в прилагательных и причастиях: *raucābus raptābus* (Гней Геллий, II в. до н. э.). В иных случаях употребление -bus выходит за пределы дифференциации форм м. и ж. р.: *manibus dextrābus* (Ливий Андроник, *Od., fr. 37*). В поздних надписях — **MATRONABUS, FEMINABUS**.

Некоторые исследователи видят в -bus сохранение исконного окончания, предшествовавшего новообразованию на *-āis. Это можно допустить для числительных, но употребление именных форм на -bus, в большинстве случаев факультативное, имеющее по преимуществу дифференцирующую функцию, проще рассматривать как новообразование с использованием окончания имен 3-го склонения на -bus (§ 365).

§ 324. Винительный падеж. И.-е. окончание *-āns > -ās. Итальянские языки сохранили (или восстановили по аналогии со 2-м склонением) окончание *-āns: ос. -ass, умбр. -af. В латинском языке -ās < итальяск. *-āns (§ 252) или, может быть, непосредственно из и.-е. *-ās.

ВТОРОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 325. В латинском 2-м склонении отражено склонение и.-е. основ на *-e/o-, но в процессе своего развития оно сблизилось с первым склонением (§ 312) и со склонением местоимений.

§ 326. Индоевропейские основы на *-e/o- могли принадлежать именам всех трех родов. Латинский язык сохранил существительные женского рода тогда, когда принадлежность к женскому роду определяется лексическим значением имени (§ 304), и помимо этого в некоторых единичных случаях: *vappus* и, с колебаниями между м. и ж. р., *alvus, colus*.

По 2-му склонению склоняется также м. и ср. род прилагательных, женский род которых склоняется по 1-му склонению.

§ 327. Некоторые имена м. р. образуют мн. ч. по ср. р.: locus — loca. Это связано с былым собирательным значением множественного числа среднего рода (§ 18): loca 'места, местность', но бывает и форма locī, в особенности, когда речь идет об отдельных местах или местах в переносном значении 'мэста' у писателей: locī commūnēs 'общие места'; acinus имеет мн. ч. acinī и acina (первоначально 'гроздь'), ср. греч. гом. μῆρός, μῆροί и μῆρα, κέλευθος, κέλευθοι и κέλευθα; loca наряду с locī по аналогии с loca.

С другой стороны, некоторые слова среднего рода при малоупотребительном ед. ч. имеют во мн. ч. дублетные формы м. р.: rāstrī, frēnī. Возможно, что это древние формы двойственного числа ср. р. (и.-е. *-oi, ср. д.-и. yugé, ст.-сл. изъѣ), совпавшие с формой мн. ч. мужского рода.

§ 328. Парадигма.

Masc. Sg.	N.	lŭpŭs	Pl.	lŭpī
	V.	lŭpě		lŭpī
	G.	lŭpī		lŭpōŕŭm
	D.	lŭpō		lŭpīs
	Acc.	lŭpŭm		lŭpōs
	Abl.	lŭpō		lŭpīs
Neutr. Sg.	N.-A.-V.	iŭgŭm	Pl. N.-A.-V.	iŭgā

Единственное число

§ 329. Именительный падеж м.-ж. р. с общиндоевропейских времен имел окончание -s, присоединяемое к основе на -o-: -os, ср. греч. λόγος. Форма на -os сохраняется неизменной еще в архаической латыни: **MANIOS** (1². 3), **DVENOS** (1². 4), **NOVIOS PLAVTIOS** (1². 561), **FILIOS** (1². 9).

С конца III в. до н. э. -os > -us: **CORNELIVS** (1². 7); однако -os сохранялось до конца I в. до н. э. после u, v, qu: mortuos, parvos, equos (§ 162). О возможности отпадения -s см. § 220.

В оско-умбрской группе -o- основы в им. п. ед. ч. синкопируется: ос. hŭrz = лат. hortus, Bantins = лат. Bantīnus, Pakis = лат. Pacius, умбр. Ikuvins = лат. Iguvīnus. В латинском языке это явление регулярно имеет место в основах на -ro- с исконным (неротактистическим) г: 1) после краткого гласного в слове, содержащем более двух слогов (§ 169); puer < *pueros, а также в слове vir < *viros; 2) после согласного, где -ros > -er (§ 173): sacer < **SACROS** (1². 1), ager < *agros.

Колебания между синкопированными и несинкопированными формами находим в словах infer — inferus, super — superus, socer — socerus, uter 'чрево' — uterus

и иногда в именах, заимствованных из греческого языка: Euander — Euandrus (Напр., Вергилий, Аеп. 8.100).

Сложные слова на -ger с ротакистическим г (gerō < *gesō, ср. ges-sī, ges-tum) синкопировались по аналогии со сложными словами на -fer, но у Плавта еще всегда mōrigerus.

Единичные случаи синкопы в основах на -io-: famul (Энний, Лукреций), **MASCEL** (2.1110) и т. п., вероятно, диалектного происхождения (§ 169), ср. ос. famel; к диалектизмам юридического языка (§ 49) можно отнести damnās = damnātus.

Диалектный характер имеет также им. п. на -is от основ на -io-, обычно в именах собственных: **MERCVRIS** (1². 563, Пренесте), **CAECILIS** (1².1036), ср. alis = alius (§ 475).

Написания им. п. на -i от основ на -io-: **CLAVDI, VALERI. MINVCI** (1². 581), **MVMMI** (1². 626), **CORNELI** (1².12) представляют собой, вероятно, только графические сокращения вместо окончания -ius.

§ 330. Звательный падеж имел ступень -ё основы и нулевое окончание: Iure, ср. греч. λύκε, ст.-сл. вльче. В основах на -io- звательный падеж оканчивается на -ī: fili, Vālĕrī (ударение засвидетельствовано Нигидием Фигулом у Геллия 13.26.1, но во времена самого Геллия говорили Vālĕrī с ударением на втором слоге от конца), Pompei (= Pompeiī — Овидий, Ex Pontō 4.1.1, или Pompeī — Гораций, Carm. 2.7.5; ср. § 331).

Происхождение формы на -ī неясно; в историческое время группа гласных ie не сливалась — перед нами либо доисторическое слияние, либо синкопирование -e в неполном стиле речи: *filije > *filij > fili.

В первом случае формы filie, Laertie (Ливий Андроник, Od. fr. 2, 38) Sātūrnīe (Энний, Ann. 456) представляют собой аналогическое восстановление, а во втором — архаизмы эпического стиля. Грамматики колеблются в вопросе о том, как образовывать звательный падеж от vir ēgregius — vir ēgregie или vir ēgregi (Геллий, 14.5.1). Варрон (у Харисия, G. L. 1.78.4 сл.) предлагал писать в звательном падеже -ii, что являлось уже совсем искусственным. В именах нарицательных, а также в прилагательных живая речь уже во времена Плавта предпочитала заменять форму на -e формой им. п.: meus festus diēs, meus pullus passer (Cas. 137 — 8), ocellus aureus (As. 691), ō Pompilius sanguis (Гораций, Epist. 2.3.291 — 2). Эта замена стала нормой в тех случаях, когда в им. п. конечный элемент (-os > -us) был синкопирован; рует, но у Плавта еще ruere (Merc. 930). Не употребляется звательный падеж от слова deus. Для обращения к мужскому божеству в ед. ч. служило у греков и римлян только его собственное имя. Равным образом не употребляется звательный падеж от populus.

§ 331. Родительный падеж. Формы род. п. ед. ч. от основ на *-e/o- различны в разных ветвях индоевропейских языков.

Например, в хеттском языке род. п. основ на *-e/o- сходен с им. п. Индоиранская группа, греческий, а среди италийских языков — фалисский и, может быть, латинский в местоименном склонении (§ 424) имеют окончания, восходящие к местоименному *-osjo, ср. греч. гом. πολέμοιο, фалис. Evotenosio; или к *-eso: германские

языки, ст.-сл. местоим. род. п. **чесо**; в славянских и балтийских языках форма род. п. восходит к древнему отложительному: **вълка** (-а < *-ōd; ср. § 308). Оско-умбрская группа ввела во 2-е склонение -eis по аналогии с именами 3-го склонения.

В латинском языке — **-ī**; то же самое имеет место в кельтских языках — галльском, древнеирландском, а также в мессапском и венецком. Этот конечный элемент **-ī**, который в древних надписях, например, *Senātūs cōnsultum dē Vacchānālībus*, не смешивается с окончанием **-ei** им. п. мн. ч., не происходит из дифтонга **ei** или **oi** и не возник путем присоединения какого-нибудь окончания к основе **-e/o-**. Языки, имеющие этот конечный элемент, ввели в склонение основ на **-e/o-** некую постороннюю форму.

Есть предположение, что форму эту надлежит сопоставлять с индоиранскими наречиями на **-ī**: д.-и. тип *samīkṛ* ‘делать равным’ соответствует латинскому *multī faciō*.

В основах на **-iо-** конечный элемент **-ī** сливается с **-i-** основы: **AISCLAPI** (1². 440), **CONSILI** (1². 583, 123 г. до н. э.), *flāgitiī* (Merc. 417). Слияние это, однако, не влияет на место ударения: род. п. *Valēriī* (< *Valeriī*, в отличие от зват. п. *Vālērī*; § 330).

Форма на **-īī** восстанавливается лишь впоследствии по аналогии с 1-м склонением сперва в прилагательных:

mediī (Луcretий, 1.1082) : *mediāe* = *bon-ī* : *bon-ae*.

В существительные **-īī** проникает только в эпоху Августа: *im-regiī* (Проперций, 1.6.34), но форма на **-ī** сохраняется, особенно в собственных именах, и в более позднее время; некоторые писатели, например Гораций, Персий, не употребляют форм на **-īī**.

§ 332. Формы местного падежа на **-ī** восходят к дифтонгическому конечному элементу **-ei**, образованному путем присоединения окончания **-i** к основе на **-e-**: **DELEI** (1². 738).

-ei > **-ē** > **-ī** (§ 111): (*diē*) *quārtē* ‘на четвертый день’, *postri-(diē)* ‘на следующий день’, *Brundisiī* ‘в Брундизии’; как видно из последнего примера, восходящий к дифтонгу конечный элемент местного падежа **-ī**, в отличие от род. п., не сливается с **-i-** в основах на **-iо-**.

§ 333. Дательный падеж. И.-е. конечный элемент дат. п. ***-ōi** (< ***-o-ei**) сохраняется в древних латинских формах: **NVMASIOI** (1². 3), **DVENOI** (1². 4), *populōi Rōmānōi* (Марий Викторин, G. L., 6.17.20), ср. греч. ἰππιῶ, ос. *húrtúi*, фалис. *Zekstoi*. В дальнейшем **-ōi** > **-ō** (§ 108).

§ 334. Винительный падеж. И.-е. *-o-m — ср. д.-и. ácŕvam ‘equum’, ос. húrúm ‘hortum’ — представлено в древней латыни как -om: **LVCÍOM** (1². 9). В конце III в. до н. э. -om > -um: **CORNELIVM** (1². 612); однако -om сохраняется до конца I в. до н.э. после u, v, qu (§ 162).

§ 335. Отложительный падеж. Итальянский отложительный падеж, в котором слились два и.-е. падежа, отложительный и инструментальный, сохранил в основах на -e/o- конечный элемент и.-е. отл. п. *-ōd (вероятно, из *-o-ed, ср. д.-и. ácŕvād, греч. дельф. *Φοίκω* < **Φοίκωδ* ‘из дому’, ст.-сл. **вълка**, где -а < *-ōd, ос. sakaraklúd): **GNAIVOD** (1². 7).

По образцу формы на *-ōd создались итальянские формы отложительного падежа в основах на другие гласные: *-ād (§ 320), *-īd (§ 360), *-ūd (§ 376), *-ēd (§ 391).

В дальнейшем -ōd > -ō (§ 218) уже у Плавта (может быть, equōd — Rud. 268, пародия на высокий стиль).

О позднейшем сокращении -ō см. § 189.

§ 336. -ē, суффикс наречий, образуемых от прилагательных 2-го склонения (gēctē, longē, с ямбическим сокращением benē, malē), восходит, судя по написаниям **FACILVMD** (1². 581 = facillimē), **RECTED** (1². 365, фалис. = лат. gēctē), к -ēd и представляет собой застывшую форму отложительного падежа основ на e/o- с тембром ē, дифференцирующим наречие от обычной формы отложительного падежа на -ō(d). Наряду с -ē встречаются, однако, и формы на -ō: crēbrō, falsō, serō и т. д. Бывают дублетные образования: gārē — gārō, tūtē — tūtō, certē — certō.

Образование наречий на -ēd, -ōd имеет общеиталийское распространение: ос. amprufid (< *-ēd) ‘improbē’, amiricatud (< *-ōd) ‘*immercātō’.

Не исключена возможность, что в наречиях на -ē, -ō сохранены также формы древнего инструментального падежа основ на -e/o-, отличавшиеся от форм отложительного падежа только отсутствием -d. В пользу такого предположения свидетельствует, может быть, ямбическое сокращение benē (при *benēd мы ожидали бы *benēd с сохранением -d).

§ 337. Именительный-звательный-винительный падеж среднего рода основ на *-e/o- имеет в ряде ветвей индоевропейской семьи окончание -m (-n), сходное с окончанием

винительного падежа м. и ж. р.: -о-т, д.-и. *uigám*, греч. ζυγόν, ос. *sakaraklúm*. Конечный элемент -от, сохранившийся в древней латыни — **DONOM** (1². 28), **POCOLOM** (1².439) — развивался так же, как и -от в вин. п. м. и ж. р. (§ 334): -от > -ит.

На -us оканчиваются слова:

1) *vīrus* 'яд' < и.-е. **vīsos* (ср. греч. *lós*), рядом с которым существовала дублетная форма **vīsom* (ср. д.-и. *višám*);

2) собирательное *volgus* употребляющееся и в м. р. (Варрон, Мен. 81); винительный падеж в архаической латыни — *volgum*, в классическом языке чаще *volgus*;

3) заимствованное из греческого языка *pelagus* 'море' (ср. греч. τὸ πέλαγος, род. п. -ους). перешедшее при заимствовании во 2-е склонение, но сохранившее средний род, вероятно, под влиянием *mare*.

Множественное число

§ 338. Именительный-звательный падеж м.-ж.р. И.-е. **-ōs* (вероятно, из **-o-es*) именного склонения сохранилось в д.-и. *ácvāh* 'кони', гот. *wulfes* 'волки' и в оско-умбрском — ос. *Núvlanús* = *Nōlānī*, умбр. *Ikuvinus* = *Iguvīnī*; в латинском, греческом, кельтских, славянских и балтийских языках эта форма заменена формой местоименного склонения **-oi*, распространившейся, вероятно, сперва на прилагательные, а затем и на существительные.

В германских языках окончание местоименного склонения распространилось только на прилагательные; в оско-умбрской группе унификация именного и местоименного склонения имела место в противоположном направлении: конечный элемент *-ōs* проник в местоимения.

По образцу формы на *-oi* в латинском и греческом языке возникла форма им. п. ед. ч. *-ai* в 1-м склонении (§ 321).

Форма на *-oi* сохранилась в древнейших латинских памятниках и была известна римским грамматикам, которые приводят ее в модернизирующем написании *-oe* (§ 113): *pītumnoe poploe* = *pīlātī populī* (Фест, 224.4, из гимна салиев), *fescenīnoe* (Фест, 76.16; в рукописном предании *fescemnoe*) = *fescennīnī* (Фест, 76.6).

В дальнейшем *-oi* > *-ei* (§ 163; **FOIDERATEI** (1². 581) > *ē* (**PLOIRVME** 1². 9) > *-ī* (§ 111).

В орфографии республиканского периода долго держалось написание *-ei*, рекомендованное Луцилием для различения им. п. мн. ч. от омонимной формы род. п. ед. ч.

В основах на *-io-* иногда встречается слияние — *-ii* > *-ī*: *Gabī* (Проперций 4.1.34) = *Gabīī*.

Диалектный характер имеет им. п. мн. ч. на *-eis*, *-ēs*, *-īs*: **VERTVLEIEIS**, **LEIBEREIS** (1². 1531), **ATILIES** (1². 23), **MINISTRIS** (1². 618). В литературе эти формы засвидетельствованы только у Плавта в местоимении *hīsce* 'эти'. Такое наращение *-s* могло произойти в латинских диалектах по аналогии с прочими

склонениями (3-м, 4-м, 5-м: о 1-м см. § 321) и было поддержано воздействием языков оско-умброкской группы.

От *deus* < *deivos* (§ 210) им. п. мн. ч. **deivei* > *divi* и, с выпадением интервокального *v* (§ 208), *dī*; последняя форма и является самой обычной. Новообразование *dei* по аналогии с *deus* засвидетельствовано только с августовского времени (Овидий. *Met.* 2.389); в надписях форма *dei* очень редко встречается и в позднейшее время. Искусственный характер имеет написание *dī*, рекомендованное грамматиками ради сохранения двухсложности формы и получившее распространение в рукописном предании античных текстов.

§ 339. Родительный падеж. И.-е. окончание **-ōm* (< **-o-ōm*, ср. греч. *λύκων*, ос. *Núvlanúm*) > лат. *-ōm* (§ 190). На римских монетах III в. до н. э. **ROMANOM** (1¹. 1) или, с отпадением *-m* (§ 219), **ROMANO** (1¹. 13). В дальнейшем *-om* > *-um* согласно § 162: **SOCIVM** (1². 581).

Однако еще в долитературное время, наряду с окончанием *-om*, распространилось новообразование на *-ōrum* > *-ōrum* по аналогии с род. п. мн. ч. 1-го склонения на *-ārum* (§ 322): **DVONORO** (1². 9). Плавт употребляет обе формы, напр. *Mōst.* 120 — 121 (бакхий):

Primumdum parentēs fabrī liberum sunt:

Ī fundāmentum substruunt liberōrum.

Форма на *-um* продолжала употребляться и впоследствии. Ко времени Цицерона (*Ōr.* 155 — 156) она уже являлась архаизмом всюду, кроме следующих случаев: 1) термины культового, канцелярского и торгового языка: *dīvom*, *deum*, *praefectus fabrum*, *pnummum*, *talentum*, *sēsterium*; числительные разделительные: *bīnum*, *ternum* и т. д.; 2) основы, содержащие *g*: *liberum*, *triumvirum* (подходят и под категорию имен, перечисленных в пункте 1), *īnferum*, *nostrum* (притяжательное местоимение); 3) длинные слова: *cōnsanguineum*, *magnanimum*; 4) греческие имена, где лат. *-um* = греч. *-ων* (ср. § 322): *Danaum*, *Aetōlum*.

Однако в огромном большинстве этих слов допускаются формы на *-ōrum*: *deōrum*, *liberōrum*, *pnummōrum*, *talentōrum* и т. д.

Встречающийся иногда в старинных изданиях лагинских текстов циркумфлекс на *-um* обязан своим происхождением ложному представлению, будто *-um* возникло из «стяжения» *-ōrum*, и способен ввести в заблуждение относительно количества гласного *-i-* в окончании *-um*: *-i-* было, разумеется, кратким.

§ 340. Дательный-отложительный падеж. Конечный элемент дат.-отл. п. мн. ч. в италийских языках *-ois* (пелигн. *suois knatois*, ос. *Núvlanúis*) восходит к и.-е. инструментальному падежу на **-ōis* (< **-o-eis*), ср. д.-и. *áçvaiñ*, лит. *vilkaiš*, греч. *λύκοις*.

Некоторые исследователи полагают, что в форме на *-ois* слились две и.-е. падежные формы мн. ч.: форма инструментального падежа на **-ōis* и форма местного падежа на **-oisu* (д.-и. *āweðu*, ст.-сл. *вльцъхъ*) или **-oisī* (отраженная в греческой форме дат. п. *ἄκοισις* синкопой конечного гласного (§ 168).

Форма на *-ois* сохранилась в древнейших латинских текстах и цитируется грамматиками в написании *-oes* (§ 113); *ab oloes* (P. F. 17.22), кл. *ab illīs, privicioes* (Фест, 224.1) = кл. *prīvis* 'отдельным'.

В дальнейшем *-ois* > *-eis* (§ 163; **CASTREIS** 1². 614) > *-ēs* (**CAVATVRINES** 1². 594) > *-īs* (§ 111; **ROSTRIS** 1². 583). Как и в им. п. *-ei*, написание *-eis* долго сохранялось в орфографии времен Республики.

В основах на *-io-* бывают слияния: *-iis* > *-īs*: **MVNICIPĪS** = (Mon. Anc. 3.23) *mūnicipiīs*; **Graīs** (§ 71) = *Grajiīs*.

От *deus* дат.-отл. п. обычно *dis*. Новообразование *deīs* впервые у Катюлла (4.22). Рекомендуемое грамматиками написание *diīs* — искусственно (ср. § 338 о форме им. п. мн. ч.). В поздних текстах встречается замена *-īs* на *-ibus* по образцу 3-го и 4-го склонения. Это чаще всего случается в словах м. р., если соответствующие ему слова женского рода имеют дат.-отл. п. мн. ч. на *-ābus* (§ 323): *dibus, filibus, amīcibus* и т. д.

§ 341. Винительный падеж. Присоединение и.-е. окончания *-ns* к конечному элементу основы образует **-ons* (греч. крит. *ἰόνους*, атт. *ἰόνους*), от которого происходит лат. *-ōs* (§ 252), ос. *-ūss*, умбр. *-uf*.

§ 342. Именительный-звательный-винительный падеж среднего рода. В функции этих падежей выступали с и.-е. времен собирательные имена с основой на **-ā/ə-* > лат. *-ā/ā* и с нулевым окончанием, как и в им. п. ед. ч. 1-го склонения. Судя по д.-и. языку, форма на **-ā* была характерна для основ на **-e/o*, форма на **-ə* — для согласных основ. Латинский язык, как и греческий, сохранил *-ā* только в некоторых застывших, изолированных формах: *trīgintā*, греч. *τρίᾱ-κοῦτα*, и обобщил *-ā* (< **-ə*) во всех основах.

Двойственное число

§ 343. Из форм двойственного числа латинский язык сохранил форму именительного-винительного-звательного падежа мужского рода на *-ō* < и.-е. **ō(u)* в числительных *duo* и *ambo* (у поэтов I в. н. э. возникает *ambō* по образцу *duō*). Дую возникло, вероятно, в порядке ямбического сокращения из **duō*¹ < и.-е. < **d(u)-dō(u)*, ср. д.-и. *d(u)vā(u)*, греч.

¹ Форма *duō* встречается однажды у Плавта (Mil. 1384): *duo dī quem cūrant — quī duō? Mārs et Venus* — в диересе после 4 стопы ямбическою сенара, и притом в

гом. $\delta\acute{\upsilon}\omega$ (ср. крито-мик. образование на -фи: $du-wo-u-pi$), ст.-сл. дъва. Эта форма распространилась и на средний род. Прочие формы преобразованы по образцу множественного числа, но в дательном-отложительном падеже $du\ddot{o}bus$, $du\ddot{a}bus$ преобразование коснулось лишь конечного элемента $-us < *-os$ при сохранении древнего $-b- < *-bh-$, ср. д.-и. форму дат.-оруд.-отл. п. $dv\ddot{a}bhuy\ddot{a}m$. Винительный падеж мужского рода $du\ddot{o}s$ встречается чаще, чем duo .

В разговорной речи плюрализация распространилась и дальше. например. им. п. ср. р. **DVA** (4.1990), м. р. $du\ddot{i}$ (Порфирион к Горацию, *Serm.* 2.3. 248), дат.-отл. п. $amb\ddot{i}s$ в поздних надписях (например. 6.11687).

§ 344. Надпись I². 61 гласит: **Q. K. CESTIO Q. F. HERCOLE DONV [d]EDERO** 'Квинт и Кесон Кестии, сыновья Квинта, принесли в дар Гераклу'. Аналогичную структуру имеет надпись I². 30: **M. C. POMPLIO NO.F.DEDRON HERCOLE**.

В формах родового имени *Cestio*, *Pomplio*, которым в обеих надписях предшествуют два личных имени в бессоюзном соединении, и которые сочетаются с множественным числом глагола, некоторые исследователи видят остаток двойственного числа на -б. Однако формы на -о в обоих случаях можно истолковать как им. п. ед. ч. с отпадением -s (§ 220).

О возможных следах формы им.-вин.-зват. падежа среднего рода на *-oi см. § 327.

ТРЕТЬЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 345. Латинское 3-е склонение имеет смешанный характер. В нем отражено склонение и.-е. основ на шумный согласный и на сонант.

С исчезновением слоговых сонантов (§ 27) основы на плавные и носовые, в склонении которых играло большую роль чередование слоговых и неслоговых форм сонантов, присоединились к склонению основ на шумные согласные. С этим же склонением в латинском языке сблизилось склонение основ на -i/ei-, и в результате образовался новый смешанный тип с преобладанием форм согласного склонения в ед. ч. и форм склонения основ на -i- во мн. ч. В некоторых падежах, в отл. п. и частично вин. п. ед. ч., в род. п. и вин. п. мн. ч., сохранились, однако, варианты склонения, исторически восходящие к отличиям согласного склонения от склонения основ на -i-. Синкопа i в конечном слоге, например, $m\ddot{e}ns$ из $mentis$, затемнила различие древних основ, и в языке появились новые группировки, отделившие склонение прилагательных от существи-

конце реплики, где по законам плавтовского стиха допускается метрическое удлинение краткого гласного.

Если считать здесь краткость конечного гласного исконной (ср. греч. $\delta\acute{\upsilon}\omega$), то duo не форма двойственного числа, а образование без падежного оформления. остаток дофлексивного состояния и.-е. языков. Однако в латинском языке женский род $duae$ тоже имеет оформление двойственного числа (§ 321), и гораздо вероятнее допустить ямбическое сокращение, чем сохранившийся пережиток столь глубокой древности.

тельных, имен среднего рода от имен мужского и женского рода и т. д. Смешанный характер 3-го склонения приводил к многочисленным колебаниям, которые были урегулированы, и то не полностью, только в литературном языке классического периода.

§ 346. В 3-м склонении сохранились некоторые следы древнего чередования гласных (§§ 13 — 17). Так, в им. п. ед. ч. мы находим остатки удлиненной ступени: *pēs, pēdis; pūbēs, pūbēris; homō, homīnis*.

Нулевую ступень мы находим в таких формах, как род. п. *patris, carnīs* при им. п. *pater, carō*. Чередование *-e/o-* наблюдается в основах имен ср. р. на *-e/o-s*: *genus* (< **genos*) — *generis* (< **geneses*), ср. также *Aniō, Aniēnis*.

Эти незначительные остатки древней системы чередования противопоставляют им. п. ед. ч. (в среднем роде — им.-вин. п. ед. ч.) прочим формам склонения, где основа стабильна.

Фонетические процессы V — II вв. до н. э., как-то: ротакизм, качественные изменения гласных в срединных и конечных слогах, сокращение гласного в конечном слоге перед согласными, кроме *s* — еще более усилили изоляцию им. п. ед. ч. от прочих форм склонения. Это связано было с тем, что во всех падежах, кроме им. п. ед. ч., основа на согласный находилась в положении перед гласным звуком окончания, а им. п. в большинстве основ м. и ж. р. имел окончание *-s*. В результате и конечный согласный основы и предшествующий ему краткий гласный развивались в им. п. ед. ч. иначе, чем в прочих падежах: *rēmex* (< **rēmag-s*) и *rēmigis* (< **rēmag-es*); *mōs, mōris* (< **mōses*).

ОСНОВЫ ТРЕТЬЕГО СКЛОНЕНИЯ (ПО ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЮ)

§ 347. I. Основы на согласный:

а) на смычный: 1) губной: *stirp-s, род. п. stirp-is; Arab-s, Arab-is*;
2) переднеязычный: *capūt, род. п. capūt-is; pēs* (< **pēd-s*), *ped-is; ferēs* (< **ferent-s*), *ferent-is*;

3) заднеязычный: *dux, duc-is; rēx, rēg-is*;

4) согласные, восходящие к и.-е. лабиовелярному: *nix* (< **snig^h-s*), *niv-is* (§ 214); *vōx* (< и.-е. **ṽōk^h-s*), *vōc-is*.

б) на *-s*: 1) с ротакистическим (§ 212) переходом *s > r* между гласными: *mūs, mūr-is; cinis, ciner-is* (§ 117); *Cerēs, Cerer-is; flōs, flōr-is; genus, gener-is*; 2) с распространением *-r* на им. п. ед. ч.: *arbor* (др. *arbōs*), *arbor-is; honor* (др. *honōs*), *honōr-is*;

в) на плавные:

1) *-r-*: *fūr, fūr-is; pater, patr-is; dator, datōr-is*;

2) -l-: *sōl, sōl -is; sāl, sal-is;*

г) на носовые:

1) -m-: *hiem-s, hiem-is* (одна основа);

2) -n-: *homō, homin-is; regiō, regiōn-is; nōmen, nōmin-is; rēn, rēn-is.*

§ 348. II. Две основы, восходящие к основам на и.-е. дифтонги: *bōs* (< и.-е. *g^uō(u)s*); § 355 в), *bov-is*; в косвенных падежах *Iovis* (< **djeu-es*; § 383).

§ 349. III. Основы на -ī-, -ū-:

1) -ī-: *vī-s*;

2) две основы на -ū-: *sūs, su-is; grūs, gru-is.*

§ 350. IV. Основы на -ī/ei-: *hosti-s, ovi-s*; с синкопой -i *mors* (< **mortis*; § 169), *morti-s*; *animal* (< **animāli*; § 168); с переходом -i > -e (§ 158): *mare* (< **mari*), м.и ж. р. *brevi-s, ср. р. breve* (< **brevi*).

§ 351. V. Разноосновные слова: уже в рассмотренном материале мы встречали ряд случаев чередования двух форм основы, сохранившегося от древнего чередования гласных или возникшего в результате изменений основообразующей морфемы в разных фонетических положениях. Есть однако случаи, когда чередование основ возникло не фонетическим путем, а восходит к наличию разных основообразующих морфем.

а) К общеиндоевропейскому прошлому восходят основы среднего рода с чередованием -r/p- (-r в формах им. и вин. п., -p- — во всех прочих формах). От этих основ, распространенных и продуктивных в хеттском языке (*uātar*, род. п. *uētenaš* 'вода', ср. греч. *ῥῆμαρ, ῥῆματος*, где -атос < **-ntos* с расширением основы помощью элемента -t-), в других ветвях остались только незначительные пережитки. Латинский язык сохранил это чередование в слове *femur* 'бедро', род. п. *feminis*, наряду с более поздним новообразованием *femoris*. В слове *iesur, iocur* (< **ieq^uor* с переходом e > o согласно § 180) 'печень', также восходящем к основе на *-r/p- (ср. д.-и. *uākt*, род. п. *uakn-āh*, греч. *ἥπαρ*, род. п. *ἥπατος* < **ἥπα-τος*), ожидаемая форма **iesinis* уступила место более регулярному *iesoris*, но сохранилось *iocineris* с контаминацией двух форм основы.

Такая же контаминация имела место в *iter, itineris* (вм. **itinis*). Нерегулярность склонения этих слов вызывала дальнейшие новообразования: им. п. *femus* (Апулей, *Met.* 8.31); *iocinus* (Харисий, *G. L.* 1.48.20); *itiner* (Мерц. 913, Лукреций 6.339), род. п. *iteris* (Невий, *Trag.* 33), отл. п. *itere* (Лукреций, 5.653).

В слове *ūber*, *ūberis* 'вымя', также восходящем к основе на *-r/n- (д.-и. *ūdhan*, где -h < *-r, род, п. *ūdhn-ah*), не осталось следов чередования, и -r- основы проникло во все падежи.

б) К разноосновным словам принадлежат также:

1) *Iuppiter* (< *Iūpiter*; § 224), род. п. *Iovis*, где в качестве им. п. функционирует часто употреблявшееся в инвокации божества сращение звательных падежей **dieu-pater* (§ 354), ср. греч. *Zeū páter*; 2) *senex*, род. п. *sen-is* — с суффиксом -ес- в им. п. ед. ч. (*Nōm*. Pl. *senicēs* у Плавта. *Cist.* 374); 3) *supellex*, род. п. *supellectil-is*; 4) *vīs* с основой *vī-*, ср. греч. *ῥῖς* (< **F15*), образует мн. ч. *vītēs*, вероятно, по аналогии с *glīs*, *glītēs*. Лукреций употребляет форму *vīs* как им. и вин. п. для мн. ч. (3.265; 2.586).

§ 352. VI. Не разъяснено происхождение типа склонения с им. п. на -ēs, род. п. на -is: *caedēs*, *caedis*. Возможно, что оно восходит к и.-е. основам на *-ē(i)-, т. е. на удлинненную ступень чередования -i/ei- (§ 350), но сюда, несомненно, вошли слова разного происхождения, в том числе и основы на -s: *mōlēs*, ср. *molestus*; *sēdēs* с род. п. мн. ч. *sēdum* (Цицерон, *Sest.* 45) и *sēdium*, ср. греч. *ἔδος*; также формы мн. ч., переосмысленные как ед. ч.: *pūbēs* 'облака', *gūrēs* 'скалы'. За вычетом форм им. п. ед. ч. склонение этих слов ничем не отличается от склонения основ на *-i/ei-.

§ 353. Парадигмы (2-я часть таблицы — см. § 354)

	Существительные с основой на согласный		Существительные с основой на -i-		
	<i>rēx m</i>	<i>cāpūt n</i>	<i>hōstīs m</i>	<i>pūppīs f</i>	<i>mārē n</i>
	Singularis				
N.-V.	<i>rēx</i>	<i>cāpūt</i>	<i>hōstīs</i>	<i>pūppīs</i>	<i>mārē</i>
G.	<i>rēgīs</i>	<i>cāpītīs</i>	<i>hōstīs</i>	<i>pūppīs</i>	<i>mārīs</i>
D.	<i>rēgī</i>	<i>cāpītī</i>	<i>hōstī</i>	<i>pūppī</i>	<i>mārī</i>
Acc.	<i>rēgēm</i>	<i>cāpūt</i>	<i>hōstēm</i>	<i>pūppīm</i>	<i>mārē</i>
Abl.	<i>rēgē</i>	<i>cāpītē</i>	<i>hōstē</i>	<i>pūppī</i> (<i>pūppē</i>)	<i>mārī</i>
	Pluralis				
N.-V.	<i>rēgēs</i>	<i>cāpītā</i>	<i>hōstēs</i>	<i>pūppēs</i>	<i>mārīā</i>
G.	<i>rēgūm</i>	<i>cāpītūm</i>	<i>hōstīūm</i>	<i>pūppīūm</i>	<i>mārīūm</i>
D.	<i>rēgībūs</i>	<i>cāpītībūs</i>	<i>hōstībūs</i>	<i>pūppībūs</i>	<i>mārībūs</i>
Acc.	<i>rēgēs</i>	<i>cāpītā</i>	<i>hōstīs</i> (<i>hōstēs</i>)	<i>pūppīs</i> (<i>pūppēs</i>)	<i>mārīā</i>
Abl.	<i>rēgībūs</i>	<i>cāpītībūs</i>	<i>hōstībūs</i>	<i>pūppībūs</i>	<i>mārībūs</i>

Единственное число

§ 354. Именительный-звательный падеж м.-ж. рода. И.-е. окончание им. п. м.-ж. р.:

1) -s, часто с удлинненной ступенью элемента, предшествующего окончанию;

2) в основах на -n-, -r-, -s- нулевое окончание с удлинненной ступенью элемента, предшествующего окончанию (при этом нередко наблюдается исчезновение сонанта)¹.

Звательный падеж, имевший и.-е. нулевое окончание без удлинения гласного основы, не сохранился в латинском языке как особая форма, отличная от им. падежа, но оставил след в форме *Iuppiter* < **Iou-pater* < **djeu-pater*, где оба элемента сращения **djeu* и **pater* представляют собой формы звательного падежа. Остаток звательного падежа М. М. Покровский усматривал в форме обращения **DITE PATER** (1². 1012), истолковывая *Dite* как звательный падеж **Diti* от им. п. *Ditis* с переходом -ī > ě (§ 158); возможно и другое объяснение: *Dite* < *Ditis* с отпадением -s (§ 220). Остатком зват. п. может являться и обращение **MARMAR** < **Märt Märt* (им. п. *Mārs* < **Marts*) в гимне арвальских братьев (1². 2). Междометие *herce* представляет собой застывшую форму этрусского наименования Геракла, не связанную с латинским склонением имени *Herculēs*

	Прилагательные		Причастия	
	<i>brēvis m, f</i>	<i>brēvē n</i>	<i>fērēns m, f</i>	<i>fērēns n</i>
Singularis				
N.-V.	<i>brēvis</i>	<i>brēvē</i>	<i>fērēns</i>	<i>fērēns</i>
G.	<i>brēvis</i>		<i>fērētīs</i>	
D.	<i>brēvī</i>		<i>fērētī</i>	
Acc.	<i>brēvēm</i>	<i>brēvē</i>	<i>fērētēm</i>	<i>fērēns</i>
Abl.	<i>brēvī</i>		<i>fērētē</i>	
Pluralis				
N.-V.	<i>brēvēs</i>	<i>brēviā</i>	<i>fērētēs</i>	<i>fērētīā</i>
G.	<i>brēviūm</i>		<i>fērētīūm</i>	
D.	<i>brēvībūs</i>		<i>fērētībūs</i>	
Acc.	<i>brēvis</i>	<i>brēviā</i>	<i>fērētīs</i>	<i>fērētīā</i>
	<i>(brēvēs)</i>		<i>(fērētēs)</i>	
Abl.	<i>brēvībūs</i>		<i>fērētībūs</i>	

В латинском языке древнее распределение окончаний сохранено с незначительными модификациями.

¹ Исчезновение сонанта объясняется тем, что он вступал в дифтонгическое сочетание с предшествующим долгим гласным (§ 10, примеч. 3). В дифтонгах, в которых первый элемент долг, второй может исчезнуть (§ 108).

§ 355. Окончание -s («сигматическое») имеют все основы, кроме основ на -r-, -l-, -n-, -s-.

а) Основы на шумный согласный и -m: *stīrp-s*, *hiem-s*. При этом звонкий согласный перед -s оглушается (§ 251): *gēx* (основа *gēg-*), *plēr-s* (в письме чаще *plēbs*, основа *plēb-*), а переднеязычный (t, d) ассимилируется с -s (§ 251) с последующим упрощением конечно-го двойного согласного (§ 225 в): **obsess* (< **ob-sed-s*) > *obses*; *miles* < *mīles(s)* (Aul. 528) < **mīlet-s*.

О форме *mers* см. § 266.

Удлиненная ступень сохранена в форме им. п. *pēs*, род. п. *pēdis*. В словах *gēx*, *vōx*, *lēx*, *rāx*, *perōs* долгота гласного распространена на все склонение: род. п. *rēgis*, *vōcis*, *lēgis*, *pācis*, *perōtis*. Неизвестно происхождение долготы в формах им. п. *abiēs*, *ariēs*, *pariēs*; род. п. -*ētis*.

Если конечному согласному основы предшествовал краткий гласный, то этот гласный, находясь в им. п. ед. ч. перед двумя согласными (конечный согласный основы + s), развивался иначе, чем в прочих падежах, где он оказывался в срединном открытом слоге: им. п. *artifex* < **arti-fax*, род. п. *artificis* < **arti-facis* (§§ 160, 141).

В результате наиболее характерным кратким гласным в им. п. ед. ч. м.-ж. р. стал гласный -ĕ- в чередовании с -ī- прочих падежей, и это привело к аналогическому распространению его на основы, последним гласным которых являлось -ō-, а в некоторых случаях и -ī-. Так, по аналогии с соотношением *praestēs*, *praestītis* (основа *praestiāt-*) возник им. п. *equēs* при род. п. *equītis* (основа *equot-*, ср. греч. ἵπποτ-ης). То же в им. п. *hospēs*, если он восходит к **hosti-poti-s*, а не к **hosti-pet-s*. По аналогии с тем же соотношением -ĕ- распространяется на основы, содержащий гласный -ī-: *comēs*, *comītis* (основа *com-ī-t-* с нулевой ступенью корня -*ei/i-*, ср. *īre*) и *iūdēx*, *iūdicis*, где вторым элементом сложения является -*dīc-* (нулевая ступень корня *deic-/dic-*, ср. *dīcere*), — по образцу соотношения *artifēx*, *artificis*.

Прилагательные, сложные с *caput* (вероятно, из **caprot*; § 145), имеют в архаической латыни формы им. п. ед. ч. *ancipes* (Rud. 1158), *praecipēs* (Rud. 671), замененные впоследствии формами *ancerp*, *praecerp* по аналогии со словами, сложными с *capit*, например, *prīncerp*.

б) Основы на -ī-, -ū-: *vī-s*, *sū-s*, *gū-s*.

в) *bōs*, восходящее к и.-е. дифтонгической основе **g^hou-s*.

-ō- может восходить к и.-е. **g^hōs* (с отпадением второго элемента дифтонга, первый элемент которого долог; § 354) или, поскольку форма *bōs* диалектного происхождения (§ 48), представляет собой диалектную монофтонгизацию *ou* > *ō* (§ 112).

г) Основы на -ī-: *ovīs* < и.-е. **ouī-s*, ср. д.-и. *ávi-h*, греч. гом. *ōis*.

O militāre = *militāris* см. § 158; им. п. *aidiles* — см. § 161.

В оско-умбрской форме им. п. ед. ч. основ на -ī- регулярно происходит синкопа -ī-: ос. *aídil* < **aídils* < **aídilis*; умбр. *fons* < **fontis*. В латинском языке это явление не имеет регулярного характера и происходит в следующих случаях, упомянутых в § 169:

1) Иногда после смычного согласного, когда предшествующий слог долог: *mors* < **mortis*; *mēns* < **mentis*; *Samnīs* < *Samnītis*; *nostrās* <

nostrātis. В окончаниях -ātis, -ītis синкопа поздняя и у Плавта еще не встречающаяся. Присциан цитирует из Катона Samnītis (G. L. 2.337.19 сл.), из Кассия Гемины nostrātis (там же, 2.587.6).

2) В конечном элементе -ris после краткого гласного в словах, содержащих более чем два слога: *celer* < *celeris*, и после смычного, где -ris > -er (§ 173): *acer* < *acris*. Однако несинкопированные формы сохраняются рядом с синкопированными или претерпевшими метатезу: *celeris* у Катона (Присциан, G. L. 2.334.16); *alacris* (Eun. 304); *salūbris* (Цицерон, Div. 1.130). Сосуществование обеих форм становится нормой в классическом языке для ряда слов в силу того, что редуцированное окончание закрепляется за мужским родом, нередуцированное — за женским: *acer*, *acris* (§ 404).

3) Иногда (вероятно как диалектизм) в конечном элементе -lis: *vigil*, *rugil* рядом с *rugilis*; но всегда *facilis*, *agilis* и т. д.

Синкопа -i- в окончании -is приводила к затемнению основы и смешению основ на -i- с другими основами. В результате этого стало возможным аналогичское распространение окончания им. п. -is на основы, первоначально не содержащие гласного -i-. Это произошло в слове *mēnsis* 'месяц', где им. п. должен был иметь форму **mēns* (основа *mēns-*, род. п. мн. ч. *mēns-um*, ср. греч. μήν < **mēns*, род. п. μήνός < **mēnsos*), и таким образом отдифференцировался от им. п. *mēns* 'разум'. То же произошло с им. п. *canis* 'собака' (род. п. мн. ч. *can-um*). Унаследованной формой им. п. должно было быть **cō* (< **kuǝ-*, ср. д.-и. *čvā*, греч. κύων), соотношение которого с род. п. *canis* (< **kuǝnes*) представляло собой совершенно изолированный тип и толкало к новообразованию. Изолированный характер имело и соотношение им. п. **nāus* (ср. д.-и. *nāu-h*, греч. ναῦς), род. п. *nāvis*, что повлекло за собой перестройку им. п. *nāvis*. Употреблявшееся в древней латыни только во мн. ч. слово *iuvenēs* (основа *iuven-*, д.-и. *yuvan-*), род. п. мн. ч. *iuvenum*, получило впоследствии новообразованный им. п. ед. ч. *iuvenis* (впервые у Катюлла, 64.58). Все это нормальные формы классического языка. Встречается *Iovis* вместо *Iuppiter*; реже — формы *canis* вместо *canō*, *opis* вместо *ops*, *bovis* вместо *bōs*, *suis* вместо *sus*, *gruis* вместо *grūs*, *liēnis* вместо *liēn*; все эти новообразования продиктованы стремлением устранить из языка редко встречающиеся типы соотношений между им. п. ед. ч. и остальным склонением (*Iuppiter* — *Iovis*, *canō* — *canis* и т. д.), и во всех этих случаях новообразованный им. п. создается по образцу соотношения им. п. *ovis*, род. п. *ovis*.

д) Сигматическое образование им. п. ед. ч. мы находим также в неясном по происхождению (§ 352) типе — им. п. -ēs, род. п. -is: *caedēs*, *caedis*, где рядом с им. п. -ēs часто встречается -is и даже -s (с синкопой i): *nūbēs* — *nūbis*, у Ливия Андроника *nūbs* (Сервий к Aen. 10.636); *caedēs* — *caedis*; *vātēs* - *vātis*; *trabēs* — *trabs*; *plēbēs* — *plēbs*.

§ 356. Нулевое окончание имеют основы на -r-, -l-, -n-, -s-

а) Основы на -r-: *pater*, *māter*, *auctor*, *pār*. Характерная для им. п. ед. ч. м. и ж. р. основ на -r- удлиненная ступень элемента, предшествующего окончанию, сохранилась в латинском языке вплоть до времен Плавта, по крайней мере в именах родства и в суффиксе

-tōr; например в слове *patēr*: *Meus fuit patēr Antimachus, ego vocōr Lycōnidēs* (Aul. 779, трохеический септенар); другие примеры: *uxōr* (Merc. 800), *rogōr* (Poen. 364), *auctōr* (Pseud. 231) и т. д. Впоследствии *-ō* сократилось перед *-г* в неодносложных словах, согласно § 190. В существительных на *-ōr* долгота *-ō-* распространилась на все склонение: им. п. *auctōr*, род. п. *auctōris*, в то время как в греческом языке сохранилось древнее чередование *δῶτωρ, δῶτορος*. С сокращением *-ōr* в им. п. в склонении слов на *-ōr* вновь возникло чередование *auctōr* — *auctōris*, но уже отличное от древнего.

О долготе гласного *rāg*, род. п. *rāgis* см. § 193 д. В и.-е. именах на *-ter* удлиненная ступень им. п. чередовалась с полной и нулевой в других падежах: греч. *πατήρ*, им. п. мн. ч. *πατέρες*, род. п. ед. ч. *πατρός*; в латинском языке нулевая ступень распространилась на все падежи, кроме именительного: *pater, patris*.

О переходе, ряда основ на *-s-* в основы на *-г-* см. пункт г.

б) Основы на *-l-*. Относящиеся сюда немногочисленные слова либо позднейшего происхождения, как составные имена на *-sul*: *cōnsul*, *exul*, либо перешли в мужской род из среднего рода: *sōl* < **sāuel*, ср. д.-и. *súvar* ср. п., гот. *sauil* ср. п., русск. солнце ср. п., греч. крит. *ἄφῆλ-λος* м. п.; *sāl*, род. п. *sālis* (о долготе *-ā-* см. § 193 д), ср. п. сохранен у Фабия Пиктора, греч. *ἄλ-ς* м. п. с сигматическим окончанием.

Vigil, pugil см. § 355 г.

в) Основы на *-n-*. Нулевое окончание с удлиненной ступенью элемента, предшествующего окончанию.

1) *-ō* < **-ōn* с исчезновением сонанта (§ 354): *homō, regiō, magnitūdō*. Чередование им. п. на *-ō* и род. п. на *-ōnis* сохранилось в словах *homō* (и сложном с ним *nēmō*), *cardō, margō, ōrdō, turbō, virgō* и в суффиксальных именах на *-dō, -gō*: *cupīdō, altitūdō, vorāgō*; в прочих именах м. п. на *-ō* и в суффиксальных на *-iō* долгота распространилась на все склонение: *latrō, род. н. latrōnis; nātiō, род. п. nātiōnis*; в архаической латыни встречаются *hemōnem* (P. F. 89.8), *homōnem* (Энний, Ann. 138).

К какому гласному восходит *-ī-* открытого срединного слога в *homīnis* и т. д., определить невозможно: с *-ō* (< **-ōn*) могло чередоваться *-ēn, -ōn, -ān* (*-a* < **-α-*; § 10), а также *-n-* — нулевая ступень, — в последнем случае *-ī-* возникло бы в порядке анаптиксы (§ 176); нулевая ступень суффикса сохранилась в *carō, род. п. carnis*.

Чередование неясного происхождения: *Aniō, Aniēnis; Neriō, Neriēnis*.

Впоследствии *-ō* сократилось (§ 189).

2) -ē-п, ср. греч. ποικίλν: liēn, gēn (также giēn), Anīēn (дублет к Anīō), Долгота гласного распространилась в этих словах на все склонение: род. п. liēnis, gēnis.

Сохранение долготы -ē- в liēn (ср. § 190) связано, вероятно, с однословным произношением этого слова (liēn).

Неясно происхождение форм им. п. ед. ч. в именах м. р. flātēn, rectēn (ср. греч. κτεῖς < *(π)κτεῖς с сигматическим образованием им. п.); -ēn может фонетически восходить (§ 190) к -ēп, но могло возникнуть в результате распространения вокализма косвенных падежей на именительный. Не исключена также возможность, что эти слова перешли в м. р. из среднего.

Сложные слова на -cen (< *-can, ср. canō); tībīcen, comīcen — позднейшего происхождения и не имели в им. п. удлиненной ступени.

Sanguis (< *sanguin-s), род. и. sanguinis — сигматическое переобразование sanguen (Лукреций, 1.860), перешедшего из ср. р. в м. р.; в позднейшем языке — sanguis по аналогии с unguis.

г) Основы на -s-.

Нулевое окончание: cinis, pulvis; в основах на -es-, -os- — удлиненная ступень: Cerēs, pūbēs, honōs, arbōs. В именах м. р. на -ōs долгота -ō- распространилась по всему склонению.

Им. п. на -us (< -os) имеют слова, которые первоначально относились к ср. р.: Venus (**VENUS** I². 550), ср. д.-и. vānas- (ср. р.) 'прелесть'; прилаг. vetus, ср. греч. (F)ἔτος 'год'; заимствование lepus, род. п. lepōris 'заяц' имеет, по-видимому, древнее -r-, ср. сикульское λέπορις (Варрон, L. L. 5.101), греч. λεβηρίς 'кролик', и им. п. lepus представляет собой новообразование по образцу tempus — temporis.

Упрощение -ss в as (род. п. assis), bēs, exos 'бескостный' (прилаг., сложное с os, ossis).

Во всех падежах, кроме им. п. ед. ч., -s- (но не -ss-) основы переходило в -r- (§ 212), и это ротакистическое -r- распространилось почти во всех неодносложных словах и на им. п.:

1) -ōr > -ōr (§ 190) в м. -ōs, которое совершенно вытеснено в сравнительной степени прилагательного (им. п. м.-ж. р. maiōr < *maiōs в противоположность им. п. ср. р. maius), но сохранилось как архаизм во многих именах рядом с окончанием -ōr: honōs и honor, arbōs и arbor и т. д.

2) -ōr: bicorpor 'двухтелый' — прилагательное, сложное с corpus, corporis.

3) -ēr: mulier; dēgener — прилагательное, сложное с genus, generis; vōmer наряду с vōmis; редко veter наряду с vetus; pūber наряду с pūbēs и pūbis.

В односложных словах -s сохраняется: *mūs, flōs, mās*, но *Lār* под влиянием гораздо чаще употреблявшегося мн. числа *Larēs < LASES* (1². 2, гимн арвальских братьев).

О долготе *Lār* см. § 193 д.

§ 357. Родительный падеж. В род. п. ед. числа и.-е. основы на согласный, -ī-, -ū- и дифтонг имели окончания **-es, *-os* в чередовании с **-s*: греч. *κυν-ός*, др.-лит. *šū-n-es*, ст.-сл. *невесе*, где *-е* < **-es*, д.-и. *dātūr < и.-е. *dōtŕ-s*. В основах на -*i/ei-* то же окончание в нулевой ступени (-*s*) присоединялось к полной ступени основы: *-ei-s*.

В латинском языке окончание *-es, -os* было перенесено в склонение основ на **-ei/i-* и заменило собой конечный элемент **-eis* их род. падежа.

В оско-умбрской группе имела место унификация в обратном направлении: *-eis* было распространено на согласные основы (ос. *medikeis*) и даже на 2-е склонение (§ 37).

Двойственность окончаний на *-es, -os* сохранялась и в латинском языке. В римском говоре установилось окончание *-es*: **SALVTES** (1². 450), **VENERES** (1². 451), которое впоследствии перешло в *-is* (§ 161) и было воспринято литературным языком: *gēg-is, nōmin-is, su-is, bov-is* и т. д.

В пренестинском говоре и в некоторых других латинских диалектах установилось окончание *-os > -us*, иногда встречающееся и в римских официальных памятниках: **DIOVO** (1². 60, с отпадением *-s*; § 220), или **DIOVOS** (1². 360) = *Iovis*, **VENERVS** (1². 675), **SALVTVS** (1². 62), **PATRVS** (1². 2289), **NOMINVS** (1². 581), **PARTVS** (1². 582) = *partis*, основа на -*i-*, и др.

Редко встречающаяся форма род. п. *vīs* образована от им. пад. *vīs* по аналогии со склонением на -*ī-*: им. п. *puppis*, род. п. *puppis*.

§ 358. Дательный падеж. И.-е. окончанием дат. падежа служил дифтонг **-ei*: **reg-ei*, ср. греч. кипр. личное имя *Διφεί-φίλος* 'любезный Зевсу', лепонт.¹ *riçon-ei*. В основах на -*ei/i-* это окончание присоединялось к полной ступени основы: **-ei-ei*. В италийских языках **-ejei > *-eei* (§ 207) > **-ēi* (§ 196) > *-ei* (§ 108).

Таким образом, конечный элемент дат. п. основ на -*ei/i-* не отличался в италийских языках от окончания согласных основ (ос. *medikei* — основа на согласный, *futrei* — основа на -*i/ei-*).

Полагают, что это тождество форм в основах на согласный и в основах на -*ei/i-*, наряду с синкопой -*i-* в им. п., послужило основой для взаимного сближения двух склонений и распространению окончаний одного склонения на другое.

¹ Лепонтийский («лигуро-кельтский») — язык, памятником которого является группа надписей в Северной Италии.

Дифтонгическое окончание *-ei* сохранялось еще в латинских памятниках III в. до н. э.: **APOLENEI** (1². 368), **HERCOLEI** (1². 607), **VIRTUTEI** (1². 7).

В дальнейшем *-ei* > *-ē* > *-ī* (§111, там же о сохранении *ē* в диалектах): *rēg-ī*, *pōtin-ī*, *su-ī*, *bov-ī* и т. д.

Форма *-ē* встречается в надписях: **DIOVE** (1². 20), **HONORE** (1². 31), и сохранилась в качестве архаизма в юридических формулах:

III *viī aurō aerē argentō flandō feriundō; iūrē dīcundō; iūrē civīli studere.*

Надпись 1². 1430 содержит рядом написания *-ei*, *-e*, *-i*: **IVNONE SEISPITEI MATRI.**

Редко встречающаяся форма дат. п. *vī* образована так же, как и форма род. п., по аналогии с основами на *-i*.

§ 359. Винительный падеж м.-ж. рода. И.-е. окончание **-m* было слоговым (**-m̥*) в основах на согласный, неслоговым — в основах на гласный или дифтонг. В итальянских языках **-m̥* > *-em* (§ 27).

Латинский язык сохранил окончание *-em* в согласных основах, *rēg-em*, и распространил его на: 1) основы на *-ū*- и дифтонг: *suem*, *lovem*, *bovem*; 2) основы на *-ei/i-*: *ovem*.

Конечный элемент *-i-m* сохранился: 1) в основах на *-ī-*: *vīm* < **vī-m*; 2) у некоторых существительных женского рода с основой на *-ī*, имеющих обычно в им. п. *-is*: *amussis* 'плотничья линейка (уровень)', *būgis* 'рукоять у сохи', *sicumis* 'огурец', *fūtis* 'сосуд для воды', *gāvis* 'хрипота', *gūmis* 'сосец', *sitis* 'жажда', *tussis* 'кашель'.

Дублетные формы на *-im* и *-em* имеют слова: *clāvis* 'ключ', *crātis* 'плетенка', *cutis* 'шкура', *febris* 'лихорадка', *nāvis* 'корабль', *neptis* 'внучка', *pēlvis* 'таз', *puppis* 'корма', *restis* 'веревка', *secūris* 'топор', *sēmentis* 'посев', *strigilis* 'скребница', *turris* 'башня'.

Некоторые из этих слов, по-видимому, первоначально относились к основам на *-ī-* и лишь впоследствии примкнули к более распространенному типу основ на *-ī-*. Это обнаруживается в словопроизводстве: *clāvīcula*, *crātīcula*, *cutīcula*, *febrīculōsus*, — или путем сравнения с другими языками: *neptis*, ср. д.-и. *naptih*; *pēlvis*, ср. д.-и. *pālavī*; с другой стороны, большинство этих слов относится к сельскохозяйственной лексике и к морскому делу, это позволяет усматривать в сохранении *-im* диалектное воздействие. В осском языке основы на *-i-* сохраняли окончание *-im* (напр., *slagim*) в отличие от согласных основ, которые заменили исконное *-em* заимствованным из 2-го склонения окончанием *-om*: *tanginom*. Учитывая значительность оскизирующих «сабинских» элементов в латинской

сельскохозяйственной лексики, а также то, что в вопросах морского дела римляне соприкасались с кампанскими осками, можно с большой долей вероятности приписать диалектным влияниям сохранение окончания *-im* в вышеприведенных словах. О большой распространенности этого явления в латинских говорах свидетельствуют диалектные формы на *-im* в словах мужского рода: **PISCIM** (1². 560, Пренесте, III в. до н. э.); вероятно, также и **Tiberim**.

Проникновение окончания *-em* в основы на *-i-* предшествует эпохе литературных памятников, но древний конечный элемент *-im* сохранился в застывшем виде в наречиях, где он стал продуктивным словообразовательным суффиксом: *partim* и т. д. (*partim* как форма вин. п. у Лукреция 6.384 и, вероятно, 1². 37 **PARTI** - обычно *partem*). Конечный элемент *-im* оставался продуктивным в склонении слов, заимствованных из греческого языка как латинское соответствие греческому *-iv*: *basim*, *poësim*; особенно в именах собственных: *Thetim*, *Neāpolim*, *Phāsīm*; в именах рек он распространился и на слова германского и галльского происхождения: *Albim* (им. п. *Albis*), *Ararim* (им. п. *Arar*), *Ligerim* (им. п. *Liger*).

§ 360. Отложительный падеж. В латинском языке два окончания: 1) *-ī* < *-īd* — **LOVCARID** (1². 401) = *lūscāgī*; 2) *-e*.

Окончание *-īd* — общеиталийское образование в основах на *-ī-* по аналогии с окончанием 2-го склонения *-ōd*, ср. ос. *slaagid*; *-īd* > *-ī* (§ 218), которое в письме иногда изображается *-ei* (§ 103), напр., **VIRTVEI** (1². 11): *vī*, *purpī*, *brevī*, *maḡī*.

Окончание *-ē* допускает двойное объяснение. Лат. *-ē* может восходить к лат. *-ī* (§ 158) < и.-е. **-i*, тогда в нем отражено и.-е. окончание местного падежа *-ī* в основах на согласный, *-ī-*, *-ū-* и дифтонги. Если же латинское *-ē* восходит к и.-е. **-e*, в нем отражено и.-е. окончание инструментального падежа *-ē* тех же основ.

-ē не может восходить к *-ed*, поскольку *-d* после краткого гласного не отпадает. И действительно, в надписях, сохраняющих *-d*, мы встречаем **AIRE MOLTATICOD** (1². 383), **GNAIVOD PATRE** (1². 7); формы **DICTATORED**, **NAVALED** в реставрированной надписи на ростральной колонне (1². 25) представляют собой, вероятно, ложные архаизмы. [с]OSOLED (= *cōnsole*) на обломке надписи (1². 19, III в. до н. э.) не документирует окончание *-ed*, так как *d* может принадлежать началу следующего слова. Если бы окончание *-ed* действительно существовало в III в. до н. э., это было бы распространением *-d* на согласные основы, не оставившим следа в дальнейшем развитии языка.

Таким образом, *-ī* должно было принадлежать склонению основ на *-ī-*, *-ē* — склонению прочих основ. Однако сближение этих двух склонений имело последствием значительные колебания в образовании форм отложительного падежа. В архаической латыни мы

находим с одной стороны распространение -е на склонение существительных м. и ж. рода с основой на -i-: *hoste, ove*, с другой стороны — проникновение -īd > -ī в склонение основ на согласный: **AIRID** (1². 38), **COVENTIONID** (1². 581), **BOVID** (1². 1006), **CORPORID** (1². 593). Создались многочисленные дублетные формы: *partē* и *partī*, *finē* и *finī*, *marē* и *marī*, *ixorē* и *ixorī*, *praesentē* и *praesentī* и т. д. Поэты свободно употребляли оба окончания -ē и -ī в зависимости от метрической надобности.

В рукописном предании это нередко затемнено. Если в «Анналах» Энния мы находим стих (440):

Tum cava sub montē lātē specus intu(s) patēbat.

то нет основания приписывать Эннию нигде не засвидетельствованную форму отложительного падежа на -ē. Энний употребил, вероятно, форму *montī*, которая затем была исправлена в соответствии с нормами классического языка на *monte*.

Литературный язык в значительной мере урегулировал распределение окончаний -ē и -ī. В существительных установлено было соответствие между вин. п. на -em и отложительным на -e, которое закрепилось таким образом во всех словах м. и ж. рода, за исключением слов, имевших вин. п. на -im: *ruppim, ruppī*.

В существительных среднего рода было восстановлено исконное соотношение между -e согласных основ — *nōmine, genere* — и -ī в основах на -i- — *marī, animālī*. Окончание -e закрепилось также в сравнительной степени прилагательных в соответствии с согласным характером их основы — *maiorē*. В склонении положительной степени прилагательных, где преобладали основы на -i-, а форма отложительного падежа на -e создавала необычную для латинского языка омонимию отложительного падежа с им. п. среднего рода, во всех основах закрепилось -ī, за исключением нескольких прилагательных с основой на согласный, часто употреблявшихся в функции существительных: *dīves, pauper, vetus* и т. п. Причастия дифференцировались от омонимных прилагательных тем, что получали окончание -e.

Однако колебания полностью не были устранены. Дублетные формы сохранились в существительных *civī, imbrī, ignī* (особенно в стоячих формулах *ferrō ignīque, aquā et ignī interdīcere*), в причастиях; у поэтов допускается -e в положительной степени прилагательных (*caelestē* — Овидий, *Met.* 15.743), -ī — в сравнительной степени (*maiorī* — Лукан, 7.162).

§ 361. Отложительный падеж имел также функцию местного падежа (§ 308); 'где' и 'откуда' дифференцировались предлогами. Для тех имен с основой на согласный, которые в обозначениях места или времени обычно употреблялись без предлога (име-

на городов и т. п.), была создана особая форма местного падежа на -ī по аналогии со 2-м склонением: *temper-ī*, *gūr-ī*, *Carthāgin-ī*. Однако эти формы тяготели к адвербиализации, и в литературе классического периода допускается употребление обычных форм отложительного падежа (*gūr-e* и т. д.) в локативной функции.

§ 362. Именительный-винительный-звательный падеж среднего рода с общеиндоевропейских времен имел нулевое окончание: *sarut*, *pōtep*, *matmog* (заимствованное из греческого), *femur* (§ 351 а).

В основах, оканчивающихся на группы из двух согласных или на двойной согласный, имеют место фонетические процессы согласно §§ 261, 225 в: *cor* < **cord*; *lac* < **lact*; *ferēns* (ср. р. причастия) < **ferent*; *far* < **far* < **fars*, род. п. *farris* < **farses*; *fel* 'желчь' < **fell*, род. п. *fellis* < **felnes* (§ 250); *mel* < **mell*, род. п. *mellis*; *os* 'кость' < **oss*, род. п. *ossis*; *vās* < **vāss*, им. п. мн. ч. *vāssa* (Merc. 781) > *vāsa*.

О ср. роде прилагательных одного окончания в согласных основах (тип *audāx*) см. § 404.

В основах среднего рода на -es- им. п. с и.-е. времен имел тембр о: греч. *γένος*, род. п. *γένους* < *γεγεσ-ος*, ст.-сл. им. п. *нево*, род. п. *невесе*. Это чередование сохранено и в латинском языке: им. п. *opus* < **OPOS** (1². 546), род. п. *operis*; *genus*, род. п. *generis*. Однако во многих словах огласовка о распространилась на все склонение: *tempus* (< **tempos*), род. п. *temporis*, ср. *tempes-tās* и застывший в качестве наречия, еще до распространения -o-, местный падеж *temperī*. Впоследствии, когда -os > -us (§ 162), -or- сохранилось (§ 146). В отличие от им. п. м. и ж. р. в им. п. ед. ч. ср. р. редко проникает из косвенных падежей ротакистическое r. Это имеет место в поздних образованиях: *aequor*, *rōbor* (*rōbus*— Катон, Agr. 17.1) и в именах с род. п. на -uris, возникшим под воздействием u в предшествующем слове (§ 146): *fulgur* вм. *fulgus* под влиянием род. п. *fulguris* < **fulgoris*.

Rōbur (Лукреций, 3.1017), род. п. *rōboris* — контаминация *rōbor* и *rōbus* по образцу *femur*, *femoris* (§ 351).

В основах на -i- конечное -i > -e (§ 158): *mare*, *rēte*.

В именах существительных -i синкопируется после r, l, которому предшествует долгий слог (§ 168): **animāli* > *animāl* > *animāl*; *bacchānāl* (Aul. 411a), *tribūnāl*, *exemplār* (§ 279).

В ср. р. прилагательных восстанавливается несинкопированная форма -āle, -āre, которая изредка распространяется на существи-

тельные: *capitāle* (Most. 475), *salūtāre* (Aul. 148), **TRIBVNALE** (1². 593), *exemplāre* (Лукреций, 2.124).

Множественное число

§ 363. Именительный-звательный падеж м.-ж. рода. И.-е. окончание *-ēs (ср. греч. πόδες, д.-и. rād-ah, ст.-сл. каменѣ). В основах на *-i/ei- оно присоединялось к полной ступени основы: *-ei-es. В итальянских языках, как и в греческом, *ejes > -ees (§ 207, ср. греч. πόεις < *ποεῖς); в латинском языке *-ees > -ēs (§ 196). Этот конечный элемент им. п. мн. ч. основ на -i- был в латинском языке обобщен на все 3-е склонение.

В основах на согласный им. п. мн. ч. оказался, таким образом, омонимичным с вин. п. мн. ч., также имевшим окончание -ēs, между тем как в основах на -i- эти падежи оставались дифференцированными (им. п. -ēs, вин. п. -īs).

Отсюда возникла тенденция установить равенство этих падежных форм также и в основах на -i-: она завершилась тем, что -ēs распространилось и на вин. п. (§ 366), но действовала и в обратном направлении. В надписях периода Республики иногда встречается им. п. мн. ч. на -īs: **FINIS** (1². 584, 117 г. до н.э.) **CEIVEIS** (1². 583; написание ei в значении ī — § 103); ср. им. п. мн. ч. vīs у Лукреция (3.265). Варрон (L. L. 8.66) допускает *haec puppīs, restīs* наряду с *haec puppēs, restēs*.

§ 364. Родительный падеж. И.-е. окончание *-ōm, греч. πόδ-ῶν, д.-и. rad-ām, ст.-сл. матеръ. Отсюда лат. -ōm (§ 190): **POVMILIONOM** (1². 569, Пренесте); в дальнейшем -ōm > -ūm (§ 162).

Конечный элемент -i-um принадлежал основам на -i-. Однако в прилагательных, где основы на -i- преобладали, он перешел и на согласные основы: атгōciūm. Исключения представляют лишь немногие прилагательные, часто употреблявшиеся в субстантивированном значении: *pauper, vetus* и т. д. (ср. § 360).

Распространение -iūm в причастиях на -ns относится к сравнительно позднему времени; у Плавта еще преобладает -ntum. Здесь могло играть роль аналогическое воздействие прилагательных на -ns, типа *sariēns* (по происхождению адъективированных причастий), а также и имен существительных на -ns, род. п. -ntis с синкопированным i в им. п.: *mēns, mentis* (§ 355 г). Затемнение основы, возникшее в результате синкопы, имело своим последствием перенесение -iūm и на некоторые согласные основы, имевшие сходство

с синкопированными основами на *-i-*: *dentium* по образцу *mentium* (*mentis* > *mēns*); *līitium* по образцу *dōitium* (**dōtis* > *dōs*). Поскольку синкопа происходила после смычного согласного, которому предшествовал долгий слог (§ 169), в словах с синкопированным *i* получались основы, оканчивающиеся на два согласных звука, например, *part-*, или на согласный, которому предшествовал долгий гласный, например, *dōt-*; на сходные по форме согласные основы и распространяется *-ium*: *ass-ium*, *mūr-ium*. Отсюда правило школьной грамматики об *-ium* в именах с основой на два согласных и наличие его в ряде основ, содержащих долгий гласный: *līt-ium*, *strīg-ium* и т. д.

Имена родства на *-er* с чередованием ступеней аблаута в основе: *pater*, *māter*, *frāter*, равно как и субстантивированное *parentēs* — сохранили *-um*; сохранило его и прилагательное *memor*.

В именах на *-tās* колебание между суффиксами *-tāt-* и *-tāti-* восходит к общеиндоевропейскому языковому состоянию (ср. д.-и. *sarvātāti-ḥ* и *sarvātāt* ‘целостность’), и соответственно чередовались формы *cīvitāt-um* и *cīvitāt-ium*. Это еще более облегчало проникновение окончания *-ium* в склонение согласных основ. Дублетные формы бывают также в причастиях на *-ns*, где поэты по метрическим соображениям сохраняют древнее *-ntum*.

Противоположный процесс, переход *-um* в основы на *-i*, имеет место только в единичных случаях: *partum* (Энний, *Ann.* 593), *marum* (Невий, *V. P.*, fr. 12), или при метрической невозможности использовать форму на *-ium*: *caelestum*, *agrestum*. Общепринятому языку формы такого рода не свойственны.

Отсутствие *-i-* в конечном элементе род. п. мн. ч. может служить, хотя и не во всех случаях, признаком того, что древняя основа оканчивалась не на *-i-*, а на согласный, *-ū-*, дифтонг и т. д. В таких словах как *canis*, *iūvenis*, *mēnsis*, *sēdēs*, имеющих в род. п. мн. ч. *canum*, *iūvenum*, *mēnsium*, *sēdium*, новообразованием, как мы видели (§ 355 г), является им. п. ед. ч. По образцу *canis* — *canum*, *sēdēs* — *sēdum* и *sēdium* имеем *apis* — *apum* и *apium*, *vātēs* — *vātum* и *vātium*.

От *bōs* род. п. мн. ч. *boium* < **boom* < *bovom* (§ 210); в формах *bovom* (Вергилий, *Geōrg.* 3.211), *bovum* (Цицерон, *Rēp.* 2.16) *-v-* восстановлено по аналогии с им. п. *bovēs*. От *Iuppiter* род. п. мн. ч. *Ioium* (Варрон, *L. L.* 8.74).

Неясность стяженных форм *boium*, *Ioium* вызвала новообразования *bovegum* (Катон, *Agr.* 62), *Iovegum* (Варрон, *L. L.* 8.74); у анналистов конца II в. до н. э. встречаются формы *gēg-egum*, *lapid-egum*, *luc-egum*. Количество *-e-* при этом неизвестно, и трудно указать модель, послужившую основой для новообразования.

§ 365. Дательный-отложительный падеж. Для дат. и отл. падежей единого общеиндоевропейского окончания не было, и оно варьировалось по отдельным ветвям. В итальянских языках окончание восходит к **-bhos*, ср. галл. *matre-vo* = *mātribus*, вен. *oroso-fos* — *operibus*, месс. *-bas*, *-bo*, а также д.-и. INSTR. П. *-bhīḥ*, дат.-отл. П. *-bhyah*.

Основы на *-i-* соответственно имели конечный элемент **-i-bhos* > лат. *-ibus*.

Окончание *-bus* сохранилось в *būbus*, *sūbus*. В основах на согласные *-bus* заменено конечным элементом *-ibus* по аналогии с основами на *-i-*.

Распространение *-ibus* на согласные основы вызвано было, вероятно, тем, что ассимиляция конечного смычного основы с начальным *-b-* окончания приводила к затемнению формы: **reghbos* > **rebbos*; тождество форм дат. п. ед. ч. в основах на согласный и основах на *-i-* (§ 358) также могло благоприятствовать этому распространению.

То же имело место в осском языке: *-i-fs* (< **-ibhos*) > *-iss* > *is*; умбрский язык распространил на согласную основу конечный элемент *-us* (< **-ubhos*) четвертого склонения.

Распространение *-ibus* находим также в формах *su-ibus* (рядом с *sūbus*, а также *sūbus* — Лукреций, 6.974 и 977 — с кратким *ū* по аналогии с *sūēs*, *sūōm*), *gru-ibus*.

Būbus рядом с *būbus* обнаруживает диалектную монофтонгизацию дифтонга *ou* (§ 110).

SENATORBVS (1². 581, строка 6) — несомненно, графическая ошибка вместо **SENATORIBVS** (строка 9 и 18 той же надписи).

TEMPESTATEBVS (1². 9) — «обратное написание» вм. *tempestātibus* (§ 141 б).

§ 366. Винительный падеж м. -ж. рода. И.-е. окончание **-ns* (< **-m-s*) с вариантом **-ns* в основах на согласный (ср. греч. крит. *τόλις*, гот. *gastins*; в основах на согласный: греч. *πόδ-ας*, д.-и. *rad-āh*, где *-a-* < **-r-*). Соответственно лат. *-ēs* < **-ens* (§252) < **-ns* (§ 27) — в основах на согласный, и *-īs* < **i-ns* — в основах на *-i-*: *gēg-ēs*, но *finīs*, ср. *fini-um*.

Конечный элемент *-īs* распространялся на согласные основы в той же мере, как и *-ium* в род. п. (§ 364): **OPTANTIS** (1². 364), ср. *optantium*. Впрочем, о распределении форм *-īs*, *-ēs* трудно судить, так как единственным сколько-нибудь достоверным источником являются здесь надписи республиканского периода. В рукописях *i* и *e* часто смешиваются, стих не дает критерия, так как *-īs* и *-ēs* метрически равнозначны.

С конца II в. до н. э. омонимия им. и вин. п. мн. ч., установившаяся в согласных основах (*-ēs*), стала проникать в основы на *-i-*. Как уже указывалось (§ 363), омонимия эта устанавливалась в двойном порядке: *-īs* переносилось с вин. п. на им. п., а *-ēs* с им. п. на вин. п. — **CEIVES** (1². 585, 111 г. до н. э.) = *cīvēs*. Эта последняя тенденция, еще более сближавшая склонение основ на *-i-* со склонением согласных основ, в конце концов одержала верх, и с I в.

н. э. -ēs установилось как единая форма конечного элемента вин. п. мн. ч. м.-ж. рода во всем 3-м склонении: *ŕīnēs, omnēs* и т. д.

Вергилий еще пользовался на равных правах формами *urbīs* и *urbēs, trīs* и *trēs*, выбирая, по мнению его толкователей (Геллий, 13.21), в каждом отдельном случае ту форму, которая наиболее подходила с точки зрения звучания стиха.

В качестве архаизма форма на -īs продолжала существовать и в эпоху Империи.

§ 367. Именительный-винительный-звательный падеж среднего рода. Окончание -ā < и.-е. *а, обобщенное на все склонение (§ 342); ср. греч. *φέροια*, д.-и. *bhārant-i*. Конечный элемент -i-a, свойственный основам на -i-, распространился (вместе с -ium в род. п.; § 364) на согласные основы положительной степени прилагательных и на причастия. Исключения: *vetus, pauper* и т. д. (ср. §§ 360, 364).

Архаистическую форму им. п. мн. ч. среднего рода причастия *ſilenta* приводит Геллий (19.7.7) из поэта Левия.

Com-plūra — по аналогии с *plūra* (сравнительная степень); но с ослаблением сравнительного значения создается дублетная форма *com-plūria*, по аналогии с которой возникает и *plūria*.

ЧЕТВЕРТОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 368. В латинском четвертом склонении отражено и.-е. склонение основ на *-u/eu-, параллельное склонению основ на *-i/ei-. Сближение склонения основ на *-i/ei- со склонением основ на согласный привело к изоляции склонения основ на *-u/eu-, которые и образовали в италийских языках особый тип.

К и.-е. основам на *-ū- присоединилась одна и.-е. основа на *-ū-: *suekrū-s*, д.-и. *свакрū-ŕ*, ст.-сл. *свекръ*, лат. *socrus* 'свекровь'. По аналогии с *socrus* вошло в 4-е склонение и слово *puŕus* (и.-е. **snusos*, основа на -o-) 'невестка', соотносительное по значению с *socrus*.

§ 369. И.-е. основы на *-u- могли принадлежать именам всех трех родов. В латинском языке имен женского или среднего рода, относящихся к четвертому склонению, насчитываются лишь единицы.

В некоторых случаях наблюдаются колебания в роде. Так, *metus* обычно м. р., но встречается и в ж. р. (Невий, Энний); *repu-*, *resu-* употребляются во всех трех родах.

Существительные, относящиеся к 4-му склонению, немногочисленны. Только суффикс -tu- отглагольных имен образует продуктивный словообразовательный ряд: *fructus, exercitus, auditus* т. д.

Древние основы прилагательных на -u- в латинском языке утрачены. Соответствующие слова отошли либо к основам на -i- (лат. *svāvis* < **suādū-is*, ср. греч. ἰδύς, д.-и. *svādūh*), либо к основам на -o- (лат. *dēnsus*, ср. греч. δασύς; лат. *gurdus*, ср. греч. βραδύς). Единственными латинскими прилагательными четвертого склонения являются слова, сложные с -*manus*: *longimanus*, *anguimanus*.

В латинском языке исторического времени основы на -u- представляют собою мало жизнеспособную морфологическую категорию. Это обнаруживается также в склонении этих основ, в которое нередко внедряются формы, образованные по 3-му и 2-му склонению.

§ 370. В и.-е. склонении основ на *-u/eu- имело место чередование полной ступени дифтонга *-eu/ou- с удлинненной ступенью *-ēu/ōu- и с нулевой ступенью -ū-. Некоторые следы этого чередования сохранились в латинском четвертом склонении.

§ 371. Парадигма.

Masc. Sg.	N.-V.	frūctūs	Pl.	frūctūs
	G.	frūctūs		frūctūōm
	D.	frūctūī, frūctū		frūctībūs
	Acc.	frūctūm		frūctūs
	Abl.	frūctū		frūctībūs
Neutr. Sg.	N.-Acc.-V.	cōtmū	Pl. N.-Acc.-V.	cōmūā

Единственное число

§ 372. Именительный-звательный падеж м.-ж. рода имел и.-е. окончание *-s, присоединявшееся к нулевой ступени основы: *-ū-s (греч. πῆχυσ, д.-и. *bāhūh*, ст.-сл. **сынъ**) > лат. -ū-s.

§ 373. Родительный падеж имел и.-е. окончание *-s (нулевую ступень окончания *-es, см. § 357), присоединявшееся к полной ступени основы: *-eu-s или *-ou-s (параллельно конечному элементу *-eis в основах на *-i/ei-): д.-и. *bāhōh* (o < и.-е. *ou, гот. *sunaus* 'сына', ст.-сл. **домоу**, ос. *castrous*).

В архаической латыни -ous еще сохранялось: **SENATOVS** (1². 2197). Впоследствии -ous > ūs (§ 110): *senātūs*.

След диалектной монофтонгизации ou > ō находим в форме род. п. ед. ч. (*domōs* вм. *domūs*, которое, по сообщению Светония, употреблял император Август).

CONVENTVVS (2.2416) — графическое обозначение ū при помощи удвоения гласного (§ 103).

В древней латыни имелись побочные формы род. п. ед. ч. с конечным элементом -u-is (< *-u-es) и -u-os: *frūctūis* (Варрон, R. R.

1.2.19), **SENATVOS** (1². 581). Формы эти, не встречающиеся у Плавта, созданы, вероятно, по аналогии окончаний *-is < -es* и *-os* 3-го склонения (*frūctuis : frūctūi = rēgis : rēgi*). Однако не исключена возможность, что здесь отражена побочная и.-е. форма род. п. с полной ступенью окончания и нулевой ступенью гласного основы (ср. греч. ἰχθύ-ος, μέθυ-ος, д.-и. mádhv-ah).

Нередко встречается род. п. на *ī* по образцу 2-го склонения, с которым после 200 г. до н. э. основы на *-i* совпали в им. п.: *exercitī* (Невий, В. Р., fr. 32), *questī* (Aul. 83), *tumultī* (Энний, Sc. 156), *geli* (Лукреций, 5.205) и особенно часто *senātī* (например, 1². 626), ср. род. п. **DOMVI** (6.2067, 90 г. н. э.).

Сообщения позднейших грамматиков (Харисий. G. L. I. 31.5 — 6), будто имена среднего рода 4-го склонения имют род. п. на *-ī*, не оправдываются текстами классического периода, в которых мы находим только формы на *-ūs*: *genūs, cognūs*. Сообщения эти относятся к такому времени, когда в живой речи уже не существовало парадигмы 4-го склонения для слов среднего рода. Зоммер предполагает, что грамматика извлекли свое правило из сращений типа *cognū-būbulī* (Цельс. 5.22.2) — род. п. к им. пад. *cognū-būbulum* с застывшим первым членом сращения.

§ 374. Дательный падеж. И.-е. окончание **-ei* присоединялось к полной или нулевой ступени основы: д.-и. *sūpāve*, ст.-сл. *сынови* с полной ступенью основы; д.-и. *ζίςυ-ε* с нулевой ступенью.

В латинском *-īei*: **SENATVEI** (1². 586), может быть отражено как то, так и другое образование. В дальнейшем *-uei > -uī*.

Рядом с формой дат. п. на *-uī* существовала форма на *-ū*, которая, судя по аналогичной умбрской форме на *-o*, должна восходить к конечному дифтонгическому элементу **-ou*; происхождение этой формы не получило еще полного разъяснения. С звуковой стороны она могла бы восходить к и.-е. форме местного падежа на **-ēu* (д.-и. *sūpāu*), ср. застывшие наречные формы *dīū, postū*, но при этом предположении трудно объяснить ее переход к функции дат. п. Возможно, что это — италийское новообразование по образцу соотношения между род. и дат. п. в основах на *-i* (**menteis : *mentei = *frūctous : *frūctou*).

Форма на *-ū* особенно часто встречается у дактилических поэтов, для которых форма на *-uī* часто бывала неудобной, например, *frūctūi*.

Согласно грамматикам, *-ū* является нормой для дат. п. имен среднего рода.

§ 375. Винительный падеж м.-ж. рода. И.-е. *-um (ср. д.-и. *sūpū-m*) > лат. -ū-м.

§ 376. В отложительном падеже новообразование -ūd по аналогии с отложительным падежом -ōd во 2-м склонении (§ 335): **CASTVD** (1². 360). В дальнейшем -ūd > -ū (§ 218).

Удвоение гласного как графический знак долготы (§ 103) в написании **ARBITRATVV** (1². 584).

§ 377. Именительный-винительный-звательный падеж среднего рода и.-е. основ на *-u- имел нулевое окончание, как и в основах на согласный или на -i (греч. μέθυ, д.-и. *mádhū*). В исходе латинского слова -u, по-видимому, не допускается (-ū > -ě или синкопируется; §§ 158, 168), и вместо него мы находим -ū, засвидетельствованное стиховой просодией, например, у Вергилия (Aen. 1. 320): *Nūda genū, pōdōque sinūs collecta fluentēs*. Однако форма эта встречается чрезвычайно редко и заменяется другими формами, образованными по третьему или второму склонению: вместо *genū* в функции им.-вин. п. употребляется *genus*; вместо *corpū* — *corpūs* или *corpūm*; вместо *vegū* — *vegūt* и т. д.

Показания грамматиков относительно количества -u противоречивы и не имеют опоры в живой речи. Конечный элемент -ū может восходить к форме им. п. множественного или двойственного числа. Из немногочисленных имен среднего рода четвертого склонения наиболее употребительными были *genū* 'колено' и *corpū* 'рог', т. е. названия парных предметов, а также собирательное слово *resū* 'скот'. Возможно, что, в связи с распространением окончания -a на им.-вин.-зват. падеж мн. ч. среднего рода 4-го склонения (§ 382), древняя форма на -ū была переосмыслена как форма ед. ч. вместо *-ū, фонетическая эволюция которого отдала бы форму им.-вин.-зват. п. от прочей парадигмы.

Множественное число

§ 378. Именительный-звательный падеж м.-ж. рода. И.-е. окончание *-es (с постоянным, нечередующимся e) присоединялось к полной ступени основы: *-eϕ-es (греч. πῆχ^ε(F)ες > πῆχ^ες, д.-и. *sūpāvaḥ*, ст.-сл. **сынове**; ср. аналогичное образование им. п. мн. ч. в основах на -i: *-ei-es — § 363).

В латинском языке нормальным отражением и.-е. *-eϕ-es было бы *-oϕ-es > *-ūis. В действительности, однако, мы находим форму на -ūs, одинаковую с формой вин. п. В порядке фонетического раз-

вития эта форма могла бы возникнуть только при синкопе -е- в конечном слоге, в латинском языке не засвидетельствованной (ср. § 169). Предполагают, что форма на *-оу-еs, оставшаяся в системе латинского склонения изолированной после стяжения *-еј-еs > -ēs в им. п. мн. ч. основ на -і-, была заменена новообразованием -ūс с приравнением к форме вин. п. по образцу склонения основ на согласный (им. и вин. п. *hominēs*).

Оско-умбрская форма им. п. мн. ч. м. и ж. рода 4-го склонения неизвестна, и это затрудняет истолкование латинской формы.

MAGISTRATVVS (10.3678) — графическое изображение ū при помощи удвоения гласного (§ 103).

§ 379. Родительный падеж. И.-е. окончание *-ōm могло присоединяться к полной или нулевой ступени основы, откуда во всех случаях латинское -ū-om, в позднейшее время -ū-um (§ 162).

Иногда встречающаяся форма на -um, напр. *passum* (Мен. 177), допускает двойное истолкование в зависимости от того, как мы относимся к написанию *uo* в республиканских памятниках (§ 129). Если конечное -uom — только орфографический прием для обозначения -uum, то *passum* могло возникнуть из *passuum* в порядке простого слияния (§ 196). Если же в языке действительно сохранилось -uom, то форма на -um представляет собою новообразование по образцу род. п. мн. ч. 2-го склонения (ср. форму *senāti* в род. п. ед. ч.), поддержанное аналогией соотношения конечных элементов в род. и дат. п. мн. ч. 3-го склонения (*passum: passibus = rēgum: rēgibus*).

§ 380. Дательный-отложительный падеж. Древнее окончание -bos, как в 3-м склонении (§ 365): **TREBIBOS** (1². 398) = *tribubus* с «обратным написанием» е в м. і (§ 141 б). В дальнейшем -bos > -bus (§ 162).

Конечный элемент -u-bus был заменен -i-bus по аналогии с 3-м склонением; распространению -ibus могло благоприятствовать колебание между -i- и -ū- перед губным согласным в открытом серединном слоге.

Однако в словах, не содержащих суффикса -tu-, -ubus сохранялось наряду с -ibus (*lacubus, quercubus, specubus* и т. д.), особенно в канцелярской орфографии (*tribubus*). Грамматики рекомендовали написание -ubus для дифференциации омонимных форм 3-го и 4-го склонения: *artubus* (от *artus*) — *artibus* (от *ars*); *partubus* (от *partus*) — *partibus* (от *pars*); *arcubus* (от *arcus*) — *arcibus* (от *arx*).

§ 381. Винительный падеж м.-ж. рода. И.-е. *-u-ns (греч. крит. *uívus*, гот. *sununs*) > лат. -ūs (§ 252).

LACVVS (9.1644) — графическое изображение -ū с помощью удвоения гласного (§ 103).

§ 382. Именительный-винительный-звательный падеж среднего рода. И.-е. конечный элемент *-ū (< *-uə)

заменен сочетанием -иа с окончанием -ǎ, распространившимся из других склонений. Древняя форма на -ū быть может сохранилась в им.-вин.-зват. п. ед. ч. (§ 377).

ПЯТОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 383. Пятое склонение как особый морфологический тип принадлежит только италийским языкам.

В этом склонении объединены основы различного происхождения.

Центром, вокруг которого образовалось пятое склонение, являются слова *rēs* и *diēs*, которые восходят к и.-е. дифтонгическим основам **rēi-* и **d(i)jēu-*, где первым элементом дифтонга было -ē-.

Основа **d(i)jēu-*, в результате двойной возможности развития дифтонга с первым долгим элементом (§ 108), расщепилась на две основы: 1) **d(i)jēu-* (д.-и. им. п. *dyáuh*) > **d(i)jēu-* (греч. *Zeús*) > лат. ***d(i)jou-* (§ 112; *pu-diūs tertius* 'третьего дня', *postū diūsque*, *inter-diūs*, где *diūs* — застывшая форма им. п., а *diūs* — застывшая форма род. п., соответствующая греч. *δι(φ)ῶς*, с нулевой ступенью дифтонга; *diū* 'долго' — застывшая форма местного падежа) > *iou-* (§ 259; род. п. *lovis*); 2) **djē-* (д.-и. вин. п. *dyá-m*, греч. *Zḗ-v*) > *diē-* (*diēs*, *Diēs-piter*).

К и.-е. основе *rē(i)-* восходит д.-и. *gāh* 'имущество' (им. мн. *gāuh*), лат. *rē-s*.

Rēs и *diēs* — единственные слова пятого склонения, склоняющиеся по всем падежам обоих чисел.

К *rēs* и *diēs* примкнул ряд других существительных:

1) Отвлеченные имена с суффиксом -iē-, чередующимся в большинстве случаев с суффиксом -iā-: *māteriēs/māteria*; слова на -itiēs/-itia, как-то: *avāritiēs/avāritia*, *trīstitiēs/trīstitia* и т. д.

Слова с суффиксом -iē-, составляющие большинство имен пятого склонения, образуют согласно этому морфологическому типу в ед. ч. им.-вин. и отл. п., редко — род. и дат., а во мн. ч. только форму им.-вин. падежа. С течением времени образования на -iēs все более уступали место образованиям на -ia.

2) Имена *spēs* и *fidēs*, первоначально принадлежавшие к числу основ на -s- (ср. мн. ч. *spērēs* 'надежды' у Энния, *Ann.* 128, 429, глагол *spēr-āre* и прилаг. *fidus-tus*).

Основы пятого склонения смешиваются иногда с основами на -i-, имеющими им. пад. -ēs: *plēbēs*, род. п. *plēbis* и *plēbei*.

§ 384. Имена пятого склонения относятся к женскому роду, кроме *diēs* и сложного с ним *merīdiēs* (§ 280). Имя *diēs* (а в поздней латыни и *merīdiēs*) в ед. ч. может относиться и к женскому роду,

особенно в значении 'срок'; во мн. ч. род обычно мужской, ср. стих Лигдама (Тибулл, 3.6.32):

vēnit post multōs ūna serēna diēs.

§ 385. Слова, сконцентрировавшиеся вокруг *rēs*, *diēs*, не образовали прочного морфологического типа с твердо установившейся парадигмой словоизменения, и в некоторых падежах имели место значительные колебания, разнотипные образования для различных слов, дублетные формы и т. д. Фиксированная грамматической традицией парадигма пятого склонения имеет до известной степени условный характер.

§ 386. Парадигма.

Sg.	N.-V.	dīēs	rēs	Pl.	dīēs	rēs
	G.	dīēī	rēī		dīērūm	rērūm
	D.	dīēī	rēī		dīēbūs	rēbūs
	Acc.	dīēm	rēm		dīēs	rēs
	Abl.	dīē	rē		dīēbūs	rēbūs

Единственное число

§ 387. Именительный-звательный падеж имеет окончание *-s*, непосредственно восходящее к и.-е. окончанию **-s* дифтонгических основ и распространившееся в латинском 5-м склонении на примкнувшие к нему основы: *rēs-s*, *spēs-s*.

§ 388. Родительный падеж. Значительные колебания обнаруживаются в образовании форм род. п., для которых засвидетельствовано не менее шести вариантов: *-ēs*, *-ēī*, *-ēī*, *-ēī*, *-ē*, *-ī*. Эти колебания были отмечены уже римскими учеными, и Геллий посвящает специальную главу своих «Аттических ночей» (9.14) собиранию примеров на многоразличные формы род. и дат. п. ед. ч. 5-го склонения. Квинтилиан (1.6.26) указывает в числе вопросов, не получивших четкого грамматического нормирования, образование формы род. п. ед. ч. от *prōgeniēs*. Римские авторы старались избежать употребления этой неясной формы, и Плиний Старший (35.90) прибегает к необычному предложному обороту *partem ē faciē* вместо род. п.

Наиболее архаический характер имеет конечный элемент *-ē-s*: *faciēs* (Клавдий Квадригарий), *gabiēs* (Лукреций, 4. 1083). Он может восходить к и.-е. окончанию **-s* основ на **-iē-*: лит. *žēmės s* (ср. *-ā-s* в 1-м склонении). Форму род. п. *dīēs* мы находим у Энния (Ann. 413).

Плавт этой формы не употребляет. Уже в его время в род. п. 5-го склонения распространилось окончание -ī. Как мы уже видели (§ 316), это окончание перешло из 2-го склонения в 1-е (-ā-ī вм. древнего -ā-s); оно проникло и в 5-е склонение, тесно связанное с 1-м в силу чередования суффиксов -iē-/-iā- (§ 383). В результате возникли формы *diēi, rēi, fidēi*, — *Mil. 103: Magnāi rēi pūblicāi grātiā* (ямбический сенар).

Там, где -ē основы предшествовал согласный звук, -ē сократилось перед гласным окончания -ī: *rēi > rēi*, — *Men. 494*:

Adulescēns, quaesō, quid tibi mēcum est rēi?

Конечный элемент -iēi не утратил долготы -ē- (§ 185).

Римские грамматики считали формы на -ēi (после согласного) и -iēi нормативными для образования род. п. ед. ч. 5-го склонения.

В действительности, однако, дело обстояло иначе. Уже у Плавта -ī нередко сливается с предшествующим гласным в дифтонг: *rēi, diēi* (м. б., *diēi*), — *Pers. 65*:

Nam pūblicaē rēi caussā quiquotque id facit

(ср. в 1-м склонении -āi > -āi > -ae; § 316). Эта стяженная форма не вытеснила полную, но широко употреблялась наряду с ней. Дифтонг -ei в дальнейшем монофтонгизируется: *ei > ē > ī* (§ 111): **PLEBEI** (1². 582.7), **PLEBE** (1². 585.41), **PLEBI** (1². 582.15, 585.6); **FIDI** (2.5042.3); *dīi* (Вергилий, *Aen. 1.636*); *prōgeniū* (Пакувий, *Praet. 1*); *repticū* (Цицерон, согласно Геллию, 9.14.19). Многие авторы — Саллюстий, Вергилий; Гораций и другие — пользуются формой род. п. на -ē: *diē*, например Вергилий (*Geōrg. 1.208*):

Libra diē sompnique parēs ubi fēcerit hōrās.

Форма на -ē допускает различные объяснения. Она может непосредственно восходить к дифтонгу -ēi (отпадение второго элемента согласно § 108), может являться результатом монофтонгизации -ei вместо -ī под диссимилятивным воздействием предшествующего -i-. Возможно, наконец, и аналогическое распространение конечного -ē из дат. п. в род. п. по образцу равенства форм род. и дат. п. 1-го склонения.

Форма на -ē, возникшая, вероятно, в именах на -iēs, была обобщена на все склонение. Гораций, *Carmin. 3. 7. 4*:

Cōstantis iuvenem fidē (гликонея).

По свидетельству Геллия, Цезарь в своем трактате «*Dē analogiā*» рекомендовал эту форму как нормативную: *huius diē, huius speciē*.

При наличии чередования суффиксов *-iē/-iā* род. п. обычно образуется по 1-му склонению. У Лукреция всегда *māteriaē* или *māteriāi* при им. п. *māteriēs*.

§ 389. Дательный падеж. И.-е. окончание **-ei*, присоединяясь к основе на **-ē*, сливалось с ней в дифтонг **-ēi*, который, как обычно (§ 108), допускал двоякое развитие: *-ēi > -ei* или *-ē*. Обе эти формы мы находим в древней латыни: *diē* и *diēi* (редко); *fidē* и **FIDI** (*l*². 1, p. 214) < **fidēi*, *gē* (редко) и *gēi* с допускающим элизию окончанием. Впоследствии *-ei > -ī*: *repticī* (Корнелий Непот, *Thras.* 2. 2).

Таким образом, конечный элемент дат. п. совпадал с односложным, наиболее употребительным вариантом конечного элемента род. п. Последствием этого явилось перенесение двусложного варианта *-ei*, *-ēi* из род. п. в дат. п., для которого эти формы не являлись исконными. Первый такой случай находим у Лукреция (*gēi* — 1.688), второй — у Горация (*gēi* — *Carm.* 3. 24. 64, но *fidē* — *Serm.* 1.3. 95)¹.

Римская грамматическая традиция признала нормативными эти позднейшие формы, совпадавшие с теми, которые она считала нормативными в род. п. Геллий, однако, вынужден был констатировать, что «авторы, отличавшиеся наибольшей чистотой речи, говорили в дательном падеже не *faciēi*, а *faciē*»² (9.14.21).

При наличии чередования суффиксов *-iē/-iā* форма дат. п. обычно образуется по 1-му склонению: *māteriaē* (*Möst.* 124).

§ 390. Винительный падеж. Окончание *-m* непосредственно восходит к и.-е. окончанию **-m* дифтонгической основы и основы на **-iē*. В латинском языке **-ē-m > -ēm* (§ 190).

§ 391. Отложительный падеж имеет в 5-м склонении италийское новообразование *-ēd* по аналогии с *-ōd* 2-го склонения

¹ Точнее датировать процесс этого распространения не представляется возможным, так как в сохранившихся поэтических текстах форма дат. п. 5-го склонения встречается чрезвычайно редко, а прозаические памятники эпохи Республики для этой цели бесполезны: написание *-ei* не позволяет отличить двусложную форму окончания от односложной, дифтонгической или монофтонгической (*ei = ī*).

² *In casū dandī quī purrissimē locūtī sunt nōn "faciēi", sed "faciē" dixērunt.*

(§ 335). Форму на -ēd мы находим в фалиском foied = лат. hodie¹. Впоследствии -ēd > -ē (§ 218),

Множественное число

§ 392. Именительный-звательный падеж. Форма им. п. мн. ч. *gēs* восходит к и.-е. **gēj-es*, ср. д.-и. *gāyah*; прочие слова имеют формы по образцу *gēs*: *diēs*, *spēs*; форма *faciēs* встречается впервые у Лукреция (4.452), *speciēs* — впервые у Цицерона.

Имена с чередующимися суффиксами -iē-/iā- имели в архаической латыни форму им. п. мн. ч. по I-му склонению: *intemperiae* (Плавт), *effigiae* (Лукреций, 4.105). У Энния им. п. мн. ч. - *spērēs* от *spēs* (§ 383).

§ 393. Родительный падеж. Окончание -*gum* по аналогии с I-м склонением: *gēgum*, *diēgum*; форма *faciēgum* — у Катона; в других словах формы род. п. мн. ч. не употребляются. Цицерон (Тор. 30) считает образование *speciēgum* нежелательным, и оно встречается только у позднейших писателей (например, Апулей, *Plat.* 1.6, p. 193).

Искусственный характер имеют формы *speciēum*, *matēriēum*, приводимые грамматиками. Они созданы по аналогии с соотношением род. и дат. п. мн. ч. основ на -i- (*speciēum* : *speciēbus* = *hostium* : *hostibus*) и в текстах не встречаются.

§ 394. Дательный-отложительный падеж. Окончание -*bus*, как в 3-м и 4-м склонениях (§§ 365, 380). В архаической и классической латыни употребляются только формы *gēbus* и *diēbus*. Цицерон (цитированное место) возражает против *speciēbus*, но у поздних писателей (юрист Гай, Апулей) эта форма встречается.

§ 395. Винительный падеж. Форма *gēs* восходит к и.-е. **gēj-ns* (ср. д.-и. *gāyah*) > **gējens* (§ 27) > **gēens* (§ 207) > *gēs* (§§ 196, 252); прочие слова имеют форму вин. п. мн. ч. по образцу *gēs*: *diēs*, *spēs*; форма *speciēs* впервые встречается у Лукреция (2. 702).

¹ В латинских памятниках форма на -ēd (**DIED**) встречается только в дублетном экземпляре надписи 1². 366, подлинность которого оспаривается (см. «Notizie degli scavi di antichità», т. 13, 1937, стр.28—31).

Не исключена также возможность, что постановка формы *gē* в зиянии, встречающаяся в рукописях Плавта, восходит к форме *gēd*: -d сохранялось в односложных словах дольше, чем в неодносложных (§ 218). Например, *Aul.* 141 (трохический септенар):

nec tibi advorsārī certum est dē istāc rē | umquam, sorōr.

СМЕШАННАЯ ФЛЕКСИЯ

§ 396. Сходство отдельных падежных образований, относящихся к различным склонениям, нередко приводило к дальнейшему смещению флексии, к проникновению форм, свойственных одному склонению, в слова, относящиеся к другому. В результате некоторые слова получали побочные формы, заимствованные из другого морфологического ряда. В традиции латинской грамматики они именуются *abundantia* («избыточные слова»). В иных случаях чужеродная по происхождению форма вытесняла исконную и слово оказывалось склоняющимся частично по одному типу, частично по другому. Такие имена получили названия *heteroclitā* («разносклоняемые»). Бывало и так, что слова, принадлежавшие к одному склонению, с течением времени уходили в другое. Некоторые случаи смещения флексии уже были рассмотрены в предыдущем изложении. Здесь мы остановимся на наиболее распространенных типах смещения, представляющих интерес для истории общенародного языка или для употребления форм у видных римских писателей.

§ 397. 2-е и 3-е склонение.

Основным источником смещения было сходство форм им. п. ед. ч. на -*er* и форм им.-вин. п. мн. ч. ср. р. на -*a*.

1) Слова на -*er* переходили полностью или частично из 2-го склонения в 3-е и из 3-го во 2-е. *Sequester* в архаической латыни относится ко 2-му склонению, а в языке классического периода переходит в 3-е по образцу *equester*. С другой стороны, прилагательное типа *acer* получает в поздней латыни ср. р. *ācrum* по 2-му склонению. От *gener* (2-го склонения) еще в древней латыни образуется дат.-отл. п. мн. ч. *generibus* (Акция, 65).

От имен 3-го склонения встречаются формы по 2-му: **PATRO** (6.35795) **MVLIERORVM** (4.5213).

2) Имена ср. р. мн. ч. 3-го склонения нередко получают форму род. п. на -*grum*, особенно если они не имеют форм ед. ч. или эти формы малоупотребительны. Так, в именах праздников на -*ālia*: *Compitāliūrum* (Цицерон, Pis. 8), *Vaschānāliūrum* (Саллюстий у Макробия, Sat. 1.4.6), *Sātūrnāliūrum* (Веррий Флакк у Макробия, Sat. 1.4.7).

К им. п. мн. ч. *holera* (им. п. ед. ч. *holus*) находим форму род. п. *holerōrum* (Луцилий, 510) и форму отл. п. *holeris* (Катон. Agr. 149.2).

От *vās, vāsīs* мн. ч. *vāsa, vāsōrum*, приведшее и в им. п. ед. ч. к новообразованию *vāsum*.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что при переходе падежных форм из одного морфологического типа в другой известную роль играют размеры формы, ее «длина» и сопряженная с этим, по-видимому, экспрессивность ее звучания. Из 3-го склонения во 2-е переходит -*ibus* вместо -*īs* и из 2-го в 3-е -*grum* вместо -*um*.

§ 398. 2-е и 4-е склонения.

Чередование основообразующих суффиксов -*o*- и -*u*- относится, быть может, еще к общеиндоевропейскому периоду. Греческому *δομος* и д.-и. *dāmaŋ* (основы на -*o*-) соответствует ст.-сл. *домъ*, род. п. *домоу* (основа на -*u*-).

В латинском языке от имени бога *Iānus* (основа на -*o*-) образовано наименование месяца *Iānuārius*. Особенно часто смещение форм 2-го и 4-го склонений имеет место в именах ж. р., в частности в именах деревьев.

Тенденция латинского языка к устранению имен ж. р. 2-го склонения (§ 326) способствовала проникновению форм от основ на -*u*- в склонение имен ж. р. С другой стороны, изолированность 4-го склонения и малопродуктивность основ на -*u*- (§ 369) порождает обратную тенденцию — к проникновению форм 2-го скло-

нения в 4-е, особенно усилившуюся с тех пор, как фонетический переход *-os > -us* сблизил формы им. п. ед. ч. обоих склонений. Результатом столкновения этих противоборствующих тенденций были многочисленные смешения, из которых мы указываем важнейшие.

а) Имена ж. р.:

1) Имена деревьев, относящиеся ко 2-му склонению, в ряде случаев имеют побочные формы по 4-му склонению в отл. п. ед. ч., например, *cornū, cupressū, ficū, laurū, pinū*, и в им. п. мн. ч., например, *fīgūs, ficūs, laurūs, myrtūs*, реже в других падежах, напр. род. п. ед. ч. *cupressūs*. Это свидетельствует об известной тенденции использовать разносклоняемость для дифференциации одинаково звучащих падежных форм (род. п. ед. ч. *laurī* и им. п. мн. ч. *laurūs* — дат. п. ед. ч. *laurō* и отл. п. ед. ч. *laurū*). С другой стороны, в склонение *quercus* (основа на *-u-*) проникает более «полновесная» форма *quercōrum*.

2) Слово *domus* имеет полный ряд форм по 4-му склонению и большинство форм по 2-му (не засвидетельствован только зват. п. **domē*, им. п. мн. ч. **domī* и дат.-отл. п. **domīs*); застывшие наречия *domī, domō* восходят только к формам 2-го склонения. В архаической латыни формы по 4-му склонению почти не встречаются (единственный случай *Mil. 126: ex hāc domū*), и рост употребления этих форм в языке классического времени был бы необъясним, если бы литературный язык не мог опереться при этом на какие-нибудь древние образцы. Упомянутое уже нами чередование основы на *-o-* и основы на *-u-* в слове *domus* оставило, вероятно, какой-то след в древнейшей латыни. Устраненное в живой речи времени Плавта, оно было вновь оживлено в литературном языке классического периода. Парадигма, приводимая в школьных грамматиках (ед. ч. *domūs, domūs, domūi, domum*; мн. ч. *domūs, domōrum, domībūs, domōs, domībūs*), верна с точки зрения преобладающего употребления отдельных форм в литературном языке. Она свидетельствует о том же стремлении избежать по возможности омонимии падежных форм, к которым относится и застывшее локативное *domī*, равно как о предпочтении, оказываемом более «полновесным» формам *domōrum* и *domībūs*.

3) В слове *colus* 'прялка' наблюдаются колебания в отношении рода и склонения: род. п. ед. ч. *colūs* и *colī*, отл. п. ед. ч. *colō* и *colū*, вин. п. мн. ч. *colōs* и *colūs*.

От *humus* встречается отложительный падеж *humū*.

6) В архаической латыни ослабление 4-го склонения и замена его форм формами 2-го склонения наиболее заметны в род. п. ед. ч. (§ 373), но то же имеет место и в других падежах. Им. п. мн. ч. *arcī* (Варрон у Нония, 108.10), *fluctī* (Пакувий, 77 и Акций, 33), *versī* (Левий, fr. 30); род. п. мн. ч. *versōrum* (Лаберий, 55); дат. п. мн. ч. *caestīs* (Варрон, Men. 89); вин. п. мн. ч. **GRADOS** (1². 817) и т. п.

О процессе проникновения окончания *-ibus* во 2-е склонение см. § 340.

Грамматическое нормирование литературного языка укрепило различия между 4-м и 2-м склонением, но в живой речи 4-е склонение мало-помалу уступало место 2-му.

§ 399. 5-е и 3-е склонение.

Имена 3-го склонения с им. п. на *-ēs*, сходные с им. п. 5-го склонения, иногда получают формы 5-го склонения и в других падежах. *Famēs, pūbēs* регулярно имеют отл. п. *famē, pūbē; contāgē* (Лукреций, 3.734) наряду с *contāgē* (там же. 4.311); от *quiēs, quiētis* образуется отл. п. *quiē; requiēs, requiētis* имеет побочные формы вин. п. *requiem*, отл. *requiē*. Присциан цитирует форму род. п. *requiē* из Саллюстия. От *sordēs, sordis* Плавт образует род. п. мн. ч. *sordērum* (Poen. 314).

§ 400. Греческие собственные имена 1-го склонения получили в народно-разговорном языке косвенные падежи с основой на -n: Tychē, Tychēnis. Образцом, вероятно, были такие имена как Didō, Didōnis, склонявшиеся по аналогии с латинскими именами 3-го склонения на -ō, -ōnis. Это склонение иногда переносилось и на собственные имена, принадлежавшие к другим основам, например, дат. п. Herculiēni, и даже на нарицательные имена: дат. п. **MAMANI** 'маме' (10.2965).

§ 401. Отклонение слова от нормальной флексии происходит иногда под воздействием других слов, родственных по значению, или употребляющихся совместно с данным словом в постоянных формулах; так, в надгробных надписях, где возраст покойника нередко исчисляется в годах, месяцах и днях, встречается род. п. мн. ч. mēnsōrum (от mēnsis) по аналогии с annōrum, или mēnsērum по аналогии с diērum.

§ 402. Источником морфологического новообразования может служить неверно истолкованная древняя форма. Прилагательное *ālītūos 'крылатый' (ср. peret-uos) в сочетании ālītūos genus было понято как побочная форма род. п. мн. ч. от āles, ālītis и употребляется в этой функции у дактилических поэтов, начиная с Лукреция.

НЕСКЛОНЯЕМЫЕ ИМЕНА

§ 403. Несклоняемые слова в латинском языке бывают двоякого происхождения:

1) Застывшие именные или наречные формы, переосмысленные как самостоятельные имена:

а) Древние слова среднего рода: fās, nefās (в архаической латыни только в сочетании fās est, nefās est), secus — употребляются только в им. и вин. п.

б) Синкопированные слова, утратившие склонение: dampnās (§ 329) употребляется как им. п. ед. и мн. ч.

в) Застывшие падежные формы: pondō, застывший отл. п. от pondus или pondum 'вес' (ср. pondus, ponderis), употреблялось в сочетании libra pondō 'фунт весом' и стало самостоятельным словом со значением 'фунт'; frūgī, застывший дат. п. от малоупотребительного в им. п. frūx, род. п. frūgis: (= bonaе) frūgī esse 'быть на пользу', servos frūgī, переосмыслено как прилагательное со значением 'дельный, честный'.

г) Застывшее наречное сочетание nēquam 'никак, ни к чему' в функции определения к существительному, например, servos nēquam переосмыслено как прилагательное 'никчемный, негодный'.

2) Иноязычные слова необычной для латинского языка формы: gith 'тмин'; sipāri (греч.) 'горчица', gummi 'камедь'. К этой категории впоследствии прибавились библейские имена — Ābrāhām, Dāvid и т. п., которые однако иногда допускали склонение, например, Ābrāhām, род. п. Ābrāhae.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 404. В морфологической системе латинского языка различаются два класса прилагательных:

1) Прилагательные, у которых формы мужского и среднего рода относятся ко второму склонению, а форма женского рода к первому.

2) Прилагательные, у которых все три рода образуются от единой основы и относятся к 3-му склонению. В им. п. м. и ж. рода основ на *-gis* синкопа *i* и сопутствующие ей другие фонетические явления (§§ 169, 173) привели к образованию формы на *-er*: *celeris* > *celer*, *ācris* > *ācer*. Форма на *-gis*, однако, сохранилась (или была восстановлена по аналогии с прочими прилагательными на *-is*), и наличие двух дублирующих друг друга форм было использовано как средство дифференциации м. и ж. рода в им. п. ед. ч.: *celer* — *celeris*, *ācer* — *ācris*. Закрепление формы на *-er* за мужским родом произошло поздно. В архаической латыни нередко встречаются формы на *-er* в женском роде — *ācer* у Невия (Присциан, G. L. 2.153.7) и Энния (Ann. 424), *celer* еще у Лукреция (4.160), и на *-gis* в мужском — *ācris* (Энний, Ann. 369), *alacris* (Энний, Sc. 127), *celeris* (Катон, R. M. 13). Формы на *-gis* в мужском роде допускаются и в классическом языке: *salūbris* (Цицерон, Div. 1.130), *equestris* (Ливий, 27.1.11) и т. д.

Использование формы на *-er* в мужском роде происходило, вероятно, под воздействием прилагательных на *-er* 2-го склонения.

У прилагательных с основой на согласный тождество форм м. и ж. р. может быть столь же исконным, как и в основах на *-i*. Что касается форм среднего рода, то в основах на *-nt* конечный элемент им. п. *-nt* (с нулевым окончанием; § 362) > *-ns* (§ 261) совпал с конечным элементом им. п. м. и ж. рода *-ns* (< **-nt-s*; § 251), и это равенство окончаний им. п. всех трех родов распространилось на все согласные основы: сигматическая форма им. п. м. и ж. рода перешла также в средний род; *audās-s* в м. **audās*.

Распространению *-s* на формы среднего рода могла способствовать и необычность *-s* *-t* в древнейшем латинском языке: слова, оканчивающиеся на *-s*, *-t*, большей частью позднего происхождения: *hic* < *hicc* и т. п., *hallex* — заимствованное слово и имеет также форму *hallex*: *et* < **eti* (§ 168), *tremunt* < *tremontī* (§ 536) и т. д. (но *lae* < *laet*, наряду с *laete*: *caput*).

В некоторых случаях синкопа *i* имела своим последствием переход прилагательного в морфологический тип основ на согласный: *concordis*, *concorde*, вноде. *concoris*. С другой стороны, основы на согласный могут получать формы на *-is* или *-e*: *paris* ж. р. к *pār*, *dite* ср. р. к *dīs* (= *dīves*).

Однако это встречается лишь в единичных случаях.

§ 405. Изменение прилагательных по числам и падежам лишь незначительно отличается от склонения существительных и было

уже рассмотрено в предшествующем изложении. Напомним вкратце особенности склонения прилагательных.

Во 2-м склонении в род. п. основ на -іо- неслитная форма -іі была восстановлена в прилагательных раньше, чем в существительных (§ 331).

Прилагательные 3-го склонения с основой на согласный изменяются по типу склонения основ на -і-, т. е. имеют в ед. ч. форму отл. п. на -і, во мн. ч. форму род. п. на -іum и им.-вин.-зват. п. среднего рода на -іа. О немногочисленных исключениях см. в §§ 360, 364, 367.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 406. Зачатки степеней сравнения относятся к общеиндоевропейским временам, но регулярные системы образования вырабатывались в отдельных ветвях самостоятельно, с использованием для этой цели суффиксов, имевших раньше несколько иное значение. Так, наиболее распространенный в греческом языке суффикс сравнительной степени -τερο- (δεινότερος) служил первоначально для соотносительного противопоставления двух терминов и не выражал какой-нибудь повышенной степени качества: греч. δεξιτέρος 'правый' и ἀριστερός 'левый'; ὄρεστερος 'горный' и ἀγρότερος 'равнинный'; ἡμέτερος 'наш' и ὑμέτερος 'ваш'; πότερος 'который из двух'; ср. лат.: noster — vester; magister 'начальник' и minister 'прислужник'; dexter — sinister; terrester — silvester — campester; uter, alter и т. д.

Остатком былой независимости степеней сравнения друг от друга является «супплетивизм» — образование от различных корней (bonus, melior, optimus), имеющее место у прилагательных со значением 'хороший — дурной', 'большой — малый', т. е. понятий, для которых потребность в образовании степеней сравнения должна была появиться очень рано. Даже в случаях образования от одного корня сравнительная и превосходная степени были первоначально независимы от положительной: maior, māximus образуются непосредственно от корня mag-, а не от основы *mag-по- положительной степени, ср. греч. ἡδ-ύ-ς — ἡδ-ίωv.

Лишь впоследствии образование сравнительной и превосходной степеней теснее примкнуло к положительной: svāvis (< *suāduis взамен *suādus; § 260), svāvior, svāvissimus.

§ 407. В итальянских языках для образования сравнительной степени использован и.-е. суффикс *-jes/iōs-, имевший интенсивирующий характер. Образование с суффиксами *-jes/iōs- обозначало высокую степень качества и, не заключая в себе непосредственного момента сравнения, содержало его потенциально, указывая на качество более высокого уровня, чем обычно. Употребление сравнительной степени для обозначения высокой степени качества без

непосредственного сопоставления с какой-либо иной его степенью сохранилось и в латинском языке: *homō inertior*.

Суффикс **-jes/jos-* был использован для образования сравнительной степени и во многих иных ветвях: в индоиранских языках (*páv-yas* = лат. *potior*), в славянских (ст.-сл. новѣи, род. п. новѣиша), в балтийских, германских и греческом (вин. п. м.-ж. р. ед. ч. и им.-вин. п. ср. р. мн. ч. ἥδιω < *ḥδ-*ios-a*).

Различные ступени чередования суффикса *-jes-* можно наблюдать на формах *maiōrēs* (< **mag-iōs-ēs*; § 259; удлиненная ступень с тембром о), *maiestās* (< **mag-iēs-tāt-s* — полная ступень), *maius* (< **mag-iōs* — полная ступень с тембром о), *mag-is* (нулевая ступень), ср. § 14.

Латинский суффикс имеет тембр о — *-jos-*; удлиненная ступень *-iōs-* распространилась на все склонение (§ 356 г), кроме формы им.-вин.-зват. п. ед. ч. среднего рода, где сохранилась полная ступень: *-jos* > *-jus*: *maiōris*, но *maius*. В им. п. м. и ж. р. ед. ч. проникло ротакистическое -г (вм. -s) из прочих падежей, и конечный элемент *-iōr* > *-iōr* (§ 190).

У анналистов встречаются некоторые случаи проникновения -г в формы ед. ч. среднего рода по типу *gōbor*, *aequor*; § 362): *bellum prior*, *foedus posterior*.

В отличие от положительной степени прилагательных, где основы на согласный получили склонение основ на -i-, сравнительная степень сохранила склонение основ на согласный: отл. п. ед. ч. *maiōre*, род. п. мн. ч. *maiōrum*, им.-вин.-зват. ср. р. мн. ч. *maiōra*.

Суффикс *-jos-* первоначально присоединялся непосредственно к корню: *mel-iōr*, *maiōr* < **mag-jos* (-gi- > -ji-; § 259), *peior* < **ped-jos* (-dj- > -ji-; там же), *sen-iōr*, *ōs-iōr* (ср. греч. ὠκύς), *prior* < **pri-jos*, *пов-iōr*. Впоследствии он стал ощущаться как флективное образование, присоединяющееся к той форме основы, которая выступает в косвенных падежах склонения: *svāviōr*.

Minor — *minus* с морфологической точки зрения не являются формами сравнительной степени; значение 'меньше' принадлежит самой лексеме (ср. *mī-lu-ō*, греч. μίϋθω), от которой образована форма *minus* (может быть, основа на -u-); *minor* образовано к *minus* по образцу соотношения *maiōr* и *maius*.

§ 408. Образования превосходной степени в латинском языке разнообразны, но все они содержат суффикс *-to-*, служащий также для образования числительных порядковых (например, *vicēsīmus*) и указывавший, по-видимому, на последнее место в ряду. Как и сравнительная степень, превосходная степень может употребляться в абсолютном значении и выражать очень высокую степень качества безотносительно ко всякому сравнению (элативное значение): *māxīmus* 'очень большой'. Суффиксу *-to-* могут предшествовать другие суффиксальные образования, оканчивающиеся на краткий

гласный; находясь в срединном открытом слоге перед губным *m*, этот краткий гласный принимает форму *-i/ū-* (§ 144).

Со времен Цезаря преимущественно употребляется форма на *-i-*, в которой мы и будем давать рассматриваемый суффикс, но *-u-* иногда сохраняется, особенно при гласном заднего ряда в предшествующем слоге: *optumus* рядом с *optimus*, но *minimus*.

а) *-mo-*: *summus* < **sup-mos*, ср. *sup-erus*, д.-и. *uramāh* 'верхний'; *minimus* < **minu-mo-s*; **dēmus* 'нижний' (ср. наречие *dētum*) от наречия *dē*, сохранившегося в сочетании *susque dēque* (ср. предлог *dē*).

Некоторые образования с суффиксом *-mo-* неясны по своей структуре: *īmus* 'нижний'; в *suprēmus*, *postrēmus*, *extrēmus* суффикс *-mo-* мог присоединиться к наречной форме с окончанием древнего инструментального падежа *-ē* (§ 336).

б) *-imo-* (< **-amo-* < и.-е. **-ǫmo-*): *īnifimus*, ср. д.-и. *adhamāh*.

в) *-timo-* (< **-tamo-* < и.-е. **-tǫmo-*).

При помощи этого суффиксального сочетания образовывалась превосходная степень прилагательных с суффиксом *-tero-* (§ 406), ср. д.-и. *ántarah* 'внутренний', превосходная степень *ántamah*; лат. *citimus* (сравнит. степень *citerior*); *extimus* (ср. *exterus*, *exterior*); *dextimus* (ср. *dexter*); *sinistimus* (ср. *sinister*); *intimus* (сравнит. степень *interior*); *ultimus* (сравнит. степень *ulterior*); *postumus* (ср. *posterī*, *posterior*); сюда же относится *optimus*.

Sollistimus от *sollus* 'целый' образовано по аналогии с *sinistimus*.

Формы положительной степени в ряде случаев сохранились только в наречиях и предлогах: *cis*, *citrā*, *in*, *intrā*, *uls*, *ultrā*.

г) *-sīmo-* (< **-samo-* < и.-е. **-sǫmo-*, на тембр а в **-samo-* указывают кельтские языки): *māximus* (< **mag-samos*); *pessimus* (< **ped-samos*); *proximus* (< **proq^u-samos*, ср. § 409); *ōximē* (P. F. 211.12) = *ōcissimē*; *-s-*, вероятно, первоначально принадлежало к той части слова, к которой присоединялся суффикс **-ǫmo-*, и, может быть, даже является остатком суффикса сравнительной степени.

Суффикс **-samo-* > *-sīmo-* мы находим в формах превосходной степени прилагательных с основой на *-go-*, *-gi-*, частично *-li-*, где он присоединяется к основе положительной степени: **pigro-samos* > **pigersimos* (§ 172) > *pigerrimus* (§ 257); **ācri-samo-s* > **ācersimos* > *ācerrimus*; **facli-samos* > **facilsimos* > *facillimus*.

Образования на *-errimus*, *-illimus* фонетически закономерны в тех случаях, когда *-go-*, *-gi-*, *-li-* находились в положении после согласного (или оказывались в этом положении в результате синкопы предшествующего гласного), но образование на *-errimus* распространилось на все прилагательные на *-er-*: *celerimus*, *pauperimus*, также *veterrimus* от *vetus*, *veteris*.

По модели *celerior*, *celerimus* образуется *dēterrimus* (к *dēterior*), иногда *mātūrrimus* (к *mātūrus*, *mātūrior*).

У Энния находим форму *celerissimus* (Ann. 460), ср. пункт д.

д) *-is-simo-* состоит, по-видимому, из суффикса сравнительной степени *-is-* (ср. *magis*) и *-simo-* (пункт г). Это наиболее употребительный суффикс, который служит для регулярного образования превосходной степени.

В основах на *-ro*, *-ri* с предшествующим долгим гласным и в тех основах на *-li*, где предшествующий гласный не синкопируется (например, в прилагательных на *-bilis*), превосходная степень также образуется с помощью суффикса *-issimo-*: *sincēr-issimus*, *mātūrissimus*, *nōbilissimus*.

Суффикс *-issimo-*, как правило, присоединяется к основе положительной степени прилагательного.

§ 409. Особенности в образовании степеней сравнения.

1) *dītior* < *dīvītior* (§ 208); *dītissimus* < *dīvītissimus*; *iūnior* < *iūvenior* (§ 166 в).

Наряду со стяженными формами сохраняются и полные.

2) *grōrior*, *grōxīmus* (к *grōre* < **grōque*). Нормальная ассимиляция *p* — *qu* > *qu* — *qu* (§ 274) не могла здесь произойти, так как лабиовеларный оказался бы перед согласным звуком *g*, и имела место ассимиляция в обратном (прогрессивном) направлении, *p* — *p*: *grōre*, *grōrior*; *grōxīmus* < **grōq^u-samos* (§ 228).

3) Сравнительная степень **PLEORES** (1². 2 = кл. *plūrēs*) < **plē-jōs-ēs*, ср. *plē-nus*: превосходная степень *plīsima* (Фест, 222.28 = кл. *plūrīma*) < **plē-is-ima* (§§ 108, 111).

Обычные формы *piūs*, *plūrēs*, *plūrimus* восходят, по-видимому, к основе **plō-*: **plō-is* > **plōis* (§ 108) > *plous* > *plūs* (§ 113); **PLORVME** (1². 9 = кл. *plūrimī*); **PLOVRVMA** (1². 1861), **PLOVS** (1². 581); *ploera* (как искусственный архаизм у Цицерона, *Lēg.* 3.6).

Следует заметить, однако, что основа **plō-* в качестве аблаутного варианта к *plē-* нигде более не засвидетельствована, и это затрудняет истолкование приведенных форм.

4) К несклоняемому прилагательному *nēquam* (§ 403) образованы степени сравнения *nēquior*, *nēquissimus*; *frūgālior*, *frūgālissimus* образованы, вероятно, от прилагательного *frūgālis*, вытесненного несклоняемым *frūgī*.

5) Прилагательные на *-dīcus*, *-fīcus*, *-volus* имеют в классической латыни форму сравнительной степени на *-ent-ior* и превосходной на *-ent-issimus*, где суффиксу сравнительной и превосходной степени предшествует причастный суффикс *-ent-*. В языке Плавта такого соотношения форм еще нет; там *maledīcentior* служило сравнительной степенью для *maledīcēns*, а от слов на *-fīcus* образовывались обычные формы степеней сравнения на *-ior* (*mūnīfīcior*), *-issimus* (*mīrīfīcīssīmus*).

Парадигма классического типа создалась, вероятно, в сложных словах на *-volus*, например *malevolus*, вытеснивших более древние образования с причастием в качестве второго члена (*malevolēns*), но сохранивших при себе древние формы сравнительной и превосходной степени (*-volentior*, *-volentissimus*). Точно так же образование на *-dīcus* заменило собой сложные слова с причастием *-dīcēns* в качестве второго члена, а по образцу соотношения *maledīcus*, *maledīcentior* возник и тип *malefīcus*, *malefīcentior*.

§ 410. У прилагательных на *-ius*, *-uus* регулярная форма сравнительной степени содержала серию из трех гласных: *īnphōxīor*, *strēpūior*. Эти формы встречаются очень редко. Обычно заменой их служит аналитическое образование с помощью наречия *magis*, на-

пример, *magis necessārius*, и тот же прием применялся для образования превосходной степени: *māximē necessārius*.

В надгробных надписях нередко встречается форма *piissimus* и наряду с ней новообразование *piētissimus* по типу семантически близкого *benevolentissimus*. По этому же типу в тех же надгробных похвалах образована превосходная степень *benemōrientissima* от *benemōria* 'добронравная'.

Описательное образование степеней сравнения, помимо прилагательных на *-ius*, *-uus*, в архаической и классической латыни встречается сравнительно редко. Этим приемом пользуются для того, чтобы избежать чрезмерно длинных форм (*māximē miserābile*), неприятных звучаний (от *mīgus* не употребляется сравнительная степень *mīgior*), в причастиях, отглагольных образованиях типа *ūtilis*, наконец, в поэзии, если обычная форма не подходит для размера.

В позднейшем литературном языке описательные формы употребляются более свободно, однако замена синтетических форм степеней сравнения аналитическими произошла уже за пределами латыни — в романских языках.

§ 411. Употребление форм превосходной степени в элативном значении высокой, но не обязательно наивысшей степени качества, вызвало потребность в усилении превосходной степени: *nōbilissimus omnium. ūnus nōbilissimus. multō nōbilissimus. longē nōbilissimus* и т. д. В результате такого ослабления значения нерегулярно образованная основа превосходной степени могла принимать добавочные суффиксы степеней сравнения: *postrēmīssimus* от *postrēmus* (Гай Грах у Фелля, 15.12.3), *proximior* от *proximus* (Сенека, *Epist.* 108.16), *extrēmīus* от *extrēmus* (Апулей, *Met.* 1.8).

МЕСТОИМЕНИЕ

§ 412. Образование и склонение местоимений представляет ряд особенностей. Как это имеет место у слов, постоянно употребляющихся в речи, они сохранили ряд архаических особенностей, и вместе с тем постоянное употребление приводит нередко к ослаблению значений и вызывает потребность в обновлении. В различных ветвях индоевропейских языков, даже у различных языков внутри одной ветви, наблюдаются поэтому значительные расхождения в составе местоимений и их морфологической структуре.

Система словоизменения по родам, числам и падежам не является для местоимений исконной. Так, многие местоимения не изменяются по числам, например, возвратные (русск. себя, лат. sui), вопросительные (русск. кто? что?); личные местоимения не различают родов, в вопросительных местоимениях различаются только лицо и вещь: русск. кто? что?, лат. quis? quid? без позднейшей родовой дифференциации (ср. § 303).

Значение, выражающееся в именной системе формами рода, числа и падежа, у местоимений нередко выражается самостоятельными основами, образованными иногда даже от разных корней. Для местоимений характерен супплетивизм основ. Так, в греческом языке система местоимения δ , η , $\tau\acute{o}$ построена на использовании различных основ: * $\sigma\alpha$ - (> δ -), * $\sigma\bar{\alpha}$ - (> η -) в мужском и женском роде и $\tau\omicron$ - в среднем роде. Использование разных основ для именительного и косвенных падежей мы нередко встречаем в личных местоимениях: лат. ego, вин. п. $m\bar{e}$.

В некоторых языках сохранились следы недифференцированности падежных окончаний. Так, греческие формы $\mu\omicron\iota$, $\sigma\omicron\iota$, $\omicron\iota$ могут употребляться в функции не только дательного, но и родительного падежа, например, Илиада II 531:

$\delta\tau\tau\acute{\iota}$ $\omicron\iota$ $\omega\kappa$? $\eta\kappa\omicron\upsilon\sigma\epsilon$ $\mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\varsigma$ $\theta\epsilon\omicron\delta$ $\epsilon\upsilon\delta\alpha\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\iota\omicron$.

Падежные окончания местоимений также не всегда совпадают с именными.

В позднейшем своем развитии местоименное склонение во многих отношениях приблизилось к именному, перенимая его окончания и в свою очередь воздействуя на него (ср. §§ 322, 331, 338).

§ 413. В числе факторов, обусловивших собой особенности развития местоименного склонения, необходимо отметить еще два обстоятельства:

1) В местоимениях нередко наблюдается двойственность экспрессивных, тонических, и неэкспрессивных, атонных (энклитических и проклитических) форм, например, греч. $\acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}$ и $\mu\epsilon$. В латинском языке, где во всех слогах, кроме первого, имели место изме-

нения вокализма (§§ 139 — 169), энклитическое и проклитическое положение местоимения отразилось на истории многих местоименных форм.

2) Местоимение нередко усиливается помощью присоединения других местоименных основ или различных частиц и образует вместе с ними единое целое: греч. ион. *ἐωυτῶ*, атт. *ἐαυτῶ* < *ἐοὶ αὐτῶ*, греч. *ὄοτις*, *οὗτοσ-τί*, лат. *quisquis*, *iste*, *īdem* < **is-dem* и т. д.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНА

§ 414. Архаические черты местоименной морфологии с наибольшей силой проявляются в группе личных местоимений:

1) Отсутствие различения родов. Уже самая семантика личных местоимений исключает дифференциацию по линии различения «лица» и «вещи». Позднейшее расщепление имен «лиц» на мужской и женский род не коснулось личных местоимений.

2) Единственное и множественное число выражается разными словами. Сохранение этой особенности связано, вероятно, с тем, что в применении к личным местоимениям категория числа имеет несколько иное значение, чем в именах. В именах множественное число обозначает группу однородных предметов (стола = стол + стол + стол и т. д.), в то время как «мы» означает не «я + я», а группу неоднородных предметов «я + ты» или «я + он», т. е. коллектив, в который вхожу «я»; «вы» обозначает не только «ты + ты», но и «ты + он», т. е. коллектив, в который «я» не вхожу, но «ты» входишь.

3) В склонении личных местоимений единственного числа сохраняется супплетивизм основ именительного и косвенных падежей.

4) Падежные окончания значительно отличаются от именных.

§ 415. Парадигма.

		1-е лицо	2-е лицо
Sg.	N.	ěgŏ	tŭ
	G.	měĩ	tŭĩ
	D.	mĩhĩ	tĩbĩ
	Acc.	mē	tē
	Abl.	mē	tē
	Pl.	N.	nōs
G.		nōstrĩ, nōstrŭm	vēstrĩ, vēstrŭm
D.		nōbĩs	vōbĩs
Acc.		nōs	vōs
Abl.		nōbĩs	vōbĩs

Возвратное (3-е лицо)

Sg.	N.	–
	G.	sūī
	D.	sībī
	Acc.	sē
	Abl.	sē

§ 416. Именительный падеж.

Egō > egō (по ямбическому сокращению) восходит к и.-е. *egō (ср. греч. ἐγώ).

У Плавта иногда еще встречается egō: *sed nunc rogāre egō vicissim tē volō* (Trin. 173, ямбический сенар).

В поэзии классического периода употребляется только форма egō, но у архаистов позднейшего времени встречается и egō.

К и.-е. *eg(h)ō-m (ср. греч. ἐγών, д.-и. ahām, ст.-сл. азъ) восходит, может быть, egom-et с энклитическим -et (< *eti, ср. греч. ἔτι 'еще'), из которого в результате переразложения ego-met было извлечено -met, присоединяющееся к местоименным формам в качестве усилительной частицы: pōsmet, ipset и т. д.

Tū восходит к и.-е. *tū (ср. греч. дор. τῦ, ион.-атт. τῦ, но гом. τῦ-ιη, ст.-сл. ты, где -ы < и.-е. *ū, авест. tū). Латинский язык, согласно § 193 д, допускает в гласном исходе односложного слова только долгий звук.

Следы формы *tū, может быть, сохранились в tū-īē, если эта форма восходит к удвоенному образованию *tū-tū (§ 158), и в tū-quidem (Луцилий, 475). Однако в этом последнем случае могло иметь место сокращение конечного долгого гласного при присоединении к нему энклитики (§ 191).

Во множественном числе латинский язык утратил древние основы им. п., отличные от основ косвенных падежей, и в качестве им. п. функционируют формы вин. п. pōs, vōs, восходящие к и.-е. тоническим формам вин. п. *pōs, *vōs с удлинненной ступенью коренного гласного (авест. pā, vā, ср. д.-и. энклитические формы род.-дат.-вин. п. pañ, vañ с полной ступенью коренного гласного, греч. лесб. ἄμμε, дор. ἄμέ < *ḥs-me, лесб. ἴμμε, дор. ἴμέ < *us-me с нулевой ступенью того же коренного гласного).

§ 417. Косвенные падежи имеют основы: в 1-м лице ед. ч. и.-е. *me-/mo-, во 2-м лице ед. ч. и.-е. *te-/teo-, а в нулевой ступени и.-е. *tje-/tjo- или и.-е. *te-/to-; в 1-м лице мн. ч. и.-е. *ne-/no-, во 2-м лице мн. ч. и.-е. *je-/jo-; основы возвратного местоимения: и.-е. *se-/seo- и в нулевой ступени и.-е. *sje-/sjo- или и.-е. *se-/so-.

§ 418. Родительный падеж.

Специализированной общеиндоевропейской формы род. п. от личных местоимений, по-видимому, не существовало. Энклитические формы **me/o-i* (д.-и. *me*, греч. *μοι*), **te/o-i* (д.-и. *te*, греч. *δορ. τοι*), **nēs*, **nes* функционировали и как род. и как дат. п. Особые формы род. п. создавались в каждой ветви самостоятельно.

Сохранившиеся в архаической латыни формы род. п. ед. ч. *mīs*, *tīs* восходят вероятно к и.-е. энклитическим **me/oī*, **te/oī*, модифицированным помощью окончания род. п. *-s*. В энклитическом положении **mois* > **meis* > *mīs*, **tois* > **teis* > *tīs* (§§ 163, 111).

Эти формы, однако, уже в конце III в. до н. э. имели характер архаизмов и после Плавта и Энния в памятниках не встречаются.

Обычной формой род. п. личных местоимений служит уже Плавта форма род. п. соответствующих притяжательных — ед. ч. *meī*, *tuī*, *suī*, во мн. ч. *nostrum*, *vostrum* > *vestrum* (§ 130); *-um* < *-om* (§ 162) — древнее окончание род. п. мн. ч. 2-го склонения (§ 339).

Формы *meī*, *tuī*, *suī* допускают стяжение в один слог. Сарт. 800 (трохеический септенар):

Faciam ut hui(u)s dieī locīque meīque semper meminerit.

Однако в стихе комедии эти односложные формы невозможно отличить от форм с ямбическим сокращением: *meī* (—) метрически равносильно *mēī* (⊔) и т. д. Нигидий Фигула (у Геллия 13.26.4) предлагал для односложной формы род. п. написание *me* в отличие от написания *meī* (= *mī*) в дат. п.

Рядом с формой на *-um* авторы II в. до н. э. допускают и форму на *-ōrum*, а в ж. р. *-ārum*: *nostrōrum nēmō* (Поен. 861), *quamque nostrārum* (Трус. 251), *uter vostrōrum* (Аул. 321), *neutram vostrārum* (Стих. 141).

В языке классического периода употребление форм на *-ōrum*, *-ārum* ограничивается притяжательными местоимениями, а в личных сохраняется только форма на *-um*.

Возможно, что употребление род. п. притяжательных местоимений в функции род. п. личных местоимений возникло во мн. ч., *nēmō nostrum* 'никто из наших' = 'никто из нас', и лишь впоследствии распространилось на ед. ч.: *miseret meī*.

Форм *nostrī*, *vostrī* > *vestrī* в качестве род. п. от *nōs*, *vōs* Плавт не употребляет. Они впервые встречаются у Теренция (Phorm. 172: *...nostrī nōsmet paenitet*) и образованы по аналогии с *meī*, *tuī*.

В языке классического периода формы *nostrī*, *vestrī* употребляются в качестве *genetivus obiectivus*, в то время как *nostrum*, *vestrum* по большей части имеет партигивное употребление ('из нас', 'из вас').

§ 419. Дательный падеж.

В формах *mihi*, *tibi*, *sibi* краткость конечного гласного является результатом ямбического сокращения (§ 187). И наряду с ними в поэзии сохраняются более древние формы с конечным долгим: *mihī*, *tibī*, *sibī*. Конечный долгий в свою очередь восходит к дифтонгу *ei* > *ē* > *ī* (§ 111): **SIBEI** (1². 581), о чем свидетельствует также сравнительный материал: ос. *sífeī* 'себе', пелигн. *sefeī*,

прусск. *sebbe*; ос. *tfeí* ‘тебе’, умбр. *tefe*, прусск. *tebbe*; умбр. *tehe* ‘мне’. Ямбическое сокращение, по-видимому, захватило конечный гласный на этапе $\bar{e} > \bar{e}$, результатом чего были частые колебания в письме между \bar{i} и \bar{e} . Так, сообщают, что Тит Ливий пользовался написанием *sibe* (Квинтилиан, 1.7.24).

Согласный элемент окончания, $-b-$, восходит к и.-е. $*bh-$ (д.-и. *tú-bhy-am*, ос. *tfeí, sifeí*, умбр. *tefe*, ст.-сл. *тѣвѣ, сѣвѣ*, прусск. *tebbei, sebbei*); в форме $mi-hi-h-$ $< *gh-$ (ср. д.-и. *má-hy-am* ‘мне’).

Не исключена возможность того, что заднеязычная аспирата $*gh$ в дат. п. 1-го лица возникла из губной аспираты $*bh$ ($*mebh-$ $> *meġh-$) в результате диссимилирующего воздействия губной фонемы m , поддержанного влиянием \bar{g} в им. п. $*eġō$. Если это предположение правильно, то окончание дат. п. ед. ч. всех личных местоимений восходит к $*bhei$, содержащему тот же элемент $*bh-$, что и окончание $-bus$ (§ 365), и оформленному по образцу именного окончания дат. п. $-ei$ или. может быть, местоименного $-i$ энклитических форм род.-дат. п. § 418).

Вокализм \bar{i} корневой морфемы вместо \bar{e} (*sībei* $< *sēbei$) возник в энклитическом положении, согласно §§ 141, 144, или под ассимилирующим воздействием конечного слога ($*sēbei$ $> sēbē > sībī$, ср. § 180).

Употребляющаяся рядом с двусложным *mīhi* односложная форма $mī$ могла возникнуть в результате стяжения $*mehei$ $> *mei$ (§ 213) $> mē$ $> mī$, но может восходить и непосредственно к и.-е. $*mei$ (§ 418):

О написании *mei* у Нигидия Фигула см. § 418.

Форма *me* (= $mē$) сохранилась в авгуральной формуле у Варрона (L. L. 7.8.).

Во мн. ч. окончание $-bīs$ $< -beis$ (**VOBEIS** 1². 581) представляет собой, вероятно, плюрализацию окончания дат. п. ед. ч. $-bei$ помощью присоединения $-s$ по образцу соотношения форм дат. п. в ед. и мн. числе местоименных и именных основ на $-e/o-$: $*ōi$ — $*ōis$ и т. д. (§§ 333, 340). Окончание это присоединяется к основам $pō-$, $vō-$, извлеченным из форм им.-вин. п. $nōs$, $vōs$.

Архаическая форма *nīs* (P.F.41.6: *antīquī dicēbant ... nīs p̄rō nōbīs*) допускает разное толкование в зависимости от количества гласного \bar{i} : если это \bar{i} , то $nīs$ $< nōis$ (которое, быть может, засвидетельствовано в надписи Дуэноса, 1².4) содержит именное окончание дат. п. мн. ч. и могло быть образовано по аналогии родовых местоименных ($nīs$: $nōs$ = $hīs$: $hōs$); если же это \bar{i} , то $nīs$ $< *nēs$ и восходит к атонной форме род.-дат. п. (§ 418).

§ 420. Винительный падеж личных местоимений ед. ч. имеет в древнейших памятниках формы **MED** (1². 3; 1². 4; 1². 561), **TEd** (1². 4), **SEd** (1². 581). В дальнейшем $-d$ после долгого гласного отпадает (§ 218) и $mēd$ $> mē$, $tēd$ $> tē$, $sēd$ $> sē$. Но Плавт еще употребляет фор-

мы на -d, наряду с позднейшими mē, tē, sē. Теренций формой на -d уже не пользуется.

Конечный элемент -d в вин. п. личных местоимений ни в одном индоевропейском языке, кроме латинского, не встречается. Удлиненную форму основы, к которой присоединяется -d, мы находим с нулевым окончанием в атонных древнеиндийских формах вин. п. mā 'меня', tvā 'тебя', с окончанием -m — в тонических формах того же падежа mā-m, tvā-m.

Есть предположение, что это -d тождественно по происхождению с -d им.-вин. п. ед. ч. ср. р. родовых местоимений: quo-d, illu-d.

Форма mehe, которую приводит Квинтилиан (1.5.21) с ссылкой на древних «грагических поэтов», представляет собой искусственный дублет к me по отношению mihi: mī.

Удвоенные формы вин. п. mēmē (редко), tētē (редко), sēsē при возникновении своем имели, вероятно, усилительное значение, но оно со временем стерлось и в доступных нам текстах уже не выявляется.

О формах вин. п. nōs, vōs, распространившихся также и на им. п., см. § 416.

В сакральных формулах гимна арвальских братьев (1². 2) **ENOS LASES IV-VATE** 'помогите нам. Лары', и **ENOS MARMOR IVVATO** 'помоги нам. Марс', **ENOS** не может рассматриваться как достоверная форма личного местоимения. Возможно, что **ē** представляет собой самостоятельную частицу, синтаксически относящуюся даже не к энклитическому nōs, а к зват. п. Lasēs и Marmor. ср. ēcastor при клятве Кастором, e-de-pōi при клятве Поллуксом.

§ 421. Отложительный падеж ед. ч. имеет в древней латыни формы на -d (ср. § 335): mēd (Amph. 663), tēd (Cas. 90), **SED** (1². 62), ср. д.-и. формы отл. п. mād, tvād (с краткостью гласного основы).

Отл. п. ед. ч., таким образом, совпадает по форме с вин. п. В дальнейшем, как и в вин. п., mēd > mē, tēd > tē, sēd > sē.

Во мн. ч. по общему правилу (§ 311) формы дат. п. nōbīs, vōbīs функционируют как формы отл. п.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНА

§ 422. Притяжательные местоимения служат заменой род. п. личных местоимений или возвратного местоимения в функции gen. possessivus или gen. subiectivus. Они образуются от основы косвенных падежей личных или возвратных местоимений, а иногда прямо от атонной формы род.-дат. п. личного местоимения.

Meus < *mejos от падежной формы *mei, ср. ст.-сл. мой < *mojos от *moi.

Tuus возникает в энклитическом положении из *tovos [TOV(am), 1². 1805, умбр. род. п. touer 'tui'] < *teuos (§ 122, ср. греч. гом. τεός < *τεφος) от *teue-, ср. д.-и. род. п. táva 'tui'.

Suus возникает в энклитическом положении из *sovos (Abl. Pl. SOVEIS (1².364, 583, ср. ос. suvam 'suam') < *seuos (§ 122; ср. греч. гом. έός < *σεφος) от основы *seuo-.

Архаическая форма возвратного притяжательного местоимения sos (Dat. Pl.) sīs — Эний, Ann. 149; Лукреций, 3.1025) восходит к основе *s(υ)о- (§ 417) с нулевой ступенью корневого элемента, ср. д.-и. svāh, греч. ός, крит. Fός < *σφος, ст.-сл. свон.

nōs-ter и vōs-ter > vēster (§ 130; ср. умбр. uestra 'vestra' от *ues с огласовкой е) произошли от атонных форм *nōs, *uōs (§ 416) с помощью суффикса -tero- (§ 406, ср. греч. ήμέ-τερος, ύμέ-τερος) в синкопированной форме -tro-.

Нарушенный фонетическим развитием параллелизм форм poster, vester в народно-разговорной речи часто восстанавливался: VOSTRVM (8.9081), ср. ит. vostro. фр. votre. реже nestro- (напр., NESTRIS 3.13742).

§ 423. Притяжательные местоимения имеют именное склонение — 2-е склонение для мужского и среднего рода, 1-е склонение для женского рода.

Форма mī, функционирующая как зват. п. ед. ч. м. р., напр.: Ō gnāte mī! (Asin. 830) — не образована от meus; это — атонная форма род.-дат. п. личного местоимения: mī < *mei < *moi, ср. греч. ὦ τέκνον μοι.

Употребление mī в качестве зват. п. ж. р. «mī Paula» возникает только у архаистов II в. н. э.

В разговорной речи местоимения meus, tuus, suus нередко имеют односложные формы, в которых е или и сливаются с последующим гласным в один слог. Stich. 39 (анапестический диметр):

Quia poi meō animō omnīs sapientis.

Синалфа -eō свидетельствует о том, что это сочетание произносилось в один слог. Ср. 1². 15.1:

VIRTUTES GENERIS MIEIS MORIBVS ACCVMVLAVI:

MIEIS (один слог) = mīs (< meīs). Однако в комедии, где мы могли бы ожидать частого употребления односложных форм, они в огромном большинстве случаев неразличимы от метрически равнозначных им форм с ямбическим сокращением (ср. § 418).

Из надписей позднего времени можно привести такие формы, как TIS (11.3771) = tuīs, SORVM (3.15184) = subrum.

Написание MIEIS вместо meīs в приведенном выше тексте 1². 15 вызвано стремлением избежать геминации буквы е (§ 104). Написания такого рода ввели в заблуждение грамматиков, которые предположили для них, равно как и для зват. п. mī, исходную форму mīus и рекомендовали написание mīis в дат.-отл. п. мн. ч. (ср. iis; § 433).

МЕСТОИМЕННИЯ УКАЗАТЕЛЬНЫЕ, ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ И ВОПРОСИ- ТЕЛЬНО-НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ

§ 424. Общей чертой этих местоимений является то, что в процессе исторического развития их склонение сблизилось с именным и представляет сравнительно немногочисленные отличия от именного склонения.

К этим отличиям принадлежат:

а) Нулевое окончание им. п. ед. ч. м. р. в основах на *-e/o-*, ср. греч. *ὁ*, д.-и. *sá*, восходящее к и.-е. основе **so-* с нулевым окончанием; в латинском языке конечный гласный основы выступает в исходе слова в форме *-e* (*iste* и т. п., ср. § 158).

б) Окончание *-d* в им.-вин. п. ед. ч. ср. р., восходящее к и.-е. **-d*: *id*, *quod* и т. п., ср. хет. *kuit* = лат. *quid*, д.-и. *tát*, греч. *τό* < **тоδ*.¹

в) Окончание род. пад. ед. ч. всех трех родов **-jōs* > *-ius*.

Относительно происхождения **-jōs* существуют два предположения. По мнению одних исследователей, притяжательно-вопросительное местоимение *quōius*, *-a*, *-um* (кл. *cuīus*, *a*, *um*) 'чей' было осмыслено как род. п. от *quīs* и окончание **-jōs* распространилось отсюда на соотносительные с *quīs* указательные местоимения.

Другая гипотеза была предложена швейцарским лингвистом Вакернагелем. В основах на *-o-* присоединение и.-е. местоименного окончания род. п. ед. ч. **-sjō* (§ 331, ср. д.-и. *tá-sya* 'того', греч. гом. *τοῦο* < **тоσλο*, полёмоо, фалис. *Evotenosio*) создавало конечный элемент **-osjō*, который по законам латинской фонетики (§ 259) должен был принять форму **-ojjō*; д.-и. родительному падежу *ká-sya* 'кого' должна была бы соответствовать лат. форма **quōio*. Это необычное в системе латинского языка окончание род. п. было преобразовано помощью присоединения характерного для родительного падежа именного склонения окончания *-s*: **quōijjōs* > *cuīus*, **ejjōs* (ср. д.-и. *asyá* 'этого') > *eius*, **hojjōs* > *huīus*. Создавшееся таким образом окончание **-jōs* распространилось на прочие указательные местоимения и местоименные прилагательные, присоединившись к окончанию род. п. на *-ī*:

**istī-jōs* > *istīus*, **sōlī-jōs* > *sōlīus*.

В пользу этой гипотезы свидетельствует и то обстоятельство, что наиболее родственный латинскому языку фалисский язык сохранил окончание род. п. ед. ч. *-sio*.

Происхождением *-īus* < **-ijjōs* объясняется прочное сохранение долготы *ī* в положении перед гласным (§ 185). У Плавта и Терен-

¹ В греческом языке *-d* отпадает, но следы местоименного окончания *-δ* сохранились в таких сращениях, как *ὄττι* < **ὄδ-τι*, *ὄππως* < *ὄδ-πως*, и в производных типа *ποδ-απόδ*, *ἀλλοδ-απόδ*.

ция конечный элемент *-ius*, когда он остается двусложным, всегда содержит \bar{i} . В поэзии классического периода фонетически закономерное *-īus* допускается наряду с *-īus*, которое грамматическая традиция считает нормальной формой (Квинтилиан, 1.5.18).

Дат. п. ед. ч. всех трех родов на *-ei* > \bar{i} : *istī* и т. д. Распространению этого окончания могла способствовать форма род. п. на *-os*, то есть могла иметь место аналогия **quojiei* : **quojios* = *rēgei* : **rēgos* (§ 357).

Возможно, что *-ei* распространилось сперва в формах мужского и среднего рода и лишь впоследствии перешло на женский.

В древней латыни дат. п. ж. р. нередко имеет обычный для 1-го склонения конечный элемент *-ae*: *eae*, *hae*, *istae*, *illae*. Архаисты периода Империи, например Апулей, распространяют именное окончание и на формы м. и ср. р.: *istō*, *illō*.

§ 425. В прочих падежах местоименное склонение не отличается от именного склонения основ на *-e/o-* (ж. р. \bar{a} -) или основ на \bar{i} - по характеру присоединяемого к основе окончания. Это связано не только с тем, что местоимения получали именные окончания, но и с распространением местоименных окончаний на именное склонение. Окончания \bar{i} в им. п. мн. ч. основ на *-e/o-* и \bar{a} - (§§ 338, 321) или *-som* > *-gum* в род. п. (§§ 322, 339) уже не являются для латинского языка специфически «местоименными».

Историческое развитие этих тождественных с именными падежных конечных элементов происходит совершенно так же, как в именах. В односложных местоименных формах не должны были иметь место фонетические процессы, развивавшиеся в конечных слогах, но употребление местоимений в атонном положении и аналогия именных форм приводили к тем же изменениям, которые имели место в конечных слогах слов, содержащих более одного слога. Например, форма им. п. ед. ч. м. р. **quoī* продельывает то же развитие **quoī* > *queī* > *quē* > *quī*, что и именная форма им. п. мн. ч. **equoī* > **equeī* > **equē* > *equī* (§§ 163, 111).

§ 426. В атонных формах местоимений возникали явления, свойственные неполному стилю речи: синизесы, синкопы и т. д. — и нередко распространялись на тонические формы. В частности, это имело место в формах род. и дат. п. ед. ч., которые были длиннее остальных форм ед. ч. и, отличаясь от форм именного склонения, не были защищены его аналогическим воздействием.

В неполном стиле речи гласный *-i-* конечного элемента род. п. *-ius*, по-видимому, синкопировался. Отсюда возникают такие характерные для языка Плавта явления, как скандовка *huīus*, *ēius*, *quoīus* в один долгий слог. Спорадически это встречается и в более позднее время, напр., Лукреций, 1.149:

Principium cuius hinc nōbīs exōrdia sūmet.

То же имеет место в illī(u)s, istī(u)s, напр., Pseud. 1091 (ямбический сенар):

meminī. em illī(u)s servus hūc ad mē argentum attulīt.

Когда при этом -s выпадает перед последующим согласным (§ 256), возникают формы типа istīmodī (Truc. 930) = istīus modī; cuiūmodī (Геллий, 9.13.4) = cuius modī и т. д.

В дат. п., оканчивавшемся на -īeī, монофтонгизация конечного дифтонга произошла, вероятно, в неполном стиле речи раньше, чем в полном, и с поглощением -īi- последующим -ī конечный элемент стягивался в -ī. Написание оставалось прежним: -īeī, и часто бывает трудно установить, какое реальное звучание скрывается за графической группой -īeī.

§ 427. К местоименной форме могут присоединяться различные префиксы и послелоги, которые иногда образуют с ней нераздельное целое: es-, alī-, -se, -que, -dam и т. д.

Указательные местоимения

И.-е. местоименные основы *so-, *to-

§ 428. И.-е. основы *so-, *to- служили для образования анафорического местоимения, указывающего на известный уже или ранее названный предмет. При этом формы им. п. ед. ч. м. и ж. рода имели основы *so- (м. р.), *sā- (ж. р.), все прочие формы основу *to-, ср. греч. ὅ (< и.-е. *so), ἡ, дор. ᾗ (< и.-е. *sā), τό (< и.-е. *tod), род. п. τοῦ, гом. τοῖο; д.-и. им. п. sá, sá, tát, род. п. tásyā. В латинском языке основы *so-, *sā- представлены только изолированными или застывшими формами, свидетельствующими, однако, о том, что они распространились за пределы им. п. В «Анналах» Энния в качестве архаизмов эпического стиля встречались формы вин. п. sum (131), sam (219), sōs (151) в значении eum, eam, eōs; sa-psa (430; Пакувий, 324) в значении ipsa. У Плавта, по-видимому, однажды употреблена форма sum-pse в качестве пародии на высокий стиль (Truc. 160, текст испорчен). Застывшие формы местного падежа sei имеем в союзе sei > sī и в наречии sīc < *sei-c(e).

Эти формы от основы *so- не следует смешивать со сходными формами возвратно-притяжательного местоимения *sos (§ 422).

Основа *to- сохранилась только в застывших наречных формах tum, tam, toppe < *tod-per- 'тотчас', в производных tot < *to-ti (§ 168), tantus < *tam-to-s, tālis и, возможно, в местоименной основе

is-to- (§ 452). Отложительный падеж *tōd сохранился в окончании imperātivus futūrī -tōd > -tō (§ 551).

Местоимение is

§ 429. Парадигма.

		<i>m</i>	<i>f</i>	<i>n</i>			<i>m</i>	<i>f</i>	<i>n</i>
Sg.	N.	īs	ěā	īd	Pl.		ī	ěae	ěā
	G.	eiūs (= ejiūs)				ěōrūm	ěārūm	ěōrūm	
	D.	eī					īs		
	Acc.	ěym	ěām	īd		ěōs	ěās	ěā	
	Abl.	ěō	ěā	ěō			īs		

§ 430. С утратой местоимения, образованного от основ *so-, *to-, анафорические функции сосредоточились в местоимении is, соотносительном с quī. Указательных частиц (-се и т. п.) местоимение is, в силу своей чисто анафорической семантики, не принимает.

Основa восходит к и.-е. основе *ei/i-, чередовавшейся в склонении с основой *e/o-, ср. д.-и. анафорическое местоимение м. р. au-ām, ср. р. id-ām (где -am представляет собой частицу, соответствующую лат. -em в форме id-em), ст.-сл. и, κ, гот. i-s, ос. izic, idik'is, id' (с частицей -ic). В итальянских языках сюда присоединилась осложненная суффиксом -e/o- основа eo-, вероятно, из *ejo (§ 207), ж. р. eā-. Все эти основы участвуют в образовании форм местоимения is (об основе io- см. § 434).

§ 431. От основы i- образуются формы им. п. ед. ч. м. р. i-s, им.-вин. п. ср. р. i-d и архаическая форма вин. п. ед. ч. м. р. i-m (XII tab. 8.12 и 10.8).

Основa eī- > ī- сохранилась, может быть, в форме дат.-отл. п. мн. ч. ībus (Mil. 74) и в форме им. п. ед. ч. м. р. **EIS** (1². 583); в этом последнем случае возможно аналогическое воздействие косвенных падежей ejiūs, ejiēi.

§ 432. От основы e- образован род. п. ед. ч. *e-sjo-s > *eī-ios > ejiūs (§ 424); в письме обычно eiūs (§ 71), но написание через -ii- встречается неоднократно в надписях, напр. 2.1065 **EIVS**. 2.1953 **EIIVS** (с iōta longum; § 103).

Об односложном ei(u)s см. § 426.

Дат. п. ejiēi (**EIEI** 1¹. 198) получил -i- из род. п. *ejiūs.

В дальнейшем ejiēi > ejiī (§ 111, в письме ei), например, Cas. 37 (ямбический сенар): est eī quīdam seruos quī in morbō cubāt; или

Луcretий. 3. 556: *sīve aliud quidvis potius coniūctius eī*, где *eī* скандируется как два долгих слога.

Двусложное *eīī* может графически выражаться также через **EEI** (10.1453) или **IEI** (1². 592) во избежание геминации буквы *e* (§ 104).

Наряду с двусложной формой уже у Плавта встречается односложное *eī*, напр. *Trin. 906* (трохеический септенар):

Carere soleō. — quid est eī nōmen? — quod edepol hominī probō;

Катулл. 82.3: *Ēripere eī nōlī, multō quod cārius illī.*

Односложное произношение *eī* можно считать нормальным для языка классического периода. Ямбическое *eī* появляется только в начале I в. н. э. (Овидий, *Hal. 34*; Германик, *Ag. 457*) и представляет собой, вероятно, новообразование (*eī* : *eum* = *illī* : *illum*).

От основы *e*-образован, вероятно, и архаический вин. п. ед. ч. м. р. *em* (*XII tab. 1.1*).

§ 433. Прочие формы нормальной парадигмы образуются от основы *eo-*, ж. р. *ea-*.

Им. п. мн. ч. м. р. **eoi* > *eei* > *eī* (*Merc. 869*; ср. §§ 163, 111).

Наряду с этим стяженная форма *eī* > *ī* (*Ī 9.1618*). То же в дат. -отл. п. мн. ч. **eois* (ж. р. **eais*) > **EEIS** (1². 581) > *eīs* (*Rud. 73*), и односложная форма *eīs* > **IS** (1². 583). В памятниках классического периода нет ни одного несомненного примера на двусложные формы *eī*, *eīs*, но они снова появляются в начале I в. н. э. (ср. сказанное о дат. п. ед. ч. *eī*).

Написания **IEI** (1². 587), **IEIS** (6.877) относятся к периоду, когда *eī* было уже только графическим знаком для *ī*, и трудно сказать, отражает ли *i*-действительное угодобление первого гласного второму или имеет чисто графический характер (§ 104). Аналогичное сомнение возникает относительно часто встречающихся в период Империи написаний **IIIS**. Их рекомендуют грамматики для различения местоименных форм *ī*, *īs* от сходных форм глагола *eō*. Формы *eum*, *eam*, *eō*, *ea*, *eōrum*, *eaŕum*, *eōs*, *eaŕs* допускают синизесу начальных гласных: *eūm* и т. д.

Формы им. п. мн. ч. *cei-s* (1². 581), *iei-s* (1². 698), *ei-s* (1². 582) имеют наращение *-s*, как это бывает и в именах 2-го склонения (§ 338).

О дат. п. ед. ч. ж. р. *eaē* (*Катон. Agr. 46.1*) см. § 424.

Дат. п. мн. ч. ж. р. *eaibus* (*Катон. Agr. 152*), ср. § 323.

Формы отл. п. ед. ч. *eō*, *ea* восходят к *eōd* (1². 366), *eađ* (1². 581), ср. §§ 335, 320.

Род. п. мн. ч. *eum* вм. *eōrum* (*P. F. 67.23*) по аналогии именного склонения, ср. § 339.

§ 434. Основа *io-*, ж. р. *ia-* представлена текстуально не вполне достоверными и к тому же, быть может, диалектными формами дат. п. ед. ч. ж. р. **IAI** (1². 4), вин. п. ед. ч. м. р. **IUM** (1². 401), ж. р. *iam* (*Варрон. L. L. 5. 166* и *8.44*), ср. ос. вин. п. ед. ч. м. р. *iope*, ос. им. п. ед. ч. ж. р. *iū-k* (*ū < ā*), где однако *i-* < *e-* и основа восходит к италийск. **e(i)o-*: наречие *iam* несомненно восходит к основе *ia-*.

§ 435. Удвоенные образования вин. п. *em-em* 'eundem' (P. F. 67.5), *im-eum* 'τὸν αὐτόν' (C. G. L. 2.77.23) имели отождествительное значение (ср. § 436).

Местоимение *īdem*

§ 436. Отождествительное местоимение *īdem* образуется с помощью присоединения к формам местоимения *is* энклитических частиц *-em*, *-dem*. Частица *-em* присоединяется к форме им.-вин. п. ср.р. ед. ч.: *īd-em* — и может быть к формам отл. п. ед. ч.: *eōd-em*, *eād-em*. К прочим формам присоединяется *-dem*; *eōdem*, *eādem* тоже могут восходить к **eōd-dem*, **eād-dem* с упрощением геминаты после долгого гласного (§ 225 г).

Частица *-em* соответствует д.-и. частице *-am* в форме *ay-ām* 'тот', *id-ām* 'то', ср. также *quid-em*.

Происхождение частицы *-dem* неизвестно. Она может восходить к местоименному корню **do-*.

Некоторые исследователи, однако, предполагают, что она была извлечена из формы *īdem* в результате ее переразложения *i-dem* и распространилась на прочие формы.

В осском языке эта частица имеет форму *-um*: *pid-um* 'quidquam' *is-id-um* 'īdem'.

Есть мнение, что на латинскую огласовку *-em* повлияла древнелатинская удвоенная форма вин. п. ед. ч. местоимения *is em-em* (§ 435), имевшая отождествительное значение 'eundem'.

§ 437. На стыке согласных окончаний форм местоимения *is* с частицей *-dem* *s* выпадает перед *d* с заменительным удлинением предшествующего гласного: им. п. ед. ч. м. р. *is-dem* > *īdem*. В прочих случаях *s* восстанавливается по аналогии форм *is*: *eius-dem* и т. д.; изредка это бывает и в им. п.: *īsdem* (Amph. 945). Группа *-md-* > *-nd-* (§ 236): *eundem* и т. д.

§ 438. Развитие форм им. п. мн. ч. м. р. и дат.-отл. п. мн. ч. происходит так же, как и в местоимении *is*. У Плавта все метрически ясные формы — трехсложны: *eīdem*, *eīsdem*. В поэзии классического периода встречаются исключительно двусложные формы: *īdem*, *īsdem*. В период Империи снова появляются формы *eīdem*, *eīsdem* (в рукописях иногда *īīdem*, *īīsdem*, в надписях очень редко). Такое распределение форм может служить косвенным доказательством того, что и в местоимении *is* в классический период господствовали формы *ī*, *īs*, а *īī*, *īīs* являются только графическими вариантами.

Формы, начинающиеся на *eō-*, *eā-*, допускают синизесу *eō̄-*, *eā̄-*.

Местоимение *īdem* имеет те же дублетные формы, что и *is*: им. п. ед. ч. м. р. **EISDEM** (1². 610, на надписи **-DIM**; 1². 698), дат. п. ед. ч. ж. р. **EAEDEM** (6.28881), им. п. мн. ч. м. р. **EISDEM** (1². 1471), **ISDEM** (6.2041).

Местоимение *hic*

§ 439. Парадигма.

		<i>m</i>	<i>f</i>	<i>n</i>			<i>m</i>	<i>f</i>	<i>n</i>
Sg.	N.	<i>hic</i>	<i>haec</i>	<i>hōc(c)</i>	Pl.		<i>hī</i>	<i>hae</i>	<i>haec</i>
	G.	<i>huiūs (= hūiūs)</i>					<i>hōrūm</i>	<i>hārūm</i>	<i>hōrūm</i>
	D.	<i>hūic</i>					<i>hīs</i>		
	Acc.	<i>hūnc</i>	<i>hānc</i>	<i>hōc(c)</i>			<i>hōs</i>	<i>hās</i>	<i>haec</i>
	Abl.	<i>hōc</i>	<i>hāc</i>	<i>hōc</i>			<i>hīs</i>		

§ 440. Местоимение *hic* указывает на говорящего и на то, что принадлежит к его сфере, на «1-е лицо». Формы местоимения *hic* восходят к основе *he/o-*, ж. р. *hā-*; только для им. п. ед. ч. м. р. *hic* можно (но не необходимо) предполагать супплетивную основу *hi-*.

Местоименные основы *he/o-*, *hi-* не засвидетельствованы ни в одном индоевропейском языке, кроме латинского. В оско-умбурском соответствующее по значению указательное местоимение образовано от основы *ek-*.

Основы *he/o-*, *hi-* могут быть сопоставлены с д.-и. частицами *gha*, *ha*, часто присоединяющимися к местоимениям в усилительной функции, и с греческой послеложной частицей *-χι* (*ou-χι*, *va-χι*). Возможно, что родственный этим частицам префикс *h-* присоединился к тем же основам *i-* и *e/o-*, от которых образованы формы местоимения *is*.

§ 441. С односложными формами этого местоимения, кроме форм, оканчивающихся на *-s*, и им. п. мн. ч. м. и ж. р. *hī*, *hae*, неразрывно слилась указательная частица *-se* в синкопированной форме *-c*, и формы эти уже не употребляются без послеложного *-c*. Однако факультативная постанова *-c(e)* допускается при всех других формах, кроме им. п. мн. ч. м. р. *hī*. При этом формы, оканчивающиеся на *-s*, требуют постанова послеложной частицы в полной форме: *huiusce*, *hiscce*, *hōsce*, *hāsce*, поскольку *-sc* в латинском языке фонетически недопустимо; в прочих случаях частица выступает в синкопированной форме: им. п. мн. ч. ж. р. *haec*, род. п. мн. ч. *hōrunc*, *hārunc*.

У Плавта и Теренция факультативное присоединение *-c(e)* к формам, кончающимся на *-s*, имеет место только перед начальным гласным следующего слова, когда *-e* элидируется и *-c-*, с точки зрения фонетического слога деления, отходит к следующему слову (§ 87).

По-видимому, в разговорной речи этого времени полная форма частицы *-se* уже вышла из употребления. Однако она сохранилась в канцелярском стиле **HOIVSCE** (1². 583, 123/2 г. до н. э.), и вновь была воспринята классическим языком для форм, оканчивающихся на *-s*. Впрочем, в классическом языке формы с факультативным присоединением *-c(e)* встречаются не часто.

Недопущение частицы *-се* при им. п. мн. ч. *hī* объясняется, может быть, стремлением дифференцировать эту форму от наречия *hīc* (ср. ниже о дублетной форме *hīscē*). Редко встречается частица и при им. п. мн. ч. ж. р., где форма *haec* становится тождественной с формой им. п. ед. ч. ж. р. и с формой им. п. мн. ч. ср. р.

§ 442. В форме им. п. ед. ч. ж. р. *haec(e) < haice* к основе *hā-* присоединены две указательные частицы *-i-* (ср. греч. οὐτοσ-ί) и *с(e)*. Тоже имеет место в форме им.-вин.п. мн.ч. ср.р. *haec(e) < HAICE* (1². 581). Ту же частицу *-i* мы найдем в форме *quae* (§ 462).

§ 443. Им.п. ед.ч. м.р. *hīc* образован или от основы *hī-*, или от основы *he/o-* с переходом **hō-се* или **hě-се* (ср. § 424 а) в *hī-с(e)* в безударном положении по законам развития кратких 'гласных в открытом серединном слоге (§ 141)¹.

В послеплавтовское время возникла дублетная форма *hīcc* под влиянием соотношений, создавшихся в форме им.п. ед.ч. ср.р. *hōc(c)*.

Форма *hōcc*, восходящая к **hōd-се* (§ 229), сохраняла конечную геминату перед гласным следующего слова, в то время как перед согласными следующего слова гемината упрощалась (§ 225 в): *hōcc* и *hōc* (в письме обычно *hōc*).

Гораций (Serm). 2. 6. 1):

Hōc(c) erat in vōtīs: modus agrī nōn ita magnus.

Эта двойственность форм в различных фразовых условиях была перенесена также в им. п. ед. ч. м. р.: перед гласным следующего слова *hīcc*, но изредка и *hīc*, а перед согласным следующего слова *hīc*. В письме *hīc* обычно сохранялось при всех условиях, — Гораций (Carm. 3. 5. 37.):

Hīc(c) unde vītam sūmeret īnciūs,

но Вергилий (Aen. 4.22):

Sōlus hīc īnflexit sēnsūs animūque labantem.

Что формы *hīcc* и *hōcc* не следует рассматривать как **hīc* и **hōc*, вытекает из указаний грамматиков (Велий Лонг, G. L. 7. 54. 6) и иногда встречающихся написаний типа **HICC EST** (9.60), **OCCEST** (8.17938) = *hōc est*.

На основании этих форм грамматики конструируют фантастические образования вроде *haecce* (Присциан, G. L. 2.592.18), которое иногда попадает и в рукописях.

¹ Форма им. п. ед. ч. м. р. **HEC** имеется в надписи 1². 9, но не может рассматриваться как достоверная, потому что в этой надписи имеется несомненный случай написания *e* вм. *i* в **TEMPESTATEVVS**, ср. **AIDILES** (1². 8); см. §§ 141 б, 161.

§ 444. Род. п. ед. ч. *hojjos (§ 424 в) > hujjus в безударном положении, согласно § 150. В письме обычно huius (**HOIVSCE** I². 583, **HVIIVS** 2.2102).

Об односложной форме hui(u)s см. § 426.

§ 445. Дат. п. ед. ч. *hojjei-c(e) с -j- из род. п. В энклитическом положении *hojjeic > hujjeic (§ 150). Стяженная форма — **HOICE** (I². 582), **HOIC** (I². 590), huiс (в один слог). Скандовку с первым долгим слогом мы находим изредка еще у Плавта (Vasch. 484, трохеический септенар):

Mihi discipulus, tibi sodālis perīit, huīc filius

(написание huīc модернизировано).

Однако уже у Плавта обычным является односложное huīc, которое остается единственной засвидетельствованной формой в течение всего классического периода. Ямбическое hūic появляется впервые у Стация (ср. § 432 о форме дат. п. ēi).

§ 446. Вин. п. ед. ч.: м. р. *hom-c(e) > **HONC** (I². 9, ср. § 236) > hunc (§ 125); ж. р. *hām-c(e) > hanc.

§ 447. Отл. п. ед. ч.: *hōd-c(e) > hōc; *hād-c(e) > hās.

§ 448. Им. п. мн. ч. м. р., кроме обычной формы hī < **HEI** (I². 1216) < *hoi имеет форму с наращением -s: **HEIS** (I². 1319, ср. eis; § 433). В отличие от формы hī форма с наращением допускает факультативное присоединение -se: hīsce; Плавт и Теренций употребляют эту форму только с присоединением -c(e) (перед словом, начинающимся с гласного звука).

§ 449. Прочие формы нормальной парадигмы не содержат отклонений от именного склонения основ на -e/o- и -ā-.

Дат. п. ед. ч. ж. р. hae (Катон. Agr. 14.3) образован по именному склонению (ср. § 424).

Дат. п. мн. ч. hībus (Circ. 506). может быть, по аналогии с ī-bus (§ 431). quī-bus (§ 473).

Наречие hīc 'здесь' представляет собой застывшую форму местного падежа heic(e) (§ 332), ср. греч. ἐκεῖ. фалис. hei.

Энклитическая частица -ne присоединилась к формам местоимения hīc еще до синкопы -e в частице -se; в соединении с -ne частица -se имеет поэтому полную форму с переходом -ē- > -ī- в открытом серединном слоге: hīcīne, haecīne, hōccīne и т. д. В более позднее время появляются заново образованные формы с присоединением -ne к формам с синкопированной частицей -c: haecne и т. п.

§ 450. Формы вин. п. *hom, *hām без послеложного -c(e) сохранились только в соединениях с esse: essum < *esse hom 'вот он'; ж. р. essam < *esse hām; мн. ч. ср. п. essa < *esse ha (без частицы -i, ср. quā; § 468).

Основа *ho-* сохранилась в словосложениях *hōrsūm* 'сюда' < **hōvorsum* (§ 208), *hōmus* 'относящийся к нынешнему году' < **hō-iōrinōs* (§§ 207, 166 б).

Местоимение *iste*

§ 451. Парадигма.

		<i>m</i>	<i>f</i>	<i>n</i>			<i>m</i>	<i>f</i>	<i>n</i>
Sg.	N.	īstē	īstā	īstūd	Pl.	īstī	īstae	īstā	
	G.		īstīūs			īstōrūm	īstārūm	īstōrūm	
	D.		īstī				īstīs		
	Acc.	īstūm	īstām	īstūd		īstōs	īstās	īstā	
	Abl.	īstō	īstā	īstō			īstīs		

§ 452. Местоимение *iste* указывает на собеседника и на то, что принадлежит к его сфере, на «2-е лицо».

Происхождение основы *isto-* неизвестно. В умбрском языке местоимение с тем же значением, что латинское *iste*, имеет основу *esto-*. *Is-te* явно состоит из двух частей, из которых первая остается в обычной парадигме неизменной, а вторая представляет склоняемую основу, и ее легко было бы отождествить с местоименной основой **to-* (§ 428).

Однако форма вин. п. мн. ч. ж. р. *eāste*, приводимая в авгуральной формуле Варрона (L. L. 7.8) свидетельствует о наличии образований, в которых *is-te* членилось на склоняемое местоимение *is* и неизменяемую приставку *-te*. Возможно и так, что обе части представляли собой склоняемые местоименные основы, и в дальнейшем развитии либо одна, либо другая часть застывала (ср. § 454 о местоимении *ipse*).

Склонение *iste* не содержит особенностей, кроме упомянутых в § 424; им.-вин. п. ед. ч. ср. р. *istud* < **istod* (§ 162).

Форма *iste* иногда скандируется у Плавта в две моры. *Persa* 520 (ямбический сенар):

Iste quī tabellās adfert addūxit simul.

Такая скандовка предполагает форму неполного стиля речи с синкопой *-e*: *istī* (§ 168) или измененное слоговоеделение *i-ste*.

К формам местоимения *iste* может присоединяться указательная частица *-c(e)*. Им. п. ед. ч. м. р. *istic* < **iste-ce* (§§ 141 б, 168). ж. р. *istaec* с частицей *i* как в *haec*. ср. р. *istuc(c)* < **istod-c(e)* (как *hocc*). им. п. мн. ч. ср. р. также с частицей *i*: *istaec* (как *haec*), вин. п. ед. ч. *istunc*, *istanc* и т. д.

istīc — застывшая форма местного падежа (§ 332). Об ударении см. § 91.

Местоимение *ille*

§ 453. Местоимение *ille* указывает на предмет, находящийся вне сферы говорящего и его собеседника, на «3-е лицо». Происхождение основы неясно.

Архаическое местоимение *olle* (Фест, 260.9 — 10; *ollus* в древней формуле у Варрона, L.L. 42), сохраняющееся в языке римского эпоса (Энний, Лукреций, Вергилий) содержит элемент *ol-*, имеющий значение отдаленности, запредельности: *ultrā* < **ol-trād* (§§ 128, 218), *ōlim*, умбр. *ulo* 'там'. Второй элемент основы содержит согласный, который в сочетании с предшествующим *l* образует *ll*, например, **-so-* (§ 257) или **-no-* (§ 250). Если *ille* восходит к *olle*, то его вокализм изменен под воздействием *is, iste*.

Ille склоняется как *iste* (§ 451).

У Плавта и Теренция форма *ille*, как и *iste*, нередко скандируется в две моры. Нес. 120 (ямбический сенар):

Ille primō sē negāre: sed postquam ācrius.

Это опять форма неполного стиля речи с синкопой *-e*: *ill'* (§ 168), или с упрощением геминаты: *i-le*.

В старинном языке и у позднейших архаистов к формам местоимения *ille* может присоединяться частица *-c(e)*. Образование форм как при *iste*. Им. п. ед. ч. м. р. *illīc* может скандироваться в две моры, т. е. *ill'c* или *i-lic*, ж. р. *illaec*, ср. р. *illuc(c)* и т. д. Встречается также форма им. п. мн. ч. м. р. *illīsc(e)* перед начальным гласным следующего слова.

illīc — застывшая форма местного падежа (§ 332).

ellum (в неполном стиле речи) < *em-(i)llum*, где *em-* < *eme* 'возьми, на' (§ 168).

Определительное местоимение *ipse*

§ 454. Местоимение *ipse*, помимо форм, образуемых от основы *ipso-*, имеет у Плавта формы, образуемые склонением местоимения *is* и неизменяемого элемента *-pse*. Таковы им. п. ед. ч. ж. р. *eapse*, вин. п. *eumpse, eampse*, отл. п. *eōpse, eāpse* (сюда можно присоединить наречие *geāpse* 'на самом деле' < *gē eāpse*; § 196).

После Плавта такие формы уже не встречаются.

Формы со склонением обоих составных элементов мы находим в Трус. 133: *eumpsum, nōn eampsam*, где, однако, рукописное предание не вполне достоверно. Этот же второй элемент в склоняемой или несклоняемой форме мы уже встречали в соединении с местоименной основой **so-*: *sapsa, sumpse* (§ 428). Цицерон (Rēp. 3.12) употребляет *sēpse* в значении *sē ipsam*.

Возможно, таким образом, что *ipse* восходит к **is-pse* или *i-pse* с нулевым окончанием основы *i-*, причем первый элемент застыл, а второй вошел в склоняемую основу. Частица *-pse* нигде, кроме латинского языка, не засвидетельствованная¹, может стать в один ряд с частицей *-pte*; обе они могут быть составлены из элемента *p-* (ср. частицу *-pe* в форме *quippe* < **quid-pe*) и местоименных основ **so-* **to-*.

Другие исследователи полагают, что в составных местоименных формах типа вин. п. **sam-sam* (ср. *mē-mē, tē-tē, sē-sē*; § 420) или **eom-som* между *m* и *s* фонетически возник звук *p* (§ 252), и

¹ $\psi\epsilon = \sigma\phi\epsilon$ 'их' в дорийском диалекте Сицилии является лишь случайным созвучием.

образовывались формы *sam-psam, *eom-psom, к которым были созданы новые номинативы sapsa, ipse. Впоследствии в склонении застывал либо второй элемент, и получались формы типа earse, либо первый, что и привело к обычной парадигме ipse.

Местоимение ipse склоняется как iste (§ 451) с той лишь разницей, что им.-вин. п. ср. р. имеет именное окончание -m: ipsum.

§ 455. В архаической латыни часто встречается и именное окончание им. п. ед. ч. м. р.: ipsos (P. F. 5.17) > ipsus (§ 162).

Те исследователи, которые считают, что местоимение ipse возникло из форм вин. п. (см. выше), рассматривают форму ipsos > ipsus как более древнюю по сравнению с ipse, получившим с этой точки зрения -e по аналогии с iste, ille. Форма ipsus, частая у Плавта, уже у Теренция встречается реже; отвергнутая языком классического периода, она вновь попадает у архаистов эпохи Империи.

Именная форма род. п. ед. ч. ipsi встречается у Афрания (230).

В разговорной речи и особенно в устах рабов ipse получило значение 'хозяин' (ср. русск. сам) и к нему создана была даже превосходная степень: ipsimus (Петроний), — ср. греч. αὐτότατος и шуточное образование Плавта ipsissimus (Trin. 988).

Относительное и вопросительно-неопределенное местоимения qui, quis

§ 456. Тонические формы и.-е. местоимения, обозначающего нечто неизвестное, нераскрытое по своему содержанию, употреблялись в функции вопроса; те же формы, будучи атонными, имели функцию неопределенного местоимения: греч. τίς; τί; 'кто? что?', τίς, τι 'некто, нечто'. — ср. русск. 'если кто, если что'. В образовании форм этого местоимения принимали участие две основы:

1) и.-е. основа *k^hei/i-, ср. хет. kuiš, ср. р. kuit, греч. τίς; τί; авест. čiš 'кто', д.-и. kím 'что', ст.-сл. чьто, ос. pīs, píd 'quis, quid', умбр. pis-i, piĕ-e 'quis, quid'; 2) и.-е. основа k^he/o-, ср. д.-и. káh 'кто', kataráh 'который из двух', греч. гом. род. п. τέο, πό-τερος, πό-θη и т. д., ст.-сл. къто, котеръин, которъин, ос.-умбр. ро-

В формах этого местоимения различались «лицо» и «вещь» (§ 412), но различия мужского и женского рода первоначально не было; не изменялось это местоимение и по числам; особые формы ж. р. (с основой quā-) и мн. ч. возникли лишь впоследствии и не во всех ветвях индоевропейских языков.

В итальянских языках вопросительно-неопределенное местоимение получило также функцию относительного местоимения (§ 31).

В некоторых падежах относительное местоимение дифференцировалось от вопросительно-неопределенного. Там, где это имеет место, формы относительного местоимения образуются от основы *q^he/o-, формы вопросительно-неопределенного — от основы *q^hei/i-.

Употребление вопросительно-неопределенного местоимения в предметной (субстантивной) и в качественной (адъективной) функции также привело к некоторой дифференциации форм, причем формы с качественной функцией сближались с формами относительного местоимения.

Далее неопределенное местоимение стало отделяться от вопросительного помощью присоединения послелогов или префиксных элементов, дифференцировавших различные оттенки неопределенности: *aliquis, quīdam* и т. п. В латинском языке простое местоимение *quī, quis* редко сохраняет свою неопределенную функцию (обычно в синтаксическом сочетании с *sī, num, nē*).

§ 457. Парадигма.

Вопросительно-неопределенное

		Субстантивное			Адъективное		
		<i>m</i>	<i>f</i>	<i>n</i>	<i>m</i>	<i>f</i>	<i>n</i>
Sg.	N.	<i>quīs, quī</i>	<i>quae, неопр. quā</i>	<i>quīd</i>	<i>quī, quis</i>	<i>quae</i>	<i>quōd</i>
G.		<i>quoiūs (= quōjūs) > cuiūs</i>					
D.		<i>quōī > cui</i>					
	Acc.	<i>quēm</i>	<i>quām</i>	<i>quīd</i>	<i>quēm</i>	<i>quām</i>	<i>quōd</i>
Pl.			<i>m</i>	<i>f</i>		<i>n</i>	
	N.		<i>quō</i>	<i>quā</i>		<i>quō</i>	
	G.		<i>quī</i>	<i>quae</i>		<i>quae</i>	
	G.		<i>quōrūm</i>	<i>quārūm</i>		<i>quōrūm</i>	
	D.		<i>quībūs</i>				
	Acc.		<i>quōs</i>	<i>quās</i>		<i>quae</i>	
	Abl.		<i>quībūs</i>				

Относительное

		<i>m</i>	<i>f</i>	<i>n</i>
Sg.	N.	quī	quae	quōd
	G.	quoiūs (= quōiūs) > cuiūs		
	D.	quoi > cui		
	Acc.	quēm	quām	quōd
	Abl.	quō	quā	quō
Pl.	N.	quī	quae	quae
	G.	quōrūm	quārūm	quōrūm
	D.	quībūs		
	Acc.	quōs	quās	quae
	Abl.	quībūs		

Основы: quī-, que/o-, ж. р. quā-. В формах, содержащих группу quo-, фонетически должно было возникнуть со- (§ 215), но qu-восстанавливалось по аналогии с прочими формами.

§ 458. Дифференцированные формы для относительного, вопросительного и отчасти неопределенного местоимения встречаются только в им. и вин. п.

§ 459. Им. п. ед. ч. м.-ж. рода вопросительно-неопределенного местоимения: и.-е. *k^hi-s (ср. ос. rīs, греч. τίς, авест. čīš) >лат. quī-s.

В результате тесной фразовой связи вопросительного, равно как и неопределенного, местоимения в его адъективном употреблении со следующим словом, -s исчезало перед звонким согласным следующего слова с заместительным удлинением предшествующего гласного (§ 256), и это привело к образованию дублетной формы quī, которая затем употреблялась наряду с quis в любых фразовых условиях. И та, и другая форма допускают как субстантивное, так и адъективное употребление, например, Гораций (Carm. 1.5.1):

Quis multā gracilis tē puer in rosā (quis — адъективно);
Катулл (66.42):

Sed quī sē ferrō postulet esse parem? (quī — субстантивно).

У хороших стилистов преобладает форма quis; quī встречается реже, но его охотно употребляют перед s- следующего слова (как в приведенном примере из Катулла), и оно имеет некоторую тенденцию к адъективному употреблению, быть может, под воздействием относительного quī. В народно-разговорной речи quī употребля-

лось более широко, и как указывает форма вопросительных местоимений романских языков (фр. *qui*, ит. *chi* и т. д.), в конце концов вытеснило форму *quis*.

§ 460. Другого происхождения им. п. ед. ч. м. р. относительного местоимения. Его древняя форма *quoi* (**QOI** 1². 4, вероятно также и **QVOI** 1². 1) образована от основы *quō-* с нулевым окончанием помощью присоединения указательной частицы *-i* (§ 442), ср. ос. *ruī* (= *roi*), умбр. *roi*.

В дальнейшем *quoi* > **QVEI** (1². 7) > *quē* (1². 1861) > *quī* (§ 425).

§ 461. Форма *quis* обозначала лицо независимо от родовых различий (§ 456), и в древней латыни вопросительное *quis* могло употребляться в согласованном сочетании со словами женского рода — *Aul.* 136:

Ubi ea est? quis ea est nam optima?;

Энний (*Sc.* 386):

*et quis illaec est quae lūgubrī
succincta est stolā?*

То же имеет место в составных неопределенных местоимениях *quisquis*, *quisquam*, *quisque*.

В простом неопределенном местоимении форма *quis* уже не сохранила этой функции. Она заменена формой *quā* от основы *quā-*.

§ 462. От этой же основы, но с прибавлением указательной частицы *-i* (§ 442) образован им. п. ж. р. относительного местоимения **quai* > *quae*, ср. ос. *raī*. Эта форма *quae* уже у Плавта проникает в склонение вопросительного местоимения, вытесняя употребление *quis* в ж. р.; у Теренция этого последнего употребления уже нет. *Quae* изредка встречается также в функции неопределенного местоимения, вместо *qua*.

§ 463. В им.-вин.п. ср.р. ед.ч. вопросительно-неопределенное местоимение имеет форму *quī-d*, ср. греч. *τι* < **τιδ*, ос. *pid*, а относительное — форму *quō-d*, ср. ос. *pid*, используемую обычно также при адъективном употреблении вопросительно-неопределенного местоимения.

§ 464. В вин.п. ед.ч. м.р. форма *quo-m* сохранилась лишь в застывшем виде как союз *quom* > *cum* (§ 215). Общей формой для вопросительно-неопределенного и относительного местоимения служит *quēt*, образованное от основы *qui-* по образцу 3-го именного склонения, ср. ос. *rhīm* вм. **ri-m*. *Quēt* некогда употреблялось также и в ж. р. (следы у Плавта в формах *quētquam* — *Rud.* 406; *quētriam* — там же, 813), но было заменено в этой функции формой *quam* < **quā-m*.

§ 465. В им. п. мн. ч. древняя латынь еще сохраняет различия между формой *quēs* < *q^heī-ēs (§ 207) для вопросительно-неопределенного местоимения и **quo-i* > *quei* > *qui* для относительного. Так в S. C. dē Vas. (1². 581) находим:

SEI QVES ESENT QVEI ... DEICERENT.

В рукописной традиции Плавта и Теренция форма *ques* однако не сохранилась; во времена Варрона (L. L. 8.50) она уже не употреблялась.

§ 466. В вин. п. мн. ч. форму *quēs* находим только у грамматиков, в текстах всегда *quōs* < **quōns* (§ 252), ср. др.-прусск. *kans*.

§ 467. Мн. ч. ж. р. имеет в им. и вин. п. только формы от основы *quā-*: им. п. **quā-i* > *quae* (диалектно *quās*, ср. *laetitiās*, § 321), вин. п. *quās* < **quāns* (§ 252), ср. умбр. *raf-e* (относительное).

§ 468. В им.-вин. п. мн. ч. ср. р. образованная от основы *quī-* форма **quia* < и.-е. **q^hi-ə* (ср. греч. мегар. *σά*, атт. неопр. *ᾶ-ττα*) сохранилась лишь в застывшем виде как союз *quia*, и в парадигме остались лишь формы от основы *quo-*: в неопределенном местоимении *quā*, в вопросительно-относительном форма **QVAI** (1². 583) > *quae* с присоединением указательной частицы *-i* (§ 442), которая иногда переносится и в склонение неопределенного местоимения.

§ 469. В других падежах дифференцированных форм для разных местоимений нет, и формы образуются либо от одной основы *quo-*, либо от обеих основ, что приводит к ряду морфологических дублетов.

§ 470. От основы *quo-* образуются формы род. и дат. п. ед. ч., одинаковые для всех трех родов.

Род. п. ед. ч. **quōjjos* (§ 424 в) > *quōjjus* (**QVOIVS** 1². 7; § 162), в синкопированной форме *quōi(u)s* в один слог; в безударном положении *ō* > *ū* (§ 150), а перед *u* и *qu* > *s* (§ 215): с конца I в. до н. э. *quōjjus* > *quōjjus* (в письме обычно *quōjus*, но встречается и *quōjjus*).

Дат. п. ед. ч. *quōjjei* (**QVOIEI** 1². 11) с *-jjei* из род. п., и *quōjjei* > *quōi* (§§ 111, 71), в стяженной форме односложное *quōi*. К началу нашей эры становится обычной форма *quōi*, возникшая из *quōi* в энклитическом положении. Однако написание *quōi* еще сохранялось в I в. н. э. (Квинтилиан. 1.7.27).

Двусложное *quōi* встречается у поэтов I в. н. э. (Сенека, Марциал, Ювенал), может быть, по аналогии соотношения *mī* : *mīhī*. У поэтов IV — V вв. н. э. бывает *quōi* и даже односложное *quōi* как краткий слог.

Спорадически встречаются образования с именными окончаниями: **QVEI** (1². 1222), **QVO** (10.2311), ж. р. **QVAI** (2.89).

§ 471. В отл. п. ед. ч. рядом с *quō*, *quā* имеется для всех трех родов форма *quī*, вероятно древний инструментальный падеж от основы *quī-*. Эта форма тяготеет к адвербиализации и уже у Плавта может употребляться по отношению ко мн. ч. (Aul. 502): *vehicla quī vehār*.

Quī встречается также в составе местоимений *quīquam*, *quīque*, *quīquī*, *aliquī*, *quīvis*.

§ 472. Род. п. мн. ч. *quōrum*, *quārum*, но Сервий к «Энеиде» (1.95) цитирует *quī-um* из Катона, как род. п. от им. п. мн. ч. *quēs*. *Quoium* (Trin. 534) образовано по аналогии с *quoius*.

§ 473. Дат.-отл. п. мн. ч. *quī-bus*. Однако сохранилась и форма *quīs* < **queis* < **quōis*, **quāis* от основ *quo-*, *quā-* (ср. § 425).

§ 474. Вопросительно-относительное местоимение со значением притяжательности *quoius*, *quoia*, *quoium*, впоследствии *cuius*, *cuia*, *cuium* 'чей' образовано вероятно от род. п. **quojō* (§ 424 в).

МЕСТОИМЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

§ 475. Группа слов именного образования с основой на -*e/o-*, ж. р. -*ā-*, имеющих местоименное значение, сблизилась с местоимениями в отношении своего склонения и получила местоименные окончания род. п. ед. ч. -*ūs* и дат. п. ед. ч. -*ī*: *ūnus* 'один, какой-то' < **oīnos* (§ 113) и производное от него *ūllus* 'какой-нибудь' < **oīn(e)los* (§ 166 б) с уменьшительным суффиксом -*lo-*: *nūllus* < **n(e)-oīn(e)los* 'никакой, ни один'; *sōlus* 'только один'; *tōtus* 'весь, целый'; *uter* 'который из двух' < **q^uuterōs* (§ 216) от основы вопросительного местоимения *q^u-*: *uterque* 'каждый из двух, оба'; *nēūter* (§ 68) 'ни один из двух'; *alius* 'другой' < **al-jōs* (ср. греч. ἄλλος) с местоименным окончанием -*d* в им.-вин. п. ед. ч. ср. р. *aliud* (ср. греч. ἄλλο < **āλλοδ*; § 424 б); *alter* 'один из двух'.

Дублетные формы *alis* (= *alius*), *alid* (= *aliud*) могут иметь диалектный характер (ср. § 329), но могут также восходить к основе *ali-* (ср. префикс *ali-*). В сочетаниях, где местоимение *alius* повторялось дважды, охотно начинали с более краткой формы, напр. *alid ex aliō* (Лукреций. 1.263), и это привело к сращению **ALISALIVM** (2.2633) в функции местоимения взаимности. Род. п. *alius* встречается редко и обычно заменяется *alterius*. Дат. п. *alii* допускает слияние: *alī* (Лукреций. 6.1227; **ALEI** 1², 593).

Именные окончания, однако, не были вытеснены полностью из склонения рассматриваемых слов. Они встречаются как в древней латыни, так и у позднейших архаистов, реже в языке классического периода (например, у Проперция дат. п. ед. ч. м. р. *tōtū* — 3.11.57, ж. р. *nūllae* — 1.20.35).

СТРУКТУРА ГЛАГОЛА

§ 476. Латинский глагол представляет собой сложную систему форм, характеризующих глагольное действие с точки зрения его отношения к действительности (наклонение), способа его протекания (вид), отношения к моменту речи (время), к субъекту действия (залог), к субъекту речи (лицо), или определяющих субъект действия со стороны категории числа, а в некоторых случаях и со стороны категории рода; в систему глагола входит также ряд «именных» неспрягаемых форм, из которых одни допускают склонение (причастия, герундив, герундий), а другие представляют собой неизменяемые, застывшие именные образования (инфинитив, супин).

Система эта сложилась в результате длительного процесса развития, в течение которого происходили многочисленные изменения и в составе глагольных форм, и в их значениях, и в способе их образования. В морфологической структуре латинского глагола отложились наслоения, относящиеся к различным периодам его истории.

§ 477. Глагольное словоизменение, унаследованное от общеевропейского языкового состояния, отличалось, как мы уже указывали (§ 20), гораздо менее целостным характером, чем именное склонение. Глагольная система складывалась из ряда основ, самостоятельно образованных от общего корня (а иногда и от разных корней). Многообразны также были способы образования основ. Здесь применялось удвоение (полное или частичное) корневого элемента, вариация места ударения, чередование гласных, суффиксация. Образованные таким образом основы, друг от друга не зависящие, становились носителями видовых и модальных различий. Залог, время, лицо и число определялись характером глагольной флексии, грамматическими приемами которой служили вариации ударения, чередования гласных и присоединения личных окончаний.

§ 478. В отдельных ветвях и.-е. языков глагольная система развивалась в сторону большего единства и правильности (§ 21). Итальянские языки устранили древнее многообразие глагольных основ, развернув спряжение вокруг двух основ: инфектной и перфектной (§ 32), к которым могла в случае надобности присоединяться причастная основа, служившая для образования аналитических форм медиопассива.

Не менее существенным упрощением было то, что в продуктивных типах глагольного словообразования установились закономерные отношения между основами — *laudō, laudāvī, laudātus*, и основа инфекта стала базой для образования прочих основ.

Полной регулярности, однако, не установилось. Старые типы морфологических соотношений между основами, сконцентриро-

ванные главным образом в 3-м спряжении, потеряли продуктивность, но продолжали занимать значительное место в основном словарном фонде латинского глагола, и рост префиксного словообразования усиливал их роль в языке.

§ 479. Развитие грамматической абстракции создавало новые, более отвлеченные и обобщенные значения форм.

Процесс этот ясно обнаруживается в развитии категории наклонения в и.-е. языках.

В общем прошлом и.-е. языков (кроме, может быть, хеттского) были выработаны, помимо изъявительного и повелительного наклонения, два наклонения, указывающие на то, что действие не происходит в действительности, но могло бы осуществиться, — конъюнктив и оптатив (§ 20).

В большинстве ветвей и.-е. группы языков конъюнктив и оптатив были еще до начала письменной традиции сведены в единое наклонение с обобщенным значением всего того, что противостоит определенно известному действительному факту как область возможного, предполагаемого, воображаемого, желаемого и т. д. Это имело место и в итальянских языках.

Римские грамматики называют это наклонение *modus coniunctivus* или *subiunctivus*, и мы будем пользоваться этим последним термином во избежание смещения с древним конъюнктивом, противопоставлявшимся оптативу.

§ 480. Рост более отвлеченных и обобщенных грамматических категорий наблюдается и в процессе развития видо-временной системы.

Древняя трехчленная видовая система, противопоставлявшая основы настоящего времени, аориста и перфекта (§ 20), уступила место двухвидовой системе. В итальянской ветви, как и в ряде других ветвей и.-е. семьи, аорист и перфект слились еще до начала письменной традиции. В латинском перфекте обобщены два древних вида — аорист и результативный перфект — и латинский перфект противостоит инфекту как указание на завершенность действия, охват его во всей полноте. Древняя видовая характеристика действия по способу его протекания уступила место более отвлеченной характеристике действия по степени его завершенности. С другой стороны, категория завершенности и незавершенности более тесно связана с понятием времени, чем категория длительности. Настоящее время системы перфекта (*perf. indicāt.*) указывает на действие, законченное с точки зрения момента речи, и может обозначать любой законченный факт прошлого. Временные и видовые значения сплетаются в более тесное единство.

Система времен усложнилась, и те наклонения, которые раньше не различали времен, получили временную дифференциацию.

§ 481. Как уже указывалось (§ 32), латинская глагольная система различает в изъявительном наклонении как инфекта, так и перфекта, три времени — настоящее, прошедшее и будущее.

	Инфект	Перфект
Настоящее	<i>Praesēns indicāt.</i>	<i>Perfectum indicāt.</i>
Прошедшее	<i>Imperfectum indicāt.</i>	<i>Plūsquamperfectum indicāt.</i>
Будущее	<i>Futūrum I</i>	<i>Futūrum II</i>

В субъюнктиве различаются два времени — настоящее-будущее («непрошедшее») и прошедшее.

	Инфект	Перфект
Настоящее-будущее ¹	<i>Praesēns subiūct.</i>	<i>Perfectum subiūct.</i>
Прошедшее	<i>Imperfectum subiūct.</i>	<i>Plūsquamperfectum subiūct.</i>

Временные формы латинского глагола, таким образом, симметрично разветвляются вокруг двух основ, инфектной и перфектной, и от каждой основы образуется свой инфинитив.

Повелительное наклонение образуется только в системе инфекта; единственный случай образования его в системе перфекта — *mentō* от претерито-презентного глагола *meminī*.

К системе инфекта примыкают причастия на *-ns* (§§ 573 и сл.), герундий и герундив (§§ 577 и сл.).

§ 482. Обобщая аорист и результативный перфект, латинская перфектная система может иметь двойное значение в зависимости от наличия или отсутствия указания на состояние, возникшее в результате законченного действия. Так, *perfectum indicātivī* может употребляться и как *perfectum historicum* (древнее аористное значение), и как *perfectum praesēns* (древнее перфектное значение). Такая же двойственность может быть в значениях *plūsquamperfectum indicātivī*, акцентирующего законченность действия в прошлом.

Будущее инфекта (*futūrum I*) уже в древней латыни утратило видовую определенность и стало обозначать любое действие, относящееся к будущему, независимо от его завершенности или незавершенности: в противоположность этому, будущее перфекта (*futūrum II*) подчеркивает полноту и завершенность действия.

¹ Древние значения настоящего-будущего субъюнктива лучше всего сохранились при употреблении субъюнктива в независимых предложениях: *praes. subiūct.* — *at mēd ita dī servent* (Poen. 1258), *quōd nunc mē vorlam* (Энний, Sc. 276), *bene sit tibi* (Pseud. 714); *perfectum subiūct.* с видовым отличием от *praesēns* — *fortasse dixerit quispiam* (Цицерон, *Catō maior.* 8), *utinam hinc abierit malam crucem* (Poen. 799), *nē fessētis* (Men. 415).

Претерито-презентные глаголы *teminī, ōdī coepī, pōvī* имеют только значение результитивного перфекта (ср. греч. μέμνηται, ὄδα).

§ 483. Ослабление древних видовых различий в латинском языке несомненно связано с тем обстоятельством, что из видовой системы развивается новая, значения которой насаиваются на видовые. Различия видовых значений заменяются различием относительно - временных значений.

Инфект и перфект противопоставляются друг другу по линии незавершенности и завершенности действия. Завершенность и незавершенность являлись непосредственной характеристикой процесса, выраженного глаголом, видовыми категориями. Развитие сложного предложения приводит к перемещению этих значений из абсолютного плана в план контекстный. Незавершенность и завершенность приводятся в соотношение с другим глагольным действием. Завершенное или незавершенное действие перестает быть законченным или незаконченным в себе и становится законченным или незаконченным в отношении другого. В этом своем относительном значении времена перфекта указывают на то, что процесс, выраженный одним глаголом, был уже завершен ко времени осуществления процесса, выраженного другим глаголом, т. е. что первый процесс предшествует второму процессу. Времена инфекта указывают на то, что процесс, выраженный одним глаголом, еще не был завершен ко времени осуществления процесса, выраженного другим глаголом, т. е. что первый процесс не предшествует второму, а является одновременным с ним или даже предстоящим по отношению к этому процессу.

В изъявительном наклонении относительно-временные значения яснее всего выражены в *plūsquamperfectum* (прошедшее, предшествующее другому прошедшему) и *futūrum II* (будущее, предшествующее другому будущему), а в субъюнктиве — при употреблении его времен согласно правилу *cōnsecūtiō temporum*.

Время в подчиняющем предложении	Времена субъюнктива в подчинённом предложении для обозначения временного соотношения с действием подчиняющего предложения	
	Непредшествование (одновременность или предстояние)	Предшествование
А. Непрошедшие („главные”) времена	<i>Praesēns subiūct.</i>	<i>Perfectum subiūct.</i>
Б. Прошедшие (“исторические”) времена	<i>Imperfectum subiūct.</i>	<i>Plūsquamperfectum subiūct.</i>

§ 484. К общеиндоевропейскому языковому состоянию восходит противопоставление двух залогов — активного («действительного») и медиального («среднего») (§ 20).

Медий обозначает особое отношение между глагольным действием и его субъектом, близкое к значениям русского «средневозвратного» залога на -ся, который заменил собой в славянских языках древний медий. Помимо того, что действие производится субъектом, оно переходит на субъект (возвратное значение) — *λοῦομαι* 'моюсь', или на предмет, находящийся в сфере субъекта (косвенно-возвратное значение) — *λοῦομαι τοὺς πόδας* 'мою себе ноги', совершается в интересах субъекта, переходит в рамках множественного субъекта с одного предмета на другой (взаимное значение) — *διαμένομαι* 'делят между собой', замыкается в сфере субъекта, становясь непереходным (медиально-интранзитивное значение) — *φέρομαι* 'несусь', т. е. 'спешу'.

Действие, замыкающееся в сфере субъекта, может иметь источник, лежащий вне этой сферы, и тогда медиальное значение заключает в себе потенциальный пассив (ср. 'дом строится' и 'дом строится рабочими'). Однако законченная пассивная конструкция с указанием агента действия не восходит к индоевропейскому состоянию; она развивается сравнительно поздно и в разных ветвях и.-е. группы языков по-разному.

§ 485. Залог, противостоящий в латинском языке активу, сохранил ряд медиальных значений и с течением времени развил пассивные; его следует поэтому называть медиопассивом.

Из старых медиальных значений сохранились: возвратное, особенно в глаголах, означающих уход за телом — *Рoen. 228 — 229: quae noctēs diēsque omnī in aetāte semper ōrnantur, lavantur, tergentur, poliuntur* (ср. Вергилий, *Aen. 7.640: lōgicam induitur* 'надевает на себя панцирь'); взаимное — *cōbulantur dexterās* (*Aul. 116*); медиально-интранзитивное — *vehor* 'еду', *pāscor* 'пасусь', *gumpro* 'лопаюсь', *minuor* 'уменьшаюсь'. Однако эти значения ограничены определенными лексико-семантическими глагольными группами и мало продуктивны. Сравнительно распространено только медиально-интранзитивное употребление 3-го лица в личной и безличной форме, при котором реальный производитель действия, хотя бы отлично известный из контекста, прямо не называется — *Merc. 776 — 777: Nemp(e) mē hinc abire veis. — volō inquam. — abibitur. Drachmam datō. — dabitur; Persa 17: quid agitur? — vivitur* (ср. Вергилий, *Aen. 6.179: itur in antīquam silvam*).

Пассивная конструкция в языке Плавта уже выработана, но употребляется редко. Широко распространенной пассивная конструкция становится только в прозе классического периода.

§ 486. К общиндоевропейскому состоянию восходит также категория глаголов, имеющих одни лишь медиальные личные окончания: лат. *sequor*, греч. ἕπομαι, вед. *sáce*, ирл. *sechur*; лат. *meditor*, греч. μέδομαι, др.-ирл. *mediur*; лат. *morior*, д.-и. *mriyáte*. Римские грамматики называют эти глаголы «отложительными» (*verba dēpōnentia*).

Ряд глаголов, обозначающих внутреннее состояние, мыслительную и речевую деятельность, волевые импульсы, процессы, происходящие независимо от воли субъекта, относятся к числу отложительных: *teor*, *opīnor*, *meditor*, *loquor*, **for*, *laetor*, *hortor*, *nāscor*, *morior* и т. п.

Категория отложительных глаголов уже в древней латыни имела неустойчивый характер, и у многих глаголов наблюдаются колебания между спряжением по активному и медиальному типу: *cohortō* и *cohortor*, *imitō* и *imitor*, *tūtō* и *tūtor* и т. д. В народно-разговорной речи эпохи Империи отложительные глаголы стали исчезать и поддерживались только архаистической традицией литературного языка. Романские языки их уже не унаследовали.

§ 487. Медиальная форма инфекта может сопровождаться активной формой перфекта: *revertor* — *revertī*; то же явление имеется в греческом языке: ὑλύομαι — ὑέυοια. Это объясняется, вероятно, тем, что перфект, обозначая состояние, достигнутое в результате некоего действия, был близок к значениям, выразившимся медиальными формами.

Об обратном явлении медиопассивных форм перфекта при активной форме инфекта см. § 667.

§ 488. Возможно, что медиальный перфект, представленный, например в греческом или древнеиндийском языке, не восходит к общиндоевропейскому состоянию и развивался в отдельных ветвях самостоятельно. Когда в итальянских языках объединились аорист и перфект и для нового перфекта понадобилась медиопассивная форма, было создано аналитическое образование с помощью отглагольного прилагательного на *-tos.

§ 489. Таким образом, в глагольную систему входит и третья основа, морфологически самостоятельная, служащая для образования причастия на -tus (§§ 665 и сл.) и супина (§§ 684 и сл.). Супин и производные от него формы причастия и инфинитива будущего времени находятся вне видовой системы. Причастие на -tus примыкает к системе перфекта, и перфектные формы медиопассива образуются аналитически, с помощью сочетания этого причастия с соответствующими инфектными формами глагола *sum*.

§ 490. Способы образования глагольных форм редуцировались. С утратой свободного ударения (§ 21) вариация тона перестала быть средством грамматической характеристики. Чередование

гласных сохранилось в непродуктивных типах образования основ, но во флексии от него остались лишь незначительные следы. Основным способом формообразования осталась суффиксация. Ради-кально изменился принцип образования времен. Для общеиндоевропейского языкового состояния было характерно выражение прошедшего времени с помощью особых окончаний. В древнеиндийском языке и языке гомеровских поэм имперфект может отличаться от презенса только формой личных окончаний (при факультативном характере приращения): bhāgāmi 'я несущу' и bhāgam 'я нес', féρω и féρω.

В италийских языках древние модальные формы, высвободившиеся благодаря редукции наклонений, были использованы в качестве временных, и это создало новую модель для образования времен — присоединение к инфектной или перфектной основе суффиксов, служащих одновременно приметами и наклонения и времени. Двойственность окончаний для прошедших и непрошедших времен становится излишней и в дальнейшем развитии латинского языка устраняется.

Система залогов, времен, наклонений и именных образований латинского глагола является в своих основных чертах общеиталийской, но многие формы (будущее время, перфект и производные от него времена, инфинитивы) создались в латинском языке уже на самостоятельных путях его развития.

§ 491. Система латинского глагола

		Инфект		Перфект		Вневидовые образования	
		Актив	Медио-пассив	Актив	Медио-пассив	Актив	Медио-пассив
Индикатив	Настоящее	laudō	laudor	laudāvī	laudātus sum		
	Прошедшее	laudābam	laudābar	laudāveram	laudātus eram		
	Будущее	laudābo	laudābor	laudāverō	laudātus erō		
Субъюнктив	Настоящее - будущее	laudem	lauder	laudāverim	laudātus sim		
	Прошедшее	laudārem	laudārer	laudāvissem	laudātus essem		
Императив	Настоящее	laudā	laudāre				
	Будущее	laudātō	laudātor				
Причастные образования		laudāns	laudandus		laudātus	laudātūrus	
Инфинитив		laudāre	laudārī	laudāvisse	laudātum esse	laudātūrum esse	laudātum īrī
Герундий		laudandī					
Супин						laudātum	

ГЛАВА XIV

СИСТЕМА ИНФЕКТА

ИНДООЕРОПЕЙСКИЕ ОСНОВЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

§ 492. Способы образования основ инфекта в латинском языке восходят к тем морфологическим средствам, которые в общеиндоевропейском языковом состоянии применялись при образовании основы настоящего времени (как и несигматического аориста), и представляют собой дальнейшее развитие этих средств.

Типы образования основ настоящего времени или несигматического аориста были многообразны. Глагольная основа могла производиться непосредственно от глагольного корня (первичные глаголы) или от уже существующей в языке именной или глагольной основы (вторичные или производные глаголы, отыменные и отглагольные).

В зависимости от характера конечного элемента все основы можно разделить на два морфологических класса: тематические основы, оканчивающиеся на $-\ddot{e}/\ddot{o}-$, и атематические основы, оканчивающиеся обычно на согласный или на долгий гласный. Эта классификация имеет существенное значение потому, что с ней в некоторых случаях было связано также и различие личных окончаний (ср. греч. глаголы на $-\omega$ и $-\mu\iota$).

Глагольная основа могла совпадать непосредственно с корнем, тематически или атематически оформленным (корневые глаголы с нулевым суффиксом), ср. лат. *es, age*¹ могла содержать этот корень в удвоенном виде, ср. лат. *gi-gn-e*, могла, наконец, характеризоваться наличием суффиксов.

Различаются первичные суффиксы, способные присоединяться непосредственно к корню, и вторичные суффиксы — производных глаголов. В качестве примера суффиксов, восходящих к общеиндоевропейскому языковому состоянию, можно указать на морфемы: $*-\ddot{e}/\ddot{o}-$, ср. лат. *iacē*; $*-\ddot{a}-$, ср. лат. *subā*; $*-je/o-/-\ddot{i}-$ (первичн.), ср. лат. *venī*, $*carī > carē$; $*-ne/o-$, ср. лат. *ser-ne*; $*-sce/o-$ (вторичн.), ср. лат. *(gnō)-sce*; $*-eje/o-/-\ddot{i}-(-j-)$ (вторичн.), ср. лат. *monē < *moneje*; $*-je/o-/-\ddot{i}-$ (вторичн.), ср. лат. *fugā < *fugāje*; $*-se/o-$, ср. лат. *vise < *ueid-se*. Особое место занимает носовой инфикс $*-n(e)-$, который вклинивается внутрь корня перед его конечным фонетическим элементом, ср. лат. *iunge* при *iugum*, *tunde* при перфекте *tutudī*.

Инфиксация носового элемента является совершенно единичным случаем в и.-е. системе словообразования. Это заставляет предполагать, что та морфема

¹ Латинские глаголы мы даем здесь в форме повелительного наклонения сл. ч., образуемой присоединением нулевого суффикса к основе инфекта.

которая представляется «корневой», в действительности имеет составной характер и подлежит дальнейшему разложению на составляющие ее элементы. Так, морфема *jeug-/jug- складывается из «корня» *jeu-/ju-, представленного в д.-и. *yuvāti* 'запрягает', и присоединенного к корню элемента -g-. В латинском глаголе *fundō* — *fūdī* корнем является морфема *fū-* (<* *ǵheu/u-*, ср. греч. χέ(F)ω, fut. χεύωω, χύτος), сохраненная в архаическом латинском причастии *exfutī* 'effūsī' (Р. F. 71.13, количество -и- не засвидетельствовано), без присоединившегося к корню элемента -d-.

Носовой элемент. таким образом, является уже не инфиксом, а суффиксом. Такого рода согласные «расширения» корня встречаются и в других случаях, например, лат. *plest-ō* при греч. πλέκω.

Каждый словообразовательный тип характеризовался определенной ступенью чередования гласных в корневой и суффиксальной морфеме (§§ 13 и сл.) и местом ударения, которое могло падать на корень, или на суффикс, или на личное окончание. Вариация места ударения и ступеней чередования могла служить самостоятельным дифференцирующим средством. Так, в корневых тематических основах полная ступень корневого гласного с ударением на нем характеризовала основу настоящего времени, нулевая ступень корня с ударением на тематическом гласном — основу аориста, ср. греч. λέίπω — λιπών.

§ 493. Многообразие способов образования основы настоящего времени несомненно связано с тем, что и удвоение и различные суффиксы по-особому модифицировали значение основы со стороны различий действия и состояния, переходности к непереходности, способа протекания действия, оттенков модальности. Так, суффикс *-eje- служил для образования отглагольных производных глаголов со значением каузативного или многократного действия — лат. *попеб* 'напоминаю' при корне *теп-* (*teminī* 'помню'); с помощью *-se- образовывались desiderативные глаголы — лат. *вісб* при *videb*; суффикс *-ē- придавал глаголу значение состояния — лат. *іасеб* 'лежу' при *іасіб* 'бросаю'; суффикс *-sc- указывал, вероятно, на реализацию процесса — (*g*)*пбсб* 'познаю'; удвоение характеризовало, по-видимому, интенсивность и законченность действия и т. д. Однако такого рода «восстановление» конкретного значения и.-е. суффиксов основы настоящего времени в большинстве случаев имеет лишь предположительный характер. Еще труднее установить функцию «расширений» корня.

§ 494. В исторически засвидетельствованных языках значительное распространение получил суффикс *-je/o-, служивший для образования отыменных глаголов. В италийских языках присоединение этого суффикса к гласному звуку приводило к выпадению *-j- (§ 207) и слиянию *-e/o- с предшествующим гласным звуком в долгий гласный (§§ 196 и сл.); присоединяясь к согласному звуку, *-j- > -j- (§ 259). Это развитие звука -j- явилось одним из важнейших факторов, определивших форму основ инфекта в латинском языке.

ОБРАЗОВАНИЕ ОСНОВ ИНФЕКТА

§ 495. Римские грамматики разделили латинские глаголы на четыре спряжения. В этой классификации отражены основные типы флексии инфекта, и ее целесообразно сохранить. Однако с точки зрения происхождения основ, тип *sariō*, промежуточный между 3-м и 4-м спряжением, удобнее объединить с 4-м спряжением, а не с 3-м.

§ 496. 1-е спряжение.

Конечный элемент *-ā-*, характеризующий основы 1-го спряжения, восходит либо непосредственно к и.-е. **-ā-*, корневому или суффиксальному, или к слиянию **ā/э* с суффиксом **-je/o-* (первичным или вторичным).

Морфологические типы, собранные в 1-м спряжении, имеют соответственно четвероякое происхождение.

§ 497. 1) Атематические глаголы с корнем на *-ā-* и нулевым суффиксом: *fā-rī*, и.-е. корень **bhā-*, ср. греч. дор. *φᾱ-μί*; *pā-re*, и.-е. корень **-snā-*, ср. д.-и. *snā-ti* 'купается'; может быть, *flā-re*.

Этот морфологический тип сохранился в латинском языке только в реликтовом состоянии.

§ 498. 2) Атематические глаголы с суффиксом **-ā-*.

К этому морфологическому типу восходит вероятно элемент *-ā-*, который мы находим в ряде латинских глаголов 1-го спряжения, соотносительных с образованными от того же корня глаголами 3-го спряжения: *dīcā-re* и *dīcē-re*, *lāvā-re* и *lāvē-re*, *pāgā-re* и *pāgē-re*.

Суффикс *-ā-* выражает отношение субъекта к действию, близкое к значению медия, или имеет интенсивирующий характер. Он часто встречается в составных глаголах и в некоторых случаях сопровождается нулевой ступенью корневого гласного: *incumbere* 'ложиться (на)', *incubāre* 'лежать на'; *dūcere* 'вести', *ēdūcāre* 'воспитывать'; *sarere* 'брат', *occipāre* 'занимать, захватывать'; *fligere* 'ударять', *grōflīgāre* 'сокрушать'.

Глаголы на *-nā-*: *clīnāre*, *mānāre*, *dē-stīnāre*, ср. стб. восходят, вероятно, к и.-е. атематическим глаголам с носовым суффиксом, ср. греч. дор. *δάμ-νᾱ-μι*. Они послужили образцом для отглагольных образований на *-inā-*: *coquināre* от *coquō*, *lācināre* от *lāciō* и т. д.

§ 499. 3) Первичные тематические глаголы с суффиксом **-je/o-*:

а) при односложной корневой морфеме *stō* < **stā-jō*, ср. умбр. *stahitu* 'stātō', ос. *stait* 'stat' (о графическом значении *h* см. § 76);

б) при двусложной корневой морфеме (§ 16): *domō* < **domā-jō* < **domə-jō*. Следы краткости конечного гласного корневой морфе-

мы сохранились в формах *domuī* (§ 633), *domitus* (§ 678). Сюда же относятся *sonāre*, *tonāre*.

§ 500. 4) Производные отыменные глаголы, образованные от именных основ на *-ā-* с помощью вторичного суффикса **-jē/o-*: *plantō* < **plantājō* от *planta*, ср. греч. *πῦμα* < **πῦμαjō* от *πῦμα* (дор.). Это наиболее продуктивный тип производства отыменных глаголов в латинском и в других италийских языках. Он распространился на образование глаголов от всех классов именных основ: *locus* — *locāre*, *somnium* — *somniāre*, *laus* — *laudāre*, *testis* — *testārī*, *levis* — *levāre*. *tumultus* — *tumultuārī*, *glaciēs* — *glaciāre*.

§ 501. Распространению словообразовательного типа глаголов на *-ā-* несомненно способствовало то обстоятельство, что глаголы от имен на *-ā-* оказывались в соотношении также и с родственными именами иных морфологических классов. Так, *opetārī* (от *opeta*) оказывалось соотношенным также и с *opus*, и этот тип соотношений мог служить моделью для других образований, как например, *temperāre* от *tempus*, *volnerāre* от *volnus*.

Таким путем создавался целый ряд суффиксальных конглютинатов: *-etā-*, *-igā-*, *-igā-*, *-icā-*, *-cinā-*, *-ulā-*, *-illā-* и др.

§ 502. Широкое распространение получило в латинском языке образование интенсивных (фреквентативных) глаголов на *-tāre-*, *-sāre*, производившихся от основы причастия на *-tus*, *-sus* — *dictāre*, *cantāre*, *habitāre*, *saltāre*, *dormitāre*, *hortārī* (от *hortor*, ср. *horitur* — Эний, *Ann.* 432). Благодаря соотношению *domō* — *domitō* (от *domi-tus* < **domā-tos* с *-ā-* по типу 3б, § 499), *habeō* — *habitō*, выделился суффикс *-itā-*, с помощью которого образовывались интенсивные глаголы от глаголов 1-го спряжения: *vocō* — *vocitō*, *clāmō* — *clāmitō*, *rogō* — *rogitō*, а иногда и от глаголов 3-го спряжения: *argō* — *argitō*, *quaerō* — *quaeritō*.

§ 503. Класс глаголов на *-āre* оставался продуктивным в течение всей истории латинского языка. Этой продуктивности несомненно способствовала его регулярность, господствующая роль основы инфекта во всем глагольном спряжении.

Лишь единичные глаголы 1-го спряжения восходят к общендоевропейскому языковому состоянию. Основная масса их — производные глаголы сравнительно недавнего происхождения. 1-е спряжение показательное для той регулярной глагольной структуры, которая создавалась в италийских языках (§ 478).

§ 504. 2-е спряжение.

Конечный элемент *-ē-* (*-ĕ-*), характеризующий основы 2-го спряжения, восходит либо к и.-е. *-ē-*, корневому или суффиксальному, либо к группе **-ĕjē/ō-*, где элемент **-jē/ō-* или вся группа **-ĕjē/ō-* представляет собой суффикс.

Морфологические типы, собранные во 2-м спряжении, имеют четвероякое происхождение.

§ 505. 1) Первичные глаголы с корнем на *-ē-*: *plē-re*, корень **plē-*, ср. *plē-nus*, греч. гом. *πλη-το*; *pē-rē*, корень **snē-*, ср. греч. *ἔ-ννη*; *flē-re*, корень **bhlē-*, ср. ст.-сл. *вльѣхъ*; *rē-rī*, корень **rē/ə-*, ср. *ra-tus*; *dēlē-re* — новообразование к перфекту *dēlēvi*, от *dē-linō*.

Латинские формы не позволяют судить о том, восходят ли они непосредственно к атематическим корневым основам с нулевым суффиксом, или к основам, тематически оформленным с помощью первичного суффикса **-jē/ō-*.

§ 506. 2) Глаголы с и.-е. суффиксом **-ē-*, выражающим состояние субъекта или его чувственное восприятие (ср. греческие аористные формы с непереходным значением *ἔ-τράπ-η-ν*, *ἔ-φάπ-η-ν*, ст.-сл. **видѣ**): *pateō*, *tubeō*, *taceō*, *videō* — обычно с нулевой ступенью корневого гласного.

Глаголы состояния на *-ē-* бывают соотнесены с глаголами другой морфологической структуры, выражающими действие: *pendeō* — *pendō*, *iaceō* — *iaciō*, *raveō* — *raviō*, *placēō* — *placō*. В некоторых случаях они имеют и непереходное и переходное значение: *teneō*, *habeō*, *maneō*.

Лат. *-ē-*, восходящее к и.-е. суффиксу **-ē-*, характеризует только основу инфекта и в других основах не появляется.

В греческом языке основы с суффиксом *-η-* имеют атематическое спряжение; латинские формы допускают двоякое истолкование (ср. § 505).

§ 507. 3) Каузативно-интенсивные глаголы с суффиксом **-ejē/ō-*, ср. греч. *φορέω* (< **φορεῖω*), *φοβέω* (< **φοβεῖω*):

moneō 'напоминать', корень **men-*, ср. *me-men-tō*; *doceō* 'обучать', корень **dek-*, ср. *decet*; *torreō* 'сушить', корень **ters-*, ср. *terra*, д.-и. *taršáyati*; *apx. ioubeō* 'побуждать', корень **jeudh-* (§ 28), д.-и. *yodháyati*; *svādeō* 'делать приятным, убеждать', ср. *svāvis* < **suād-uis*, греч. дор. *ἄδύς* < **σφαδύς*; *spondeō* 'обязываться', ср. греч. *σπένδω*.

При огласовке *e* корня эти глаголы имеют тембр *o*. Исключение составляет *terreō* 'приводить в дрожь' (ср. греч. *τρέω* < **τρέωω* 'дрожать', д.-и. *trásati*), которое сохранило, очевидно, в порядке дифференциации с *torreō* огласовку *e* (ср. *terror* 'страх', однако умбр. *tursitu* = *terrētō*).

§ 508. 4) Отыменные глаголы, образованные от основ на *-e/o- с помощью суффикса *jě/ǫ-, ср. греч. φιλέ-ω < *φιλε-ιω: albeō (albus), audeō (avidus, ср. § 166 в), salveō (salvos), calleō (callum). От глаголов на -āre эти глаголы отличаются тем, что обычно означают состояние: clāreō 'сиять' — clārō 'освещать'. В дальнейшем глаголы на -ēre стали производиться также и от других основ: sordeō (sordēs), lacteō (lac, lact), aneō (anus, осн. на -u-).

Отыменные глаголы имели и.-е. ударение на суффиксе *-jě/ǫ- и этим отличались от каузативных глаголов, имевших ударение *-ėje/o-; в греческом и латинском языках это различие не сохранилось.

Продуктивность отыменного типа с течением времени ослабевала, отступая перед распространением глаголов на -āre.

§ 509. Глаголы второй и четвертой группы обычно не имеют причастия на -tus; они часто соотносительны с прилагательными на -dus и существительными на -or: caleō — calidus — calor. algeō — algidus — algot и т. д.

§ 510. То обстоятельство, что 2-е спряжение содержало по преимуществу глаголы состояния, способствовало переходу некоторых глаголов из 3-го спряжения во 2-е: fulgō, fervō, olō, tuor уступают место глаголам fulgeō, ferveō, oleō, tueor. Известную роль при этом могло играть наличие омонимных форм 2-го и 3-го спряжения, как-то: причастие на -ēns, имперфект на -ēbat.

§ 511. В глаголе *cieō группа из трех гласных упрощалась и -е- выпадало: *cieō > ciō, но ciēs. Исходя из ciō, ciat и т. п. развились дублетные формы по 4-му спряжению, например, ciŋus (Лукреций, 1.212), особенно в глаголах, сложных с *cieō. Сходным образом образовались дублеты tueor (2-е спряжение) и tuor (3-е спряжение).

§ 512. 3-е спряжение.

Конечный элемент -ě/ǫ-, характеризующий основы 3-го спряжения, восходит к чередующемуся гласному *-ě/ǫ- и.-е. тематических основ; имеются, однако, случаи, когда и.-е. атематические основы получили в латинском языке тематическое преобразование.

Морфологические типы, собранные в 3-м спряжении, многообразны.

§ 513. 1) Корневые тематические глаголы с нулевым суффиксом: emō, legō, seque-re (imper.), dicō, dūcō, dividō, currō, agō, cadō и т. д. Большая часть этих глаголов имеет соответствия в других и.-е. языках и восходит к и.-е. языковому состоянию. Тип в историческое время уже непродуктивный.

Гласный корня в большинстве случаев восходит к ступени П (§ 13), и тогда это чаще всего *е или дифтонги, содержащие *е, значительно реже *а или *о; однако бывает и ступень Н («аористные» основы; § 492).

§ 514. Некоторые корневые глаголы, в прошлом атематические, подверглись впоследствии тематическому преобразованию: vomō (< *цет-; § 180), с двусложной корневой морфемой *цетз- (ср. § 16), д.-и. vāti-ti, ср. vomī-tus; sonō (< *сцел-

§ 260), корень *syeṇə-, ср. sonī-tus, д.-и. отглагольное прилагательное grā-svani-tah. — с параллельным образованием sonāre по 1-му спряжению (§ 499 б): может быть tonō, если tonitus у Варрона (Men. 132) не единичное новообразование по образцу sonitus.

§ 515. 2) Тематические глаголы с удвоением корня. Корень имеет форму, восходящую к нулевой ступени; гласный удвоения -i-: si-stō, корень *stā/ə-, ср. stō, stā-tus; sidō (< *sī-sd-; § 256), корень *sed-, ср. sedeō; gi-gnō, корень *ġenə- (§ 16), ср. genō; serō (ser- < *sī-s-; § 117) 'сеять', корень *sē/ə-, ср. sē-men, ст.-сл. сѣмѣ; вероятно, redde-re < *re-dī-de-re (§ 166 а), ср. вестин. didet 'dat', ос. didest 'dabit'.

В греческом языке этот тип представлен глаголом ὑψύωμαι.

Удвоение, по-видимому, сообщало инфекту терминативный характер (§ 493): sistō 'останавливать(ся)', sidō 'сидеться'. На перфект удвоение этого типа не распространяется; глаголы с удвоением корня в инфекте, соотносительные с простыми корневыми, имеют те же формы перфекта, что и простые: steti, sēdi, genui.

Лат. bibō восходит к *ribō, ср. д.-и. rībati 'пьер', др.-ирл. ibid (с утратой r-), корень *rō(i)-/rī-, ср. rō-tus, rō-culum, греч. πέ-πω-κα, πī-θη-, ст.-сл. пити; корневой согласный r- по неизвестной причине озвончился (ср., однако, без озвончения д.-и. 3 л. мн. ч. медиа rīrate, фалис. rīrafo 'bibam'; § 23), и в латинском языке это озвончение распространилось на согласный удвоения. Глагол bibo воспринимался уже как простой и имеет перфект bibi (§ 626).

Тип непродуктивный.

§ 516. 3) Глаголы с корнем, расширенным помощью -t-, -d-, -c-. Отличить глаголы этого типа от простых корневых (1 тип) можно лишь при благоприятных условиях, прежде всего при наличии двух вариантов корня, с расширением и без него.

а) -t-: pec-tō, ср. греч. πέκω и πέκτω; plect-tō 'плести', ср. plīcō и греч. πλέκω; flectō, pectō, близкие по значению к plectō.

б) -d- (из и.-е. *-d- или *-dh-): tendō, ср. супин ten-tum (наряду с ten-sum; § 673), teneō, греч. τείνω < *τεν-ῖω, τatóς < *τη-tós; claudō, ср. clāvis; cūdō, ср. ст.-сл. ков-ати и др.

В глаголе rūdō 'реветь' колебание в количестве гласного -u- сохраняет следы древнего чередования П и Н, свойственного атематическому спряжению (*reudə-/rudə-, ср. д.-и. rōditi 'рыдаст', rudanti 'рыдают').

Сюда относятся некоторые глаголы на -ll- < *-ld- (§ 243): sallō 'солить' < *sald- (salsus < *sald-tos; § 673), ср. гот. saltun, где -t- < и.-е. *-d-, но греч. ἀλ-ός (род. п. ед. ч.), ст.-сл. соль; (per)-cellō < *-celd-. ср. clādes, но in-columis, греч. κλάω, ст.-сл. клати (русск. колоть). Однако -ll- может восходить и к *-ln- (§ 250), и не во всех глаголах происхождение группы -ll- удастся определить.

в) -c- (-ū-): vī-vō, корень *g^h-ī-, ср. д.-и. jīvati, ст.-сл. живъ, но авест. jīti- 'жизнь', ст.-сл. жити; volvō (< *uel-c-; § 201), ср. греч. (F)ελ-ύ-ω и (F)ελ-ίσσω.

С этим -ц- не следует смешивать ц(v) < и.-е. *g^h или *g^h. напр. арх. лат. *fivō* (< *dhig^hō: позднееe *fīgō* образовано, исходя из перфекта *fixī*, по образцу *regō* — *gēxi*). *fru(v)or* < *frūg^hōg, ср. *fūx*.

§ 517. На наличие расширений иного типа указывает соотношение инфекта *gr-ent-ō* и перфекта *gr-es-sī*, где «корнем» в точном смысле слова является только *gr-*. В этом единичном случае латинский язык сохранил, по-видимому, очень древние варианты корнеобразования, которые восходят к периоду, предшествующему стабилизации и.-е. корней. Аналогичное соотношение в греческом языке между τρέμω (ср. лат. *tremō*) и ἔτρεσ-σα.

§ 518. 4) Глаголы с носовым аффиксом. В прошлом атематические, эти глаголы принадлежат в латинском языке к тематическому типу. В зависимости от места аффиксов различаются глаголы с носовым инфиксом и с носовым суффиксом.

а) Носовой инфикс *-n(e)- сохранился в латинском языке в нулевой форме -n- и, находясь перед губным или заднеязычным согласным, соответственно переходит в -m- или -ŋ- (§ 236). Он как бы вклинивается внутрь «корня» (ср., однако, § 492) после корневого гласного на нулевой ступени, — после -ī-, -ā-: *fī-n-de-re* (*fidī*, корень **bhei-d-/bhi-d-*, ср. д.-и. *bhi-ná-d-mi*); *gū-m-pō* (*rūpī*, корень **reu-p-/ru-p-*, ср. д.-и. *lu-m-pá-ti*); *pā-n-gō* (*pēgī* или *perīgī* < **pe-pāg-ai*, корень **pā/ə-g-*, ср. греч. дор. πᾶξω, аор. ἐ-πάγ-ην) и т. д. Только *pre-he-n-d-ō* (> *prēndō*; § 213) имеет полную ступень корня **ghed-* (*praeda* < **prai-hēd-ā*), ср. греч. χείρομαι < **χενδ-σομαι*. Почти все глаголы с носовым инфиксом восходят к общеиндоевропейскому языковому состоянию.

Носовой инфикс проник в перфекты на -sī (§ 629), частично в корневые перфекты без чередования и удвоения (§ 626), а в некоторых глаголах и в основу причастия на -tus (§ 671). Если глагольный корень имел расширение -ŷ- (-ц-; § 516 в), присоединение носового инфикса создавало элемент *-neu/nu-. Этот элемент в несколько преобразованной форме -vū/vŷ- играет, как известно, большую роль в образовании основ греческого глагола, но в латинском языке он сохранился только в глаголах *ster-nu-ō* и *mī-nu-ō*, где полностью вошел в состав корня.

Корень с инфиксом допускает иногда дальнейшую суффиксацию: *vi-n-c-iō*, *sa-n-c-iō* (ср. *sac-er*), *na-n-c-ī-scor* (ср. § 520).

От глаголов с носовым инфиксом надлежит отличать глаголы с носовым согласным в составе самого корня: *angō*, **candō* (*ac-cendō* и т. д.), *cingō*, *clangō*, *mandō* 'жевать', *scandō*, *tinguō*, *unguō*.

б) Носовой суффикс имеет тематическую форму -nē/ō-. Его содержат глаголы: *ser-nō* (< **srī-*; § 171), корень **kreiə-*, ср. *srē-vī*, *srībrum*, греч. κρένω < **кри-ν-ιω*; *li-nō*, корень **leiə-*, ср. *lēvī* или *līvī*,

д.-и. *láya-te* ‘принимает’; *si-nō*, ср. *sī-vī* и сложный с ним *rōnō* < **rō-sī-nō* (§ 167); *tem-nō*, где *-em-* < **-m-* (§ 27); *tollō* < **tol-nō*, где *tol-* < **t|-* (там же), ср. др.-ирл. *tlenaid* ‘отнимать’. *Dē-gū-nere* ‘*dēgūstāre*’ (P. F. 63.7) происходит из **dē-gūs-nō* (§ 256), корень **geus/gus-*, ср. греч. γεύ(σ)μαι. Во всех этих глаголах форма корня восходит к нулевой ступени, и неожиданным является корневой вокализм глаголов *ster-nō* (ср. д.-и. атемат. *stj-nāti*), *spēr-nō*, равно как и упомянутого выше *ster-nu-ō* (*-er-* вместо *-or-* < **r*).

§ 519. 5) Глаголы с суффиксом *-sē/ō-*. Этот вторичный суффикс служил для производства отглагольных глаголов с деизидеративным значением: *vīssō* (позже *vīsō*; § 225 г) < **veid-sō* (ср. *vīdī*) ‘хочу посмотреть’, напр.: *vīssō quid rērum meus Ulīxēs ēgerit* (Pseud. 1063); *quaes-sō* (Men. 230; позже *quaesō*) < **quais-sō*, ср. *quaerō* < **quais-ō*. Из *vīssō*, *quaessō* выделился суффикс *-ssē/ō-*. Омонимный и близкий по значению суффикс создавался благодаря тому, что формы сигматического будущего на *-ss-* (§ 661) отрывались от глагольной системы и образовывали собственные инфинитивы: *impetrāssere* (Aul. 687), *reconciliā-ssere* (Capt. 168). В архаический период суффикс *-ssē/ō-* был в известной мере продуктивным: *face-ssō* (от *faciō*), *cape-ssō* или *capī-ssō* (от *capī-ō*), *lace-ssō* (от **lacio*, ср. *illiciō*), *pete-ssō* (от *petō*) и т. д. В классическую эпоху продуктивность *-ssē/ō-* уже была утрачена.

§ 520. 6) Глаголы с суффиксом *-scē/ō-* (< и.-е. **-skē/ō-*). Этот вторичный суффикс, придававший глаголам терминативное значение (§ 493), присоединялся как к корневым основам: (g)лнō-scō, ср. (g)лнō-vī; рā-scō, ср. рā-vī, — так и к основам, осложненным суффиксами: ар-ī-sc-ог, ср. ар-tus; па-п-с-ī-sc-ог, ср. пас-tus.

Корень при этом может восходить к П: (g)лнō-scō, ср. греч. эфир. γύω-σκω; рā-scō, ср. ст.-сл. пасж; сгē-scō — или к Н: роscō < **porc-scō* < **prk-skō* (§ 272), ср. д.-и. ргсhāti (к полной ступени корня восходит ргс-ог); (g)лнā-scог, где *-лā-* < **-л-* (§ 27). Суффикс *-ī-*, к которому присоединяется *-scē/ō-* (особенно при производстве отложительных глаголов), представляет собой редукцию **-je/o-*.

Глагол *miscō* (< **mic-scō*, ср. греч. μίσω) оставивший след в форме повелительного наклонения **MISC** (I². 560. Пренесте) с синкопой *-ē*, перешел во 2-е спряжение — *miscēō*, и элемент *-sc-* вошел в состав корня (перфект *miscuī*). Перенесение *-sc-* в основу перфекта имеет место также в глаголе *роscō*, *роросcē* (может быть, с обшчеиндоевропейских времен, ср. д.-и. ра-рассча).

В латинском языке суффикс *-sce/o-* (и конглютинат *-īsce/o-*) стал очень продуктивным при производстве отглагольных и отыменных «начинательных» глаголов. Они указывают на постепенное наступление состояния, выраженного глаголом или именем, от которого они образованы, и нередко сопровождаются префиксами, подчеркивающими переход от одного состояния к другому или завершенность процесса: *amā-scō*, *albē-scō*, *dē-sū-dā-scō*, *ex-ardē-scō*, *con-ticē-scō* (или *con-tic-īscō*), *per-timē-scō*, *ob-dormī-scō* и т. д. Особенно часто глаголы на *-scō* образуются от глаголов 2-го спряжения, означающих состояние.

Выделившиеся в соотношении с именами суффиксы *-āsce/o-* (ср. *amāscō* — *amor*) и *-ēsce/o-* (*calēscō* — *calor*) функционировали затем самостоятельно в отыменном производстве глаголов на *-scō*: *ignis* — *ignēscō*, *vesper* — *vesperāscit*; суффикс *-ēsce/o-* служил также в редких случаях производства начинательных глаголов от основ 3-го спряжения: *tremēscō*, *ingemēscō*.

В поздней латыни глаголы на *-ēscō* и *-īscō*, часто смешивавшиеся между собой, стали утрачивать свое начинательное значение и употребляться как переходные в каузативном смысле: *inpdōtēscō* ‘извещать’ вместо ‘становиться известным’, *mollēscō* ‘размягчать’ рядом с *mollō*. В ряде романских языков этот потерявший значение суффикс вошел в спряжение части глаголов на *-īre*: латинскому *finiō* соответствует ит. *finisco*. -i. -e. 3 л. мн. ч. -ono, ср. фр. мн. ч. *finissons*. -ez, -ent.

§ 521. 7) Глаголы с суффиксом **-jē/ō-*. Если не считать типа *carīō*, о котором см. §§ 523 и сл., эти глаголы попадают в 3-е спряжение только тогда, когда суффиксу предшествует *-u-*: **-u-jē/o-* > *-u-e/o-* (§ 207).

Первичные глаголы с корнем на **-u-* и суффиксом **-jē/ō-* в латинском языке уже неразличимы от корневых тематических (§ 513). К этой категории принадлежат, вероятно: *su-ō* < **sūjō* (*sūtor*), ср. ст.-сл. *шнѣж* (< **sju-jō*), д.-и. *syū-tāh*; *spūō* (*spūtus*), ср. лит. *spiauju*, ст.-сл. *плюж*, греч. *πτύω*.

К этой же группе относятся глаголы со вторичным суффиксом **-jē/o-*, образованные от именных основ на *-u-*: *metuō* (*metus*), *statuō* (*status*), *tribuō* (*tribus*) и т. д.

Неясно *battuō* ‘бить’, быть может, это — слово кельтского происхождения.

§522. 4-е спряжение и тип *carīō*.

Конечный элемент *-ī-*, характеризующий рассматриваемые основы, восходит к суффиксу **-jē/o-*, *-ī-*: *cupīō* < **cup-īō*, ср. д.-и. *kúr-ya-ti*; *veniō* < и.-е. **g^hǵm-jō* (§ 492), ср. греч. *βαίνω*, — или к сочетанию этого суффикса с предшествующим *-ī-*: *finīō* < **finī-jō*.

Элемент *-ī-* может также отражать редуцированную форму суффикса **-eje/o-* каузативно-интенсивных глаголов (§ 507), но в латинском языке есть лишь один несомненный случай такого происхождения *-ī-*: *sōriō* 'усыплять' < **sūēriō* (§ 260), ср. д.-и. *svar-āya-ti*. Прочие глаголы на *-iō*, *-īs* восходят к двум морфологическим типам в зависимости от того, является ли суффикс **-je/o-* первичным или вторичным.

§ 523. 1) Первичные глаголы с корнем на согласный и суффиксом **-je/o-*. В тех формах латинского спряжения, где отражен тематический гласный суффикса, **j > ĭ* в положении между согласным и *e/o* (§ 259): *cup-iō*, *cup-iu-nt*, *ven-iō*, *ven-iu-nt* (краткость *-ī-* в *veniō*, *veniunt*, таким образом, исконная, а не возникшая в результате сокращения долгого гласного перед гласным). Там, где нет тематического гласного, конечный элемент основы выступает в двойной форме: *-ī-* (4-е спряжение) или *-i-* (тип *sariō*).

Краткая форма конечного элемента основы имеет место тогда, когда в простом глаголе корневая морфема оканчивается сочетанием краткого гласного с несонантическим согласным: *sār-ī-s* (2 л. ед. ч.), *quāt-ī-s*, *fōd-ī-s*, *spēs-ī-s*, *fūg-ī-s* и т. д.; сюда же относятся глаголы *fāc-ī-s*, *iāc-ī-s*, у которых корневая морфема получила расширение **-k-* (**dhē/ə- + *-k- > fē/ā-c-*, ср. *fēs-ī*, греч. *ἔ-θηκ-α* при *τί-θη-μι*, *θέ-ς*; **jē/ə- + *-k- > iē/ā-c-*, ср. *iēs-ī*, греч. *ἦκ-α* при *ῖ-τη-μι*, *ἔ-ς*).

Во всех этих случаях первый слог двусложной глагольной основы краток, а второй начинается со смычного согласного. Глаголы, не удовлетворяющие этим двум условиям, имеют *-ī-* и относятся к 4-му спряжению: *audī-s*, *sāgī-s*, *dormī-s*, *vincī-s*, *pāvī-s*, *fērī-s*, *sālī-s*, *sēpēlī-s*, *vēnī-s*, *scī-s*.

Глаголы *pāgīō*, *mōiōg*, *ōriōg* относились, в соответствии с указанным правилом, к 4-му спряжению, ср. *parīre* (Энний, *Ann.* 10), *moītur* (там же. 392). *moīgī* (почти всегда у Плавта). Глагол *oīōg* и в классической латыни сохранил инфинитив *oīgī* и ряд дублетных форм по 4-му спряжению.

Эти глаголы, входившие в единую семантическую группу (ср. §690) с *gignō* и *pāscōg*, перешли в 3-е спряжение, но на сложные глаголы *com-periō*, *re-periō*, *ad-ōiōg* переход в 3-е спряжение не распространился.

Сложные глаголы, как правило, следуют за простыми, но есть некоторая тенденция к долгому варианту конечного элемента основы, когда ему предшествуют два кратких слога: *āmīcī-re* (*iācēre*), *rēsīpī-re* (*sāpēre*), но *dēsīpēre*. О тенденции к устранению серии кратких слогов (○○○) см, § 166 а.

§ 524. Количество \bar{i} - зависит, таким образом, от долготы или краткости предшествующих слогов и определяется их ритмической конфигурацией; основа имеет ритмическую форму $\cup \cup$ или $\sim \text{—}$. Относительно времени и условий возникновения этой регулировки мнения исследователей расходятся. Высказывалось предположение (Скуч, Зоммер), что основы на \bar{i} - возникли в латинском языке сравнительно поздно, уже во время действия закона ямбического сокращения (§ 186): **cāpīs* > *cāpīs*, **cāpīmos* (с предполагаемым «пралатинским» ударением на первом слове, § 96) > *cāpīmus* и т. д. Однако ямбическое сокращение должно было бы распространиться также и на глаголы с конечным сонантом в корне, например, *vēpīs*, *fēgīs*, а эти глаголы сохраняют \bar{i} -. Далее, глаголы с основой на \bar{i} - имеются также в осском (*factud* = лат. *facītō*, с синкопой \bar{i} -) и умбрском (*herter* 'oportet' = лат. *horītur*) языках, где ямбического сокращения не было. Стало быть, мы имеем здесь дело с унаследованным явлением, для которого надо искать объяснения не в специфических законах развития латинского языка в историческое время, а в более древних закономерностях. Так, в готском языке мы находим регулировку, сходную с латинской: лат. *cāpīs* соответствует гот. *hāfjis*, а лат. *sāgīs* гот. *sokeis* (написание *ei* означает \bar{i}). Многие исследователи полагают поэтому, что рассматриваемый суффикс издревле имел, по крайней мере в ряде ветвей и.-е. языков, две формы, тематическую *je/o-* и атематическую \bar{i} -, ср. ст.-сл. *вельж*, *вельн-ши*; славянские языки имеют атематическую форму в ее долгом варианте (\bar{i} -), литовский — в кратком (\bar{i} -), латинский язык сохранил оба варианта атематической формы (*cāpīs*, *sāgīs*) наряду с тематической (*capīō*, *sagiō*).

Краткий слог, за которым следует сонант, приравнивается к долгому. Это легко объясняется, если предположить, что во время действия рассматриваемого ритмического закона сочетание гласного с сонантом еще составляло дифтонг. Однако и независимо от этого предположения наблюдения над живыми языками показали, что в положении перед сонантом гласный почти в полтора раза длиннее, чем перед смычным, и это оправдывает ритмическое приравнение такого слога к долгому.

Долгота \bar{i} - в односложных основах (*scī-s*) объясняется общей тенденцией латинского языка к долготе гласного в тонических односложных словах (§ 193 д).

§ 525. В результате ряда фонетических процессов, как например, перехода \bar{i} > \bar{e} перед ротакистическим г (§ 117) и в конце слова (§ 158), с другой стороны, перехода \bar{e} > \bar{i} в открытых срединных

словах (§§ 141 и сл.) и перед -s, -t (§ 161), спряжение основ на -ī- и на -ē/ō- сблизилось между собой, что дало основание для традиционного отнесения глаголов типа *саріо* к 3-му спряжению.

Промежуточное положение небольшой группы глаголов с основой на -ī- между двумя многочисленными классами глаголов 3-го и 4-го спряжений оказалось неустойчивым, и уже во времена Плавта в народно-разговорной речи наблюдается тенденция заменять формы с -ī- формами 4-го спряжения: *adgredimur* (As. 680), *exfodiri* (Mīl. 315), *fodiri* (Катон, Agr. 2.4), *cupiret* (Лукреций, 1.71), даже *facis* (Amph. 555), *facit* (Трус. 555). Этому могли способствовать колебания между -ī- и -i- в основах простых и сложных глаголов (*сарēre* — *resipire*), дублетные формы глаголов *morior*, *pariō* (§ 523), а также ямбическое сокращение: если в неполном стиле речи *vēnis* (< *vēnis*), *vēnit* (< *vēnit*) уподоблялись *facis*, *facit*, возникало стремление уподобить эти формы и в полном стиле речи: *facis*, *facit* по образцу *vēnis*, *vēnit* (сокращение -it - позднейшее; § 190). Литературный язык сохранил спряжение типа *саріо* со всеми его особенностями, но тенденции народно-разговорной речи вновь всплыли в поздней латыни; *fodire* (фр. *fouir*), *fugire* (фр. *fuir*).

Влияние 3-го спряжения проявилось в таких формах, как причастие *fodentes* (Энний, Ann. 504) от *fodiō*.

§ 526. 2) Отыменные глаголы на -iō производились сперва от основ на -i-; *finiō* < **fini-jō*, *sortior* < **sorti-jor* (ср. греч. *μηρίω* < **μηρι-ίω*), но затем суффикс -i- стал употребляться для производства отыменных глаголов и от других основ: *custodiō* (*custōs*), *serviō* (*servos*), *blandior* (*blandus*). Все отыменные глаголы относятся к 4-му спряжению.

Глагол *rotior* в формах инфекта колеблется между 4-м и 3-м спряжениями — *rotiur* и *rotiur*; это связано, быть может, с двойным происхождением глагола от именной основы *roti-*. ср. *rotis*, и непосредственно от *rot-*, ср. д.-и. *rātuate*.

В качестве продуктивного словообразовательного типа можно отметить дезидеративные глаголы на -ūriō, образуемые от основы супина — *canturiō*, *ēsuriō*, *ēpturiō* и т. д. (происхождение суффикса неясно).

ЛИЧНЫЕ ОКОНЧАНИЯ

§ 527. Общеиндоевропейская система личных окончаний складывалась из окончания активных и медиальных. Внутри обоих рядов различают окончания «первичные» и «вторичные». «Вторичные» окончания характеризовали прошедшее время в изъявительном наклонении, а также инъюнктив (§ 20) и оптатив; формы конъюнктива допускали как «первичные», так и «вторичные» окончания. Далее, в некоторых лицах имелись различные окончания для тематических и атематических основ. Особые окончания имелись в единственном числе перфекта и повелительного наклонения; их мы рассмотрим отдельно.

§ 528. В нижеследующей таблице сведены те общеевропейские личные окончания актива, которые представляют интерес с точки зрения происхождения личных окончаний латинского языка.

Единственное число			Множественное число			
Первичные		Вторичные	Первичные		Вторичные	
Темат.	Атемат.		Темат.	Атемат.	Темат.	Атемат.
1 л. *-ō	*-mī	*-m		*-me/os		*-me/o
2 л.	*-sī	*-s		?		*-te
3 л.	*-tī	*-t	*-ntī	*-(e/o)ntī		*-nt
				*-rī	}	*-(e/o)nt
					}	*-r

Термины «первичные окончания» и «вторичные окончания» установились в первой половине XIX века, когда считалось, что «вторичные» окончания возникли в порядке редукции «первичных»: *-m < *-mī и т. д. В настоящее время преобладает другой взгляд: *-mī < *-m с помощью присоединения частицы, указывающей на настоящее время. Терминами «первичные» и «вторичные» продолжают пользоваться как чисто условными.

Конечный элемент I л. тематического спряжения *-ō представляет собой слияние тематического гласного *-o- с неким окончанием, быть может, с тем самым, которое сохранилось в виде элемента h в хеттском окончании I л. ед. ч. -hī, ср. § 15.

§ 529. В латинском языке эта система подверглась значительной редукции. От различия «первичных» и «вторичных» окончаний остались немногочисленные следы; это, несомненно, связано с тем обстоятельством, что латинский язык ввел примету времени в основу (§ 490) и не нуждался в особых окончаниях для прошедшего времени, но известную роль играла при этом и фонетическая тенденция латинского языка к синкопированию краткого гласного в исходе слова (§ 168). Еще более незначительные следы сохранились от различия тематических и атематических окончаний.

§ 530. Личные окончания актива в латинском языке:

	Ед. ч		Мн. ч
1 л.	-ō	-m	-mus
2 л.	-s		-tis
3 л.	-t		-nt

§ 531. 1 л. ед. ч.

Конечный элемент -ō, который мы находим в praes. indicāt., fut. I 1-го и 2-го спряжения и fut. II, восходит к и.-е. первичному *-ō тематических основ, ср. греч. φέρ-ω. Впоследствии -ō > -ō (§ 189). Окончание -m в форме sum (§ 584) представляет собой синкопированное первичное окончание *-mī атематической основы, ср. греч. εἶ-μί, д.-и. ás-mī, ст.-сл. кс-мь. Во всех прочих случаях лат. -m отражает и.-е. вторичное окончание *-m, ср. д.-и. ábhara-m, греч. ἔφερο-ν.

§ 532. 2 л. ед. ч.

В латинском -s слились синкопированное первичное окончание *-sī, ср. греч. гом. ἔσ-σί, д.-и. bhāra-sī, ст.-сл. береши, и вторичное *-s, ср. греч. ἔφερε-ς, д.-и. ábhara-h.

§ 533. 3 л. ед. ч.

В 3 л. ед. ч. древнейший латинский язык, как и прочие италийские языки, сохранил различие между первичным окончанием *-ti > -t (§ 168), ср. греч. ἔσ-τί, д.-и. ás-ti, bhāra-ti, и вторичным *-t > -d (§217), ср. д.-и. ábhara-t, греч. ἔφερε < *ἔφερε-т. В древнейших надписях мы еще находим такие формы, как **SIED** (1². 4) = поздн. sit, **ESED** (1². 1) = поздн. erit, ср. также окончание 3 л. ед. ч. перфекта -ēd (§ 645).

Однако уже ко II веку до н. э. различие это было устранено, и окончание -t распространилось на все глагольное спряжение. Об отпадении -t в диалектах и поздней латыни см. §§ 288, 295.

§ 534. 1 л. мн. ч.

Окончание -mus < *-mos восходит к и.-е. первичному окончанию *-me/os, ср. д.-и. s-máh, bhāgā-mah, греч. дор. фέρο-μες, ст.-сл. бере-мь.

§ 535. 2 л. мн. ч.

И.-е. вторичное окончание *-tē, ср. греч. ἔφερε-τε, д.-и. ábhara-ta, ст.-сл. аор. иде-те, сохранилось в повелительном наклонении: laudā-tē. Окончание -tīs < *-tēs (§ 161) не имеет соответствий в других языках; наиболее сходно с ним д.-и. окончание 2 л. двойств. ч. -thah.

Оско-умбрское окончание 2 л. мн. ч. неизвестно. Лат. *-tēs-s может представлять собою новообразование по аналогии *-to-s; существует также предположение, что по аналогии соотношения между окончанием 2 л. ед. ч. настоящего времени -s и нулевым окончанием 2 л. ед. ч. пов. накл. (laudā-s — laudā) окончание 2 л. мн. ч. наст. вр. было отдифференцировано от окончания 2 л. мн. ч. пов. накл. -tē с помощью присоединения -s (*laudā-tēs — laudā-tēs), как это имело место в истории медиального окончания 2 л. ед. ч. -gis < *-ge-s — -ge (§ 542). Однако эти предположения отнюдь не обязательны. Лат. *-tēs может восходить к не сохранившемуся в других ветвях и.-е. первичному *-tes, которое относится к вторичному *-te так же, как в 1 л. мн. ч. *-me/os относится к -me/o.

§ 536. 3 л. мн. ч.

Первичное окончание *-nti, ср. греч. дор. фέρο-ντι, д.-и. bhāra-nti, сохранилось в одном из древнейших латинских памятников, гимне салиев: tremo-nti (Фест, 222.29) = поздн. tremunt.

В дальнейшем *-nti > -nt (§ 168), и это окончание распространилось на все глагольное спряжение. Вторичное окончание *-nt, предположительно отражением которого в латинском языке, как и в прочих италийских языках, является -ns (ср. § 261, ос. *deicans* 'dicant', *fufans* 'erant', умбр. *sins* 'sint' и т. д.), не сохранилось. Об отпадении -t см. §§ 288, 295.

В архаических латинских текстах есть несколько форм 3 л. мн. ч. с окончанием -pont > -punt: **DANVNT** (1².1531, нередко у Плавта), в глаголах, сложных с еб, как-то: *lequī-pont* (Ливии Андроник, *Od.*, fr. 13), *prōdī-punt* (Энний, *Ann.* 156), *redī-punt* (там же, 475), *obī-punt* (Фест, 206.1), далее *ferī-punt* (Фест, 160.3), *explē-punt* (P. F., 80.3), *solī-punt* (Фест, 160.3, по-видимому, от глагола *solō, в сложении с которым образовано *cōsulō*, ср. Фест, 476.25). Окончание -pont > punt, по-видимому, выделилось из форм 3 л. мн. ч. глаголов с суффиксом -pe/o- (§ 518 б), типа *si-punt*, в соотношении с формами родственных глаголов без этого суффикса. Таких глаголов с суффиксом -pe/o-, которые были бы соотносительны с глаголами, не имеющими этого суффикса, в латинском словарном составе исторического времени не имеется, и это заставляет думать, что окончание -pont древнее.

В других ветвях имеются, например, образования от корня *ei/i-* 'идти' с суффиксом -pe/o-: лит. *ei-pū* 'иду', тох. *yaṇe* 'идут', хетт. *iaṇai* 'иди', и в соотношении образования такого типа с формами корневого атематического глагола *ei-* могло возникнуть окончание -punt.

§ 537. Личные окончания медиопассива:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	-r	-mūr
2 л.	-rē, -rīs	-mīnī
3 л.	-tūr	-ntūr

§ 538. Для окончаний 1-го и 3-го лица характерным является конечный элемент -r, который прежде считался новообразованием италийских и кельтских языков (§ 44). Когда в XX в. стали известны тохарский и хеттский языки, обнаружилось, что элемент r наличествует и в этих языках. Так, в хеттском языке -rī, -ri факультативно присоединяются к медиальным окончаниям настоящего времени и повелительного наклонения. Элемент r, как показатель медиальности, очевидно восходит к общендоевропейскому языковому состоянию, хотя он и не сохранен в медиальных формах греческого и индоиранских языков.

§ 539. В 1 л. ед. ч. -r присоединяется непосредственно к окончанию -ō актива — -ōr: *ēminōr* (Сарт, 791), *regrediōr* (там же, 1023). Впоследствии -ōr > -ōr (§ 190): *sequiōr*, ср. др.-ирл. *sechur*. Там, где в активе -m, его заменяет -r.

§ 540. В 1 л. мн. ч. -mūr < *-mōr с заменой активного *-mos на *-mor или с присоединением -r к вторичному активному окончанию *-mo: *sequi-mur*, ср. др.-ирл. *sechemmar*.

§ 541. Окончания 3 л. ед. ч. -tūr и 3 л. мн. ч. -ntūr восходят к -tōr (nancitor — Фест, 166.29 = nanciscitur), -ntor и образованы, вероятно, с помощью присоединения г к вторичным медиальным окончаниям *-te/o, *-nte/o: sequi-tur, ср. др.-ирл. sechethar, греч. гом. ἕπε-το; sequo-ntur, ср. др.-ирл. sechetar, греч. гом. ἕπο-ντο.

В осском и умбромедиопассивные формы засвидетельствованы только в 3-м лице. Осский имеет окончания -ter, -nter, умбровский -ter как первичное окончание 3 л. ед. ч. -ntur как вторичное окончание 3 л. мн. ч. В осском и умбромедиопассивном, однако, в функции окончания 3 л. ед. ч. может употребляться и -r, напримр. умбр. ferar 'feratur'.

§ 542. Окончания 2 л. медиопассива не содержат элемента г. Окончание 2 л. ед. ч. -rē отражает и.-е. вторичное медиальное окончание 2 л. ед. ч. *-se/o, где *-s- > -г- в интервокальном положении (§ 212): sequē-rē, ср. греч. ἐτίθε-σο, гом. ἔσ-σο. ἕπε-ο < и.-е. *seq^h-eso. Окончание -rīs < *-rēs (§ 161) представляет собой осложнение окончания -rē, вызванное, очевидно, потребностью дифференциации формы 2 л. наст. вр. и омонимной формы повелит. накл. По образцу соотношения между этими формами в активе, где 2 л. ед. ч. наст. времени дифференцировалось от ед. ч. повелит. накл. наличием конечного элемента -s (laudā — laudās, lege — *leges; § 546), 2 л. ед. ч. наст. вр. медиопассива получило -s: hortārē — *hortārē-s > hortārīs, sequērē — *sequērē-s > sequērīs.

Окончание -rīs, возникшее в народно-разговорной речи, медленно проникало в литературный язык. Плавт его употребляет очень редко, Теренций совсем не допускает. Цицерон обычно употребляет -rīs в praes. indicāt., где возможно смешение с повелительным наклонением, но в прочих временах он предпочитает -rē. Лишь в эпоху Империи -rīs получает большее распространение, чем -rē, во всех временах.

Наряду с -rīs в архаической латыни встречается окончание -rūs — **VTARVS** (1². 1702), **FIGARVS** (4.2082) < *-so-s, с таким же осложнением вторичного медиального окончания *-so, какое имело место в -rīs по отношению к -rē.

Окончание -rūs имеет, вероятно, диалектный характер. Чередование *-se/o в латинском языке может непосредственно восходить к и.-е. чередованию в этом окончании, но может иметь и чисто латинское происхождение.

Если латинский язык, как и греческий, имел во 2 л. ед. ч. медиопассива окончание *-sō, то в исходе слова *-sō > -rē (§ 158), а защищенное конечным элементом s — *-sō-s > rūs (§ 162).

Если это так, то надо предположить, что осложнение окончания с помощью -s происходило как до перехода -ō > -ē (*-sō-s > rus), так и после этого перехода (*-rē-s > -rīs).

§ 543. Окончание 2 л. мн. ч. *-mīnī* (*sequi-mīnī*) имеет совершенно необычную для личных окончаний форму. Это — именная форма, получившая функцию личного окончания. Она может быть сопоставлена с окончанием мн. ч. медиального причастия **-mepoi*, ср. греч. ἑπό-μεποι, и тогда она возникла из описательного оборота, в котором мн. ч. причастия сочеталось с формой глагола *sum*, ср. в русском языке происхождение прошедшего времени писал < писалъ (прич.) есмь. Другие исследователи сопоставляют *-mīnī* с греческими инфинитивными формами на *-μεποι* и предполагают, что инфинитив в функции повелительного наклонения стал употребляться как 2 л. мн. ч. императива, а затем и настоящего времени, из которого окончание *-mīnī* проникло в прочие времена. Однако употребление инфинитива в функции повелительного наклонения латинскому языку мало свойственно, и оско-умбрское медиальное повелительное наклонение на **-mōd*, образованное, по-видимому, от основы медиальных причастий на *-mo-* (ср. ст.-сл. страдательное причастие *несомъ* ‘несомый’), скорее свидетельствует в пользу первого объяснения.

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ (PRAESĒNS INDICĀTĪVĪ)

§ 544. Основой *praes. indicāt.* служит основа инфекта, не осложненная какими-либо суффиксами времен или наклонений.

§ 545. Парадигмы.

1 спряжение		акт.	мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	<i>laudō</i>	<i>laudōr</i>
	2 л.	<i>laudās</i>	<i>laudārīs</i>
	3 л.	<i>laudāt</i>	<i>laudātūr</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>laudāmūs</i>	<i>laudāmūr</i>
	2 л.	<i>laudātīs</i>	<i>laudāmīnī</i>
	3 л.	<i>laudānt</i>	<i>laudāntūr</i>
2 спряжение		акт.	мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	<i>mōnēō</i>	<i>mōnēōr</i>
	2 л.	<i>mōnēs</i>	<i>mōnērīs</i>
	3 л.	<i>mōnēt</i>	<i>mōnētūr</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>mōnēmūs</i>	<i>mōnēmūr</i>
	2 л.	<i>mōnētīs</i>	<i>mōnēmīnī</i>
	3 л.	<i>mōnēnt</i>	<i>mōnēntūr</i>

3 спряжение		акт.	мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	āgō	āgōr
	2 л.	āgīs	āgērīs
	3 л.	āgīt	āgītūr
Мн. ч.	1 л.	āgīmūs	āgīmūr
	2 л.	āgītīs	āgīmīnī
	3 л.	āgūnt	āgūntūr
4 спряжение		акт.	мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	audīō	audīōr
	2 л.	audīs	audīrīs
	3 л.	audīt	audītūr
Мн. ч.	1 л.	audīmūs	audīmūr
	2 л.	auditīs	audīmīnī
	3 л.	audiūnt	audiūntūr
Тип cāpīō		акт.	мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	cāpīō	cāpīōr
	2 л.	cāpīs	cāpērīs
	3 л.	cāpīt	cāpītūr
Мн. ч.	1 л.	cāpīmūs	cāpīmūr
	2 л.	cāpītīs	cāpīmīnī
	3 л.	cāpīūnt	cāpīūntūr

§ 546. Древний тематический тип спряжения с чередованием *-e/o-* в основе отражен в 3-м спряжении. Степень *o* имели 1 л. ед. ч., 1 и 3 л. мн. ч., ср. греч. φέρω, дор. φέρομεν, φέροντι, ст.-сл. аор. ндѣ. ндомѣ. ндѣж. Прочие формы имели степень *e*.

В латинском языке **-ē-s > -īs* (§ 161), **-ē-t > -īt* (там же), **-ō-mōs > -īmūs* (§§ 144, 162), **-ē-tēs > -ītīs* (§§ 141 б, 161), **-ō-nt > -ūnt* (§ 162). После *ū* и *v* *-ont* сохраняется до начала н. э. (там же): *vīvont* и т. д.

В медиопассиве *-ē-* остается неизменным перед *-r-* (§ 146); **-ē-tōr > -ītūr* (§§ 141 б, 162), **-ō-mōr > -īmūr* (§§ 144, 162), **-ō-ntōr > -ūntūr* (§§ 150, 162), но *sequontur* — до начала н. э. Во 2 л. мн. ч. *-īmīnī* восходит к **-ō-mēnoi* (им. п. мн. ч. причастия) или **-ē-mēnai* (инфинитив), см. §§ 144, 141 б, 163, 111.

В 1 л. мн. ч. конечный элемент основы *-ō-* в положении перед губным мог бы перейти в *-ū-* (§ 144), что имеет место в формах *sumus* (§ 585), *volumus* (§ 597), *quaesumus* (§ 616). Общим для всех

глаголов является то, что они не содержат форм с конечным элементом -ё- в основе. Отсутствие колебания между -й- и -ї- в 1 л. мн. ч. регулярных глаголов 3-го спряжения объясняется, очевидно, влиянием тех форм, в которых основа оканчивалась на -ё- > -ї- (§ 141 б), в первую очередь формы 2 л. мн. ч.: *agī-tus* образовано по образцу *agī-tis*; подобным же образом *agī-tur*, *agī-minī*.

§ 547. В остальных латинских спряжениях тематический и атематический тип слиты воедино и на основе их образованы новые морфологические классы.

Оформление, восходящее к тематическому типу, имеет конечный элемент 1 л. ед. ч. всех спряжений -ō и 3 л. мн. ч. глаголов на -iō — -ī-ū-nt < -ī-ō-nt: **COSENTIONT** (1². 9) = cōnsentiunt.

На стыке конечного гласного основы и личных окончаний происходят регулярные фонетические изменения. Так, в 1 л. ед. ч. 1-го спряжения *-ā(j)ō > -ō (§§ 207, 199): *laudō* < **laudā(j)ō*.

-й- > -ё- перед ротакистическим -г- (§ 117): *capēris* < **capī-ris*.

Долгий гласный основы сокращается перед -nt, -ntur (§ 183). Сокращение долгого гласного перед -t, -r (§ 190) установилось лишь после Плавта, и у Плавта соответствующий гласный в словах неямбической формы (ср. § 186) обычно остается долгим: *afflīctāt* (Merc. 648), *attinēt* (Bacch. 229), *scīt* (Pers. 762), *nescīt* (Цецилий, 142), *māchinōr* (Capt. 530).

Neut вместо *neit* (от *neō* 2) у Лигдама (Тибулл. 3.3.36) по аналогии с *eō* — *eunt*.

В 1-м спряжении слияние атематического и тематического типа обусловлено было тем, что всюду, кроме 1 л. ед. ч., формы тематического и атематического происхождения оказались тождественными в результате фонетического развития: *-ājē-si > *-ā-si. *-ājō-nti > *-ā-nti (выпадение интервокального -j-. § 207, и последующее слияние гласных. § 198). В немногочисленных основах на *-ājē/ō- (ср. § 499 б) группа *-ājē- перешла в -ā- и это -ā- распространилось также на формы, содержавшие *-ājō-. То же имело место во 2-м спряжении: *-ējē-si > *-ē-si (§§ 207, 196) и это -ē- распространилось на формы, содержавшие *-ējō-.

В 1 л. тематическое окончание -ō распространилось и на основы атематического происхождения (вместо древнего *-mī). В глаголах на -iō чередование тематических и атематических форм восходит, может быть, к общеиндоевропейскому языковому состоянию (§ 524).

§ 548. Во 2-м спряжении те глаголы, у которых -eō < *-ējō, например, *monēō* < **monējō* (§ 507), имеют в 1 л. -ё- с исконной краткостью, в отличие от глаголов, где конечный элемент основы восходит к *-ē-, например, *fleō* (§ 505). Исконную краткость имеет также -ī- в типе *venīō* (§ 523). Однако, с точки зрения фонетико-морфологических соотношений в латинском языке исторического периода, разница в происхождении -ё- в *monēō* и *fleō* не играет уже роли, и описательная грамматика вправе подводить количественное чередование конечного гласного основы в *monēō* — *monēs*, *venīō* — *venīs* под общий закон сокращения долгого гласного в положении перед гласным.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО
ВРЕМЕНИ (IMPERĀTĪVUS PRAESENTIS ET FUTŪRĪ)

§ 549. Парадигмы¹.

1 спряжение акт. мед.-пасс.

Imperā. praes.

2 л.	ед. ч.	laudā	hörtāre
2 л.	мн. ч.	laudātē	hörtāmīnī

Imperā. fut.

2 л.	ед. ч.	laudātō	hörtātōr
3 л.	ед. ч.	laudātō	hörtātōr
2 л.	мн. ч.	laudātōtē	
3 л.	мн. ч.	laudāntō	hörtāntōr

2 спряжение акт. мед.-пасс.

Imperā. praes.

2 л.	ед. ч.	dēlē	vērēre
2 л.	мн. ч.	dēlētē	vērēmīnī

Imperā. fut.

2 л.	ед. ч.	dēlētō	vērētōr
3 л.	ед. ч.	dēlētō	vērētōr
2 л.	мн. ч.	dēlētōtē	
3 л.	мн. ч.	dēlētō	vērētōr

3 спряжение акт. мед.-пасс.

Imperā. praes.

2 л.	ед. ч.	āgē	sēquēre
2 л.	мн. ч.	āgītē	sēquīmīnī

Imperā. fut.

2 л.	ед. ч.	āgītō	sēquītōr
3 л.	ед. ч.	āgītō	sēquītōr
2 л.	мн. ч.	āgītōtē	
3 л.	мн. ч.	āgüntō	sēquūntōr

¹ Поскольку в медиопассивном залоге повелительное наклонение употребляется редко, мы приводим здесь формы повелительного наклонения отложительных глаголов.

4 спряжение акт. мед.-пасс.

Imperā. praes.

2 л.	ед. ч.	audī	lārgīrē
2 л.	мн. ч.	audītē	lārgīmīnī

Imperā. fut.

2 л.	ед. ч.	audītō	lārgītōr
3 л.	ед. ч.	audītō	lārgītōr
2 л.	мн. ч.	audītōtē	
3 л.	мн. ч.	audīūntō	lārgīūntōr

Тип cāpīō акт. мед.-пасс.

Imperā. praes.

2 л.	ед. ч.	cāpē	pātērē
2 л.	мн. ч.	cāpītē	pātīmīnī

Imperā. fut.

2 л.	ед. ч.	cāpītō	pātītōr
3 л.	ед. ч.	cāpītō	pātītōr
2 л.	мн. ч.	cāpītōtē	
3 л.	мн. ч.	cāpīūntō	pātīūntōr

§ 550. Основа повелительного наклонения, как и основа praes. indicāt., представляет собой чистую основу инфекта; в 3-м спряжении конечный гласный основы имеет тембр -e (ag-e-, ср. греч. ἄγ-ε-).

2 л. ед. ч. актива имеет нулевое окончание; -ī > -ē (§ 158): cāpē.

В неполном стиле речи -ē может синкопироваться (§ 168): **MISC** (l². 560; см. § 520), inger (Катулл, 27.2) может быть, по аналогии с глаголами, сложными с ferō (§ 612). В полном стиле речи синкопа -ē проникла лишь в формы dīc, dūc, fac, иногда приближающиеся в своем употреблении к междометиям, и в закрепившееся в качестве междометия em 'на' (от emō).

В латинском языке II в. до н. э. (Плавт, Теренций, Катон, Луцилий) еще встречаются, особенно в паузе, несинкопированные формы dīce, dūce, face. Впоследствии синкопа распространилась также и на глаголы, сложные с dīcō, dūcō (но не с faciō, где коренное -ā-обычно переходило в -ī- — cōnfice, § 141, ср. § 155).

Во 2 л. мн. ч. актива к основе инфекта присоединяется окончание -te; *-ē-tē > -ī-tē (§ 141б): agītē, ср. греч. ἀγυετε, д.-и. ájata.

Как свидетельствует древнеиндийский язык, различающий во 2 л. мн. ч. первичное окончание -tha и вторичное -ta, окончание 2 л. мн. ч. повелительного на-

клонения *-tē* восходит к и.-с. вторичному окончанию **-ie*. Это позволяет думать, что перед нами форма, восходящая ко 2 л. мн. ч. инъюнктива (§ 20), вошедшая затем в систему повелительного наклонения, которое, вероятно, в отдаленном прошлом не изменялось ни по числам, ни по лицам (ср. греч. *παῖε πάς*).

Cante (в гимне салиев — Варрон, L. L. 7.27) < *canite* (синкопа).

Вместо односложного **scī* употребляется *imperāt. fut. scītō*.

Медиальные формы повелительного наклонения совпадают с медиальными формами 2 л. *indicāt. praes.*

§ 551. *Imperātīvus futūrī*¹ имеет в единственном числе окончание *-tō* < *-tōd* (§ 218): **STATOD** (1². 4), **VIOLATOD**, **DATOD**, [I]ICETOD (1². 366), рядом с **EXVENITO**, **EXFERTO**.

**-ē-tō* > *-ī-tō* (§ 141 б): *agītō*.

Впоследствии, с конца I в. до н. э., *-tō* > *-tō* (§ 189): *caeditō* (Проперций, 4.5.77).

Окончание *-tōd* отражает и.-е. **-tōd*, ср. греч. *ἀγέτω*, д.-и. *ájatāt*. Это **-tōd* представляет собой форму отложительного падежа от местоименной основы **to-* (§ 428) и означает ‘с этого времени’, ‘и тогда’. Форма на **-tōd* употреблялась для 2 и 3 л. всех чисел, и это сохранилось в древнеиндийском языке. Формы множественного числа, содержащие *-tō(d)*, представляют собой уже новообразование отдельных языков. От *laudātō* образовано *laudātōte* по образцу *imperāt. praes. laudā — laudāte*. Окончание 3 л. мн. ч. *-ntō* находится в том же соотношении с окончанием 3 л. мн. ч. *praes. indicāt. -nt*, что и *-tō* с окончанием 3 л. ед. ч. *-t* (*laudat : laudātō = laudant : laudantō; est : estō = sunt : suntō*; ср. аналогичное греческое новообразование в несколько иной функции: *ἀγού-ντω-ν*).

Формы **FVNDATID**, **PARENTATID**, **PROIECITAD** (1². 401) имеют диалектный характер и представляют собой смешение форм латинского повелительного наклонения с осским субъюнктивом.

Формы на *-tōd* употреблялись одинаково в активе и медиопассиве **VTITO**, **VTVNTO** (1². 589), **SENSENTO** (1¹. 198). Однако после отпадения *-d* формы на *-tō* очень скоро были осложнены *-g* (с сокращением **-tōg* > *-tōr*; § 190).

¹ Форма *imperātīvus futūrī* выражает приказание, которое должно быть исполнено не непосредственно, а лишь в будущем, например, в зависимости от наступления тех или иных условий — Rud. 813 — 814:

sī appellābit quempiam,

vōs respondētōte istinc istārum vicem.

Для приветствия *salvē* формой ответного приветствия служит *salvētō* (Curs. 234 — 235, Merc. 283 — 284, Rud. 416). *Imperātīvus futūrī* употребляется поэтому в законах, наставлениях: *sī in iūs vocat, itō* (XII tab. 1.1).

§ 552. В древней латыни употреблялась также форма 2 и 3 л. ед. ч. *imperāt. fut.* на *-mīnō*: 3 л. *antestāminō* (XII tab. 1.1); 2 л. *prōgredimīnō* (Pseud. 859) и т. п. Это окончание явно связанное с окончанием 2 л. мн. ч. *-mīnī*, было, вероятно, образовано от него по образцу соотношения *laudāte* (2 л. мн. ч.) — *laudāto* (2 и 3 л. ед. ч.). В языке классического периода эта форма устранена, и Цицерон пользуется ею только в трактате *Dē iēgibus*, имитируя стиль древнего законодательства.

У римских грамматиков в парадигмах встречается форма ед. ч. на *-mīnōg*, относящаяся к форме на *-mīnō*, как *-tōg* к *-tō*, но эта форма не подтверждена никакими текстами и представляет собой, по-видимому, изобретение самих грамматиков, желавших видеть в медиопассиве -г. Они сочиняют даже формы *imperāt. fut.*, построенные на основе субъюнктива: *amētō*, *amēmīnōg* и т. д.

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ СУБЪЮНКТИВА (*PRAESENS SUBIUNCTIVĪ*)

§ 553. Латинский субъюнктив заменил собою более древние конъюнктив и оптатив (§ 479), а также инъюнктив (§ 20). Это многообразие истоков субъюнктива отразилось также в различных способах образования его форм. Поэтому, прежде чем рассматривать происхождение форм субъюнктива, полезно обозреть те способы образования более древних наклонений, которые оставили тот или иной след в латинском языке. При этом нужно иметь в виду, что формы будущего времени в латинском языке также восходят к древним конъюнктивным образованиям.

§ 554. 1) Конъюнктивные образования.

а) Для образования конъюнктива атематических глаголов служил суффикс **-ē/ō-*, например, греч. гом. *ĩ-ο-μει*. Этот суффикс отражен в таких латинских формах будущего времени, как *erō*, *eris*, *erit* (< **ESED** I². 1; § 589), *-bō*, *-bis*, *-bit* и т. д. (§ 566).

б) Конъюнктив тематических глаголов характеризовался удлинением тематического гласного **-ē/ō-* (может быть, в результате слияния тематического гласного **-ē/ō-* с суффиксом **-ē/ō-*, например, греч. *ǎγ-ω-μει*, *ǎγ-η-τε*). Образование этого типа мы находим в таких формах будущего времени, как *agēs*, *agētis*.

§ 555. 2) Оптативные образования.

Для образования оптатива атематических глаголов употреблялся суффикс *-jē/l-* (ср. § 16): греч. *ε-ĩη-ν* (< **es-jē-m*), но во множественном числе нулевая ступень *εĩ-μειν* (< **es-ĩ-men*). Суффикс этот отражен в латинских формах *sim* (др. *siem*), *simus*, *velim*, *duim*, *edim* и т. д. (§§ 586, 597, 606, 610).

Суффикс оптатива тематических глаголов **-oi-*, греч. *ǎγ-οι-μι*, в латинском языке следов не оставил.

§ 556. 3) Образования на -ā-.

Образования эти (например, *moncam, agam*) свойственны, в первую очередь, итальянским и кельтским языкам, но они обнаружены и в тохарском языке.

Образования на -ā- первоначально имели совершенно самостоятельный характер и не были связаны с основной инфекта. Единичные следы этой самостоятельности сохранились в древней латыни. В таких формах, как *advenāt* (Pseud. 1030), *attigās < *at-tag-ās* (Epid. 723), **ATIGAS** (1². 499), *abstulās* (Диомед, G. L. 1.380.19), -ā- присоединяется непосредственно к корню, а не к основе инфекта глаголов *veniō, tangō, tollō*. Такой же самостоятельностью отличаются образования на -ā- и в кельтских языках.

В итальянских языках элемент -ā- встречается также как показатель прошедшего времени: *egam < *es-ā-m, -bam* и т. д. Это образование свойственно и некоторым другим ветвям и.-е. языков и встречается в литовском языке (*būvo < *bhuuā-t*) и армянском. Многие исследователи считают это -ā- тождественным по происхождению с -ā- субъюнктива. Такая двойственность претеритального и модального значения характерна для инъюнктива (§ 20). Предполагают поэтому, что из инъюнктивных форм производных глаголов с суффиксом -ā- (§ 498) в некоторых ветвях и.-е. языков выделился в соотношении с первичными глаголами суффикс -ā-, как показатель модального и претеритального значения.

§ 557. Парадигмы.

		1 спряжение акт.		мед.-пасс.	
Ед. ч.	1 л.	<i>laudēm</i>	<i>laudēr</i>		
	2 л.	<i>laudēs</i>	<i>laudērīs</i>		
	3 л.	<i>laudēt</i>	<i>laudētūr</i>		
Мн. ч.	1 л.	<i>laudēmūs</i>	<i>laudēmūr</i>		
	2 л.	<i>laudētīs</i>	<i>laudēmīnī</i>		
	3 л.	<i>laudēt</i>	<i>laudētūr</i>		

		2 спряжение акт.		мед.-пасс.	
Ед. ч.	1 л.	<i>mōnēām</i>	<i>mōnēār</i>		
	2 л.	<i>mōnēās</i>	<i>mōnēārīs</i>		
	3 л.	<i>mōnēāt</i>	<i>mōnēātūr</i>		
Мн. ч.	1 л.	<i>mōnēāmūs</i>	<i>mōnēāmūr</i>		
	2 л.	<i>mōnēātīs</i>	<i>mōnēāmīnī</i>		
	3 л.	<i>mōnēānt</i>	<i>mōnēāntūr</i>		

3 спряжение акт.			мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	āgām	āgār
	2 л.	āgās	āgārīs
	3 л.	āgāt	āgātūr
Мн. ч.	1 л.	āgāmūs	āgāmūr
	2 л.	āgātīs	āgāmīnī
	3 л.	āgānt	āgāntūr
4 спряжение акт.			мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	audīām	audīār
	2 л.	audīās	audīārīs
	3 л.	audīāt	audīātūr
Мн. ч.	1 л.	audīāmūs	audīāmūr
	2 л.	audīātīs	audīāmīnī
	3 л.	audīānt	audīāntūr
Тип cāpīō акт.			мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	cāpīām	cāpīār
	2 л.	cāpīās	cāpīārīs
	3 л.	cāpīāt	cāpīātūr
Мн. ч.	1 л.	cāpīāmūs	cāpīāmūr
	2 л.	cāpīātīs	cāpīāmīnī
	3 л.	cāpīānt	cāpīāntūr

Перед -m, -t, -r, -nt (-nt-) долгие гласные -ē-, -ā- сокращаются (§§ 190, 183).

§ 558. Во 2-м, 3-м и 4-м спряжениях, равно как и у глаголов типа cāpīō, praes. subiūnct. имеет «итало-кельтское» образование на -ā- (§ 556).

В 1-м спряжении, где этот способ образования был неудобен (суффикс -ā- слился бы с -ā- основы инфекта), основа praes. subiūnct. оканчивается на -ē- < *-ā(j)ē-. Это образование может равным образом восходить и к конъюнктиву (§ 554 б) тематических основ *-ā(j)ē- (ср. греч. *τιδα-η-τε) и к оптативу (§ 555) атематических основ *-ā(j)ē- (ср. греч. σταίην). Тематический конъюнктив и атематический оптатив слились здесь в единое образование.

При этом тематический конъюнктив утратил чередование *-ē/ō- (во всех лицах проведено -ē-), а атематический оптатив — чередование полной ступени с нулевой (везде проведена полная ступень).

§ 559. 1 л. praes. indicāt. на -ō нередко употребляется со значением subiūnctīvus dubitātīvus: quid agō? cui donō? Некоторые иссле-

дователи усматривают в этом употреблении следы формы 1 л. ед. ч. тематического конъюнктива на *-ō, ср. греч. 1 л. ед. ч. *coniūct. āw*, тождественное по форме с 1 л. *praes. indicāt*.

**ПРОШЕДШЕЕ НЕСОВЕРШЕННОЕ ВРЕМЯ СУБЪЮНКТИВА
(IMPERFECTUM SUBIŪNCTĪVĪ)**

§ 560. Парадигмы.

		1 спряжение акт.	мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	<i>laudārēm</i>	<i>laudārēr</i>
	2 л.	<i>laudārēs</i>	<i>laudārērīs</i>
	3 л.	<i>laudārēt</i>	<i>laudārētūr</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>laudārēmūs</i>	<i>laudārēmūr</i>
	2 л.	<i>laudārētīs</i>	<i>laudārēmīnī</i>
	3 л.	<i>laudārēnt</i>	<i>laudārēntūr</i>

		2 спряжение акт.	мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	<i>mōnērēm</i>	<i>mōnērēr</i>
	2 л.	<i>mōnērēs</i>	<i>mōnērērīs</i>
	3 л.	<i>mōnērēt</i>	<i>mōnērētūr</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>mōnērēmūs</i>	<i>mōnērēmūr</i>
	2 л.	<i>mōnērētīs</i>	<i>mōnērēmīnī</i>
	3 л.	<i>mōnērēnt</i>	<i>mōnērēntūr</i>

		3 спряжение акт.	мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	<i>āgērēm</i>	<i>āgērēr</i>
	2 л.	<i>āgērēs</i>	<i>āgērērīs</i>
	3 л.	<i>āgērēt</i>	<i>āgērētūr</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>āgērēmūs</i>	<i>āgērēmūr</i>
	2 л.	<i>āgērētīs</i>	<i>āgērēmīnī</i>
	3 л.	<i>āgērēnt</i>	<i>āgērēntūr</i>

		4 спряжение акт.	мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	<i>audīrēm</i>	<i>audīrēr</i>
	2 л.	<i>audīrēs</i>	<i>audīrērīs</i>
	3 л.	<i>audīrēt</i>	<i>audīrētūr</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>audīrēmūs</i>	<i>audīrēmūr</i>
	2 л.	<i>audīrētīs</i>	<i>audīrēmīnī</i>
	3 л.	<i>audīrēnt</i>	<i>audīrēntūr</i>

	Тип сарѣо акт.		мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	сърѣрѣт	сърѣрѣт
	2 л.	сърѣрѣс	сърѣрѣтїс
	3 л.	сърѣрѣт	сърѣрѣтѣр
Мн. ч.	1 л.	сърѣрѣмѣс	сърѣрѣмѣр
	2 л.	сърѣрѣтїс	сърѣрѣмїнї
	3 л.	сърѣрѣт	сърѣрѣнтѣр

Перед -m, -t, -r, -nt (-nt-) долгий гласный -ē- сокращается (§§ 190, 183).

§ 561. Imperf. subjunct. представляет собой новообразование италийских языков. Он образуется от основы инфекта с помощью суффикса -rē- < -sē- (§ 212), ср. *essem*, *oc. fusid* (соответствует лат. *foret*). Перед ротакистическим -r- — -ī- > -ē- (§ 117): *sarē-rem* < **sarī-sē-m*. Происхождение суффикса -sē- неизвестно.

Если допустить, что -sē- восходит к *-seje-, этот суффикс может быть сопоставлен с так называемыми «эолийскими» формами опатива аориста в греческом языке, например, 3 л. ед. ч. *λύσειε(τ)*. Однако эти греческие формы не получили еще удовлетворительного объяснения.

БУДУЩЕЕ I (FUTURUM I)

§ 562. Парадигмы 3 и 4 спряжений

	3 спряжение акт.		мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	ăgām	ăgār
	2 л.	ăgēs	ăgērїс
	3 л.	ăgēt	ăgētѣр
Мн. ч.	1 л.	ăgēmѣс	ăgēmѣр
	2 л.	ăgētїс	ăgēmїнї
	3 л.	ăgēt	ăgētѣр

	4 спряжение акт.		мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	audīām	audīār
	2 л.	audīēs	audīērїс
	3 л.	audīēt	audīētѣр
Мн. ч.	1 л.	audīēmѣс	audīēmѣр
	2 л.	audīētїс	audīēmїнї
	3 л.	audīēt	audīētѣр

	Тип сãрїѡ акт.		мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	сãрїãм	сãрїãр
	2 л.	сãрїēs	сãрїēтїс
	3 л.	сãрїēt	сãрїētūr
Мн. ч.	1 л.	сãрїēmūs	сãрїēmūr
	2 л.	сãрїētїс	сãрїēmїнї
	3 л.	сãрїēnt	сãрїēntūr

Перед -m, -t, -r, -nt (-nt-) долгий гласный основы сокращается (§§ 190, 183).

§ 563. Формы будущего времени в латинском языке восходят к конъюнктивным образованиям (§ 554). Суффикс -ē-, который мы находим во всех лицах, кроме 1 л. ед. ч., восходит к *-ē- конъюнктива тематических глаголов: ag-ē-tis, ср. греч. ἄγ-η-τε, — но в латинском языке устранено чередование конечного элемента основы *-ē/ō- и по всем лицам проведено -ē-. В 1 л. ед. ч., где окончание конъюнктива *-ō (греч. ἄω, ср. § 559) создавало бы омонимию с 1 л. ед. ч. praes. indicāt., была заимствована форма 1 л. ед. ч. -am из настоящего времени субъюнктива, близкого по значению к будущему.

Тождество форм 1 л. fut. I и praes. subjunct. порождало тенденцию к новообразованиям. В архаической латыни встречается в 1 л. ед. ч. fut. I 3-го спряжения окончание -ēbō: exsūgēbō (Epid. 188), dīcēbō (Новий, 8), vīvēbō (там же, 10), — по аналогии со 2-м спряжением (monēbam : monēbō = vīvēbam : vīvēbō).

В рукописях Плавта попадает форма на -em, например, sinem (Тус. 963). О форме на -ē (или -ae), которую римские грамматики находили у Катона (Квинтиллиан, 1.7.23), см. § 106.

Образование fut. I с помощью -ē- ограничивается 3-м спряжением и глаголами на -iō. В 1-м спряжении это образование уже было использовано для praes. subjunct., а во 2-м спряжении -ē-суффикса слилось бы с -ē- основы и формы fut. I совпали бы с формами praes. indicāt.

О форме fut. I 4-го спряжения на -bō и т. д. см. § 565.

**БУДУЩЕЕ I (FUTŪRUM I) I И 2 СПРЯЖЕНИЙ И ПРОШЕДШЕЕ НЕСО-
ВЕРШЕННОЕ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ
(IMPERFECTUM INDICĀTĪVĪ)**

§ 564. Парадигмы.

Futurūm I

1 спряжение акт.			мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	laudābō	laudābōr
	2 л.	laudābīs	laudābēris
	3 л.	laudābīt	laudābitūr
Мн. ч.	1 л.	laudābīmūs	laudābimūr
	2 л.	laudābītīs	laudābīmīnī
	3 л.	laudābūnt	laudābūntūr

2 спряжение акт.			мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	mōnēbō	mōnēbōr
	2 л.	mōnēbīs	mōnēbēris
	3 л.	mōnēbīt	mōnēbitūr
Мн. ч.	1 л.	mōnēbīmūs	mōnēbimūr
	2 л.	mōnēbītīs	mōnēbīmīnī
	3 л.	mōnēbūnt	mōnēbūntūr

Imperf. indicāt.

1 спряжение акт.			мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	laudābām	laudābār
	2 л.	laudābās	laudābāris
	3 л.	laudābāt	laudābātūr
Мн. ч.	1 л.	laudābāmūs	laudābāmūr
	2 л.	laudābātīs	laudābāmīnī
	3 л.	laudābānt	laudābāntūr

2 спряжение акт.			мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	mōnēbām	mōnēbār
	2 л.	mōnēbās	mōnēbāris
	3 л.	mōnēbāt	mōnēbātūr
Мн. ч.	1 л.	mōnēbāmūs	mōnēbāmūr
	2 л.	mōnēbātīs	mōnēbāmīnī
	3 л.	mōnēbānt	mōnēbāntūr

3 спряжение акт.			мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	āgēbām	āgēbār
	2 л.	āgēbās	āgēbārīs
	3 л.	āgēbāt	āgēbātūr
Мн. ч.	1 л.	āgēbāmūs	āgēbāmūr
	2 л.	āgēbātīs	āgēbāmīnī
	3 л.	āgēbānt	āgēbāntūr

4 спряжение акт.			мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	audīebām	audīebār
	2 л.	audīebās	audīebārīs
	3 л.	audīebāt	audīebātūr
Мн. ч.	1 л.	audīebāmūs	audīebāmūr
	2 л.	audīebātīs	audīebāmīnī
	3 л.	audīebānt	audīebāntūr

Тип cāpīō акт.			мед.-пасс.
Ед. ч.	1 л.	cāpīebām	cāpīebār
	2 л.	cāpīebās	cāpīebārīs
	3 л.	cāpīebāt	cāpīebātūr
Мн. ч.	1 л.	cāpīebāmūs	cāpīebāmūr
	2 л.	cāpīebātīs	cāpīebāmīnī
	3 л.	cāpīebānt	cāpīebāntūr

Перед -m, -t, -r, -nt (-nt-) долгий гласный -ā- сокращается (§§ 190, 183).

§ 565. Глаголы 4-го спряжения наряду с формами imperf. indicāt. на -iēbā- имеют формы на -ībā-, которые у Плавта встречаются чаще, чем форма на -iēbā-. В литературе классического периода они употребляются редко, преимущественно у поэтов, например: *rolībant* (Вергилий, *Aen.* 8.436), *mōlībar* (Овидий, *Met.* 2. 582). — но становятся более частыми у архаистов эпохи Империи. В народно-разговорной речи они никогда не исчезали, и ит. *dormīva* 'я спал' восходит к лат. *dormībam*.

Глаголы 4-го спряжения имеют также формы fut. I на -ībō, -ībis, наряду с формами -iam, -iēs, например: *servībō* (*Men.* 1101), *scībīs* (*Pseud.* 1039), *dormībit* (Катон, *Agr.* 5.5). Из писателей классического периода только Проперций однажды употребляет форму *lēnībunt* (3.21.32), но в поздней латыни такие формы иногда встречаются.

Для глагола *īre* (§ 601) формы *ībam*, *ībō* являются нормой.

§ 566. Как мы уже указывали, единственным способом характеристики прошедшего времени, который может быть возведен к общеиндоевропейскому языковому состоянию, является употребление вторичных личных окончаний (§§ 490, 527). Однако, вторичные личные окончания, присоединяемые к основе настоящего времени, могли служить также для выражения модальных значений (инъюнктив). В тех ветвях индоевропейской семьи, где не развилось приращение как способ характеристики прошедшего времени, наблюдается поэтому тенденция к образованию новых средств выражения претеритальности. В латинском языке, где функция выражения претеритально-модальных значений закрепилась некогда за суффиксом *-ā-* (§ 556), этот суффикс использован в чистом виде в *praes. subiunct.* и в *imperf. eram* < **es-ā-m* от глагола *sum*, имеющего иное образование *praes. subi. — sim*.

Прочие глаголы имеют в *imperf. indicāt.* отличный от *praes. subiunct.* суффикс *-bā-*, который вне италийских языков не засвидетельствован. Кроме латинского языка, он имеется в осском: *fufans 'erant'*; в умбрских текстах *imperf. indicāt.* не встречается.

Родственное суффиксу *-bā-* новообразование представляет собой суффикс *-bē/ō-* в будущем времени глаголов, имеющих основы на долгий гласный, т. е. у глаголов 1-го, 2-го и 4-го спряжений. Из италийских языков он встречается, кроме латинского, только в фалиссском *saḡeḡo* = лат. *saḡe-bō*. В осском и умбрском языках такое образование будущего времени не засвидетельствовано (там будущее время образуется с помощью суффикса *-s-*), но оно имеется в древнеирландском.

Из соответствия латинского *-b-* осскому *-f-* вытекает, что лат. *-b-* восходит к и.-е. **-bh-* (§ 28). Поэтому *-bā-* может быть истолковано как образование прошедшего времени на *-ā-* от корня **bheḡa-/bhū-* 'быть': **bhūām* > лат. **-bām* > *-bām* (§ 190); *-bē/ō-* представляет собой конъюнктив того же глагола, образованный по атематическому типу (§ 554 а). Таким образом латинский имперфект на *-bām* и будущее на *-bō* могут восходить к описательным формам, образованным с помощью глагола 'быть'. Однако трудно установить, к какой форме спрягаемого глагола присоединились при этом формы глагола 'быть'.

Высказывалось мнение (Скуч), что формы латинского имперфекта представляют собой сращение причастия на *-ns* с **-bām*, и *-ns-* выпадает перед звонким согласным (§ 263): *laudābam* < **laudā(ns)-bām*, *monēbam* < **monē(ns)-bām*, *agēbam* < **agē(ns)-bām*, *audiēbam* < **audiē(ns)-bām*, *capīēbam* < **capīē(ns)-bām*.

С семантической стороны предположение это вполне возможно: 'я хвалил' выражено через 'я был хвалящий', ср. английское

длительное прошедшее I was going 'я был ходящий'; происхождение от причастий объясняло бы также наличие -ē- перед -bam в 3-м и 4-м спряжениях. Однако объяснить с этой точки зрения происхождение имперфекта ībam < *iē(ns)-bām невозможно. Не вполне удовлетворительна эта гипотеза и с фонетической точки зрения: группа согласных *-ns-bh- должна была бы в латинском языке развиться в *-nff- (§§ 28, 254).

Аналогию с латинским образованием имперфекта представляет образование имперфекта в славянских языках. Старославянский имперфект возник из сращения элемента -ахъ с формами спрягаемого глагола, очень сходными с первым членом сращения в латинском языке. В основах на *ā- — дѣла-(ахъ), где -а- < *ā-, ср. лат. laudā-(bam); в основах на ē- — видѣ-(ахъ), где -ѣ- < *ē-, ср. лат. vidē-(bam); в корневых согласных основах — ведѣ-(ахъ), ср. лат. veh-ē-(bam); в основах на *ī- — носити — нош-а-(ахъ), где -ша- < *s-iē-, ср. лат. aud-iē-(bam). Элемент -ахъ истолковывают как имперфект от глагола 'быть' (и.-е. *ēsom), модифицированный под влиянием аористных форм.

Многие исследователи полагают поэтому, что первым членом сращения в латинском имперфекте являются древние именные формы глагола, своего рода инфинитивы, в историческое время уже не существующие. Остатком их в латинском языке являются, быть может, первые члены сложения составных глагольных форм типа candē-faciō, fervē-faciō, которые иногда отделяются от глагола: fervē bene faciō (Катон, Agr. 157.9), exandē mē fēcērunt (Варрон, R. R. 3. 4. 1). Вопрос этот, однако, продолжает оставаться неясным.

§ 567. Хронологическое соотношение форм на -ībam и -iēbam в 4-м спряжении не может быть уточнено, пока не разрешен общий вопрос о происхождении латинского имперфекта. Большинство исследователей считает формы на -ībam более поздними, возникшими по аналогии с 1-м и 2-м спряжениями. В латинском языке была тенденция противопоставить «регулярное» спряжение глаголов с основой на долгий гласный (1-е, 2-е, 4-е спряжения) глаголам с основой на краткий гласный (3-е спряжение и тип capiō): audībam производится от основы audī-, как laudābam от laudā-, monēbam от monē-. Такое же аналогическое происхождение можно приписать формам будущего времени 4-го спряжения на -bō: audībō по образцу laudābō, monēbō.

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ОСНОВЫ ИНФЕКТА

Инфинитив (*īnfīnītīvus praesentis*)

§ 568. Формы инфинитива, которые мы находим в отдельных ветвях индоевропейских языков, не восходят к общиндоевропейскому языковому состоянию и возникли на путях обособленного развития отдельных ветвей и отдельных языков. По своему происхождению инфинитивные формы обычно представляют собой застывшие падежи отглагольных имен. В некоторых древних памятниках индоевропейских языков, например, в Ведах или Авесте, можно даже наблюдать такое языковое состояние, когда язык еще не остановился на определенной инфинитивной форме, и в инфинитивной функции употребляются различные падежи, еще сохраняя в своем синтаксическом употреблении, наподобие латинского герундия или супина, разницу падежных значений. В латинском языке, как и в греческом, мы находим инфинитив уже в стабильной форме. Характерной особенностью латинского и греческого языков является то, что они выработали целую систему инфинитивов, дифференцированных по залогам и видам. Латинский язык образует инфинитивы обоих залогов как в системе инфекта, так и в системе перфекта. Однако видовое значение инфинитивов в латинском языке почти совершенно утрачено и уступило место относительно-временному значению. *Īnfīnītīvus perfectī* выражает предшествование, *īnfīnītīvus praesentis* — одновременность или предстояние. В целях дифференциации предстояния от одновременности употребляется особый *īnfīnītīvus futūrī*. С морфологической точки зрения в систему инфекта входит только *īnfīnītīvus praesentis* актива и медиопассива.

§ 569. Парадигмы.

акт.	мед.-пасс.
1 спряжение	
laudārē	laudārī
2 спряжение	
mōnērē	mōnērī
3 спряжение	
āgērē	āgī
4 спряжение	
audīrē	audīrī
Тип cārīō	
cārērē	cārī

§ 570. Конечный элемент *-re inf. praes. āct.* содержит *-r-*, восходящее к *-s-* (§ 212), ср. *esse*, и *-ĕ < -ī* (§ 158). Конечный элемент *-ī* сохранился, быть может, в формах **PACARI** (1². 4) и *darī* (Варрон. L. L. 6.86). Таким образом *-rĕ < -rī < *-sī*. Перед ротакистическим *-r-* — *-ī-* > *-ĕ-* (§ 117): *carĕrĕ < *carī-sī*, и *-ū-* > *-ō-* (§ 118): *fōrĕ < *fū-sī*. Форма на **-sī* представляет собой застывший местный падеж отглагольного существительного с основой на **-s-*. В неполном стиле речи *-ĕ* могло синкопироваться (§ 168): **TANGER** (1². 501), *biber* (Катон, *Orig.* 121; Титиний, 78).

Сходные инфинитивные образования имеются в древнеиндийском языке: д.-и. *grāsi* в функции повелительного наклонения 'наполни' точно соответствует лат. *plēre*.

Умбрский язык имеет *inf. praes. āct.* на *-om* — *erom* 'esse', осский на *-um < *-om*: *ezum* 'esse', *deikum* 'dicere' — вероятно, застывший винительный падеж основ на *-o-*. О возможных следах этого образования в латинском языке см. § 689.

§ 571. *Infinitivus praesentis passivī* имеет в 3-м спряжении окончание *-ī*, несомненно восходящее к дифтонгу **-ei*. Дифтонг **-ei* может представлять собой окончание дат. п. согласных основ (и тогда лат. *agī* в полной мере соответствует д.-и. *-āj-e*) или конечный элемент местн. п. основ на *-ĕ/ō-*. *Carī < *carīī*, или по аналогии с *agī*.

Труднее установить происхождение *-rī* в 1-м, 2-м и 4-м спряжениях, поскольку неизвестно, имеем ли мы дело с исконным *-r-* или ротакистическим. У Павла-Феста (60.9) мы находим глоссу *dasī* — *darī*. Если доверять этой глоссе, то *-r-* < *-s-*, и *-rī* либо восходит к форме дат. п. имен с основой на *-s-*, либо представляет собой модификацию активного инфинитива на *-re* по образцу *agī*.

§ 572. Наряду с формами на *-ī* в архаической латыни встречаются формы медиопассивного инфинитива на *-ier*, например, **FIGIER** (1². 581), *vidĕrier* (Rud. 255), *ōsculārier* (As. 895), *ĕgredier* (Roen. 742). Плавт и Теренций пользуются этой формой только в конце стиха или перед дизересой, и это доказывает, что она в их время уже не была в живом употреблении. В прозе классического периода форма на *-ier* не встречается, но поэты конца Республики и времени Августа допускают ее в качестве архаизма, уже не считаясь с ее местом в стихе. Сколько-нибудь убедительного истолкования форма на *-ier* не получила.

Причастие инфекта (*participium praesentis activi*)

§ 573. Парадигмы.

1 спряжение

laudāns, -āntis и т. д.

2 спряжение

mōnēns, -ēntis и т. д.

3 спряжение

āgēns, -ēntis и т. д.

4 спряжение

audīēns, -īēntis и т. д.

Тип cārīō

cārīēns, -īēntis и т. д.

§ 574. Суффикс *-(e)nt-*, служащий в латинском языке для образования причастия инфекта, восходит к и.-е. суффиксу **(e/o)nt-*, ср. греч. φέρ-ωι, -ουτος, д.-и. bháran, род. п. bhár-at-aḥ (< *bher-nt-os).

В именительном падеже ед. ч. *-ns* < **-nts* (§ 251).

От вокализма *-ont-* в латинском языке остались лишь незначительные следы: *s-ōns* (§ 590), *e-unt-is* (§ 601) и образованное от причастной основы существительное *voluntās* (< **vel-ont-tās*).

Причастие инфекта образуется как от глаголов, не имеющих залога, например, непереходных, отложительных, так и от глаголов, различающих залогов. В последнем случае оно имеет обычно активное значение, но изредка употребляется и в медиопассивном: *quassantī capite* (As. 403) 'с трясущейся головой', *volventia plaustra* (Вергилий, *Geōrg.* 1.163) 'катящиеся повозки'.

§ 575. Причастия на *-ns* иногда отрываются от глагола и переходят в категорию прилагательных или существительных: *sapiēns*, *adulēscēns*, *in-fāns*. *Parentēs* — субстантивированное причастие от аористной основы *par-*, ср. *par-iō*. Причастие *trāns*, ср. *in-trāns*, застыло в качестве предлога.

Медиопассивного причастия инфекта латинский язык не имеет. От суффикса и.-е. медиального причастия **-meno-*, ср. греч. φερό-μενος остались лишь изолированные следы в субстантивированных образованиях, типа *alumnus* 'питомец' от *alō*.

§ 576. Особой формы женского рода, как например греч. φέρ-ουσα < *φέρ-ουτ-ια (*-ja < *-jə), латинский язык не имеет и может быть, никогда не имел (ср. § 303). В среднем роде форма *ferēns* возникла, вероятно, в порядке регулярного фонетического развития из **ferent* (§ 261) с нормальным для именительного-винительного падежа согласных основ среднего рода нулевым окончанием (§ 362).

Поскольку в латинском языке перед группой *ns* краткий гласный удлиняется (§ 193 б), а перед группой *nt* долгий гласный сокращается (§ 183), чередование долготы и краткости конечного гласного основы (*laudāns* — *laudāntis*, *agēns* — *agēntis*) механически урегулировано и не зависит от спрягаемого глагола.

Причастие на *-ns* под влиянием прилагательных перешло из согласного склонения в «смешанное» (§ 345; образование им.-вин. п. и зват. п. мн. ч. ср. р. см. § 367; о род. п. мн. ч. см. § 364).

Герундий (*gerundium*) и герундив (*gerundivum*)

§ 577. К системе инфекта относятся также морфологически родственные отглагольные образования — герундий и герундив, которые производятся от основы инфекта с помощью суффикса *-ndē/ō-*.

§ 578. Герундий представляет собой отглагольное существительное, употребляющееся в косвенных падежах единственного числа и заменяющее инфинитив в синтаксической функции косвенного дополнения. Подобно инфинитиву, герундий управляет теми же падежами, что и спрягаемый глагол¹, и определяется наречием. В этом отношении герундий сходен с упомянутыми в § 568 древними инфинитивными образованиями, относящимися к тому времени, когда еще не выработалась постоянная инфинитивная форма.

§ 579. Герундив восходит к отглагольному прилагательному со значением медиопассивного причастия инфекта. Это древнее значение сохранилось в таких формах, как *moriundus* ‘умирающий’, *origundus* ‘происходящий’, *volvendus* ‘катящийся’, *lābundus* ‘скользящий’, порядковое числительное *secundus* (от *sequor*) ‘следующий, второй’, а также, вероятно, в именах древнеримских божеств культа арвальских братьев *Dēferunda*, *Commolenda*, *Coinquenda*, *Adolenda*, являющихся олицетворением отдельных трудовых процессов.

Употребляясь в функции предикативного атрибута, герундив сохраняет это свое старинное значение: (*Brūtus*) *in līberandā patriā est interfectus* (Цицерон, *Catō maior*, 74) ‘(Брут) был убит при отечестве, находящемся в процессе освобождения’, т. е. при освобождении отечества.

Значение долженствования развилось позже. Оно возникло, быть может, при отрицании: *nōn ferendus* ‘невыносимый’, ‘тот, ко-

¹ В древней латини нередко встречается конструкция типа *lūcis dās tuendī cōriam* (Сарт. 1008), где *lūcis* и *tuendī* являются приименными родительными падежами при *cōria* вместо более обычного в позднейшее время *tuendī lūcem* или герундивной конструкции *lūcis tuendae*. Некоторые исследователи видят здесь пережиток периода, когда герундий не имел еще глагольного управления и, как существительное, допускал сочетание с *gen. obiectivus*.

тогого нельзя вынести'. В этом значении герундив употребляется как непредикативное определение: *laudandus* 'похвальный', 'тот, которого должно хвалить' — и в соединении с *sum* в описательном пассивном спряжении: *fugienda semper iniūria est* (Цицерон, *Off.* 1.25). В древней латыни это описательное спряжение могло еще иметь не пассивный, а медиальный характер: *ruppis pereunda est* ('должна погибнуть') *probē* (*Epid.* 74). В поздней латыни герундив употребляется также и в значении причастия будущего страдательного, и Присциан соответственно переводит герундив на греческий язык двумя формами: *amandus* — ὁ φιληθησόμενος καὶ ὁ φιλητέος, (*G. L.* 2. 567. 7 — 8).

§ 580. Происхождение герундия и герундива не выяснено; неизвестно также, какое из этих образований возникло первым.

Герундий может представлять собой субстантивированный средний род герундива, но возможно также возникновение герундива на основе герундия. Пока происхождение суффикса *-nd-* остается неизвестным, эти соотношения нельзя уточнить.

Герундив имеется также в осском и умбрском языках (с суффиксом *-np-* < **-nd-*). Герундий засвидетельствован только в латинском. Прочие ветви индоевропейской семьи не имеют глагольных образований, морфологически родственных герундию и герундиву.

§ 581. Парадигмы.

Герундий

	1 спряжение	2 спряжение
G.	<i>laudāndī</i>	<i>mōnēndī</i>
D.	<i>laudāndō</i>	<i>mōnēndō</i>
Acc.	<i>laudāndūm</i>	<i>mōnēndūm</i>
Abl.	<i>laudāndō</i>	<i>mōnēndō</i>

	3 спряжение	4 спряжение
G.	<i>āgēndī</i>	<i>audīēndī</i>
D.	<i>āgēndō</i>	<i>audīēndō</i>
Acc.	<i>āgēndūm</i>	<i>audīēndūm</i>
Abl.	<i>āgēndō</i>	<i>audīēndō</i>

Тип *cāpīō*

G.	<i>cāpīēndī</i>
D.	<i>cāpīēndō</i>
Acc.	<i>cāpīēndūm</i>
Abl.	<i>cāpīēndō</i>

Герундив

1 спряжение	laudāndūs, -ā, -ūm
2 спряжение	mōnēndūs, -ā, -ūm
3 спряжение	āgēndūs, -ā, -ūm
4 спряжение	audīēndūs, -ā, -ūm
Тип cārjō	cāpiēndūs, -ā, -ūm

§ 582. Суффикс *-ndē/ō-* присоединяется к основе инфекта в той форме, которую она имеет в причастиях на *-ns*. Конечный гласный основы перед *-nd-* всегда краткий (§ 183). В 3-м и 4-м спряжениях и в типе *cārjō* конечный гласный основы может выступать как *-ē-* и как *-ō-* > *-ū-* (§ 150): *faciēndūs* и *faciūndūs*. Выбор между этими формами в известной мере определяется стремлением избежать повторения одинаковых звуков. Так, в основах, содержащих звуки *u, v, qu*, всегда находим *-endus*: *tribuendus, dūcendus, volvendus, sequendus*; с другой стороны, очень долго держатся такие формы, как *gēgundus, serundus*. В языке классического периода становится преобладающей форма *-endus*, вероятно, под влиянием причастия на *-ēns*.

«НЕПРАВИЛЬНЫЕ» ГЛАГОЛЫ

§ 583. Описательная грамматика латинского языка выделяет группу глаголов в качестве «неправильных». Большинство этих глаголов свойственно чередование тематических и атематических форм спряжения. Характерная особенность этого чередования состоит в том, что формы, имеющие в тематическом спряжении огласовку *-ē-* конечного элемента основы (2 и 3 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. *praes. indicāt.* и повелительного наклонения), являются в «неправильных» глаголах латинского языка атематическими. К этому присоединяется в ряде глаголов образование *praes. subiūct.* при помощи суффикса *-iē/-ī-*, имеющего оппозитивное происхождение (§ 555), а в глаголах *sum* и *eo* реликты чередования полной и нулевой ступени корня.

§ 584. Sum.

Глагол *sum* супплетивный. Его формы образуются от двух корней: **es-/s-* и **bheucc(ə)/bhū-* (ср. § 5). И.-е. глагол с корнем **es-* имел атематическое спряжение, ср. греч. εἶ-μί, д.-и. ás-mí, ст.-сл. кс-мь.

§ 585. В латинском языке атематический характер сохранили только 2 и 3 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. *praes. indicāt.* и *imperāt.*: *es-s* (Плавт, § 224 в) > *es, es-t, es-tis; es, es-te, es-tō, es-tōte*. Все эти образования имеют корневой элемент в форме, восходящей к полной ступени. К нулевой ступени восходит корневой элемент формы 3 л. мн. ч. *praes. indicāt.*: *sunt* < **SONT** (1². 1529) < **s-onti* (o > u согласнo

§§ 162, 297 в связи с энклитическим характером глагола *sum* как связки); соответственно 3 л. мн. ч. *imperāt. fut. suntō*. Прочие лица получили тематическое преобразование: *sum* < **so-m(i)* (с сохранением атематического личного окончания *-m* < **-mi*), *sumus* < **so-mos*.

Основанием для тематического преобразования послужила, вероятно, форма **s-ontī*, с атематическим окончанием **-e/ontī* (ср. греч. дор. *ἐντί* < **σ-εντι*, ст.-сл. с-жтѣ), внешне сходная с тематическим типом **ago-ntī*. **S-ontī* было расценено как **so-ntī*, и по его образцу *-o-* было перенесено в остальные формы, имеющие *-o-* в тематическом спряжении, т. е. в 1 л. ед. и мн. ч. Новообразования, в основании которых лежит **sontī*, имеют корневой элемент в форме, восходящей к нулевой ступени.

Нерегулярность форм *praes. indicāt.* толкала к новообразованиям. Варрон (L. 9.100) приводит форму 1 л. ед. ч. *esum* с восстановлением корневого элемента *es-* по образцу *es, est*; 2 л. ед. ч. *essis* (Акций, *Praet.* 16) представляет собой преобразование формы *es-s* по образцу *agis*: император Август говорил *simus* вместо *sumus* (Светоний, *Aug.* 87), вероятно, по образцу *agimus*, ср. § 546.

§ 586. *Praes. subiūnct.* восходит к и.-е. оптативу, образованному при нулевой ступени корня с помощью суффикса **-iē/i-* > лат. *-iē/i-* (ср. § 555). Суффикс имел полную ступень в единственном числе, нулевую — во множественном. В архаической латыни это чередование еще в полной мере сохранено: *s-ie-m, s-iē-s, s-ie-t* < *siēt* < **SIED** (1². 4; ср. § 533), *s-ī-mus, s-ī-tis, s-ī-ent*.

В дальнейшем развитии языка этот пережиток древних чередований был устранен, и по всем лицам была проведена форма суффикса *-ī-* (*-ī-* перед *-m, -t, -nt*; §§ 190, 183). Уже у Плавта формы *sim, sīs, sit, sint* являются обычными, а *siem* и т. д. употребляются лишь в конце стиха или перед цезурой.

В дактилической поэзии (Энний, Луцилий, Лукреций) этими формами пользуются свободнее, но в литературу классического периода они уже не вошли.

§ 587. *Imperf. subiūnct. es-se-m* < **es-sē-m, es-sē-s, essēt* (Энний, *Ann.* 83) > *esset* (§ 190), *es-sē-mus* и т. д.

§ 588. *Imperf. indicāt. eram* < **es-ā-m* с «претеритальным» *-ā-* (§ 556).

§ 589. *Fut. I erō* и т. д. восходит к атематическому конъюнктиву, образованному с помощью *-ē/ō-* (§ 554 а), ср. греч. гом. *praes. coniūnct. ἔω* < **éσω*, д.-и. 3 л. ед. ч. *ásati* 'будет'; 3 л. ед. ч. **ESED** (> *erit*; §§ 161, 533) сохранилось, вероятно, в надписи на черном камне (1². 1); *erō* спрягается как *agō*.

§ 590. Причастие *sēns (ср. греч. дор. им. п. мн. ч. ἔντες < *σευτες) сохранилось лишь в сложных формах prae-sēns, absēns. Другая форма причастия sōns (ср. греч. им. п. мн. ч. ὄντες < *σουτες, ст.-сл. основу сжшт-) получила значение 'виновный'. Когда для передачи греческого философского понятия τὸ ὄν 'сущее' понадобилась причастная форма от sum, в язык была введена форма ēns, постулированная уже Цезарем по аналогии с potēns (Прициан, G. L. 3. 239. 5 — 8).

§ 591. Īnf. praes.: es-se.

§ 592. От основы fū- (< *bhū-) образуется, помимо форм системы перфекта, ряд форм системы инфекта:

1) praes. subiūct. fuam, fuās, fuat, fuant (Плавт; как архаизм у Лукреция и Вергилия, впоследствии лишь в застывшем выражении fors fuat); 2) imperf. subiūct. fōrem < *fū-sēm (§ 118) и т. д., ср. ос. fusid; 3) imperāt. 2 л. ед. ч. fū в гимне арвальских братьев (1². 2); 4) ĩnf. fōrē < *fū-sī (§ 118), который в порядке дифференциации с esse получил функцию ĩnfinītivus futūrī.

§ 593. Архаические формы escit, escunt (XII tab. 5.7 и 10.8. Эний, Ахций, Лукреций), употребляющиеся в значении egit, egunt, принадлежат не глаголу sum, а производному от него с суффиксом -sec/o- (§ 520) глаголу escē < и.-е. *es-skō, ср. греч. гом. imperf. ἔσκει < *ἔσ-σκε.

§ 594. Dēs sum. Формы, начинающиеся на ě-, сливаются с конечным гласным префикса: dēst, dērō и т. д. (§ 196). В письме обычно восстанавливается неслитная форма.

§ 595. Prōsum. Префикс имеет перед гласным форму prōd- < *prō-dē (§ 168), перед согласным — форму prō-. Это prō- могло бы восходить к тому же prōd- (prōsum < *prōs-sum < *prōd-sum), однако в этом предположении нет нужды: prō-sum имеет префикс в нормальной форме, без придатка -de.

§ 596. Possum. В спряжении этого глагола формы инфекта, сложные с sum, вытеснили формы глагола *poteō, сохранившиеся в системе перфекта: potū и т. д., — ср. адъективированное причастие potēns 'могущественный', ос. pūtīad 'possit'.

Первый член сложного глагола pot- восходит к и.-е. *potis, ср. л.-и. rātiþ 'хозяин, супруг', греч. πόσις 'супруг'. В латинском языке potis стало прилагательным ('могущественный', сравнит. степень potior) и получило форму среднего рода pote. Из безличного

pot(e) est создавалась слитная форма potest, из которой извлечен первый член сложения pot-.

Перед формами глагола sum, начинающимися с s-, pot- > pos- (§ 251): pos-sum и т. д. В imperf. subiunct. новообразование possem вм. *potessem (potesset один раз у Энния, Ann. 222) произведено от praes. subiunct. possim, по образцу соотношения velim — vellem. Соответственно inf. praes. posse вм. potesse; эта последняя форма, наряду с posse, встречается у римских поэтов вплоть до Лукреция.

Рядом со сложением possum в архаической латыни встречается сочетание potis sum, в котором potis нередко застывало (potis sum — Rosc. 227), и создавались сращенные формы, например, **POTISIT** (1². 581) = potissit. Форма imperf. subiunct. potisset (Mil. 884, Луцилий, 203) вм. potis esset относится к potissit, как posset к possit.

Медипассивные формы 3 л. ед. ч. potestur, possitur и т. д. встречаются только в древней латыни при дополнительном предикативном члене в inf. passivi например, Caton. Agr. 154: uti transférri possitur.

§ 597. Vo lō. Корень *uel-, ср. ст.-сл. вел-ѡж, др.-лит. pa-vel-t 'позволяет', гот. wiljan 'хотеть'. Корневой гласный -ѣ- сохраняется перед палатальным l (§ 72): velim, velle. — но переходит в -ō- перед велярным l (§ 123): volō, volumus, volam, volēs. Переход -ō- > -ū- перед сильноначальным l в положении после v- происходит только в конце l в. до н. э. (§ 129): vōlt > vūlt, vōltis > vūltis.

По атематическому типу (ср. лит. pa-vel-t) образованы формы 3 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. praes. indicāt.: volt, voltis: далее, praes. subiunct. vel-i-m с унифицированной нулевой ступенью оптативного суффикса -i- (§ 555), imperf. subiunct. vellem < *vel-se-m (§ 257), inf. praes. velle < vel-si (§§ 257, 158).

По тематическому типу образованы 1 л. ед. ч. и 1 и 3 л. мн. ч. praes. indicāt. volō, volumus (§ 546), volunt. Imperf. indicāt. volēbam, fut. I volam образованы от volō по типу глаголов 3-го спряжения. Part. praes. — volēns.

Более сложную судьбу имело 2 л. ед. ч. praes. indicāt. Унаследованная форма *uel-si в порядке нормального фонетического развития потеряла характерное для 2 л. ед. ч. окончание: *uel-si > *vels (§ 532) > vell. Эта форма сохранилась в застывшем виде в частице vell > vel (§ 225 в) 'хоть, или' (Энний, Ann. 340: vell ūtī — ∪∪, с ямбическим сокращением utī). В качестве 2 л. ед. ч. функционирует новообразование vīs. Если форма **VOIS** на надписи Дуэноса (1². 4) представляет собой 2 л. ед. ч. от volō, а это весьма вероятно, то vīs < *veis < vois (§§ 111, 133), и форма vois вновь произведена от volō

с помощью присоединения окончания -s (*vol-s) с заменой -l- на -i- в силу фонетической недопустимости в латинском языке -ls.

Некоторые исследователи полагают однако, что новообразование *vīs* имеет супплетивный характер и восходит к корню *vī-* со значением 'стремиться, хотеть', ср. лат. *in-vītus*, греч. ἵ-εταί.

Sī vīs > sīs (§ 208) 'пожалуйста'; *sī voltis* по аналогии с *sīs* стягивается в **soltis > sultis* (§ 128).

§ 598. *Nōlō* представляет собой продукт сращения отрицательной частицы *ne-* и глагола *volō*.

Если сращение предшествует переходу *-ĕ-* → *-ō-* перед велярным *l*, то **nevelō > *novelō* (§ 122) > **novolō* (§ 123) > *nōlō* (§ 208); в противном случае **nevelō > *novolō* (§ 180) > *nōlō*; соответственно *nōlumus, nōlunt*.

Во 2 л. ед. ч. *praes. indicāt.* архаическая латынь допускала сращенную форму *nevīs* (Circ. 82); иногда встречается также *nevolt*, например: *Mōst.* 110: Цецилий, 5 (в результате слияния здесь возникла бы форма **nōlt* с долгим гласным перед группой «сонант + смычный»; ср. § 183). Однако более обычными во всех этих случаях были формы *nōn vīs, nōn volt, nōn voltis*, которые стали нормой в языке классического периода.

Прочие формы времен и наклонений имеют *-ō-* по образцу *nōlō*: *nōlim, nōllem, nōlle* и т. д.

Повелительное наклонение, отсутствующее у глагола *volō*, было создано для глагола *nōlō*, исходя из форм *praes. subiūct.*, употреблявшихся при запрете, по образцу обычного соотношения форм повелительного наклонения и 2 л. *praes. indicāt.* (ср. § 542). *Nōlī* произведено от *nōlīs, nōlīte* — от *nōlītis*, затем *nōlītō*. Причастие *nōlēns* встречается в памятниках с I в. н. э.

§ 599. *Mālō* arose из *mag(i)s volō*: **magvolō > māvolō* (§ 268), в дальнейшем > **māolō* (§ 210) > *mālō* (§ 198). От *mālō* произведены *mālim, māllem, mālle* и т. д.

У Плавта еще нередко употребляются неслитные формы *māvolō, māvolēt, māvelim, māvellem*, наряду со слитными *mālō, mālim, mālūt*. Формы *māllem* и *mālle* впервые встречаются у Теренция. Неслитными остаются 2 л. ед. ч. *praes. indicāt. māvis*, 3 л. ед. ч. *māvult*, 2 л. мн. ч. *māvultis* (ср. § 598 о соответствующих формах от *nōlō*).

§ 600. Чередование -l- и -ll- в формах от *volō* и сложных с ним глаголов создавало иногда колебания в письме. В надписях и рукописях попадаются написания *vellis, nollis, mallis, nollo* и т. д.

§ 601. Е ђ. Корень *ei/i-, ср. греч. εἶ-μι, д.-и. é-mi, греч. ἴ-μεν, д.-и. i-mān. В латинском языке полная ступень корня проведена по всем образованиям системы инфекта, кроме именительного падежа ед. ч. причастия i-ēns.

Нулевая ступень корня отражена в формах, связанных с причастием *ītus (из īturus, ср. inīitum, род. п. ped-īt-is), и проникла в супин ītum, ītū (ср. adītus), но в наречии sim-ītū 'одновременно' сохранена древняя форма супина *ītū.

В формах, восходящих к полной ступени корня, ei- (ei-) > ě- перед гласным: e-ō < *ei-ō (§ 207); ei-, сохранившееся перед согласным, впоследствии монофтонгизировалось в ī-: ī-s < *ei-s (§ 111).

По атематическому типу образованы ī-s, ī-t (напр. Poen. 683) > it (§ 190). ī-tus, ī-tis, ī-tur, пов. накл. ī, ī-te и т. д. Тематически преобразованы (как в глаголах на -iō; § 547) 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. praes. indicāt. e-ō < *eīō, e-unt < *eīonti; соответственно 3 л. imperāt. fut. euntō.

Чередование ě- перед гласным — ī- перед согласным проведено по всей системе инфекта: praes. subiūnct. eam, род. п. прич. euntis (ср. § 574), герундий eundī, но imperf. subiūnct. irem, imperf. indicāt. ibam, fut. I ībō, inf. ire.

Неожиданным представляется чередование ступеней корня в склонении причастия iēns, euntis (§ 574), ср. греч. ἰών, ἰόντος. В форме euntis корневая морфема, по-видимому, подверглась преобразованию под влиянием eunt, а причастие, со своей стороны, повлияло на форму герундия eundī.

Форма 3 л. мн. ч. int (C. G. L. 2.75.23) представляет собой новообразование к intus, iis, по образцу stāmus, stātis, stant.

О redīnunt см. § 536.

§ 602. Глаголы, сложные с еђ, имели некоторую тенденцию к переходу в 4-е спряжение. Ранее всего это случилось с глаголом ambīre (ambīō), составной характер которого был затемнен утратой *amb(i) как самостоятельного слова.

В языке классического периода изредка встречаются такие образования, как trānsiet (Тибулл. 1.4.27), trānsiēhāmus (Сенека Ст., Contr. 7.1.21). В поздней латыни формы глаголов, сложных с еђ, образованные по 4-му спряжению, встречаются чаще.

§ 603. Сочетание nequ(e) it 'никак не идет' срослось в безличное nequit, которое стало исходным пунктом для образования глагола nequeō, ср. potest. Из nequeō с помощью усечения ne-, по образцу соотношения nesciō — sciō, создался глагол queō.

Queēns (Книги.иан. 8.3.33) вместо quiēns по аналогии с косвенными падежами.

§ 604. Dō. От корня *dō/ə- существовали индоевропейские образования с удвоением корня, например, греч. наст. вр. δίδομι, δίδομεν, д.-и. *dādāmi, dadmāh*, и без удвоения, ср. греч. аор. ἔδωκα, ἔδομεν, д.-и. *ādāt* 'он дал'. Формы настоящего времени с удвоением корня имелись и в итальянских языках, например, вестин. *didet* 'dat', и в качестве остатка их в латинском языке следует, вероятно, рассматривать *reddō* < *re-dīdō (§ 515). Неудвоенное образование представлено глаголом *dō*, формы спряжения которого восходят к нулевой ступени корня *də- > лат. *dā-*. От форм 1-го спряжения формы глагола *dō* отличаются краткостью -ā-: *dāmus, dāte, dābō, dābat* и т. д. Гласный -ā- удлинился в ед. ч. пов. накл. *dā* (§ 193 д) и в находившейся в тесном соотношении с повелительным наклоном (§ 542) форме 2 л. ед. ч. *praes. indicāt. dās*.

§ 605. *Cēdō* < *cēdō 'дай сюда', мн. ч. *cētte*, представляет собой, может быть, сращение частицы *cē-* (§ 441) с древней формой атематического пов. накл. *dō с сохранением полной ступени корня в единственном числе: *cētte* соответственно восходит к *cē-d(ā)te.

§ 606. От расширенной формы корня *doç-, ср. греч. кипр. *δofévai* (inf.), д.-и. *dā-vāne*, фалис. *doviad* 'det', образованы побочные формы *praes. subiunct. duim* (с «оптативным» суффиксом -ī-: § 555), *perduim*, *crēduim* и т. п., употребляющиеся в сакрально-юридическом стиле (например, в формуле *dī perduint*) и встречающиеся иногда в древнеримской драме. Наряду с *duim* употребляется и *praes. subiunct. с* суффиксом -ā-: *duās* (Autl. 238), *crēduam* (Роел. 747), и с суффиксом -ē- (по аналогии с *dem*), напр. *adduēs* (P. F. 25.12), ср. также перфект *concrēduī* (Cas. 479), fut. II *concrēduō* (Autl. 585), *interduō* (Плавт. fr. inc. 2),

§ 607. В результате фонетического развития звука -ā- в срединных и конечных слогах формы глаголов, сложных с *dō*, либо совпали с формами 3-го спряжения — *prō-dāt > *prō-dēt, > *prō-dīt* (§ 160), *prō-dātis > *prō-dītis* (§ 141 а), *prō-dāre > *prō-dēre* (§ 146), либо оказывались изолированными в системе латинского глагола: fut. I *red-dībō* < *red-dābō сохранилось у Плавта два раза в конце стиха (Cas. 129: *Vīd.*, fr. 5), один раз в конце предложения (Men. 1038). Это привело к тому, что глаголы, сложные с *dō*, кроме поздних сращений *circumdō, pessumdō*, целиком ушли в 3-е спряжение.

§ 608. С глаголами, сложными с *dō*, как-то: *dēdō, didō, ēdō, prōdō, reddō, trādō, vendō* и т. д., совпали в своем спряжении сложные глаголы, образованные от и.-с. корня *dhē/ə- 'власть', ср. греч. τί-θη-μι, τί-θε-μεν, д.-и. *dā-dhā-mi*, ст.-сл. *дѣ-ти*. Совпадение это произошло потому, что в латинском -dā- отражается нулевая ступень корня *dhə- одинаково с нулевой ступенью корня *də-¹ (§ 10).

¹ Простой глагол, содержащий корень *dhē/ə-, отражен в латинском языке только с расширением *-k-: *īē-c-ī*, ср. греч. ἔ-θη-κ-α, *fā-c-iō* (и.-е. *dh- > лат. f-; § 28).

К корню *dhə- восходят такие сложные глаголы, как abdō, addō, condō, indō, obdō, perdō, subdō, а также древнее сращение crēdō. Смещение этих глаголов с глаголами, восходящими к корню *dō-, было настолько полным, что глаголы, сложные с *dhē-, принимали побочные формы от основы *dō-, принадлежащей корню *dō (§ 606): perduim, crēduim и т. д.

§ 609. E d ō. Корень — *ēd-, удлиненная ступень — *ēd-. Атематическое спряжение этого глагола засвидетельствовано для общепалеоиндоевропейского языкового состояния формами ряда ветвей: греч. гом. ἔδ-μεναι, д.-и. ád-mi, ст.-с.л. **ѣмь (тамь)** < *ēdmī.

§ 610. Латинский язык сохранил атематический тип образования в формах praes. indicāt. ēs, ēst, ēstis, ēstur, imperāt. ēs, ēstō, ēste, imperf. subiūct. ēssem, ēssētur и т. д., inf. ēsse.

Долгота ē-, в отличие от форм глагола sum, засвидетельствована римскими грамматиками и греческой транскрипцией ἤσσε.

Атематический характер имеет также образование praes. subiūct. ēdīm (с «оптативным» -ī-; § 555).

Долгота ē- в формах ēs и т. д. допускает различные объяснения: она может непосредственно восходить к и.-е. удлиненной ступени корня *ēd-; тогда надо считать, что чередование ēd- перед согласным с ēd- перед гласным тематических форм praes. indicāt. привело к распространению ēd- на положение перед гласным в praes. subiūct. ēdīm. С другой стороны, долгота ē- в упомянутых формах, равно как и в сущине ēssum > ēsum (< *ēd-tum; § 230), могла бы возникнуть по закону Лахмана (§ 193 г), если он распространяется на переднеязычные. Наконец, долгота эта в формах ēs, ēst может быть связана с тенденцией латинского языка к удлинению краткого гласного в полнозначных односложных словах (§ 193 д). Формы ēs, ēst глагола ēdō могли дифференцироваться таким образом от атонных форм глагола sum, и это отличие распространилось также на двусложные формы, сходные с формами sum: ēstis, ēssem, ēsse и т. д.

В форме ēs конечный элемент -s восходит к двойному *-ss < *-d-s (§ 251). В 3 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. praes. indicāt. регулярное фонетическое развитие должно было привести к формам *ess, *essis (dt > ss; § 230); обычное личное окончание -t, -tis было восстановлено по аналогии с прочими глаголами. В формах ēsse, ēssem к началу 1 в. н. э. должно было произойти упрощение двойного согласного, как это имело место в ēsum, ēsūrus и т. д., но двойное -ss- удержалось, по крайней мере в письме, по образцу сходных форм глагола sum, несмотря на протесты некоторых грамматиков.

§ 611. Тематический характер, как обычно в латинском языке, имеют формы 1 л. ед. и мн. ч. и 3 л. мн. ч. praes. indicāt. ēdō, ēdīmus, ēdunt (ср. § 583). Регулярно образуются fut. ēdam, part. ēdēns, герундий ēdēndī (ēdūndī). В позднейшее время древние особенности в

спряжении глагола *ēdō* мало-помалу устраняются из языка. К I в. н. э. устанавливаются формы *praes. subiunct. ēdam, ēdās* и т. д. (в рукописях более ранних авторов эти формы представляют собой, вероятно, позднейшую модернизацию). К еще более позднему времени относится появление форм *praes. indicāt. ēdis, ēdit, imperf. subiunct. comēderet* и т. д. (III в. н. э.). Поздно появляются также формы *imperf. indicāt.: ēdēbam*.

§ 612. *Ferō*. Глагол *ferō* супплетивный. Формы инфекта восходят к корню **bher-* (§ 5), формы перфекта — к корню **telə-*: *perf. tetulī* (§ 643), позже *tulī* (§ 624), *partic. perf. lātus < *tlātōs* (§ 242) < **tj̄-tos* (§ 27), ср. греч. дор. *τλᾱτός*, ион. *τλητός*.

В спряжении *ferō* издавна чередовались тематические и атематические образования (§ 5). Атематический характер имеют образования *praes. indicāt. fers, fert, fertis, ferris, fertur, imperāt. fer, ferte* и т. д., *imperf. subiunct. ferrem < *fer-sē-m, inf. ferre < *fer-si, ferri*.

Во 2 л. ед. ч. *praes. indicāt.* регулярное фонетическое развитие должно было привести к результату **-rs > *-r̄* (§ 261) > **-r* (§ 225 в); окончание *-s* было восстановлено по аналогии с прочими глаголами.

Остальные формы, в том числе и *praes. subiunct.*, образуются по 3-му спряжению. О форме *abstulās* см. § 556.

§ 613. *Fīō*. Латинский корень *fī-* восходит к и.-е. **bhū-*, представляющему собой расширение **bhū-* (§ 584). Спряжение глагола *fīō* отличается от регулярного 4-го спряжения образованием инфинитива по тематическому типу *fiere* (Энний, *Ann.* 354; Левий у Геллия, 19.7.10) и по аналогии с ним *imperf. subiunct. fierem*. Медиопассивная семантика глагола и супплетивные формы перфекта: *factus sum* и т. д., побуждали к образованию медиопассивных форм (*fitur* и *fiēbantur* у Катона, согласно Присциану, *G. L.* 2.377.12; *fitum est* у Ливия Андроника, *Od., fr.* 29), из которых только форма *inf. praes. fieri* установилась в языке как норма. Далее, глагол *fīō* сохранил долготу *-ī-* перед гласным (§ 185), кроме положения перед *-er-*, где *-ī-* > *-i-*. Однако у Плавта и Теренция еще допускаются формы *fieri, fieret* в конце стиха или полустушия. Очень возможно, что форму *fiere* у Энния следует также читать с *ī* (т. е. *fīere*).

Глагол *fīō* функционировал в качестве пассива для *faciō* и сложных с *faciō* глаголов: *сonfieri* (Лукреций, 2.1069), *dēfit* (*Mil.* 1261), *interfieri* (*Trin.* 532) и т. д. Однако те сложные с *faciō* глаголы, у которых *-ā-* переходило в *-ī-* в среднем слоге (§ 141 а), рано стали отрываться от *faciō* и образовывать регулярные формы пассива на *-ficiōr*, которые и являются нормой для языка классического периода.

Более поздние сращения с *faciō*, напр. *satisfaciō*, *caleariaciō* (§ 155), сохраняют пассив на *-iō*

В качестве формы *partic. fut.* от *fiō* в значении 'становиться' функционирует *futūrus* (§ 690). Форма пов. накл. *īn-fe 'incīpe, dīc, narrā'* (С. G. L., 5.211.10) от *īnfit* 'начинает говорить', образована по аналогии с *īnque* от *īnquit* (§ 615), близкого по значению к *īnfit*.

НЕДОСТАТОЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ

§ 614. *Aī iō* (§ 71, в письме обычно *aiō*) восходит к **āg-iō*, ср. *ad-āg-iūm*, *amb-āgēs*, и принадлежит, по-видимому, к 4-му спряжению, ср. форму пов. накл. *aī* (= *aiī*) у Невия (Сбт. 125). 1 и 2 л. мн. ч. *praes. indicāt.* и *subiūnt.* не употребляются. Формы 2 и 3 л. ед. ч. у Плавта иногда имеют первый долгий слог (*aiī-*), но более обычны формы *āis*, *āit* с выпадением двойного *-iī-* перед *-ī-* (§ 71) и сокращением *-ī-* в ямбическом слове (§ 186; при отсутствии форм **aīmus*, **aītis*, или инфинитива **aīre*, которые послужили бы опорой для восстановления *-ī-*). Текст Плавта допускает также в ряде случаев односложное произношение *āis*, *āit*. *Praes. subiūnt.* *aiam*, *imperf. indicāt.* *aiēbam*, *aiēbam*, *partic. aiēns*.

В поздней латыни восполняется ряд недостающих форм от *aiō* как от глагола 3-го спряжения: *aieret* (Ариобий), *aiege* (Августин). Глагол *aiō* не имел форм перфекта, хотя 3 л. *ait* и могло употребляться в рассказе о прошлом. Лишь позднейшие писатели и грамматики, исходя из *ait*, образуют перфектные формы: *aierunt* (Тертуллиан) и т. д.

§ 615. *Inquam*. Глагол *inquam* находится к несомненному родстве с другим древним глаголом **insequō* > **insecō* (с потерей лабиовелярности перед *o*; § 215) 'объявлять, называть', от которого сохранилось несколько изолированных форм: *insequis*, 'narrās, refers' (Gloss.), пов. накл. *inseque* или *insece*, с помощью которого Ливий Андроник передал эвиеге вступительного стиха «Одиссеи» (*Vīrum mihi, Camēna, insece versūtum*), «сигматическое» 3 л. *insexit 'dixerit'* (Энний у Р. F. 99.10). Этот глагол имеет корень **seq^h-*, ср. греч. гом. *ἐνέπειω* < **ἐν-σеп-ω*, *imperāt.* аог. *ĕ-σπετε* < *ἐν-σπετε*, *indicāt.* аог. 2 л. ед. ч. *ĕи-σπες*.

Форма *inquit* восходит к аористу **en-sq^he-t* с нулевой ступенью корня (причины утраты *-s-* неясны). В латинском языке эта форма была переосмыслена как 3 л. ед. ч. наст. вр. и послужила исходным пунктом для образования ряда других форм по типу *carīō*: *inquis*, *inquimus*, *inquitis*, *inquunt*; *imperf. indicāt.* *inquiēbat*; *fut.* I *inquiēs*.

*inquiet; imperāt. inque, inquitō; partic. (поздн.) inquiēns. В перфекте, рядом с *inquit*, формы вторичного образования *inquiī, inquistī*.*

Форма 1 л. *inquam* чаще всего употреблялась в тех случаях, когда говорящий повторял или подтверждал свои собственные слова. Она восходит к образованиям на *-ā-* (§ 556) с модальным или претеритальным значением 'хочу сказать' или 'говорил'.

§ 616. *Quaesō, quaesumus.*

Дезидеративный глагол *quaesō* (§ 519) 'искать, просить' редко встречается уже в древнем языке. Только формы 1 л. ед. и мн. ч. *praes. indicāt. quaesō, quaesumus*, превратившиеся в модальные слова 'прошу', 'просим', 'пожалуйста' сохранились в языке классического периода.

§ 617. *Avē*. Приветствие (*h*)*avē* заимствовано римлянами у карфагенян и восходит к финикийской форме повелительного наклонения со значением 'vīve'. По образцу *salvē, valē* приветствие *avē* обросло дальнейшими формами: *avētō, avēte, inf, avēre. Praes. indicāt. aveō, а также avēbō, avērem* появляются лишь в поздней латыни.

СИСТЕМА ПЕРФЕКТА

§ 618. Система перфекта складывается из активных форм, образуемых от основы перфекта, и аналитических медиопассивных форм, образуемых присоединением форм вспомогательного глагола *sum* к *participium perfecti passivi*.

Основы перфекта и *part. perf. pass.* первоначально представляли собой самостоятельные образования (§ 478), независимые друг от друга и от основы инфекта, но, войдя в единую систему перфекта, они оказались в тесном контакте между собой, и обе основы нередко влияли друг на друга. С другой стороны, по мере выдвижения основы инфекта в качестве доминирующей основы глагола в целом, основы перфекта и *part. perf. passivi* утрачивали характер образований, производимых непосредственно от глагольного корня, и, вступая в постоянные соотношения с основой инфекта, начинали образовываться от нее.

В этой же главе мы рассмотрим так называемые сигматические образования архаической латыни, соприкасающиеся в своем употреблении с системой перфекта, а также супин с его дериватами, хотя и не входящий в систему перфекта, но морфологически близкий к *part. perf. pass.*

Образование основ перфекта

§ 619. Двойственное происхождение латинского перфекта, совместившего в себе два древних вида — перфект и аорист (§ 480) — оставило след на его морфологической структуре. Способы образования основ перфекта восходят частью к и.-е. перфекту, частью к и.-е. аористу. Вместе с тем латинский язык развил новые, только ему свойственные образования основ перфекта, для которых в общендоевропейском прошлом существовали лишь зародыши.

§ 620. И.-е. перфект характеризовался, в первую очередь, особыми личными окончаниями и не имел специальных суффиксов. Основа перфекта имела атематический характер. В ед. ч. корневой гласный находился на полной ступени с тембром *o*, во мн. ч. — на нулевой ступени, ср. греч. (*F*)οῖδ-α, мн. ч. (гом.) (*F*)ἰδ-μεν. Корень часто имел удвоенную форму, но удвоение, по-видимому, не было столь распространено, как это имело место впоследствии в греческом или древнеиндийском языке.

Для аориста были характерны два типа образования: корневой тип, который мог быть тематическим с нулевой ступенью корня, простого или удвоенного, ср. греч. λῆπ-εῖν, гом. λελαχ-εῖν, или атематическим с разными степенями корня, ср. греч. φυ-ιαι (ко-

рень *bheca/bhū-), стт̄-vai (корень *stā/ā-), и «сигматический» тип с суффиксом *-s- или *-is-. Для этого последнего типа характерна была удлиненная ступень корня в активных формах. ср. д.-и. á-vāk-s-am 'я поехал', á-bhār-is-am 'я понес'.

Все эти способы образования отразились или, по крайней мере, оставили тот или иной след в морфологической системе латинского перфекта.

§ 621. Способы образования основы перфекта в латинском языке можно разделить на три типа:

1) корневой тип, 2) тип с суффиксом -s- и 3) тип с суффиксом -v- (-u-).

§ 622. Корневой тип, характерный для древнего и.-е. перфекта и несигматического аориста, сохранился в латинском языке в сравнительно немногих глаголах. При этом латинский язык не прибегает к одновременной характеристике перфекта с помощью удвоения и количественного чередования корневого гласного. Там, где перфект отличается от инфекта количественным чередованием, не имеет места удвоение. Соответственно корневой тип делится на три группы: а) корневой тип с удвоением корня, б) корневой тип с количественным чередованием корневого гласного, в) корневой тип без удвоения и количественного чередования.

§ 623. 1 а. Перфект с удвоением корня: cad-ō, ce-cidī; tang-ō, te-tigī; pend-ō, pe-pendī; fallō, fe-fellī; meminī (корень men-, ср. mementō).

Корневая морфема глаголов, имеющих в латинском языке перфект с удвоением, всегда начинается с согласного, и притом преимущественно смычного, или с группы s + смычный, а также f- (в fallō, faciō, ср. пренестинское fefaced, 1². 3) и m- (в mordeō и meminī). Глаголы, начинающиеся с j, v, r, l или mūta cum liquidā, в латинском языке удвоения не имеют.

Удвоение состоит в том, что впереди корня приставляется слог, содержащий согласное начало корня и гласный звук, обычно -ē-. Приставка эта ощущалась, по крайней мере в древние времена, как самостоятельное слово. Это обнаруживается в постановке знака словораздела между удвоением и корневой частью в древних надписях — **FHE:FHAKED** (= fe:faked, 1². 3), ср. фалис. pe:parai (= лат. peregrī); о самостоятельном характере приставки свидетельствует также трактовка начального корневого согласного fe-fellī (не *fe-b-, как это имело бы место в середине слова; § 28).

Когда корень начинается с группы «s + смычный», эта группа сохраняется в слоге удвоения, а в корневом слогe s- отпадает в порядке диссимиляции: stō, ste-tī; spondeō, spondī; scindō, sci-cidī (аpx.).

Гласный удвоения уподобляется гласному корня во всех тех глаголах, где гласный корня в перфекте и в инфекте одинаков: *mordeō, momordī; spondeō, spondī; currō, cucurrī; discō, didicī* и т. д. В древней латыни, однако, встречаются формы *repscī, memordī, repugī, spondī, securrī* (Геллий, 6.9).

Следы древней системы чередования (§§ 13 и сл.) сохранились лишь в *de-dī, ste-tī*, где форма корня восходит к нулевой ступени *də-, *s(t)ə с исчезновением *-ə- перед последующим гласным (§ 15). Во всех прочих случаях латинские перфекты с удвоением содержат корневой гласный, восходящий к той же ступени, что и в основе инфекта; отличие огласовки перфекта от инфекта связано только с процессами развития латинских гласных в серединных слогах: *capō, cecipī* (§ 141 а); *percō, repercī* (§ 149); *pellō, pepulī* (§ 142); *pariō, peperī* (§ 146); *caedō, cecidī* (§ 152); -o- в закрытом серединном слоге восстанавливается: *mordeō, momordī; tondeō, totondī*.

Латинский тип перфекта с удвоением восходит в основном к и.-е. перфекту, но ряд отдельных основ может иметь и аористное происхождение: *tetigī*, ср. греч. гом. τεταγών; *repulī*, ср. греч. гом. ῥμ-πεταλών.

§ 624. Образование перфекта с помощью удвоения представляет собой в латинском языке тип непродуктивный и с течением времени идущий на убыль. В сложных глаголах, в которых удвоенная форма содержала бы более трех слогов, удвоение обычно исчезает в порядке гаплогогической диссимиляции (§ 283): *cecidī*, но *concidī*, вместо *con-cecidī; *cecidī*, но *con-cidī*; *tetigī*, но *contigī*; *spondī*, но *re-spondī*; *tetulī*, но *abs-tulī, sus-tulī*; *dedī*, *con-didī* (три слога), но обычно *abscon-dī*.

При приставке *re-* слог удвоения, содержащий -ě-, синкопируется (§ 166 а): *rettulī* вместо *retetulī, *reppulī* вместо *repepulī, *reccidī* вместо *reccidī.

Утрата удвоения распространяется иногда и на простые глаголы: форма *tetulī*, преобладающая еще у Плавта, уступает место *tulī*; *scicidī* (Невий, *Com.* 94) заменяется *scidī*; *tetendī* — *tendī* и т. д. В ряде случаев сложные глаголы, потеряв удвоение, переходят в другие классы образования перфекта: *cecipī*, но *praecinūi*; *tetiniī* (*tetinerim* — Пакувий, 172; *tetinerit* — Акций, 39; ср. *abstinī* — *Amph.* 926), но *continūi*; *repigī*, но *impregī*; *perpercī*, но *compersī*; и это нередко также отражается на простых глаголах, приводя к новообразованиям: *tenuī, peregī, parsī*.

Сравнительно дольше сохраняется удвоение в глаголах, сложных с *cutō*, и вообще не исчезает в сложных с *discō*.

Сохранение удвоенной формы *-dīdī* в большинстве глаголов, сложных с *dō*, приводило иногда к распространению *-dīdī* на перфект других глаголов, оканчивающихся в настоящем времени на *-dō*: *dēscendīdī*, *mandīdī*.

Stetī служит перфектом одновременно для *sistō* и *stō*. Для дифференциации употребляют иногда форму *siitū* (от *sistō*), извлеченную из сложных глаголов — *cōn-siitī* и т. д.

В поздней латыни появляются формы типа *dāvī*, *stāvī*. В романские языки формы перфекта с удвоением не перешли.

§ 625. I б. Перфект с количественным чередованием корневого гласного.

Немногочисленные глаголы, принадлежащие к этому типу, в большинстве случаев имеют корень, начинающийся на гласный или сонант. Все чередования восходят к общеиндоевропейскому типу, но в италийских языках, равно как и в кельтских и в германских, они, по-видимому, распространились за первоначальные пределы.

1) *ē* — *ē*: *ēdō* — *ēdī*, *ēmō* — *ēmī*, где долгота гласного в перфекте возникла в результате удвоения; по этому образцу *vēnī*, *lēgī*, *clēpīt* (Пакувий, 185), может быть, *sēdī*, которое, однако, может восходить и к **se-sd-ai* (удвоение с нулевой ступенью корня).

2) *ō* — *ō*: *ōdī* (ср. *ōdium*) в результате удвоения, затем *fōdī*.

3) *ā* — *ā*: только *scābō* — *scābī* (то же соотношение в древнеисландском: *īnf. skafan*, I л. претерита *scōf*, где *-ō-* < **-ā-*).

4) *ā* — *ē* [это чередование восходит к и.-е. **э* (H) — **ē* (Π)]: *fāciō* — *fēcī*, ср. греч. *ἔθηκα*; *iāciō* — *iēcī*, ср. греч. *ἦκα*; *frāngō* — *frēgī*; полная ступень принадлежит атематическому аористу (§ 620). По этому образцу *āgō* — *ēgī*, *cāriō* — *cērī*, *co-ērī* (Cas. 701; позже *coerī* — § 197), ср. *ār-īscor*, *aptus*; *pāngō* — *rēgī* (в сложных глаголах).

5) *ī* (H) — *ī* < **ei* < **oi* (Π^o): *vīdeō* — *vīdī* < **uoidai* (§ 133), ср. греч. *(f)οἶδα*; *līnquō* — *līquī* < **loiq'ai* (там же), ср. греч. *λέλοιπα*; *vīncō* — *vīcī*; полная ступень с тембром *o* принадлежит древнему перфекту (§ 620).

6) *ū* (H) — *ū* < *ou* (Π^o): *rūmpō* — *rūrī*, *fūgiō* — *fūgī*, *fūndō* — *fūdī*; *contūdīt* (Энний, Ann. 449, но *contūdīt* — там же, 395), вероятно, по аналогии с *cōnfūdīt*; Π^o принадлежит древнему перфекту (§ 620).

Долгий гласный в перфектных образованиях рассмотренного нами типа всегда находится в положении перед одиночным интервокальным согласным, иначе говоря, в открытом слоге.

С точки зрения описательной грамматики классического латинского языка этот способ образования основ перфекта можно было

бы охарактеризовать как перфект с удлинением корневого гласного. К этой же категории относились бы такие чередования, как *mōveō* — *mōvī*, *lāvō* — *lāvī*, принадлежащие по своему происхождению к типу перфекта на *-vī* (см. § 634).

В историческое время образование перфекта с чередованием корневого гласного уже не было продуктивным и в сложных глаголах заменялось нередко перфектом на *-sī*: *lēgī*, но *dīlēcī*, *intellēcī*; *ēmī*, но *dēmpsī*, *prōmpsī*, *sūmpsī* (от *sūmō* < **susmō* — §§ 167, 268 б — сохранилась архаическая форма перфекта *surēmī* < **sus-ēmī*).

§ 626. 1 в. Корневой перфект без удвоения и количественного чередования образуют некоторые глаголы, которые по характеру начального звука корня не допускают в латинском языке удвоения (§ 623) и содержат долгий гласный или краткий гласный перед группой «сонант + смычный» (ср. § 183): *īcō* — *īcī*, *vortō* (кл. *vertō*; § 130) — *vortī*, *lambō* — *lambī*, *prandēō* — *prandī*, *strīdēō* — *strīdī*; то же имеет место в глаголах *vellō* (< **veldō*; §243) — *vellī*, *verrō* (< **vorsō*; §§ 130, 257) — *verrī*.

С другой стороны, мы видим (§ 624), что потеря удвоения в сложных глаголах иногда распространялась и на простые — *tulī*, *scīdī* и т. д., и это приводило к образованию новых перфектов рассматриваемого типа, сообщая ему некоторую продуктивность. К категории перфектов, утративших удвоение, относятся, вероятно, *scandī*, ср. *dē-scendī*, *fidī* (впервые у Цельса), ср. *dif-fidī*, *cūdī*; глагол *randō* мог развить перфект *randī* в порядке дифференциации с *rependī* (от *pendēō*); *mandī* — по аналогии со *scandī*, *randī*; перфект *bībī* — непосредственно от удвоенной основы инфекта *bībō*. Другие перфекты рассматриваемого типа принадлежат сложным глаголам, у которых утрачен простой: *dē-fendī*, *of-fendī*, *in-cendī*, *prehendī*, *cō-nīvī*, *per-culī*.

Возможно также, что те или иные из приведенных глаголов, например, *scīdī*, *fidī*, восходят к корневому тематическому аористу с нулевой ступенью корня. Несомненным случаем такого образования в латинском языке является *īnquī* (§ 615).

Возможно также, что перфект *lūī* (арх. *lūvī*) восходит к корневому атематическому аористу от корня **bhū-*, ср. греч. ἔφυε, д.-и. 1 л. ед. ч. *ābhūvam*, 3 л. *ābhūt*, и *-v-* возникло как переходный звук между *-ū-* основы и гласным окончанием.

Перфекты *statuī*, *metuī* и т. п. относятся по своему происхождению к типу перфекта на *-vī* (§ 633).

§ 627. 2. Тип с суффиксом *-s-*.

Тип с суффиксом *-s-* восходит к и.-е. сигматическому аористу (§ 620): *dīxī*, ср. греч. ἔδειξα, д.-и. *ādīkṣam*. Этот способ образования перфекта, отсутствующий в оско-умбрской группе, очень рас-

пространен в латинском языке и сохранил продуктивность до самых поздних времен. Корневые глаголы, корневая морфема которых заканчивается согласным, особенно смычным, имеют по большей части перфект на -sī.

§ 628. Присоединение суффикса -s- к конечному согласному корневой морфемы вызывает фонетические явления, обычные для группы «согласный + s» (§§ 251 и сл.).

Звонкий согласный переходит в глухой (§227): scribō — scripsī, tegō — tēxī, vehō (-h- < *g^h-; § 28) — vēxī.

Лабиевелярный теряет губной придаток (§ 228): coquō — coxī, exstinguō — exstinxī; арх, fivō (-v- < *g^u-; § 214) — fīxī (форма figō получила свой заднеязычный -g- из перфекта по образцу fīngō — fīnxī, tegō — tēxī), fluō (=fluvō, где -v- < *g^u-, ср. греч. род. п. οἰνόφλυγος) — fluxī, cōnīveō (-v- < *g^h-; § 28, ср. также § 193 в) — cōnīxī.

Переднеязычный ассимилируется с -s- (§251): concutiō — concussī; после долгого гласного, дифтонга или согласного -ss- > -s- (§ 225 б, г); svādeō — svāsī, lūdō — lūsī, claudō — clausī, sentiō — sēnsī, flectō — flexī.

Группа -ss- возникает и в тех немногих случаях, когда суффикс -s- присоединяется к корневой морфеме, оканчивающейся на -s-: gerō (*ges-ō; §212) — gessī, ūrō (< *eus-ō) — ussī, и эта группа соответственно упрощается в haereō — haesī, hauriō — hausī.

Между m и s возникает -p- (§ 252): sūmō — sūmpsī, prōmō — prōmpsī.

Заднеязычный между плавным и s выпадает (§ 266): mulceō (и mulgeō) — mulsī, spargō — sparsī, torqueō — torsī.

Перед группой -ns- и -nx- гласный удлиняется (§ 193 б, в): manēō — mānsī, ungō — ūnxī, fingō — fīnxī, sancio — sānxī.

ss + s > ss (§ 225 а); глаголы на -ssō (§ 519) имеют поэтому перфект без характерной суффиксальной морфемы (vīssō — vīssī, capessō — capessī, facessō — facessī) и в большинстве случаев усиливают этот перфект прибавлением -vī: facessivī, capessivī и т. д. (§ 632).

Соотношение между настоящим временем на -vō (-uō) и перфектом на -xī (fivō — fīxī, flu(v)ō — flūxī), возникшее в результате различного развития звонкого лабиевелярного в интервокальном положении и перед согласным (§§ 214, 228), распространилось на глаголы vīvō — vīxī, stru(v)ō — strūxī, где v не восходит к древнему лабиевелярному.

Перфект *pressī* имеет корневую морфему *pres-* с иным расширением, чем в настоящем времени *pres-ō* (§ 517).

§ 629. Чередование различных ступеней корневого гласного, характеризовавшее различные формы сигматического аориста (§ 620), в латинском перфекте на *-sī*, как и в греческом сигматическом аористе, устранено, и всюду проведена единая огласовка. Корневой гласный перфекта на *-sī* чаще всего имеет ту же форму, что и в основе инфекта. Влияние основы инфекта обнаруживается, в частности, в том, что носовой инфикс переходит из инфекта в перфект на *-sī*: *iungō* — *iūnxī*, *ringō* — *rīnxī*, *plangō* — *plānxī* и т. д.

Перфекты *gēxī*, *lēxī*, *vēxī*, *trāxī*, *-lēxī* (в сложениях с *legō*) имеют долгий гласный, который может отражать и.-е. удлинненную ступень корня (§ 620), но мог возникнуть и в латинском языке: удлинение гласного в *gēxī*, *lēxī* могло происходить на тех же основаниях, что и в причастиях *rēctus*, *tēctus* (§ 193 г.) и затем распространиться на *vēxī*, *trāxī* (*part. perf. pass. vēctus*, *trāctus*), где конечный согласный корневой морфемы восходит не к **-g-* или **-ĝ-*, а к **-ĝh-*. В корнях, содержащих и.-е. дифтонг, латинский вокализм уже не дает возможности отличить полную ступень от удлинненной (§ 14): **DEIXSISTIS** (1². 586) > *dīxistis*, **ADOVXET** (1². 2438) > *addūxit*.

К чередованию одной из сильных ступеней корня в перфекте и нулевой в инфекте восходит соотношение *dīvidō* — *dīvisī* (соотношение *mīttdō* — *mīsī* возникло, вероятно, в результате сокращения *-ī-* перед *-tt-*; § 184). В глаголе *iūbeō* — **IOVSIT** (1². 478 и др.) — *iūssus* различие огласовки толкало к различным новообразованиям, например, **IOVBEATIS** (1². 581), и в языке классического периода установилась форма *iūssī* по аналогии с *iūssus*. Краткий корневой гласный имеют, например, глаголы *illēxī* (*-ē-* < *-ā-*; § 149; ср. *lāciō*), *sōxī* (*-ō-* < *-ē-*; ср. *sōquō*; § 124), глаголы, сохранившие после гласного группу *-ss-*: *percūssī*, *prēssī*, *gēssī*. Перфекты *sēssī*, *ūssī* при инфектах *sēdō*, *ūrō* получили краткий гласный под воздействием *part. perf. pass.* или супина *sēssum*, *ūstus*.

§ 630. Перфект на *-sī* вытеснял перфект корневого типа, особенно в сложных глаголах (ср. §§ 624, 625): *tomordī*, но *praemorsī*; *perpercī*, но *compersī*; *rupugī*, но *compūnxī*; *lēgī*, но *dīlēxī*; *ēmī*, но *dēmpsī*; *iēcī*, но *amīxī*; в позднее время также *perculsī*, *expulsī*, *diffūsī*, *sōxī* (от *sōgō*); в простых глаголах — *volsī* вм. *vellī*, под влиянием *part. perf. pass. volsus*; *versī* вм. *vergī*. Реже бывает, что

перфект на *-sī* распространяется за счет перфекта на *-uī*: *sorpsī* вм. *sorbuī*.

§ 631. 3. Тип с суффиксом *-v-* (*-u-*).

Наиболее регулярным и продуктивным и вместе с тем самым новым по происхождению является в латинском языке образование перфекта на *-vī* (*-uī*). Этот способ образования, свойственный как особый тип только латинскому языку, используется в тех первичных глаголах, которые имеют корневую морфему, оканчивающуюся на гласный звук (кроме глаголов *dō*, *stō*; § 623), а также во всей обширной группе отыменных глаголов 1-го, 2-го и 4-го спряжений, однако он распространился и далее, захватив ряд глаголов 3-го спряжения и первичных глаголов на *-iō*.

Перфекты на *-vī*, *-uī* одинакового происхождения, и различие между ними зависит от количества предшествующего гласного: когда этот гласный долгот, суффикс *-v-* (т. е. *-u-*) сохраняется в неизменной форме — *laudā-vī*; когда этот гласный краток, он переходит перед *v* по законам развития кратких гласных в срединных слогах в *ū* (§ 143), и в группе *-ūvī-* *-v-* становится «переходным» звуком между *-ū-* и *-ī* (§ 71) и не обозначается в письме: от основы **dōmā-* (< **domā-*; § 499 б) образуется перфект **doma-ūai* > *domū-vī* (в письме *domū*).

Перфект на *-vī* соотносится с *part. perf. pass.* на *-tus* с предшествующим долгим гласным: *laudā-vī* — *laudā-tus*; перфект на *-uī* — с *part. perf. pass.* на *-tus* с предшествующим элементом *-ī-* или без него: *domū* — *domītus*, *docū* — *doctus*.

Происхождение суффикса *-v-* еще не получило удовлетворительного разъяснения.

В качестве возможного источника суффикса *-v-* указывают, например, на элемент *-u-*, появившийся вместо личного окончания в 1 и 3 л. ед. ч. д.-н. перфектов с корнем на *-ā-* (< и.е. **-ā-*, **-ē-*, **-ō-*) и представляющий собой, по-видимому, расширение корневой морфемы: *dādāu* < **de-dōu* 'я дал, он дал' (о расширении корня *dō-* с помощью *-u-* см. § 606); *parāu* < **re-rēu* 'я наполнил, он наполнил', ср. лат. *-rēv-tī*: *jajlāu* < **ge-ǵnōu* 'я узнал, он узнал', ср. лат. *(ǵ)ndv-tī*. Элемент *-u-* в качестве окончания 1 л. ед. ч. встречается и в других языках, например, в литовском и тохарском претерите и в готском оппative. Из форм на *-u-* в соотносении с формами, не имеющими этого расширения, мог быть извлечен суффикс *-v-* в перфекте глаголов, корень которых оканчивается на долгий гласный. Другие исследователи считают, что в создании латинского перфекта на *-vī* значительную роль сыграла очень употребительная форма **bhū(u)ai* > *fū-v-ī* > *fū*, ср. **FVVEIT** (1². 1297), *fūit* (Сарт. 555). *fū(v)itius* (Эниий. Апп. 377), которая может восходить к корневому атематическому аористу (§ 626) или к корневому перфекту, ср. д.-н. *babhūva*, и содержать *-v-* в качестве «переходного» звука.

§ 632. Перфект на -vī имеют следующие группы глаголов:

1) Корневые глаголы с корнем на долгий гласный: flā-vī (ср. § 497), flē-vī, nē-vī, plē-vī (§ 505), pā-vī, (g)nō-vī, crē-vī (от crēscō; ср. § 520), ī-vī (§ 601), cī-vī (§ 511), scī-vī (§ 524), fū-vī (§ 592), plū-(v)it (3 л.; Варрон, L. L. 9.104; корень *pleu-), *nū-vī (adnū(v)it —Энний, Анн. 133; корень *(s)neu-).

Форму корня, восходящую к иной ступени чередования гласного, по сравнению с основной инфлекта, имеют sē-vī (§ 515), sī-vī, lē-vī (или lī-vī), crē-vī (от cērnō; § 518 б), sprē-vī (корень *sperā-/sprē-), trī-vī (корень *terā- с расширением -ī), strā-vī под воздействием part. perf. pass. strā-tus; § 670).

Суффикс распространился на первичные глаголы 1-го спряжения (с суффиксом -ā-; § 498) и на большую часть первичных глаголов 4-го спряжения: amā-vī, audī-vī, dormī-vī, — равно как и на каузативный глагол sorī-vī.

2) Отыменные глаголы 1-го и 4-го спряжений: laudā-vī, finī-vī и т. д.; глаголы, образованные от имен с основой на -ē- — ad-olē-vī (и по аналогии с ним ab-olē-vī в м. ab-oluī), ср. sub-olē-s; quiē-vī, ср. quiē-s (§ 399).

Возможно, что отыменные глаголы 3-го спряжения на -iō также имели перфект на -ivī > -ui. ср. part. perf. pass. на -ūtus: statūtus. но одинокая форма institū-(v)ī (Mbst. 85) в кантике высокого стиля. при обычной для Плавта форме institūī, равно как и не вполне достоверное чтение cōstitūit у Титиния (43), недостаточны для установления этого: institū(v)ī могло быть образовано по аналогии с fūvī, plūvīt и т. д., рядом с которыми уже сосуществовали fūī, plūit. и т. д.

3) Некоторые глаголы на -iō, колеблющиеся между 3-м и 4-м спряжениями: sapī-vī, ср. resipī-vī (§ 523); cupī-vī (§ 525).

В глаголе quaerō (< *quais-ō, перфект *quais-sai, part. perf. pass. *quais-tos, ср. quaestor, quaestiō) нехарактерный перфект *quaesī был усилен добавлением -vī — quaesīvī, и соответственно part. perf. pass. quaesītus. То же явление имело место в ряде глаголов на -ssō: lacessī-vī, arcessī-vī, capessī-vī, facessī-vī (рядом с capessī, facessī, ср. vīssī). Глаголы cupīvī, petīvī, quaesīvī и дезидеративные на -ssō составляют единую семантическую группу, в связи с чем и стоит распространение конечного -ivī во всех этих глаголах, источником для которого послужило, вероятно, cupīvī или quaesīvī.

Rudīvī от rūdō (§ 516) 'рвать' (о животных) по аналогии с rugīvī (от rugiō 'рычать').

§ 633. Перфект на -iī имеют следующие группы глаголов:

1) Глаголы 1-го и 3-го спряжений с корневой морфемой, оканчивающейся на краткий гласный, в том числе на гласный, восхо-

дящий к и.-е. *-ə- (§§ 15, 16) > лат. -ā-. В этом случае *-ācaī > -ūvī, в письме uī (§ 631): domūī, vomūī, sonūī, tonūī, genuī, molūī. Все эти глаголы имеют part. perf. pass. на -ītus < *-ā-tos (§§ 141 a, 162). К этой же группе принадлежали или впоследствии примкнули vetūī, sgerūī, mīcuī, secuī, -plīcuī.

2) Каузативные (§ 507) и отыменные (§ 508) глаголы 2-го спряжения: monūī, docūī, albuī. В отыменных глаголах *-ē-caī > -ūvī, в письме -uī (§ 631); в каузативных — перфект, как и part. perf. pass. (§ 665), имеет нулевую ступень каузативного суффикса -ei- (§ 507), т. е. -ī-: *ī-caī > ūvī, в письме -uī (см. §§ 143, 631) и part. perf. pass. на *-ī-tos: monī-tus. Образование перфекта на -uī распространилось также на глаголы 2-го спряжения, обозначающие состояние (§ 506): tacuī, habuī и т. д. В результате перфект на -uī стал таким же характерным и допускающим лишь немногие исключения признаком 2-го спряжения, каким является перфект на -āvī для 1-го и на -īvī для 4-го спряжения.

3) Глаголы 3-го спряжения на -uō, первичные и отыменные (§ 521): suī, luī, statuī, metuī, где -uvī (-uī), по крайней мере частично, может восходить к -ūvī (§§ 632, 185).

4) Некоторые глаголы 3-го спряжения и глаголы на -iō, преимущественно такие, которые имеют корневую морфему, оканчивающуюся на -l-, -g-, -m-, или смычный + s, и для которых неудобно поэтому перфект на -sī: aluī, coluī, cōnsuluī, saluī, voluī, genuī, fremūī, tremūī, serūī (от serō 'ставить в ряд', иногда распространялось и на serō 'сеять' вместо sēvī), aperuī, saruī, texuī, depasuī.

Далее, rapuī. может быть, по соотносительности с прилагательным на -idus (rapidus), которая обычно имеет место у глаголов 2-го спряжения; dēstertuī (Персий. 6.10).

§ 634. Консонантизация -u- после плавного (§ 201) приводит к переходу -uī в -vī: solu(v)ī > solvī (от solvō < *se-luō: § 123), volu(v)ī > volvī (от volvō < *цeluō; там же); *moциcaī (от moveō) > mōvī, ср. mōtus < *moцитos (§ 211); так же образованы vōvī (от voveō), fōvī (от foveō).

В глаголах, корневая морфема которых заканчивается звуком -v-, создалось, таким образом, своего рода образование перфекта путем удлинения корневого гласного, и по образцу соотношения moveō — mōvī возникли cāvī (от caveō), fāvī (от faveō), pāvī (от paveō), lāvī (от lavō).

Эти формы могли возникнуть лишь после перехода -o- > -a- перед -ц- (§ 131).

Того же происхождения мог быть перфект *iūvī* (от *iūvō*), заменивший собой корневой перфект *iūvī* (*iūverint* — Катулл, 66.18; *adiūverō* — Энний, *Ann.* 335). Впрочем, формы *tōvī* и т. д. допускают различные объяснения, и их конкретная история остается неясной.

§ 635. Начинательные глаголы (§ 520) на -*āscō*, -*īscō* образуют перфект соответственно на -*āvī* и -*ivī*: *inveterāscō* — *inveterāvī*, *obdormīscō* — *obdormīvī*; глаголы на -*ēscō*, производные от других глаголов, следуют за перфектом того глагола, от которого они образованы: *conticēscō* — *conticiū*, *exardēscō* — *exarsi*.

§ 636. Распространение перфекта на -*vī* (-*uī*) в некоторых случаях привело к двояким образованиям, в которых суффикс -*v-* (-*u-*) присоединился к суффиксу -*s-*: *quaesīvī* (§ 632); *messuī* (от *metō*) вм. **messī*, может быть, по аналогии с *seguī*; *pehuī* вм. *pehī* и т. п.

§ 637. Перфект на -*uī* в ряде случаев вытеснил более древние образования: *tetīnī* уже у Плавта заменено на *tenuī*. Нередко это имеет место в сложных глаголах: *occīnuī* (ср. *cecīnī*), *amicū* (ср. *iēcī*), *ēlicū* (ср. *ēlexī*). Колебания между -*vī* и -*uī*: *sarīvī*, позже *saruī*; *saluī*, позже *salīvī*; *aboluī*, позже *abolēvī* (§ 632). В глаголе *rōnō* (< **ro-sinō*; § 167) — *posīvī* — *positus*, перфект *posīvī* был изменен на *posuī* под влиянием *positus*, ср. *habuī* — *habitus*. В позднем языке количество перфектов на *uī* еще более возросло: *frīgū*, *legū*, **REGVIT** (5.923), **FECVIT** (3.6010.137) и т. д.

§ 638. Таким образом, в латинском языке нередко сосуществовали дублирующие друг друга образования перфекта по разным типам. Рядом с *fēcī* мы находим пренестинскую форму *fefaked* (1². 3); *perescī*, *parsī* и даже *parcuī* (*parcuī* — Невий, *Com.* 69); *perīgī*, *rēgī* и, может быть, 3 л. ед. ч. *rāpxit* (Энний, *Var.* 16; в рукописях *rīpxit*). Морфологические дублиеты перфекта иногда поддерживались наличием дублетных образований в инфлекте: к *fervī* (от *fervō*) присоединяется *fervuī*, позднее *ferbuī* (§ 290; от *fervō*); *sonū* (ср. *sonō*, 3) и *resonāvī* (ср. *sonō*, 1). Такие же дублиеты имеются в перфектах глаголов, сложных с *serō*, ср. *perseris* (Варрон, *Men.* 124), и *plēscō* (< **plecō* (с перенесением в простой глагол вокализма сложных): *inseruī* и *inserāvī*, *explicū* и *explicāvī*).

ОБРАЗОВАНИЕ ВРЕМЕН И НАКЛОНЕНИЙ В СИСТЕМЕ АКТИВНОГО ПЕРФЕКТА

§ 639. Образование форм системы перфекта происходит по единому типу, независимо от способа образования основ. Значительную роль в образовании этих форм играет суффикс *-is-*, принимающий в положении перед гласным форму *-ēr-* согласно §§ 212, 117: *ded-īstī*, *ded-īssem*, *ded-ēr-ō*. Происхождение этого суффикса остается спорным. Он может, например, восходить к суффиксу **-is-* сигматического аориста (§ 620); о других взглядах на его происхождение см. § 660.

Настоящее перфектное изъявительного наклонения (*perfectum indicatīvi*)

640. Парадигма.

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>ēgī</i>	<i>ēgīmūs</i>
2 л.	<i>ēgīstī</i>	<i>ēgīstīs</i>
3 л.	<i>ēgīt</i>	<i>ēgērūnt</i> , <i>ēgērċ</i>

§ 641. Личные окончания присоединяются непосредственно к основе перфекта, осложненной в некоторых лицах элементом *-is-* (§ 639).

§ 642. Ед. число *perf. indicāt.* и отчасти 3 л. мн. ч. характеризуются личными окончаниями, не совпадающими с обычными личными окончаниями латинского глагола. Это особое положение *perf. indicāt.* восходит к общеиндоевропейскому языковому состоянию: и.-е. перфект имел специальную серию личных окончаний.

Двойственность происхождения латинского перфекта из и.-е. перфекта и аориста (§§ 480, 20) обнаруживается также и в системе личных окончаний, которые содержат дублетные формы разного происхождения, а также следы новообразований и смешения разных форм. Многое остается поэтому не вполне ясным и допускает различные истолкования.

§ 643. 1 л. ед. ч.: окончание *-ī* < **-ei* < **ai* (§§ 111, 163), ср. фалис. *peragai*. Происхождение *-ī* из дифтонга обнаруживается, между прочим, в том, что звук *l* имел перед ним некогда веллярный характер (§ 72) и приводил к переходу *-ĕ-* > *-ÿ-* в серединном открытом слоге (§ 142): *perulī* < **perelai*. Окончание **-ai* восходит к и.-е. **-ai* и находит себе соответствие в д.-и. медиальном окончании 1 л. ед.

ч. перфекта -ē и в ст.-сл. форме 1 л. ед. ч. **вѣдѣ** 'я знаю', в точности соответствующей лат. *vīdī* (< **uoidai*; § 133).

В активе древнеиндийский и греческий языки имеют окончание -ā: д.-и. *véd-a*, греч. *οἶδ-α*.

§ 644. 2 л. ед. ч.: окончание -īs-tī, арх. -eistei: **GESISTEI** (1². 10) 'gessisti'. Элемент -tī находится в таком же отношении к окончанию 1 л. -ī, как д.-и. и греч. окончание 2 л. ед. ч. -tha (д.-и. *véttha*, греч. *οἶθθα*.) к окончанию 1 л. ед. ч. -a, и представляет собой, может быть, переоформление и.-е. окончания *-tha по аналогии с -ai в 1 л.: *-tai > -tei > -tī (§§ 163, 111).

§ 645. 3 л. ед. ч.: кл. окончание -īt имеет двойное происхождение и восходит к др.-лат. окончаниям -ēd и *-eit.

а) Окончание -ēd засвидетельствовано древнейшими латинскими надписями **FHE:FHAKED** (1². 3), **FECED** (1². 4), ср. ос. *deded* 'dedit'. Окончание это образовалось с помощью присоединения вторичного окончания 3 л. ед. ч. -d (< и.-е. *-t; §§ 217, 533) к и.-е. окончанию 3 л. ед. ч. перфекта *-ě, ср. греч. *οἶδε*, д.-и. *véda*.

В дальнейшем окончание -d уступило место обычному для 3 л. ед. ч. латинского глагола окончанию -t, а -ēt > -īt (§ 161): **VOVIT** (1². 607, 217 г. до н. э.), **FVIT**, **CENSVIT** (1². 581, 186 г. до н. э.) и т. д.

Присоединение вторичного окончания связано, вероятно, с тем, что латинский перфект, объединяя в себе и.-е. перфект и аорист, стал одним из прошедших времен. Не исключается также влияние формы 3 л. ед. ч. тематического аориста (ср. *inquit*; § 615) *-ēt > -ēd, где -ě- тематический гласный; ср. греч. *ἔλιπε* < **ἔλιπετ*.

-d иногда продолжало сохраняться в письме рядом с -t: **FECID** и **DEDIT** (1². 561). В некоторых латинских диалектах -t (-d) отпадало (§ 288): **DEDE** (1². 47, Тибур; 1². 377, Писавр); это же имеет место в умбрском языке: *dede* 'dedit'.

б) Для Плавта, однако, нормальным является не окончание -īt < -ēd, а -īt, например, *Pseud. 311* (трохеический септенар):

Ilīcō vīxīt amātōr, ubi lēnōnī supplicāt (-īt у Плавта встречается почти исключительно в ямбических словах; § 190). Окончание -īt несомненно восходит к *-eit, а может быть, и к *-ait. Оно может содержать в себе тот не определимый с точностью и.-е. дифтонг, который отражен в д.-и. медиальном окончании 3 л. ед. ч. перфекта -e, осложненный присоединением -t, но может также представлять собой латинское новообразование по аналогии с 1 л.: (*-ait?) > *-eit (§ 163) > -ēt > -īt (§ 111).

Таким образом, в кл. -īt сошлись два разных окончания 3 л. ед. ч. перфекта.

FVET. DEDET (1². 9. сатурнов стих) допускают чтение и с -ѣ-, и с -ѐ-. В написаниях -ī- (в написании -ei- или с помощью ībta longum: § 103) встречается вплоть до времени Августа, а иногда и позже.

§ 646. 1 л. мн. ч.: окончание -īmūs.

Элемент -ī-, предшествующий окончанию -mūs (§ 534), восходит, вероятно, к *ā- < и.-е. *-ǝ-, ср. д.-и. 1 л. мн. ч. *tutud-īmá*, соответствующее лат. *tutud-īmūs*. Элемент этот принадлежал, вероятно, нулевой ступени корней, имевших на полной ступени конечный долгий гласный, например: *de-dī-mus* < **de-dǝ-mo/e(s)* (корень **dǝ/ǝ*), ср. греч. *δέ-δο-μεν*, д.-и. *dadimá*, или *ste-ti-mus* < **ste-stǝ-mo/e(s)* (корень **stǝ/ǝ*), ср. греч. *ἔ-στα-μεν*, д.-и. *tasthimá*, и распространился отсюда на формы, образованные от основ с конечным согласным.

§ 647. 2 л. мн. ч.: окончание -īs-tīs (§§ 641, 535). Особое окончание 2 л. мн. ч. перфекта (ср. д.-и. -a) в латинском языке не представлено.

§ 648. 3 л. мн. ч. имеет три окончания:

1) -ērē; уже необычная для латинской глагольной системы форма этого окончания указывает на его древность. Сходные, хотя и не вполне тождественные по форме окончания имеются в индоиранских языках, например, д.-и. 3 л. мн. ч. перфекта -ur (act.) и -rē < **-rai* (med.), в тохарском — -āre, в хеттском претерите — -ir.

2) -ērūnt, вероятно, восходит к **-īs-ǝnt* и представляет собой аористную форму со вторичным личным окончанием **-ont* (§ 530).

3) -ērūnt — переоформление -ērē по образцу обычного в латинском языке окончания 3 л. мн. ч. -nt, быть может, контаминация -ērē и -ērūnt.

Новообразование -ērūnt уже у Плавта является наиболее употребительной формой, и римские грамматики рассматривают ее как нормальную. Со второй половины II в. до н. э. окончание -ērē уже представляет собой архаизм, сохраняющийся преимущественно в высоком стиле у поэтов и историков. Цицерон и Цезарь избегают этого окончания, не знает его и народно-разговорная речь. С другой стороны, окончание -ērūnt, лишь изредка встречающееся в поэзии и вызывавшее возражения со стороны грамматиков, сохранялось в народно-разговорной речи и перешло в романские языки: ит. *fēcero, díssero* восходят к *fēcērūnt. dīxērūnt*.

В диалектной латыни окончание *-ēgunt* иногда редуцировалось (ср. §§ 49, 288): [d]EDERO (1². 61, Пренесте), DEDRON (1². 30, Рим; с синкопой *-ē-*), DEDROT (1². 378, Писавр).

Настоящее перфектное субъюнктива (perfectum subiunctivī), будущее перфектное (futūrum II), прошедшее перфектное изъявительного наклонения и субъюнктива (plūsquamperfectum indicatīvī и subiunctivī), перфектный инфинитив (infīnitīvus perfectī)

§ 649. Парадигмы.

		Perf. subiunct.	Fut. II
Ед. ч.	1 л.	ēgērīm	ēgērō
	2 л.	ēgērīs	
	3 л.	ēgērīt	
Мн. ч.	1 л.	ēgērīmūs	
	2 л.	ēgērītīs	
	3 л.	ēgērīnt	
Plūsquamperf.			
		indicāt.	subiunct.
Ед. ч.	1 л.	ēgērām	ēgīssēm
	2 л.	ēgērās	ēgīssēs
	3 л.	ēgērāt	ēgīssēt
Мн. ч.	1 л.	ēgērāmūs	ēgīssēmūs
	2 л.	ēgērātīs	ēgīssētīs
	3 л.	ēgērānt	ēgīssēt
Inf. perf			
ēgīssē			

§ 650. Прошедшее и будущее время системы перфекта, равно как и перфектный субъюнктив и инфинитив, являются новообразованиями латинского языка. В оско-умбрской группе эти времена и наклонения, насколько они нам вообще известны (§ 32), образуются иначе, чем в латинском языке.

Все эти формы образуются от основы перфекта, осложненной элементом *-īs-* (§ 639), путем присоединения того суффикса, или одного из тех суффиксов, которые служат приметой соответствующих форм в системе инфекта.

В положении перед гласным *-īs-* > *-ēr-* (§§ 212, 117).

Таким образом, в результате ротакизма и его фонетических последствий совокупность морфем, присоединяемых к основе перфекта для образования *plūsquamperf. indicāt. и fut. II*, оказалась омонимней с формами глагола *sum*, где те же суффиксы присоединяются к корневой морфеме *er- es- ēg-eram* (ср. *eram*), *ēg-erō* (ср. *erō*). Однако истолковывать эти формы, как содержащие в своем составе формы от *sum*, невозможно, так как их пришлось бы изолировать от *ēg-isset*, *ēg-isse*, где *-isset*, *-isse* по законам латинской фонетики не могут восходить, к *essem*, *esse*: к тому же было бы очень странно, если бы вспомогательный глагол присоединился не к глагольной форме, а к основе в чистом виде (напр., *ēg-*), т. е. к лингвистической абстракции. Это генетическое различие не устраняет, разумеется, того, что в языковом сознании самих римлян формы *plūsquamperf. indicāt. и fut. II* неизбежно оказывались соотносительными с формами глагола *sum*.

§ 651. Для образования *plūsquamperf. indicāt.* служит тот же суффикс *-ā-*, который характеризует *imperf. indicāt.* (§ 566): *ēgērās < *ēg-īs-ā-s*.

§ 652. Для образования *fut. II* служит тот же суффикс *-ē/ō-* атематического конъюнктива (§ 554 а), который характеризует *fut. I* в глаголе *sum* и в 1-м и 2-м спряжениях (§§ 589, 566): *ēgētō < *ēg-īs-ō*, *ēgērīs < *ēg-īs-ē-s* и т. д.

§ 653. Для образования *perf. subiūct.* служит тот же суффикс *-ī-* атематического опатива, который характеризует *praes. subiūct.* в глаголах *sum*, *volō*, *edō* и т. д. и может быть, в 1-м спряжении (§§ 555, 558): *ēgērīm < *ēg-īs-ī-m*, *ēgērīs < *ēg-īs-ī-s* и т. д.

§ 654. *Perf. subiūct.* и *fut. II* часто соприкасавшиеся в своем синтаксическом употреблении, сблизились в процессе развития латинского языка также и с фонетической стороны. Развитие кратких гласных в срединных и конечных слогах привело к тому, что суффикс *-ē/ō-* везде, кроме 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., перешел в *-ī-* и лишь количественно отличался от суффикса *perf. subiūct.* Это различие форм с *-ī-* в *fut. II* и *-ī-* в *perf. subiūct.* еще сохраняется у Плавта (с поправкой на ямбическое сокращение и метрическое удлинение в определенных стопах стиха). С другой стороны, 3 л. мн. ч. *fut. II* на *-ēŕūt* совпадало с одной из форм 3 л. мн. ч. *perf. indicāt.* и было заменено формой на *-ēŕūt*, заимствованной из *perf. subiūct.* Сокращение *-īt > -it* (§ 190) сделало тождественным также и формы 3 л. ед. ч. В языке классического периода обе флексии слились во едино во всех формах, кроме 1 л. ед. ч., с допущением двух вариантов *-ī-* в формах на *-ēŕīs*, *-ēŕītūs*, *-ēŕītūs*, и поэты свободно пользовались обоими вариантами.

Соотносительность fut. II с fut. I глагола *sum* приводила иногда к проникновению *-īnt* в fut. I глагола *sum*: **ADERINT** (1². 594), **POTERINT** (10.114), что, в свою очередь, привело к новообразованию *poterim* вместо *potuerim*.

§ 655. Для образования *plūsquamperf. subiūnct.* служит тот же суффикс *-sē-*, который характеризует *imperf. subiūnct.* (§ 561): *ēg-īs-sē-m*, *ēg-īs-sē-s* и т. д.

§ 656. Для образования *īnf. perf.* служит то же окончание *-sē*, которое характеризует *īnf. praes.* (§ 570): *ēg-īs-sē*.

КРАТКИЕ ФОРМЫ СИСТЕМЫ ПЕРФЕКТА

§ 657. В формах перфекта, образованных от основы на *-s-*, группа *-sis-* может редуцироваться до *-s-*: (*dixī* вместо *dixistī*, *iustī* вместо *iussistī*, *addūxē* вместо *addūxisse*, *dixem* вместо *dixissem*). Редукция эта имеет гаплогогический характер. Редуцированные формы встречаются преимущественно в разговорном стиле, но используются также и поэтами.

§ 658. В формах перфекта, образованных от основ на *-v-*, могут редуцироваться группы *-ve-*, *-vi-*. Эта редукция имела фонетическое происхождение:

1) когда звук *-v-* находился между двумя гласными одинакового тембра, т. е. в группах *-ēvĕ-*, *-ivī* (§ 208) — *īnsvĕram* (Capt. 306) < *īnsvĕveram*, *dĕcrĕrō* (Curc. 703) < *dĕcrĕverō*, *sīstique* (Mil. 1072) < *sīvistique*, *audissēs* (Trin. 1086) < *audīvissēs*;

2) может быть в группах *-ōvĕ-*, *-ōvī-*, *-āvĕ-* при синкопе краткого гласного (§ 166 в) и отпадении второго элемента в образовавшемся после синкопы дифтонге *-ōu-*, *-āu-* (§ 108), например у Плавта: *pōrunt* < *pōvĕrunt*, *pōrit* < *pōverit*, *pōram* < *pōveram*, *optāram* < *optāveram*; *pōmus* (Энний, Sc. 160) < *pōvimus*.

Но уже у Плавта краткие формы имеются в глаголах на *-āvī* и там, где они не фонетического происхождения: *parāstī* (Bacch. 727) вместо *parāvistī* (As. 720), *laudāsse* (Mōst. 175) вместо *laudāvisse*, *apellāssēs* (Trin. 927) вместо *apellāvissēs* и т. п.

Распространению кратких форм перфекта на *-vī* в 1-м спряжении содействовали, помимо упомянутых фонетически регулярных кратких форм, также и другие факторы: 1) редуцированные формы перфекта на *-sī* (§ 657), которые создавали, например, модель образования 2 л. ед. ч. *perf. indicāt.* с помощью присоединения *-stī* к глагольной основе — *laudā-stī* по образцу *dīc-stī*; 2) сигматические образования на *-ssō* и *-ssim* (§ 661): рядом с *laudāssim* в функции *perf. subiūnct.* и *laudāssō* в функции *fut. II* появлялась форма *laudāssem*, как *plūsquamperf. subiūnct.*, ср. соот-

пошение *possim* — *possem*, *velim* — *vellem*: 3) чередование форм с -v- и без -v- в таких дублетах, как *fūverō* — *fūrō*; ослабление -v- в *amāverō* приводило к слиянию гласных — *amāgō*.

Краткие формы перфекта на -vī у Плавта встречаются еще сравнительно редко, но употребление их со временем все возрастает. Катон и официальные надписи республиканского периода предпочитают полные формы, но уже у Теренция краткие формы встречаются значительно чаще (так, у Плавта преобладает *pōvistī*, а у Теренция — *pōstī*), и полные формы обычно локализованы в конце стиха. Стяжение захватывает группу -ēvi-: *quīēssēm* (Andr. 604) вместо *quīēvissem*, чего не было еще у Плавта. В классический период краткие формы признаются прочно вошедшими в языковой обиход (Цицерон, *Or.* 157). У Цицерона и Цезаря перед -s- (но не перед -r-) преобладают краткие формы. Для Квинтилиана употребление таких форм как *audīvisse*, *scīvisse*, *cōnservāvisse* представляется уже архаистическим педантизмом (1.6.17 и 21).

Группа -ss- сохраняется в написании после долгого гласного (§ 225 г).

При этом полные формы продолжали употребляться, наряду с краткими, восстанавливаясь и в тех случаях, когда краткие формы возникали в результате регулярного фонетического процесса: *pōvistī* под влиянием *pōvī* и т. д.

Если редукция приводила к утрате характерных признаков формы или к смешению ее с другой формой, краткие формы, как правило, не употреблялись. Такие формы, как *infrāt* (Лукреций. 1.70) = *infrāvīt*, *disturbāt* (там же. 6.587) = *disturbāvīt* с -āt (согласно показаниям грамматиков с ударением на последнем слове -āt: ср. § 91) в отличие от *praes.* -āt, или, может быть, *flemus* (Проперций. 2.7.2) = *flevimus*, встречаются очень редко. Не бывает стяжения также в перфектных формах глаголов, у которых -v- принадлежит корневой морфеме (*lavī* и т. д.: ср. § 634), кроме форм от *mvī*, *vōvī*, которые иногда допускают редукцию (вероятно, по образцу *pōvī*), например: *commōrunt* (Лукреций. 2.766), *summōsses* (Гораций. *Serm.* 1.9.48), *dēvōgō* (Акций. *Praet.* 15).

§ 659. В формах перфекта на -ivī редукция рассмотренного нами типа бывает только перед -s-. В прочих случаях она сводится к выпадению -v-: *audiī*, *audiīt* и т. д. Некоторые исследователи, например Эрну, полагают, что здесь -v- выпадало фонетически между двумя одинаковыми гласными, но гласные не сливались во избежание смешения с омонимными формами инфекта. Однако Плавт, у которого редукция -ivī > -i- уже налицо (§ 658), пользуется формами перфекта на -iī- почти исключительно в глаголе *eō* и сложных с ним. Это заставляет думать, что распространение перфекта на -iī шло аналогическим путем, исходя из фонетических дублетов типа *fūvī* — *fūī* (§§ 185, 631).

В глаголе *ēd* историческое соотношение форм *ivī* и *īi* неизвестно. Эти формы могут представлять собой древние морфологические дублиеты с образованием перфекта по корневому типу и по типу на *-vī*. Вполне возможно, однако, что *īi* редуцировано из *ivī* по образцу соотношения *fivī* — *fuī*¹. Маловероятным представляется обратное предположение, будто *ivī* — недавнее новообразование по аналогии с глаголами 4-го спряжения: спряжение глагола *ēd* не испытывало в архаический период воздействия со стороны 4-го спряжения.

Написание **ADIESET. ADIESENT. ADIESE** в S. C. de Vas. (1². 581), равно как **INTERIEISTI** (1² 1603) с *-ie-* или *-iei-* вместо *-ii-* является, вероятно, графическим приемом для избежания удвоенного написания буквы *i* (ср. § 104).

Начиная со времени Теренция, формы с редукцией *-v-* — *audierit* (Andr. 341), *abligurrierat* (Eun. 235), *siit* (Ad. 104) — начинают встречаться все чаще, особенно перед *-er-* (1 л. ед. ч. perf. *Indicāt. PETIEI* = *petiī* впервые в надписи 1². 15 в 30 — 20 годах II в. до н. э.).

С точки зрения наибольшей частоты употребления отдельных форм парадигма перфекта на *-ivī* в языке классического периода имеет следующий вид: perf. *indicāt.* — *audivī, audistī, audivit, audivimus, audistis, audiērunt*; perf. *subiūct.* — *audierim; plūsquamperf. indicāt.* — *audieram; plūsquamperf. subiūct.* — *audissem; fut. II* — *audierō; inf. perf.* — *audisse*.

Стяжение группы *ivī* в *i* в 1 и 3 л. perf. *indicāt.* встречается очень редко, например: *sepelī* (Персий 3.97) = *sepelivī, dēsī* (Манилий, 5.563) = *dēsivit*. Такого рода стяжение может восходить в равной мере к формам на *-ivī* и на *-īi*, однако римские грамматики рекомендуют в этих случаях ударение на последнем слоге; если такое ударение соответствовало действительности, то это свидетельствует в пользу формы на *-ivī*.

§ 660. Во всем предыдущем изложении мы предполагали, что полные формы перфекта являются более древними, и что краткие формы возникли из полных путем редукции. Некоторые исследователи предпочитают исходить из кратких форм, считая их в принципе более древними. С этой точки зрения форма *pōstī*, например, древнее, чем *pōvistī. dixī* древнее, чем *dixistī*. В этих образованиях усматриваются формы 2 л. ед. ч. атематического аориста *(g)lōs, ср. греч. ἔ-γυωs, и.-е. *dēik-s-, к которым присоединено добавочное окончание 2 л. *-tai.

Парадигма *pōvī* представляется в форме *pōvī, pōstī, pōvit, pōmus* (Энний, Sc. 160). *pōstis, pōrunt*, а обычные «полные» формы рассматриваются как результат позднейшего выравнивания, которое привело к выделению суффикса *-is-*, не стоящего, таким образом, ни в какой генетической связи с древним суффиксом аориста (§ 639). Примирить подобные гипотезы с картиной исторического развития соотношений между полными и краткими формами можно только в том случае, если предположить, что полные формы, некогда заменившие собой краткие

¹ Если единичные формы перфекта *īi* с долготой *i* (*ierō* — Capt. 194; *ierant* — Ad. 27; ср. *audierit* — Nec. 813) достоверны, то долгота *i* возникла по образцу перфекта *ivī*, но может быть, здесь ошибка рукописного предания и следует читать *iverō* и т. д.

формы. впоследствии вновь послужили источником развития тех же самых кратких форм в порядке фонетической редукции.

СИГМАТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

(типы: *faxō, faxim; amāssō, amāssim*)

§ 661. Под сигматическими образованиями мы разумеем здесь древнелатинские формы будущего времени с суффиксом *-(s)sē/ō-* и субъюнктива с суффиксом *-(s)sī-*. Эти формы, встречающиеся у сравнительно немногих глаголов, находятся между собой в таком же соотношении, как формы *fut. II ēgerō* и *perf. subiūct. ēgerim*.

Формы на *-sō, -sim* образуются от глаголов 3-го спряжения, в том числе и от глаголов на *-iō*, а также от некоторых глаголов 2-го спряжения: *faxō, cāpsō, adāxim* (§ 193 а), *occisim, subrēpsit* (от *surgipō*) и т. д., *ausim, iūssō, auxītis, pōxit*.

Количество корневого гласного не всегда поддается определению, например, *dixō* (*-ī-* или *-ī-?*), и это затрудняет характеристику ступени, к которой восходит форма корня.

По тембру корневой гласный во всех случаях совпадает с гласным основы *part. perf.*, но также, с поправкой на регулярные фонетические изменения, с основой инфекта.

Глаголы 1-го спряжения имеют формы на *-ssō, -ssim*: *amāssō, levāssō, violāssō*. Сходные формы имеют во 2-м спряжении глагол *habeō* и сложные с ним, например, *prohibēssit*, а также *licet — licēssit*. Сюда же относится глагол *ambissit*, восходящий к сложению с *eō* (§ 602).

Написание *-ss-* сохраняется после долгого гласного, как и в кратких формах перфекта (§ 658). Ко времени упрощения *-ss-* (§ 225 г) образования на *-ssō, -ssim* в живой речи уже не существовали и сохранили старое написание. Эти формы на *-ssō* настолько отрывались от системы латинского глагола, что получали свой собственный инфинитив на *-ssere*, например: *impetrāssere* (Aul. 687), *reconciliāssere* (Carp. 168).

Сигматические образования выпадают из нормальной системы латинского глагола, строящейся на противопоставлении инфекта и перфекта. Они нередко образуются от основы, отличной от основ инфекта и перфекта: *faxō* при *faciō* и *feci*, *cāpsō* при *carō* и *cēpī* и т. д. Независимость *faxō, faxim* от системы перфекта проявляется также и в том, что от форм этого типа может быть образован медиопассив: *iussitur* (*fut.*; Катон, Agr. 14.1), *faxitur* (Ливий, 22.10.6), **MERCASSITUR** (*l*². 585.71), *turbāssitur* (Цицерон, Lēg. 3.11).

Однако со стороны своего видового значения формы типа *faxō* и *faxim* принадлежат совершенному виду, и будущее время *faxō* лучше сохранило древние значения будущего совершенного, чем перфектное будущее *fēserō*, которое приобрело относительно-временное значение (§ 483). Поскольку будущее инфекта безразлично в отношении вида (§ 482), *faxō* может в своих употреблениях соприкасаться и с *faciam*, и с *fēserō*.

По характеру своего спряжения *faxō*, *faxim* не отличаются от *fut. II fēserō* и *perf. subiūnct. fēserim*. Как и в *fut. II*, 3 л. мн. ч. сигматического будущего получило конечный элемент *-int* (§ 654).

В глаголах с перфектом на *-sī* сигматические образования оказывались соотносительными с краткими формами перфекта (§ 657): *dixō* — *dixim* с *plūsquamperf. subiūnct. dixem*. Это приводило иногда к образованию *plūsquamperf. subiūnct.* с помощью присоединения суффикса *-sē-* к той форме корня, которая имеет место в сигматических образованиях: *faxem* (Pseud. 499 — от *faciō*).

Сигматические формы, таким образом, дублируют систему латинского глагола.

§ 662. Сигматические образования принадлежат, в первую очередь, древнелатинскому сакрально-юридическому стилю. Они часто встречаются в древнем законодательстве (законы XII таблиц, «царские законы»), в молитвах и сакральных формулах. Плавт употребляет их по преимуществу там, где он воспроизводит или пародирует сакрально-юридический стиль, или в характерных для стиля законов синтаксических сочетаниях (условные предложения, запреты). В живом языке только сигматические формы глагола *faciō* употребляются более или менее широко, однако наиболее употребительная форма 1 л. ед. ч. *faxō* уже у Плавта в большинстве случаев имеет характер застывшего модального слова, потерявшего глагольный характер; *faxō iam sciēs* (Vacc. 831) 'ты уже будешь знать'. После Плавта употребление сигматических форм еще более сокращается, а в языке классического периода, если не считать намеренных архаизмов и застывших формул типа *dī faxint*, сохраняются только *faxō* и *ausim* (от *audeō*).

§ 663. По вопросу о происхождении сигматических образований взгляды исследователей расходятся.

Будущее время *faxō* вряд ли можно оторвать от оско-умбрских форм будущего времени, характеризующихся суффиксом *-s-*: ос. *didest* 'dabit', умбр. *ferest* 'feret', ос.-умбр. *fust* 'erit'.

Согласно наиболее распространенному мнению, латинская форма на *-sō* и оско-умбрское будущее восходят к атематическому конъюнктиву сигматического аориста, а латинская форма на *-sim* является атематическим опплативом того же

происхождения. Если так, то необходимо считать, что огласовка корневой морфемы (§ 661) как в латинском языке, так и в оско-умбрской группе видоизменилась под воздействием основы настоящего времени. Другие исследователи усматривают в -s- дезидеративный суффикс (ср. § 519), который послужил для образования формы будущего времени во всей италийской ветви, а в форме латинского субъюнктива на -sīm видят новообразование по образцу соотношения между *perf. subiūct.* и *fut. II*. Наконец, есть мнение, что дублирующая латинскую глагольную систему форма на -sō попала в латинский язык из языков оско-умбрской группы и представляет собой «сабинизм» сакрально-юридического стиля (§ 49). Это мнение заслуживает внимания в том отношении, что дает возможность удовлетворительно объяснить происхождение форм на -ssō в основах, оканчивающихся гласным звуком: интервокальное -s- должно было перейти в -r-, но, поскольку звук -s- поддерживался иноязычным воздействием, он принял единственно возможную для него в интервокальном положении форму -ss-. Формы субъюнктива на -sīm надо считать также и при этом предположении новообразованием латинского языка.

§ 664. Возможно, что в некоторых формах, прочно вошедших в латинский язык, -s- сигматических образований регулярно перешло в -r- в интервокальном положении. Так могут объясняться формы *sīris* (Bacch. 402; ср. *sīrit Iuppiter* — Curc. 27; *dī sīrint* — Bacch. 468) < **seisis*, *monēris* (Пакувий, 30; ср. *dī monerint* — там же, 112) < **monīsis*. Есть мнение, что сюда же относится *iūverit* (ср., однако, § 634).

ПРИЧАСТИЕ ПЕРФЕКТА (PARTICIPĪUM PERFECTĪ)

§ 665. Причастие перфекта на -tus (< *-tos), -ta (< *-tā), -tum (< *-tom) восходит к отглагольным прилагательным, образовывавшимся при помощи и.-е. суффикса *-to-. Суффикс этот служил также для образования отыменных прилагательных и указывал на снабженность предмета тем признаком, который обозначало имя: *barbā-tus* ‘бородатый’, *cornū-tus* ‘рогатый’, *aurī-tus* ‘ушастый’ и т. д. Как суффикс отглагольных прилагательных, *-to- указывало на снабженность признаком, содержащимся в значении глагола, и присоединялось непосредственно к глагольному корню, имея на себе ударение, ср. греч. κλυ-τός, д.-и. *çru-tāh* ‘славный’ (корень **k̑leu-*). Корневой гласный соответственно находился на нулевой ступени (§ 13).

Латинский язык в ряде случаев сохранил образования на -tus в качестве самостоятельных отглагольных прилагательных, не вошедших в систему форм глагола: *certus*, ср. *cernō*; *cautus*, ср. *saveō*; *maestus*, ср. *maereō*; *tacitus*, ср. *taceō* и т. д.

С другой стороны, форма *mortuus* < **mortuos*, вошедшая в латинском языке в глагольную систему, представляет собой прилагательное (ср. ст.-сл. мрътѣвь) на *-tos (и.-е. **m̑rtos*, ср. д.-и. *m̑rtāh*, греч. гом. ἄ-μ(β)ροτος ‘бессмертный’, откуда βροτός ‘смертный’), осложненное элементом -ц-, заимствованным у его антонима *vī-vos*.

Глагольный признак может приписываться при этом как производителю действия, так и его объекту: *certus* 'знающий, решившийся' и 'известный, решенный'.

В функции предикативного определения прилагательные на *-tos близко соприкасались с причастиями, ср. *Vacch.* 611: *Mnēsiloachus eccum maestus prōgreditur forās*, где *maestus* = *maerēns*, — и в ряде ветвей и.-е. языков образования на *-tos использованы в качестве причастий. Кроме латинского языка, это имеет место в древнеиндийском, славянских, балтийских и германских языках. Входя в систему глагола, причастие на *-tos получало видовременную и залоговую определенность. Снабженность предмета признаком, составляющим содержание глагольного действия, возникает по большей части тогда, когда действие уже совершилось. Причастие на *-tos тяготеет поэтому к совершенному виду. В зависимости от того, проявился глагольный признак на объекте или производителе действия, причастие получает либо пассивное, либо медиальное (§ 484) значение: *fis-sus* обозначает 'расколотый' или 'расколовшийся'. В латинском языке причастие на -tus вошло в систему перфекта и образуется как от активных, так и от отложительных глаголов.

§ 666. У активных глаголов причастие на -tus имеет обычно пассивное значение. Медиальное значение сохранилось в таких причастиях, как *rōtus* 'напившийся, пьяный' (ср. *cōnātus* 'пообедавший', *prānsus* 'позавтракавший'), *iurātus* 'покаявшийся, связавший себя клятвой': у глаголов движения: *praeteritus* 'прошедший', *occāsus*, например, *sōl occāsus* 'закатившееся солнце', *ēmersus* 'вынырнувший': при глаголах на -scō: *adultus* 'выросший, взрослый'. Во всех этих случаях причастие на -tus указывает на переход субъекта в некоторое новое состояние. То же имеет место в причастии *nupta* 'вышедшая замуж'.

Однако случаи, когда причастие на -tus не имеет пассивного значения, немногочисленны, и непереходные глаголы обычно не образуют причастий на -tus.

§ 667. У отложительных глаголов причастие на -tus обычно не имеет особой залоговой характеристики, отличной от значения личных форм глагола, но в некоторых случаях развивает дополнительное пассивное значение: *complexus* 'охвативший' и 'охваченный' *cōnfessus* 'признавшийся' и 'признанный' и т. п.

Некоторые глаголы, семантически близкие к отложительным, прилегают к ним в системе перфекта, хотя образуют инфект как активные глаголы («полуотложительные глаголы»). Эти глаголы образуют причастие на -tus на тех же основаниях, что и отложительные.

§ 668. Причастие перфекта обычно соотносено с личной глагольной формой и употребляется в относительно-временном значении (§ 483), указывая на действие, предшествующее тому действию, которое обозначено личной глагольной формой. Лишь в очень редких случаях причастие имеет значение *perf. praes.* (§ 482) и выражает одновременность с действием того глагола, с которым причастие соотносено: *veritus* 'опасаясь', *ratus*, *arbitrātus* 'полагая' и т. п.

§ 669. Причастие на *-tos производилось первоначально непосредственно от глагольного корня и являлось самостоятельным образованием, независимым от основ инфекта и перфекта. Описательная грамматика рассматривает его поэтому как третью «основную форму» глагола.

Корневой элемент в той же форме имеют, как правило, супин (§ 685), отглагольные существительные с суффиксами -tu- и -tīōn- и интенсивные (фреквентативные) глаголы (§ 502)¹.

§ 670. Как уже было указано (§ 665), прилагательные на *-tos имели ударение на суффиксе и корень, соответственно, на нулевой ступени. Это состояние оставило следы во многих формах латинского причастия на -tus.

Корни с и.-е. чередованием *-ē/ə- (*-ǝ- > лат. -ā-): *sā-tus*, ср. *sē-vī*, *serō* (< *si-s-ō: § 515); *rā-tus*, ср. *rē-rī*: (*ab*)-*dī-tus* (< *-dā-tos < *dhā-tos; § 608), ср. греч. *θετός*.

*-ā/ǝ-: *stā-tus* (от *sistō*; § 515), ср. греч. *στατός*, л.-и. *sthitāh*.

*-ō/ǝ-: (*co*)-*gnī-tus* (< *-gnā-tos), ср. *co-gnō-scō*, *co-gnō-vī*: *dā-tus* (< и.-е. *dǝ-tos; § 604), ср. греч. *δοτός*.

*-ei/i- (лат. -ī/ī-): (*praeter*)-*ī-tus*, ср. *ī-re*: *lī-tus*, ср. *lēvī* (< *lei-vai; § 632); *sī-tus*, ср. *sī-vī*: *dīc-tus* (> ит. *detto*; § 203, 229), ср. *dīcō*, греч. *δείκνυσι*; *mīssus* (< *mit-tos; § 230), ср. *mīsī* (< *meit-sai); *relīc-tus*, ср. греч. *λείπω*.

*-eu/u- (лат. -ū/ū-): *dūc-tus* (> ит. -*dotio*; §§ 203, 229), ср. *dūcō*: *ūs-tus*, ср. *ūrō* (< *eusō).

*-erǝ/ǝ- (§ 16: *r̄* > лат. *rā*, § 27): *strā-tus*, ср. *sternō*.

*-elǝ/ǝ- (§ 16: **l̄* > лат. *lā*, § 27): *lā-tus* < **tlā-tos* (§ 612).

*-enǝ/ǝ- (§ 16: **n̄* > лат. *nā*, § 27): (*g*)*nā-tus*, ср. *genuī* (**genǝ*; § 16).

В некоторых случаях древняя нулевая ступень затемнена последующим фонетическим развитием. Так, и.-е. **n̄* > лат. *en*: *ten-tus*

¹ Рассматривая образование причастия на -tus, мы будем поэтому в отдельных случаях приводить в качестве примеров эти родственные образования, если причастие от какого-нибудь глагола не существовало или не засвидетельствовало.

(от *ten-dō* и *teneō*)¹ < **tŋ-tos*, ср. д.-и. *tatāh*, греч. *τάτος*; *com-men-tus* (от *commīnīscor*), и.-е. **mŋ-tós*, ср. д.-и. *matāh* 'подуманный', ст.-сл. ПАМЯТЬ; и.-е. **m* > лат. *em*: *ēemptus* < **mŋ-tos*, ср. ст.-сл. ЯТЬ (об удлинении *ē*- см. § 674); и.-е. **g* > лат. *or*: *or-tus*, ср. д.-и. *rtāh*, *vorsus* (позже *versus*; § 130) < **urt-tós*, ср. д.-и. *vrtāh*; и.-е. **l* > лат. *ol*: *cul-tus* < **col-tos* (§ 128), ср. *colō* < **q^helō*, *occul-tus* (от *occulō*, корень **kel-*).

§ 671. В огромном большинстве случаев вокализм причастия на *-tus* не отличается от вокализма основы инфекта. Это тождество огласовки является древним в тех случаях, когда основа инфекта сама восходит к нулевой ступени корня или когда нулевая ступень в причастии влекла за собой дальнейшие фонетические изменения, чрезмерно отдалевшие причастие от глагольного корня (например, *gestus* от *gerō* < **gesō*, а не **gstos* > **cstos* > **stus*), но очень часто оно представляет собой результат позднейшего выравнивания. Войдя в систему глагола, причастие на *-tus* стало подвергаться воздействию доминирующей глагольной основы, например, *vectus* (от *vehō*), а не **uctus*; *spōnsus* (от *spondeō*), а не **spēnsus*.

Влияние основы инфекта обнаруживается также и в тех случаях, когда суффиксные морфемы, свойственные инфекту, переходят в причастие на *-tus*: *frūnī-tus* (от *frūnīscor*), *rās-tus* < **pā-sc-tos* (от *pāscō*). Иногда проникает в формы причастия на *-tus* также и носовой инфикс (§ 518 а): *fūctus*, *tūnsus*, — но это чаще имеет место в тех случаях, когда носовой инфикс предварительно распространился на основу перфекта: *iungō* — *iūnxī* — *iūnctus*. Процесс проникновения носового инфикса в формы причастия на *-tus* продолжался и в историческое время: *nactus*, позднее *nāctus*, *passus* (от *randō*), позднее *rānsus*. С другой стороны, причастие на *-tus*, служившее для образования медиопассивных форм перфекта, находилось в постоянном взаимодействии с основой перфекта. Это привело к ряду выравниваний как с той, так и с другой стороны, ср. §§ 629, 632, 637, 677 — 679. Наконец, на форму причастия влиял супин, основа которого в процессе исторического развития совпала с основой причастия, но первоначально содержала корень на полной ступени (§ 685).

¹ Впоследствии причастия этих глаголов были дифференцированы тем, что от *tendo* было образовано *tēnsus* по образцу *rendō* — *rēnsus*. Однако форма *tentus* оставалась более употребительной, чем *tēnsus*.

Образование причастия на *-tos от глагольных морфем, оканчивающихся согласным звуком

§ 672. Присоединение суффикса *-to- к согласному окончанию основы приводило к ряду регулярных звуковых изменений, связанных с фонетическим развитием согласных групп и с положением гласного в закрытом слове.

§ 673. А) Изменение согласных.

1) Звонкий согласный оглушается перед -t- (§ 227): *nūbō* — *nūpta*, *scribō* — *scriptus*, *augeō* — *auctus*, *figō* — *fictus*, *vehō* (-h- < *-ǵh-) — *vectus*.

2) Лабиовеларный теряет свой губной придаток (§ 228): *relinquō* — *relictus*, *coquō* — *coctus*, *unguō* — *unctus*, *fruor* (= *fruvor*) < **frūg^hōr* (§§ 214, 185) — *fructus*. Соотношение между интервокальным -v- в инфекте и группой -ct- в причастии, создавшееся в глаголах, корневая морфема которых заканчивалась на звонкий лабиовеларный, распространилось также на образование причастия в глаголах *vīvō* — *victus*, *stru(v)ō* — *structus*, ср. перфекты *vixī*, *struxī* (§ 628).

3) Переднеязычный + -t- > -ss- (§ 230), с упрощением геминаты после согласного (§ 225 б), долгого гласного или дифтонга (§ 225 г): *pator* — *passus*, *percutiō* — *percussus*, *sedeō* — *sessus*, *scindō* — *scissus*, *iubeō* (-b- < *-dh-: § 28) — *iussus*, *ūtor* — *ūsus*, *rideō* — *rīsus*, *lūdō* — *lūsus*, *sallō* (-ll- < *-ld-: § 243) — *salsus*, *percellō* (корень **celd-*, ср. *clādēs*) — *perculsus*, *laedō* — *laesus*, *vortō* (позднее *vertō*) — *vorsus* (позже *versus*: § 130), *spondeō* — *spōnsus*, *sentiō* — *sēnsus*, *flectō* — *flexus* и т. д. Многие из этих глаголов имеют перфект на -sī, например: *percussī*, *iussī*, *rīsī*, *lūsī*, *laesī*, *flexī*, и основа причастия оказалась тождественной основе перфекта по своему согласному составу.

4) Между -m- и -t- возникает -p- (§ 236): *emō* — *ēemptus*, *sūmō* — *sūmptus*, *contemnō* — *contemptus*.

5) -rst- > -sst- (§ 269) > -st- (§ 225 а): *torreō* — *tostus*.

6) -rct- > -rt-, -lct- > -lt- (§ 266): *sarciō* — *sartus*, *torqueō* — *tortus*, *ulcīscor* — *ultus*.

7) -sct- > -st- (§ 264): *pāscō* — *pāstus*, *mīscō* (позже *mīscēō*: § 520) < **mic-scō* (§ 268) — *mixtus* < **mic-sc-tos*.

§ 674. Б) Изменение гласных.

1) -ēl- > -ōl- (§ 123) > (в закрытом слове) -ūl (§ 128): *cultus* (ср. *colō* < **q^helō*: § 215), *sepultus*.

2) -ā- > -ĕ- (в закрытом слогe: § 149): cōnficiō (< *cōnfāciō; § 141 a) — cōnfēctus. В некоторых случаях вокализм, возникший в причастии сложного глагола, распространяется на простой: grādiōr — grēssus (по in-grēssus, ē-grēssus и т. д.), fātiscō — fēssus (по dē-fēssus).

3) Перед -ns- и -nt- гласный удлиняется (§§ 193 б, в): spōn-sus, iūnctus.

4) Гласный удлиняется перед оглушившимся звонким заднеязычным (§ 193 г): āgō — āctus, tāngō — tāctus, lēgō — lēctus и т. д.).

Как было указано в § 193 г, возможность распространения этого закона на звонкий переднеязычный остается спорной. Причастия vīsus, ēsus могли получить долготу корневого гласного под воздействием форм перфекта vīdī, ēdī (или супина), ср. долготу гласного в причастиях dīvīsus, ēmptus под влиянием перфектов dīvīsi, ēmī. В форме cāsus долгота гласного проникла, вероятно, из супина cāsūm (§ 685) и его деривата cāsūrus (§ 689); простой глагол cadō не имел медиопассивного причастия (по oc-cāsus; § 666); gaudeō < *gā-vidēō (166 в) образует причастие gāvīsus по образцу vidēō — vīsus.

§ 675. Глагол mētiōr имеет причастие mēnsus вм. ожидаемого *mē(s)sus; -n- возникло, по-видимому, под воздействием рēnsus 'взвешенный', с которым соотносится mēnsus 'отмеренный' (ср. формулы neque mēnsūm, neque рēnsūm, mēnsa рēnsaque). По аналогии с этими глаголами могло возникнуть и причастие cēn-sus 'оцененный' вм. *cēnsios (от cēnsēb, корень cēns-, ср. oc. censtom-en 'in-cēnsūm', censtur 'cēnsor').

§ 676. Конечный элемент -sus, фонетически развившийся в причастии тех глаголов, у которых корневая морфема заканчивалась переднеязычным согласным (§ 673, п. 3), получил дальнейшее распространение. Соотношения типа percēllō — percūlī — percūsus давали основание для выделения самостоятельного суффикса *-so-, и он стал нормой для глаголов на -llō (кроме tollō — lātus; § 670): fallō — falsus, vellō — vulsus, pellō — pulsus. Однако о древнем *pultos свидетельствует сохранившийся интенсивный глагол pultāre, который лишь впоследствии под влиянием pulsus заменился глаголом pulsāre. Вслед за глаголами на -llō глаголы на -rtō (< *rsō; § 257), currō, vorrō (позже verrō; § 130) получили причастие на -rsus: cursus, vorsus. Процессы эти имели место в сравнительно недавнее время, после переходов -ls- > -ll-, -rs- > -rt- в интервокальном положении (§ 257).

В глаголах па -rtō новообразование объясняется, вероятно, тем, что нормальное фонетическое развитие причастия приводило к потере характерного для корня звука -r- (-rst- > -st-, ср. tostus; § 269): *custos, *vostos.

С другой стороны, распространение конечного элемента -sus исходило от тех глаголов, в которых, как мы видели (§ 673, п. 3),

установилось равенство согласного состава основы перфекта на -(s)sī и причастия на -(s)sus. Это равенство основ распространилось и на ряд других глаголов, имевших перфект на -sī, особенно в тех случаях, когда прозрачность соотношения между основой инфекта и причастия была чем-нибудь нарушена. Также и в этих случаях замена -tus на -sus происходила сравнительно поздно, и почти повсюду сохранились следы древнего причастия с суффиксом *to-: flu(v)ō — fluxī — fluxus, но арх. fluctus (Присциан, G. L. 2.488.6), ср. существительное fluctus; fivō (позже figō; § 628) — fixī — fixus, но fictae (Варрон, R. R. 3. 7. 4); haereō — haesī — haesūrus; mulgeō — mulsī — mulsus, но permulctus у Саллюстия (Присциан, G. L. 2.487.6); mergō — mersī — mersus, но mertāre (позже mersāre); tergō — tersī — tersus; maneō — mānsī — mānsus, но арх. mantāre; premō — pressī — pressus. Спорадически dētorsus (dētorqueō — dētorsī); позже farsus (farcīō — farsī), frīxus (frīgō — frīxī).

Неясно происхождение -sus в lāpsus (от lābor); полагают, что эта форма возникла под влиянием семантически близких причастий fluxus или cāsus.

Глагол (g)nītor < *gnīvitor (§ 208), где -v- < *g^h (§ 214), образован от корня *kneig^h-, ср. гот. hneīwan ‘склоняться’, лат. cōnīveō — cōnīxi ‘смыкаться (о глазах)’. Причастие, производимое непосредственно от корня, имеет форму (g)nīxus с суффиксом *-so-. Однако интенсивный глагол nīctārī ‘мигать’ сохранил следы древнего причастия *nīctos. Суффикс *-so- мог возникнуть под влиянием fixus или семантически близкого flexus. Впрочем, существовало и причастие nī(s)sus, образованное от инфекта nītor, и согласно рукописной традиции эта форма имелась уже у Плавта; nīxus могло быть контаминацией *nīctus и nī(s)sus.

Образование причастия на -tos от глагольных морфем, оканчивающихся гласным звуком

§ 677. Отыменные глаголы 1-го спряжения (§§ 500, 501) образуют причастие перфекта путем присоединения суффикса *-to- к основе инфекта на -ā-, т. е. точно таким образом, как образуется прилагательное на *-tos от существительных с основой на -ā-: laudātus, ср. barbātus, греч. дор. τῆμᾶτός; ион.-атт. τῆμῆτός. Этот же способ образования распространился на атематические глаголы с корнем на -ā- (§ 497) — fātus, и с суффиксом -ā- (§ 498): parātus.

То же имеет место в 4-м спряжении: отыменные глаголы и большая часть первичных (имеющие перфект на -vī), присоединяют -tus к основе инфекта на -ī-: finī-tus, audī-tus. Отыменные глаго-

лы на -iō (§ 521) также имеют причастие на -ū-tus: statū-tus, ср. cornū-tus. Этот последний тип получил некоторое распространение: volū-tus (от volvō; § 516 в), solū-tus (от solvō; там же); secū-tus (от sequor) вместо более древнего sec-tus (ср. интенсивный глагол sec-tā-tī), утраченного, быть может, в силу омонимии с sectus (от secō); locū-tus (от loquor). Впоследствии причастия, восходящие к типу на -ūtus, получили значительное распространение в романских языках. Причастие на -ūtus имеют также некоторые первичные глаголы на -iō. Долгота гласного восходит в этих случаях к корневому -ū-: sū-tus, spū-tus (§ 521), или к полной ступени -ou-, распространившейся из основы инфекта или из супина: exū-tus, indū-tus, ср. ст.-сл. -оути (русск. об-уть, раз-уть). Древнее -ī- имеет причастие pūntrītus, ср. pūntrī-x. Таким образом, в 1-м и 4-м спряжениях (а может быть, и в глаголах на -iō, ср. § 632) установилась соотносительность между перфектом на -vī и причастием на -tus, где -vī и -tus присоединялись к основе, тождественной с основой инфекта, имевшей конечный долгий гласный: laudā- — laudāvī — laudātus; audī- — audīvī — audītus. Эти же соотношения мы находим в корневых атематических глаголах 2-го спряжения: flē- — flēvī — flētus; -plē- — -plēvī — -plētus с распространением вокализма полной ступени на причастие. Однако и независимо от основы инфекта перфект и причастие на -tus почти всегда выравнивали свои основы согласно соотношению -āvī : -ātus, -ēvī : -ētus, -īvī : -ītus. По образцу перфектов crēvī (от crēscō), dē-crēvī (от dēcernō), exsolēvī (от exolēscō), sprēvī (от spernō), (g)nōvī (от (g)nōscō), создаются причастия crē-tus, dē-crētus (древнее причастие certus оторвалось от глагола), exolētus (при adultus от adolēscō) sprē-tus, (g)nō-tus (при *-gnatos > -gnitus в сложных глаголах: cognitus, agnitus; ср. § 670)¹.

С другой стороны, под воздействием причастия strā-tus (от sternō; § 670) создается перфект strāvī.

¹ Такого же происхождения могут быть приводимые у Павла-Феста (б. 4) причастия ē-grē-tus, ad-grē-tus от корня *grē-/gerē-, ср. expergīscor < *ex-per-gr-ī-sc-or (§§ 520, 279), причастие ex-per-gi-tus (Луцилий, 143; Лукреций, 3.929), замененное на expergētus под влиянием народной этимологии, связавшей expergīscor с глаголом pergō (< *per-regō; § 166 б), греч. ἐγείρω.

Вместо древнего причастия *tertus* (от *terō*— Варрон, Мен. 169) входит в употребление *trī-tus* под воздействием *trīvī* (§ 632). Распространение перфекта на *-ivī* в глаголах 3-го спряжения (там же) имеет последствием образование соответствующих причастий на *-ītus*: *petī-tus*, *quaesī-tus* (вм. древнего **quaistos*) и т. д.

Преобладая в 4-м спряжении, причастие на *-ītus* имело тенденцию распространяться на те немногие глаголы 4-го спряжения, в которых элемент *-tus* присоединялся к согласному: *opperītus* (Мбст. 788), *seperītus* (Катон у Присциана. G. L. 2.546.2), *sancītum* (Лукреций, 1.587), *mētītus* (Апулей, Plat. 1.14). Задержанная в литературном языке классического периода, эта тенденция вновь проявилась в поздней латыни.

§ 678. В глаголах 1-го и 3-го спряжении с двусложной корневой морфемой, оканчивавшейся на и.-е. *-ə- (§§ 499, 514, 515), вокализм основы инфекта распространился на причастие перфекта (§ 671), и оно получило конечный элемент *-ītus* (< *-ā-tos < *-ə-tos): *domītus*, *vomītus*, *genītus*, *molītus* и т. д. С другой стороны, причастие на *-ītus* возникало в каузативно-интенсивных глаголах 2-го спряжения (§ 507), где элемент *-ī-* восходит к нулевой ступени суффикса *-ei-*: *monī-tus*. Глаголы 2-го спряжения, обозначающие состояние (§ 506), также имеют причастие на *-ītus*: *habītus*, *verītus* и т. д., но трудно определить, восходит ли здесь элемент *-ī-* к нулевой ступени суффикса *-ē-* или имеет аналогическое происхождение. Причастию на *-ītus* обычно соответствует перфект на *-uī*, распространение которого в глаголах 2-го и 3-го спряжения (§ 633) могло сыграть роль и в развитии причастия на *-ītus*. Однако обратное соотношение далеко не всегда имеет место, и перфекту на *-uī* нередко соответствует причастие, в котором суффикс *-to- присоединяется к конечному согласному корня: *sectus*, *doctus*.

В некоторых случаях это связано с тем, что причастие каузативно-интенсивного глагола замещалось причастием того первичного глагола, от которого образован каузативно-интенсивный: *tor-tus* (от *torreō* < **torsejō*) восходит к **torstos* < и.-е. **tr̥s-tō-s*, ср. греч. τέροσται. То же имеет место в причастиях *tortus* (от *torqueō*), *morsus* (от *mordeō*), а также, с приравнением вокализма причастия к вокализму инфекта, *spōnsus*, *tōnsus*, *doctus* (корень **deḱ-*, ср. греч. гом. δέκτο, д.-и. *dāsti* 'оказывает почесть'). В других случаях это несоответствие перфекта на *-uī* и формы причастия связано с поздним возникновением формы перфекта, например, *tenuī* (вм. древнего *tetiniī*; § 624) — *tentus*.

О новообразовании *posuī* (вм. древнего *posivī*) под влиянием *positus* см. § 637.

О продуктивности причастия на *-ītus* вплоть до поздних времен свидетельствуют многочисленные новообразования: *alītus* вместо древнего *altus*, ср. перфект *alui*; *pīnsītus* вместо *pistus*, ср. *pīnsuī*; *dīruītus* вместо *dīrutus*, ср. *dīruī*; *tuītus* вместо *tūtus* (2-е спряжение); *frūītus* вместо *frūctus*. В позднее время были образованы

также *bibitus* вместо древнего *rōtus*, образованного от полной ступени корня **rō-*, и *fugitus* — в обоих случаях от глаголов с основой на звонкий согласный.

В глаголах, корневая морфема которых заканчивается звуком -*v-*, элемент -*i-* синкопируется (§ 166 в): *cautus* (от *saveō*), ср. **CAVITVM** (I². 200); супин *fautum* (от *faveō*), ср. арх. *favitor*; *lautus* (от *lavō*); *iūtus* (от *iūvō*; -*ū-* < -*uq-*).

Группа -*ove-* > -*ō-* (§ 211): *mōtus* (от *moveō*), *fōtus* (от *foveō*), *vōtus* (от *voveō*); группа -*ivi-* > -*i-* (§ 208): *oblītus* < **oblivitus* (от *obliviscor*).

§ 679. Морфологические дублеты.

Как мы видели, основная линия развития причастия на -*tus* состоит в том, что оно все более утрачивает свой первоначальный характер самостоятельного глагольного образования и все теснее смыкается с основами инфекта и перфекта. Отсюда — сосуществование многочисленных морфологических дублетов: *pānctus* и *pnctus* (§ 671), *pānsus* и *pnctus* (там же), *iūtus* и *iūtus* (§ 678), *bibitus* и *rōtus* (там же), *experrēctus* и *expurgitus* (§ 677), *opperrītus* и *oppertus* (там же) и т. д.

В некоторых случаях наличие дублетных образований причастия поддерживалось морфологическими дублетами перфекта или инфекта: *explicūit* (ср. *explicūit*) и *explicātus* (ср. *explicāvī*); *attonītus* (ср. § 514) и *intonātus*; *lautus* и *lavātus* (ср. *lavō* 3 и *lavō* 1); *abscondītus* (ср. *abscondidī*) и *abscondnsus* (ср. *abscondī*; § 624).

В поздней латыни число образований, дублирующих старые нерегулярные формы, еще более возросло. Кроме примеров, приведенных в предыдущем изложении, ср. такие формы, как *gignītus* (*gignō*), *linītus* (*linō*), *perercītus* (*percō*), *tultus* (*terō*, *tolō*) и т. д.; при этом создавались, однако, и новые нерегулярности: *vocītus* вместо *vocātus* (ср. интенсив *vocīō*), *probitus* вместо *probātus* и т. д.

ОПИСАТЕЛЬНЫЕ МЕДИОПАССИВНЫЕ ФОРМЫ СИСТЕМЫ ПЕРФЕКТА

§ 680. Парадигмы.

Perfectum indicātīvī

	Ед. ч.		Мн. ч.	
1 л.	<i>āctūs</i> , - <i>ā</i> , - <i>ūm</i>	<i>sūm</i>	<i>āctī</i> , - <i>ae</i> , - <i>ā</i>	<i>sūmūs</i>
2 л.	»	<i>ēs</i>	»	<i>ēstīs</i>
3 л.	»	<i>ēst</i>	»	<i>sūnt</i>

Plūsquamperfectum indicātīvī

	Ед. ч.		Мн. ч.	
1 л.	<i>āctūs</i> , - <i>ā</i> , - <i>ūm</i>	<i>ērām</i>	<i>āctī</i> , - <i>ae</i> , - <i>ā</i>	<i>ērāmūs</i>
2 л.	»	<i>ērās</i>	»	<i>ērātīs</i>
3 л.	»	<i>ērāt</i>	»	<i>ērānt</i>

Futūrum II indicātīvī

	Ед. ч.			Мн. ч.
1 л.	āctūs, -ā, -ūm	ērō	āctī, -ae, -ā	ērīmūs
2 л.	»	ērīs	»	ērītīs
3 л.	»	ērīt	»	ērūnt

Perfectum subiūnctīvī

	Ед. ч.			Мн. ч.
1 л.	āctūs, -ā, -ūm	sīm	āctī, -ae, -ā	sīmūs
2 л.	»	sīs	»	sītīs
3 л.	»	sīt	»	sīnt

Plūsquamperfectum subiūnctīvī

	Ед. ч.			Мн. ч.
1 л.	āctūs, -ā, -ūm	ēssēm	āctī, -ae, -ā	ēssēmūs
2 л.	»	ēssēs	»	ēssētīs
3 л.	»	ēssēt	»	ēssēt

Infīnītīvus perfectī

āctūs (āctūm), āctā (āctām), āctūm	}	ēssē
āctī (āctōs), āctae (āctās), āctā		

§ 681. В медиопассиве личные формы системы перфекта представляют собой морфологические конгломераты, состоящие из именительного падежа причастия перфекта и форм инфекта глагола *sum*, симметричных (§ 481) соответствующим формам перфекта. *Plūsquamperf. subiūnct.* допускает наряду с *essem* употребление параллельной формы *forem* (§ 592). В инфинитиве перфекта постановка именительного или винительного падежа причастия обусловлена синтаксически.

Система описательных образований перфекта в медиопассиве активных глаголов и в отложительных глаголах восходит к общелатинскому языковому состоянию (§ 32) и свойственна не только латинскому языку, но также и оско-умбрской группе.

§ 682. Различие между двумя значениями перфекта, «аористным» и результативным (*urbs capta est* 'город был взят' и 'город взят') выявлялось в пассиве значительно резче, чем в активном залоге. Потребность в дифференциации этих значений возникла очень рано, и для акцентирования значений прошедшего времени

стало употребляться сочетание перфектного причастия с перфектными формами от глагола *sum*.

Рядом с типом *indūtus sum* 'я одет'. *indūtus eram* 'я был одет' понадобилось *indūtus fueram* для выражения давнего прошлого или относительного прошлого, например, Merc. 232 — 233: *posterius quam mercātus fueram, vīsus sum in custōdēlam sīmiae concrēdere*; или Mōst. 486 — 487: *condormīvimus: lūcernam forte oblītus fueram extingūere*; Цезарь, В. С. 1.41.1: *pōns, quī fuerat tempestāte interruptus, paene erat refectus*. В I в. до н. э. появляется употребление перфектного причастия с *fuī* в значении *perfectum indicātīvi* — Цезарь, В. С. 3.101.4: *oppidum fuit defēsum* 'город удалось защитить'; Проперций, 2.31. 1 — 2: *aurea Phoebī porticus ā magnō Caesare aperta fuit* 'состоялось открытие портика'; *porticus aperta est* означало бы 'портик открыт', что, конечно, связано и с близостью причастия *apertus* к прилагательным.

§ 683. В поздней латыни образование описательных медиопассивных форм перфекта с помощью перфектных форм глагола *sum* становится более частым и оттесняет образование с инфектными формами *sum* в систему инфекта. Этот процесс получает свое завершение уже в романских языках, утративших старые медиопассивные формы инфекта и заменивших их аналитическими образованиями. Восходящие к *laudātus sum* романские формы (*io*) *sono lodato* (ит.), *je suis loué* (фр.) имеют значение настоящего времени 'меня хвалят', а к *laudātus fuī* восходят (*io*) *fui lodato* (ит.), *je fus loué* (фр.) со значением прошедшего совершенного 'меня похвалили'.

СУПИН (SUPĪNUM)

§ 684. Супин I Супин II
 āctūm āctū

§ 685. Морфологический тип отглагольного существительного с суффиксом **-teu/-tu-*, служившего для наименования целенаправленного действия, восходит к общеиндоевропейскому языковому состоянию. Некоторые падежи этого существительного были использованы в ряде ветвей и.-е. языковой семьи в качестве модели для образования регулярных именных форм глагола, входящих в глагольную систему. Так, д.-и. язык образует инфинитив с помощью морфемы *-tum*, восходящей к винительному падежу ед. ч. отглагольного существительного на **-tus*. Та же морфема служит в ст.-сл. языке и в балтийских для образования супина, тождественного с латинским супином I, ср. ст.-сл. **дѣтъ**, **дѣлаатъ** (-тъ <

*-tum). Латинский супин более архаичен в том отношении, что употребляется в разных падежных формах: он сходен с теми древними инфинитивами (§ 568), которые допускали ряд падежных форм в различной синтаксической функции.

Архаической чертой является также и то, что супин остался безразличным к залоговым и видовременным противопоставлениям (ср. § 491) и сохранил в этом смысле свой характер существительного.

Из италийских языков, помимо латинского, супин I засвидетельствован в умбромском.

И.-е. существительное с суффиксом *-tu- имело, в отличие от прилагательного на *-tos, полную ступень корня, ср. например, д.-и. инфинитив *sthátum* (< *stā-) и причастие *sthitáh* (< *stō-). В латинском языке это отличие сохранилось только в глаголе *stō*: супин *stātum*, причастие *stātus*¹.

Во всех прочих случаях основа супина выравнена с основой причастия на -tus, -sus в отношении трактовки корневой морфемы и начального согласного -t (-s-) суффикса.

О том, что супин со своей стороны мог в ряде случаев повлиять на оформление корневой морфемы причастия, упоминалось в §§ 671, 674.

§ 686. Супин имеет несколько падежных форм.

а) Супин на -tum, -sum (супин I) употребляется при глаголах движения *eō*, *currō* и т. д., или при глаголах, указывающих на побуждение к движению *dō*, *dūcō*, *vocō*, и обозначает то действие, которое является целью движения: *ire dormitum*, *dare nuptum*. Супин I восходит к винительному падежу существительного на -tus в беспредложном употреблении этого падежа при указании направления действия.

Форма *pressum* (*ire*, *dare* и т. д.) представляет собой супин не сохранившегося в историческое время глагола от корня *ped-* 'падать, попадать': ср. д.-и. *pādūate* 'падает', inf. *pātum*.

б) Супин на -tūī, -suī (дат. п.) встречается изредка при прилагательных в значении *dat. finālis* — *Vacch.* 62: *istaec lepida sunt memorātūī* 'это забавно для рассказа': Плиний, *N. H.* 6.203: *aqua rōtūī iūcunda* 'вода, приятная для питья': Ливий, 45.30.2: *dīvisūī facilis* 'легкий для раздела'.

в) Супин на -tū, -sū (супин II) может по форме восходить как к дательному, так и к отложительному падежу. Аблативное употреб-

¹ Существительное *status*, равно как и глагол *statuō*, обычно имеют -ā- под влиянием причастия, но у Плавта мы находим *in stātū* (*Mil.* 1389); ср. *stātūra* (Лупатий, 794).

ление формы ясно в таких случаях, как Катон, Agr. 5.5: (vīlicus) p̄m̄us cubitū surgat, postrēm̄us cubitum eat 'пусть вилик первым встает после сна, последним отходит ко сну': Men. 288: op̄s̄n̄ātū redeō 'возвращаюсь после покупки съестных припасов': Cist. 111: opus erit p̄m̄ptū; Вергилий. Aen. 9.595: indigna relatū.

Однако наиболее обычным случаем является употребление супина II при прилагательных: facilis factū и т. п., и здесь естественнее всего понимать форму на -tū как дательный падеж — 'легкий для совершения', ср. dīvisū facilis (пункт б), хотя эта форма могла осмысляться также как abl. līmitātiōnis.

§ 687. Уже в период первых литературных памятников категория супина является ослабленной и малопродуктивной. Это относится в первую очередь к супину II, который производится от сравнительно немногих глаголов (чаще всего factū, dictū, vīsū, nātū).

Употребление супина I также идет со временем на убыль. Писатели классического периода, кроме Саллюстия, не образуют супина I от отложительных глаголов. Сравнительно охотно пользуются супином I историки (Цезарь, Непот, Ливий), но уже Цицерон весьма сдержан в его употреблении и предпочитает синонимические конструкции (предложения цели, ad с герундием и т. д.). В период Империи супин I, потерявший в разговорной речи -m (§ 295), сохранялся преимущественно в книжном языке. В романские языки, кроме румынского, супин не перешел.

ПРИЧАСТИЕ И ИНФИНИТИВ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ АКТИВНЫХ И ОТЛОЖИТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ (PARTICIPĪUM FUTŪRĪ ĀCTĪVĪ, INFĪNĪTĪVUS FUTŪRĪ ĀCTĪVĪ)

§ 688. Participium futūrī āctīvī:

āctūrus, -a, -um

Infīnītīvus futūrī āctīvī:

āctūrūs (āctūrūm), āctūrā (āctūrām), āctūrūm	}	ēssē
āctūrī (āctūrōs), āctūrae (āctūrās), āctūrā		

§ 689. К супину морфологически примыкает причастие будущего времени на -tūrūs, -sūrūs, образуемое от активных глаголов (со значением действительного залога у переходных глаголов) и от отложительных глаголов. О том, что это причастие родственно именно супину, а не причастию перфекта, свидетельствует его ак-

тивное значение, а также форма *stātūrus* (с *-ā-*) при суппине *stātum* и перфектном причастии *stātus* (ср. § 685).

Инфинитив будущего времени образуется в соответствии с причастием будущего времени и имеет такой же залоговый характер.

В исторической системе латинского языка инфинитив будущего времени представляется аналитическим образованием, состоящим из именительного или винительного падежа причастия будущего времени и инфинитива *esse*. Однако есть основания полагать, что такое соотношение между причастием и инфинитивом будущего времени не является первоначальным.

Уже римские грамматики (Геллий, 1.7) обратили внимание на то, что в архаической латыни, а спорадически — и в языке классического периода, форма инфинитива на *-ūrum* (обычно без прибавления *esse*) бывает соотнесена с именными или местоименными формами женского рода или множественного числа, не «согласуясь» с ними — *Cas. 692 — 693: tē occīsūrum aī (a ne occīsūram)* '(Касина) говорит, что убьет тебя'; *Катон, Orīg. 5.15: illī pollicītī sēsē factūrum omnia (a ne factūrōs)* 'они обещали все выполнить'; *Г. Гракх у Геллия, 1.7.7: crēdō ego inimīcōs meōs hoc dictūrum (a ne dictūrōs)* 'я полагаю, что мои враги скажут это'; *Варрон, R. R. 1.68: pēnsilia ... dēscēnsūrum sē minitantur (a ne dēscēnsūra)* 'висячие плоды... угрожают опуститься'. Согласно Геллию (1.7.2), Цицерон писал (*Verr. 5.167*): *hanc sibi rem praesidiō spērant futūrum (a ne futūram)*. На основании этого материала уже во времена Геллия был сделан вывод, что форма на *-tūrum (-sūrum)*, не изменяющаяся по родам и числам, представляла собой не причастие, а инфинитив.

Происхождение инфинитива на *-tūrum* не получило еще общепринятого объяснения. Наибольшее внимания заслуживает предположение, что форма на *-tūrum* восходит к слиянию отглагольного существительного на *-tus* в форме дат. п. на *-ū* (§ 374), — ср. суппин II (§ 686 в), — с инфинитивной формой глагола *sum*, имевшей конечный элемент **-om* (ср. оско-умбрские инфинитивы: ос. *ezum*, умбр. *egom*): *factūrum < *factū esom* 'быть к совершению' (дат. *fīnālis*). Разумеется, речь идет здесь не о «заимствовании» инфинитивной формы **esom* из оско-умбрской группы, а о сохранении в слиянии с *-tū* древней общеталийской формы инфинитива, замененной в дальнейшем развитии латинского языка инфинитивом на **-sī > -sē* (§ 570).

Если это верно, форма на *-tūrum* уже заключает в себе инфинитив от *sum*. В более позднее время этот инфинитив, уже не ощу-

щавшийся, был заново восстановлен — *-tūrum esse*, но характерно, что даже в классический период *esse* в составе *īnf. futūri* в большинстве случаев «опускается», и инфинитив на *-tūrum* сохраняет свою старинную форму без *esse*.

На основе формы инфинитива была образована форма причастия на *-tūrus* по образцу соотношения между причастием перфекта *āctus* и инфинитивом *āctum esse*. В древней латыни эта форма встречается только в описательном спряжении: *factūrus sum* и т. д. В чисто причастном употреблении она появляется лишь в конце II в. до н. э. и становится распространенной в языке классического периода. В народно-разговорную речь это употребление, по-видимому, не проникало.

С возникновением *part. fut. āct.* в форме *īnf. fut. āct* создались различия родов и чисел.

Исследователи, не согласные с изложенным здесь взглядом на происхождение инфинитива и причастия будущего времени, предпочитают связывать эти формы с существительными на *-tūra*: *cultūra*, *nātūra*, *ūsūra*. Однако трудно представить себе, как на основе этого суффикса могли развиваться значения будущего времени.

§ 690. Основа причастия на *-tūrus*, как правило, совпадает с основой супина или причастия перфекта.

Futūrus (от основы *fu-*) в историческое время не имеет соотносительных форм супина или причастия перфекта, но возможно, что эти формы утрачены; ср. арх. *futāre* 'saepius fuisse' (Катон у Р. Ф. 79. 5), греч. *φύτῶν*.

Немногочисленные отклонения связаны обычно с тем, что основа инфекта распространяется на образование причастия будущего времени.

Здесь относятся следующие группы глаголов:

1) Некоторые глаголы на *-itūrus*: *fruitūrus*, *abnuitūrus*, *arguitūrus*, *ruitūrus*. Причиной могло быть стремление избежать последовательности двух *-ū-* (**fruitūrus*, **argūtūrus*), и возникшее этим путем новообразование могло распространиться на другие глаголы.

2) Лексико-семантическая группа глаголов, означающих рождение и смерть: *moritūrus*, *paritūrus*, *oritūrus*, позднее *nāscitūrus*. Новообразование могло возникнуть в глаголе *morior*, где не было супина, а перфектное причастие имело совершенно нерегулярную форму *mortuus*. Не исключено также и воздействие семантически близкого *peritūrus*.

3) Глаголы, у которых сушин и перфектное причастие не употреблялись: *lūgitūrus*; *ignōscitūrus*, рядом с *ignōtūrus*.

4) Глаголы 1-го и 4-го спряжения с нерегулярным образованием перфектного причастия или супина: *ivātūrus*, *sonātūrus*, *secātūrus*, позднее *haurītūrus*.

Дальнейшее распространение типа на *-sūrus* (ср. § 676) мы имеем в *hausūrus* (Вергилий, *Aen.* 4.383) рядом с *haustūrus*, ср. perf. *hausī*; позднее *capessūrus*, ср. perf. *capessī* (§ 628).

ИНФИНИТИВ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА (INFĪNĪTĪVUS FUTŪRĪ PASSĪVĪ)

§ 691. *ĪnfĪnĪtĪvus futŪrĪ passĪvĪ.* *āctŭm ĩrĭ.*

§ 692. Уже в древней латыни глагол *ēb* в сочетании с супином I утрачивал иногда свое лексическое значение и употреблялся как служебный глагол для описательного выражения будущего времени: *utī prohĭbitum ĩrem* (Катон у Феста, 280.22) 'для того, чтобы я воспрепятствовал'; пассивно — *contumĕlia, quae ... mihi factum ĩtur* (Катон у Геллия, 10.14.3) 'оскорбление, которое будет мне нанесено'. В инфинитивной конструкции получались сочетания *factum ĩre* и *factum ĩrĭ* (или *ĩrier*; § 572), и это последнее сочетание, где рядом с супином находилась неупотребительная в других функциях форма пассивного инфинитива *ĩrĭ*, было грамматикализовано в функции инфинитива будущего времени страдательного залога. *Curc.* 490 — 491: *mementō prŏmĭsisse tē ... mihi omne argentum redditum eirĭ (= ĩrĭ)*; *Rud.* 1242: *mihi istaec vidĕtur praeda praedātum ĩrier*.

Впоследствии *-um ĩrĭ* часто писалось как одно слово *-uirĭ* (об отпадении *-m* см. § 78).

ĪnfĪnĪtĪvus futŪrĪ passĪvĪ встречается сравнительно редко. Из писателей классического периода охотнее всего им пользуется Цицерон. У Цезаря в «*Bellum Gallĭcum*» всего 3 случая. В поздней латыни, если не считать подражателей Цицерону и юристов, в функции *inf. fut. pass.* обычно употреблялась форма *inf. fut. пассивного описательного спряжения* (§ 579) на *-ndum esse*.

ПРОПУЩЕННЫЕ РАЗДЕЛЫ

I. КАТЕГОРИИ ИМЕНИ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

РОД (*γένος, genus*)

§ 693. Одним из наиболее характерных морфологических признаков латинского существительного, выражающих его предметные значения, является принадлежность к некоторому грамматическому роду. Каждое существительное принадлежит к определенному роду, и этим оно отличается от прочих склоняемых частей речи: прилагательных, числительных, местоимений, причастий, у которых категория рода возникает лишь синтаксически, например, – в результате согласования с существительным, – и которые не принадлежат к определенному роду, а изменяются по родам. Из склоняемых слов только личные местоимения не причастны к категории рода (§ 414).

Принятые у нас наименования трех грамматических родов восходят к античным грамматикам. Еще софист Протагор разделил имена существительные на мужские, женские и “утварь” (*σκεῦη*), т.е. наименования вещей. Последнюю группу Аристотель называл *τὸ μεταξὺ* ‘промежуточное’, а впоследствии установился термин *οὐδέτερον* ‘ни тот, ни другой (род)’, который римляне передают через *neutrum*. К общему роду (*κοινῶν, commūnia*) принадлежат имена, допускающие при себе для выражения половых различий согласованное прилагательное как мужского, так и женского рода: *cīvis Atticus* (*Epid.* 602), *cīvis Attica* (*Poen.* 372).

§ 694. Классификация имен существительных по родам унаследована латинским языком от общеиндоевропейского языкового состояния (§ 18). Слова, принадлежащие общеиндоевропейскому словарному фонду, нередко совпадают в роде в разных языках:

м.р. – *pēs*, греч. дор. *πίς*, д.-и. *pāt*, нем. *Fuß*; *ager*, греч. *ἀγρός*, д.-и. *ájrañ*, нем. *Acker*; ж.р. – пох, греч. *νύξ*, нем. *Nacht*, русск. *ночь*; *hiems*, греч. *χιών*, русск. *зима*; ср.р. – *mare*, нем. *Meer*, русск. *море*; *cor*, греч. *κῆρ*, нем. *Herz*, русск. *сердце*. Унаследованной является также связь ряда словообразовательных суффиксов и падежных окончаний с категорией рода, например, – суффиксов *-ti-* (§ 761), *-dōn-* (§ 768), *-tāt-* (§ 774) с женским родом или окончания им.п. ед.ч. *-s* с мужским и женским родом.

Противопоставление среднего рода мужскому и женскому глубже пронизывает морфологическую структуру древних и.-е. языков, чем противопоставление мужского и женского родов. Средний род имеет особенности склонения, отличающие его от прочих родов – равенство именительного и винительного падежей,

особые окончания им. п. ед. ч. (в латинском языке всюду, кроме прилагательных “одного окончания” в 3-м склонении), окончания *-ā в им.-в.п. мн.ч. Принадлежность существительных к мужскому или женскому роду на склонении не отражается – scriba и terra, animus и humus, pater и māter, exercitus и manus, diēs и speciēs склоняются одинаково. Дифференциация мужского и женского рода прилагательных захватила в латинском языке только основы на -o- (2-е склонение) и в позднейшее время проникла в небольшую группу прилагательных 3-го склонения (тип aser–ācris, § 404). Прочие прилагательные 3-го склонения не различают мужского и женского рода, противопоставляя единую форму мужского и женского рода форме среднего рода. Неразличение мужского и женского рода в прилагательных характерно также и для некоторых других и.-е. языков; например, оно часто имеет место в греческом языке, распространяясь при этом на прилагательные как 3-го, так и 2-го склонений, и притом как раз на древние словообразовательные типы сложных слов (ἄβατος, εὐευής, εὐσχήμων и т.д.). Эти особенности морфологической структуры древних и.-е. языков заставляют предполагать, что средний род некогда противостоял мужскому и женскому не как двум самостоятельным родам, а как единому целому, лишь впоследствии расщепившемуся на два отдельных рода. Двучленная родовая классификация предшествует трехчленной. Как было указано в § 18, из сохранившихся древних и.-е. языков такую двучленную классификацию имеет только хеттский язык.

§ 695. Проблема происхождения родовой классификации в и.-е. языках сводится к двум основным вопросам: 1) как возникла классификация, в которой среднему роду противостоял только один род; 2) в силу каких причин этот единый род расщепился на мужской и женский?

Ни один из этих вопросов не получил еще окончательного разрешения.

Согласно наиболее вероятному предположению, в основе двучленной классификации лежит противопоставление активного и инертного, одушевленного и неодушевленного. лица и вещи, как это, например, имеет место в вопросительно-неопределенном местоимении – quis, quid ‘кто’, ‘что’. Однако в применении к именам эта характеристика хорошо подходит только к одному из членов противопоставления – среднему роду. Существительные среднего рода, действительно, обычно обозначают неживое, неактивное, нерасчлененное. В латинском языке имена, обозначающие людей, только тогда бывают среднего рода, когда человек рассматривается как вещь в условиях рабовладельческого общества: mancipium ‘раб’, prōstibulum ‘проститутка’. Греческие женские имена на -ου получали в латинском языке конечный элемент -ium, но против

общего правила об именах на -um (§ 326) сохраняли женский род: hanc... Philocōmasium (Mīl. 1296).

Относительно животных уже Сервий (схолий к Georg. 1.207) замечал: “nūllum enim habet latīnitās nōmen animālis, quod neutrī sit generis”. Латинский язык действительно не имеет ни одного наименования животного в среднем роде (кроме поздно возникшего обобщенного animal и заимствованного ostreum, вместо которого предпочиталась форма женского рода ostrea). Любопытны семантические противопоставления в именах несреднего и среднего рода, образованных от одной основы: плодовое дерево и плод – mālus ‘яблоня’ и mālum ‘яблоко’, ригус ‘грушевое дерево’ и ригум ‘груша (плод)’; отдельный предмет и множество – vallus ‘кол’ и vallum ‘часток, изгородь’. На изначальную инертность, неактивность имен среднего рода, по-видимому, указывает и то обстоятельство, что они не имеют самостоятельной формы именительного падежа, отличной от винительного; это – имена, не обозначающие действующего. По сравнению с мужским и женским родом средний род представляет собой менее “выразительную” форму, и прилагательное среднего рода может служить сказуемым при подлежащем мужского или женского рода, указывая на соотношение признака с отвлеченно рассматриваемым предметом, независимо от родового и числового значения подлежащего: trīste (‘печальное явление’) lupus stabulīs (Вергилий, Ecl. 3.80).

Однако, и в этом трудность вопроса, род, противостоящий среднему, никогда в доступное исследование время не содержал в себе одни только наименования одушевленных или “активных” предметов, а распространялся также на имена неподвижных вещей и отвлеченных понятий. В какой мере здесь могло играть роль олицетворение, приписывание личных свойств неживому, судить трудно. К “активному” роду относились отглагольные имена, обозначающие глагольный процесс (nōmina āctiōnis), а такие имена могут получить значение результата действия: vestis, nātīd, portīd; имена предметов, служащих для какого-нибудь действия, образуются нередко как имена деятеля: toga от tegd, rota ‘колесо’ при ирл. rethim ‘бегу’. Такого рода процессы приводили к тому, что значительное количество наименований “вещей” оказывалось принадлежащим “активному” роду.

При разделении имен “активного” рода на два рода, именуемые по традиции мужским и женским, родовая дифференциация используется как средство выражения половых различий, но выходит далеко за их пределы. К женскому роду относятся не только наименования живых существ женского пола, но и большое количество имен неодушевленных предметов, в том числе многие отвлеченные имена действия и качества, ср. латинские суффиксы -tāt-, -tūt- (§ 774), -tīd- (§ 768), и такие корневые имена, как pex, rāx,

fraus, spēs. С другой стороны, половые различия живых существ отнюдь не всегда получают выражение в грамматическом роде.

Так, наименования животных в огромном большинстве случаев не содержат указания на пол и служат одновременно для обозначения самки и самца, но принадлежат лишь к одному из грамматических родов – мужскому или женскому: *hic turdus, haec merula*. Греческие грамматики называют такие имена ἐπίκοια. Выражение пола с помощью особых корней (*taurus – vacca*), суффиксов (*equus – equa, columbus – columba*), присоединения прилагательного к имени общего рода (*lupus fēta*). Эний, Апп. 68) встречаются главным образом в наименованиях крупных животных или имеющих хозяйственное значение, и в ряде случаев возникают сравнительно поздно: так, по сообщению Варрона (L.L. 9.56), в древней латыни еще не было слова *columbus* для обозначения голубя-самца; *equa* представляет собой более позднее образование, чем *equus*, ср. греч. ἵππος, обозначавшее и самца, и самку.

Ἐπίκοια, относящиеся к людям – *homō, auctor, hērēs* – всегда мужского рода, и имена женского рода, обозначающие людей, заключают в себе указание на женский пол. Это, конечно, связано с тем, что при подчиненном положении женщины в патриархальном и затем рабовладельческом обществе, наименования, характеризовавшие людей по профессии, общественному положению и т.д. оформлялись там, где не шла речь о специфически женских занятиях (например, *praefica* ‘плакательница’), как имена мужского рода; расширение женских профессий и развитие прав женщины приводило нередко к тому, что прежние ἐπίκοια становились *comptūlia*, например, *hērēs*, и рядом с именами мужского рода появились соотносительные имена женского рода: *tribūna, medica*, позднее *equitissa*; имя *auctor*, употреблявшееся в древней латыни как ἐπίκοιον, становится в классический период *comptūne*, а в поздней латыни допускает рядом с собой *auctrix*.

В наименованиях живых существ слова женского рода резко выражают пол, чем соотносительные имена мужского рода, которые всегда могут употребляться безразлично к полу, обозначая любое животное определенного вида, лицо данной профессии и т.д.: *equus, mīmus, deus* могут содержать указания на пол, в то время как *equa, mīma, dea* обязательно это указание содержат. В связи с этой невыразительностью мужского рода стоит также употребление форм мужского рода множественного числа при обозначении множества, заключающего в себе особой обоего пола: *parentēs* ‘родители’, *dī immortālēs* – представляет собой обращение к богам и богиням совместно. То же имеет место, когда одно прилагательное (или местоимение) служит определением для нескольких определяемых, обозначающих лиц разного пола, Merc. 659 (трохенческий селтенар).

eo domum patrem atque matrem ut meos salutem postea.

§ 696. В исторический период развития латинского языка родовые различия сохраняют знаменательный (семантический) характер почти исключительно в сфере половых различий живых существ. В этих случаях лексическое значение существительного определяет его родовую принадлежность. К именам, выражающим естественный пол, присоединяются и некоторые другие семантические группы. Имена деревьев – женского рода: *fāgus* (ср. греч. ἡ φηγός); дерево, очевидно, мыслилось как родительница своих плодов. Сюда же относится, вероятно, женский род существительных, обозначающих землю: *humus, tellūs*.

С мифологическим представлением о мужском речном божестве связан мужской род в наименованиях италийских рек – *Tiberis, Albula*, распространяющийся обычно также и на реки вне Италии: *Garumna, Mosella*. Знаменательный характер сохраняет недопущен-

ние среднего рода в именах животных. Мужской род в наименованиях месяцев – *Jānuārius*, *Aprīlis*, и ветров – *Aquilō*, *Auster*, *Etēsiae* ('пассаты' мн.ч.) связан с принадлежностью нарицательных имен *mēnsis*, *ventus* к мужскому роду. Имена гор иногда получают мужской род под влиянием *mōns*: *Aetna*. Имена городов и стран на *-os>-us*, заимствованные из греческого языка, – *Aegyptus*, *Lesbos*, *Corinthus* – получили в литературном латинском языке женский род по греческому образцу; ср. однако **CORINTO DELETO** (CIL I². 626, на триумфальной надписи Л. Муммия в 145 г. до н.э.).

В прочих случаях род существительных лишен знаменательности и определяется традицией, почти всегда закрепившей определенные суффиксы или падежные окончания за тем или иным родом. Это закрепление в латинском языке зашло значительно дальше, чем в греческом. Если оставить в стороне те семантические группы, в которых род слова определяется его значением, то латинский язык не имеет имен мужского рода с основой на *-ā* (1-е склонение) и сохранил только единичные имена женского рода в основах на *-o-* и *-u-* (2-е и 4-е склонения).

Традиция школьной грамматики латинского языка связывает род имени существительного с "окончанием", т.е. с конечным элементом им.п. ед.ч., независимо от происхождения этого элемента и его морфологической функции. При такой группировке слов морфологические обобщения неизбежно сопровождаются многочисленными "исключениями". Например, имена существительные с суффиксами *-ōs-* (> *-ōg-*) и *-ōg-* – всегда мужского рода: *honorōs* (*honor*), *-ōgis*; *brātor*, *-ōgis*. Формулировка правила, исходящая из конечного элемента формы им.п. ед.ч. ("имена на *-ōs-* и *-ōg-*") распространяется, однако, на существительные совершенно иной морфологической структуры: *ōs* 'рот' (где элемент *ōs* является корнем), *dōs* < **dō-t-s* (где элемент *-ōs* складывается из корневого гласного и падежного окончания), *aerōg* (с суффиксом *-ōg-*, а не *-ōg-*), *coq* (где элемент *-ōg-* корневой); эти слова оказываются "исключениями". "Исключение" *os*(s) 'кость', которое иногда приводится в грамматиках в этой же связи, имеет только графическое сходство с типом *honorōs*. Исторических связей, установившихся между словообразовательными морфемами и родом, эти школьные правила не раскрывают.

§ 697. Незнаменательность категории рода (кроме сферы живых существ) создавала почву для колебаний в роде отдельного слова, которые могли сопровождаться возникновением морфологических дублетов. Дублетные образования форм мужского и среднего рода встречаются среди наименований частей тела: *uterus* – *uterum* (эта двойственность, может быть, унаследована, ср. д.-и. *udāram* – ср.п.; греч. *ὄδερως* в словаре Гесихия), *collus* – *collum*, *tergus* – *tergum* (а также *tergus*, *-oris* – ср.п.); орудий: *rāster* – *rāstrum*, *gladius* – *gladium*; ср. также *caelus* (Энний, Ann.546) – *caelum*. К именам среднего рода на *-um* на базе множественного числа на *-a*, имеющего собирательное значение (§ 18), иногда присоединяется дублетное образование женского рода на *-a*: *caementum* (мн.ч. *caementa*) – *caementa*. Колебания между мужским и женским родом бывают в основах на *-i-*: *amnis* (ж.р. в архаической латыни, м.р. – в языке клас-

сического периода), *finis* и т.д. Однако случаи таких колебаний немногочисленны.

§ 698. С наступившим в эпоху перехода латинского языка в романские упадком именной флексии изменилась и система родов. Слабым местом латинской родовой системы был средний род, лишенный ясно выраженной знаменательности и отличавшийся от мужского немногими падежными формами. Первые признаки ослабления категории среднего рода в народно-разговорной речи мы наблюдаем в “Сатириконе” Петрония, где неправильное употребление среднего рода и замена его мужским или женским является одним из признаков языка вольноотпущенников. Впоследствии, с утратой конечных *-m* и *-s* (§§ 220, 219), с переходом *ī > ē* (§ 158), формальные отличия среднего рода от мужского и женского оказались совершенно ничтожными, и категория среднего рода распалась. В романских языках среднего рода уже нет, и унаследованные из латинского языка существительные среднего рода распределились между двумя сохранившимися родами – мужским и женским.

ЧИСЛО (*ἀριθμός, numerus*)

§ 699. Единственная словоизменительная категория, являющаяся общей для всех изменяемых частей речи, как склоняемых, так и глаголов – это число.

Общеиндоевропейское языковое состояние характеризовалось противопоставлением трех грамматических чисел – единственного, двойственного и множественного. В латинском языке, как и в прочих италийских, грамматическая категория двойственного числа утеряна. Остатки форм, обслуживавших двойственное число, сохранились, например, в оформлении числительных *duo* и *ambo*.

О других предполагаемых следах форм двойственного числа, изменивших свою функцию, см. §§ 327, 343, 344.

Различия в грамматическом числе выражаются с помощью флективных окончаний слова; основа безразлична к грамматическому числу. Это обнаруживается, между прочим, в сложных именах: *rēgīfugium* не содержит указания, бежал ли один царь или несколько.

§ 700. Форма единственного числа указывает как на численную единичность предмета: *dērīdēbō hercle hominē* (‘этого человека’, Pseud. 1059), так и единоклассность выражаемого понятия, *Asin. 495*:
lupus est homō hominī, nōn homō,
quom quālis sit nōn nōvit (ямбич. септенар).

Единственное число поэтому может употребляться в коллективном значении – *Rōmānus sedendō vincit* (*vetus proverbium*, по словам Варрона), – особенно часто в народно-разговорной речи: *leōnem... ferre* ‘охотиться на льва’ (Саллюстий, *Jug. 6. i*).

Форма множественного числа в тех словах, где она противопоставлена форме единственного числа, обычно указывает на раздельную множественность предметов: *dux* – *ducēs*, *pēs* – *pedēs*. Имена предметов, допускающих счет и способных употребляться в сочетании с числительными, всегда могут иметь форму множественного числа в этом значении. Имена предметов, не допускающих счета – вещественные, отвлеченные и т.д., – либо употребляются только в форме единственного числа (*singulāria tantum*), либо принимают форму множественного числа в иных значениях. Дело в том, что семантическое противопоставление единственного числа множественному не всегда принимает форму отношения единичного предмета ко множеству однородных с ним предметов.

Возможны и другие соотношения, особенно если речь идет о предметах, не допускающих счета: единая совокупность и множество единиц, из которых эта совокупность составлена: *populus* ‘народ’ и *populī* в значении ‘люди’ – Плиний N.H. 28.4 *intuentibus populīis*; *pīlum*ное *poploe* (= *pīlatī populī*) в Гимне Салиев (Фест, 224.4); вещество и отдельные сорта или куски его, или предметы, изготовленные из него: *vīnum* ‘вино’ – *vīna* ‘вина’, *carō* ‘мясо’ – *carnēs* ‘куски мяса’, *aes* ‘медь’ – *aera* ‘медные предметы’; вещество, рассматриваемое как однородная масса, и оно же в своей множественной протяженности: *frūmentum* ‘хлеб (зерновой)’ – *frūmenta* ‘хлеб’ – Цезарь, B.G. 1.16.1-3, “*Interim cotidie Caesar Aeduōs frūmentum quod essent publicē polliciti, flāgitāre. Nam propter frigora nōn modō frūmenta in agrīs mātūra nōn erant, sed nē pābuli quidem satis magnā copia suppetēbat, eō autem frūmentō, quod flūmine Arare nāvibus subvēherat, propterea ūti minus poterat, quod...*”; отвлеченное понятие и его виды или конкретные проявления: *omnēs avāritiae* ‘все виды корыстолюбия’, *furōrēs* ‘проявления безумия’, *cōnscientiae* ‘упреки совести’, *religiōnēs* ‘религиозные обряды’ – и такое употребление множественного числа отвлеченных существительных с течением времени все более возрастает; собственное имя и множество единиц, сходных в какой-либо типической черте с носителем собственного имени, – Марциал (8.55 (56).5):

sint Maecēnātēs nōn dērun, Flacce, Marōnēs.

С другой стороны, множественное число может иметь собирательное значение единой совокупности, сплошной массы: *haerēna* ‘песок’, *haerēnae* ‘пески, пустыня’, *parentēs*. Значение собирательности обнаруживается и в тех формах множественного числа, которые указывают на многосоставность предмета, – *commentārii*; промежуток времени – *tempora*, протяженный характер местности – *litora* и т.п.

Редко, и только в памятниках периода империи, встречается эллиптическое множественное число – обозначение совокупности неоднородных предметов множественным числом имени одного из предметов: *Castorēs* ‘Кастор и Поллукс’ (и в том же значении *Pollūcēs*), *patrēs* ‘отец и мать, родители’.

Семантика множественного, повторного, сложного может придавать формам множественного числа экспрессивный момент значительности и мощности. Экспрессивный характер имеет, например, засвидетельствованное со времен Плавта употребление множественного числа *gaudia*, Poen. 1275:

quom hāc mē laetitīā adfēcistis tantā et tantīs gaudiīs (трох. септенар), ср. Цицерон, Cat. 1.26: Hic tū quā laetitīā perfruēre, quibus gaudiīs exsultābīs, quantā in voluptāte bacchābere.

Употребление множественного числа *gaudia* настолько прочно укоренилось в народно-разговорной речи, что к этой форме – уже в функции единственного числа – восходят формы романских языков: итал. *gioia*, фр. *joie*.

На базе “особых значений” множественного числа нередко возникает лексический отрыв формы множественного числа от единственного, и форма множественного числа становится самостоятельным словом: *aedis* – *aedēs*, *littera* – *litterae*, *cōpia* – *cōpiae*, *auxilium* – *auxilia*.

§ 701. Некоторые существительные употребляются только в форме множественного числа. Сюда относятся слова, обозначающие совокупность лиц или предметов – *maiorēs*, *penatēs*, *Mānēs*, *Alpēs*, *arma*, *reliquiae*, – а также слова, обозначающие сложное целое, части тела (иногда парные), орудия, действия и т.д.: *exta*, *glandulae*, *servicēs*, *clitellae*, *cūnae*, *compedēs*, *insidiae*, *mūnia*, в частности, сюда относятся наименования промежутков времени – *Kalendae*, *Nōnae*, *Idūs*, *nūndinae*, *tenebrae* (д.-и. *tāmīraḥ*, ср. русск. *сумерки*), праздников и церемоний – *Cōnsuālia*, *spōnsālia*, *nuptiae*, *exsequiae*, обозначения места – *lapicidīnae* – и собственные имена городов – *Bovillae*, *Capnae*.

Множественное число встречается в устойчивых словосочетаниях со значением состояния: *in somnīs*, *mīrīs modīs*. Как мы видели в § 700, ряд *plūrālia tantum* возник в результате лексического отрыва формы множественного числа от единственного. С другой стороны, в процессе развития языка возникали формы единственного числа в словах, раньше бывших *plūrālia tantum* – *cervix*, *compēs*, *littera* ‘письмо’ и т.д.

§ 702. Греческий и хеттский языки, равно как и древнейшие индоиранские памятники, свидетельствуют о том, что при подлежащем во множественном числе среднего рода глагольное сказуемое ставится в единственном числе.¹ Это особое положение множественного числа среднего рода восходит к общендоевропейскому языковому состоянию и связано с тем, что имена среднего рода не-

¹ В хеттском языке это правило распространяется также на именное сказуемое и на притяжательные местоимения, служащие определением к существительным среднего рода в им. – вин. падеже множественного числа.

когда имели не множественное число в собственном смысле слова, а только собирательную форму единственного числа на *-a/-э для обозначения совокупности “инертных” предметов (§ 18). Греческий язык сохранил в ряде слов активного рода эту собирательную форму наравне с формой множественного числа: *μηρός – μηροί – μηρα, κέλευθος – κέλευθοι – κέλευθα, κύκλος – κύκλοι – κύκλα*. В дальнейшем развитии индоевропейских языков эта разница между множественным числом среднего рода и других родов была устранена. Латинский язык сохранил лишь некоторые следы собирательного значения множественного числа среднего рода – в первую очередь в употреблении субстантивированных прилагательных, причастий и местоимений; Овидий, *Met.* 1.19: *frīgida pugnābant calidīs, ūmentia siccīs*; Вергилий, *Aen.* 2.725: *ferimur per opāca locōrum*; Цезарь, *B.G.* 1.3.1.: *(Helvetiī) cōnstituērunt ea, quae ad proficiscendum pertinērent, comparāre*.

С этим же связана возможность постановки сказуемого (или определения) во множественном числе среднего рода при расчлененном подлежащем (или определяемом), состоящем из неодушевленных имен других родов и чисел, Саллюстий, *Cat.* 20.2: *nī virtus fidēsque vestra spectāta mihi forent*; Цицерон, *Tusc.* 1.56: *Sanguinem, bīlem, pītuitam, ... videor posse dīcere unde concrēta... sint*. Собирательная форма на -а рядом с обычной формой множественного числа сохранилась в *loca – locī* (§ 327).

§ 703. Экспрессивное употребление множественного числа, по-видимому, было свойственно высокому стилю еще в период архаической латыни, ср. пародию на речь победоносного полководца у Плавта, *Persa* 753-754 (анapestы):

*“Hostibus victis, civibus salvīs, rē placidā, pācibus perfectīs
bellō extinctō...”*

В “Реторике к Гереннию” (4.15) короткий образчик напыщенного стиля содержит ряд экспрессивных форм множественного числа: *“Nam quī perduellionibus (‘изменами’) venditat patriam, nōn satis supplicii dedit, sī praiceps in Neptūniās dēpulsus erit lacūnās. Paenitet igitur istum, quī montēs bellī fabricātus est, campōs sustulit pācis”*.

В римской поэзии, особенно в дактилической, уже начиная с Энния встречается *plūralis poëticus*, – выходящее за нормы обычного литературного языка и свойственное только поэтическому стилю употребление множественного числа, – Энний, *Ann.* 141: *“regna reserit”*; там же, 137: *per aequora campī*.

Особенно широкое распространение *plūralis poëticus* получает в поэзии классического периода и в I в. н. э. распространяется на тяготеющую к поэтическим средствам выражения риторическую прозу. В *plūralis poëticus* чаще всего ставятся слова среднего рода и кроме того слова, принадлежащие к определенным семантическим группам, близким к тем категориям значений, которые мы встреча-

ли среди “особых значений” множественного числа и в *plūralia tantum*. Сюда относятся вещественные имена – *hordea, mella, vīna, harēnae*, наименования частей тела – *pectora, terga, colla, vultūs*, орудий – *arātra, iuga, arcūs, currūs*, одежды – *pallia*, места – *limina, litora, focī, thalamī, Capitōlia, Pergama*, церемоний – *сonūbia, foedera, triumphī*, отвлеченные понятия – *ōtia, recursūs*. В ряде случаев *plūralis poēticus* создается по аналогии с *plūralia tantum*: *ārae*, ср. *altāria, fūnera* ср. *exsequiae*, *portae* ср. *forēs*, иногда возможно и греческое влияние: *thalamī*, ср. *θάλαμοι*; *focī*, ср. *ἑσχάροι*.

Рост *plūralis poēticus* покоится на семантических и экспрессивных возможностях, заложенных в латинском множественном числе, однако в его распространении очень большую роль играла необходимость приспособить дактилический размер к сравнительно бедному сериями двух кратких слогов латинскому языку. Форма множественного числа среднего рода на *-a* представляла в этом отношении значительные удобства. Из слов просодического типа *hordeum* только форма *hordea* могла попасть в дактилический размер без элизии. В результате употребление множественного числа превратилось в прием, отличавший поэтический стиль от прозаического, но очень часто не сопровождавшийся семантическими или экспрессивными отличиями множественного числа от единственного, ср. Проперций, 2.13.33, сл.:

Et sit in exiguō laurus super addita bustō,
 Quae tegat extīnctī fūneris umbra locum...
 Nec minus haec nostrī nōtescet fāma sepulcrī,
 Quam fuerant Pthīi busta cruenta virī.

Пользование единственным или множественным числом иногда зависит поэтому исключительно от размера, – Катулл и Гораций пользуются формой *ōtia* только в дактилических размерах, а в других метрах употребляют *ōtium*.

§ 704. Особые значения личного местоимения *pōs* и глагольной формы I л. множественного числа рассматриваются в § 414. Притяжательное местоимение *poster*, причастное к тем же значениям, употребляется нередко в поэзии без какого-либо семантического или экспрессивного отличия от *meus*, Проперций, 2.8.19-20:

Exagitet nostrōs Mānēs, sectētur et umbrās,
 Insultetque rogīs, calcet et ossa mea.

ПАДЕЖ (πτῶσις, cāsus)

§ 705. Для общеиндоевропейского языкового состояния устанавливаются те восемь падежей, которые сохранены древними индоиранскими языками: именительный, винительный, творительный (инструментальный), дательный, отложительный (аблатив обозначает исходную точку: откуда?), родительный, местный и зватель-

ный. О значении этой сравнительно-исторической реконструкции подробно говорилось уже в §§ 307-309; ср также раздел "Категории именной флексии" в Приложении. Эта развернутая падежная система создавалась, очевидно, в течение длительного времени и содержит в себе слои различной древности. С другой стороны, не исключена возможность, что некогда падежей было больше и что многообразие функций таких падежей, как винительный или родительный, возникло в результате слияния прежде самостоятельных падежей в один.

Падежи выражались окончаниями, присоединяемыми к основе имени (местоимения); при этом окончание указывало не только на падежи, но и на число. Однако не все падежи имели особые формы для разных чисел. В хеттском языке, например, формы творительного падежа, отложительного и, как правило, родительного, безразличны к числу. В других языках эти безразличные к числу формы остались в функции единственного числа, недостающие падежные формы двойственного и множественного числа были восполнены путем использования наречных окончаний¹. Этот процесс происходил в различных ветвях или группах ветвей и.-е. семьи самостоятельно и приводил к различным результатам. Вошедших в склонение наречных образований не хватало для всех падежей, и это приводило к систематической, проходящей через все склонение омонимии падежных форм. Например, в итальянской, кельтской и германской ветви дательный, творительный, отложительный и местный падежи множественного числа обслуживались единой формой. Особенно бедно дифференцированными падежными формами было двойственное число.

В других случаях падежная омонимия распространялась только на склонение одной части именных основ. Отложительный падеж имел особую форму только в единственном числе склонения основ на -e/o-. В прочих случаях форма отложительного падежа единственного числа совпадала с формой родительного падежа.

§ 706. Ни один из современных и.-е. языков не сохранил восьми древних падежей. Число падежей всюду сокращалось. Уже древнейшие памятники всех ветвей, кроме индоиранской, являют падежную систему в редуцированном виде. Редукция происходит в результате слияния прежде самостоятельных падежей в единый падеж. Соотношение между общиндоевропейской, древнеиндийской, старославянской, греческой, итальянской (оско-умбрской) и латинской падежными системами можно изобразить на следующей схеме:

¹ Ср. в гомеровском языке не вошедшие в парадигму склонения наречные образования на -φι, функционирующие в значении отложительного, местного, дательного, творительного и даже родительного падежа, как в единственном, так и во множественном числе.

и.-е.	д.-и.	ст.-сл.	греч.	оск.-умбр.	лат.		
им.	им.	им.	им.	им.	им.		
зват.	зват.	зват.	зват.	зват.	зват.		
вин.	вин.	вин.	вин.	вин.	вин.		
род.	род.	} род.	} род.	род.	род.		
отлож.	отлож.			} отлож.	} отлож.	} отлож.	
творит.	творит.	} местн.	} местн.				} местн.
местн.	местн.						
дат.	дат.	дат.	дат.	дат.	дат.		

В италийской ветви слились, таким образом, отложительный и творительный падеж (§ 18, 308, 731); с падежом, образовавшимся из их слияния, слился в латинском языке местный падеж.

Редукция падежей продолжалась и в историческое время. Греческий язык в процессе своего исторического развития утратил дательный падеж, в русском языке исчез звательный. В латинском языке звательный падеж и возникший из слияния трех падежей аблатив редуцировались в народно-разговорной речи периода империи; в развившихся из латинского романских языках (кроме румынского) дальнейшая редукция падежной системы привела – в разное время (во французском языке, например, лишь в XIV в.) – к полному исчезновению изменения имени по падежам.

§ 707. Редукция падежной системы, имевшая место во всех ветвях и.-е. языковой семьи, вызывалась совокупностью причин, действовавших по-разному в разных ветвях и языках в различные моменты их истории. Одним из важнейших факторов, видоизменявших падежную систему, был рост употребления предлогов (§§ 309, 805 сл.). Грамматические отношения, выражаемые падежными формами, очень рано потребовали конкретизации и уточнения с помощью предлогов. В первую очередь это произошло в падежах, обозначающих пространственно-временные отношения. При выражении грамматических отношений путем сочетания предлогов с падежной формой функция дифференциации значений переходит нередко на предлоги, а падежная форма теряет свою выразительность и становится излишней. Специальная падежная форма оказывалась излишней и в том случае, когда ее значение выражалось особой интонацией, – например, форма звательного падежа в обращении. Однако такого рода факторы обычно сами по себе не приводят к редукции падежей, если к ним не присоединяются добавочные моменты. К числу последних относится падежная омонимия, распространяющаяся из одной области склонения на прочие, например, – из множественного числа на единственное. Доисторическая редукция латинской падежной системы, слияние отложительного, творительного и местного падежей имела место при

условию выражения ряда основных падежных значений предлогами (*ab, cum, in* и т.д.) и при омонимности форм во множественном числе. Значительную роль в редукции падежной системы и.-е. языков может играть фонетическое ослабление конца слова, лишаящее падежную форму ее дифференцирующих признаков. С такого рода процессами связана редукция аблатива в поздней латыни и окончательная утрата именной падежной флексии в романских языках.

§ 708. Рассматривая в нижеследующих параграфах основные значения латинских падежей, мы имеем в виду те значения, которые обнаруживаются в формах склонения существительных, субстантивированных прилагательных и числительных, предметных (“субстантивных”) местоимений. Значения падежей несубстантивированных прилагательных и соотносительных с ними числительных и местоимений определяются согласованием с падежами существительного.

Именительный падеж (*ὄνομαστικὴ, nōminātīvus*)

§ 709. Именительный падеж обозначает предмет, не указывая на связи имени (местоимения) с другими словами. Именительный падеж может поэтому служить для называния предмета вне предложения – например, в заглавиях. В предложении он выступает в функции главных, независимых его членов, как подлежащее, именное сказуемое или приложение к подлежащему и сказуемому. Не указывая своей формой на синтаксические связи, именительный падеж легко обособляется, Рочен. 1069:

pater tuos, is erat frāter patruēlis meus (ямб. сенар);

Кальпурний Писон (у Геллия: 7.9.5):

hī contemnentēs eum, assurgere ei nēmō voluit.

Когда синтаксическая связь нарушается приведением чужих слов, интонационной паузой и т.п., имя имеет тенденцию выступать в именительном падеже. Овидий, *Met.* 15.96:

at vetus illa aetās, cui fēcimus aurea nōmen;

CIL 6.10052:

vicit Scorpus equis his: Pegasus, Elates, Andraemo, Cotynus.

Звательный падеж (*κλητικὴ, vocātīvus*)

§ 710. Звательный падеж служит формой обращения и указывает на адресата речи. Еще со времен общиндоевропейского языкового состояния особая форма звательного падежа образовывалась только в единственном числе имен активного (м. и ж.) рода. В прочих случаях формы звательного падежа не отличались от форм именительного. Местоимения также не имели особой формы для

звательного падежа (например, в обращении, *tū*; об употреблении *mī* в обращениях см. § 423).

Исконной областью употребления звательного падежа было, таким образом, обращение к индивидуальному лицу, в первую очередь к лицу, названному его собственным именем. Когда для обращения служит нарицательное имя или прилагательное, а с обращением переплетается характеристика названного лица, наряду со звательным падежом в и.-е. языках издавна мог употребляться именительный – как приложение к подразумеваемому подлежащему ‘ты’: гом. *Δός, φίλος* (ρ 415). С другой стороны, звательная интонация мало приспособлена к длинным словосочетаниям. В языке Вед, например, при обращении к двум лицам в звательном падеже часто ставится только имя первого лица, а имя второго лица присоединяется с помощью частицы *ca* (= лат. *-que*) в именительном падеже. То же у Гомера (Г 276 сл.) *Ζεῦ πάτερ, ... Ἡέλιός θ’*. В осуществление обеих указанных тенденций, определения и приложения к звательному падежу нередко выступают в именительном падеже: (Илиада Δ 189) *φίλος ὦ Μενέλαε*; Платон, Prot. 337 С, *ὦ ἄνδρες ... οἱ παρόντες*. Все эти причины вели к ослаблению категории звательного падежа.

Уже в древнейших памятниках латинского языка звательный падеж имел самостоятельное выражение только в именах 2-го склонения на *-us* (§ 330): *O salvē exoptāte gnāte mī* (Capt. 1006); *Curculiō exoptāte salvē* (Circ. 306).

При наличии атрибутивного прилагательного или местоимения звательный падеж нарицательного имени мог заменяться именительным падежом, особенно в разговорной речи:

meus oculus, dā mihī sāvium (Stich. 764);

dī tē servāssint semper,

custōs erīlis, decus poplī, thēnsaurus cōpiārum (Asin. 654–655, ямбич. септенар).

Равным образом именительный падеж может служить приложением к звательному: Овидий, Her. 14.73,

surge age, Bēlidē, dē tot modo frātribus ūnus;

Август (у Геллия, 15.7.3),

avē, mī Gāi meus asellus iūcundissimus.

В книжной речи наблюдается противоположная тенденция к расширению употребления звательного падежа путем распространения его на именной предикативный член: *sic veniās hodie* (Тибулл, 1.7.53), ср. греч. *δλβιε κοῦρε γένοιο* (Феоокрит, 17.66).

В живой речи периода империи, однако, именительный падеж стал вытеснять звательный даже в собственных именах: *Latimius va(ie)* (4.4844). Романские языки не имеют звательного падежа.

Междометие *ō* при обращении сохранило в древней латыни и в прозе классического периода свой экспрессивный характер. В поэзии, однако, употребление *ō* расширилось по образцу греческого

ῶ, ср. Вергилий, *Aen.* 6.318, “dīc” ait, “ῶ virgō, quid volt concursus ad animum?”, и это привело к ослаблению его экспрессивного значения.

Винительный падеж (ἀἰτιτικῆ, accusativus)

§ 711. Винительный падеж имеет в латинском языке ряд значений, не образующих стройной системы. Это многообразие в значительной мере унаследовано латинским языком от общеиндоевропейского языкового состояния и свидетельствует о длительном процессе исторического развития, этапы которого отложились в различных значениях винительного падежа¹.

§ 712. 1) Винительный падеж прямого объекта находится обычно в сочетании с глаголом и в противоположность именительному падежу, падежу носителя глагольного процесса, указывает предмет, на который процесс направлен или в котором он выявляется. Этот падеж выражает связь предмета с глагольным процессом в самой общей форме, не указывая ни на какие особые отношения, которые обозначаются другими косвенными падежами или постановкой предлогов. Объект может существовать до действия (внешний объект) – *arcum flectere*, может возникать как результат действия – *furtum facere*, может, наконец, составлять самое содержание действия – *servitūtem servīre* (винительный содержания).

В латинском языке винительный прямого объекта получил очень широкое распространение, вытесняя другие приглагольные падежи. Область применения приглагольного родительного падежа очень сокращена в латинском языке по сравнению с другими древними и.-е. языками в пользу винительного падежа (ср. § 721). При некоторых глаголах винительный падеж сосуществует рядом с другими падежами, и в большинстве случаев развитие языка ведет к вытеснению этих падежей, – например, дательного падежа при *cūrō, vītō, superō* и т.д.; однако при *potior, fungor, fruor, ūtor*, допускающих при себе винительный и отложительный падеж, в языке классического периода предпочитается отложительный.

Продуктивную группу составляют при распространении винительного падежа глаголы, обозначающие чувства – *gaudeō, doleō, maereō* и т.д.; в отличие от отложительного падежа, указывающего при этих глаголах на внешний предмет, который вызывает чувство, винительный падеж устанавливает между предметом и чувством более глубокую и интимную связь. В поздней латыни число глаголов, сочетающихся с винительным падежом, еще более возрастает.

Впрочем, “зависимость” винительного падежа от глагола представляет собой сравнительно позднее явление в истории и.-е. языков. В латинском языке различие между переходными и непереходными глаголами остается в ряде случаев нечет-

¹ Интересная попытка проникнуть в эту доисторию и.-е. винительного падежа сделана в книге А.В.Попова “Синтаксические исследования” (Воронж. 1881).

ким – *tapēb*, *fugīb* (ср. § 506) являются переходными ('жду', 'избегаю') при наличии винительного прямого объекта, и непереходными ('остаюсь', 'бегу') при его отсутствии. Падеж, таким образом, здесь не "зависит" от глагола, а наоборот, определяет его значение. В поэтическом языке многие глаголы, обычно являющиеся непереходными, допускают при себе винительный падеж – *currō*, *ambulo*, *gradio*, *taseb* и т.д. Соотносительность сочетания активной формы глагола + винительный падеж прямого объекта с пассивным оборотом также не всегда имеет место. Однако развитие языка ведет к более ясному размежеванию переходных и непереходных глаголов.

Одним из способов такого размежевания является сосредоточение переходных значений в сложных глаголах, образованных при помощи приставок:

ēb – *trāseō*, *circumēb*, *praetereb*; *loquor cum aliquō* – *colloquor aliquem*.

Винительный содержания с его несколько плеонастическим характером (*lūdum lūdere*) свойственен, с одной стороны, разговорной речи и часто встречается в древнеримской комедии, – и с другой стороны, сакрально-юридическому стилю: *postilōnem postulāre* (сакральная формула, указывающая, что божество требует искупления); *sī servus furtum faxit, poxiamve poxit* (XII таб. 12.2). Винительный содержания встречается поэтому часто в поэзии. Имя, стоящее в винительном падеже, не обязательно образовано от того же корня, что и глагол (*figūra etymologica: vītam vīvere*); оно может иметь родственное глаголу значение – *vīvimus vīālem aevom* (Poen. 1187), или указывать на форму проявления глагольного признака: Ювенал 2.3

Quī Curiōs simulant et Bacchānālia vīvunt.

Винительный падеж ср. р. местоимений, а также прилагательных, означающих количество или величину, имеет широкое употребление в таких сочетаниях, которые не допускают винительного падежа прямого объекта от других имен, и тяготеет к адвербиализации: *id* ('с этой целью') *pōs ad tē... vēnimus* (Mpl. 1158); *multa egeō* (Катон у Геллия 13.24.1). Некоторые исследователи видят в этом остаток более широкого употребления винительного падежа, восходящий к тому периоду, когда в среднем роде еще не были выработаны прочие косвенные падежи.

В поэзии классического периода и в позднейшей прозе обстоятельство употреблено прилагательных среднего рода в единственном или множественном числе значительно расширилось под влиянием греческого синтаксиса – ср. *dulce fīdentem* у Катутла (51.5) в переводе из Сапфо (fr.2) *γελαισας ἱερρεβεν*.

В отличие от русского языка, при латинском глаголе могут находиться два различных винительных падежа прямого дополнения. В процессе развития языка сочетания этого рода идут на убыль. К таким исчезающим в языке классического периода синтаксическим типам принадлежит, например, сочетание винительного падежа внешнего объекта с винительным падежом содержания: *tē... bonās ptesēs ptesog* (Катон, Agr. 139) или архаический винительный целого и части, встречающийся также у Гомера и в д.-и. языке – Мен. 859:

hunc senem

osse finī dēdolābō / assulātīm viscera (трох. септенар);

Rud. 1345-6: ...*Ut tē in quaestū tuō*

Venus ērāicet, caput atque aetātem tuam (ямб. сенар).

Винительный падеж лица впоследствии уступает здесь место дательному, сохраняясь лишь изредка в эпическом стиле. Двойной винительный лица и вещи в языке классического периода суживает

свое употребление, но прочно сохраняется при глаголах со значением ‘просить’, ‘требовать’ (rogō, poscō, percontor), при doceō и cēlō, а также в тех случаях, когда одним из объектов является местоимение среднего рода: moneō vōs egō haec (Rud. 28). Сохраняются два винительных и при сложных глаголах, где один из них мог возникнуть тогда, когда позднейшая глагольная приставка еще была самостоятельным словом и функционировала как предлог. Особенно часто это бывает при глаголах, сложных с circum-, praeter-, trāns-: circumducō aliquem aliquid и т.д. От этих случаев двойного винительного прямого объекта надо отличать двойной винительный прямой объект и предикативного члена (тип mē Sauream vocābāt atriēsem, Asin. 584), где с глаголом непосредственно связан лишь один винительный прямой объект, а падеж предикативного члена возникает в порядке согласования как приложение к падежу дополнения. Отличие это явно обнаруживается при переводе в пассивный оборот. Из двух винительных, лица и вещи, винительный лица в пассивном обороте заменяется именительным, а винительный вещи сохраняется – Гораций, Carm. 3.6.21-22:

mōtūs docērī gaudet Iōnicōs

mātūra virgō; (Алкеевы одиннадцатисложники).

При двойном винительном прямом объекте и предикативного члена переход объекта в именительный падеж влечет за собой в порядке согласования именительный падеж предикативного члена.

Винительный прямой объект иногда появляется не при глаголах, а при отглагольных прилагательных и существительных:

Most. 100 (бакхий),

Simul gnāurūs vōs volō esse hanc rem mēcum.

У Плавта и Эниия встречается (всегда в вопросительных предложениях) винительный падеж при отглагольных существительных на -itō: Curs. 626 – quid tibi istum tāctid est?

В литературном языке классического периода примененный винительный прямой объект не употребляется, но вновь возникает в поздней латыни, особенно при отглагольных существительных на -tor (iūsta... dgrator у Плавта, Amph. 34 представляет собой сомнительную конъектуру). В особом положении находятся прилагательные на -bundus, образованные от переходных глаголов (vītabundus и т.п.); с I в. до н.э. они синтаксически приравниваются к причастиям и получают глагольное управление.

Винительный падеж может сопровождать междометие, равнозначное повелительному наклонению: em manum (Capt. 859); esse hominem tē, Stasime, nihilī (Trin. 1013), ср. eccum < *ecce hum (§ 450).

§ 713. К значению винительного прямого объекта восходит также употребление винительного падежа в обороте “винительный с инфинитивом” (accūsātīvus cum infīnītīvō), где к винительному прямому объекту присоединяется предикативный член в инфинитиве, указывающий, какое действие приписывается объекту: nostrōs victōrēs flūmen trānsisse cōnspererant (Цезарь, B.G. 2.24.2) ‘они заметили наших, победителей, в (законченном) процессе перехода реки’, т.е. ‘они заметили, что наши победоносно перешли реку’.

Оборот *accūsātīvus cum īnfīnītīvō* развивался при глаголах мысли, представления, желания, высказывания и как выражение содержания этих мыслей, представлений и т.д. Он легко возникал при глаголах побуждения и запрещения (*verba voluntātis*), которые допускали при себе винительный прямого объекта и инфинитивный член, например – *abīre nōn sinam tē* (Mīl.444), ср. *sine eam* (Cas.544) и *abīre hīnc nōn sinam* (Epid. 63). Более отчетливо выраженный предикативный характер имел инфинитивный член, присоединявшийся к винительному падежу при глаголах мысли, речи и чувственного восприятия (*verba dīcendī et sentiendī*). Способность инфинитива расширяться дополнением была одной из причин разрастания и обособления оборота. Другой причиной было то, что с течением времени связь винительного падежа с глаголом в ряде случаев ослабела в результате утраты глаголом или некоторыми его значениями способности сочетаться с винительным падежом. Так, *iubeō*, означавшее некогда ‘побуждать’, получило значение ‘приказывать’ (§ 727); глагол *dīcō*, некогда означавший ‘указывать’, ср. греч. δέικνυσι, сохранил переходный характер только в некоторых значениях; то же имело место в развитии глагола *putō*. Ослабление связи со сказуемым привело к тому, что винительный с инфинитивом окончательно превратился в обособленный член предложения, где винительный падеж указывал на деятеля при действии, выраженном в инфинитиве. В этой синтаксической функции *accūsātīvus cum īnfīnītīvō* мог уже примыкать к непереходным глаголам. После глаголов побуждения, мысли, речи и чувственного восприятия этот оборот свойственен не только италийским языкам, но также греческому, индоиранским, германским. Латинский язык распространил этот оборот на глаголы душевного состояния (*verba affectuum*). Распространением оборота явилось также примыкание его к безличным глаголам и к словосочетаниям, составленным из имени и глагола *est* – *meūm gnātum rūmor est amāre* (Теренций, Andr. 185). Наконец, *accūsātīvus cum īnfīnītīvō* может примкнуть и к имени, существительному или прилагательному, соотносительному с глаголами, при которых он обычно ставится. Объектный характер оборота, представляющего известное сходство с двойным винительным (§ 712), обнаруживается в возможности перевода его в пассив, при котором возникает именительный с инфинитивом (*nōminātīvus cum īnfīnītīvō*): (*Druidēs*) *magnum... numerum versuum ēdiscere dīcuntur* (Цезарь, B.G. 6.142).

Однако круг употребления *nōminātīvus cum īnfīnītīvō* незначителен, хотя и несколько возрастает под влиянием греческого языка у поэтов времени Августа и в поздней латыни.

Даже вне оборота *accūsātīvus cum īnfīnītīvō* именной член при бессубъектном инфинитиве или при инфинитиве, функционирующем как подлежащее, принимает форму винительного падежа – *ne fore stultum* (1².2174); *nōn esse cupidum pecūniā est* (Цицерон Par.51).

Accūsātīvus cum īnfīnītīvō представляет собой обособленный член, эквивалент придаточного предложения, но особого предложения он не составляет. Равнозначного ему вида придаточного предложения при *verba dīcendī et sentiendī* не было. При *verba affectuum*, наряду с *accūsātīvus cum īnfīnītīvō* могло употребляться придаточное предложение, вводимое союзами *quod, quia, quoniam*. В народно-разговорной речи была тенденция распространить этот вид придаточного предложения как замену *accūsātīvus cum īnfīnītīvō* при *verba dīcendī et sentiendī*. В древней латыни и в классический период развития языка такая замена встречается лишь в единичных случаях –

*Equidem sciō iam; filius quod amēt meus
istanc meretricem (Asin. 52–53; ямбич. сенар);*

legātī renuntiārun, quod Pompeium in potestāte habērent (Bellum Hisp. 36.1), но со II в. н.э. она начинает распространяться, особенно у христианских писателей, и приводит к значительному сокращению употребления *accūsātīvus cum īnfīnītīvō* в поздней латыни.

§ 714. Винительный протяжения:

а) в пространстве – для обозначения расстояния при глаголах, указывающих на движение (*nōn pedem discēdat, Asin.603*) или расстояние (*distāre, abesse*), и при прилагательных, обозначающих пространственные измерения (*longus, lātus, altus* и т. д.);

б) во времени – для обозначения промежутка непрерывной длительности действия – *diem ūnum supplicātīō fuit (Ливий, 27.23.4)*.

Употребление винительного протяжения фразеологически очень ограничено и с течением времени идет на убыль, отступая перед возрастающим употреблением отложительного падежа (при прилагательных также родительного).

§ 715. Винительный направления – обозначающий пункт, в который направлено движение. С течением времени к винительному направления присоединился предлог (*in* или *ad*), и в латинском языке сохранились лишь некоторые остатки его былого беспредложного употребления. Таковы фразеологические сочетания *ī malam crucem, vēnum dare* или *īre, suppetiās īre*, ср. застывшие в наречном употреблении формы винительного падежа *pressum īre* ‘идти на дно, гибнуть’, *īfītiās īre* ‘отпираться’. Почти застывший характер имеет форма *domum* ‘домой’, очень редко допускающая при себе определение (с притяжательным значением – *team domum*), также *rūs, forās*. Приближается к наречиям и беспредложный винительный направления от имен городов и небольших островов, не сочетающийся в обычной прозе с атрибутивными словами: *Саллюстий, Jug.75.1, Iugurtha Thalām pervenit in oppidum magnum et opulentum*. Впрочем, уже Плавт иногда употребляет предлог *in* с винительным падежом вместо беспредложного винительного направления, и в разговорной речи это допускалось (Светоний, *Aug.86*). При

именах стран предложный оборот преобладает уже в древней латыни и становится нормальным в языке классического периода¹. Однако поэты, а вслед за ними и представители риторической прозы периода империи, допускают более свободное употребление беспредложного винительного направления как в именах нарицательных, так и в именах стран.

§ 716. Винительный восклицания обычно сопровождается предикативным определением, выражающим эмоциональное отношение говорящего к объекту, обозначенному винительным падежом: *bellum filium* (Asin. 931), *hancin vītam!* (Теренций, *Adelph.* 758), *mē miserum!* Восклицательный характер предложения может быть усилен междометием; этот последний тип, где винительный восклицания приближается к зависящему от междометия винительному прямого объекта (§ 712), с течением времени становится господствующим: *ō mē miserum!*

§ 717. Винительный ограничения обозначает часть предмета как сферу применения признака, приписываемого предмету и выраженного прилагательным или пассивным причастием (редко – личной глагольной формой): *nigra pedēs* (Овидий, *Met.* 7.468). Винительный ограничения, получивший значительное развитие в греческом языке, в древней латыни не встречается. Основой для его распространения в латинском языке мог послужить тип *indūtus pallam* (Men. 511–512, 515), где причастие *indūtus* имело медиальное значение (§ 484 сл.) ‘надевший на себя’ (ср. *induor vestem*). С ослаблением медиальных значений причастие подвергалось пассивному переосмыслению (*indūtus* – ‘одетый’), при котором винительный падеж получал ограничительное значение.

Винительный ограничения при прилагательных появляется лишь в поэзии времени Августа по греческому образцу. За пределы поэзии и риторической прозы употребление винительного ограничения не проникало.

§ 718. В истории латинского языка обнаруживается, таким образом, тенденция к сосредоточению значений винительного падежа в категории винительного прямого объекта. Прочие значения в процессе своего развития либо сливаются с винительным прямого объекта (винительный восклицания), либо тяготеют к адвербиализации и замене предложными оборотами (винительный направления), либо остаются малопродуктивными и уступают место другим падежам (винительный протяженности), либо, наконец, представ-

¹ Часто *Aegyptum* вм. *in Aegyptum*: форма имени ближе напоминала имена островов (*Rhodus*, *Cyprus*), чем имена стран.

ляют собой искусственное образование книжной речи (винительный ограничения)¹.

§ 719. При переходе латинского языка в романские винительный падеж становился универсальным косвенным падежом, который сочетался с любыми предлогами и с помощью этих сочетаний заменял значения других косвенных падежей. В некоторых ветвях романских языков (провансальский, французский) система двух падежей, именительного и винительного, сохранялась в течение ряда веков, пока не уступила место полной потере флексии (§ 706).

Родительный падеж (*уεική, genetivus*)

§ 720. Родительный падеж указывает на то, что обозначаемый предмет находится в каком-то отношении к содержанию высказывания, не будучи полностью охвачен этим содержанием. Родительный падеж бывает приглагольный или приименный. Сочетание глагола с родительным падежом указывает на то, что глагольное действие только относится к сфере предмета, не распространяясь на нее полностью, или даже вовсе не затрагивает предмет. Этот падеж может заступать место других приглагольных падежей при условии неполного охвата предмета действием. При имени родительный падеж указывает не только на целое, от которого берется часть, но и на многообразные другие отношения между обозначаемым предметом и именем, при котором он находится.

§ 721. Приглагольный родительный падеж объекта сохранился в латинском языке лишь в разрозненных остатках и представлен гораздо слабее, чем во многих других и.-е. языках. Так, при глаголах со значением 'ждать', 'просить', 'требовать', 'касаться', 'бояться' родительный падеж частичного охвата предмета действием, сохранившийся в русском языке, был заменен в латинском винительным падежом². Однако в древней латыни еще сохраняется употребление родительного падежа при таких глаголах, как *carid* (Mfl.963), *studeo* (Цецилий 201), *fastidid* (Aul.245), *vereor* (Phorm. 971), почти утраченное затем в языке классического периода, но иногда восстанавливаемое позднейшими архаистами. Изредка сохраняется в древней латыни также партитивное употребление при-

¹ Ср. указания академика В.В. Виноградова на аналогичные тенденции развития винительного падежа в русском языке: "В современном русском языке тяготение к концентрации всех падежных значений винительного падежа в одной грамматической категории настолько сильно, что обособляющиеся значения и употребления этого падежа, не связанные с основными функциями его, или становятся непродуктивными, фразеологически ограниченными, или сближаются с наречиями". ("Русский язык". 1947. Учпедгиз, стр. 170). Однако сфера употребления винительного падежа прямого объекта в латинском языке значительно шире, чем в русском.

² Ср. замечание С.И. Соболевского: "Все вообще латинские глаголы, соответствующие русским, соединяющимся с родительным падежом, соединяются с винительным падежом". (Грамматика латинского языка. ч. 1, 3-е изд. 1948. С. 131¹).

глагольного родительного падежа для обозначения неопределенной части предмета: *mēnsam sermōnēsque suōs rērumque suārum cōmiter impertit* (Энний, *Ann.* 235–236); *Phoen.* 641 *bonī dē nostrō tibi nec ferimus nec damus* (ямбич. сенар); Катон, *Agr.* 74 *aquae paulatim additō*. В языке классического периода приглагольный партитивный родительный устранен, но он возрождается в поздней латыни, например, в формулах рецептов, *Mūlom.* 517 *admiscētō mellis quam optimī*.

Партитивное происхождение имеет *Genetivus memoriae* при глаголах памяти: 'помнить о ком' в отличие от 'помнить кого'; при вещном объекте в древней латыни преобладает винительный падеж, но впоследствии, особенно с конца I в. до н.э., родительный падеж получает все большее распространение.

Родительный падеж для обозначения сферы, к которой относится действие, также встречается в древней латыни чаще, чем впоследствии: *Asin.* 459, *quōi omnium rērum* ('относительно всего') *ipsus semper crēdit*; *Epid.* 239, *nec satis exaudībam, nec sermōnis fallēbar tamen* (трох. септенар); *Epid.* 138, *dēsipiēbam mentis*. Это употребление родительного падежа сохранялось в консервативном сакрально-юридическом стиле: Ливий, 1.32.11, *quārum rērum litium causārum condixit pater patrātus populī Rōmānī Quirītium patrī patrātō Prīscōrum Latīnōrum... quid cēnsēs*. Случаи приглагольного родительного, собираемые обычно под рубрикой *Gen. forēnsis* или *scīminis*, представляют собой остатки этого употребления: *sceleris accūsāre*, *capitis damnāre* и т. д. В народно-разговорном языке периода империи эти остатки исчезают, уступая место предложным оборотам.

Рассматриваемое здесь значение родительного падежа сохранилось также при безличных глаголах душевного состояния (*puet* и т.д.), где винительный падеж установился для обозначения субъекта состояния, а родительный указывает на то, в связи с чем состояние возникает.

На основе подобных значений возникает родительный падеж для указания причины или цели: *Rhet. ad Her.* 4.50 – *Utrum igitur avāritiae causā an egestātis* ('из-за корыстолюбия или из-за нужды') *acescit ad maleficium?* В этом редком употреблении встречается преимущественно родительный падеж герундия (герундива): Теренций, *Ad.* 270 *nē id adsentandī* ('ради лестн') *mage quam quō habeam grātum facere existumēs*.

Впоследствии к родительному цели прибегают писатели с архаистическими стилевыми тенденциями, как Саллюстий или Тацит (например, *Germanicus Aegyptum proficiscitur cognōscendae antiquitātis*, *Ann.* 2.59), но он попадает и в поздней латыни.

К родительному падежу рубрики (*Gen. titulī*), означающему категорию, под которую подводится результат глагольного действия, восходят фразеологические сочетания типа *lucī facere* 'обращать в прибыль', *compendī facere* 'сберегать', *sūmptī facere* 'расходовать'. Сходный характер имеет родительный цены (*Gen. pretiī*): *magnī* (*facere, pendere, esse* и т.д.), *plūris, assis, nōn nauci*. Употребление родительного цены фразеологически ограничено, и в большинстве случаев он тяготеет к адвербиализации.

Прочие случаи употребления прилагательного родительного падежа объекта имеют спорадический характер. Глаголы со значением избытка или недостатка (*compleo, abundo, egeo, careo*), освобождения (*libero, solvo, dissolvo*), овладения (*potior*) допускают при себе, особенно в древней латыни, родительный падеж наряду с отложительным. Сравнение *refert < re fert* сохранило *Gen. possessivus* при *re: illorum refert* ср. *mea refert*; более поздний глагол *interest* соединяется с родительным падежом по аналогии с *refert*.

Более широкое употребление прилагательного родительного падежа встречается у писателей, склонных к грецизмам – например, у Горация (*Carmin. 3. 27. 69–70*) *abstinēto... irarum*, ср. ἀπέχεσθαι; там же, 2.9.17–18, *dēsine mollium tandem querēlarum*, ср. λήγειν; там же, 3.30.11–12, *Daulus agrestium regnāvit populōrum*, ср. ἀρχεῖν; в отдельных случаях такие грецизмы могли быть возрождением древнелатинских языковых особенностей, ср. Эний *Ann. 157, Rōmae regnāre Quadrātae*.

§ 722. Родительный восклицания обозначает предмет, вызывающий по отношению к себе эмоцию говорящего. Эта последняя получает выражение в предикативном определении, которым сопровождается обозначение предмета. Родительный восклицания встречается в текстах гораздо реже, чем винительный восклицания (§ 716), и всегда имеет при себе междометие или какую-нибудь формулу уверения: *dī immortalēs, mercimōnī lepidī* (*Most. 912*), *o mercis malae* (*Truc. 409*).

§ 723. Родительный времени, указывавший на промежуток времени, в пределах которого произошло то или иное событие, в латинском языке не сохранился. Единственным следом его является, может быть, архаическое наречие *nox* ‘ночью’ (*XII* таб., Эний), если оно восходит к форме родительного падежа *noctis* (§ 800), ср. греч. *νυκτός*.

§ 724. Описательная грамматика регистрирует наиболее типичные отношения, выражаемые приименным родительным падежом, не исчерпывая, однако, их многообразия. Между определяемым существительным и его определением в родительном падеже могут быть отношения части и целого (*Gen. quantitātis* или *generis*), принадлежности (в самом широком смысле слова) и того, чьей принадлежностью данная вещь или свойство являются (*Gen. possessivus*), действия и его субъекта (*Gen. subiectivus*) или объекта (*Gen. obiectivus*), родового наименования и его изъяснения (конкретизации) в наименовании вида или единичного предмета (*Gen. explicativus* или *exehēticus*). Особое место занимает родительный качественный или количественный признак (*Gen. qualitātis*) – в том отношении, что существительное в родительном падеже обязательно сопровождается прилагательным, местоимением или числительным, сообщающим признаку его качественную или количественную определенность. При прилагательных и местоимениях родительный падеж может иметь значение *Gen. partitivus* или *possessivus*, а также по соотносительности прилагательных с глаголами указывать на сферу распространения признака, выраженного прилагательным (*Gen. relatiōnis*).

Gen. *partitīvus*, *possessīvus* и *quālitātis* могут употребляться в качестве сказуемого и в этом случае сочетаться с глаголом *sum* или другими глаголами, функционирующими в роли связки (*fiēt* и т.д.).

Однако далеко не любые отношения между двумя именами могут быть выражены родительным падежом. Отношение предмета к материалу, из которого он изготовлен, выражается с помощью отыменного прилагательного или предлога: *templum dē marmore* (Вергилий, *Geōrg.*3.13) или *marmoreum*, но не *marmoris*.

Значение приименного родительного падежа нередко приближается к значениям прилагательных, и распространение одного способа выражения может сопровождаться сокращением другого. Так, рост Gen. *possessīvus* происходил за счет некоторого вытеснения прилагательных с притяжательным значением. Сохранившиеся со времен древнейшего Рима сочетания типа *flāmen Diālis*, *cūria Hostilia*, *mēnsis Mārtius*, свидетельствуют о более широком употреблении притяжательных прилагательных, чем это имело место в историческое время. С другой стороны, в поздней латыни сокращение употребления Gen. *subiectīvus* происходит за счет роста прилагательных: *amor filiāis* вм. *amor filiī*.

Очень широкое распространение получил родительный падеж существительных или субстантивированных прилагательных 2-го склонения при местоимениях среднего рода с партитивным или изъяснительным значением: *quid istuc novīst?* (Asin.50), *id aetātis* (Asin.71), *hoc libellī* (Катулл, 1.8). Этот падеж нередко имел экспрессивный презрительно-уничтожительный оттенок: *quid mulieris uxōrem habēs aut quibus morātam moribus* (Теренций, *Hec.*643); *cum hoc ad tē litterārum* ('это письмо') *dedī* (Цицерон, *Ep.*2.8.3).

Родительный падеж при субстантивированных прилагательных среднего рода типа *extrēmum aetātis* (Ливий, 28.9,1), *subita bellī* (Ливий, 6.32.5), получил развитие позже, особенно в период империи, и не без воздействия греческого языка. Распространен был также Gen. *partitīvus* при наречиях места и времени (*ubi terrārum*, *tum temporis* и т.п.).

Значение приименного родительного падежа как средства выражения разнообразных отношений между предметами значительно возрастает в процессе развития литературного языка, особенно в языке поэзии и послеклассической прозы. Так, в более раннем языке мы находим Gen. *obiesīvus* преимущественно при именах действия, соотносительных с переходными глаголами. Теперь область его употребления расширяется: *ob iram praedae āmissae* (Ливий, 1.5.3), *vulneris auxilium* (Овидий, *Rem.*48). Значительно увеличивается также количество отвлеченных прилагательных, допускающих при себе родительный падеж: *dīves pecoris* (Вергилий, *Ecl.*2.20), *sēcūrus amōgum* (Вергилий, *Aen.*1.350), *cerebrī felicem* (Гораций, *Serm.*1.9,11-12). Вслед за адъективированными причастиями (*amantem uxōgis māximē*, Asin.857) начинают сочетаться с родительным падежом отглагольные прилагательные на *-āx*, *-bilis*, *-īvus* и т.д.

Такой рост употребления родительного падежа при отвлеченных именах действия и качества явно свидетельствует о тенденции языка к выражению более отвлеченных и сложных связей между вещами.

Сходная тенденция наблюдается в развитии Gen. *quālitātis*. В древней латыни круг употребления этого падежа ограничивался значениями принадлежности по происхождению – *quendam meī locī atque ordinis* (Теренций, *Eup.*234), и количественного признака (при

указаниях меры, числа, возраста и т.д.) – *trabēculam pedum XXIII* (Катон, *Agr.*18.5), *homō verbum raucum* (Энний, *Ann.*245-247). Обычным падежом качественного признака служил *Abl. quālitātis* (§ 732). Еще в прозе классического периода родительный падеж качества встречался, вне упомянутых рамок, обычно лишь при наличии прилагательного с количественным значением: *vir et cōsiliū magnū et virtūtis* (Цезарь, *B.G.* 3.5.2.). В позднейшее время родительный качества в значительной степени заменил собой творительный не только в литературном языке, но и в надписях.

§ 725. Родительный падеж в ряде своих функций, особенно в партитивном значении, издавна пересекался с употреблением предлога *dē* в его значениях ‘из’, ‘от’, ‘относительно’: *ūnus dē multīs* (Цицерон, *Off.* 1.109); *faecem dē vīnō* (Катон, *Agr.*96.1); *dē palla mementō* (*Asin.*939); ср. *accūsāre prōditōnis* и *accūsāre dē vī*. В поздней латыни употребление *dē* в партитивной функции усилилось, и конструкция с предлогом *dē* стала заменять беспредложный родительный падеж. Эта замена распространилась затем на прочие значения родительного падежа, как прилагательного, так и приименного. Предлог, восходящий к латинскому *dē*, в сочетании с единой формой косвенного падежа, а впоследствии – с потерявшим падежное изменение именем является важнейшим преемником латинского родительного падежа в романских языках.

Дательный падеж (δοτική, *dativus*)

§ 726. Дательный падеж обозначает предмет (лицо чаще, чем вещь), для которого нечто предназначается, которому что-либо уделяется, перед которым обнаруживается результат какого-либо действия или состояния. Поскольку предназначаемое “нечто” может оказаться и процессом, и свойством, и предметом, дательный падеж бывает при глаголе (*Manios med fefaked Numasioi* 1².3), при прилагательном (*sycophanta pār ergō*, *Poen.*376), существительном (*Philocōmasiō amātor*, *Mīl.*1431), междометии (*vae victīs*, *Pseud.*1317).

§ 727. Уже в общеиндоевропейском языковом состоянии установились основные лексико-семантические категории глаголов, уточняемых дополнением в дательном падеже. Это глаголы со значением ‘давать’, ‘говорить’, ‘приносить’, ‘посылать’, ‘приказывать’, ‘принадлежать’, ‘служить’, ‘благоприятствовать’, ‘вредить’, ‘нравиться’, ‘присоединяться’ и т. д. В процессе развития латинского языка состав глаголов, принадлежащих к этим категориям, значительно увеличился благодаря росту префиксного глагольного словообразования. В сложении с приставками многие глаголы получали значения, благоприятствовавшие сочетанию с дательным падежом:

admoveō, comparō, invadeō и т.д. Некоторые из них, antecēdō, īnsultō, praestō допускают при себе и дательный, и винительный падеж.

Развитие значений простых глаголов также могло приближать их к лексико-семантическим группам, соединяющимся с дательным падежом. Например, глагол iubeō, некогда означавший 'побуждать' (§ 713), сочетался с винительным падежом, но, приблизившись по значению к īpreō, он стал допускать при себе также и дательный. К iungō примкнул глагол rignō, впоследствии cetō.

Глаголы со значением 'просить' имеют при себе двойной винительный лица и вещи (§ 712); в поздней латыни наблюдается тенденция дифференцировать эти два дополнения и заменить винительный падеж лица дательным: viciñis gentibus concubitum petierunt (Иордан, Get.8.56).

С другой стороны, некоторые глаголы, как например, cūgō, утратили в классической латыни способность соединяться с дательным падежом.

Обращает на себя внимание широкое распространение в латинском языке дательного падежа при esse в значении принадлежности (Dat. possessivus); дательный падеж сохраняется и при глаголах, сложных с sum (intersum, praesum и т.д.).

Имя в дательном падеже, являясь адресатом действия, тем самым определяет направление действия, и это иногда осложняет, особенно в поэтическом языке, значение дательного падежа, присоединяя к моменту предназначения некоторый оттенок пространственной направленности: it clāmor caelō (Вергилий, Aen.5.451).

Наиболее продуктивные лексико-семантические группы прилагательных, сочетающихся с дательным падежом, близки по значению к соответствующим глагольным группам: 'приятный', 'неприятный', 'дружественный', 'враждебный', 'близкий', 'похожий', 'равный', 'собственный', 'чуждый' и т.п. Количество этих прилагательных со временем возрастает.

§ 728. При рассмотренных нами лексико-семантических группах глаголов и прилагательных, сочетающихся с дательным падежом, латинский язык не устанавливает различия между обозначением непосредственного и отдаленного адресата, между 'кому' и 'для кого'. Однако дательный падеж всегда может, не находясь в тесной связи с каким-либо глаголом или прилагательным, обозначать лицо, в интересах которого или во вред которому нечто происходит (Dat.commodī et incommodī): tibi arās, tibi occās, tibi seris, tibi item metis (Merc.71); siquid peccat, mihi peccat (ямб. сенар; Теренций, Ad.115–116).

Postquam lūmina sis oculīs, bonus Ancus reliquit (Энний, Ann.149)¹.

Не зависит от лексических значений глагола также и дательный действующего лица (Dat. auctōris), обозначающий субъекта действия при медиопассивных формах, в первую очередь именных. Dat. auctōris при причастии совершенного вида медиопассива указывает на производителя действия как на лицо, перед которым обнаруживаются результаты этого действия:

¹ sis oculīs – дательный падеж согласно Веррию Флакку (Фест. 388.5–7).

edepol mē uxōrī expotātum crēdō adventūrum domum (Amph.654, трохеический септенар).

Встречается этот падеж и при личных формах медиопассива системы перфекта, в состав которых входит причастие, но в древней латыни в этом случае ставится обычно лишь местоимение: ubi tibi istam emptam esse, scribit (Epid.154). Впоследствии употребление Dat. auctōris при глаголе расширяется: оно переносится на существительные и допускается при инфектных формах медиопассива. Однако рядом с дательным действующего лица при медиопассиве существовал гораздо более употребительный отложительный падеж действующего лица (Abl. auctōris), и дательный падеж в этой функции никогда не пользовался большим распространением. Сферой употребления Dat. auctōris осталось выражение субъекта должностования при герундиве: cōnsōlandus hic mihi st (Vacc.625).

Ограниченный круг имеет употребление дательного падежа отвлеченных отглагольных существительных для обозначения назначения действия (Dat. finālis): subsidiō mittere. Это употребление более всего характерно для разговорной речи и профессиональной (земледельческой, военной) терминологии. Охотно ставятся в Dat. finālis глагольные существительные 4-го склонения на -tus (§ 764): remque nostram habēs perditū et praedātū (Cist.365–366). Чаще всего Dat. finālis имеет предикативную функцию при глаголах esse, dare, tribuere и т.п.: quantō sūmptū fuerim tibi (Mīl.740). В предикативной роли дательный падеж может чередоваться с именительным: id illi morbō, id illi seniōst, ea illi miserae miseriat (Truc. 466, трох. септенар); в высоком стиле именительный падеж предпочитается. Как показывает последний пример, Dat. finālis может сочетаться с Dat. commodī et incommodī; это сочетание (так называемый двойной дательный) встречается довольно часто. На правах отвлеченного глагольного существительного в Dat. finālis может употребляться герундивная конструкция: decemvirī lēgibus scribūndīs.

§ 729 . К общеиндоевропейскому языковому состоянию восходит употребление так называемого дательного сопереживания (Dat. sympathēticus), в особенности дательного падежа личных местоимений, для обозначения лица, с принадлежностями которого (частями тела, вещами и т.д.) нечто происходит: animus mihi dolet. Характерной чертой этого употребления является возможность чередования дательного падежа с родительным падежом или притяжательным местоимением, которые в равной мере способны обозначить владельца принадлежности. От этих конструкций Dat. sympathēticus отличается большей интимностью тона и часто встречается поэтому в литературном воспроизведении обыденной речи или в эмоционально окрашенном стиле.

Целям выражения личного отношения к действительности служит также дательный падеж личных местоимений, обозначающий

личную заинтересованность (Dat. ēthicus): ad illa mihi prō sē quisque acriter intendat animum (Ливий, praef.9); eccum tibi lupum in sermōne (Stich.577). Дательный падеж может равным образом обозначать носителя субъективного мнения (дательный падеж точки зрения – Dat. iūdicantis): Quīntia fōrmōsast multīs ('по мнению многих': Катулл, 86.1). В этом значении, особенно со времени Ливия, нередко употребляется дательный падеж причастия от глаголов со значением 'полагать', а также 'стоять', 'двигаться' и т.п. для указания позиции наблюдателя при пространственных обозначениях: vērē aestimantī Aetōlicum magis... bellum fuit (Ливий, 37.58.8); duo in mediō dēstituuntur, nēquāquam vīsū ac speciē aestimantibus parēs (там же 7.10.6). Это расширение употребления Dat. iūdicantis происходило, вероятно, не без воздействия греческого языка.

§ 730. С постановкой дательного падежа пересекалось употребление предлога ad, выражавшего, между прочим, предназначение. При глаголах со значением 'давать' и 'говорить' дательный падеж издавна чередовался с предлогом ad: haec mē modo ad mortem dedit (Amph.809, трох.септенар), ср. mē toxicō mortī dabō (Merc.472); benigne ut operam dētis ad nostrum gregem (Cas.22, ямб.сенап), ср. quae ventrī operam dēt (Pseud.175); praecipe quae ad patrem vīs nuntiārī (Capt.359–360), ср. numquid aliud vīs patrī nuntiārī (Capt.400–401).

Cogor ad argūtās dicere sōlus avēs (Проперций, 1.18.30), ср. dīc mihi Dāmoetā (Вергилий, Ecl.3.1). В более позднее время такое употребление ad расширяется, например, Antigonam ad pāstōrēs dēmandāvit (Гигин, Fab. p.76, 7. Schmidt). Конструкция с предлогом ad была народно-разговорной заменой дательного падежа; в противоположность этому, некоторые стилисты предпочитали дательный падеж там, где употребление ad было обычной нормой (например, Тацит, Ann.1.23 – mortī dēposcit вм. обычного ad mortem). На основе этого чередования в поздней латыни предлог ad стал замещать также и другие значения дательного падежа. Так, в надписи VI–VII вв. н.э. (C.I.L. 13.2483) hic requiiscunt (§ 204) menbra ad duus (§ 203) fratres Gallo et Fidencio, предлог ad заменил древний Dat. sympatheticus (§ 729).

В романских языках предлог ad является основным приемником значений латинского дательного падежа. Однако следует заметить, что в романских языках дательный падеж сохранялся дольше родительного, а в румынском языке особая форма дательного (= родительного) падежа единственного числа женского рода сохраняется и поныне.

Отложительный падеж (ablātīvus)

§ 731. Как уже было указано (§ 706), латинский падеж, по традиции именуемый отложительным, возник из слияния трех и.-е. падежей – отложительного, творительного (инструментального) и

местного. Слияние отложительного и творительного относится еще к общеиталийскому языковому состоянию (§§ 18, 308, 706); к возникшему в результате слияния падежу в латинском языке присоединился местный. Происходя от трех различных падежей, латинский отложительный падеж не мог не отличаться многообразием значений, требовавших дифференциации, как, например, значение исходного пункта (откуда?) отложительного падежа и значение местопребывания (где?) местного падежа. Слияние было бы невозможно, если бы в ряде случаев значение падежа не уточнялось предлогами, которые перенимали на себя функцию указания значений (*ab, ex, de, cum, per, in, sub* и т.д.). При этом беспредложное употребление отложительного падежа оказывалось в сложных и менявшихся с течением времени соотношениях с предложными конструкциями. Одинокая падежная форма легче вступала в постоянное соединение с предлогом, чем падежная форма, сопровождавшаяся определением. Лицо дифференцировалось с помощью предлога от вещи. В обыденной разговорной речи предлоги употреблялись чаще, чем в книжном, особенно поэтическом языке.

Значения латинского отложительного падежа довольно четко распределяются на три группы в связи с их происхождением от значений трех и.-е. падежей. В некоторых случаях, однако, эти значения развились уже на основе слияния падежей и имеют комплексное происхождение.

§ 732. И.-е. творительный падеж (*īnstrūmentālis*) обозначает предмет или лицо, с помощью которого совершается действие. В соответствии с этим он имел орудийное значение, указывая на средства или орудия действия, и комитативное (социативное) значение, обозначая соучастников действия или сопровождающие обстоятельства.

Ряд значений латинского отложительного падежа восходит к орудийному значению и.-е. творительного падежа.

Очень широкий круг употребления имеет отложительный орудия (*Abl. īnstrūmentī*) при глаголах и соотносительных с ними существительных и прилагательных¹: *pectus mihi pedibus percussit* (Cic. 930).

В этом падеже ставятся обычно только обозначения вещей; лицо как самостоятельный исполнитель действия обозначается при помощи предлога *per* (*per exploratores* и т.п.). Частным случаем *Abl. īnstrūmentī* является отложительный падеж при глаголах со значением изобилия (*Abl. cōpiae*). Другой частный случай – отложительный цены (*Abl. pretiī*), где уплата цены рассматривается как орудие при совершении купли-продажи: *emī virginem trigintā minīs* (Cic. 343-344); *argentum accēpī, dōte imperium vendidī* (Asin. 87, ям-

¹ К этой категории относится прилагательное *dignus* (<*dec-nos, § 119), ср. *decet*, где значение 'достойный' развилось из 'подлежащий украшению'.

бич. сенар); *em vistuc verbum vile est vīgintī minīs* (Most.297). Общие обозначения цены в Abl. *pretiī* (*parvō* и т.д.) тяготеют к адвербиализации. Присоединение к глаголу этимологически родственного существительного в Abl. *instrūmentī*, сопровождающегося обычно определяющим словом, *blandā vōce vocābam* (Энний, *Ann.*50), имеет экспрессивный характер; с другой стороны, этот способ характеристики глагольного действия имел большое значение в тот период развития языка, когда наречий было еще мало (§ 797)¹. Многие глаголы вступают в устойчивые сочетания с отложительным падежом орудия; колебания между отложительным и винительным падежом при некоторых глаголах (*fungor, ūtor, fruor* и т.д.) были устранены в классической латыни в пользу отложительного падежа (ср. § 712).

Орудийное значение присуще также «отложительному пути» (Abl. *līnae*), обозначающему путь как средство прохождения некоторого расстояния:

sī bene dīcētis, vostrā rīpā vōs sequār,

sī male dīcētis, vostrō gradiār līmite (Poen.631–632, ямб. сенар).

Этот падеж имеет в италийских языках также временное значение, ср. русск. 'тем временем', но в латинском языке это значение невозможно отличить от отложительного времени (Abl. *temporis*, § 737), восходящего к значениям местного падежа.

Более обособившийся характер имеет отложительный ограничения (Abl. *līmītatīōnis*), где значение средства переросло в значение области применения признака, выраженного глаголом или именем: *malitiā certāre tēcum miseria est* (Persa 238); *nātūrā tū illī pater es, cōnsiliīs ego* (Теренций, *Adel.*126). К только что рассмотренным падежным значениям близко примыкает отложительный меры (Abl. *mēnsūrae*), указывающий, насколько отстоит один предмет от другого при сопоставлении степени проявления признака: *Hibernia dīmidiō minor est quam Britannia* (B.G. 5.13.2), или при измерении расстояний и временных промежутков. Это последнее употребление Abl. *mēnsūrae* впоследствии значительно расширилось в ущерб винительному падежу пространственной и временной протяженности (§ 714). Прилагательные в значении Abl. *mēnsūrae* легко адвербиализуются – *quantō, multō*.

Некоторые значения латинского отложительного падежа могут восходить частично к орудийному значению и.-е. творительного, а частично – к значению исходного пункта, характерного для и.-е. отложительного падежа.

Сюда относится, например, сравнительно поздно возникшее употребление отложительного падежа для обозначения производителя действия при пассиве. Относительно связи этого значения с

¹ В этой связи необходимо вспомнить о том, что распространенный в латинском языке тип наречий на *-ē/-ō*, образующийся от прилагательных 2-го склонения, восходит к застывшей форме отложительного падежа прилагательных (§ 336).

орудийным не может быть никаких сомнений, и языки, сохранившие самостоятельный творительный падеж, например, старославянский или древнеиндийский, выражают производителя признака при пассиве именно творительным падежом. Однако латинский язык для обозначения личного производителя действия при пассиве (Abl. auctōris) прибегает к предлогу *ā* (*ab*) 'от', основная функция которого состоит в уточнении значений, восходящих к и.-е. отложительному падежу.

Производитель признака при пассиве может пониматься как орудие действия (творительный падеж) и как предмет, от которого исходит действие (отложительный падеж), и в латинском языке обе эти интерпретации слились воедино.

Сходным образом возможно двоякое толкование отложительного причины (Abl. causae) – *sī adbrat furtō* 'если жалуется (в суде) по поводу кражи' (XII таб.8.16);

cūr condūcēbās? inopiā: alius nōn erat (ямб. сенар, Pseud.799);

nimis sermōne huius irā incendōr (ямб. сенар, Pseud.201).

Орудийное значение может перерасти в причинное (ср. у Крылова, "Осел мой глупостью в поговорку вошел") и, например, в греческом языке *Dat. causae* имеет инструментальное происхождение. С другой стороны, причина может рассматриваться как источник действия, его исходный пункт, и такие предложные сочетания, как *quā dē causā* или *ab irā fēcit*, благоприятствуют этому толкованию. Значение причины восходит, вероятно, к обоим древним падежам.

То же может иметь место по отношению к отложительному материалу (Abl. māteriaē), указывающему на материал, с помощью которого – или из которого – нечто изготовлено: *cūram māteriā ulmeā aut fagineā facitō* (Катон, Agr.21.5); *vīvōque sēdilia saxō* (Вергилий, Aen.1.167). То обстоятельство, что области значений и.-е. творительного и отложительного падежей неоднократно пересекались, надлежит, конечно, учитывать как один из факторов, облегчивших слияние этих падежей в италийских языках.

Значения латинского отложительного падежа, восходящие к комитативному значению и.-е. творительного, в меньшей степени сохранили способность быть выраженными падежной формой без предлога, чем это имело место по отношению к орудийному значению и его дериватам. Для выражения комитативных значений к падежной форме в ряде случаев присоединился предлог *cum*.

Так, отложительный падеж содействующего лица (Abl. sociātivus), обозначающий лицо, вместе с которым действующий субъект нечто совершает, в латинском языке почти не сохранился без сочетания с предлогом *cum* и употребляется только при указании военных сил, сопровождающих полководца: *Ipse* (Цезарь) *eō pedestribus cōpitiis contendit* (Цезарь, B.G. 3.11.5); однако и в этом случае возможна постройка *cum* – и она обязательна, если существительное в отложительном падеже не имеет при себе определяющего слова.

Комитативное значение ясно обнаруживается в отложительном падеже сопровождающего обстоятельства: *imperio* ('при господстве') *populi Romani non modo de regno, sed etiam de ea, quam habeat, gratia desperare* (Цезарь, В.Г.1.18.9).

Близко примыкает сюда отложительный способ (Abl. modi), указывающий на способ совершения действия: *sapienter factum et consilio bono* (Aul.477). При этих значениях уже в древней латыни существовала тенденция ограничить беспредложное употребление отложительного падежа тем случаем, когда существительное сопровождается определением, и эта тенденция еще более усилилась в классический период развития языка. К отложительному падежу существительного, не имеющего при себе определения, присоединялся предлог *cum*, или этот падеж – так часто бывало с отвлеченными словами – застывал в виде наречия: *consilio* 'намеренно', *iure*, *ordine* и т.п. Сохранение в этом случае беспредложного отложительного падежа встречается либо в поэзии высокого стиля – *pes funera fletu faxit* (Энний, Var.17–18), либо в архаистически ориентированной прозе. С другой стороны, предлог *cum* допускается также и тогда, когда существительное имеет при себе определение.

Обязательно наличие определяющего слова при отложительном качественном признаке (Abl. qualitatis), где прилагательное (или местоимение) придает качественную определенность признаку, выраженному существительным только в общей форме. Признак при этом рассматривается как сопутствующий предмету: *qua* ('с каким') *facies vester Saurea est? ... macilentis malis ... truculentis oculis, commodam staturam, tristis fronte* (Asin. 399–401, ямб. септенар).

Комитативный характер этого падежа обнаруживается в возможности чередования его с предлогом *cum*: ср. *ego te video immutatis moribus esse* (Circ.146) и *cedo tuis mihi homines aurichalco contra* ('взамен') *cum istis moribus* (Mil.658). О позднейшем сокращении употребления Abl. qualitatis в связи с развитием Gen. qualitatis уже говорилось в § 724.

Глаголы со значением "соединять" (*iungo*, *miscere* и т.д.) допускают при себе отложительный падеж наравне с дательным (§ 727). Последний предпочитается в классический период истории латинского языка, равно как и в позднейшее время.

§ 733. На основе значений, восходящих к и.-е. творительному падежу, в первую очередь на основе значения сопутствующего обстоятельства, в итальянских языках развился оборот, носящий наименование "отложительного самостоятельного" (Abl. absolutus).

К Abl. absolutus прибегают в том случае, когда сопутствующее обстоятельство должно быть изображено не как нечто готовое и безотносительное к главному событию, а как возникающее во времени, актуализующееся и находящееся в некоем временном отношении к главному действию.

Сопутствующее обстоятельство изображается как событие, параллельное главному действию, имеющее собственный субъект и

предикат. Субъект этот выражается отложительным падежом, а предикат – предикативным определением, т.е. именной формой, согласованной в падеже с падежом субъекта: *Caesare duce* в условиях оборота *Abl. absolūtus* означает ‘при Цезаре, функционирующем в качестве вождя’, ‘при чем Цезарь – вождь (является вождем)’; Цезарь, В.Г. 6.21.5: *pellibus aut parvīs rēpōnum tegimentīs ūtuntur magnā corporis parte nūdā* ‘(Германцы) одеваются в шкуры или небольшие меха, причем значительная часть тела – нагая (остается нагой)’.

Как видно из приведенных примеров, предикативное определение может выражаться и существительным, и прилагательным. Однако чаще всего оно выражается причастием, которое наиболее подходит для этой роли по своей двойственной природе как именная форма глагола: как глагольное образование причастие обозначает глагольный признак в его возникновении с его видовой и временной характеристикой, а как именная форма оно соотносено своим падежом с субъектом действия: *Persa 753–756* (анапестический октонар),

*Hostibus... victīs, cīvibus salvīs, rē placidā, pācibus perfectīs,
bellō extīnctō, rē bene gestā / integrō exercitū et praesidiīs,*

.....
eās vōbīs grātīs habeō atque agō...

Abl. absolūtus имеет характер обособленного члена предложения, примыкающего к прочим членам, но не “зависящего” от них в порядке управления; отсюда наименование оборота – *ablātīvus absolūtus*. Этот обособленный член предложения может принимать определяющие слова к имени и дополнения к причастию. Связь сопутствующего обстоятельства с основным действием может иметь различный характер, и *Abl. absolūtus* становится эквивалентом придаточных предложений образа действия, времени, причины, условных и уступительных. Этому широкому употреблению содействовало также и то обстоятельство, что отложительный падеж имеет в латинском языке, помимо комитативного, временное (*Abl. temporis*, § 737) и причинное (*Abl. causae*, § 732) значения.

В древней латыни *Abl. absolūtus* встречается сравнительно редко. Плавт пользуется им по преимуществу в пародиях на высокий стиль (как в приведенном выше примере) или в устойчивых формулах типа *mē vīvō (invītō, absente)*, где причастный член принимает иногда даже застывшую форму – *absente pōbīs* (Теренций, *Eup.* 649). Предикативные функции причастия у Плавта вообще ослаблены, и *Abl. absolūtus* представляется в этих условиях старинным оборотом, мало употребительным в живом языке. Однако с развитием латинского литературного языка происходит значительное оживление предикативных функций причастия и, в частности, его употребление в *Abl. absolūtus*. Еще в начале I в. до н. э. автор

“Реторики к Гереннию” вводит Abl. absolūtus только в образец высокого стиля (genus grave) и не пользуется этим оборотом в образцах других стилей – 4.12–17, однако у Цицерона и современных ему историков творительный самостоятельный получает уже очень широкое распространение. Язык классического периода стремится разграничить Abl. absolūtus и другие случаи предикативного причастия (participium coniūctum) и допускает употребление Abl. absolūtus лишь тогда, когда в предложении нет других упоминаний о субъекте добавочного действия. Однако это правило отнюдь не является абсолютной нормой. В дальнейшем употребление Abl. absolūtus становится еще более свободным. Начиная с Саллюстия, римские писатели допускают в Abl. absolūtus винительный падеж прямого объекта при перфектном причастии переходных отложительных глаголов: *Sullā omnia pollicitō* (Саллюстий, *Iug.* 103.7). С конца I в. до н. э. становится возможным употребление в творительном самостоятельном причастии будущего на *-ūrus*: *Carthāginiēnsēs primā lūce oppugnātūrīs hostibus castra saxīs undique congestīs augent vallum* (Ливий, 28.15.12–13). Возможность аналогичного употребления герундива возникает только в поздней латыни, когда герундив получает функцию причастия будущего времени пассива (§ 579).

В творительном самостоятельном могло стоять соотносительно с безличным сказуемым одно причастие, без существительного – *impetrāto* (ср. *impetrātum est prius ā cōsulibus, ut in Gallum pugnāre sēsē permitterent* (Клавдий Квадригарий. *fr.* 12); со времени Ливия в сходной функции употребляются прилагательные – *multūque adnatis nāvibus incertō* (ср. *incertum est*), *quid aut peterent aut vīarent, foedē interierunt* (Ливий, 28.36.12).

Эквивалентный придаточным предложениям разного значения оборот Abl. absolūtus сам по себе не дифференцировал этих значений, порой взаимоисключающих, например, – причинного и уступительного. С середины I в. до н. э. характер связи между Abl. absolūtus и основной частью предложения начинает уточняться при помощи союзов – *etsī*. а впоследствии *quamquam*, *quamvis* – для выражения уступления, *quippe*, *utpote* – причины, *velut*, *tamquam*, *quasi* – сравнения.

Такие “абсолютные” конструкции на основе обособления члена, содержащего предикативное определение, развивались во многих ветвях и.-е. языков, но только италийские языки использовали для этой цели творительный-отложительный падеж.

Свойственный греческому языку родительный самостоятельный (Gen. absolūtus) попадает в латинский язык только в качестве гречизма. Он встречается у недостаточного владеющего латинским литературным языком неизвестного автора “*Bellum Hispāniēnse*” – *eius praeteritū temporis Pompeius trāns flūmen castellum cōstituit* (14.1), а затем только в переводах Библии с греческого языка и у христианских писателей. В поздней латыни смешение отложительного падежа с винительным в живой речи создает почву для возникновения винительного самостоятельного. О возможности обособления именительного падежа см. § 709. Распространение именительного самостоятельного относится также ко времени поздней латыни.

§ 734. И.-е. отложительный падеж (Ablātīvus) указывал на исходный пункт (вопросы ‘от чего?’, ‘откуда?’). Как и к винительному направлению, указывающему на конечный пункт движения, к падежу исходного пункта рано стали прибавляться уточняющие

предлоги – и в этом случае предлоги *ab* ‘от’, *ex* ‘из’, *dē* ‘с’ (напр., *ab iāniā*, *ex urbe*, *dē caelō*).

В латинском языке беспредложное употребление отложительного падежа в значениях, восходящих к и.-е. отложительному, лучше всего сохранилось при глаголах, по своему лексическому значению нуждающихся в указании исходного пункта. Таков отложительный удаления (*Abl. sēparātiōnis*) при глаголах со значением ‘удалять’, ‘удерживать’, ‘освобождать’ и т.п., а также при соотносительных по значению прилагательных. Однако даже и в этом случае, и с течением времени все чаще, допускается употребление предлога, особенно при простых глаголах, не сложных с приставками *ab-*, *ex-*, *dē-*; во многих сочетаниях только поэзия и риторическая проза сохраняют беспредложный отложительный падеж: *sōnābar summō mē mittere saxō* (Проперций, 2.26.19 в. *dē saxō*).

Как и при *Abl. auctōris* (§ 732), здесь есть тенденция к употреблению предлога при наименовании лица: уже у Плавта мы находим на равных правах *potin ut mē abstinēās manum?* (*Rud.*425) и *quī possim vidērī huic fortis, ā mē ut abstinēāt manum* (*Amph.*340, трохеич. септенар). Творительный происхождения (*Abl. oriġinis*) при *nātus*, *ortus*, *ēditus* обычно употребляется без предлога, но допускает и присоединение предлогов: *quō genere gnāta* (*Poen.*110) и *quō dē genere nātust* (*Capt.*277). Хорошо сохранилось употребление отложительного падежа без предлога при глаголах со значением ‘лишать’, ‘нуждаться’ (отложительный недостаток – *Abl. inopīae*), исторически также восходящее к значениям и.-е. отложительного падежа. Однако в латинском языке эти глаголы составляют уже единую семантическую группу вместе с глаголами изобилия, а употребление при них отложительного падежа (*Abl. sōriāe*, § 732) восходит уже к значению и.-е. творительного падежа.

Беспредложное употребление отложительного падежа на вопрос ‘откуда?’ сохраняется в именах городов и маленьких островов, но эти формы также тяготеют к адвербиализации, как это имеет место при употреблении винительного падежа этих имен в значении направления (вопрос ‘куда?’, § 715). С I в. н. э., по мере того, как на вопрос ‘где?’ локативные формы имен городов (§ 737) заменяются формами отложительного падежа с предлогом *in*, к формам отложительного падежа, отвечающим на вопрос ‘откуда?’, все чаще присоединяются предлоги. Полностью адвербиализованы формы *domō*, *gūre*, *humō*.

К значениям и.-е. отложительного падежа восходит также отложительный сравнения (*Abl. comparātiōnis*). В этом значении отложительный падеж присоединяется к сравнительной степени или к другим словам, обозначающим сравнение, и указывает на тот предмет, исходя из которого (т.е. по сравнению с которым) обнаруживается та более высокая степень качества, которая обозначается сравнительной степенью: *tunica, propiōr palliōst* (*Trin.*1154).

Происхождение Abl. comparatiōnis от и.-е. отложительного падежа становится ясным при сопоставлении с другими ветвями и.-е. семьи, где соответствующие значения выражаются при помощи либо самостоятельно сохранившегося отложительного падежа (древнеиндийский язык), либо при помощи родительного, с которым слился в этих ветвях отложительный падеж – лат. maior frātre соответствует греч. μείζων τοῦ ἀδελφοῦ, русск. *старше брата*¹.

В древней латыни Abl. comparatiōnis имеет сравнительно ограниченное употребление и чаще всего встречается тогда, когда сравнительная степень относится к предмету, обладающему рассматриваемым качеством в предельной мере. Это бывает в отрицательных предложениях – nec mē miserīōr fēminast (Amph.1060) ‘нет женщины несчастнее меня’, в равносильных им вопросительных quis homōst mē hominū miserīōr? (Capt.540), в поговорочных выражениях, где исходным пунктом сравнения является типичный для фольклора носитель данного качества – melle dulcī dulcior (Asin.614).

Кроме того, Abl. comparatiōnis встречается в пословицах – tunica p̄cipiōr palliōst (Trin.1154), в устойчивых выражениях – optiōne melius, plūs iūstō, а также при наличии числового определения – plūs trīgintā annīs nātus sum (Men.446). В сравнениях обычного типа, где речь идет об относительном превосходстве, а не о предельной степени качества, употребляется не Abl.comparatiōnis, а союз quam² – gravius tuom erit ūnum verbum ad eam rem quam centum mea (Trin.388); istam machaeram longiōrem <tū> habēs quam haec est (Truc.627, трохеич. септенар).

Ослабевшее, таким образом, в древней латыни падежное значение Abl. comparatiōnis снова оживляется в языке классического периода – вероятно, не без влияния греческого Gen. comparatiōnis. Цицерон, Цезарь, Вергилий уже допускают Abl. comparatiōnis в сравнениях обычного типа, а у Горация, Овидия и в позднейшей прозе это становится частым явлением – sic Gracchō politior et ornatiōr Crassus, sic utroque distinctior et urbaniōr et altior Cicerō, Cicerōne mītiōr Corvīnus et dulcior et in verbis magis elaborātus (Тацит, Dial.18).

Присоединение к Abl. comparatiōnis предлога ā, впоследствии dē, встречается уже у Овидия – nec Priamōst ā iē dignior ulla iurus (Her.15.98), и становится распространенным в поздней латыни, особенно при отложительном падеже местоимений. Другой заменой отложительного падежа при сравнительной степени может служить датель-

Отложительный падеж при aequē ‘одинаково’ – quīquis mē in terrā aequē fortunātus erit (Circ.141) – либо представляет собой распространение Abl. comparatiōnis от сравнительной степени превосходства на сравнительную степень равенства, либо восходит к и.-е. творительному падежу в его комитативном значении (‘одинаково – с чем-нибудь’).

² Наречие quam ‘как’, соотносительное с tam ‘так’, получило значение сравнительного союза в сравнительных предложениях, выражающих равенство – tam egrō homō sum, quam tū (Asin.490) и отсюда перешло в сравнительные предложения, выражающие превосходство.

ный интереса (тип *nūllī inferior*). Употребление *Gen. comparatiōnis* в переводах библии и у позднелатинских писателей представляет собой грецизм.

§ 735. Общеиндоевропейский и общелатинский местный падеж (*Locātivus*) указывал на ту сферу, внутри которой совершалось действие, на его место, время, обстановку и т.д. В осском и умброском языках местный падеж сохранился. В латинском он слился с отложительным и творительным падежом (§ 731).

Местный падеж имел особую форму, отличную от формы отложительного и творительного падежей, только в ед.ч. (§ 311), и эта форма сохранилась в латинском языке исторического времени во многих наречиях и наречных словосочетаниях: *domī (meae domī, aliēnae domī) domī dvellīque, millītiae, vicīniae, proxumae, humī, gūrī, peregrī, vesperī, herī, postrīdiē, diē septimī, temperī, lūcī, noctū* и т.д. Наречный характер имеют также формы имен городов и небольших островов (редко стран, ср. § 311), употребляющиеся для указания места на вопрос 'где?' – *Rōmae, Beneventī, Carthāginī*. Эти формы допускают приложения в отложительном падеже: *Archīās poēta Antiochae nātus est, celebrī quondam urbe et sōriōsa* (Цицерон, *Arch.*4).

В поздней латыни круг употребления этих форм в книжном языке расширяется, распространяясь на имена стран, но в живой речи они мало-помалу отмирают, заменяясь формами отложительного падежа, сперва беспредложными, а затем с предлогом *in*.

Формы на *-ī* исчезли раньше, чем формы на *-ae*, поддерживавшиеся общеупотребительной формой *Rōmae*; наречие *Rōmae* сохранялось дольше прочих форм, но в итальянский язык оно уже не перешло.

§ 736. К значениям местного падежа восходят значения латинского отложительного падежа места (*Abl. locī*) и времени (*Abl. temporis*). С этими значениями слились, вероятно, значения, восходящие к творительному падежу пути.

§ 737. Употребление *Abl. locī* без предлога *in* уже в древней латыни ограничено узким фразеологическим кругом: отложительный падеж *locō*, сопровождающийся атрибутом, наименования местности при атрибуте *tōtus* и т.п. Язык классического периода несколько расширяет этот фразеологический круг – *parte* (с атрибутом), *regiōne*. В поэзии и послеклассической прозе *Abl. locī* употребляется свободнее – *saxō strātus* (Акций, 557);

assiduusque meō sanguine bella gerit (Проперций, 2.12.16).

Особенно свободное употребление *Abl. locī* для указания обстановки мы находим у Проперция, например, 4.8.10 – *cum temere angūpō scēditur ore manus*, 'когда рука ввергается на счастье в драконовой пасти'. Некоторые комментаторы предпочитают рассматривать *ore* как дательный падеж; однако в морфологической системе латинского языка не существует формы дательного падежа 3 склонения на *-e*.

При именах городов и пр. (ср. § 311) застывшая форма древнего местного падежа (§ 332) чередуется в древней латыни с употреблением предлога *in*: *Epidaurī* (*Epid.636*), и *in Epidaurō* (там же 540). С конца I в. до н. э. возникает вместо старых наречий употребление формы отложительного падежа, например, *Arētīō* 'в Арретии' (Витрувий, 2.8.9), но впоследствии предложная конструкция становится преобладающей.

При обозначениях времени (*Abl. temporis*) беспредложное употребление сохранилось лучше, чем при обозначениях места. В *Abl. temporis* ставятся имена, которые по лексическому значению обозначают время (*tempestāte*, *hieme* и т.д.) или регулярно совершающиеся акты культового или гражданского характера (*lūdīs*, *comitiīs*, *niptiīs*), равно как и имена, сопровождающиеся определениями – *serviīlī tumultū* (Цезарь, *V.G.* 1.40.5). В других случаях *Abl. temporis* употребляется редко, и предпочитается конструкция с предлогом *in*, которая допустима также и при наличии определяющего слова.

Отложительный времени отличается от винительного времени тем, что не содержит указания на непрерывное продолжение действия в рассматриваемый промежуток времени, но впоследствии это различие ослабляется, и, как указано было в § 714, винительный времени в значительной мере заменяется отложительным падежом.

§ 738. Предыдущее рассмотрение показало, что в ряде своих функций отложительный падеж с течением времени уступил место предложным оборотам. Беспредложное употребление все более ограничивалось определенным кругом имен или управляющих глаголов, или тяготело к адвербиализации. Значение падежной формы все более переходило на сопровождающие ее предлоги (*ab*, *dē*, *ex*, *cum*, *in*). К семантическому ослаблению беспредложного отложительного падежа присоединялись фонетические моменты, уничтожавшие различие между формой отложительного и винительного падежа. С отпадением конечного *-m* (§ 295) различие между *civem* и *cive* уничтожилось, а в прочих основах сводилось к слабеющему количественному противопоставлению одинаковых по тембру гласных – *terram* – *terrā*, *fructum* – *fructū*, *sitim* – *sitī*, *faciem* – *faciē*, или близких по тембру – *dominum* – *dominō* (§ 203). Уже в I в. н.э. помпейские надписи свидетельствуют о том, что форма отложительного падежа при предлоге заменяется формой винительного: *a pulvinar* (4.2155 = *ā pulvīnārī*), *cum sodales* (4.221 = *cum sodālibus*), *cum discentes* (4.275 = *cum discentibus*). В течение эпохи империи отложительный падеж исчез из живой речи, уступив место различным предложным оборотам.

II. ЭЛЕМЕНТЫ ЛАТИНСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

ОБРАЗОВАНИЕ ИМЕННЫХ ОСНОВ

§ 739. Способами морфологического образования именных основ являются суффиксальное словообразование (напр. *cīvi-tās*) и словосложение, т.е. сочетание самостоятельных основ (напр., *agmiger*). Словосложение может сочетаться с суффиксальным словообразованием (напр., *su-ove-taur-tīa* 'принесение в жертву свиньи, овцы и быка'). К категории словосложения относится в латинском языке – особенно с исторической точки зрения – также и префиксальное словообразование (ср. § 790, *con-libertus*, *inter-lūnium*).

Образование основ существительных и прилагательных мы будем рассматривать совместно. Словообразовательная дифференциация прилагательных, хотя в иных случаях и восходит к общеиндоевропейскому языковому состоянию, тем не менее представляет собой явление сравнительно позднее. Древнейший слой суффиксов обслуживает в равной мере образование существительных и прилагательных, и ряд этих суффиксов сохранил продуктивность также и в латинском языке.

Суффиксальное образование имен

§ 740. Типы суффиксальных образований многочисленны, например, от слова *terra* образуются *terrula*, *terrēnus*, *terrester*, *terreus*, *terrōsus*, *terrālis*, *terrulentus*, *-terraneus*, *-torris*, *territōrium*. Самое слово *terra* произведено от корня *tēr-* с помощью суффиксов *-(e)s* и *-ā*. К тому же корню с его различными расширениями (*tere-*, *trī-*) восходят группы имен: *terebra*, *terebellus*, *terebrātīō*, *terebrāmen*, *terebrātus*; *termentum*, *extermentārium*; *tribulum*, *tribulātīō*, *tribulātus*, *tribulōsus*, *trītor*, *trītūra*, *trīticum*, *trīticeus*, *trīticiārius*, *trīticinus*, *dē-trīmentum*, *intertrīgō* и т.д.

Многообразие именных суффиксов в известной мере восходит еще к общеиндоевропейскому языковому состоянию. И.-е. имя было по своей структуре сложнее и многообразнее глагола (неотыменного). В качестве и.-е. именных суффиксов установлены гласные **-ī-*, **-ū-*, **-e/o-*, *-ā*, согласные **-r-*, **-n-*, **-s-*, **-t-*, **-d-*, сочетания кратких гласных, в первую очередь **-e/o-* с предшествующими сонантами и смычными (например, **-jō-*, **-цo-*, **-mo-*, **-no-*, **-ro-*, **-lo-*, **-bho-*, **-to-/do-*, **-co-*, **-go-*), и ряд более сложных образований. Уже в эту эпоху были выработаны многообразные суффиксы для обозначения лиц как деятелей или носителей качеств, для выражения действия и его результатов, орудия или места действия, для отвлеченных имен качества, для категории собирательности,

экспрессивной оценки (уменьшительные имена, ласкательные и т.п.), для выражения смысловых отношений прилагательного к существительному, от которого оно произведено и т.д.

Латинский язык в огромном большинстве случаев сохранил эти восходящие к и.-е. прошлому суффиксы и вместе с тем создал значительное количество новых суффиксов, являющихся обычно своеобразной комбинацией из прежних.

Например, общиндоевропейский суффикс *-ti- со значением имени действия, ср. греч. φά-τις, сохранился в латинском языке лишь в единичных словах, как ves-tis, ср. греч. ἔν-νυμι < *Fέσ-νυμι, mēns < men-tis (§ 169), mors < *mortis (§ 169), уступив место суффиксальному конглютинату -ti-ōn- в качестве продуктивного суффикса образования имен действия от глаголов: laudātiō и т.д.

Очень часто бывает, что при распространении суффикса он переносится вместе с конечным элементом основы, к которой он присоединялся. Так, суффикс -no-, продуктивный при образовании прилагательных от имен места с основой на -ā- – Rōmā-nus, Cūmā-nus, Spartā-nus, Silvā-nus 'леший', распространяется на прочие основы в форме -ānus – urb-ānus, vīc-ānus, mund-ānus и т.д.

Новая форма суффикса возникает иногда и в результате контаминации. Форма aēneus 'медный' получилась из смешения aēnus < *ajēs-nos и aereus (от aes < *ais).

§ 741. При преобладающем значении аффиксации в словообразовании производное слово обычно превосходит по объему то слово, от которого оно произведено; но возможен и обратный случай, когда по аналогии с существующими в языке соотношениями между первичным и производным словом из производного слова извлекается, путем сокращения или замены суффиксов, меньшее или равное по объему слово. Глагол rignāre образован от имени rignus 'кулак', и из глагола извлечено новое имя rigna; от truncus¹ 'ствол' образован глагол truncāre 'превращать в ствол, обрубать', из которого затем извлечено прилагательное truncus, -a, -um 'обрубленный'.

“Обратное” (“ретроградное”) образование мы имеем и в тех случаях, когда единственное число производится от множественного, мужской род – от женского и т.д.: decemvir 'член коллегии десяти мужей', от decemvirī 'коллегия десяти мужей', sponŕsus 'женых' от sponŕsa 'невеста' (spondēre – термин для обручения дочери).

¹ Эта гипотеза признается устарелой и не соответствующей ходу дела в связи с поздним (императорская эпоха) временем фиксации глагола truncāre и причастие truncātus. Естественнее видеть субстантивацию truncus, -a, -um "обрубленный" > truncus m. "обрубок" - *Прим. ред.*

§ 742. В нижеследующих параграфах мы ограничимся кратким обзором латинских именных суффиксов с указанием, по мере возможности, их употребления и продуктивности.

§ 743. Нулевой суффикс

Латинский язык сохранил группу “корневых” имен, образованных с нулевым суффиксом (§§ 346, 347, 362) при полной или удлиненной ступени корня. например, *pēs*, род.п. *pēdis*, *vōx*, *dux*, *cor* < **cord*.

Образования с нулевым суффиксом нередко наблюдаются в конечной части сложных слов со значением имени деятеля: *au-spex* от *avis* и *spes-iō*, *gēm-ex* от *gēmus* и *agō* (ср. § 346), *prae-ses* от *prae* и *sed-eō*. *Infinitivus praesentis passivi*, может быть, восходит к дательному падежу корневых имен действия (§ 571) – *ag-t*. Тип в историческое время уже не был продуктивным.

§ 744. Суффикс *-e/o-* (< и.-е. **e/o*) образует основы латинских имен 2-го склонения с им.п. *-us*, (м. и ж.р.) *-um* (ср.р.): *lupus*, *fāgus*, *iugum*, *fīdus*.

Во многих ветвях и.-е. языковой семьи этот морфологический тип получил значительную продуктивность при образовании имен действия и деятеля с характерным вокализмом *o* коренного гласного: греч. *τρόχος* ‘бег’ и *τροχός* ‘колесо’, ст.-сл. *токъ* и т.д. В латинском языке этот тип был далеко не столь продуктивным, однако представлен рядом имен, например, *socus* от *соquō*, *procus* от *pres-or*, *modus*, ср. *med-itor*. Продуктивным остается суффикс *-e/o-* и в словосложении (имена деятеля): *sacri-legus*, *male-dicus*, *сp̄n-scius* и т.д.; он служит для образования прилагательных от наречий, например, *superus* (от *super*), *nimius* (от *nimis*); от числительных – *septimus* (от *septem*, § 844. I), реже от имен – *decōrus* (от *decor*).

§ 745. Суффикс *-ā-* (< и.-е. **-ā-*) образует основы латинских имен 1-го склонения. Он унаследован в именах вещей – *barba*, *aqua*, в отглагольных именах действия (иногда с конкретным значением) – *fuga* (ср. *fugīō*), *toga* (ср. *tegō*), в именах с собирательным значением – *opera* (ср. *opus*), *ōra* (ср. *ōs*). Унаследованным является также тип сложных имен деятеля на *-a* (м.р.) – *agri-cola*, *indi-gena*. Общеиндоевропейский характер имеет чередование основ на *-ā-* и *-e/o-* в прилагательных для противопоставления женского рода мужскому и среднему: *novos*, *novom* – *nova*. Распространение этого чередования на производство существительных, обозначающих лиц женского пола, *deus* – *dea*, *dominus* – *domina*, *equus* – *equa*, продуктивное в латинском языке, как и во многих других и.-е. языках, не восходит к общеиндоевропейскому языковому состоянию и относится к более позднему времени.

Древняя латынь допускала еще употребление таких имен, как *lupus*, *agnus*, *puer*, в общем роде: *lupus fēta* (Энний, *Ann.* 68), *haec agnus* (Фест, 364.7), *sancta puer* (Ливий Андроник, *Od.fr.* 14.) ср. *Cereris Proserpina puer* (Невий, *V.P.* 29). Суффикс *-ā-* применяется при образовании имен женских божеств – *Bellōna*, *Fīōra* – и при “ретроградном” (§ 741) образовании имен от глаголов – *puḡna* (ср. *puḡnō* 1), *runca* (ср. *runcō* 1) ‘прополка’, *secta* (ср. *sector* 1), *statua* (ср. *statuō* 3). Очень большое распространение получили, быть может, под воздействием этрусского языка, прозвища м.р. на *-a*: *Cinna*, *Ahāla*, *Perperna*; нарицательные имена этого рода немногочисленны и обозначают обычно людей, профессии или занятия которых не пользуются уважением: *caḡcula*, *lixa*, *scurra*, *vegna*, *scrība*.

§ 746. *-ē-*, *-iē-* образуют основы латинских имен 5-го склонения; при этом *-ē-* восходит к и.-е. дифтонгам **-ei-*, **-eu-*: *rēs*, где *rē* < **rēi-*; *diēs*, где *diē-* < **diēu-* (о *spēs* и т.д. см. § 383, имена 3-го склонения на *-ēs* § 352). Суффикс *-iē-* < и.-е. **-jē-* унаследован как первичный суффикс при образовании отглагольных отвлеченных имен, – *maciēs*, *rabiēs*, *scabiēs* “шероховатость”, с которыми нередко соотносительны прилагательные с суффиксом *-ro-* (§ 751) – *macer* “худощавый”, *scaber* “шероховатый, неопрятный”.

В отыменных образованиях *-iē-* часто чередуется с *-iā-*: *māteriēs* – *māteria*. Об *-itiēs* см. § 748.

§ 747. *-iō-*, *-iā-* < и.-е. **-(i)jō-*, **-(i)jā-*. Эти и.-е. суффиксы служили для образования прилагательных и отвлеченных существительных женского и среднего рода. Прилагательные – отглагольные и отыменные: *eximius* (ср. *eximō* 3), *patrius* (ср. *pater*), *rēgius* (ср. *rēx*). Этим путем образуются имена римских родов (*gentēs*), первоначально имевшие характер прилагательных: *Tullius* (ср. *Tullus*), *Mārcius* (ср. *Mārcus*), *Sextius* (ср. *Sextus*). Наричательные имена м.р. на *-ius* немногочисленны. Весьма продуктивно образование на *-ia*, в первую очередь для обозначения отвлеченных наименований качества, производимых от прилагательных: *audācia* (ср. *audāx*), *concordia* (ср. *concor*), *modestia* (ср. *modestus*); от причастий – *abundantia*, *abstinentia*. Субстантивированные прилагательные – *patria*, *rēgia*, *pluvia*. Имена ср.р. на *-ium* производятся и от имен, и от глаголов – *senium* (ср. *sen-ex*), *somnium* (ср. *somnus*), *gaudium* (ср. *gaudeō* 2), *dēsīderium* (ср. *dēsīderō* 1) – очень часто в сложных словах – *iūdicium*, *colloquium*.

§ 748. Очень многочисленны суффиксальные конглоutinаты, имеющие *-iō-*, *-iā-* в качестве последнего элемента.

-itia (модель, вероятно, *mīlit-ia*, по образцу которой *amic-itia*, *rudīc-itia* и т.д.) служит для образования отвлеченных наименова-

ний качества, преимущественно от прилагательных малого объема, где простой суффикс *-iā-* образовал бы слово, содержащее менее четырех слогов: *blanditia*, *laetitia*, *dūritia*. С *-itia* чередуется *-itiēs*, преимущественно в словах, обозначающих внешние качества, *-itium* (редко) – *servitium* (может быть, по образцу *hospit-ium*), *calvitium* "плешивость".

-mōnia, *-mōnium* возникли в результате сочетания суффикса *-mōn-*, ср.греч. τλήμων, с *-iā-*, *-io-*. Слова ж. р. по преимуществу обозначают состояние, ср.р. – деятельность, занятие: *alimōnia* "пропитание", *acrimōnia* "острота", *castimōnia* "суровость"; *mātrimōnium*, *testimōnium*, *vadimōnium* – все, в значительной мере, слова, принадлежащие к сакрально-юридической области.

Очень продуктивный характер имеет образование прилагательных на *-ārius*, преимущественно от существительных, обозначающих вещи: *aquārius*, *argentārius*, *operārius*. Эти прилагательные послужили материалом для многочисленных субстантиваций, где существительные м. р. обычно характеризуют лица с точки зрения профессии или должности, *aerārius*, *bēstiārius*, *mercēn(н)ārius*, ж. р. обозначает рудники – *ferrāria*, ремесла – *statuāria*, заглавия пьес – *Mōstellāria*. ср.р. – хранилища – *armārium*, *vīnārium*, помещения – *sōlārium*, рассадники – *sēminārium*, расходы – *calceārium*, *congīarium*, канцелярские документы – *brevisārium*, *commentārium* и т.п. В сочетании с суффиксом *-tāt-* образуется *-tārius* (< **-tātārius*, гаплоглогия, § 283), *voluntārius* (от *voluntās*). Лат. *-ārio-* восходит, по крайней мере частично, к общеиталийскому суффиксу *-asio-*, заведущему в оско-умбрской ветви.

Сочетание суффикса *-tōr-*, *-sōr-*, (§ 766) с *-io-* привело к образованию конглютината *-tōrio-*, *-sōrio-*, ср. греч. ττρο-λος, получившего самостоятельное употребление в прилагательных и субстантивированных формах ж. и ср.р.: (*nāvis*) *praedātōria* (Men.344), *andidātōrius*, *victōria*. Существительные на *-tōrium*, *-sōrium* обычно обозначают место: *territōrium*, *dēversōrium* "постоялый двор", от *dēversor* "завернуть куда-то погостить". Продуктивный тип, получивший большое распространение в поздней латыни.

-īcio-: *patricius*, *tribūnicius*, *sāturnālicius* (преимущественно отыменные прилагательные, относящиеся к сакрально-юридической сфере).

-īcio- – при образовании прилагательных со значением материала: *caementīcius*, *laterīcius*.

Далее, прилагательные, производные от страдательного причастия перфекта со значением постоянного свойства, преимущественно в юридическом языке: *adoptātīcius*, *dēditīcius*, *ēmissīcius*. Сюда же *novīcius*.

§ 749. Латинские суффиксы *-e-o-*, *-e-ā-* восходят, вероятно, к **-ejo-*, **-eja-* и возникают в результате присоединения **-jo-*, **-ja-* к конечному элементу *-ē-* основ на *-e/o-*. Прилагательные на *-eus* имеют по преимуществу вещественное значение: *aureus*, *lacteus*, *igneus*. Тип очень продуктивный, в частности излюбленный в дактилической поэзии. В прилагательных, образованных от личных имен, *-eus* соответствует греч. *-ειος*: *Tantaleus* – греч. *Ταντάλειος*. Существительные на *-eus*, *-ea* – *balteus*, *culleus*, *ardea*, *solea* и т.д. – немногочисленны и нередко обозначают животных и предметы одежды.

Комбинация *-eus* с образованиями на *-nus*, *-gnus*, *-ginus* приводит к созданию *-neus*, *-gneus*, *-gineus* – *aeneus* (§ 755), прилагательные, образованные от имен деревьев – *robulneus*, *abiegneus*, *fagineus*.

От имен животных и растений образуются прилагательные на *-āceus*: *gallināceus*, *mustāceus*.

Приближаются по значению к причастиям отглагольные прилагательные на *-āneus*: *conditāneus*, *circumcidāneus*, ср. также отыменное: *mediterrāneus*. Иногда *-āneus* чередуется с *-ārius*: *praescidāneus* – *praescidārius*.

§ 750. Суффиксы *-vo-*, *-vā-* (< и.е. **-uo-*, **-ua-*), после согласного (кроме *l*, г, § 210) *-uo-*, *-uā-*, характеризуют преимущественно прилагательные – *vivus*, *laevus*, *arduus*. в частности, прилагательные, обозначающие цвет – *flāvus*, *helvus*. гораздо реже существительные – *clivus*, *rivus*. *-uo-*, *-uā-* иногда восходят к **-ojo-*, **-oja-*: *cervus* ‘олень’ < ‘рогатый’, ср. греч. *κερα(F)ός*, *vidua* (ст.-слав. **вѣдова**, < праслав. ***вѣдова**, д.-и. *vidháva*). Это образование представлено в латинском языке отыменными прилагательными – *patruus*, *annuus*, и отглагольными (нередко с пассивным значением возможного или должного действия) – *pāsciuis*, *arguus* > *argvus* (ср. Тис. 149: *nōn arguos hic, sed pāsciōst ager*), *praecipuus*, *assiduus*. Большую продуктивность получил составной суффикс *-ivo-*, ср. ст.-сл. **ход-ивъ**: *secivus*, *vocivus* (§ 131), *recidivus*. С помощью этого суффикса образуются прилагательные от причастия перфекта со значением длительного состояния в результате действия: *captivus*, *vōtivus*, *ascrip̄tivus*.

В сочетании с согласным элементом суффикса причастия *-t-* (*-s-*, § 230) создается образование на *-tivus* (*-sivus*), служащее для производства прилагательных от отвлеченных имен на *-tib*, *-tās*. *-ntia*, особенно в области риторической и грамматической терминологии: *dēfīnitivus*, *trāslātivus*, *āctivus*, *passivus*, *nōminativus*, *cāritātivus*, *substantivus*. В качестве расширения образования на *-tus* (§ 764), *-tivus* распространилось в прилагательных, обозначающих время: *festivus*, *tempēstivus*: далее – *aestivus*, *p̄mitivus*.

§ 751. -ro-, -rā- < и.-е. *-ro-, *-rā-, (им.п. ед.ч. часто -er, § 169, 2) – унаследованный суффикс, в латинском языке сравнительно мало продуктивный: *ager, taurus, vērus, liber, stuprum*. В некоторых случаях латинские основы на -ro- восходят к *-so- – *umerus*. Форма -ero- представлена образованиями *superī, inferī*. Суффикс -tero-, -tro- употреблялся в противоположениях и был использован для сравнительной степени (§ 406).

Продуктивный характер имеет -tūrā-, (-sūrā-) в отвлеченных отглагольных именах от причастия перфекта: *pātūra, ūsūra*. Этот суффикс, часто соотносительный с именами деятеля на -tor (-sor), характерен для ряда технических слов, обозначений занятия, должности и т.д.: *picūtūra, mercātūra, praefectūra*. Образование на -ātūrā, где к суффиксу присоединился конечный элемент глагольной основы (*mercā-tūra*), получило самостоятельное употребление: *corporātūra*. По модели -tūra – единичные образования на -ūra: *figūra*, поздн. *fervūra* (ср. *fervor*).

Неясно происхождение уничижительного суффикса -astro- (количество -a- неизвестно): *parasitaster, surdaster*.

Ср. § 753 -tro-, -cro-, -bro-.

§ 752. -lo-, -lā- < и.-е. *-lo-, *-lā-, часто *-elo-, *-elā- > -ulo-, -ulā- (гласный u в -ulo- может возникать также и в результате анаптиксы, § 175) служит для производства существительных и прилагательных: *nebula*, ср. греч. νέφος, ст.-сл. нево; *aquilus*, ср. *aqua*. Отглагольные образования на -(u)lus, -ula обозначают имена деятеля, преимущественно прилагательные – *crēdulus, bibulus*, но также и существительные (орудия, предметы) – *oculus, rēgula*, вероятно, *scalprum* < *scalplom (§ 280). -lo-, -lā- иногда восходят к *-s-lo-, *-s-lā-, где *-lo-, *-lā- присоединяется к нулевой ступени суффикса -(e)s- (§ 225 г): *pālus, aula*.

Весьма продуктивен суффикс -lo-, -lā- при образовании уменьшительно-ласкательных имен: *filiolus, aetātula, longulus*. При синкопе -e- и ассимиляции предшествующих r, n с начальным элементом -l- суффикса -lo-, -lā- создаются образования на -ellus, -illus, -ōllus, -ullus: *asellus, scabillum, corōlla, homullus*. Часты уменьшительные от уменьшительных – *puellula, pauxillulus*. От имен 3-го, 4-го и 5-го склонения уменьшительно-ласкательные образования производятся обычно с помощью суффикса -culō-, (-culā-), восходящие к общепиталийскому сочетанию двух и.-е. уменьшительных суффиксов *-ce-lo- (-lā): *molliculus, mātercula, homunculus, opusculum, versiculus, spēcula*.

Унаследованным, быть может, является тип отвлеченных имен на -ēla, (ср. греч. μῦμηλός), смешивающийся в письме с уменьшительным на -ella: *querēla, tūtēla, custōdēla*. Некоторые исследователи возводят -ēla к *-eslā.

Образование на *-ēdula* в именах птиц – *acrēdula, monēdula, quercuēdula* – возникло, может быть, по образцу *fic-ēdula*, где *-ēdula* может представлять собой второй член сложения ('едящая' от корня *ēd-*, § 609).

См. также § 753 *-с(u)lo-*, *-cula* и *-b(u)lo-*, *-bula*.

§ 753. И.-е. суффиксы **-tro-* (**-tlo-*), **-dhro-* (**-dhlo-*) служили для образования существительных, обозначающих орудия или место, чаще всего ср. р.

**-tro-*, **-trā-* > лат. *-tro-*, *-trā-*: *arātrum, culter, scutra*; конглютинат *-s-tro-*: *mōn-s-trum, lū-s-trum*; образования на *-estra*, возможно, этрусские – *fenestra*.

**-tlo-*, **-tlā-* > лат. *-с(u)lo-* (*-cro-*), *-culā-* (§§ 175, 279): *ferculum, vehiculum, pōс(u)lum, spectāс(u)lum, pavīculum*; *-clo-* > *-cro-* в словах, содержащих *l* (§ 175, 279): *lavāсrum, sepulсrum*.

**-dhlo-*, **-dhlā-* > лат. *-bulo-* (*-bro-*), *-bulā-* (*-brā-*) (§§ 175, 279), **-dhro-*, **-dhrā-* > лат. *-bro-*, *-brā-*: *pābulum, trībulum, tūgibulum, fābula* (конглютинат *-ā-bulum* – *acētābulum* "уксусник, соусник, ацетабул (0,07 л)", *сrībrum* "сито", *vertebra, candēlabrum* (в словах, содержащих *l*, древнее *r* не всегда можно отличить от *r < l*).

§ 754. Суффикс *-mō-*, *-mā-* < и.-е. **-mo-*, **-mā-* служит для образования превосходной степени (§ 408), порядковых числительных (§ 844). Помимо этого, он встречается лишь в немногочисленных словах: *animus, fūmus, fāma, formus, almus, optimus, patrimus, mātrimus* и т.п.

§ 755. И.-е. суффиксы **-no-*, **-nā-* > лат. *-no-*, *-nā-* были весьма продуктивны при образовании прилагательных, а также существительных всех родов: *ūnus, plēnus, dignus* (от *dec-et*), *agnus, vēna, scamnum*. Отыменные относительные прилагательные на *-(i)nus* (ср. *māternus, aēnus* < **ajēsnos*) особенно часто образуются от имен деревьев: *plignus, salignus* (отсюда – *-gnus*: *abie-gnus*), *pōpulnus, fāginus* (*-nus* чередуется при этом с *-neus*, § 749: *pōpulneus, fāgineus*). Унаследованным является морфологический тип образования прилагательных со значением времени на *-tinus*, ср. д.-и. *nū-t(a)nas* 'нынешний': *сrāstinus, pīstinus, diūtinus*. Есть предположение, что суффикс связан с корнем **ten-* 'тянуть', а исход на *-gnus* в прилагательных, означающих время, восходит к **-tinos*: *hībernus* – греч. *χεϊμερινός* (§ 248), *hesternus*, отсюда – *hodiernus, nocturnus, diurnus*. Образования на *-nus* (*-ernus*) от наречий – *pōpnus, supernus* – могут восходить к наречиям, расширенным частицей *-ne* (§ 822), например, *super-ne*, затем *īnfernus, internus, externus*.

Суффикс -m(e)no-, служивший для образования и.-е. медиальных причастий настоящего времени, ср. греч. φερβ-μενο-ς, сохранился в латинском языке только в единичных словах: fēmina перв. 'доимая', alumnus 'питомец'.

Особенно продуктивны в латинском языке конглютинаты -āno-, -īno- для образования прилагательных (часто от обозначений местоимений и личных имен): Rōmānus, Tullīānus, Octāviānus (отсюда – iānus: Caesariānus), urbānus, fontānus; dīvinus, canīnus, vicīnus, Latīnī, Plautīnus (долгота -ī- в -īno-, может быть, под влиянием -āno-, а в производных от основ на -e/o- возможно также воздействие образований на -ī, § 355). Как суффикс имен, обозначающих лица женского пола – rēgīna, gallīna, concubīna, -īna содержит элемент -ī-, восходящий к и.-е. суффиксу женских имен *-ī-/iā-, ср. д.-и. vŕkī 'волчица', греч. πότι-ια.

aliēnus может восходить к *ali-īnos (диссимиляция -iī-) или к *alies-nos.

Продуктивности рассматриваемого суффикса способствовала также распространенность суффиксов, оканчивающихся на -na, в этрусском языке. Очень вероятно, что ряд латинских образований на -ēna-, -enna-, -enna, -tna, -ennus содержат заимствованные суффиксы, ассимилированные латинским языком и присоединяющиеся не только к этрусским, но и к латинским корням.

Неясно происхождение -ōnus, -ōna: mātrōna, Bellōna, patrōnus, colōnus.

§ 756. И.-е. суффиксы *-to-, *-tā- > лат. -to-, -tā-, как и близкие по значению -no-, -nā- (§ 755) служили для образования прилагательных и существительных.

В отглагольных и отыменных прилагательных суффиксы эти указывали на снабженность предмета тем признаком, который обозначался глаголом или именем, и отглагольные образования на -to- получили значение причастий перфекта (§ 665). В отыменных прилагательных -to-, сочетаясь с конечными элементами предшествующей именной основы (barbātus, crīnītus, cinctūtus) образовало конглютинаты -ātō-, -ītō-, -ūtō-: dentātus, mellītus, nāsūtus; неясно aegrōtus. Нередко -to- присоединяется к именным основам на -e/os-: fūnestus, Augustus.

-to- употреблялось при образовании порядковых числительных (§ 844) и превосходной степени, ср. греч. ἡδ-ισ-τος, лат. iuxta (§ 268 a).

Существительные с суффиксами -to-, -tā- – hortus, lēctus, porta, iuventa и т.п. – частично представляют собой субстантивфикацию прилагательных, ср. субстантивированное причастие – acētum. Продуктивный морфологический тип составляют собирательные имена и обозначения места на -tum (затем -ectum, неясное -ētum),

главным образом, имена растительных сообществ: *arbustum*, *salictum*, *fructectum* (*dūm-ecta*), *arundinētum*.

О словах на *-mentum* см. § 762.

Продуктивный суффикс *-(o/u/i)lento-* со значением 'снабженный, обильный чем' – *violentus*, *vīolentus*, *opulentus*, *aquilentus* – мог возникнуть как расширение образований на *-nt-* от прилагательных на *-ulus* (§ 752); некоторые исследователи, однако, возводят *-olentus* к глаголу *olĕre* 'пахнуть' (*vīolentus* = *vīnum olĕns*).

§ 757. Сходное значение 'снабженный, обильный чем' имеет другой весьма продуктивный суффикс отыменных прилагательных *-ōso-* (*-ōpso-*), вероятно, < **-o-cent-to-*, где **-to-* служит расширением и.е. суффикса **-cent-*, д.-и. *-vant-*, греч. *-φειντ-*, *χαρί-φειντ-*: *herbōsus*, *fōrmōsus*, *odiōsus*, *periculōsus*, *scelerōsus*, *aestubōsus*, *religiōsus* (от основ на *-iōn-* всегда *-iōsus*, а не **-ionōsus*). Конглютинаты: *-iōsus* – *labōriōsus*, *cūriōsus*; *-uōsus* – *montuōsus*; *-(i)culōsus* – *somnīculōsus*, *metūculōsus*; *-ulōsus* – *formidulōsus*.

§ 758. Суффикс *-do-*, *-dā-* < и.е. **-do-*, **-dā-* или **-dho-*, **-dhā-* (*nūdus* < **noēdos*, § 211, < и.е. **nog^hedhos*) весьма продуктивен в форме *-idus* у прилагательных, чаще всего отглагольных и соотносительных с непереходными глаголами 2-го спряжения, а также с отвлеченными именами действия на *-or* – *trepidus*, *liquidus*, *lūcidus*, *timidus*, – но также отыменных: *flammidus*, *morbidus*.

Об образовании герундива на *-ndus* см. § 582.

§ 759. Суффикс *-so-*, *-sā-* < и.е. **-ko-*, **-kā¹-*: *paucus*, *prīscus*, **procus*, Gen. Pl. *procum* (Фест, 290.21), *musca*, *mūscus*, *ūnicus* < и.е. **oīnosos*, ср. ст.-сл. *инокъ*. Суффикс этот часто встречался в наименованиях италийских племен: *Augur-cī*, ср. греч. *Αὔσ-ου-ες*, *Tus-cī*, *Falis-cī*, ср. *Faler-ī* (§ 212), ср. умбр. *Turskum*, греч. *Τυρσ-ηροί*. Конглютинаты *-icus* в прилагательных, ср. греч. *ἰπτικός*, – по образцу *cīvicus*, – *dominicus*, *histriōnicus*, *Campanicus* (в дальнейшем *-ānicus* – *Graecānicus*); *-ticus* – *rūsticus*, *domesticus*, *umbrāticus*, в дальнейшем *-āticus* – *darāticus*, сюда же позднелатинские существительные на *-āticum* как обозначения уплат и сборов – *agrāticum*, *balneāticum*. Продуктивность этих суффиксов в латинском языке поддерживалась заимствованием греческих слов с теми же суффиксами – *basilicus*, *nauticus*, *phrenēticus*.

¹ *-so-* < и.е. **-ko-* в *iuvencus*, ср. д.-и. *iuvačāh*. И.е. суффикса **-q^ho-*, по-видимому, не существовало, и латинские образования *proq^h-inquis*, *long-inquis*, где *-inquis* < и.е. **-r^hq^hos*, ср. греч. *-απός* – *под-απός*, восходят к какому-то неясному для нас словосложению: сходного происхождения, вероятно, *antīquus* (в отличие от *antī-*cus).

-ācus (м.б., родственно - āc-, § 776) – *merācus*; имена ж.р. на -āca, часто растения – *lingulāca*, *portulāca* (ср. -āceus, § 749); -īcus – *postīcus*, *umbilīcus*, *amīcus*, *lectīca*; -ūcus – *cadūcus*, *lactūca*; -scus в именах растений – *hibiscus*, *lentiscus*.

-co- как суффикс уменьшительности сохраняется в латинском языке только в сочетании с -lo- (§ 752).

§ 760. Суффикс -ī- < и.-е. *-i- сохранился в ряде существительных и прилагательных – *ovis*, *avis*, *apis*, *ēnsis*, *mare* (§§ 350, 355 г), *dulcis*, *rudis*, *turpis* – и в ряде случаев послужил для преобразования других основ – *pāvis*, ср. греч. *παῦς*, *unguis*, ср. греч. *ὄνυξ*, *caulis*, ср. греч. *καυλός*, *mēnsis* (§ 355 г), *canis* (§ 355 г), основ на -nt- (§ 404), прилагательных на *-u- (§ 369). С именами на -is сблизилась в своем склонении также имена на -ēs (§ 383). В словосложении суффикс -i- нередко заменяет конечный элемент основы (-ā-, -o- и т.д., ср. §§ 744, 745): *biennis*, *imberbis*.

§ 761. Суффиксы -gī-, -mī-, -pī- представлены в латинском языке только немногими словами – *ācer*, *putris*, *fūnebris*, *vermis*, *ignis*, *lēnis* и т.п.

Суффикс -tī- (ср. § 740), служивший для образования глагольных имен действия (греч. *φάτις*) сохранился в латинском языке лишь при условии изменения звучания или значения, либо утраты связи с глаголом: *mors*, *mēns*, *ars*, *vestis*, *messis* (от *metō*), наречия на -tī- (§ 800). В прочих случаях он расширился присоединением суффикса -ōp- (§ 768).

-tī- (-ātī-) часто употребляется для обозначения жителей какой-либо территории: *Samnītēs*, *Tīburtēs*, *Fīdēnātēs*. По этому же типу – *nostrātēs*, *penātēs*, *optimātēs*.

§ 762. Особенно продуктивен в латинском языке суффикс -lī-, которому в греческом языке соответствует -λο-, в д.-и. -ga- < и.-е. *-lo-: *humilis*, ср. греч. *χαταλός*; *similis*, ср. греч. *ὀμαλός*; *volucris* (**colutl-*); *agilis* "легко приводимый в движение", ср. д.-и. *ajirāh* 'быстрый'; *gracilis*; отглагольные образования со значением возможности, преимущественно пассивной – *facilis*, *docilis*, *ūtilis*. От причастия перфекта на -tus, -sus производится прилагательное на -tilis, -silis (часто со значением продуктов ремесленной или художественной деятельности): *coctilis* 'обожженный' → 'кирпичный', *fictilis* 'глиняный', *sectilis*, *missilis*, *ferrātilis* 'обитый железом', 'скованный раб' (Pl.); -ātīlis для обозначения живущих в некоей среде или местности: *aquātīlis* 'водяной', *umbrātīlis*, *saxātīlis*.

В связи с инструментально-местным суффиксом существительных -bulum (-brum, § 753) создан суффикс отглагольных прилагательных -bilis (-bris) со значением возможности, активной, но чаще пассивной, например, *flēbilis* 'плаксивый' и 'достойный оплакивания', *stabilis*, ср.

stabulum, exōrābilis, amābilis, (g)nōbilis, crēdibilis; -bris в порядке диссимиляции (§ 279) – alebris, salūbris. В языке классического периода суффикс -(i)bilis нередко присоединяется к основе причастия перфекта: flexibilis вм. flectibilis. Отыменные прилагательные на -ābilis немногочисленны: aerumnābilis, favōrābilis.

В отыменных образованиях на -lis особенно продуктивен конглютинат -ālis (из aquā-lis и т.п.) – annālis, capitālis, virginālis, cervīcal; с диссимиляцией -āris – familiāris, piaculāris, pulvīnar; имена праздников на -ālia – Sātūrnālia, Cōnsuālia, Neptūnālia. Продуктивности этого суффикса могла способствовать распространенность его в этрусском языке.

От основ на -i- и -e/o- образуются имена на -īlis (долгота -ī- так же, как в образованиях на -īnus, § 755) – hostīlis, erīlis, puerīlis; от иных основ – iuventīlis, anīlis; на -īle (ср. р.) со значением ‘стойло, сарай’ – ovīle, faenīle, также отглагольные – cubīle, sedīle.

От основ на -u- – curūlis, īdūlis, – затем ed-ūlis; от основ на -e- – fidēlis – затем patru-ēlis.

§ 763. Происхождение некоторых латинских конглютинатов на -i- неизвестно.

-estri- (-es- + -tri-, родств. -tero-, ср. греч. ὀρέσ-τερος?): terrestris, silvestris, equester; сюда же, вероятно, agrestis < *agrestis (§ 279), по образцу которого могло возникнуть caelestis.

-ēnsi- (-ent- + -ti-?) в прилагательных, образованных от географических имен и обозначений места – Cannēnsis, Hispāniēnsis (происходящий из Испании), castrēnsis, ātriēnsis, в период Империи обозначения должностных лиц – commentāriēnsis; -iēnsis – Athēniēnsis.

§ 764. И.-е. основы на *-u- сохранились в латинском языке только в существительных (§§ 368-370) – lacus, sinus, genū, pecū. Продуктивным остался только и.-е. суффикс *-tu-, употреблявшийся для образования отглагольных имен целенаправленного действия и присоединявшийся к полной ступени глагольной основы, в отличие от нулевой ступени глагольных прилагательных на -to- (§ 685). В латинском языке это различие устранилось, и имена с суффиксом -tu- имеют основы в той же форме, что причастие перфекта на -tos (§§ 677-679; полная ступень сохранилась в наречии simitū): cultus, fluctus, rīsus, habitus, vomitus; -itus – spīritus. В некоторых случаях связь с глаголом в латинском языке уже утеряна – aestus, ср. греч. αἶθω.

Продуктивности суффикса -tu- при наличии параллельного суффикса -tīōn- (§ 768) способствовала дактилическая поэзия, которая не могла пользоваться словами на -ātīō или -ītīō. Сохранялось -tu- также в глагольной системе (супин. § 684).

Образование на *-ātus* получило продуктивность в обозначении должностей и должностных коллективов: *magistrātus, cōsulātus, senātus*.

§ 765. И.-е. основы на **-ū-* и дифтонги представлены в латинском языке только единичными, иногда уже морфологически переоформленными словами – *sūs, grūs* (§ 355 б), *rēs, diēs* (§ 383), *Iovis* (§ 351), *bōs* (§ 355 в), *nāvis* (§ 355 г).

§ 766. И.-е. суффикс **-tēr-* (**-tōr-*) сохранил в латинском языке форму *-ter-* в унаследованных именах родства: *māter, pater, frāter*. В качестве суффикса имени действующего лица он имеет форму *-tor-*, после переднеязычного – *-sor-* (§ 230), ж.р. *-trīc-*, *-strīc-* (§ 776), ср. греч. *δῶτωρ*: *āctor, victor, amātor, dēfēnsor, monitor*. Отыменные образования на *-ātor, -itor* – *praedātor, holitor*.

§ 767. И.-е. образования имен ср. р. с суффиксом **-r-* в им.-вин. п. ед.ч., **-n-* – в прочих падежах (§ 351 а) сохранились в латинском языке в единичных случаях и обычно с затемненным чередованием: *femur, iecur, iter*, вероятно *cuor*, ср. *cuen-tus*. В *über* (ср. греч. *ὄββαρ, -ατος*) *-r-* распространилось на все склонение.

§ 768. К и.-е. **-ē/ōn-* восходит латинский суффикс *-ē/ōn-*, образующий имена м. и ж.р. на *-ō* (§ 356 в), род.п. *-ōnis, inis* (редко на *-ēn*, род. п. *-ēnis, inis* – *liēn, pecten*), ср. р. на *-en*, род. п. *-inis*: *homō, carō, unguen*.

Имена м.р. на *-ō, -ōnis* по большей части обозначают лиц (иногда животных, орудия) как носителей определенного качества, нередко отрицательного, и часто употребляются как личные имена или прозвища; отыменные – *ālēō, gulō, verberō, Catō*, ср. *catus, Nāsō*, ср. *pāsus*; отглагольные – *bibō, errō, lucrō, ripiō, runcō*. В сочетании с конечным элементом основы на *-i-* (*pellī-ō, resti-ō*) образуется суффикс *-iōn-*, который в именах м.р. служит для обозначения лиц по их профессии или качествам – *mūliō, lūdiō, vulpiō*, нередко с уменьшительным или уничижительным оттенком – *homuncīō, seneciō*, животных – *stēliō*, вещей – *cuculliō*, счетных существительных – *ūniō, bīniō*.

В именах ж.р. суффикс *-ōn-* в нерасширенном виде встречается редко, например, *car-ō, marg-ō, suffrag-ō*, но в сочетании с другими морфемами образует ряд суффиксальных конглоutinатов.

Суффикс *-iōn-* служит для образования отглагольных имен действия (или продукта действия): *condiciō, legiō, regiō* (не от глагола образованы *tāliō, dupliō*).

Еще более продуктивен в той же функции суффикс *-iōn-*, образовавшийся как распространение и.-е. суффикса отглагольных имен действия **-ti-* (§ 761) с суффиксом *-ōn-*. Глагольные основы имеют при этом ту же форму, что в причастии перфекта (§§ 677-679): *āctiō, ratiō, laudātiō, mōtiō, respōnsiō*.

Суффикс *-dĕ/ǫn-*, ср. греч. ἀχθηδών, служит для образования отглагольных имен, обозначающих физическое или душевное состояние: *fīgē-dō*, *cupī-dō*, ср. *cupī-tum* (§ 677), не отглагольное *testū-dō*, затем *-īdō*, например, *lub-īdō*, и *-ēdō* от глаголов и прилагательных, часто в обозначении болезней: *ūrēdō*, *gravēdō*.

Отвлеченные имена качества на *-t ū d ō*, р.п. *-tūdinis*, образуются от прилагательных – *altitūdō*, *svāvitūdō* (иногда дублеты на *-īās – svāvitās*); существительных – *eritūdō*; наречий – *necessitūdō*; глаголов – *habitūdō*, *cōnsvētūdō*, *valetūdō* (*validūdō*). По предположению академика М.М. Покровского, суффикс этот восходит к распространению суффикса *-tu-* (§ 764) с помощью *-dĕ/ǫn-* (долгота *-ū-* по аналогии с *-īdō*, *-ēdō*, *-ūdō*); менее вероятно объяснение *-tūdin-* как расширение суффикса *-tūt-* (§ 774) элементом *-n-* с озвончением *t > d* и последующей анаптикой (ср. § 176).

Образования на *- ū g ō*, *- ī g ō*, *- ā g ō*, особенно продуктивные в сельскохозяйственной лексике – *ferrūgō*, *mollūgō*, *gōbīgō*, *ūlīgō*, *vorāgō*, *larrāgō* и т.д., – также нередко истолковываются как расширение суффиксов на *-c-* (§ 776) элементом *-n-* с последующим озвончением *s > g* и анаптикой. Однако, если суффикс *-gĕ/ǫn-* действительно и.-е., что нельзя считать достоверным, – то его лучше всего рассматривать, вслед за М.М. Покровским, как расширение суффикса *-g-* (§ 775) с помощью *-ĕ/ǫn-*.

В именах ср. р. продуктивным является только суффикс *-men-* (§ 769).

§ 769. И.-е. суффикс **-mĕ/ǫn-* служил в м.р. преимущественно для образования имен деятеля, в ср. р. – для имен действия, также продукта или орудия действия.

Латинский язык сохранил лишь единичные имена м.р. на *- m ō*, например, *sermō*, *termō*, мн. ч. *alimōn-ēs*, ср. греч. ἡγεμών, τέρμων. и на *- e n* – *flāmen* (но *flāmōnium*), *termen*, но суффикс *-mōn-* представлен в расширенных образованиях *-mōnium*, *-mōnia* (§ 748).

В ср. р. суффикс *- m e n -* < и.-е. **-mŋ-*, ср. греч. -μα, ст.-сл. -ма, не столь продуктивен, как в греческом языке, но представлен значительным количеством образований: *agmen*, *flūmen*, *pōmen*, *stāmen*, ср. греч. στῆμα, *sēmen*, ср. ст.-сл. сѣма. К общеиндоевропейскому языковому состоянию восходит также расширение суффикса *-men-* элементом *-t-*, ср. греч. род.п. -ματος имен на *-μα*, в латинском языке *-men-to-*: *strāmentum*, наряду со *strāmen*; дублетные образования, впрочем, немногочисленны, и в большинстве случаев употребляется лишь одна форма на *-men* или, чаще, на *-mentum*: *frūmentum*, *monumentum*, *armāmentum*. Отсюда отыменные образования на *-āmentum*: *ātrāmentum*; после заднеязычного нередко *-s-men(-to)-*: **IOVXMENTA** (1².1) > *iūmenta* (§ 268), *lūmen* < **louximen*. Дублет *unguen – unguentum* по образцу имен на *-men-/mentum*.

§ 770. И.-е. суффикс *-ĕ/ōs- (нулевая ступень *-s-) служил в первую очередь для образования глагольных имен действия.

В именах ср.р. суффикс *- ĕ/ōs- > лат. -ĕ/ōs-, им.п. -us (-ur, -or), род. п. -eris, -oris, -uris: *genus, tempus, fulgur, aequor, *ieyos > *ioyos* (ср. **IOVES-TOD**, 1².1) > *ious (§ 211) > iūs (§ 110), сходным образом *teyos > *toyos > rūs. Этот морфологический тип в латинском языке уже малопродуктивен.

Обращает на себя внимание группа слов, относящихся к юридической сфере и образованных путем присоединения суффикса -es- к носовому: *facinus, fēnus, fūnus, mīnus, pignus*.

Значительно бóльшую продуктивность сохраняет тип имен м.р. с суффиксом -ōs-, им. п. -ōs, впоследствии -or, род. п. -ōris, обычно соотносительный с глаголами, в первую очередь с глаголами 2-го спряжения, или с прилагательными на -idus, и служащий для образования отвлеченных имен, обозначающих качество, душевное состояние, шумы и т.д.: *teror, rubor, horror, amor, strīdor*.

Суффиксы -s-, -i-s- встречаются в ряде изолированных, не связанных с глагольными корнями слов, например, *mūs, iūs* 'похлебка', *ōs, cinis, flōs, fās* и т.д. Образования с суффиксом -es- послужили основой для многих производных слов, нередко затемненной дальнейшим фонетическим развитием: *honestus*, ср. *hōnos, aēnus < *ajiesnos* (§ 755), *fūnebris*, ср. *fūnus, tenebrae < *temə-s-rā-*, ср. д.-и. *tāmīrah* (лат. *-sr- > *-fr- > -br-, § 253, и *m > n под диссимилирующим воздействием *f > b), *cēna < *kert-s-na*, *anxius* – основа *ang-s-iō-*. Суффиксы типа *-smo-, *-sno-, *-slā- и т.п. возникли как сочетания нулевой ступени суффикса -es- со вторичными суффиксами -mo-, -no-, -lā- и др.

§ 771. И.-е. суффикс *-jĕ/ōs- (нулевая ступень *-is-) сохранился в латинском языке как суффикс сравнительной степени -īōs- (§ 407) и как элемент образования суффикса превосходной степени -is-simo-, ср. также *iuxtā < *iug-is-ta*.

§ 772. Суффикс -d- < и.-е. *-d- встречается в немногих словах: *lapis, lapidis*, ср. греч. *λεπάς, -αδος, pecus, pecudis; palūs, palūdis, glāns, glandis* (м.б., < и.-е. *-di-, ср. ст.-сл. **желѣдь**).

§ 773. И.-е. суффикс *-t- > лат. -t- распространял корневые основы, ср., например, *nos-t-, lac-t-*, чаще всего после гласного, и представлен в ряде сложных слов: *sacerdōs < *sacro-dhō-t-s* (§ 172), *antistes < *anti-stā-t-s, locuplēs*, род.п. -plē-t-is, *comes*, род.п. -i-t-is, *pedes*, род.п. -i-t-is (об им.п. на -es см. § 355 а).

В форме -et- суффикс этот служит в латинском языке для образования отглагольных или отыменных имен со значением лиц или

предметов, обладающих тем признаком, который выражен производящей основой (им.п. -es, род. -itis, -etis): *eques, āles, dīves, teges*.

§ 774. Суффикс -tāt- (-tāti-), ср. греч. дор. -tāt- (ион. -tāt-), д.-и. -tāt- (-tāti), является наиболее продуктивным в латинском языке способом образования отвлеченных имен качества от прилагательных и существительных (в последнем случае – часто со значением общественного положения): *novi-tās*, ср. греч. νε(F)δ-της, *libertās, civitās, iuventās, tempestās, varietās, aedilitās, -itās – auctōritās, hērēd-itās*; от наречий – *voluptās, temeritās*. О колебаниях между суффиксами -tāt- и -tāti- свидетельствуют дублетные формы род.п. мн.ч. на -tātum и -tātium (§ 364). Конглютинат возник путем расширения суффикса -tā- (ср. лат. *iuventa, senecta*) суффиксом -t- или -ti-.

Суффикс -tūt- того же значения, что -tāt-, сохранился в пяти словах – *iuventūs, senectūs, virtūs, servitūs, арх. tempestūs*; он возник, вероятно, как расширение -tu- элементом -t- (ср. -tūdo-, § 768, долгота -ū-, вероятно, по аналогии с -tāt-).

И.-е. происхождение имеют также суффиксы: -nt, служащий для образования причастий настоящего времени (§ 574), *-cent, производным от которого является лат. -ōso-, а также и.-е. суффикс активных причастий перфекта -ctō-, быть может сохранившийся в таких латинских словах, как *carut, arud*.

§ 775. Суффикс -g- в латинском языке встречается очень редко, например, в *strā-g-ēs*.

§ 776. Суффикс -с- (им. п. на -ex, -ix) встречается иногда с уменьшительно-уничижительным оттенком в словах, обозначающих животных – *nātrix, culex, sōrex*, растения – *salix, Plex*; минералы – *silex*; в отглагольных и отыменных образованиях – *vertex, senex*, ср. род. п. *senis, imbrex*; -ēs-: *vervēx*.

И.-е. суффикс *-i-, служащий для образования имен лиц женского пола (§ 755), имеет в итальянских языках расширение -с-: *iuvenīx; -trīx* от имен на -tor (§ 766) – *genetrīx*; соответственно в именах птиц – *cornīx, coturnīx*, и других образованиях ж. р. – *cervīx, rādīx*. Того же происхождения *fēlīx* от **fēlā*, ср. греч. θήλη.

Суффикс -āс- возник, по-видимому, как расширение именного суффикса -ā-, ср. греч. νεāξ, φλύāξ: *limāx, fornāx*. В латинском языке -āс- обычно служит для образования прилагательных, указывающих на склонность к чему-либо, на сильно выраженное качество: *mendāx, fugāx* и получил продуктивность в отглагольных образованиях, нередко с уничижительным оттенком: *audāx, bibāx, capāx*, ср. Катон, Agr. 2.7, *patrem familiās vendācem, non emācem esse oportet*.

Суффикс -ōс- – *ferōx, atrōx, vēlōx* – восходит, вероятно, к корню **oqw-* ‘лицо, глаз’ во втором члене неоформленного словосложения (§ 780).

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛАТИНСКОГО СЛОВА

§ 777. Огромное большинство латинских слов имеет сложную морфологическую структуру и состоит из последовательного ряда значимых частей. Например, слово *abaliēnātiōnem* 'отчуждение' (вин. п. ед. ч) расчленяется на "семантему", носителя лексического значения слова *abaliēnātiōn-*, и словоизменительный аффикс *-em*, указывающий на форму слова (вин. п. ед.ч.) и уточняющий как лексическое значение (ед.ч.), так и синтаксические связи слова. В семантеме *abaliēnātiōn-* формант *-tiōn-*, исторически происходящий из соединения двух формантов *-ti-* и *-on-* (§ 768), служит для производства имени действия от глагола *abaliēnā-re* 'отчуждать', который, в свою очередь, является сложным глаголом, образованным с помощью присоединения приставки *ab-*, в прошлом самостоятельного слова, к глаголу *aliēnā-re* 'делать чужим'. Глагол *aliēnāre* произведен от прилагательного *aliēnus* (<*aliēno-s) 'чужой'. Прилагательное *aliēnus* содержит неясный по происхождению формант *-iēno-* (< **-i-ŋno-* или **-ies-no-*) – со значением принадлежности – 'чужой, т.е. принадлежащий другому', и произведено от *alius* (< **al-ġos*), где формант **-ġo-* служит для образования прилагательного от корня *al-*, ср. *alter*. В составе семантемы *ab-al-iēn-ā-tiō-* отложились, таким образом, словообразовательные процессы, приведшие к созданию рассматриваемого слова. Элементы, на которые членится морфологический состав слова, именуются м о р ф е м а м и .

Основным принципом образования и изменения латинских слов является а ф ф и к с а ц и я , т.е. присоединение к корневой морфеме различных модифицирующих и дополняющих ее значение словообразовательных и словоизменительных морфем.

§ 778. Аффиксация как основной принцип образования слов и форм унаследована латинским языком от общеиндоевропейского языкового состояния.

И.-е. изменяемое слово (имя, местоимение, глагол) членится на основу и окончание. Основа лишь в редких случаях не поддается дальнейшему разложению: *ī-s, es-t, red-em*. Обычно она содержит корневую морфему и присоединенные к ней аффиксы.

§ 779. Структура и.-е. корня восстанавливается путем сравнительно-исторического исследования. И.-е. корень обычно односложен и содержит гласный звук, допускающий чередование с другими гласными или с нулем по формулам § 13. Гласному (на полной ступени корня) могут предшествовать согласные, один шумный (или группа, где *s* предшествует глухому смычному или следует за ним) и один сонант. Если перед гласным имеется и шумный, и сонант, то всегда в порядке возрастающей звучности, т.е. шумный + сонант, и обратный порядок невозможен. Именные и глагольные корни не оканчиваются кратким гласным. За кратким гласным должна следовать согласная часть, один сонант (который может

вступить в дифтонгическое сочетание с гласным) или один шумный, или, наконец, группа "сонант + шумный" — обязательно в порядке убывающей звучности¹.

Примеры и.-е. корней:

*es-, *ei-, *ten-, *цeq^u-, *trei-, *sʰep-, *tʰois².

Корни, оканчивающиеся на краткий гласный, бывают только у местоимений (*io-, *so- и т.д.) и междометий.

Эти законы структуры корня могут служить руководством при отделении корня от аффикса. Так, лат. *rescō* 'чешу' или греч. *πέχω* 'стригу' восходят к и.-е. корню *rek- (корень *rekt-, оканчивающийся двумя шумными, был бы невозможен), и -t- представляет собой суффиксальный элемент. В слове *aljos 'другой' граница между корнем и аффиксами пролегает между l и j, поскольку корень не может оканчиваться кратким гласным или двумя сонантами.

§ 780. В зависимости от места аффиксов в слове, после корня, перед ним, или внутри корня, различаются суффиксы, префиксы и инфиксы. Между и.-е. суффиксами и префиксами имела существенная разница. В качестве префиксов употреблялись лишь такие морфемы, которые существовали в языке самостоятельно, как отдельные слова, и префиксация представляла собой одну из форм словосложения. Суффиксы, как правило, не имеют самостоятельного значения в языке и служат лишь лексико-грамматическим средством словообразования.

В истории языков бывает, что некогда самостоятельное слово переходит на роль суффикса. Во многих романских языках суффикс, служащий для образования наречий от прилагательных, итал. -mente, фр. -ment и т.д., восходят к лат. *mente* (отл. п. ед. ч. от *mēns*, ср. сочетание типа **SECURA MENTE** 1².1732 'спокойно'). Есть предположение, что латинский суффикс -ōs-, служащий для образования прилагательных, *ferōx*, *atrōx* и т.д., восходит к корню *oq^u- со значением 'глаз, лицо'. Однако такие случаи имеют единичный характер; как правило, суффиксы латинского языка, именные и глагольные, не поддаются возведению к каким-либо некогда самостоятельным словам.

Суффикс модифицирует или уточняет значение корня. В некоторых случаях, однако, значение суффикса уже затемнено и не поддается определению, например, значение суффикса -t- в *res-t-ō* (§ 779). Некоторые исследователи называют такого рода суффиксы "определителями" корня или "расширениями".

¹ См. А.А. Белецкий. "Принципы этимологических исследований", Киев, 1950, стр. 238.

² Описание структуры и.-е. корня дано здесь без учета предположительных "ларингальных" согласных, о которых см. § 15. В системе восходящей и убывающей звучности ларингальный согласный занимает среднее место между шумным и сонантом и может наличествовать как в восходящей, так и в убывающей части корня. С точки зрения "ларингальной" теории, корни, начинающиеся с гласного звука, утратили предшествующий ларингальный, например, *es- < *₂es-, *an- < *₂en-, *os- < *₂es- и т.д.; с другой стороны, ларингальный согласный удлиняет предшествующий краткий гласный: *dhē- < *dhe₂1-, *stā- < *ste₂2-, *dō- < *de₂3- и т.д.

Как и корень, суффикс допускает чередование гласных *-es/-os/-s-*, *-ā/ǎ* - и т.д.

Различаются суффиксы “первичные” и “вторичные”. “Первичные” могут присоединяться непосредственно к корню, “вторичные” – только к тем образованиям, которые уже функционируют в языке как основы (хотя бы это была основа бессуффиксная, т.е. фонетически совпадающая с корнем).

§ 781. Инфиксация имеет место только в одном случае, при введении носового звука в состав корня, например, лат. *fu-n-d-ō*. Однако имеются основания полагать, что в этих случаях первоначальной корневой морфемой был элемент, предшествующий инфиксу, так что в действительности мы имеем здесь дело не с инфиксацией, а с суффиксацией (см. § 518).

§ 782. Суффиксация, таким образом, является основным способом присоединения аффиксов к корню в и.-е. языках. За корнем следуют словообразовательные суффиксы, к которым присоединяется формообразующее окончание.

В системе языка неприсоединение окончания может характеризовать форму наравне с присоединением окончания: лат. *ī* – 2 л. ед. ч. *īp̄regāt*. ‘иди’, *ī-te* – 2 л. мн. ч. *īp̄regāt*. ‘идите’. С этой точки зрения, форма *ī* не лишена формообразующего окончания, а имеет “нулевое” окончание. Равным образом формы, образованные непосредственным присоединением окончания к корню, могут рассматриваться как имеющие “нулевой” суффикс.

Таким образом, каждое и.-е. изменяемое слово имеет корень, суффикс (или последовательный ряд суффиксов) и окончание, хотя суффикс и окончание могут при этом быть “нулевыми”.

Для общеиндоевропейского языкового состояния были характерны, помимо аффиксации, также и другие морфологические средства словообразования и формообразования. К числу их относятся – удвоение корня, полное или частичное, внутренняя флексия (т.е. чередование гласных или согласных внутри морфемы), противопоставление слов или форм с помощью места или характера ударения (ср. греч. *φόρος* – *φόρός*).

В латинском языке эти средства либо полностью утрачены – например, морфологическая функция ударения, либо играют весьма незначительную роль. Удвоение корня (*turtur*, *ulul-āre*, *tangō* – *te-tigī*) или чередование (*terr-a* – *ex-torr-is*, *vid-eō* – *vīd-ī*, *femur* – *femin-is*) сохраняются лишь как пережитки прошлого, в первую очередь в системе глагола, и не являются продуктивными¹.

¹ Мы оставляем здесь в стороне чередование чисто фонетического порядка, не являющиеся самостоятельными средствами образования слов или форм – например, изменение вокализма корня *tag-* в форме *te-tig-ī* (переход *-ā* > *-ī* в середине

Устранение этих средств еще более повысило значение аффиксации в морфологической системе латинского языка.

Новым грамматическим средством формообразования, возникшим на самостоятельных путях развития италийской ветви, является использование служебных слов. Это средство применялось в латинском языке при образовании медиопассивных форм перфекта и в так называемых “описательных” спряжениях. Однако даже в классическом латинском языке применение этого грамматического средства не выходило за рамки использования *sum* в функции вспомогательного глагола.

§ 783. С морфологической точки зрения, словарный состав латинского языка может быть разделен на слова изменяемые и неизменяемые. Типами морфологического словоизменения служат склонение и спряжение. Слова, допускающие спряжение, т.е. глаголы, имеют, как правило, не только спрягаемые, но и склоняемые формы (причастие, герундий). Изменяемые слова, не допускающие спряжения (имена, местоимения), имеют только склонение. Категория неизменяемых слов (наречия, частицы речи) в историко-морфологическом отношении тяготеют, в значительной мере, к склоняемым словам, пополняясь в своем развитии преимущественно застывшими именными и местоименными формами. Изложение исторической морфологии мы начнем с раздела о склоняемых частях речи, в связи с которыми будет рассмотрена и группа неизменяемых слов, и закончим историей глагола.

Словосложение

§ 784. Сложные слова могут возникать в результате смыслового и формального объединения синтаксической группы, срастающейся в единое слово – *aquae-ductus*, *agrī-cultūra*, *manū-missus*; словосочетания, состоящие из согласованных имен, могут в процессе своего объединения пройти через ступень единого в фонетическом отношении слова, сохраняющего склонение каждого из своих членов в отдельности – *rēs-pūblica*, *iūs-iūrandum* (фонетическая целостность этих слов засвидетельствована у Присциана, G.L. 2.180.17-18); в дальнейшем склонение первого члена может замереть: *gōs-marīnus*.

Сращения, допускающие разложение сложного слова на грамматически оформленные составные части (*aquae ductus*, *agrī cultūra*, *manū missus*, *gōs marīnus*) происходили во все периоды развития латинского языка.

ном открытом слоге. § 141 а) или изменение консонантизма того же корня в форме *tās-tus* (переход звонкого смычного в глухой перед глухим согласным, сопровождающийся удлинением предшествующего гласного. § 674).

В отличие от сращений такие сложные имена, как *aqui-licium*, *agri-cola*, *mān-svēs*, *rōri-fluus*, не могут быть разложены на грамматически оформленные слова. Они созданы по более древнему словообразовательному типу, где первым членом сложения является не падежная форма, а именная основа, сопровождающаяся иногда соединительным гласным *-i-* – *rōri-fluus*. Этот тип словосложения (“сложение в собственном смысле слова”) унаследован латинским языком от общеиндоевропейского языкового состояния и восходит, вероятно, к такому периоду развития и.-е. языка-основы, когда флексия еще не была выработана, и морфема, ставшая впоследствии основой имени, представляла собой самостоятельное слово. Сложные слова, создавшиеся путем сращения в этот период, впоследствии получили флективное окончание в своей конечной части, образовав при этом особый морфологический тип словосложения.

§ 785. Латинский язык – и на это обращали внимание уже римские авторы (например, Ливий, 27.11.5, Квинтилиан, 1.5.70) – пользуется именным словосложением значительно реже, чем греческий.

Для большинства народов – носителей и.-е. речи, характерно, например, употребление сложных слов в качестве личных имен, например, греч. *Μενέλαος*, русск. Владимир; латиняне уже в самые ранние времена, доступные нам по устной и письменной традиции, отказались от системы составных глагольных имен.

В период первых литературных памятников многие типы именного словосложения были более свойственны архаической лексике культа и законодательства – *rēgifugium*, *armilustrium*, – и старинным географическим наименованиям – *septimontium*, чем живой народно-разговорной речи. Именное словосложение стало признаком высокого стиля, эпического или трагического, равно как и пародии на этот стиль. Характерно, что в комедиях Теренция встречаются лишь 32 сложных имени, и притом таких, которые употребительны также и в обыденной речи. Оживившееся в латинской поэзии высокого стиля словосложение проходило в основном по традиционным для латинского языка образцам, однако испытало также некоторое воздействие греческих типов словосложения.

§ 786. Смысловые соотношения членов сложения внутри нового смыслового единства сложного слова весьма разнообразны. Типы этих соотношений обычно классифицируются по аналогии с синтаксическими отношениями тех типов словосочетания, которые соотносительны с сложными словами (*albo-galerus* – *albus galērus*, *mero-bibus* – *bībēns merum*). Ограничимся указанием основных типов.

“Сочинительные” сложные имена, образованные из соединения двух или нескольких семантически и синтаксически равноправных частей, сравнительно редко встречаются в латинском языке, например, при сращении числительных – *quattuordecim*, или как передний член суффиксально образованного имени – *suove-taur-(p)lia*). Сюда же относятся сложные слова, образованные повторением одного и того же слова: *Mar-mar*. Такие образования, как *Prōtesilāōdamīa* (‘Протеси-

дай и Лаодамия'), представляются искусственными с точки зрения обычных норм латинского словосложения.

При "подчинительном" словосложении один из членов (обычно первый член) служит определяющим, другой – определяемым. При именном определяемом в качестве определяющего члена может выступить основа прилагательного – *angiportus*, числительного – *bi-triba*, неизменяемая частица речи (префикс) *in-fans, con-iux, per-facilis*. Именная основа в качестве определяющего члена унаследована латинским языком, по-видимому, только тогда, когда определяемый член представляет собой отглагольное образование и по смыслу так относится к определяющему, как глагол к своему дополнению – *agri-fex, armi-ger, agri-cola*; реже – глагольный член на первом месте: (*Venus*) *verti-cord-ia*, – в позднейшем языке этот тип развился шире под влиянием образцов греческого словосложения. Однако в срещаниях существительное в качестве определяющего члена встречалось и при неотглагольном определяемом – *Iuppiter* (§ 351 б), *Mars-piter*, и в этом же направлении воздействовало на латинский язык греческое словосложение: *armi-custōs* – ὄπλο-φύλαξ (C.G.L. 2.385.31).

§ 787. Нередко сложные имена, образованные из определяемого существительного и его определения, имеют значение признака, обладание которым приписывается не выраженному в сложном слове предмету – *sarpi-cognus* 'козерог', *tridēns* 'трезубый, трезубец'. **OINV-MAMA** (1².566) = *ūni-mamma* 'одногрудая, амазонка', *magi-anipus* 'человек, обладающий великим духом'. Это – общендоевропейский тип словосложения, древнеиндийские грамматики называли его *bahuvrīhi* 'имеющий много риса'. Происхождение *bahu-vrīhi* восходит к периоду, когда прилагательное еще не было формально обособлено от существительного, и многие сложные имена этого типа сохранили еще в латинском языке соответствующую двоякую природу,

§ 788. Особенностью сложения в собственном смысле слова (§ 784) служит то, что первый член представляет собой основу без окончания, – именную основу, глагольную или неизменяемую частицу речи (префикс).

В латинском языке именная основа, составляющая первый член сложного имени, оканчивается обычно на *-i*. Это окончание, исконное в основах на *-i* (*parti-seps*) и фонетически возникшее в основах на *-o* в открытом срединном слове – *prīmi-genia* < *prīto-genia* (§ 141 в) – распространилось на все основы: *tubiscen* (ср. *tuba*), *sorōri-cida* (ср. *soror*), *corni-ger* (ср. *cornu-s*), *lecti-sternium* (основа на *-o* в закрытом слове). Такое аналогическое *-i*, играющее роль "соединительного гласного", может в некоторых случаях восходить к более древнему *-o*.

Перед губным возможно *-u* или колебание между *-i* и *-u* (§ 144): *locu-plēs, auri-fex* и *augu-fex*; перед *-g* соединительным гласным служит *-e* – *lēge-gura*. Иногда конечный гласный первого слова синкопируется – *prin-seps* (§ 166 б), *au-srex* (§ 161), *sacer-dōs* (§ 172), *ruet-pera*. Только в некоторых старых словах первый член представляет собой согласную основу без соединительного гласного – *mūs-cipula, iūs-(s)titium, man-seps*. Там, где расхождение между им.п. ед.ч. и прочими падежами затемняет основу (особенно в основах на *-en-* и *-es-*), конечный суффикс основы может редуцироваться – *homi-cidium* (ср. *homō, hominis*), *foedi-fragus*, рядом с *foederi-fragus* (ср. *foedus, foederis*), *lapi-cida* < **lapidicida* с галлологическим сокращением, § 283). Редуцируется также суффикс *-io-*, *-iā-* – *medi-terrāneus, sapi-enti-potentēs*.

Образования с первым членом, оканчивающимся на *-ō-* (*-ū-*, § 141 в), типа *mīlo-medicus, mero-biba* (Circ.77), *lpo-mamma* (там же, 445), *Troiu-gena*, – лишь в единичных случаях могли сохранять древнее *-ō-* (может быть, *prīto-genia*, 1².60. Пренесте): *-o-* вновь возникло под влиянием греческого словосложения (μοιομαχος). Таким же грещизмом является сохранение *-ā-* в **ASIAGENVS** (1³.13).

Перед гласным началом второго члена конечный элемент первого члена *-i-* отпадает в основах, содержащих более одного слога — *magn-anímus*, *ūn-oculus*, *quīnqu-ennis*, но *tri-ennis*. Однако *-i-* часто восстанавливается — *amb-egnus* и *amb-egnus*, *mult-angulus* и *multi-angulus*.

В тех немногочисленных случаях, когда первым членом сложения служит глагольная основа, она также оканчивается на *-i-* — *verti-cordia*.

В качестве конечного элемента первого члена сложения *-i-* распространяется иногда на образования, возникшие путем сращения: *multi-modis* вм. **multī(s)modis*, *omni-modis*.

§ 789. Второй член рассматриваемого здесь типа словосложения флективно оформлен, но нередко представляет собой образование, не функционирующее в языке в качестве самостоятельного имени. Такие образования имеют чаще всего глагольное происхождение — *partī-cers*, *armi-ger*, *magni-ficus*. В некоторых случаях они могут восходить к именам, некогда существовавшим и впоследствии утраченным, но они могли возникать по образцу наличных в языке типов словосложения, также и при отсутствии соответствующих простых слов.

При образовании основы конечного члена сохраняют продуктивность старые морфологические типы, с нулевым суффиксом (§ 743) — *fēni-sex*, с суффиксами *-e/o-* (§ 744) — *memori-vagus*, *-ā-* (§ 745) — *hērēdi-peta*, *-io-*, *-iā-* (§ 747) — *spīci-legium*, *tri-noctium*, *vīti-dēmia*. О суффиксе *-i-* см. § 756. Если сложное прилагательное имеет в качестве конечного члена существительное с основой на *-a-*, м. и ср. р. получает основу на *-o-* — *bi-furgus*. Основы на *-ā-*, *-o-*, *-u-*, оказываясь в последнем члене словосложения, нередко изменяют свой конечный элемент на *-i-*: *ab-nogmis*, *septu-ennis*, *bi-cornis*. Однако наряду с этим древним типом, встречающимся и вне италийской ветви, ср. греч. *δι-αλκ-ι-ς*, в тех же самых словах бывают дублетные образования, в которых основа последнего члена остается неизменной — *im-berbis* и *im-berbus*, *in-ermis* и *in-ermus* и т.д.

Позднейшим типам словосложения свойственна тенденция к сохранению неизменной формы простого слова в последнем члене. Таков, например, развившийся в латинском языке тип словосложения с причастием в последнем члене — *acquī-tenēns* (Невий В. Р. fr. 30), *svāvi-loquēns* (Энний), *frūgi-ferēns* (Лукреций, вм. обычнo *frūgi-fer*). Этот тип получил распространение в дактилической поэзии.

В греческом языке последний член сложения иногда характеризуется тембром о корневого гласного: *φρῖν* — *ἄ-φρῖν*, *πατῖρ* — *τρίτο-πάτωρ*; в латинском языке эта древняя особенность сохранилась только в двух словах — *ex-torris* (*terra*), *medi-tullium* (*tellūs*). Основы на *-e/o-s-* имеют огласовку *e*: *genus*, *generis* — *dē-gener*. Во всех прочих случаях корневой гласный последнего члена сложного слова может отличаться от огласовки простого слова только в результате нормального фонетического развития гласных в срединных и конечных слогах — *in-imīcus* (*amicus*), *bi-ennium* (*annus*), *arti-fex* (*faciō*), — и притом только в тех сравнительно немногих старинных образованиях, которые были захвачены процессом качественного изменения гласных в срединных и конечных слогах (§§ 140 сл.) и не были впоследствии рекомпонированы под воздействием простого слова (§ 156).

§ 790. В отличие от глагольного словосложения, где предлог, сложный с глаголом, еще в историческое время способен был от него отделяться (§ 850), неизменяемые частицы в именном словосложении составляют нераздельную часть сложного имени. Некоторые из них не употребляются самостоятельно и функционируют только в качестве префиксов. Таковы при прилагательных или причастиях префиксы, имеющие значение отрицания — *in-* (§ 821), *vē-*, *so-* < *se-* (§ 180). *dis-* (§ 256): *in-iqūus* (существительное *inīquitas* образовано уже от прилагательного), *in-victus*, *vē-sānus*, *so-cors*. *dis-similis*: *ambi-* восходит к утраченному в латинском языке предлогу (§ 602) — *amb(i)-egnus*. В большинстве случаев эти неизменяемые первые члены сложения совпадают с употребляющимися самостоятельно предлогами — *con-servus*, *grac-pōmen*, *grac-cipes* (или *grac-cers* от *grac* и *caput*). Однако в словосложении эти

морфемы иногда семантически отдаляются от своих наречных или предложных значений и превращаются в омонимные предлогам префиксы. Таковы *per-*, *prae-* — при образовании усилительных прилагательных, *sub-* — как указание слабой степени качества: *per-grandis*, *per-multus*, *prae-māturus*, *sub-rūsticus*.

В развитии имен, сложных с предлогами или префиксами, очень большую роль играет производство имен от сложных глаголов (§ 777). Имена, содержащие предлог или префикс, в огромном большинстве случаев представляют собой суффиксальное или ретроградное (§ 741) образование от сложных глаголов — *intrōductiō* (ср. *intrō-dūcō*), *re-clīnis* (ср. *re-clīnō*). Префикс *re-* этим путем проник из глагольных образований в именные со значением 'назад' — *re-sīmus*.

§ 791. Особую группу представляют собой сложные слова, образованные суффиксально (иногда с нулевым суффиксом) от синтаксической группы: *ā-vius* (*ā viā*), *sē-cūrus* [*sē + cūrā*], *ē-gregius* (*ē grege*), *prō-portiō* (*prō portiōne*). *Novō-cōmēnsēs* (происходящее из *Novum Cōmum*). В словах этого рода словосложение соединяется с суффиксальным производством, и второй член сложения большей частью не совпадает с каким-либо самостоятельным словом.

Глагольное словосложение

§ 791a. Глагольное словосложение в латинском языке имеет характер сращения глагола с другим самостоятельным словом, с которым глагол вступил в тесную синтаксическую связь. Это слово всегда предшествует глаголу и играет роль приставки (префикса). В зависимости от характера приставляемого элемента различается несколько типов глагольного словосложения.

1) Приставкой служит предлог или частица: *ab-eō*, *ad-eō*, *com-eō*, *co-eō*, *dē-ferō*, *ex-eō*, *in-eō*, *ob-eō*, *per-eō*, *prae-dicō*, *prō-dō*, *prōd-eō*, *prō-ficīscor*, *sub-eō*, *ante-cēdō*, *circum-eō*, *contrā-dicō*, *ind-uō*, *inter-dicō*, *intrō-dūcō*, *post-habeō*, *praeter-lābor*, *subter-fugiō*, *super-sum*, *suprā-scandō*, *trāns-eō*, *trā-dūcō*. При этом сращение глагола с двусложными предлогами и с *post* относится уже к более позднему времени. В некоторых случаях предложный префикс уже не употребляется в латинском языке самостоятельно (§ 809). Таковы префиксы *dis-* (*dis-cēdō*), *amb-* (*amb-iō*, *an-qui-rō*), *au-* (*au-ferō*), *po-* (**pō-sīnō > pōnō*), *por-* (*por-rigō*), *se(d)-* (*sē-cēdō*); частицы *nē-* (*ne-sciō*), *se-* (§ 823, *se-dō* 'дай сюда' § 605, *cēdō* < **ce-sd-ō*, корень **sed-*, ср. греч. ὁδός, ст.-сл. ходити).

Неизвестно происхождение префикса *re-/red-*. Форма *red-* извлечена, вероятно, из образования типа *rettulī* < **re-tetulī* (§ 166 a), *reddō* < **re-didō* в соотношении с потерявшим удвоение *dō*; она использовалась при гласном начале глагола *red-eō* по аналогии с *prōdeō*, где *prōd-* < *prō-d(ē)* (§ 806), или с тем, чтобы сделать начальный слог долгим *rel-ligiō*. Префикс этот не встречается вне италийской ветви и кроме латинского языка засвидетельствован только в умбрском. Есть предположение, что префикс *re-* извлечен из перфектного удвоения глагола *linquō* < **le-loiq^h* (ср. греч. λέ-λοιπ-α) > **re-loiq^h* (с диссимиляцией *r* — *l*, § 280), откуда

relinquō, relictus и т. д. Значение свое, равносильное значению русских приставок *от-*, *воз-*, префикс *re-* с этой точки зрения получил из семантики перфекта глагола *linquō*.

Встречаются также и двойные префиксы: *de-re-linquō*, *re-com-minis* и др.; мало употребительные в классическом языке, они очень часты в поздней латыни.

В древнейшей латыни префиксы еще сравнительно легко отделялись от глагола. В словаре Феста приводятся со ссылкой на законы XII таблиц и ритуальные тексты словосочетания: *ob vōs sacrō* (Фест, 206.17) = *obsecrō vōs*; *sub vōs plācō* (там же, 402.30) = *supplicō vōs*, *trānsque datō* (там же, 402.33) = *trādītō*, *endoque plōrātō* (там же, 402.34) = *implōrātō*.

У античных грамматиков это явление, известное также из Гомера, называлось *tmēsis* 'разрез', но в действительности оно, конечно, свидетельствует о не наступившей еще спаянности предлога с глаголом. В ранней римской поэзии "тмеса" употреблялась в качестве архаизма эпического стиля, например, Лукреций, 1. 452: *sēque gregārī = sēgregārīque*, а также в пародии на высокий стиль (Trin. 833) *disque tulissent = distulissentque*.

2) Первым членом сложения служит имя, именная глагольная форма или наречие. Тип в латинском языке очень редкий. К общевропейскому состоянию восходит сращение *crēdō* < и.-е. **kred-dhē* 'сердце кладу, доверяю', ср. д.-и. *ḡrād-dadhāti*. Сюда относятся такие глаголы, как *pos-sum* < *pote* (ср. р. от *potis*)-*sum*, *anim(um)-advertō*, *vēn(um)-eō*, *ven-dō* < *vēn(um)-dō* по аналогии с *vēneō*, *manū (abl.)-mittō*, *usurpō* < **usū (abl.)-rāpō* (§ 166), *rē-fert* ср. *meā refert*, *bene-dīcō*, *satis-faciō*, *mālō* < *mag(i)svolō* (§ 599) и т.п.

Словообразовательный тип *candē-faciō*, *fervē-faciō*, *calē-faciō* > *calē-faciō* (§ 613), *ārē-faciō* > *ārē-faciō* и т.п. содержит в качестве первого члена неясную для нас именную форму глагола, может быть, древнюю инфинитивную форму, самостоятельное существование которой гарантировано часто встречающимися "тмесами": *fervē bene facitō* (Катон, Agr. 157.9), *excandē mē fēcērunt* (Варрон, R.R. 3.4.1), *facit arē* (Лукреций, 6.962).

3) Глагол производится от имени с одновременным присоединением префикса. Сочетание префикса с именем может восходить к синтаксической группе – *trāns-frētāre* 'переплывать', ср. *trāns frētum*.

Во многих случаях, однако, такой синтаксической группы не было, и образование типа *de-argentāre* 'лишить денег', *ex-amurcāre* 'высушить' (*amurca* 'отстой оливкового масла') не относится уже к глагольному словосложению в точном смысле слова.

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 792. Устанавливаемые сравнительной грамматикой индоевропейских языков общеиндоевропейские падежные окончания были в большинстве случаев, но не всегда, одинаковы для всех основ. Кроме того в словах с основой на гласный звук начальный гласный окончания сливался с предшествующим гласным основы. Поэтому представляется целесообразным рассматривать окончания в связи с основами. Местомимения в некоторых случаях имели особые окончания. Надлежит иметь в виду, что и.-е. падежная форма характеризовалась не только окончаниями на определенной ступени огласовки, но также местом ударения и ступенью огласовки элемента, предшествующего окончанию. В латинском языке с его связанным ударением (§ 92) ударение перестало характеризовать форму, а от чередований в элементе, предшествующем окончанию, остались лишь незначительные следы (ср. § 17).

Таблица и.-е. падежных окончаний¹

§ 793. Единственное число

	согл. осн.	осн. на *i/ei/oi	осн. на *u/eu/ou	осн. на *ā	осн. на *e/o
имен. м.ж.р.	1) *-s 2) нулевое окончание ²	*-i-s	*-u-s	*-ā	*-o-s
зват. м.ж.р.	нулевое окончание	*-i-, *-ei	*-u-, *-eu	*-a-, *-ai	*-e
вин. м.ж.р.	*-m, *-n	*-i-m, *-i-n	*-u-m, *-u-n	*-ā-m, *-ā-n	*-o-m, *-o-n
имен. зват. вин. ср.р.	нулевое окончание	*-j	*-u		*-o-m
род.	*-es, *-os, *-as	*-ei-s, *-oi-s *-j-es, *-j-os	*-eu-s, *-ou-s *-u-es, *-u-os	*-ā-s	?, местоим. *-o-sjo
твор.	1) *-e	1) *-ī	1) *-ū	1) *-ā	1) *-ē, *-ō
2) наречные формы ³					
дат.	*-ei	*-ei-ei	*-eu-ei	*-āi	*-ōi
отлож.	= род.п.	= род.п.	= род.п.	= род.п.	*-ēd, *-ōd
местн.	1) *-j 2) нулевое окончание	*-ei-i, *-ē(i)	*-eu, *-ēu	*-āi	*-oi, *-ei

¹ Основы на ī, ū, ī/ā мы в таблице опускаем, поскольку особенности их падежных окончаний не представляют интереса с точки зрения латинского языка.

² Иногда с удлинённой ступенью элемента, предшествующего окончанию.

³ См. §§ 799.1; 800.

§ 794. Множественное число

	согл. осн.	осн. на *i/ei/oi	осн. на *u/eu/ou	осн. на *ā	осн. на *e/o
имен. зват. м. ж. р.	*-es	*-ej-es	*-eu-es	*-ā-s	*-ō-s, местоим. *-o-i
вин. м. ж. р.	*-ps	*-i-ns	*-u-ns	*-ā-s < *-a-ns	*-o-ns
имен. зват. вин. ср.р.	*-ə	*-ī	*-ū		*-ā
род.	*-ōm	*-i-ōm, *-j-ōm,	*-u-ōm, *-u-ōm,	?, местоим. *-ā-sōm	*-ōm, местоим. *-oisōm, *-eisōm.
твор.	1) наречные формы 2) *-ois				
дат.-отлож.	наречные формы				
местн.	наречные формы				

Двойственное число²

	согл. осн.	осн. на *i/ei/oi	осн. на *u/eu/ou	осн. на *ā	осн. на *e/o
имен. зват. вин. м.ж.р.	*-ēs	*-ī	*-ū	*-ai	*-ō(u)
имен. зват. вин. ср.р.	*-ī	*-ī	?		*-oi

МЕСТОИМЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ, ОСЛОЖНЕННЫЕ ПРЕФИКСНЫМИ И ПОСЛЕЛОЖНЫМИ ФОРМАМИ

§ 795. I Местоимения личные, возвратные и указательные.

а) Префиксы.

1) есс(е) 'вот' в соединении с формами вин. п.: ессит < *ессе hum (§ 450), ессистам, ессиллум и т. д.

ес-се содержит в качестве второго элемента указательную частицу -се (§ 823), первый элемент допускает различные толкования: ед-им.-вин. п. от основы е- (§ 432) или основа ес- (ср. оск. екак 'hanc', греч. ἐκεῖ и т. д.)

2) ет по происхождению повелительное наклонение ете 'возьми, на': еllum < ет(i)llum (форма неполного стиля речи).

б) Послеложные частицы.

¹ См. § 799-800.

² Для дав. ч. указываем форму имен.-зват.-вин. п. как единственную, получающую отражение в латинском языке (§ 343).

- 1) -met: egomet (§ 416), mēmet, tūtimet < tūtemet, tibimet, nōsmet, vōsmet, sēmet, suīsmet, ipsemet и т. д.
- 2) -te? может быть, tū-te (§§ 158, 416), ср. § 452 о местоимении iste.
- 3) -ce (§ 441): hic, istic, illic, ср. ессе и се-do 'дай сюда' (§ 605).
- 4) -em, -dem (см. §§ 436, 437).
- 5) -pse (см. § 454).
- 6) -pte: mihipte, mēpte, vōpte (у Катона), meōpte, postrāpte, suompte, eōpte.

О происхождении -pte см. § 454.

Созвучие с греческим -πτε в τίπτε, вероятно, случайное: τίπτε < *τιτ-πε < *τιδ-πε (ср. quippe < *quid-pe); метатеза τ — π > π — τ, как в τίκτω < *τι-τκ-ω, аог. ἔτεκον.

II. Местоимения вопросительные и неопределенные.

а) Префиксы.

1) es-: esquis 'неужели кто', может быть, es- < et 'и'.

2) ali- (ср. alius, §§ 456, 475): aliquis 'кто-то' и т. д.

б) Послеложные частицы

1) -que 'и, вообще' (§ 94): quisque 'некто вообще, каждый'.

2) -cumque < quom-que, из quom > cum 'когда' и частицы -que, умбр. rim-pe 'некогда, вообще, в любое время', qui-cumque 'каждый, кто бы ни'; qui-cumque вм. quis-cumque под влиянием относительно qui. Им. п. мн. ч. quēscunque у Катона, но **QVEIQVOMQVE** (1². 582).

3) -quam — застывший в качестве наречия вин. п. ж. р. неопределенного местоимения 'как-нибудь': quisquam 'кто-нибудь'.

4) -dam — частица неизвестного происхождения, может быть, от местоименной основы do-: quīdam < quisdam (§ 456) 'некто, некий'.

5) -pīam из p(e) 'конечно' (ср. quippe < *quid-pe, § 454) и наречия iam 'уже' (§ 434): quispiam 'кто-нибудь'.

О местоимении cuiās, cuiātis 'из какой страны?' см. §§ 424 в, 761.

III. НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ СЛОВА

§ 796. Морфологическая категория неизменяемых, т.е. не склоняемых и не спрягаемых слов, функционирующих в качестве наречий, модальных слов, частиц и т.д., восходит к общеиндоевропейскому языковому состоянию. Особую группу неизменяемых слов составляют междометия.

В ряде случаев неизменяемость представляет собой уже вторичное явление, результат омертвления изменяемой формы, обычно падежной, закрепившейся в некоторой синтаксической функции; наряду с этим, имеются слова, которые, по-видимому, никогда не имели изменения и сохранились, быть может, еще от дофлективного периода развития языка-основы, как, например, частицы *q^he 'и' (лат. -que, греч. τε, д.-и. са), или ne 'не' (лат. ne-, ст.-сл. nē, д.-и. nā). Однако количество неизменяемых слов, которые могут быть возведены к общеиндоевропейскому языковому состоянию, невелико. Рост наречий, развитие предлогов (§ 805) и союзов (§ 810) относятся к более позднему времени, и эти процессы протекали в различных ветвях и языках самостоятельно. С другой стороны, обогащение языков новыми неизменяемыми словами не могло не приводить к отмиранию обветшавших общеиндоевропейских слов. Некоторые из них могли исчезнуть повсеместно или сохраниться лишь в отдельных ветвях, так что их общеиндоевропейский характер уже не поддается восстановлению.

Наречия

§ 797. Рост категории наречия наблюдается во все периоды развития латинского языка. Так, архаическая латынь еще сравнительно бедна качественными наречиями, соотносительными с качественными прилагательными.

§ 798. Латинский язык часто выражает обстоятельственные отношения с помощью предикативного употребления существительных и прилагательных, ср. Trin. 821, laetus lubēns laudīs agō... 'радостно и охотно воздаю хвалу', и, например, производство наречий от прилагательных, выражающих душевное состояние, развивается очень медленно. Наречие laetē появляется только в классическом языке; от trīstis наречие не образуется.

Наречия производятся от существительных, прилагательных, числительных, местоимений, реже – от глаголов.

Местоименные наречия

§ 799. Древнюю и в историческое время уже непродуктивную категорию представляют собой наречия, образованные от местоименных

основ. Они часто восходят к застывшим падежным формам местоимений, но в ряде случаев характеризуются особыми суффиксами, не сопоставимыми с исторически известными падежными окончаниями, как, например, *-bī* (< и.е. **-dhei*), *-ta*, *-tī*, *-s*, *-g* и т.п. К этим наречиям могут присоединяться частицы, например, *-re*, *-per*, *-em*, *-de*, *-dō*, *-dem*, *-dam*, *-c* и т.д., которые, в свою очередь, нередко имеют местоименное происхождение. Местоименные наречия латинского языка производятся от основ указательных и вопросительно-неопределенных местоимений, как-то: *to-*, *so-* (§ 428), *i-* (§ 431), *e-* (§ 430), **g'ho-* (§ 440); *ol-* (§ 453), *illo-* (§ 453), *isto-* (§ 452), *qui-*, *quo-*, **q^u* (§ 457), где *q^u* отпадает перед *-u-*, согласно § 215; образуются наречия и от местоименных основ **do-*, **no-* (**eno-*), которые уже не представлены в латинском языке соответствующими местоимениями.

Указательные, вопросительно-неопределенные и относительные местоименные наречия, по большей части, находятся между собой в коррелятивном отношении.

1) Наречия, означающие местопребывание (на вопрос 'где?'): *ubī*, арх. **VBEI** (1².581) 'где' (<**q^u-dhei*, ср. умбр. *pufe*), *alicubī*, *uspīam*, *usquam*, 'где-то, где-нибудь', *ibī*, 'там', *hīc* 'здесь', *istīc*, *illīc* 'там', *ut* 'где' и т.д.

Hīc, *istīc*, *illīc* — застывшие формы местного падежа с присоединением частицы *-c*. *Ubī*, *ibī* имеют суффикс *-bī*; *ut* <**q^u-ta* (§ 815); *us* <**ut-s* (ср. суффикс *-s* в *ci-s* и множительных числительных *bi-s*, **tri-s* > *ter*, § 875).

2) Наречия, указывающие на цель движения (на вопрос 'куда?') *quō* 'куда?', *eō* 'туда', *hūc* (*hōc*) 'сюда', *istūc* (*istōc*, *istō*), *illūc* (*illōc*, *illō*) 'туда', *utrōque* 'в обе стороны' и т.д. Формы на *-ō* и *-ū* могут восходить к дат. пад. цели с двоякой трактовкой (§§ 108-109) конечного элемента **-ōi*: **-ōi* > *ō* и **-ōi* > **-oi* > *-ū*.

3) Наречия, указывающие на исходный пункт движения (на вопрос 'откуда?'): *unde* 'откуда' (<**q^u*-), *alicunde* 'откуда-нибудь', *inde*, *ex-inde*, *ex-im*, *ex-in* 'оттуда', *hinc* 'отсюда', *istinc*, *istim*, *illinc*, *illim* 'оттуда', *indidem* 'оттуда же', *utrimque* 'с обеих сторон'

Происхождение этой группы наречий, имеющих значение древнего аблатива, неясно: она характеризуется элементом *-im*, сходным по внешнему виду с формами вин. п. Есть предположение, что аблативное значение этих наречий связано с частицей *-de* (ср. предлог *dē*): *inde*, *un-de*; *-de* стиралось в порядке фонетического процесса (ср. *dein* <

deinde, § 168), но образование на -im сохранило полученное в сочетании с -de аблативное значение.

4) Локально-модальные наречия со значением пути, способа (на вопрос 'каким путем, каким образом?'): quā 'каким путем, с какой стороны, каким образом', eā (арх. eād) 'там', hāc 'здесь', istāc, illāc, 'там', eādem 'по той же дороге, там же, равным образом' — застывшие формы отложительного падежа ед. ч. женского рода с инструментальным значением пути и образа действия, ср. греч. лесб. ἄλλᾶ 'иначе', ὅππᾶ 'как', где -ᾶ восходит к окончанию инструментального падежа основ на -ā-, В сочетании с -tenus эти наречия получают значение предела: quātenus 'до какого места, до каких пор, поскольку', eātenus 'до того места, до тех пор, постольку'.

5) Наречия времени: quandō 'когда', cumque < quomque 'когда бы ни было', unquam (<*q^u-) 'когда-либо', quondam 'некогда', im (арх.), tum, tunc 'тогда', tandem 'наконец', totper<*todper 'тотчас', dum 'до тех пор', iam 'уже', quom>cum 'когда', olim 'некогда'. Эта группа восходит к застывшим формам вин.п. с присоединением в ряде случаев тех или иных частиц.

Многие наречия места, уже рассмотренные нами, употребляются вместе с тем и как наречия времени: ubī 'когда', inde 'затем', quātenus 'до каких пор' и т.д.

6) Наречия образа действия: quam, ut <*q^uuta, utī < VTEI (1².581) <*uta-i 'как', ср. alī-uta 'иначе'; quī 'как? (вопросительное)', ср. nequīquam 'напрасно', alīdquī, ceterōquī 'иначе, впрочем', tam, ita, sic (арх. sōc) 'так, столь', it-em 'так же'.

Tamquam восходит к форме вин.п. ед.ч. женского рода; sī-c — к местному пад. ед. ч. (§ 428); quī, sōc — к отложительному пад. ед.ч.; i-ta, *q^uuta имеют суффикс -ta.

7) Количественные наречия: quotiē(n)s 'сколько раз', totiē(n)s 'столько раз' имеют тот же суффикс -iē(n)s, что и множительные наречия, образуемые от числительных; iterum 'вторично' представляет собой средний род от прилагательного *iteros, ср. д.-и. itarah 'другой', образованного от местоименной основы i- (§ 431) с помощью суффикса -tero- (§ 751).

8) Причинно-целевые и изъяснительные наречия: quōr > cūr образовано от основы q^uo- с помощью суффикса -r, ср. лит. kuī 'где', долгота ō согласно § 190. Далее: quid 'зачем', quippe < *quidre 'почему же, ибо', quippinī < quippe nī 'почему же нет? конечно же'; ideō 'потому' (Acc. id + Abl. eō), nam, enim, nem-pe 'ибо'.

Отыменные наречия

§ 800. Наречия, соотносительные с именами, также восходят во многих случаях к застывшим падежным формам имени или к сочетанию предлогов с падежными формами.

Примеры.

Им. п. мужского и женского рода: *fors, satis, versus, comminus* (от сложного **con-manus*), *nūper* (< *nūperus*, § 169).

Вин. п. женского рода: *perperam, māximam partem, forās, domum, grōmiscam, -fāriam*.

Им.-вин. п. среднего рода: *facile* (так же *facul* < **facilī*, ср. *simul* от *similis*, § 164), *impūne*.

Этим путем часто образуются наречия с количественным значением: *multum, parum*, (§ 210) *paulum, plērumque, nimium, solum, saepe* (ср. р. прилагательного **saepis*, ср. *saepior, saepissimus*), *cētera*; наречия от порядковых числительных: *prīmum* и т.д.

Сюда же относятся образования сравнительной степени наречий и некоторых форм превосходной степени.

В поэзии классического периода и в позднейшей прозе наречное употребление нормы им.-вин. пад. ср. р. прилагательных значительно возрастает под влиянием греческого языка, напр., *dulce fidentem* (Катулл, 51.5) по образцу *γελαίσιος ἰμερόεν* (Сапфо 2).

Род.п.: *dius* 'днем' ср. д.-и. Gen.-Abl. *divāh; tantī, magnī*, как обозначение цены.

Отложительный пад.: *numerō, modō* (ямбическое сокращение, § 186), *multi-modīs, forīs, grātīs (grātīs), vulgō, prīncipiō, quot-annīs, sponte, rīte, repente, forte, sim-ītū* (§ 601), *hodiē* (§ 191), *suprā* (арх. *suprād*), *īnfrā, rectā*. Сюда же относится группа наречий на *-trā, -trō*, у которых не всегда сохранились соотносительные имена: *dextrā, sinistrā, intrā, intrō, extrā* (**EXTRAD** 1².581), *contrā, ultrā, ultrō, citrā, citrō*.

Наречия на *-ā* иногда имеют дублетные формы на *-ā*: *contrā, frustrā, iuxtā*. Формы на *-ā*, вероятно, восходят к им.-вин. п. мн. ч. ср. р.

Местный падеж: *temperī, rūrī, domī, postrī-dīē* (§ 332), *diū, noctū*.

Нередко наречие представляет собой форму слова, не сохранившегося в языке: *temere* 'наобум' (от **temus*, ср. д.-и. *tāmah* 'мрак'). Не всегда характер формы, застывшей в виде наречия, может быть точно определен: пох 'ночью' (XII таб. 8.12) может восходить к синкопированной форме род. п. или к им. п.

Сочетание предлога с падежной формой : *admodum, invicem, obviam, obiter, ꝑlicō, extemplō, dēnuō* (§ 143), *adamussim* (и по образцу *ego examussim*), *sēdulō* (**sēd dolōd*).

Некоторые конечные элементы приобрели продуктивность в качестве суффиксов, служащих для образования наречий.

1) Суффикс *-tus* восходит к и.-е. суффиксу **-tos* со значением отложительного падежа, д.-и. *i-tāh* 'отсюда': *in-tus* 'изнутри', затем 'внутри', *sub-tus, peni-tus*.

С помощью суффикса *-tus* образуются наречия от существительных и прилагательных: *fundi-tus* 'от основания', *gādicī-tus* 'от корня', *dīvinitus* 'по определению богов', *antīqui-tus* 'издревле' и т.д.

2) Суффикс *-tim* восходит к конечному элементу формы винительного падежа отвлеченных существительных с суффиксом *-ti-* (§ 761): *par-tim* 'частично' (др.форма вин.п. от *pars*), *sta-tim* 'стойко, постоянно' (по форме соответствует греч. вин. п. *στάσις*, ср. *statim stant signa* (*Amph.* 276)

С помощью суффикса *-tim* производятся наречия, соотносительные с глаголами и с отглагольными именными образованиями, в частности, с причастиями на *-tus* (*-sus*, §§ 665, 676): *ductim* 'волоком', *raptim* 'хищнически, проворно', *cursim* 'бегом', *contemptim* 'презрительно', *datātim* 'подавая попеременно', *pōminātim* '(вызывая) поименно'.

Тот же суффикс служит для образования отыменных наречий с распределительным значением по образцу соотношения *pōminātim* и *pōmen*: *curiātīm* 'по куриям', *tribūtīm* 'по трибам', *virītīm* 'на каждого человека', *gutātīm* 'по каплям' и т. д.

§ 801. Почти регулярный характер получило в латинском языке классического периода производство наречий от прилагательных, по преимуществу качественных. Для образования этих наречий служат суффиксы *-ē* (*-ō*) и *-ter*.

1) *-ē* – суффикс наречий, образуемых от прилагательных 2-го склонения: *gētē, longē*; с ямбическим сокращением *benē, malē*. Судя по написанию **FACILVMD** (1².581, = *facillimē*), **RECTED** (1².365, *фалис.-лат. gētē*), *-ē* восходит к *-ēd* и представляет собой застывшую форму отложительного падежа основ на *-e/o-* (§ 336) с тембром *e*, дифференцирующим наречие от обычной формы отложительного падежа на *-ō(d)*. Наряду с *-ē* встречаются, однако, и формы на *-ō*: *crēbrō, falsō, sēgō* и т. д. Бывают дублетные образования: *rārē — rārō, tūtē — tūtō, certē — certō* (*certō sciō* иногда приобретает характер идиоматического сочетания 'наверняка') *vērō* дифференцируется как частица от наречия *vērē*.

Образование наречий на *-ēd, ōd* имеет общеталийское распространение: ос. *amprufid* (< **-ēd*) 'improbē', *amiricatud* (< **-ōd*) '**immercātō*'.

Не исключена возможность, что в наречиях на *-ē, -ō* сохранены также формы древнего инструментального падежа основ на *-e/o-*, отличавшиеся от форм отложительного падежа только отсутствием *-d*. В пользу такого предположения свидетельствует, может быть, ямбическое сокращение *bene* (при **benēd* мы ожидали бы **benēd* с сохранением *-d*).

2) Суффикс *-ter* унаследован латинским языком при образовании наречий от предлогов: *in-ter* (ср. д.-и. *antār*), *sub-ter*, *prae-ter*, *prop-ter*; он несомненно связан с суффиксом *-tero-*, служившим для пространственного и временного противопоставления (§ 751).

В латинском языке суффикс *-ter* приобрел продуктивный характер при производстве наречий от прилагательных.

Возникновение этой функции неясно. Есть предположение, что образцом для распространения суффикса *-ter* было наречие *aliter*, где суффикс *-ter* того же происхождения, что в *inter*, или восходит к синкопированной форме им. п. **ali-tero-s* > *ali-ter* (ср. *al-ter* § 475).

В архаической латыни образование наречий на *-ter* еще сравнительно мало развито и не специализировано. Наречия на *-ter* производятся от любых прилагательных, в том числе и от прилагательных 2 склонения, допускающих наряду с этим образования на *-ē(-ō)*: *ampliter*, *blanditer*, *dūgiter*, *largiter* и т.п. (конечный гласный основы выступает в фонетически закономерной для срединного открытого слога форме *-ī-*, § 141); от прилагательных 3 склонения: *gravi-ter*, *lēni-ter*, *audāc-ter*, *luben(t)-ter* (§ 404). Затемненность основ на *-i-* в 3 склонении (§ 355) привела к тому, что из образований типа *grav-iter* (ср. *grav-e*, *grav-em*, *grav-ēs*, *grav-ior*), был извлечен суффикс *-iter*, который распространился на образование наречий от прилагательных с основой на единичный согласный: *par-iter*, *mināc-iter*.

audācter сохранилось наряду с *audāciter* и считалось более соответствующим языковой норме (Квинтилиан, 1.6.17). Фонетически закономерная форма *difficulter* (< **-facili-ter*, § 164) чаще употребляется, чем *difficiliter*. От *nēquam* (§ 403) — *nēquiter*, *rāreter* от *rāgus*, наряду с *rāgē* и *rāgō* по образцу семантически противоположного *frequentēter* (от *frequēns*).

В языке классического периода употребление форм на *-ter* в наречиях, соотносительных с прилагательными 2 склонения, идет на убыль, но как средство производства наречий от прилагательных 3 склонения суффикс *-(i)ter* получил широкое распространение.

Степени сравнения наречий

§ 802. Качественные наречия допускают образование сравнительной и превосходной степени. Формой сравнительной степени служит застывшая форма им.-вин. п. ср. р. сравнительной степени соотносительного с наречием прилагательного; формой превосходной степени – наречие на *-ē* (§ 336 = 801), образованное от превосходной степени соотносительного прилагательного: *longē – longius – longissimē*. Те же суффиксы *-ius, -issimē* и т.п. употребляются при отсутствии соотносительных прилагательных: *satius, sētius*.

Иногда превосходная степень наречий имеет образования на *-ō* (§ 336 = 801): *meritissimō, postrēmō, extrēmō*, или на *-um* (застывшая форма им.-вин. п. ср. р.): *potissimum, plurimum, postrēmum, extrēmum, suprēmum, summum* ‘самое большее, в крайнем случае’ (но *summē* ‘в высшей степени’). Нерегулярные формы степеней сравнения наречий были рассмотрены в разделе об образовании степеней сравнения прилагательных: *plūs* (§ 409), *magis* (§ 407); *diūtius – diūtissime*.

Наречия, образованные от числительных

См. § 845.

Отглагольные образования

§ 803. Отглагольное происхождение имеют некоторые слова модального значения: *vel* ‘хоть’ (§ 597), *crēdō* ‘пожалуй, может быть’, *amābō, quaesō* (§ 616), *sīs* (< *sī vīs*) ‘пожалуйста’, *ain* (< *aisne*, § 70) ‘в самом деле?’, *viden* (< *vidēsne*) ‘не правда ли?’, *igitur* ‘итак’ восходит, вероятно, к *agitur* в энклитическом положении, ср. *quid igitur; age* ‘давай’, ср. греч. *ἄγε, -vīs, -libet* как энклитические частицы при неопределенных местоимениях и соответствующих наречиях. Иногда целое глагольное словосочетание застывает в виде несклоняемого слова: *forsitan* ‘может быть’ < *fors sit an, scī-licet* ‘разумеется’, *vidē-licet* ‘очевидно’ (вероятно, формы повелительного наклонения + *licet*); *dum-taxat* ‘насколько, по крайней мере’ < *dum taxat* (субъюнктив дезидеративного глагола от корня *tag-*, ср. *tangō*), ср. Фест. 288.34: *cum quis volet magistrātus multāre, dum minōre partī familiās taxat* ‘...только бы он коснулся меньшей части имущества’.

Составные наречия

§ 804. Как мы уже имели возможность убедиться из примеров, приведенных в предыдущих параграфах, наречия часто имеют составной характер, образуясь путем сращения двух или более несклоняемых слов. К наречиям могут присоединяться частицы: *parum-per*, *tantis-per*, *iti-dem*, *indi-dem*; особенно часто добавляются отрицательные частицы *n(e)-*, *in-* (*nēquīquam*, *neutrūq̃*, *nūquam*, *nūquam*, *in-cōnsultū*, *iniussū*, *inclēmēnter* и т.п.), а также предлоги: *ant-eā*, *ante-hāc*, *ant-id-hāc*, *propter-eā*, *eā-propter*, *ad-eō*, *quo-ad*, *quō-circā*, *id-circō*, *sub-nimium*, *ad-aeque*, *per-saepe*, *dē-repente*, *ad-vorsum*, *ex-ad-vorsum*, *de-orsum*, *seorsum*.

В других случаях составные наречия возникают из сложения местоименных основ с наречиями: *hōrsum* < **ho-vorsum*, *illōrsum*, *quōrsum*, *quōquōvorsum*, *aliōrsum* и т.п.; из сращения наречий: *identidem* < **idem t(um) idem* и т.д.

Предлоги

§ 805. В историческом развитии индоевропейских языков нередко случалось, что наречные слова, служившие для уточнения глагольного действия или падежных значений, утрачивали характер самостоятельных слов, членов предложения, и переходили на служебную роль. Примыкая к глаголу, они срастались с ним, образуя глагольную приставку (префикс, § 780); примыкая к падежным формам, они превращались в служебные слова, предлоги.

Ряд слов, функционирующих в латинском языке в качестве предлогов, сохранил еще в историческое время наречные значения: *ante*, *circum*, *post* и др. *dē* и *sus* в фразеологическом сочетании *deque susque*.

На самостоятельную роль в предложении такого предлога как и.-е. **eK* (лат. *ex*, греч. *ἐκ*, *ἐξ*) указывают такие примеры, как гом. *ἐκ δὲ Χριστοῦς ἰηδὸς βῆ* (А.439), где *ἐκ* может в равной мере относиться к род.п. *ἰηδὸς* и к глаголу *βῆ*.

Остатком самостоятельной роли позднейших предлогов является их способность вступать в сочетание с местоименными наречиями, независимо от отложившейся в этих наречиях падежной формы, *adeō*, *adhūc*, равно как и явление *tmēsis*.

Термин "предлог" неточен в том смысле, что латинский язык, и в еще большей мере прочие италийские языки, допускает постановку предлогов после падежной формы: *tmēcum*, *quā dē causā* и т.д.; однако

эта постановка предлога уже в древней латыни ограничена немногими типами словосочетаний, главным образом, при вопросительно-относительном местоимении, а за этими пределами более свойственна архаизирующему стилю поэзии и позднейшей прозе, чем живой речи.

Предлоги чаще всего выражают пространственно-временные отношения или отношения совместности, но в ряде случаев они развили и более отвлеченные значения: причины, цели и т.д.

В связи с этим своим происхождением предлоги латинского языка обычно сочетаются с теми падежами, которые выражают пространственно-временные отношения — с винительным и отложительным падежами. Только немногие предлоги позднего происхождения, возникшие непосредственно из существительных, сохранили именное управление и сочетаются с родительным падежом: *causā, grātiā, finī, īnstar*.

§ 806. Предлоги латинского языка, не имеющие наречного употребления, принадлежат, по большей части, к числу унаследованных и засвидетельствованы также и в других ветвях индоевропейской языковой семьи.

ab (с Abl.) 'от' (< и.-е. **apo*), ср. д.-и. *āra*, греч. *ἀπο*, гот. *af*, лат. *ap-*: *ap-eritō* (§ 260); *ab* (§ 168), также *ab-s* (суффикс *-s*, ср. греч. *ἀψ*), *ā* (§ 268 б), диалектное **AF** (¹2.586, 638).

Предлог *absque* (с Abl.) в значении 'без', по-видимому, был извлечен из формы *apsque tē esset* (Плавт, Теренций) 'и это случилось бы, если бы не ты', дословно 'прочь от тебя'.

Иную ступень чередования **apo* мы находим в префиксе *po-*: *positus*, ср. ст.-сл. *по*.

ad (с Acc.) 'к, у' гот. *at*, др.-ирл. *ad-*.

cum <**com* (сохраняется в словосложении: *com-itiūm*), ср. галл., др.-ирл. *com-*.

dē (с Abl.) 'с чего-либо, о', ср. др.-ирл. *dī*, принадлежит, вероятно, тому же корню, что *-dē* в *indē, undē* (§ 168), *-dō* в *endō* (§ 158). Остаток наречного употребления *dē* сохранился в формуле *susque dēque* 'и так, и этак'.

ex (с Abl.) 'из', ср. греч. *ἐξ*, галл. *ex-*, ст.-сл. *из* является расширением формы **es*, сохранившейся в словосложении, напр. *es-ferō*, ср. греч. *ἐκ* с помощью суффикса *-s*; *ē* (§ 268 б).

in (с Acc. и Abl.) 'в, на' < и.-е. **en*, ср. греч. *ἐν*, ос.-умбр. *en*, гот. *in*. Переход **en*->*in*- фонетически закономерный перед начальными заднеязычными и губными следующего слова (§§ 119, 120), а также и перед начальным гласным следующего слова, в силу проклитического положения предлога (**ENVRBID**, ¹2.5 > *in urbe*, § 360), распространился

на все положения предлога. Древний вокализм *e*- сохранился в форме *endo* (XII Tab.1.2. с частицей *-do*, ср. греч. *ἔνδο*, *quandō*), встречающейся впоследствии лишь в качестве архаизма, напр., Лукреций, 6.890, а иногда в модернизированной форме *indu* (*indu forō*, Энний, *Ann.* 238 *induperātor*, там же 83), ср. *indigena*, *industrius* (§ 150), *ind-audiō*.

inter (с Acc.) 'между' < **enter*, ср. д.-и. *antār*, ос. *anter* (умбр. *anter-*) 'inter' (употребляется как наречие у Веррия Флакка).

ob (с Acc.) 'перед, против' < **op* (§ 168), ср. греч. *ἐπί*, *ὄπισθεν*, д.-и. *āri* 'к тому же', ст.-сл. *об*; с расширением *ob-s*: *obstrūdant* (P. F.209.9).

per (с Acc.) 'через' < и.-е. **peri*, ср. греч. *τέρι*, д.-и. *pāri*.

prō (с Abl.) 'перед, впереди, в пользу' < и.-е. **prō*, ср. греч. *πρό*, *πρω-*, д.-и. *prā*, ст.-сл. *про*, *пра-*), гот. *fra-*. Долгота *-ō* согласно § 193 д. *prōd-*, вероятно, из **prode* с частицей *-dē-*.

prae (с Abl.) 'перед' (ср. греч. *παραί*, ос. *prai*) восходит, вероятно, к форме дат. п. и принадлежит к тому же корню, что *per* и *prō*.

sē(d) (с Abl.) 'без' восходит, вероятно, к форме отложительного пад. основы возвратного местоимения **sue-*: *sē fraude* (XII Tab. 3.6) *sēd-itiō*.

Как предлог *sē* уже в начале литературного периода представляет собой архаизм и заменен предлогом *sine*, родственным, вероятно, д.-ирл. *sain* 'отличный', тох. *sne* 'без'.

sub (с Acc. – Abl.) 'под' < **s-up* (§ 168), ср. ос. *суп*, греч. *ὑπό*, д.-и. *ура*, содержит неясный по происхождению префикс *s-*; **sup-* расширено с помощью суффикса *-s*, как *abs* и *ex*.

О *susque dēque* см. *dē*.

Все эти унаследованные предлоги, кроме *sine* и позднего *absque*, функционируют также в качестве глагольных префиксов.

Общеиталийский характер имеет предлог *trans* (с Acc.) 'через', умбр. *traf*, восходящий к форме им. п. ед. ч. причастия от глагола *trāre* ср. *in-trāre*, употребляется также в качестве глагольного префикса.

§ 807. Не засвидетельствованы вне латинского языка предлоги:

arud (с Acc.) 'у', может быть, из **ar-dot* (древняя причастная форма от *ar-iō*).

ci-s (с Acc.) 'по сю сторону' от местоименной основы *ci-*.

ergā (с Acc.) 'в направлении' — модифицированное по типу предлогов на *-ā* (§ 808) наречие *ergō* < **exregōd* 'от направления, ради'.

repen (с Acc.) 'у, во власти' — местный падеж с нулевым суффиксом от **repen*, поздн. *repen*, *repenis*.

tenus (с Abl., иногда Gen.) ‘вплоть до’ застывший вин. п. существительного *tenus* ‘протяжение, веревка’, ср. греч. *tévos*. Некоторые исследователи рассматривают *tenus* как застывшую форму причастия перфекта действительного залога.

uls (с Acc.) ‘по ту сторону’ от местоименной основы *ol-* (ср. *cis*).

Эта последняя группа предлогов не употребляется в функции глагольных префиксов.

§ 808. В тех случаях, когда наречие, к которому восходит предлог, сохраняется наряду с предлогом, мы имеем, по большей части, продукт позднейшего, италийского, или уже собственно латинского развития, из этих предлогов лишь немногие имеют соответствие вне италийской ветви.

ante (с Acc.) ‘перед’ <**anti* (§ 158) ср. греч. *ἀντί*, д.-и. *ánti*.

post (с Acc.) ‘после’, арх. *poste* < **posti*, ос. *púst*, умбр. *post*, ср. тох. *om-post-am* ‘*postea*’ содержит элемент *pos-*, состоящий из *po-* (§ 806) и *-s* (как в *abs*), ср. алб. *pas* ‘после’, и расширенный суффиксом *-ti* (§ 761) по аналогии с **anti*.

super (с Acc. и Abl.) ‘вверх, на’, где *s-* является префиксом, как и в *sub*, ср. греч. *ὑπέρ*, д.-и. *upári*.

úsque (с Acc.) ‘непрерывно от, до’ состоит из **ud-s*, ср. гот. *ūt* ‘из’, д.-и. *ud-*, и обобщающей частицы *-que*.

Наречия-предлоги италийского и латинского происхождения в большинстве случаев восходят к застывшим падежным формам.

Им. п. м. рода прич. перф. : *versus* (с. Acc.) ‘по направлению’, *adversus* (с. Acc.) ‘против’.

Вин. п. м. и ж. рода:

circum (с Acc.) ‘вокруг’ (от *circus*), *clam* (в арх. лат. с Acc., впоследствии по аналогии с *cōram* с Abl.) ‘втайне от’ от основы *clā-*, ср. *cēlāre*, ос-*cul-tus*, уменьшительная форма *clan-culum*. По тому же типу образованы антонимы *clam* наречия-предлоги *cōram* (с Abl. из *co(m) ōre*) и *palam* (с Abl.) ‘в присутствии’.

Им.-вин. п. ср. рода.

versum = *versus*, *adversum* = *adversus*.

procul (с Abl.) ‘вдали от’, ср. *Proculus*.

prope (с Acc.) ‘близ’ < **proqui* (§ 409), ср. степень *propius*.

secundum (с Acc.) ‘вдоль, сообразно’ от *secundus* ‘следующий’.

Может быть, *secus* (с Acc.) ‘вслед за’, если это форма перфектного причастия действительного залога от корня *seqⁿ*- (§ 486).

simul (с Abl.) ‘совместно с’ (ср. § 800).

Отложительный падеж:

infrā (с Acc.) 'ниже, под', ср. *īferus*.

suprā (с Acc.) 'над'.

dextrā (с Acc., но также с Gen. и Dat., в порядке именного управления) 'справа'.

sinistrā (с Acc.) 'слева'.

Образования от предлогов с помощью *-trā*:

citrā (с Acc.) 'по сю сторону', ср. *ci-s*.

contrā (с Acc.) 'против', в качестве префикса также *contrō-*: *contrō-versus* но *contrādīcō*, ср. *com-*.

extrā (с Acc.) 'вне', ср. *ex*.

intrā (с Acc.) 'внутри', в качестве префикса *intrō-*, ср. *in*.

ultrā (с Acc.) 'по ту сторону', ср. *ul-s*.

retrō (поздн., с Acc.) 'позади'.

circā, поздн. модификация *circum* по образцу предлогов на *-ā*.

iuxtā (с Acc.) 'возле' < **iug-(i)stād*, образование от корня **iug-/ieug-* с суффиксом превосходной степени, ср. *iūgis* 'непрерывный'.

proximē — превосходная степень от *prope*.

Суффикс *-ter* (§ 406) имеют:

circiter (с Acc.) 'около', ср. *circum*.

praeter (с Acc.) 'мимо, кроме', ср. *praes*.

propter (с Acc.) 'подле, вследствие', ср. *prope*.

subter (с Acc. и Abl.) 'под', ср. *sub*.

Суффикс *-tus* (§ 800) имеет *subtus* (поздн., с Acc.) 'вниз от'.

pōne (с Acc.) 'позади' < **post-ne* (§ 800).

Из предлогов, рассмотренных в настоящем параграфе, в качестве глагольных префиксов употребляются *ante-*, *circum-*, *contrā-*, (*contrō-*), *intrō-*, *praeter-*, *post-*, *retrō-*, *subter-*, *super-*, *suprā-* (ср. § 167).

§ 809. К поздней эпохе относится проникновение в латинский язык заимствованных из греческого языка предлогов: *apa* (с Acc.) 'по', греч. ἀνά и *cata* (с Acc.) 'согласно, по', греч. κατά. О распространенности их в народной речи свидетельствуют романские языки: исп., порт. *cada* 'каждый', ст.-ит. *cad(a)uno* 'каждый' < *cata ūnu(m)*.

Для живого языка, особенно в эпоху Империи, характерна тенденция к экспрессивному обновлению предлогов с помощью сращивания их воедино: *abante*, *dēpost*, *dēcontrā* и т.д.

Префиксы, не употребляющиеся в латинском языке в качестве самостоятельных предлогов: *amb-* (*amb(i)-*), ср. греч. ἀμφί, *amb-ēsus*, *am-plector*, *am-iciō*, ср. *ambī-axium*, (P.F. 24.11); *an-* (?), может быть, *an-hēlāre*, ср. греч. ἀνα; *au-* употребляется вместо *ab(s)-* перед *-f-*: *aufērō*, *aufugiō*, ср. д.-и. āva- 'вниз', ст.-сл. оу; *dis-*, ср. греч. δι-ά, может быть,

др. верхне-нем. *zir, dis-tineō, differō, dīdūcō*; *po-* (см. § 808); *por* < и.-е. **pr̥* — префикс, родственный с предлогами *per* и *prō*: *por-tendō, porgō, pol-liceor*. О префиксе *re-* (*red-*) см. § 391.

Союзы

§ 810. Древнейший слой союзов латинского языка, выражающих отношение между однородными членами предложения, восходит к общеиндоевропейскому языковому состоянию. В дальнейшем категория союзов значительно возросла, особенно с развитием сложного предложения. Обогащение союзов происходило, главным образом, за счет закрепления наречий, особенно местоименных наречий, в синтаксической функции союзов.

§ 811. Соединительные союзы.

-que < и.-е. **q^he*, ср. греч. τε, д.-и. са.

et < и.-е. **eti* (§ 168), ср. греч. ἔτι, гот. *ip*.

atque, вероятно, < *ad* (§ 168) + *que*.

ac — редуцированное *atque* (§ 168).

etiam < *et-iam* (§ 259)

quoque, ср. д.-и. *kva-sa* ‘всюду, во всяком случае’.

neque < *ne* + *que*, в редуцированной форме *nes* (§ 168).

§ 812. Разделительные союзы.

-ve < и.-е. **ue*, ср. д.-и. *va*, греч. гом. ἢ < ἦ-(*F*)ε

aut < **auti* (ср. ос. *auti*) < **au-ti*, ср. греч. αὖ ‘снова’ и αὐτ-άρ.

vel < **uelsi* (от *volō*, см. § 597)

sive < **seive*, редуцированная форма *seu* (§ 68).

§ 813. Противительные союзы

at, ср. греч. ἀτ-άρ, гот. *af-pan*.

ast, др. значение ‘затем’, вероятно, < **ad-s-ti*, ср. *post* < *po-s-ti* (§ 808)

sēd, древнее значение ‘отдельно’, арх. *sedum*, может быть, из **scedom* (основа возвратного местоимения + частица *-dum*).

autem < *aut* + *em* (частица).

tamen < *tam* + *en* (с диссимилиацией *-m*).

atquē, у Плавта еще раздельно *at quē* с вопросительным или восклицательным *quē* ‘как’ (отложит. падеж).

Значение противительных союзов приобрели также *vēgō* 'действительно', *vēgum* 'истинно', *cēterum* 'впрочем' и т.д.

§ 814. Сравнительные союзы.

ut, utī (§ 216), *quam* (§ 464), *quasi* (§ 191), *tam-quam, seu* < **se-ve* (§ 68).

§ 815. Подчинительные союзы, соединяющие придаточные предложения с подчиняющими, почти все образованы от основы *q^u*- — относительного местоимения: *ut* (§ 799), *ubi*, *quam, cum* < *quom, quandō, quoniam* < **quom-iam, quod, quia, quippe* < **quid-re, quamquam, quamvis, quō, quōdāminus, quān* < *quī-ne*.

От основы указательных местоимений образованы *dum, donec* < **do-ne-que, sī* (§ 428) и сложные с ним.

Функцию союза получили также модальные частицы — *nē, licet* (застывшая глагольная форма) и наречия — *modo, simulac, mox*.

Частицы

§ 816. Под "частицами" в широком смысле слова понимается вся категория служебных слов, включающая, таким образом, также предлоги и союзы. В данном разделе мы употребляем термин «частицы» в более узком значении, разумея под ними служебные слова, выражающие различные дополнительные оттенки речи. Частицы не всегда поддаются точному разграничению с другими служебными словами, и мы ограничимся указанием лишь важнейших частиц.

§ 817. Указательные частицы.

ēn 'вот' (долгота *ē*- согласно § 268), ср. *ellum* = *en-il-lum, ellam* = *en-illam* (ср. § 453); *ессе* (§ 450) и сложные с ним *eccillum, eccistum, ессе-re* (< *rem* от *res*) и т.д.

§ 818. Выделительно-ограничительные частицы.

quid-em, e-quid-em, imtō.

§ 819. Пояснительные частицы.

nam от местоименной основы *no-*, *namque, enim* (основа *eno-*), ср. ос. *inim* 'и', умбр. *enem, ennot* 'затем', ср. *illim* (§ 799). К основе *no-* восходит и элемент *nem-* в *nem-re, nem-ut* (P.F. 159.3); *quippe* < *quid-re*.

§ 820. Утвердительные частицы.

nē, ср. греч. *νῆ, ἴτα, σῆς* (§ 428), *p̄m̄gum* < *p̄ + m̄gum* 'неудивительно, конечно'.

§ 821. Отрицательные частицы.

И.-е. частица *ně, гот. *ne*, ст.-сл. *ne*. Как самостоятельное слово имеет в латинском языке форму *nē* (согласно § 193 д): *nēquidem*. В словосложении сохранилось однако и *nē-*: *nē-que*, *nēsciō*; с частицей *-s*: *nec* (арх., не смешивать с омонимной синкопированной формой *nec* < *neque*), напр. XII Таб. 5.4., *Sī intestātō moritur cui suus hērēs nec escit*.

С частицей *-i*: **nei* > *nī*, *quidnī* 'почему не'. Элемент *neg-* в *negō*, *negōtium*, *neg-legō* может восходить к присоединению частицы *-g-*, ср. греч. *γε*; *nōn* восходит к **nē* *oinom* (ср. греч. *οὐδέιν*), арх. *поепи(т)*, *-ō-* (*nōn*) и *-oe-* (*поепит*) восходит, вероятно, к различным трактовкам дифтонга *ōi* (**nōinom*, ср. § 113).

Отрицательный префикс *in-* при прилагательных восходит к **n-*, ср. греч. *α-*, д.-и. *a-* (§ 9). Употребляющийся в той же функции префикс *vē-*, *vēscōs*, родственен префиксу *au-* (§ 809).

Происхождение *haud* не установлено.

§ 822. Вопросительные частицы.

-ne 'ли' может восходить к отрицательному *ne*, получившему вопросительную функцию в вопросительных предложениях (*не-ли?*), но возможны и другие сближения, например, со ст.-с. *нъ*, русск. *но*; *nōnne* < *nōn-ne*, *nūn* восходит, вероятно к и.-е. частице **nū* 'теперь', греч. *νυ*, гот. *ни*, ср. *nūn-s*, греч. *νῦν*; *an* может быть тождественным греч. *ἀν*, гот. *an*. Некоторые исследователи считают *an* редуцированной формой частицы *anne*, которую они производят из **at-ne*, ср. § 234. Однако у Плавта *an* перед гласным следующего слова всегда скандируется как краткий слог, а не как **ann*.

Вопросительные частицы *utrum*, *cūg* и т.д. восходят к соответствующим наречиям.

§ 823. Ряд частиц функционирует в латинском языке не как самостоятельные слова, а только как словообразовательные морфемы. Примеры таких частиц неоднократно встречались в предшествующем изложении: *-ī* (указат.) *-s(e)* 'сюда' (§ 795), *-ne*, *-que*, *-ve*, *-re*, *-per*, *in-*, *vē-* и т.п.

Междометия

§ 824. Междометия как эмоциональные слова, нередко звукоподражательного происхождения, могут иметь звуковую форму, выходящую из рамок обычной звуковой системы латинского языка: *st* (без

гласного звука), heus (с дифтонгом eu, § 112), eia (дифтонг ei), euhoe (вакхический клич, греч. εὐοῖ) и т.п.

Об особо эмфатическом произношении междометий свидетельствует встречающееся в рукописях написание ah, oh.

Характер сохранившихся текстов, литературных и эпиграфических, не гарантирует нам сколько-нибудь полного знакомства с словарным составом междометий. Чаще всего они встречаются в комедии и нередко представляют собой заимствования из греческого языка. К этой последней категории принадлежат, например, междометия, выражающие одобрение игры актеров sophōs 'браво!', греч. σοφῶς, palin 'бис', греч. πάλιν.

Междометия выражают различные чувства: ὄ, āh (aha); радостные — ehet, vah, горестные — heu, ei, vae, ср. гот. vai, галл. gwae; удивление — (h)eia, hui, prō, au (греч. αὐ); обращение, окрик — ὄ, heus; ругательства — malum, hercle.

К звукоподражательным словам относятся, например, hehae, su-cīgū, mū, trit (подражание мыши), tuxtax (удары бича).

§ 825. Ряд междометий служит для клятвенного заверения и содержит в своем составе имена богов: meherculē(s), mēdiūsfdius, mēcastor (с подразумеваемым при mē глаголом iuuet), ēcastor (женская клятва) с префиксом ē-, ēdērol содержит, по-видимому, тот же префикс в краткой форме, затем редуцированный зват. падеж deīve в элементе -de- и -rol- — редуцированную ласкательную форму имени Pollūx.

IV. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ И ПРИМЫКАЮЩИЕ К НИМ СЧЕТНЫЕ СЛОВА

§ 826. Числительными в точном смысле слова, особой частью речи, являются в латинском языке только количественные и распределительные. К ним тесно примыкают счетные прилагательные, порядковые и множительные, а также множительные наречия.

Характерным признаком числительных служит отсутствие у них категории грамматического числа, противопоставления единственного множественному. Когда слово *ūnus* употребляется во множественном числе в значении "только одни" и в противопоставлении "одни — другие" (*ūnī — alterī*), оно уже является не числительным, а местоимением и сохраняет характер числительного только в сочетании с *plūrālia tantum*, например, *ūnae nuptiae*, где исключается противопоставление единственному числу.

Однако числительные вовлекают в свою систему также и счетные существительные. К числу этих последних относится слово *mīlle*, которое в единственном числе перешло в категорию числительных, а во множественном числе осталось существительным, управляющим, в отличие от числительных, родительным падежом.

§ 827. Корневые числительные латинского языка восходят к общеиндоевропейскому словарному фонду. Для чисел "один" и "два" имелись супплетивные корневые морфемы.

Индоевропейская система числительных была основана на десятичном счислении.

§ 828. Фонетическое развитие числительных имеет ряд своеобразных особенностей. Употребляясь при быстром последовательном счете, они нередко поизносились неполным стилем с ускоренным темпом речи, подвергались редукции и т. п. Такие явления, как озвончение глухих смычных между гласными или между гласным и сонантом, например, *quadrāgintā* при *quattuor*, или переход *-e- > -i-* перед *m*, в многосложных словах, например, *ūndecim* при *decem*, выходят за пределы регулярного фонетического развития латинских звуков и объясняются, очевидно, их ослаблением в неполном стиле речи. Результатом употребления числительных при последовательном счете является также частое воздействие слов, означающих последовательные числа, друг на друга, например, *poet* вместо **poet* (§ 122) под влиянием *decem*.

Из индоевропейских корневых числительных только первые четыре склоняются. Латинский язык утратил склонение числительного "четыре".

		количественные	порядковые	распределительные	наречия
I	1	ūnus, -a, -um	prīmus, -a, -um	singulī, -ae, -a	semel
II	2	duo, -ae, -a	secundus, alter	bīnī	bis
III	3	trēs, tria	tertius	ternī (trīnī)	ter
IV	4	quattuor	quartus	quaternī	quater
V	5	quīnque	quīntus	quīnī	quīnquiēs
VI	6	sex	sextus	sēnī	sexiēs
VII	7	septem	septimus	septēnī	septiēs
VIII	8	octō	octāvus	octōnī	octiēs
IX	9	novem	nōnus	novēnī	noviēs
X	10	decem	decimus	dēnī	deciēs
XI	11	ūndecim	undecimus	undēnī	undeciēs
XII	12	duodecim	duodecimus	duodēnī	duodeciēs
XIII	13	trēdecim	tertius decimus	ternī dēnī	ter deciēs
XIV	14	quattuordecim	quartus decimus	quaternī dēnī	quater deciēs
XV	15	quīndecim	quīntus decimus	quīnī dēnī	quīnquiēs deciēs
XVI	16	sēdecim	sextus decimus	sēnī dēnī	sexiēs deciēs
XVII	17	septendecim	septimus decimus	septēnī dēnī	septiēs deciēs
XVIII	18	duodēvīgintī	duodēvīcēsīmus	duodēvīcēnī	duodēvīciēs
XIX (XVIII)	19	undēvīgintī	undēvīcēsīmus	undēvīcēnī	undēvīciēs
XX	20	vīgintī	vīcēsīmus	vīcēnī	vīciēs
XXI	21	} ūnus et vīgintī } vīgintī ūnus	} ūnus et vīcēsīmus } vīcēsīmus prīmus	} singulī et vīcēnī } vīcēnī singulī	} semel et vīciēs } vīciēs semel

		количественные	порядковые	распределительные	наречия
XXII	22	} duo et vīgintī vīgintī duo	} alter et vīcēsīmus secundus et vīcēsīmus vīcēsīmus alter vīcēsīmus secundus	} bīnī et vīcēnī vīcēnī bīnī	} bis et vīciēs vīciēs bis
XXVIII	28	duodētrīgintā	duodētrīcēsīmus	duodētrīcēnī	duodētrīciēs
XXIX (XXVIII)	29	undētrīgintā	undētrīcēsīmus	undētrīcēnī	undētrīciēs
XXX	30	trīgintā	trīcēsīmus	trīcēnī	trīciēs
XXXIII	33	} trēs et trīgintā trīgintā trēs	} tertius et trīcēsīmus trīcēsīmus tertius	} ternī et trīcēnī trīcēnī ternī	} ter et trīciēs trīciēs ter
XXXX (XL)	40	quadrāgintā	quadrāgēsīmus	quadrāgēnī	quadrāgiēs
L	50	quīnquāgintā	quīnquāgēsīmus	quīnquāgēnī	quīnquāgiēs
LX	60	sexāgintā	sexāgēsīmus	sexāgēnī	sexāgiēs
LXX	70	septuāgintā	septuāgēsīmus	septuāgēnī	septuāgiēs
LXXX	80	octōgintā	octōgēsīmus	octōgēnī	octōgiēs
LXXX (XC)	90	nōnāgintā	nōnāgēsīmus	nōnāgēnī	nōnāgiēs
C	100	centum	centēsīmus	centēnī	centiēs
CI	101	centum (et) ūnus	centēsīmus (et) prīmus	centēnī singulī	centiēs semel
CC	200	ducentī, -ae, -a	ducentēsīmus	ducēnī, -ae, -a	ducentiēs
CCC	300	trēcentī	trecentēsīmus	trecēnī	trecentiēs
CCCC (CD)	400	quadrigentī	quadrigentēsīmus	quadrīgēnī	quadrīgēntiēs

	количественные	порядковые	распределительные	наречия	
D (I᠔)	500	quīngentī	quīngentēsimus	quīngēnī	quīngentiēs
DC	600	sescentī	sescentēsimus	sescēnī	sescentiēs
DCC	700	septingentī	septingentēsimus	septingēnī	septingentiēs
DCCC	800	octingentī	octingentēsimus	octingēnī	octingentiēs
DCCCC (CM)	900	nōngentī	nōngentēsimus	nōngēnī	nōngentiēs
M(CI᠔)	1000	mīlle	mīllēsimus	singula mīlia	mīliēs
II (IIM; MM)	2000	duo mīlia	bis mīllēsimus	bīna mīlia	bis mīliēs
III (IIIM)	3000	tria mīlia	ter mīllēsimus	terna mīlia	ter mīliēs
V (I᠔᠔)	5000	quīnque mīlia	quīnquiēs mīllēsimus	quīna mīlia	} quīnquiēs } mīliēs
X (CCI᠔᠔)	10000	decem mīlia	deciēs mīllēsimus	dēna mīlia	deciēs mīliēs
X̄X̄ (CCI᠔᠔CCI᠔᠔)	20000	vīginti mīlia	vīciēs mīllēsimus	vīcēna mīlia	vīciēs mīliēs
X̄X̄I (CCI᠔᠔CCI᠔᠔CI᠔)	21000	} ūnum et vīginti } mīlia	} semel et vīciēs } mīllēsimus	} vīcēna sin- } gula mīlia	} semel et vī- } ciēs mīliēs
C̄ (CCCCI᠔᠔᠔)	100000	centum mīlia	centiēs mīllēsimus	centēna mīlia	centiēs mīliēs
CCCCI᠔᠔᠔᠔	1000000	} deciēs centēna mīlia, } deciēs centum mīlia	} deciēs centiēs } mīllēsimus	} deciēs centēna } mīlia	} deciēs centiēs } mīliēs

Корневые числительные 1 -10

§ 829. "Один". Для числительного "один" служат три корневые морфемы.

1) Корень *sem-, ср. греч. εἷς < *sem-s, ср. р. ěv < *sem, сохранился в латинском языке только в производных *semel* < *sem-li-s (§ 261), *singulī*, *simpulus*, и в составных — *sim-plex* (§ 120), *sem-per*.

2) Количественное числительное *ūnus* < * oinos имеет корень *oi- с расширением -n-; древнее значение — "только один, единственный", ср. греч. οἷ(f)ος (с другим расширением корневой морфемы).

3) Корень *pri- "перед", ср. греч. πρῖν, служит для образования порядковых числительных: *prior* < * pri-jos "первый из двух", *pri-mus* < *pri-is-mos "первый из многих", ср. *pri-s-cus*, *pri-s-tinus*, пелигн. *prismu* 'pṛīma'.

ūnus, -a, -um склоняется по образцу местоименных прилагательных.

§ 830. "Два". Количественное *duo* возникло, вероятно в порядке ямбического сокращения из * *duō*¹, восходящего к и.-е. *d(u)uō, ср. д.-и. вед. d(u)v-ā, греч. гом. δίω, ст.-сл. дѣва, с оформлением именительного падежа двойственного числа на -ō. Эта форма распространилась и на средний род.

В словосложении основа имеет форму **dui-* > *dvi-* > *bi-* (§ 260): *dvidēns* (P. F. 58.16-19.) > *bidēns*, или *dū-*: *du-plex*, *du-centī*.

Склонение *duo*.

	м. р.	ж. р.	ср. р.
N., V.	dūō	dūae	dūō
G.	dūōrūm	dūārūm	dūōrūm
D.-Abl.	dūōbūs	dūābūs	dūōbūs
Acc.	dūōs (dūō)	dūās	dūō

Остатками склонения по двойственному числу являются здесь им. п. м. р. *duo*, им./вин. п. ср. р. *duo* и иногда встречающийся вин. п. м. р. *duo*. Прочие формы преобразованы по образцу множественного числа, но в дательном-отложительном падеже преобразование коснулось лишь конечного элемента -us < *-os при сохранении древнего -b- < *-bh-, ср. д.-и. форму дат.-оруд.-отл. п. *dvābhyām*. Рядом с *duōgum* встречается и *duom* > *duum* (§ 339), ср. **DVOMVIR** (1².1225, образовано на основе словосочетаний типа NN *duum vi-gum* "один из двух мужей").

¹ Форма *duō* встречается однажды у Плавта (Mīl. 1384), см. § 343.

В разговорной речи плюрализация распространилась и дальше, например, им. п. ср. р. **DVA** (4. 1990), м. р. *duī* (Порфирион к Горацию, Sat. 2.3. 248). Иногда форма *duo* застывает: *duo vertīs* (Новий, fr. 3). Встречаются и формы с синизесой (§ 68): *duōs* (Акций Praet. 21), *duōdecim* (Epid. 675).

§ 831. *ambō* "оба", ср. греч. ἀμφω, склоняется как **duō* с той лишь разницей, что неямбическое слово *ambō* сохранило долготу конечного гласного. У поэтов I в. н. э. появляется *ambō* по образцу *duō*.

Им. п. ж. р. *ambō* вместо *ambae*, может быть, у Плавта (Merc. 231). В поздних надписях дат.-отл. п. *ambīs* с формой множественного числа, например, 6. 11687.

Для образования порядковых числительных служат супплетивные основы: *al-ter* "другой из двух" (§ 475); *sec-undus* "следующий" – причастное образование от *sequor* (§ 758), ср. наречие *i-tergum* "во второй раз" от местоименной основы *i-* (§ 431) с суффиксом *-terg-* (§ 751).

§ 832. "Три" *trēs* < и.-е. **trejes* (§ 196) имеет регулярное склонение мн. числа основ на *-i-* (*tri-*). Им.-вин. п. ср. р. соответственно *triā*. Древняя и.-е. форма им.-вин. п. ср. р. множ. ч. **trī* сохраняется в составном образовании *trīgintā*.

§ 833. "Четыре" и.-е. **q^aatuōres*, ср. р. *-*rē*. В латинском *quattuor* могли слиться обе эти формы в результате редукции группы *-res* (§ 169) и *-ā* (§ 342) < *-*ə*, и *quattuor* утратило склонение. Удвоение *-tt-* – позднее, но причины его неясны.

В словосложении основа *quadru-* с метатезой *-*ur-* > *-ru-* и озвончением *-t-* (§ 238): *quadru-plex*, или *quadri-* по образцу *tri-*.

§ 834. "Пять" *quīnque* < и.-е. **penq^e* (§ 274) с удлинением *-ī-* по аналогии с *quīntus* < **quīntos* (§ 119, долгота *-ī-*, согласно § 193 в); *quīncu-plex* (ср. § 833 *quadru-plex*).

§ 835. "Шесть" *sex* < и.-е. **s(ū)ek̑s*, ср. греч. ион.-атт. ἕξ, крит. и дельф. *Féξ*.

§ 836. "Семь" *septem* < и.-е. **septm̑* (§ 10), *septu-* (*septu-ennis*) по аналогии с *quadru-*, *quīncu-*.

§ 837. "Восемь" *octō* < и.-е. **oktō(u)*. *octu-* (*octu-plex*), как *septu-*.

§ 838. "Девять" *novem* вместо **noven* < и.-е. **neun̑* (§ 10), конечное *-em* под воздействием *decem*, ср. д.-и. *náva*, греч. ἕν-νέ(F)α.

§ 839. "Десять" *decem* < и.-е. **dek̑m* (§ 10). *decu-* (*decu-*+*plus*) по аналогии с *quadru-*, *quīncu-* и т. д.

Числительные 11 - 19

§ 840. Числительные 11 - 17 образуются как сращения числительных 1 - 7 с *-decem* > *-decim* (с сохранением в первом слове вокализма простого слова и сужением *-e-* > *-i-* в конечном слове). Числительные 18 и 19 образуются обычно путем вычитания (с помощью предлога *dē*) из 20.

ūndecim и *undēvīgintī* возникли в порядке гаплогогической редукции (§ 283) из **ūnund-* < **oinom-d-* (§§ 829, 141); *trēdecim* < **tresd-* (§ 256); *quīndecim* < **quenquedecem* (с синкопой *-e-* § 166); *sēdecim* < **sexd-* (§ 256); *septendecim* (§ 236).

Суммирование десяти с единицами могло выражаться и синтаксически: *decem et quīnque* (3 р. 855₆), **DECEM NOVEM** (5. 4370). Рукописная традиция прозаических памятников здесь недостоверна: числительные очень часто выражались цифрами, а затем расшифровывались переписчиками по их усмотрению.

Числительные от 20 до 99

§ 841. В десятичной системе счисления число "десять" является новой единицей, и числительные, обозначающие десятки, представляют собой сращения числительных 2 - 9 с основой имени среднего рода **d̑k̑m̑t-* > **k̑m̑t-*, образованного от **dek̑m̑* и означавшего "десяток". Регулярным фонетическим отражением *k̑m̑t-* в латинском языке было бы **cent-*, но в действительности мы имеем *gint-* с озвончением глухого заднеязычного и с заменой *-ĕ-* на *-ī-*, возникшей, может быть, в форме **vīgēntī* под влиянием соседних *ī*. Закреплению этих деформаций способствовала, вероятно, и потребность дифференциации с формами, содержащими элемент *cent-* в значении "сто".

В числительном *vī-gintī* второй член сращения восходит к *(*d*)*k̑m̑tī* в форме двойственного числа среднего рода. Первый член *vī-*, ср. греч. дор. *ἑῖ-κατὶ* "двадцать", возник, вероятно, из **duī-* (индоевропейская форма среднего рода от **duō*) с диссимилятивным выпадением *d-* в **duī-* *d̑k̑m̑tī*.

Начиная с "тридцати" наименования десятков оканчиваются на *-ā* и имеют, таким образом, застывшее окончание им.-вин. падежа среднего рода множественного числа (§ 342). Древняя форма среднего рода сохранилась в первых членах сложения *trī-* и *quadrā-*. Из *quadrāgintā* срединное *-ā* распространилось и на прочие наименования десятков. Форма *septuāgintā* возникла, может быть, по образ-

цу *octuāgintā от основы *oktō(u)- (§ 837), которое заменилось на octōgintā под влиянием octō.

В поздней латыни встречается octāgintā (З. р. 810. Эдикт Диоклетиана), вновь возникает octuāgintā (Григорий Турский). pōnāgintā — регулярное стяжение из * pōvēnāgintā (§ 211).

Числительные от 100 до 900

§ 842. centum < *kmtom (§ 236) восходит, вероятно, к *dkm-to-m и представляет собой именное образование от *dekm со значением "десять десятков"; в латинском языке — неизменяемое числительное, ср. греч. ἑκκατοῦ. В словосложении centu- или centi- по образцу quadru-, quadri (§ 833): centu-plex; centi-manus.

Числительные, означающие сотни (200 - 900), образуются как составные слова. В древней латыни они иногда имеют при обозначении веса и цены характер неизменяемых существительных среднего рода: quīn-centum (Фест, 304. 21); centum ac ducentum ... mīlia; argentī sescentum ac mīlle (Луцилий, fr. 1051, 1052, 1053) с именным управлением.

Однако гораздо более обычным является, уже начиная с Плавта, оформление этих числительных как прилагательных II склонения во множественном числе: du-centī, -ae, -a (ср. § 404,1), trē-centī, -ae, -a (< trī- с уподоблением гласного гласному следующего слога); ses-centī, -ae, -a (< * sex-c-, § 268 a). Между сонантом и гласным -с- озвончается: quīngentī (< *quīnque-centī с синкопой -e- и регулярной редукцией согласной группы); septin-gentī (-ing- < -emc-), pōngentī (< *poven-c-). Элемент -ing- распространился из quīngentī и septingentī на соседние в ряду сотен числительные quadringentī и octingentī.

Под влиянием числительных, содержащих группы -ing- (с кратким -ī-), quīngentī утратило долготу -ī- (> quīngentī; замена -ī- на -ī- засвидетельствована словарем Веррия Флакка, Фест, 304. 21).

Тысячи

§ 843. mīlle по происхождению представляет собой счетное существительное среднего рода, которое имеет множественное число (mīlia, § 367), склоняется (Abl. Sing. mīllī, Луцилий, 506) и в древней латыни обычно сохраняет именное управление (mīlle annōrum. Mīl. 1079). Это управление является нормой ещё для Цицерона. Однако уже в древней латыни единственное число mīlle начинает входить в систему числительных, теряет склонение, а затем и способность к именному управлению; множественное число mīlia сохраняет именной характер.

Этимология *mille* не установлена. Есть мнение, что *mille* восходит к сращению **smī ġhslī* "одна тысяча", где **smī* — форма женского рода от корня **sem-* (§ 829) с окончанием *-ī < *iə*, ср. греч.: *μία < *sm-ia*, а *ġhslī* — существительное женского рода сходного образования от и.-е. **ġhesl-* "тысяча", ср. д.-и. *sa-hásgram* (ср. р.) *< *smġheslom*, греч. лесб. (из Геродиана) *χέλλιοι < *ġhesl-*.

Если это так, то *mille* перешло из женского рода в средний (под влиянием, например, *centum*) и получило форму, свойственную основам с реднего рода на *-i-* (§ 362).

Порядковые числительные

§ 84.4. Порядковые числительные представляют собой склоняемые прилагательные, образованные от соответствующих количественных числительных. Только 1 и 2 имеют формы, образованные от супплетивных основ (§§ 829, 831). Средствами образования порядковых числительных служат:

I. Для чисел 7 - 10 свойствен суффикс *-o-*, оформляющий несклоняемые числительные в основу прилагательных: *septimus < *septem-o-s*, ср. греч. *ἑβδομος*; *octāvus < *octō-o-s* (§§ 837, 841), ср. греч. *ὄδο(ς)ος*; *nonus < *nōvēn-o-s* (§ 211); *decimus < *decem-o-s*; ср. также *quotus* "который по числу" от *quot*.

II. Индоевропейские суффиксы, служащие также для образования сравнительной и превосходной степени и указывающие на особое место числа в ряду.

1) Суффиксы, служащие также для образования сравнительной степени: **-ios-*: *prīor < *prī-iōs* (§ 407) "первый из двух"; *-tero-* (§§ 406, 751): *alter* "один (другой) из двух".

2) Суффиксы, служащие также для образования превосходной степени:

а) суффикс **-to-* (ср. греч. *ἔσχατος*) в числительных 4 - 6: *quārtus*, *quīntus* (§ 266), *sextus*.

quārtus, пренест. **quōrtus*, **QVORTA** (1². 328) неясно по своему образованию. Можно исходить из **quatvor-tos > *quōrtos* (§ 283) с заменой *-ō-* на *-ā-* под воздействием *quattuor*. Однако возможны и различные другие предположения.

*tertius < *tri-tios* (§§) имеет и.-е. суффикс **-tio-*, ср. д.-и. *trītiyah*.

б) Суффикс **-mo-* (§ 754) в сложениях:

α) **-is-mo-* (ср. § 408): *prīmus < *prī-is-mos* "первый из многих";

β) **-ta-mo-* (ср. § 754) у числительных, начиная с 20: *vīcē(n)si/u-mus < *uī-kmt-tamos* (§§ 230, 63; **VICENSVMAM**, 1². 584, 117 г. до н. э.), позднее *vīgēsīmus* по образцу *vīgīntī*.

Сходным образом *trīcēsīmus*, *trīgēsīmus*, затем *quadrāgēsīmus* и т. д., где количественным на *-gīntā* соответствуют порядковые на *-gē(n)si/umus*. Выделившийся при этом элемент *-ē(n)si/umus* распространяется дальше: *centēsīmus* и т. д., *mīllēsīmus*.

Множительные слова

§ 845. I. Множительные прилагательные образуются как сложные слова, составленные из числительных и основ *-plo-* или *-plex-*: *sim-plu-s* "одиночный, простой", *du-plu-s* "двойной", *tri-plu-s* "тройной", *quadru-plu-s*, по образцу *quadruplus* — *quincupus*, вместо древнего *quīnquīplus*; *sescuplus*, ср. греч. образования на *-πλοῦς* (< *-πλοος*), например, *δι-πλοῦς*; *sim-plex*, *du-plex*, *triplex*, *quadruplex*, *quīnquīplex* или *quincuplex* и т. д., ср. греч. *πλέκω*, *δίπλαξ*, умбр. ср. р. *tuplac* "duplex", лат. *plīcō* "свертывать".

Множительные прилагательные, однако, не составляют сплошного числового ряда.

II. Множительные наречия образуются с помощью суффиксов :

1) *-s*: *duis* (P. F. 66) > *bis* (§ 260), ср. греч. *δῖς* < **δφῖς*, д.-и. *dvīh*; **tris* > **terr* (§ 261) > *ter* (§ 225 в), ср. греч. *τρίς*, д.-и. *trīh*; *quater*, вероятно, < *q^atru-s*; *semel*, вероятно, < **semli-s*.

2) Начиная с "пятижды" — употребителен суффикс *iē(n)s*, присоединявшийся к тому корневому согласному, который ощущался как конечный согласный основы числительного (не к *-m*), *quīnquīiēs*, *sex-iēs*, *sept-iēs*, *oct-iēs*, *nov-iēs*, *dec-iēs*, *cent-iēs*, *mīll-iēs*.

В именах десятков это был тот согласный, к которому в порядковых присоединялся элемент *-ēsīmus* (§ 844): *vīc-iēs*, *trīc-iēs*, *quadrāg-iēs*.

С суффиксом *-iēs* мы встречаемся также в наречиях *quotī-ē(n)s*, *totī-ē(n)s*, производных от *quot* < **quotī* (§ 215), ср. д.-и. *kāti*, *tot* < **totī*, ср. д.-и. *tāti*. Суффикс *-iē(n)s* восходит к **-iēnt-* < и.-е. **-iŋt-*, ср. д.-и. *kīyat* "сколько".

Распределительные (собираательные) числительные

§ 846. Распределительные числительные оформлены как прилагательные 2 склонения во множественном числе: *bīnī*, *-ae*, *-a*, но в собирательном значении (редко — в распределительном) они встречаются и в единственном числе: *sogore bīnō* (Лукреций, 5. 876). При *plūrālia tantum* они заменяют собой количественные: *bīna castra* "два лагеря"; *bīnī* < **duisnoi*, *trīnī* < **trisnoi* образованы от соответствующих множительных наречий с помощью суффикса *-no-*, который мы находим в числительном *ūnus* < *oīnos*; *ternī* — новообразование по образцу *ter* — дифференцируется с *trīnī* в классиче-

ском языке таким образом, что *trīnī* обычно имеет собирательное значение, а *ternī* — распределительное. *Quaternī* по образцу *ternī*, но рядом с ним *quadtrīnī* по образцу *trīnī*.

Для образования дальнейших разделительных числительных продолжает служить суффикс *-no-*: *quīnī* < **quīnsoī* (§ 266), *sēnī* < **sexnoī*, *octōnī* < **octōnoī*. Однако не всегда ясно, к какой основе суффикс *-no-* присоединяется. Основа эта всегда оканчивается на долгий гласный, долгота которого могла возникнуть в порядке заместительного удлинения, если предположить, что суффикс имел форму **-sno-*, извлеченную из **duisnoī*, **trīsnoī*: *dēnī* < **dec-snoī*; возможно, однако, что эта долгота имела аналогическое происхождение: *dēnī* по образцу *sēnī* (§ 268). Сходным образом допускают различные объяснения формы *septēnī*, *novēnī* (вместо древнего *pōnī*, сохранившегося в календарном термине *pōnae*).

Извлеченный из форм *septēnī*, *novēnī* суффикс *-ēnī* прибавляется далее к основе числительного в той форме, какую она имеет во множительных наречиях перед *-iēs*: *vīcēnī*, *quadragēnī*, *centēnī*, позднее *mīllēnī*.

В именах сотен — гаплогония; *ducēnī* вместо *ducentēnī*, *quadrīngēnī* и т. д. или, может быть, влияние количественных *vīgintī*: *vīcēnī* = *ducentī*: *ducēnī*.

В позднем языке появляются более регулярные формы: *decēnī*, *quadrīngentēnī* и т. п.

Неясно *singulī* < **sem-glo-i*, ср. готск. *ainakls* "одинок стоящий". Есть предположение, что *-glo-* диссимилировано из **-gno-* от корня **genə-* (§ 16); **sem-gnos* означало бы "рожденный в единственном числе", ср. P. F. 30. 22 *bignae* 'gemmae, quia bis unō diē nātae sunt'.

В родительном падеже распределительное числительное сохраняет окончание *-um*, не изменяя его на *-ōrum*.

Дроби

§ 847. *sēmi-* (в сложении) ср. греч. ἡμι- "пол-": *sēmi-vir*, *sēmodius* < **sēmi-modius*, *sēlibra* (с распространением редуцированной формы *sē-*), *sēstertius* (*nummus*) "2,5 асса" < *sēmis-tertius*, дословно "пол-третий", т. е. 2½.

Sēsqui- "полтора-", < **sēm(i)s-que* "один и пол": *sēsquipedālia verba* 'полторафутовые слова'.

§ 848. Дробь с числительным "1" выражается при помощи *pars* и порядкового числительного, образованного от знаменателя: 1/6 — *sexta pars*. Когда знаменатель на единицу больше числителя, например, 5/6, и разность между единицей и дробью составляет дробь с числителем "один" (в этом примере 1/6), дробь выражается указанием числителя в сочетании с *partēs*: *quīque partēs*. Впоследствии дроби выражаются, с опущением слова *pars*, постановкой количе-

ственного числительного в числителе и порядкового — в знаменателе: *duae quīntae, quīnque septimae*, но в памятниках классического времени это употребление не засвидетельствовано.

§ 849. Денежно-весовая система была основана на двенадцатичисленном счислении, заимствованном, может быть, у этрусков. Двенадцать унций (*uncia*, ср. *ūnus*) составляли более высокую единицу *ās(s)* (род. п. *āssis*). Число унций, являющееся делителем двенадцати, выражалось как делитель *асса*: 'две унции (1/6)' *sextāns*, 'три унции (1/4)' *quadrāns*, 'четыре унции (1/3)' *triēns*, 'шесть унций (1/2)' *sēmis* < * *sēmi-ās*, род. п. *sēmīssis* (часто в значении простого счетного слова 'половина'). 'Пять унций' *quīncūp̄x*, 'семь унций' *septūp̄x*, 'полторы унции' *seščūp̄x*, 'восемь унций (2/3)' *bēs*, род. п. *bēssis* < **duoassis*, т. е. *duo partēs assis* (ср. § 848). По принципу вычитания образованы наименования для 'одиннадцать унций (1- 1/12)' *deūp̄x*, 'десять унций (1- 1/6)' *dēxtāns* < * *dēsēxtāns*, 'девять унций (1- 1/4)' *dōdrāns* < **dēquadrāns*. Образования эти, как мы видим, часто бывают нерегулярны и могут заключать в себе диалектные элементы.

Так, *dōdrāns* восходит, быть может, к диалектному **dēquodrāns* (ср. пренест. **quīrtos*, § 194) > **dēquodrāns* (с озвончением *q*) > **dēvodrāns* > **dēodrāns* > *dōdrāns*.

Нерегулярный характер имеют также множительные имена, образованные от *ās(s)*: *dussis* 'два асса', *tressis* 'три асса', *quattus* 'четыре асса', *octussis* 'восемь ассов' и т. д.

И. М. ТРОНСКИЙ

ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОСТОЯНИЕ

(ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ)

ВВЕДЕНИЕ

Задача настоящей книги — проверка основных линий реконструкции общеиндоевропейского языкового состояния в свете новых материалов лингвистического исследования.

Проблема реконструкции индоевропейского праязыка была выдвинута впервые А. Шлейхером как центральная задача сравнительно-исторического исследования в области индоевропейских языков; обоснованное научное решение ей дали только младограмматики. Действительно, до провозглашения принципа неизблемости звуковых законов всякая праязыковая реконструкция неизбежно оставалась субъективной. Младограмматики реконструировали общеиндоевропейский звуковой состав, исходя из того принципа, что каждая независимая формула соответствий между отдельными ветвями индоевропейских языков отражает некую звуковую единицу праязыка. На базе фонетической реконструкции воздвигалась реконструкция более высокого уровня — морфологическая.

Реконструкция всегда принимает — так или иначе — форму некоего «родословного древа». От общеиндоевропейского языкового состояния переходят к общему прошлому отдельных ветвей — общегреческому, общеславянскому, общегерманскому состоянию и т. д., а затем к отдельным языкам или диалектам.

Созданная Шлейхером теория «родословного древа» индоевропейских языков уже давно подверглась сокрушительной критике. Распространяется ли эта критика на «родословное древо» как форму реконструкции?

История науки показывает, что те гипотезы, которые выдвигались взамен теории Шлейхера, не «работают». В первую очередь это относится к теории «волн», предложенной И. Шмидтом¹. Автор

¹ J. Schmidt. D. Verwandtschaftsverhältnisse d. indogermanischen Sprachen. Weimar. 1872. — Критику этой теории см. в кн.: А. В. Десницкая. Вопросы изучения род-

теории не использовал ее даже в своей собственной исследовательской практике.

Из современных языковедов чаще всего высказывается о порочности теории «родословного древа» итальянский ученый В. Пизани². Однако, если мы обратимся к книгам Пизани по сравнительной грамматике индоевропейских языков, например к его «Glottologia indeuropea» (Torino 1949), мы найдем реконструкцию, мало чем отличающуюся от обычной, лишь со спорадическими указаниями на возможность диалектного разнообразия внутри индоевропейского состояния. Пизани исходит из предположения о большом разнообразии диалектов, находившихся между собой в контакте в общеиндоевропейский период, но факты, отраженные в позднейших ветвях, не дают этой картины разнообразия, которую исследователь теоретически постулирует. Пизани вынужден предположить, что наряду с многообразными диалектами обыденной жизни существовал еще некий сакральный язык, поддерживавшийся на всем ареале индоевропейской речи особой кастой жрецов. Сакральный язык, близкий к ведическому санскриту, и явился будто бы источником того языкового единства, которое мы находим отраженным в дальнейшей истории индоевропейских языков. Это предположение еще более антиисторично, чем представление о «родословном древе».

Так, единство фонетического и грамматического строя индоевропейских языков обнаруживает себя даже через ряд тысячелетий после утраты непосредственного контакта между предками носителей отдельных ветвей. Предки же говорили на столь близких между собой диалектах, что их различия часто неуловимы для нас и уже не попадают в поле зрения исследователя, занимающегося реконструкцией общеиндоевропейского языкового состояния.

Конечно, реконструкция обедняет реальное многообразие явлений в жестких формулах, не дает возможности уловить ареальные и хронологические различия, подчас объединяет, вероятно, явления несинхронного порядка, но она представляет в обобщенном виде то единство, в котором обнаруживается причастность диалектов к одной доминирующей языковой системе. Связующие моменты этой системы сохранялись и при дроблении языков, и при их интеграции, и при параллельном развитии, законы которого обычно бывают сходны в генетически родственных системах.

Если бы этого единства не было, реконструкция была бы невозможной, сравнение не указывало бы на столь немногие точки расхождения, которые обнаруживаются при компаративном анали-

ства индоевропейских языков. М.—Л., 1955, стр. 155—164.

² Статьи Пизани по этому вопросу удобно собраны в сборнике его работ «Saggi di linguistica storica» (Torino, 1959); ср. в настоящее время его статью «К индоевропейской проблеме» (Вопр. языкозн., 1966, № 4, стр. 3—21).

зе. История науки показывает, что реконструкция общиндоевропейского состояния возможна, хотя и допускает в отдельных случаях многозначные решения, свидетельствующие о диалектном разнообразии, и что эта реконструкция бросает яркий свет на дальнейшую историю индоевропейских языков.

Таким образом, критику, направленную на форму «родословного древа», нельзя признать продуктивной. Значение ее только предостерегающее, напоминающее об условном и обобщенном характере реконструкции, не позволяющем делать непосредственных выводов об историческом соотношении языков, а еще менее — об исторических судьбах их носителей.

Более серьезным недостатком младограмматической реконструкции был ее плоскостный характер.

История (или доистория) индоевропейских языков начиналась с условного, никогда не существовавшего в действительности момента «распадения» праязыкового единства. Все предшествовавшее объявлялось недоступным исследованию средствами сравнительно-исторического метода, выходящим за пределы серьезного изучения. Действительно, сравнительно-исторический метод сам по себе доводил только до «архетипа», до того пункта, с которого начинались расхождения по отдельным ветвям. Для того чтобы пойти дальше, надо было оперировать другими методами — методом пережитков, методом системной реконструкции, образцы для которых были выработаны на неязыковом материале, например в области доисторической этнографии. Эти методы надлежало применять к материалам уже не исторических языков, а к данным, доставленным той реконструкцией, которая была произведена путем сравнения. Младограмматики этого не делали, или если делали, то в порядке субъективных и недостаточно обоснованных предположений (Г. Гирт).

Работа в этом направлении предпринималась с разных точек зрения. Некоторые ученые высказывали мысль о том, что позади родства индоевропейских языков лежит еще более древнее родство индоевропейской семьи с другими — семито-хамитической или урало-алтайской. Сторонники этих гипотез выходили, разумеется, за пределы праиндоевропейского языка эпохи «распадения», но их предположения до сих пор еще не привели к сколько-нибудь бесспорным результатам.

Другие попытки, во многом продуктивные, исходили от французской школы, А. Мейе и его учеников, главным образом Э. Бенвениста и Ю. Куриловича. Исследования двух последних авторов опирались при этом на материалы новооткрытых языков — тохарского и главным образом хеттского.

Новые факты, открывшиеся языковедам при освоении материалов хеттского языка, производили большое впечатление, так как это древнейшие тексты на индоевропейском языке, древнее и Го-

мера, и Вед. С другой стороны, хеттский язык оказался необычным на фоне других индоевропейских языков, в значительной мере креолизованным, сохранившим несомненные архаизмы, но вместе с тем и носителем столь же несомненных новообразований.

Младограмматическая реконструкция исходила из предположения, что древний индоевропейский тип лучше всего сохранен в древнеиндийском и греческом с их сложными морфологическими системами. Хеттский являет другую картину. У него гораздо менее сложная морфология и применяются аналитические способы образования форм, как в новых европейских языках.

Встал вопрос — и он является одним из самых важных на современном этапе развития сравнительного изучения индоевропейских языков, надлежит ли сохранять ориентированность реконструкции на «классические» древние языки (греческий и санскрит) или перестроить ее, исходя из хеттского и из ветвей, имеющих сравнительно несложную морфологическую структуру, например из германских. В первом случае старая реконструкция сохранится в основных линиях и будет нуждаться только в поправках, касающихся подробностей. Во втором случае она изменится радикально.

С другой стороны, современное состояние лингвистической науки требует учета новых ее достижений, которые были еще неизвестны младограмматикам. К числу их принадлежит в первую очередь фонология. Звуковой строй восстанавливаемого общиндоевропейского состояния должен контролироваться данными фонологической типологии. Морфологическая реконструкция, будучи направлена вглубь, в более отдаленное прошлое, смыкается с проблемой развития грамматических категорий и не может отрываться от истории мышления. Также и здесь встает вопрос, сохранятся ли при уходе исследования в бóльшую глубину основные линии морфологической реконструкции, проведенной младограмматиками для эпохи «распадения» праязыка. Другими словами, остается ли в силе — с поправками, конечно, — младограмматическая картина позднего индоевропейского языка, или она нуждается в коренной переработке при новых установках исследования.

І. РЕКОНСТРУКЦІЯ ЗВУКОВОГО СТРОЯ

Ларингальна теорія

Ларингальна теорія мала вельма своеобразную судьбу, і этапы яе развіцця неаднокротна излагаліся³. Гэта не вельма часты і ў гісторыі лінгвістыкі выпадак, калі гіпотэза, дэдуктыўна выведзеная на аснове паслядоўнага аналізу сістэмных суадносін мовы, мала кем прынятая і паўзабытая, атрымлівае паўвека спустя неаджданае падтвэрджэнне ў новаадкрытым мовным матэрыяле.

Ларингальна гіпотэза восходзіць ко часу каранёвага перагляду прадстаўленняў о дрэвнейшай індоеўрапейскай звуковай сістэме, які меў месца ў 70-е гады мінулага стагоддзя. Па меры таго як росло ўпэўненне ў заканамернасці звуковых змяненняў, становілася ўсе яснае, што пастаянныя звуковыя суадветствія між індоеўрапейскімі мовамі ў рэяде выпадкаў восходзяць к звуковым архетіпам, не захаваным у гістарычна вядомым мовам. У разробатке новай рэканструкцыі праіндоеўрапейскай фонетыкі прынялі ўдзел многія даследавателі, но адно из найбале вядомых месцаў ў гэтым руху прыналежыць Ф. Дэ-Сосюр (1857—1913).

Пасмертнай славай Дэ-Сосюр абязан гавным абразом свому «Курсу абащей лінгвістыкі» (1916), ў якім он выступіў як тэаретык сінхроннага лінгвістычнага, наравленнага на изученне мовных сістэм. Гэта стравленне — панаць мову як цалостную сістэму — прадходзіць праз уву наувную біаграфію даследаватэля. Самы врупны из изданных пры яго жыцці твораў, якім он выпустіў ў свет, будучы еше студэнтам, «Мемуар о перувічнай сістэме гласных в індоеўрапейскіх мовах»⁴, таже быў наравлен на изученне сістэмы, но в качестве прадмета быў выбрав індоеўрапейскі праязык. Сравнительно-історыкавы мэтад давал тольк

³ Падробнее всего в кн.: E. H. Sturtevant. *The Indo-Hittite Laryngeals*. Baltimore, 1942. — Познейшая история вопроса в статье: E. Polomé. *Zum heutigen Stand d. Laryngalthorie*. *Revue Belge de philologie et d'histoire*. t. 30, 1952, стр. 444—470. 1041—1052; Z. Zgusta. *La théorie laryngale*. *Archiv Orientalní*, v. 19, 1951, стр. 428—472; K. Ammer. *Studien zur Laryngalthorie*. *Wissenschaftliche Zeitschrift d. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Gesellschafts. -u. Sprachwiss. Reihe*, Jg. VII, 1957/58, H. 1, стр. 125—136; Б. В. Горнунг. Ларингальная гипотеза. В кн.: *Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков*. М., 1956, стр. 155—158; Э. А. Макаев. Ларингальная теория и вопросы сравнительной грамматики индоевропейских языков. *Тр. Инст. языкозн. АН ГрузССР, сер. вост. яз.*, т. 2, Тбилиси, 1957, стр. 55—71.

⁴ F. De Saussure. *Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes*. Leipzig, 1879 (вышло в 1878) = *Recueil des publications scientifiques*. Lausanne, 1921, стр. 1—268 (в дальнейшем цитируется по «Recueil...»).

материал для исследования, целью которого было познание закономерностей системного характера. Из противоречий системы делались исторические выводы.

При оценке «Мемуара» необходимо иметь в виду, что во время его написания еще господствовало, хотя и начало подвергаться критике, представление о первичности индоиранского вокализма *a*, *i*, *u* и *o* «расщеплении» *a* в северно-европейских языках (кельтском, германском и балто-славянском) на *e* и *a* (или *o*), равно как и дальнейшем «расщеплении» этого последнего *a* (или *o*) на *a* и *o*. Условия этих «расщеплений», причины, по которым в одних случаях возникает *e*, а в других сохраняется *a* и т. д., оставались загадкой. Для того чтобы найти в этих соотношениях момент закономерности, необходимо было брать южноевропейское состояние максимального многообразия за исходное и рассматривать северноевропейскую и индоиранскую системы как редукции. На эту точку зрения и становится автор «Мемуара» (стр. 115), и притом более решительно и последовательно, чем те его предшественники (А. Амелунг, К. Бругман), мысль которых работала в том же направлении. Но основная заслуга «Мемуара» Де-Соссюра — в разработке теории индоевропейских сонантов, способных в зависимости от позиционных условий выступать в слогаобразующей и неслогаобразующей функции. Вокализм индоевропейского корня может быть образован одним гласным, но очень часто состоит из гласного, сопровождающегося сонантом *j*, *z*, *r*, *l*, *m*, *n*, сонантическим коэффициентом, по терминологии Де-Соссюра. Как известно, индоевропейский корень способен выступать в полном виде (полная ступень) и сокращенно, с выпадением корневого гласного (слабая ступень): греч. πέτ-ο-μαί — έ-πτ-ό-μην. Если корневой гласный имеет при себе сонантический коэффициент, образующий вместе с ним дифтонг, то выпадение гласного сопровождается вокализацией сонанта: греч. τείθω — έ-πιθ-ό-μην, лат. *deic-ō* (> *dīc-ō*) — *dīc-tus* и т. д. Соотношение группы «гласный + сонантический коэффициент» на полной ступени корня с вокализованным сонантом на слабой ступени становится моделью для новой остроумной гипотезы. Известно было, что в условиях, когда краткий корневой гласный исчезает, а дифтонг заменяется слоговым сонантом, корни, содержащие долгий гласный, являют некий краткий гласный, неодинаковый в разных языках: в индоиранских языках *i*, в латинском *a*, в греческом чаще всего *α*, но возможны *ε* и *ο* и т. д.: лат. *fē-c-ī* — *fā-c-tus*; д.-и. *dā-dhā-mi* — *dhi-táh*, греч. τί-θη-μι — θε-τός, τρώ-ω — έ-τρώ-ον. Это соответствие гласных на слабой ступени впоследствии определялось как отражение особого гласного неопределенного тембра, названного «индоевропейским шва» (термин принадлежит А. Фику). Де-Соссюр, однако, усматривал здесь не

гласный, а, наподобие слабой ступени дифтонгов, опять-таки вокализацию сонантических коэффициентов. Он находил возможным приписать индоевропейскому праязыку лишь два гласных звука: a_1 (в современной нотации * e), основной гласный звук всех корней, с которым иногда чередуется в неизвестных условиях a_2 (посовременному * o). В тех же случаях, когда южноевропейские языки обнаруживают гласный a или гласный o , не чередующийся с e , и гласные эти не восходят к носовому или плавному сонанту, он видел отражение особых вокализованных сонантов. Соответственно устанавливаются, помимо перечисленных выше сонантов, еще два коэффициента, один из которых при вокализации дает тембр a , а другой o ; соответственно они получают знаки A и o . Никаких предположений по поводу фонетической природы этих звуков автор не высказывает.

Таким образом, долгие гласные индоевропейских корней восходят к сочетанию краткого корневого гласного главным образом с сонантическими коэффициентами. Они сходны с дифтонгами, и этим объясняется, что на сокращенной ступени корня, когда корневой гласный исчезает, их место заступает вокализованный сонант. Характером сонанта обусловлена тембровая характеристика долгого гласного.

Особый интерес представляет группа «сонант + A ». Если сонанту предшествует гласный и сонант, таким образом, является неслоговым, например * $genA$ -, A выпадает перед гласным и вокализуется перед согласным; когда же сонант следует за согласным и в положении между согласным и A становится слоговым, например * gnA -, возникает долгий слоговой сонант (в нашем примере * $gn̄$ -). Таким путем создаются \bar{i} , \bar{u} , \bar{m} , \bar{n} , \bar{r} , \bar{l} . Индоевропейские долгие плавные и носовые сонанты были впервые открыты Де-Соссюром в «Мемуаре». Он установил условия их возникновения и отражения в отдельных языках.

Действительно, долгие слоговые сонанты с их отражениями показывают, что элемент, названный Де-Соссюром A , должен рассматриваться как согласный. Если бы речь шла о гласном, впоследствии получившем обозначение \bar{a} , слабой ступенью корня типа * $pe\bar{a}$, * $ple\bar{a}$ > $pl\bar{e}$ было бы * $pl\bar{a}$, так что сочетание с суффиксом -но- создавало бы формы д.-и. * $prin\bar{a}$, гот. * $flans$ и т. п.; в действительности мы имеем д.-и. $p\bar{u}rn\bar{a}$, гот. $fulls$ и т. д., восходящее к * $p\bar{f}n\bar{o}s$, которое предполагает сочетание сонанта l не с гласным, а с согласным.

В своей дальнейшей научной деятельности Де-Соссюр только один раз вернулся к вопросу о сонантических коэффициентах — в докладе о древнеиндийских глухих придыхательных, прочитанном

в 1891 г. в Парижском лингвистическом обществе и известном лишь по краткому протоколу, напечатанному в «Бюллетене» общества⁵. Исследователь объяснял возникновение некоторых *ih* в санскрите сочетанием и.-е. **t* со шва, элидирующимся перед гласным: д.-и. *prthūh* < **prt'ús*, где **prt'* < **pretə* после выпадения корневого -e-. Термина «сонантический коэффициент» в протоколе нет, и автор пользуется обозначением *ə*, которое стало уже общепринятым. Однако речь идет не о гласном шва, а о сонанте (прежнем *A*), элидирующемся перед гласным, но придающем предшествующему *t* характер глухой аспираты.

Начинавшее в 80-е гг. господствовать младограмматическое направление приняло далеко не все положения Де-Соссюра. Младограмматикам, с их тенденцией к изолированному рассмотрению единичных процессов языкового развития, изложение «Мемуара» показалось слишком «системным» и искусственным. Ведущие деятели новой школы — Г. Остгоф и К. Бругман — приняли, правда, установленные Де-Соссюром долгие слоговые сонанты, но отвергли его сонантические коэффициенты⁶. В системе К. Бругмана остался только тот определяемый соответствием греко-италийского *a* и индоиранского *i* звук, который Де-Соссюр считал слоговым вариантом *A*, но вошел не как сонант, а как краткий гласный неопределенного тембра, «шва». Вопросы о происхождении долгих гласных младограмматики не ставили. Они не шли дальше сравнительно-исторической реконструкции общеиндоевропейского языкового состояния в эпоху «распадения» праязыка и не считали возможным даже высказывать предположения о процессах, которые к этому состоянию привели.

Отвергнутая преобладающим большинством языковедов гипотеза Де-Соссюра о сонантических коэффициентах получила дальнейшее развитие у тех немногих исследователей, которые считали индоевропейскую языковую семью генетически родственной другим семьям — семито-хамитической или урало-алтайской — и стремились реконструировать гораздо более отдаленные праязыки, чем индоевропейский, например праиндоевропейскосемитохамитический. Датский германист Г. Меллер, разработывавший в тече-

⁵ F. De Saussure. Recueil... стр. 603. — В более поздней статье Sur les composés latins du type agricola (Melanges Havet, 1909) = Recueil... стр. 585—594 Де-Соссюр рассматривает корни на шва как двусложные, считая шва гласным (он предлагает для него вместо *ə* знак *ø*).

⁶ Правда, и концепции сонантических коэффициентов были неясности. Де-Соссюр не мог объяснить (стр. 135—136), в каких условиях из сочетания *a*₁ + *A* получаются два разных результата — *ē* и *ā*. Неблагополучно было и с рефлексами *A*: рядом с соответствием греч. *a*, лат. *a*, д.-и. *i* (πατήρ, pater, pitā) имелось другое — греч. *a*, лат. *a*, д.-и. *a* (ἀγῶ, ago, ātati).

ние ряда десятилетий вопросы родства индоевропейских языков с семитическими, немедленно по выходе в свет «Мемуара» высказался положительно об идее сонантических коэффициентов, но указал, что последовательнее было бы принять три таких элемента вместо двух⁷. В дальнейших работах⁸ Меллер выдвинул предположение о родстве сонантических коэффициентов, относительно фонетической природы которых Де-Соссюр не высказывался, с семитическими ларингалами. Исходя из господствовавших в то время представлений о моновокаличности протосемитической звуковой системы, он приписал моновокалический строй также и общему предку семитических и индоевропейских языков: единственный гласный приближался по фонетическому типу к *e*. В языке этом, как и семитических языках исторического времени, корень был чисто консонантным и слово начиналось всегда с согласного звука. Между тем для общиндоевропейского Меллер принимал уже три гласные **e*, **a*, **o* — краткие и долгие; **a* и **o* (не чередующееся с **e*) имелись на полной ступени корня, а не только на редуцированной, и корень мог начинаться на полной ступени с гласного: **es-*, **ag-*, **od-* и т. п. При моновокалическом истоке это многообразие обязано своим возникновением действию ларингальных, которые уже не только удлиняют предшествующий гласный, но и могут находиться перед гласным, особенно в начале слова, и придавать последующему гласному тембр *a* или *o*. Гласное начало слова связано с потерей ларингалов. Все эти процессы происходили, по мнению Меллера, на путях развития от праиндоевропейскосемитического к праиндоевропейскому.

Для праиндоевропейскосемитохамитического Меллер устанавливал по крайней мере пять ларингальных звуков.

В теории Меллера концепция сонантических коэффициентов, созданная Де-Соссюром, выступает в радикально преобразованном виде. Коэффициенты обрели фонетическую природу и стали ларингалами; отныне может уже идти речь о ларингальной теории. К воздействию ларингала на предшествующий гласный, количественному и качественному, и вокализации на слабой ступени корня присоединилось качественное воздействие на последующий единственный гласный. Однако моновокалическая гипотеза или предположение об обязательности согласного начала слова не вытекали из данных сравнительной индоевропейской морфологии. Она держалась на представлении об общем праязыке для индоевропейско-

⁷ Englische Studien, Bd. III. 1878, стр. 150, прим. 1 (в печ. на: F. Kluge. Beiträge zur Geschichte der Germanischen Conjugation. Strassburg, 1878).

⁸ Полнее всего в кн.: H. Möller. D. semitischindogermanischen laryngalen Konsonanten. Mémoire de l'Académie Royale des Sciences et des Lettres de Danemark, 7 ser., t. IV, № 1, København, 1917.

го и семитического и вместе с ним падала.

За Меллером почти никто не последовал. В пользу того или иного варианта ларингальной теории раздавались лишь единичные голоса⁹.

Новый этап ее развития наступил в 1927 г., когда Ю. Курилович выступил с утверждением, что хеттское *ḫ* является отражением постулированного Де-Соссюром согласного шва¹⁰. Концепция, основанная у своего первого автора на дедуктивных соображениях системного характера, а у Меллера покоившаяся на весьма спорной теории родства семитических языков с индоевропейскими, вдруг оказалась в соответствии с реальными фактами новооткрытого индоевропейского языка. При этом подтвердились (хотя бы частично) предположения обоих основоположников ларингальной теории. Если хет. *paḫš-* 'хранить' связывалось с и.-е. корнем **pā-*, **pō-* 'хранить', 'питать' (лат. *pāscō*, *pābulum*, греч. πῶν, д.-и. *pāti*) и оправдывало предположенное Де-Соссюром возведение долгих гласных к сочетанию кратких с сонантическим коэффициентом, то корневое соответствие хет. *ḫarkiš* 'белый', д.-и. *árjuna-*, греч. ἀργός, ἀργής, лат. *argentum* подтверждало положение Меллера о начальном ларингале там, где в прежде известных индоевропейских языках корень начинался с гласного. Курилович посвятил этому ряд статей, вызвавших оживленные отклики, а затем подробно изложил свои взгляды в книге «*Études indoeuropéennes*», которая и дает наилучшее представление о форме, приданной им ларингальной теории в начале 30-х годов¹¹.

Согласно Куриловичу, каждый исконный долгий гласный, т. е. не происходящий от удлинения или из слияния двух гласных, есть результат слияния краткого гласного с одним из трех элементов \mathfrak{z}_1 , \mathfrak{z}_2 , \mathfrak{z}_3 : $e + \mathfrak{z}_1 > \bar{e}$; $e + \mathfrak{z}_2 > \bar{a}$; $e + \mathfrak{z}_3 > \bar{o}$; o (чередующееся с e) + $\mathfrak{z}_1 > \bar{o}$. Это слияние (точнее — компенсаторный процесс при выпадении \mathfrak{z}) имеет место в положении элемента \mathfrak{z} между гласным и согласным. Так называемый гласный \mathfrak{z} (европ. $a =$ и.-и. i) есть редуцированный краткий гласный \mathfrak{e} , сохранившийся после исчезновения со-

⁹ Например: A. Cuny. Notes de phonétique historique, indoeuropéenne et sémitique. Revue de phonétique, t. 2, 1912, стр. 101—132; H. Pedersen. Vergleichende Grammatik d. keltischen Sprachen, Bd. I. Göttingen, 1909, стр. 177—181 (и в других работах); K. Oštir. Zum Verhältnis d. indogermanischen x-Lautes zu d. semitischen Kehlkopf-Lauten. Anthropos. Bd. 8, 1913, стр. 165—180.

¹⁰ J. Kuryłowicz. \mathfrak{z} indoeuropéen et \mathfrak{h} hittite. Symbolae Grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski, I. Kraków, 1927, стр. 95—104. — Любопытно, что одновременно с Ю. Куриловичем, в том же сборнике, А. Кюни мимоходом обронил замечание (стр. 94), содержащее то же открытие.

¹¹ J. Kuryłowicz. *Études indoeuropéennes*, I. Kraków, 1935.

гласного ϱ в группе ϱ_1 , как редукция ϱ (а не $e\varrho$, как думал Де-Соссюр). Далее всякое индоевропейское слово, начинающееся с гласного, утратило начальный элемент ϱ , характер которого уточняется на основании тембра сохранившегося гласного: $e < \varrho_1 e$, $a < \varrho_2 e$; исконное (а не чередующееся с e) $o < \varrho_3 e$. Возможны и корни с начальными согласными, восходящие к группе $\varrho +$ согласный. Такие группы упростились в результате исчезновения ϱ во всех языках, кроме греческого и армянского, где отражением начального ларингала перед согласным являются так называемые протетические гласные перед сонантами. В хеттских словах индоевропейского происхождения h продолжает ϱ_1 . Имеются, однако, индоевропейские слова с вокализмом \check{a} , хеттские соответствия которым лишены h . Это заставляет предположить еще один элемент ϱ , придающий гласному тембр a , наравне с ϱ_2 , но утраченный во всех исторических языках, включая хеттский.

О фонетической природе предполагаемых согласных элементов Курилович не высказывается, приписывая своим выводам только фонологическое значение.

В этой подробно разработанной концепции недостаточно обоснована гипотеза о четырех ларингалах. На вопрос Э. Стёртеванта, нет ли здесь стремления не признавать в праязыке никаких гласных, кроме e , Курилович в цитируемой выше работе (стр. 72) ответил, что «сравнительной грамматике, несмотря на постоянные попытки, никогда не удастся устранить из праязыка все гласные, отличные от e ». Однако, признавая триаду индоевропейских кратких гласных, можно легко обойтись одним ларингалом и заменить формулы Куриловича на $e\varrho > \bar{a}$, $a\varrho > \bar{a}$, $o\varrho > \bar{o}$. Хеттский материал также не требует множественности ларингалов, как это показали работы советских хеттологов В. В. Иванова и Т. В. Гамкрелидзе¹². Они же привели ряд серьезных доводов в пользу фонетической характеристики индоевропейского «ларингала» как фарингального спиранта; в хеттском языке индоевропейский фарингальный был заменен заднеязычным спирантом h , характерным для малоазийской языковой среды.

С точки зрения дистинктивно-семантической мощности языка безразлично, возводится ли индоевропейский вокализм к сочетанию трех ларингалов с одним гласным, или трех гласных с одним

¹² В. В. Иванов. 1) Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры. Автореф. дисс., М., 1955; 2) Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии. Вестн. МГУ. ист.-фил. сер., 1957, № 2, стр. 23—46; Т. В. Гамкрелидзе. Хеттский язык и ларингальная теория. Тр. Инст. языкозн. АН ГрузССР, сер. вост. яз., т. 3, 1960, стр. 17—91.

ларингалом. Однако нельзя не признать, что при гипотезе трех гласных их дистрибуция и роль в морфологической системе оказывается весьма неравномерной и прихотливо дифференцированной, в то время как три ларингала гораздо легче укладываются в систему согласных и на равных правах с ними образуют сочетания с единственным гласным. Реконструкция состояния с тремя ларингальными несравненно монолитнее и гармоничнее, чем картина, которая получилась бы при одном ларингальном. Это показала теория индоевропейского корня, предложенная Э. Бенвенистом¹³.

По вопросу о количестве ларингалов высказывались разные мнения. Г. Педерсен¹⁴ и его ученик Г. Гендриксен¹⁵ оперировали двумя ларингалами Н₁ и Н₂. Другой представитель той же датской школы Л. Гаммерих¹⁶ признавал только один индоевропейский ларингал. На иную точку зрения стала довольно многочисленная группа американских авторов. Э. Сепир¹⁷, Э. Стёртевант¹⁸, В. Леман¹⁹ и ряд других языковедов исходили из системы четырех ларингалов, совпадающих в основном с ларингалами Ю. Куриловича.

В 50—60-х годах обнаружилось три основные тенденции дальнейшего развития ларингальной теории. Во-первых, учение о ларингалах все глубже внедрялось в понимание праязыковой системы также и с морфонологической точки зрения. Ряд исследований был посвящен функции ларингала на отдельных участках морфонологической системы²⁰.

Второе направление связано было со все крепнущим убеждением ряда исследователей в том, что падение ларингалов относится к

¹³ E. Benveniste. *Origines de la formation des noms en Indoeuropéen*. Paris, 1935 (русск. перевод: *Индоевропейское именное словообразование*. М., 1955).

¹⁴ H. Pedersen. *Hittitisch u. d. anderen indoeuropäischen Sprachen*. København, 1938 (Det k. Danske Videnskabernes Selskab, Hist.-fil. Medd., XXV, 2). стр. 179—190.

¹⁵ H. Hendriksen. *Untersuchungen über d. Bedeutung d. Hethitischen für d. Laryngalthorie*. København, 1941 (Det k. Danske Videnskabernes Selskab, Hist.-fil. Medd., XXVIII, 2).

¹⁶ L. L. Hammerich. *Laryngeal before Sonant*. København, 1948 (Det k. Danske Vedenkabernes Selskab, Hist.-fil. Medd., XXXI, 3).

¹⁷ E. Sapir. 1) *Glottalized Continuants in Navaho, Nootka and Kwakiutl (with a note on Indo-European)*. *Language*, v. 14, 1938, стр. 248—274; 2) *The Indo-European Words for 'tear'*. В статье: *From Sapir's Desk*. *Language*, v. 15, 1939, стр. 180—187, особенно стр. 181, прим. 2. См. также у Стёртеванта (*Sturtevant. Indo-Hittite Laryngeals*, стр. 19) об устных высказываниях Сепира.

¹⁸ E. Sturtevant. *The Indo-Hittite Laryngeals*.

¹⁹ W. P. Lehmann. *Proto-Indo-European Phonology*. Austin, 1952.

²⁰ G. Liebert. *D. indoeuropäischen Personalpronomina u. d. Laryngalthorie*. Lund, 1957 (Lunds Universitets Arsskrift, N. F. Avd. I, Bd. 52, № 7); J. Puhwel. *Laryngeals and the indo-european Verb*. Berkeley and Los Angeles, 1960 (*University of California Publications in Linguistics*, v. XXI). — Эта последняя работа содержит обширную библиографию (стр. 1—13) о ларингальной теории, начиная с «Мемуара» Де-Соссюра и кончая 1959 г.

более позднему времени, чем индоевропейское.

Отсюда тенденция не ограничивать поиски рефлекса ларингальных общеиндоевропейскими явлениями, а распространить их на процессы, специфичные для отдельных ветвей, и не только на самых ранних этапах их развития (это делал еще Курилович), но и на более поздних. Сама по себе эта тенденция не может вызывать возражений, но при этом возникал соблазн сделать ларингалы ответственными за все трудные и неразрешенные вопросы традиционной сравнительной грамматики. Естественно, что, вводя новые основные единицы в звуковую систему праязыка, легко было высказывать новые предположения. На симпозиуме 1959 г. в Техасе, где различные специалисты делали доклады о рефлексах ларингалов во всех ветвях индоевропейской семьи²¹, эта тенденция проявилась в ряде сообщений, хотя наряду с этим были и более скептические голоса.

С желанием исследователей максимально расширить поле приложения ларингальной теории частично связана и третья тенденция последнего десятилетия — стремление увеличить число постулируемых ларингалов по сравнению с системами Куриловича и Стёртеванта. В этом отношении сыграли значительную роль работы А. Мартине и его доклад на VIII Международном конгрессе лингвистов в 1957 г.²² Мартине находил, что ларингальная теория и другие исследования чрезвычайно сократили количество дистинктивных фонологических единиц, предполагаемых для общеиндоевропейского языка. После того как вокализм был сведен к числу немногих ларингалов до одного гласного, исключены были из состава праязыкового консонантизма глухие аспираты, а вместо трех гуттуральных серий стали приниматься две, он насчитал лишь 21 согласный и 1 гласный, т. е. сравнительно небольшой фонологический инвентарь. Он рекомендовал поэтому исследователям не стесняться в предположениях об исчезнувших общеиндоевропейских фонемах, если только для этого имеются компаративные или структурные основания. Мартине считал фонологически правдоподобным, что в языке, допускающем артикуляцию голосовой щели для образования смыслоразличительных единиц, эта артикуляция будет соединяться по мере возможности с другими, смычными

²¹ Evidence for laryngeals. Ed. W. Winter. Texas, 1960. Вышедшим в 1965 г. переизданием этого труда я еще не мог воспользоваться.

²² A. Martinet. 1) Non-aprophonic o-vocalism in Indo-European. *Word*, v. 9, 1953, стр. 253—267 (ср.: *Economie des changements phonétiques*. Berne, 1955, стр. 210—232); 2) Le couple senex-senatus et le «suffixe» -k-. *BSL*, t. 51, 1955, стр. 42—56 3) Some cases of -k-/w- alternation in Indo-European. *Word*, v. 12 1956, стр. 1—6; 4) Les «laryngales» indo-européennes. *Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists*, Oslo, 1956, стр. 36-61; 5) Phonologie et «laryngales». *Phonetica*, v. 1, 1957, стр. 7—30.

и фрикативными. артикуляциями. Предложенная им теоретическая система содержит десять ларингалов. Я. Пухвел в упомянутом уже исследовании о функции ларингалов в системе индоевропейского глагола принял восемь ларингалов, а Ф. Родригес-Адрадос²³ — шесть ларингалов. Реконструкции этого рода приводят к постулированию систем, очень не похожих на исторические индоевропейские языки. Исследователю, ставшему на этот путь, грозит серьезная опасность отрыва от действительности²⁴.

Однако отнюдь не все ларингалисты стали сторонниками того варианта теории, который требует многочисленных ларингалов. Р. Кросленд, например, продолжает оперировать двумя ларингалами H_1 и H_2 (у Стёртеванта и \mathfrak{z} Куриловича)²⁵. Ряд участников сборника «Evidence for laryngeals» тоже удовлетворяется, с точки зрения рефлексов в отдельных ветвях, двумя или тремя ларингалами. Интересна позиция самого обновителя ларингальной теории на хеттской основе Ю. Куриловича. В монографии об индоевропейском аблауте он высказывается против всяких попыток придать элементам \mathfrak{z} , установленным на функциональной основе, фонетическую реальность и трактовать их как подлинные ларингальные и против тенденции возводить к ларингальным поздние фонетические явления, свойственные отдельным языкам. По его мнению, эти попытки только дискредитируют ларингальную теорию²⁶. Он отказывается от своих прежних фонетических объяснений происхождения слогового \mathfrak{z} и ограничивается установлением того, что оно является комбинаторным вариантом \mathfrak{z} , фонетической вокализацией его в определенных положениях. В докладе «Проблемы индоевропейского звукового строя», прочитанном на конференции 1961 г. в Инсбруке²⁷, Ю. Курилович уклонился от подробного рассмотрения проблемы ларингальных, однако заметил, что считает ее значение

²³ F. Rodríguez-Adrados. Estudios sobre las laringales indoeuropeas. Madrid, 1961.

²⁴ Можно было бы назвать и других авторов, которые придерживаются представления о большом количестве ларингалов. Ограничусь указанием на советского исследователя В. М. Иллича-Свитыча, который, исходя из одного славянского (и отчасти балтийского) материала предполагает пять ларингалов (О некоторых рефлексах индоевропейских «ларингальных» в праславянском. Вopr. языкозн., 1959, № 2, стр. 3—18).

²⁵ R. A. Crossland. 1) A reconsideration of the Hittite evidence for the existence of «laryngeals» in primitive Indo-European. Transactions of the Philological Society, 1951, стр. 88—130; 2) Remarks on the indo-european laryngeals. Archivum Linguisticum, v. 10, 1958, стр. 79—99.

²⁶ J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 169.

²⁷ J. Kuryłowicz. Probleme d. indogermanischen Lautlehre. II. Fachtagung für indogermanische u. allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 10—15 Oktober, 1961 (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. Sonderheft 15, Innsbruck, 1962), стр. 107—115.

сильно преувеличенным со времени книги Э. Стёртеванта, и высказался против «экстремистских тенденций» ограничить первоначальный индоевропейский вокализм одним *e* и тем обосновать усиленное развитие консонантизма со многими ларингалами. Исследователь считает возможным сохранить традиционную младограмматическую реконструкцию индоевропейского вокализма с незначительными изменениями: он принимает гласные *ě, ō, ĭ, ū* с изъятием *ā* и введением «ларингала *h* на основании хеттского»²⁸. О числе ларингалов прямо не говорится.

Очень сдержанно отзывается о современном состоянии ларингальной теории и другой ее «столп», Э. Бенвенист, — количество научных работ все увеличивается, но успехи невелики и результаты остаются спорными²⁹. Как и Курилович, Бенвенист возражает против приписывания фонетической реальности ларингалам, «существам алгебраического порядка».

Разногласия среди сторонников ларингальной теории действительно велики.

В принципе ларингальную теорию можно считать обоснованной. Наличие в общем прошлом индоевропейских языков категории фонем, условно называемых «ларингалами», подтверждается: 1) их отражением в хеттском *h*; 2) системой индоевропейского аблаута, в которой соотношения между полной и слабой ступенью не могут быть приведены к единству без возведения долгого гласного к сочетанию краткого с консонантным элементом; 3) несомненными рефлексам ларингалов в отдельных языках и притом в таких, которые во многих отношениях наилучшим образом сохранили древние языковые черты.

Так, восходящее еще к Де-Соссюру истолкование индоиранских глухих придыхательных как возникших частично из сочетания глухих с ларингальным и поныне представляется весьма убедительным. Чередование глухого с глухим придыхательным в такой архаической парадигме, как авестийский им. п. ед. ч. *pañtā* (< и.-и. **pānt-ās*) при род. п. ед. ч. *paθō* (< и.-и. **path-ās*), вряд ли может быть объяснено без привлечения ларингальной гипотезы. Действительно, **pānt-ās* восходит к и.-е. **pōnt-ēs* < **pōnt-e-s*, где ларингал в позиции между гласным и согласным, выпадая, удлиняет предшествующий гласный, а в **path-ās* отражена индоевропейская слабая ступень корня и суффикса при ударяемом окончании (**pñth-és* < **pñt-ə-és*), где ларингал в позиции между глухим смычным и гласным

²⁸ Там же, стр. 112—114.

²⁹ E. Benveniste. *Hittite et indoeuropéen*. Paris, 1962 стр. 9—10.

превращает глухой смычный в глухой придыхательный³⁰.

Ларингальная теория создана на основе совокупного применения нескольких языковедческих методов: сравнительно-исторического в его чистом виде, а рядом с ним также метода восстановления прошлого по рудиментам и метода системной реконструкции — восполнения недостающих частей системы по их связям с известными частями. В этом отношении ларингальная теория отнюдь не является каким-либо разрывом с компаративистской традицией, напротив, она продолжает и совершенствует классические методы.

Вместе с тем, будучи продолжением классической компаративистики, ларингальная теория подымает ее задачи и методы на новую ступень. С тех пор как открытие Куриловича превратило ларингал — будем пользоваться этим установившимся термином — в историческую реальность, реконструкция общиндоевропейского языкового состояния не может уже ограничиваться условным плоскостным уровнем — хотя бы и многовековым — «праязыка периода распада». Для этого уровня хеттское *h* является уже затвердевшим в условиях малоазиатской лингвистической среды остатком прошлого, многозначительным рудиментом давно переставшей функционировать фонологической системы, вернее, ряда сменявших друг друга в своем историческом развитии фонологических систем. Ларингал — луч из былого, из доистории индоевропейских языков. Его наличие вынуждает поэтому поставить вопрос о множественности уровней реконструкции. Рядом с «ближней» реконструкцией становится «дальняя», и статика условной системы осложняется динамикой приведшего к созданию этой системы исторического процесса. И в то время как ближняя реконструкция была ориентирована в сторону будущего, имела своей целью разъяснить движение к исторически засвидетельствованным языкам, ларингальная теория — в любом ее варианте — обращена в прошлое, от которого отрекались младограмматики, в объявленную запретной область глоттогонии.

При новых задачах реконструкции меняются также и требования к ее достоверности. А. Мейе мог в свое время утверждать, что «единственная реальность», с которой имеет дело сравнительная грамматика индоевропейских языков, — это «соответствия между засвидетельствованными языками», что «индоевропейский язык восстановить нельзя», а то, что мы называем индоевропейским

³⁰ Ю. Курилович (L'Aorphonie..., стр. 377) с полным основанием называет этот пример «решающим» для вопроса о возможности происхождения глухой аспираты из сочетания глухого с ларингалом. Ср. также: M. Mayrhofer. «Hethitisch u. Indogermanisch». Gedanken zu einem neuen Buche. D. Sprache, Bd. X, 1964, стр. 179. — Древнеиндийская парадигма: им. п. *pañthāh*, род. п. *pañhāh* представляет собой уже результат унификации, распространения аспираты на именительный падеж из косвенных.

языком, есть только совокупность соответствий³¹. Глоттогонический подход к реконструкции не может удовлетвориться таким ее пониманием. Для постановки вопроса о происхождении восстанавливаемых звуковых единиц общиндоевропейского языка они должны быть не алгебраическими знаками, условными обозначениями формул соответствия, а обладать достаточной вероятностью своего исторического бытия. Однако это усложнение задач не сопровождается параллельным увеличением средств для их разрешения. Возможности дальнейшей реконструкции оказываются весьма ограниченными. Вся история ларингальной гипотезы свидетельствует о трудностях ее разработки.

Нет согласия между исследователями относительно фонетической природы ларингалов. Вопрос этот имеет большее значение, чем ему склонны приписывать Ю. Курилович и Э. Бенвенист, оперирующие ларингалами лишь как «алгебраическими знаками». Для поисков позднейших отражений ларингалов важно определить их фонетическую природу, и сделать это трудно потому, что она могла меняться с течением времени и быть не одинаковой на разных ареалах индоевропейской речи.

Самым спорным и трудным представляется вопрос о числе ларингалов. Очень возможно, что он требует разных ответов в зависимости от уровня реконструкции. Мы видели, что хеттский язык сохранил отражение лишь одного ларингала. Для ближней реконструкции можно было бы ограничиться одним ларингальным *э*, комбинаторным вариантом которого является «индоевропейское шва» (между неслоговыми элементами). В индоевропейской звуковой системе оказался бы рядом с одиноким переднеязычным спирантом *s* также фарингальный спирант *ǵ*, функционально сближающийся с сонантами в силу своей способности к вокализации³². Как и *s*, этот спирант мог бы иметь звонкий комбинаторный вариант между слоговыми элементами, внутри слова и в фразовых условиях, и варианты эти могли получать в дальнейшем фонологизированные рефлексy.

При дальнейшей реконструкции вопрос о числе ларингалов неотделим от не менее сложного вопроса о числе индоевропейских гласных. При трояком тембре долгих гласных *ē*, *ǣ*, *ō* возведение их к

³¹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 73—74, 81.

³² Недавно было предложено вместо ларингальной теории оперировать гласным *э*, имеющим в качестве аллофона долготу гласных, но лишенным согласного аллофона *h* (W. F. Wyatt Jr. Structural Linguistic and the Laryngeal Theory. Language, v. 40, 1964, стр. 138—152). При этом подходе разрушается установленное Де-Соссюром единство соотношений между полной и слабой ступенью и не учитываются такие несомненные явления, как происхождение некоторых индоиранских глухих придыхательных из сочетания глухого смычного с ларингальным.

группе «краткий гласный + ларингал» предполагает, что минимальная сумма основных кратких гласных и ларингалов должна быть четыре. При моновокалической гипотезе необходимы три ларингала ϱ_1 , ϱ_2 , ϱ_3 Ю. Куриловича; как указывает Н. Д. Андреев³³, ларингалы эти очень хорошо укладываются в индоевропейскую консонантную систему, поскольку их оппозиции коррелятивны оппозициям трех серий гуттуральных: палатальной, веллярной и лабиовеллярной. Если исходить из трех гласных e , a , o , достаточно одного ϱ . Возможен также промежуточный вариант: два кратких гласных e и a (или o) и два ларингала H_1 и H_2 , из которых первый не меняет тембра гласного, а второй придает ему тот тембр (o или a), который отсутствует у принятых за исходные гласных.

Принимать большее число ларингалов, чем три, вряд ли целесообразно, и все опыты, предпринимавшиеся в этом направлении, следует признать неудачными.

К вопросу об общиндоевропейском фонемном инвентаре

Гуттуральные

Наиболее трудной и сложной областью сравнительно-исторического изучения индоевропейских согласных является реконструкция гуттуральных рядов. Ветви дают чаще всего два ряда, однако ряды эти не удавалось привести в соответствие друг с другом иначе, чем путем предположения о наличии первичных трех рядов, которые двойким путем слились в разных языках в два ряда. На основе трудов Г. Асколи³⁴, А. Фика³⁵ и его учеников была разработана — в законченном виде А. Беценбергером³⁶ — гипотеза о трех рядах индоевропейских гуттуральных — палатальном, веллярном и лабиовеллярном, которая и была канонизована Бругманом во втором издании "Grundriss'a" (1897). Основное расхождение между отдельными ветвями состоит, согласно этому взгляду, в том, что одни ветви (языки «кентум») слили палатальный и веллярный ряды в один веллярный, противопоставляя лишь лабиовеллярный ряд с его рефlekсами веллярному ряду и его отражениям. Другие языки (языки «сатем») слили лабиовеллярный с веллярным, образовав единый веллярный ряд, противостоящий с его отражениями рефlekсам палатального ряда. Этот последний почти всюду представлен уже не

³³ Н. Д. Андреев. Из проблематики индоевропейских ларингалов. Докл. и сообщ. Инст. языкозн., № 12. 1959, стр. 28.

³⁴ G. Ascoli. Lezioni di Fonetica comparata del Sanscrito, del Greco e del Latino. Torino e Firenze, 1870.

³⁵ A. Fick. D. ehemalige Spracheinheit d. Indogermanen Europas. Göttingen, 1873.

³⁶ A. Bezzenger. D. indogermanischen Gutturalreihen. Beiträge zur Kunde d. indogermanischen Sprachen, Bd. 16, 1890, стр. 434—260.

палатальными смычными, а свистящими и шипящими, различными по разным языкам. Единые велярные ряды языков «кентум» и языков «сатем» также получили в дальнейшем многообразные отражения, частично в виде свистящих и шипящих аффрикат. Эта палатализация имела место в индоиранской и балтославянской группе перед гласными переднего ряда **ě*, **i̯* и **i*; в индоиранских языках она произошла еще до перехода **e* > *a*. Лабиовелярный при этом тоже был устранен в дальнейшем развитии языков: дольше всего он сохранялся в латыни, но исчез в романских; тем не менее рефлексы лабиовелярного ряда во многих случаях еще отдифференцированы от рефлексов велярного.

В индоиранских и балтославянских языках гуттуральным западной группы индоевропейских языков соответствуют среднеязычные щелевые типа русск. *c* и *ш*, которые, очевидно, должны восходить к палатальным смычным. Индоиранские языки сохранили некоторые следы промежуточных этапов этого процесса. Так, в кафирских языках, занимающих в некоторых отношениях промежуточное место между индийской и иранской группой и сохраняющих ряд весьма архаических черт, глухой индоевропейский палатальный, лежащий в основе д.-и. *ç* и авест. *s*, отражен в виде переднеязычной аффрикаты *c* = русск. *ч*³⁷. Надо думать, что индоевропейский палатальный сперва дентализировался (*k'* > *t'*, *g'* > *d'*, *g'h* > *d'h*), а затем уже перешел в аффрикату и далее в спирант. В исходе древнеиндийских форм именительного падежа типа *viç*, *vāç* (<-*çs*) еще сохранился этот переднеязычный смычный³⁸. Аналогичный путь развития можно предполагать и для балтославянских языков. Общей чертой языков «сатем» является при этом тенденция к отдалению палатальных от заднеязычных в сторону переднеязычного ряда; все дальнейшее происходило уже самостоятельно в каждой группе языков.

С точки зрения теории трех рядов гуттуральных к общиндоевропейскому времени относится лишь ослабление противопоставления палатальных и велярных, которое привело к двоякому результату: в языках «кентум» различие этих рядов дефонологизировалось, и они совпали, а в языках «сатем» оно было сохранено путем усиления фонетической дифференциации между ними, а следующим этапом была делабиализация лабиовелярных.

³⁷ G. Morgenstierne. Indo-european *k* in Kafir. Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. Bd. XIII. Oslo. 1945. стр. 225—238; Z. Rysiewicz. Zagadnienie palatalnych w językach dardyjskich. В кн.: Studia językoznawcze. Wrocław. 1956. стр. 285—292. Ср.: T. Burrow. The Sanskrit Language. London. 1955, стр. 73; В. В. Иванов. Проблема языков *centum* и *satem*. Вспр. языкозн.. 1958. № 4. стр. 12—23.

³⁸ A. Meillet. Les nominatifs sanskrits en *-ç*. Indogermanische Forschungen, Bd. 18. 1905—1906. стр. 417—421; Z. Rysiewicz. Zagadnienie palatalnych..., стр. 290.

Частотность гуттуральных была велика. Согласно В. И. Георгиеву, «приблизительно около одной трети слов, принадлежащих индоевропейской лексике, содержат какой-нибудь гуттуральный согласный»³⁹.

В языках «сатем», особенно в балтославянских, но иногда и в санскрите, имеется некоторое количество слов, в которых обычные соотношения нарушены: на месте ожидаемых по соответствиям отражений палатальных мы находим велярные или их позднейшие рефлексy. Так ст.-сл. **гжсь** соответствует лит. *žąsis*, д.-и. *hamšáh*, д.-в.-н. *gans* и т. д.; ст.-сл. **свекръ** при д.-и. *sváçurañ*, лит. *šėšuras*. Бывают дублетные формы: д.-и. *lōpāçāñ* и *lōpākás* 'шакал', ср. греч. ἀλώπηξ; с дифференциацией значений — лит. *akmiõ* 'камень' (ст.-сл. **камы**, д.-и. *açman-*) и *ašmiõ* 'острота'. В приведенных формах языки «сатем» содержат трактовку гуттуральных, свойственную языкам «кентум».

Явление это допускает разные объяснения, и очень возможно, что каждое из них справедливо для какой-то части материала. С одной стороны, мы уже постулировали некоторую расшатанность оппозиции палатальных и велярных как этап, предшествующий сдвигу палатальных в обеих группах языков. При этом дублеты были неизбежны. В языках «кентум» этих колебаний не может быть, поскольку полное слияние палатальных с велярными устранило следы былой флуктуации. Здесь сатемизирующий лексический слой может возникнуть только в порядке заимствований из других языков.

Другим источником отклонений от типических соответствий между языками «кентум» и «сатем» может являться диалектное многообразие внутри отдельных языков наряду с языковыми контактами. Балтийскославянский ареал находился на самой границе языков «кентум», а в такой пограничной зоне всегда вероятны интенсивные лингвистические контакты и диалектные пересечения. В древнеиндийском также могут быть отражения территориальной близости к языкам «кентум».

Наконец, нельзя упускать из виду третью возможность. При реконструкции общеиндоевропейского языкового состояния мы иногда находим синонимичные корни, имеющие близкое звучание. Когда алб. *zjar* 'огонь' и лит. *žaryios* 'пылающие уголья' указывают на индоевропейский палатальный, а греч. θερμός 'теплый' совместно с лат. *formus* и д.-и. *dharmāñ* представляют собой отражения индоевропейского лабиовелярного, перед нами не один корень, а два близких по значению, дифференцированных отличием между звуками, принадлежащими двум рядам гуттуральных. Синонимичность в

³⁹ В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958. стр. 28.

этих случаях могла быть исконной, но вполне возможна и вторичная потеря конкретных смысловых отличий, которыми язык на более отвлеченной стадии перестал дорожить. Такие явления возможны и в самих корнях, а особенно в корневых детерминативах.

Колебания между палатальными и велярными, наблюдаемые в языках «сатем», таким образом, вполне объяснимы. Те несколько десятков случаев, в которых они обнаруживаются, составляют настолько незначительное количество по отношению к огромному числу гуттуральных в индоевропейских морфемах, что извлекать из них какие-нибудь выводы против предположения о трех гуттуральных рядах нет оснований.

Полемика против этой гипотезы всегда основывалась первую очередь на том обстоятельстве, что исследователи находили в отдельных языках следы только двух рядов. Особенно настойчиво указывал на это Э. Герман⁴⁰.

Однако возникли разногласия, какие два ряда считать исходными. Здесь представлялись естественными два пути. Можно было принять те ряды, на которые указывают языки «сатем», т. е. палатальный ряд и велярный, а лабиовелярный признать новообразованием, свойственным только языкам «кентум». Эту гипотезу, после Г. Рейхельта⁴¹ защищал в ряде исследований Ю. Курилович⁴². Более распространен другой взгляд: общеиндоевропейскими считаются те ряды, рефлексy которых засвидетельствованы в языках «кентум», т. е. велярный и лабиовелярный, а палатальный ряд рассматривается как новообразование языков «сатем». Теорию позднейшего происхождения палатального ряда разрабатывал Г. Гирт⁴³, а после него главным образом В. И. Георгиев⁴⁴. Третья возможность — признать палатальный и лабиовелярный ряды исходными — справедливо была отвергнута исследователями. Это распределение гуттуральных серий не встречается ни в одном языке; к тому же, как неоднократно указывал в своих работах Курилович, эта модель неправдоподобна уже теоретически с фонологической точки зрения. И палатальную фонему ряда k' , и лабиовелярную ряда k''

⁴⁰ E. Hermann. Über d. Rekonstruieren. Zeitschrift für vergleich. Sprachforschung. Bd. 41, 1907, стр. 1—64, особенно стр. 58—60.

⁴¹ H. Reichelt. D. Labiovelare. Indogermanische Forschungen Bd 40, 1922, стр. 40—81.

⁴² Важнейшие из них: J. Kuryłowicz. Les occlusives labiovélares. В кн.: Études indoeuropéennes. I..., стр. 1—26; L'Apophonie..., стр. 356—375; Probleme..., стр. 108—110.

⁴³ H. Hirt. 1) Zur Lösung d. Gutturalfrage im Indogermanische. Beiträge zur Kunde d. indogermanischen Sprache, Bd. 24, 1899, стр. 218—291. 2) Indogermanische Grammatik. T. 1, 1927, стр. 226—241.

⁴⁴ В Георгиев. 1) Индоевропейские гуттуралы. София. 1932. Годишник на Софийския унив., ист.-филол. фак., ХХСІІ, 6; 2) Исследования..., стр. 28—57. — В дальнейшем изложении я опираюсь главным образом на эту последнюю книгу.

естественно мыслить как маркированные члены оппозиций, предполагающие рядом с собой немаркированный член *k*; без этого члена они повисают в воздухе.

Рассматривая противостоящие друг другу гипотезы Куриловича и Георгиева и полемику между этими исследователями⁴⁵, нельзя не заметить, что оба языковеда приводят серьезные доводы в опровержение противоположной точки зрения.

Согласно Куриловичу, лабиовелярные возникли в языках «кентум» из велярных, и неправдоподобность этого перехода может служить основным аргументом против всей гипотезы. Исследователь, по-видимому, не имеет в своем распоряжении исторически засвидетельствованных, а не только гипотетических, моделей такого перехода. В «Études indoeuropéennes» была ссылка на эфиопский язык, но в «Arophonie» она молчаливо снята, и автор ограничивается умозрительными соображениями. Исходя из противопоставления палатального и велярного рядов во всех позициях, он постулирует перед *o*, *u*, *T* (согласным) нейтрализацию этого противопоставления в пользу велярного, т. е. немаркированного члена оппозиции⁴⁶. Такое предположение само по себе вполне допустимо. Тогда, по мнению Куриловича, развитие идет следующим образом. «Палатальность *k̂* перед *e*, *i* ставится нефонологическим, комбинаторным признаком, зависящим от последующего гласного. С фонологической точки зрения *k̂e*, *k̂i* воспринимаются как относящиеся к *ko*, *ku*, *kT*, а *ke*, *ki* становятся маркированными членами оппозиции. Затем *ke*, *ki* совпадают с *k̂e*, *k̂i*, становясь *q^he*, *q^hi* (откуда также *k̂o* > *q^ho*). Этот второй этап — следствие маркированного (разрядка автора, —И. Т.) характера *k* (*e*), *k* (*i*). Велярность акцентирована округлением губ, сопровождающим как бы автоматически артикуляцию задней части языка»⁴⁷. Этот ход рассуждения близко напоминает излюбленные мысли автора о механизме морфологического развития, но никак не может убедить того, кто этих взглядов не разделяет. Пока *ke*, *ki* не изменились и находятся в оппозиции к *k̂e*, *k̂i*, эти последние не могут восприниматься как комбинаторные варианты *ko*, *ku*, *kT* и остаются маркированными членами оппозиции. Какая сила двигала бы *ke*, *ki* в направлении к лабиовелярности, непонятно. С другой стороны, не во всех языках «кентум» индоевропейские группы **k̂u* и **k̂i* (с точки зрения Кури-

⁴⁵ В. Н. Георгиев в «Исследованиях» резко возражает против изложения Ю. Куриловича в «Arophonie»; Курилович в инсбрукском докладе отвечает на эти возражения, не называя своего оппонента.

⁴⁶ Ю. Курилович не признает гласного *a* общиндоевропейским.

⁴⁷ J. Kuryłowicz. L'Arophonie..., стр. 238.

ловича, эта оппозиция нейтрализована) совпали с лабиовелярными⁴⁸. В греческом языке группа *ku* отражается в виде геминаты -ππ- (ἴππος, ср. д.-и. *ǰvaḥ*, беот. ππᾶματα < **kʰa-*), в то время как рефлекс лабиовелярного всегда монофонематичен. В латинском **ku* действительно отражено в виде лабиовелярного (*equos*), но группа **ku-* > *v-* (но крайней мере, перед гласным): *vapor*, ср. лит. *kvāpas* 'дыхание', 'пар'⁴⁹; между тем лабиовелярный в начале латинского слова сохраняется (*qui* и т. д.), кроме, может быть, положения перед *u*⁵⁰. Поэтому ссылаться на совпадение *ke*, *ki* с *kye*, *kui* как общее явление языков «кентум» не приходится. Все этапы процесса лабиовеляризации *ke*, *ki*, предполагаемые Куриловичем, оказываются, таким образом, неправдоподобными.

Не подтверждается и исходное предположение о том, что место лабиовелярного только перед гласными переднего ряда, с последующим распространением на позицию перед *o*. Курилович исходил из латинских и германских данных, где *q* или *hw* не встречаются перед согласными. Но здесь позднейшая утрата губного придатка. Более древнюю картину обнаруживают греческие тексты микенской эпохи, сохранившие особую серию слоговых знаков для лабиовелярного, рядом с губным, двумя переднеязычными и заднеязычным. Греческий лабиовелярный мог находиться перед согласным, например *qi-ri-ja-to* = (ῥ)ρίατο, и вообще во всех позициях, кроме положения перед *u*⁵¹. На это обстоятельство, равно как и на возможность постановки лабиовелярного перед *ā* и *ō* (например, в корне **gʰā-* 'идти'), указывает сам Курилович. Констатируя наличие трудностей, он, однако, замечает, что его теория наталкивается на гораздо меньшее количество исключений, «необъяснимых в настоящее время», чем противостоящая ей другая теория⁵².

Противостоящая теория принимает в качестве исходной ту картину, к которой приводят нас языки «кентум», с оппозицией велярного и лабиовелярного рядов. Инновация языков «сатем» состоит в

⁴⁸ На это указывает и сам Курилович в примечании к только что приведенному месту.

⁴⁹ Греческим соответствием для этих слов служит *καπός*, но истолкование этой формы затруднено тем, что здесь могло иметь место диссимилятивное воздействие π.

⁵⁰ См.: И. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, § 216 (стр. 106).

⁵¹ M. Lejeune. Sur les labiovélares mycéniennes. В кн.: Mémoires de philologie mycénienne, première série. Paris, 1958, стр. 283–317. — В слове *qi-ri-ja-to* первый знак поставлен по правилам микенской графики, не знающей знаков для отдельных согласных; первый член консонантной группы выражается знаком, употребляющимся при сочетании этого согласного со слоговым гласным.

⁵² J. Kuryłowicz. L'Aprophonie..., стр. 363.

первую очередь в том, что произошла палатализация, а затем и ассибиляция некоторой части велярных. Эта гипотеза, на первый взгляд, подкупает своей простотой, естественностью и целостностью. Действительно, палатализация и последующая ассибиляция заднеязычных представляет собой процесс, часто наблюдающийся в истории языков. В результате этого процесса наступало раздвоение корня (или основы): велярный перед одними звуками переходил в палатальный, перед другими оставался неизменным, и это случалось очень часто, особенно из-за чередования *e* и *o*. Тогда, согласно разъяснению В. Георгиева, вступал в действие «закон унификации раздвоенного корня»⁵³. Парадигма нормализовалась в ту или другую сторону в пользу велярного или спиранта. Этим путем могут быть объяснены те колебания в словах одного корня внутри одного языка или между разными языками, о которых говорилось выше, и именно в этом В. Георгиев видит преимущество своей точки зрения перед теорией трех рядов. Позднее, после длабиализации лабиовелярных, которая совершается вслед за отходом палатальных, процесс палатализации повторяется в индоиранских и славянских языках, и притом в той же позиции, перед *e*, *i*, *j*, но в значительной мере с другими результатами.

Однако при более пристальном рассмотрении гипотезы В. Георгиева обнаруживается, что она сопряжена со значительными и вряд ли преодолимыми трудностями.

Недостатком изложения Георгиева является отсутствие фонологического обоснования. Курилович справедливо замечает⁵⁴, что положение перед гласными переднего ряда определяет собой только возникновение палатального комбинаторного варианта гуттуральной фонемы; для того чтобы этот вариант стал самостоятельной фонемой, нужны дополнительные условия. В этом отношении гипотеза Георгиева нуждается, во всяком случае, в теоретическом и фонологическом подкреплении.

Далее, не может не вызвать настороженности та роль, которую играет в рассматриваемой гипотезе аналогическое выравнивание. Направление действия аналогии, особенно в массовом масштабе, нуждается в обосновании. Получается, что в языках «сатем» аналогия в огромном большинстве случаев почему-то действовала в пользу палатализованного звука, а не велярного, хотя мы часто ожидали бы противоположного направления аналогического процесса. Представляется совершенно невероятным, чтобы в имени **ek̑nos* 'конь' палатализация прошла по всей парадигме из-за формы звательного падежа **ek̑ne* или прилагательного **ek̑njos*, где пала-

⁵³ В. Георгиев. Исследования..., стр. 41–44.

⁵⁴ J. Kuryłowicz. L'Apophonie..., стр. 357.

тальный вариант, по мнению автора, фонетически обоснован. Естественнее было бы ожидать обратного действия аналогии — проникновения велярного, закономерного во всей парадигме, также и в звательный падеж, как это имело место в форме *vŕka* в м. **vŕca* под влиянием им. п. *vŕkaŕ* — или сохранения фонетической вариантности как добавочного выражения грамматических отношений. Обнаруживается принципиальная разница между результатами «первой», гипотетической палатализации, и «второй», затронувшей в языках «сатем» новые велярные, восходящие к индоевропейским лабиовелярным. В этом последнем случае очень часто бывает и раздвоение корня: *vac-* — *uktá*, и поддающаяся обоснованию унификация в разные стороны; между тем для гипотетической палатализации приходится принимать, по крайней мере в пределах одного языка, беспощадную последовательность, не оставляющую за собой никаких реликтов и распространяющуюся не только на формы слова, но, за ничтожными исключениями, также и на все дериваты одного корня. В. Георгиев объясняет это тем, что первая палатализация древнее и унифицирующая сила аналогии успела дальше распространиться. Можно согласиться с таким истолкованием в пределах флексии, но для деривации оно мало правдоподобно, и отношения типа «человек — человечество» характерны для всех индоевропейских языков. Разницу между «первой» и «второй» палатализацией гораздо естественнее объяснить тем, что во втором случае мы имеем действительно палатализацию с раздвоением корня и последующим частичным выравниванием, а в первом случае никакого палатализационного процесса в языках «сатем» не было, и палатальные имеют индоевропейское происхождение.

Однако это еще не самое важное. Основным доводом против гипотезы палатализации является то, что мы находим гласные палатального ряда в таких случаях, где ни фонетический, ни аналогический процессы не должны были приводить к палатализации. Этот аргумент выдвинул Ю. Курилович, и ответ В. Георгиева⁵⁵ показывает, к сколь искусственным предположениям нужно прибегать, чтобы оправдать основную гипотезу. Для корней **deks-* 'ловкий' и **teks-* 'тесать' надо допустить индоевропейские формы **dekes-*, **tekes-*. Это маловероятно уже потому, что за полной ступенью **dek-*, **tek-* естественно ожидать нулевой ступени *-s-*. Но даже если принимать эти формы в порядке дальней реконструкции, то в позднем индоевропейском, с которым только и приходится считаться при истолковании явлений языков «сатем», мы видим только группу *-ks-*. Особенно показательны числительные, в кото-

⁵⁵ В. Георгиев. Исследования..., стр. 44–52.

рых нет чередований, способных вызвать «раздвоение» корня. Для палатализации в словах **k̄mto-* 'сто', **dek̄m* 'десять' приходится постулировать ad hoc, что «слоговые носовые сонанты развились в гласные или в сочетание гласный + носовой в очень отдаленную эпоху» и что «в индоиранском и армянском они первоначально изменились в палатальный (назальный) гласный (вероятно, *e*)»⁵⁶. Абсолютно противоречит предположению о палатализации в языках «сатем» числительное **ok̄i(āu)*, где все индоевропейские языки без исключения указывают на отсутствие гласного переднего ряда между *k̄* и *i*⁵⁷. Нет оснований также считать форму числительного **syek̄s* ошибочно реконструированной.

Все это заставляет думать, что палатальные были возможны в любой позиции, а не только перед гласными переднего ряда в формах аналогического происхождения.

Таким образом, оба варианта теории двух рядов гуттуральных оказываются неудовлетворительными.

Большие сомнения возбуждает даже то исходное соображение, которое лежит в основе обеих теорий. Они связаны с убеждением многих ученых, будто ни одна из ветвей индоевропейской семьи сама по себе не свидетельствует о более чем двух гуттуральных сериях. Между тем есть основания думать, что это не так. Ряд исследователей указывает на возможность обнаружить в некоторых ветвях рефлексы трех серий.

Э. Эванджелисти⁵⁸ показал, что тохарский материал наряду со следами различия велярных и лабиовелярных содержит особые рефлексы палатальных. Вопрос о рефлексах трех серий подробно разобрал В. Пизани⁵⁹. Уже давно Г. Педерсен⁶⁰ утверждал, что в

⁵⁶ Там же, стр. 46.

⁵⁷ Ссылка на ведийскую форму *ast̄ī-* 'восемьдесят', будто бы оказавшую влияние на *ast̄ī(u)*, не спасает дела. Это специфически индийская форма позднейшего происхождения. См.; O. Szemerényi. Studies in the indo-european system of numerals. Heidelberg, 1960, стр. 60—62. Правда, тот же Семереньи в своей недавней книге о синкопе (O. Szemerényi. Syncope in Greek and Indo-European and the nature of indo-european accent. Napoli, 1964 (Istituto universitario orientale di Napoli, Quaderni della sezione linguistica degli Annali, t. III), стр. 399—400) готов возвести **ok̄to* к **ok̄itō* (ср. также: J. Otrębski. Über die Vervollkommnung der Forschungsmethoden in der indoeuropäischen Sprachwissenschaft. Lingua Posnaniensis, t. 9, 1963, стр. 14), но это явно делается ad hoc, во имя предположения о позднейшем происхождении палатального ряда, и мысль автора (там же, стр. 400. прим. 5) о синкопе *-i-* во всех ветвях в порядке «конвергентного развития» совершенно неправдоподобна.

⁵⁸ E. Evangelisti. Note tocariche. I. Gli esiti tocarici delle gutturali indoeuropee. Istituto Lombardo di Scienze e Lettere. Rendiconti. Classe di Lettere. t. 82. Milano. 1949, стр. 139—148.

⁵⁹ V. Pisani. La ricostruzione dell' indeuropeo e del suo sistema fonetico. Archivio glottologico Italiano. t. 46. 1961, стр. 1—31.

албанском, кроме особого палатального ряда, индоевропейские веллярные иначе отражены, чем лабиовеллярные. Многие против этого возражали, но Педерсена поддержал Н. Йокль⁶¹, и Пизани считает этот вывод очевидным. К аналогичному тезису приходит сам Пизани в результате исследования армянских соотношений⁶². И албанский, и армянский свидетельствуют, таким образом, против предположения, что лабиовеллярные представляют собой новообразования языков «кентум».

Может быть, и справедливо скептическое замечание В. В. Иванова о том, что албанский, армянский и тохарский являются языками с наименее ясным развитием консонантизма⁶³, все же данные этих языков свидетельствуют наряду с неудачей обоих вариантов теории двух серий в пользу старой реконструкции А. Беценбергера.

Ю. Курилович в своем инсбрукском докладе заметил, что гипотеза трех серий представляется наиболее целесообразной в обучении сравнительной грамматике, пока остается спорным, какой вариант гипотезы двух серий следует выбрать⁶⁴. Думается, что это целесообразно не только по педагогическим соображениям, но и по существу дела.

В. В. Иванов выдвигает против признания лабиовеллярного ряда индоевропейским соображения о неустойчивости лабиовеллярных образований⁶⁵. Он ссылается на исчезновение лабиовеллярных во всех ветвях индоевропейской семьи и во многих других языках мира. Однако во всех приводимых им примерах известно лишь, когда лабиовеллярные исчезли, но не имеется никаких данных о том, когда они возникли и сколько времени просуществовали. Тезис о «неустойчивости» повисает в воздухе.

Если правильна гипотеза о трех ларингалах, имеющая, как мы видели, ряд оснований в свою пользу (стр. 15, 23), то три ряда гуттуральных — палатальный, веллярный и лабиовеллярный — вполне изоморфны ε_1 , ε_2 и ε_3 и являют оппозицию тех же дифференциальных признаков.

Ни языки «кентум», ни языки «сатем» не отражают общеиндоевропейского состояния гуттуральных рядов. Как уже было указа-

⁶⁰ Н. Pedersen. D. Gutturale im Albanesischen. Zeitschrift für vergleich. Sprachforschung, Bd. 36, 1900, стр. 277—340.

⁶¹ N. Jokl. Beitrag zur Lehre von d. albanischen Vertretung d. indogermanischen Labiovelare. Mélanges linguistiques offerts à H. Pedersen. Copenhagen. 1937. стр. 127—161. Ср. также: G. R. Solta. Palatalisierung u. Labialisierung. Indogermanische Forschungen. Bd. 70. 1966. стр. 276—315.

⁶² V. Pisani. Studi sulla fonetica dell' armeno. I. Palatalizzazioni ed esiti di s + gutturale. esiti delle semivocali. Ricerche linguistiche, t. I. 1950, стр. 165 и сл.

⁶³ В. В. Иванов. Проблема языков.... стр. 22.

⁶⁴ J. Kuryłowicz. Probleme.... стр. 108.

⁶⁵ В. В. Иванов. Проблема языков.... стр. 22—23.

но, к общеиндоевропейскому периоду относится только расшатанность оппозиции палатальных и велярных, приведшая к одному из двух путей дальнейшего развития. Не исключена возможность, что причиной этой расшатанности явился начавшийся процесс падения ларингалов.

Попытки выведения всех трех серий из одной могут делаться лишь в порядке дальней реконструкции. Курилович справедливо замечает, что они лишь кумулируют трудности, присущие гипотезам о двух рядах⁶⁶. С точки зрения фонологической типологии вряд ли целесообразно слишком уменьшать количество индоевропейских согласных фонем.

Глухие аспираты

Исследование формул соответствия между звуками индоевропейских языков показывает, что внутри рядов согласных, определяемых различием активного речевого органа — губных, переднеязычных, гуттуральных, систематически проводятся противопоставления фонем по способу артикуляции. По меньшей мере устанавливаются три представителя каждого ряда: один глухой (для губного ряда это будет **p*), другой звонкий (соответственно **b*), третий представитель, отличный, очевидно, и от глухого и от звонкого, в огромном большинстве языков отражен либо как звонкий, либо как придыхательный (звонкий или глухой) и обычно реконструируется как звонкий придыхательный (в губном ряду **bh*).

Указанное тройственное противопоставление наличествует в четырех языковых ветвях: армянской, греческой, италийской и германской; рефлексy при этом разные, но отличия рядов сохраняются. Во многих других ветвях устранено различие между звонким и звонким придыхательным и притом неизменно в пользу простого звонкого: это иранская, балтийская, славянская, албанская, кельтская и, по-видимому, хеттская ветви. В тохарской ветви все различия устранены в пользу простого глухого, но следы былой дифференциации, по крайней мере трех рядов, сохранились. Это показывает, в каком направлении шло развитие индоевропейских языков в дописьменный период их истории.

Однако существует одна ветвь, в которой различаются внутри каждого ряда не три представителя, а четыре. Это древнеиндийский язык, где наряду с глухими, звонкими и звонкими придыхательными имеются еще глухие придыхательные: ряд имеет схему *p – ph – b – bh*. Как фонетическая категория глухие придыхательные имеются и в других языках — в греческом, армянском. Однако ни в греческом, ни в древнеармянском рядом с ними нет звонких

⁶⁶ J. Kuryłowicz. Probleme.... стр. 108.

придыхательных, так что четвероякое противопоставления не создается⁶⁷.

Вопрос о том, надлежит ли переносить четвероякое противопоставление в праязыковую реконструкцию и приписывать общееиндоевропейскому языковому состоянию глухие придыхательные наравне со звонкими, издавна возбуждал споры между исследователями. Смущало то, что ряд глухих аспирированных, отличный от ряда звонких аспирированных, имелся только в одной ветви, и что соответствия древнеиндийским глухим придыхательным в других языках оказывались вариантными даже в пределах одного языка. Если древнеиндийской глухой аспирированной в *sphūrjati* 'шипит', 'трещит' соответствует греческий глухой придыхательный в *σφαραύουαι*, то такому же глухому придыхательному в д.-и. *ásthām* соответствует уже простой глухой в греч. ἄστυ. Это наводило на мысль, что древнеиндийские глухие придыхательные являются результатом специфического развития древнеиндийского языка и не должны быть проецируемыми в праязык. Этому взгляда держались корифеи сравнительного языкознания в домладограмматический период — Бопп, Потт, Шлейхер, Курциус и др. Бругман включил глухие аспирированные в свою систему, однако споры не прекращались. Количество корней, реконструированных с глухими придыхательными, было невелико, значительно меньше, чем со звонкими придыхательными, и исследователям всегда казалось, что это — либо позднейшее явление, либо какое-то специфическое, необычное, требующее особого истолкования. А. Мейе рассматривал глухие аспирированные как экспрессивный вариант простых глухих⁶⁸. Еще дальше по линии звуковой символики пошел Ф. Шпехт⁶⁹.

Радикальное решение вопроса предложил Ю. Курилович. Он предпринял попытку доказать, что глухие аспирированные представляют

⁶⁷ Как обнаружил А. С. Гарибян (Об армянском консонантизме. Вopr. языкозн., 1959, № 5, стр. 81—90), в некоторых армянских диалектах существует четвероякое противопоставление: *p* — *ph*, *b* — *bh*. Исследователь усмотрел здесь многообразие, восходящее к праармянскому и редуцированное уже в древнеармянском до *p*, *ph*, *b*. Вокруг этой статьи развернулась обширная дискуссия на страницах «Вопросов языкознания», итоги которой подведены в статье: В. М. Жирмунский. Некоторые итоги дискуссии об армянском консонантизме. Вopr. языкозн., 1962, № 5, стр. 32—46. — Арменистические оппоненты А. С. Гарибяна считали четвероякую оппозицию позднейшей и не восходящей непосредственно к общееиндоевропейскому языковому состоянию. Если бы это было и так, для нас в первую очередь важен аспект фонологической типологии: армянский материал еще раз показывает, что *bh* обычно не наличествует без *ph*.

⁶⁸ A. Meillet. Un suffixe indo-européen méconnu. В кн.: Symbolae Grammaticae in honorem J. Rozwadowski. I. Kraków, 1927, стр. 105—108. Ср. его же "De la valeur des sourdes aspirées indoeuropéennes" в кн.: Ak. Grammatical Miscellany off. to O. Jespersen. Copenhagen—London, 1930, стр. 341—343.

⁶⁹ F. Specht. D. Ursprung d. Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944, стр. 252—258.

собой индоиранское новообразование и не подлежат проекции в праязык⁷⁰. Курилович с полным основанием принимает предположение Де-Соссюра о происхождении части индоиранских глухих аспирированных из сочетания глухого смычного с ларингалом (см. выше стр. 415-16), но присоединяет к этому еще гипотезу об оглушении звонких аспирированных в древнеиндийском. Глухие аспирированные особенно часто встречаются после *s*, и Курилович считает, что в начале слова это сочетание возникло из группы «*s* + звонкая аспирированная»⁷¹. В подтверждение приводятся, однако, лишь единичные и отнюдь не несомненные примеры (в частности, сопоставляются д.-и. *bhurāti* и *sphurāti*, которые обычно считаются принадлежащими к разным корням), так что это положение отнюдь нельзя считать обоснованным. К еще более сложному и искусственному построению приходится прибегать для объяснения суффиксальных вариантов типа *-ta-*, *-tha-* и т. п.

С совершенно других позиций подошел к вопросу об индоевропейских глухих аспирированных Р. Гирше⁷². Он рассматривает только группу «*s* + глухая аспирированная» и стремится показать, что во всех языках, где эта группа существует, она возникает вторично — в порядке местного развития. Происхождение аспирированных он объясняет чисто фонетически — воздействием предшествующего *s*. Прочих случаев он не разбирает и, по-видимому, не собирается оспаривать употребление аспирированных в звукоподражательных словах типа д.-и. *kakhati* 'смеется', греч. καχάζω, арм. *xaxankh*.

На недостаточность разных попыток исключить глухие аспирированные из звукового состава индоевропейского праязыка указывал в 1936 г. Я. Фришк⁷³. За истекшие с тех пор 30 лет новых более убедительных аргументов не было выдвинуто. Более того, выяснилось, что приписывание индоевропейскому языковому состоянию трех рядов — глухого, звонкого и звонкого аспирированного — встречает серьезные возражения с точки зрения фонологической типологии. В докладе на VIII Международном конгрессе лингвистов в Осло Р. О. Якобсон указал, что ни один язык не прибавляет к паре «глухой — звонкий» звонкую аспирированную *dh*, не имея ее глухого партнера *th*, между тем как *t*, *d* и *th* часто встречаются без сравнительно редкого *dh*⁷⁴. Это типологическое обобщение ставит перед

⁷⁰ J. Kuryłowicz. 1) *Études indoeuropéennes...*, стр. 46—54; 2) *L'Apophonie...*, стр. 375—382.

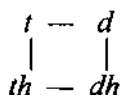
⁷¹ Предположение это принадлежит Т. Зибсу (T. Siebs. *Anlautstudien. Zeitschr. für vergleich. Sprachforschung*, Bd. 37, 1904, стр. 293).

⁷² R. Giersche. *Untersuchungen zur Frage d. Tenuis aspiratae im Indogermanischen*. Wiesbaden, 1964.

⁷³ H. Frisk. *Suffixales -th- im Indogermanischen*. Göteborgs Högskolas Årsskrift, XLII, 2, Göteborg, 1936, стр. 41.

⁷⁴ R. Jacobson. *Typological Studies and their Contribution to Historical Comparative Linguistics. Actes du huitième Congrès International des linguistes*. Oslo, 1958, стр. 23.

сравнительной фонетикой индоевропейских языков альтернативу: либо сохранить бругмановскую четырехчленную реконструкцию смычных, где каждый член входит в две бинарные оппозиции, по признакам звонкости и глухоты, с одной стороны, придыхательности и отсутствия придыхательности — с другой, типа

либо перейти на трехчленную классификацию, но отказаться при этом от звонких аспират, предположив на их месте фонемы другого артикуляционного качества. Между тем реконструкция индоевропейских звонких аспират естественно диктуется характером их дальнейших рефлексов. И если фонологическая типология требует рядом с ними глухих аспират, то сомнения в существовании этой последней категории фонем в общеиндоевропейском следует признать гиперкритическими.

Рассмотрение проблемы гуттуральных, равно как и вопроса об аспиратах, привело нас к выводу, что система двадцати индоевропейских смычных, установленная в конце прошлого века К. Бругманом, с ее пятью рядами, дифференцированными по активному органу речи, и четырехчленным противопоставлением по способу артикуляции внутри каждого ряда, выдержала испытание временем⁷⁵. Как ближняя реконструкция общеиндоевропейской системы смычных теория Бругмана остается в силе⁷⁶.

Для дальнейшей реконструкции эта система содержит лишь немногие опорные пункты. Два момента в дистрибуции смычных обращают на себя внимание. Это, во-первых, дефективность губного ряда. Индоевропейский звонкий губной *b встречается очень редко, особенно в начале слова (если не считать звукоподражательной лексики). Предположение об исчезновении звука *b в начальном положении не может опереться ни на какие аналогии. Зато начальный глухой губной *p часто обнаруживает свою нестойкость: так, и.-е. *pāēr > арм. *hair*, д.-ирл. *athir*. В древнеирландском также и срединное *p в большинстве случаев исчезает. В связи с этим Г. Педерсен предположил, что аналогичный процесс исчезновения

⁷⁵ Этого же взгляда придерживаются такие самостоятельные исследователи, как Г. Педерсен [H. Pedersen. D. gemeinindoeuropäischen u. d. vorindoeuropäischen Verschlusslaute. København, 1951 (Det k. Danske Videnskabernes Selskab, Hist.-fil. Medd., XXXII, 5), стр. 3] и В. Пизани (В. Пизани. Общее и индоевропейское языкознание. В сб.: Общее и индоевропейское языкознание. М., 1936, стр. 136—140), не говоря уже об ученых, тесно примыкающих к младограмматической традиции, как Г. Краэ.

⁷⁶ По вопросу о так называемых «спирантах Бругмана» см.: В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 24—35.

**p* имел место в доистории общеиндоевропейского языка, но что затем произошло передвижение согласных, в результате которого глухие и звонкие смычные поменялись местами: доиндоевр. **b* > и.-е. **p*, а исчезновение бывшего **p* оставило пустую клетку для **b*⁷⁷. Развивая это предположение, можно объяснить и вторую аномалию в дистрибуции смычных, редкость глухих аспирированных. Уже сам Педерсен считался с возможностью, что индоевропейские звонкие аспирированные происходят из глухих. Можно допустить в доиндоевропейском тройное членение внутри каждого артикуляторного ряда смычных: глухие, звонкие и глухие аспирированные. Фонологическая типология вполне допускает такую систему, историческим примером которой служит древнегреческий. При передвижении согласных, когда глухие становились звонкими, глухие придыхательные тоже переходили в звонкие придыхательные, сохраняясь, однако, как резидуум в некоторых положениях, например после *s*, и в звукоподражательных словах, что и обусловило их фонологизацию. Трехчленные ряды доиндоевропейских согласных могли бы сопоставляться, как это в свое время делал Меллер для четырехчленных рядов, с троичными группами семито-хамитических языков, где рядом с глухими имеются звонкие и «эмфатические» глухие.

Однако каждый видит, на сколь зыбкой основе построены такие «дальние» реконструкции системы доиндоевропейских смычных.

Гласные

Вопрос об индоевропейских гласных тесно переплетен с проблемами ларингальной теории, со спорами относительно количества ларингалов. Но все это относится лишь к дальней реконструкции на ее различных хронологических уровнях. В те столетия, которым должна соответствовать ближняя реконструкция, ларингалы, сколько бы их в прошлом ни было, находились в процессе исчезновения, и вокалические тембры, которые могли бы быть приписаны их действию, начинали характеризовать уже не фонетические варианты гласного в сочетании с ларингалом, а самостоятельные фонемы. Ближняя реконструкция рассчитана на картину, весьма близкую к фонологическим системам древнейших представителей отдельных ветвей, и при этом не обязательно абсолютно единую на протяжении всего ареала индоевропейской речи. Это — картина поливокалическая, с подсистемами кратких и долгих гласных (в том числе *i* и *ū*).

Сосредоточим внимание на триаде «собственных» кратких

⁷⁷ Н. Pedersen. D. gemeinindoeuropäischen u. d. vorindoeuropäischen Verschlusslaute... — О передвижениях этого рода ср.: J. Kuryłowicz. Le sens des mutations consonantiques. *Lingua*, t. I, № 1. 1947, стр. 77—85.

гласных — *e, a, o*. Младограмматики приняли эту триаду для языка, опираясь на данные ветвей с максимальным различием этих гласных — армянской, греческой, италийской, кельтской. В германской, балтийской, славянской, албанской и хеттской ветвях противостоят друг другу только два гласных — один переднего ряда *e*, другой непереднего ряда, который можно условно обозначить как *â*: он выступает чаще всего как *a* (германский, балтийский, албанский, хеттский), в славянском — как *o*. При этом ветви с тембром *a* имеют в противостоящем долгом тембр *ô*, славянский, наоборот, — *â*. Индоиранский дает вместо триады или диады единое *a*, однако ассибиляция палатальных там, где индоиранскому *a* соответствует европейское *e* (лат. *-que*, греч. *τε*, д.-и. *sa* и т. д.), свидетельствует о том, что эти индоиранские *a* восходят к **e*. Таким образом, в предыстории индоиранского можно обнаружить ту же диаду, что в германском и других языках⁷⁸. Соперничают, стало быть, две системы. Следует ли одну из них признать первичной, и, если следует, то какую именно?

«Слабым» местом триады всегда представлялся индоевропейский гласный **a*, реже всего встречающийся, а главное — почти не принимающий участия в аблаутных соотношениях и тем самым как бы выпадающий из системы морфологизованных чередований. Отсюда постоянные попытки изъять этот гласный из исходного вокализма индоевропейских языков.

Самый частый случай индоевропейского **a*, согласно младограмматической реконструкции, случай начального положения получил в свете ларингальной гипотезы легкое истолкование: начальный гласный *a* восходит к **ǵe* или **ǵo*. Возникновение его из этих групп можно было рассматривать как общеиндоевропейский процесс (не затронувший, однако, хеттского языка, где ларингал в этой позиции сохранился: *han-ti*, греч. *ἀντί* и т. д.) и тогда **a*- относилось бы к одному из наиболее поздних слоев общеиндоевропейского языка; можно было, однако, исходя именно из группы **ǵo*, приписать изменение тембра гласного лишь южной группе языков, где при этом образовалась триада *e — a — o*, и для прочих принять **ǵo- > *o-* с дальнейшими рефлексами этого **o* по различным ветвям. На эту вторую точку зрения встал Ю. Курилович, уделивший вопросу об **a* большое внимание в ряде своих работ⁷⁹.

⁷⁸ Мы отвлекаемся от так называемого «закона Бругмана», согласно которому и.-с. **o > и.-и. ā* в определенных позициях.

⁷⁹ Называем только основные: J. Kuryłowicz. 1) *Études indoeuropéennes...* стр. 103—121; 2) *L'indoeuropéen connaissait-il A à côté de O?* В кн.: *Mélanges de linguistique et de philologie, offerts à J. van Ginneken*. Paris, 1937, стр. 199—206; 3) *L'Apophonie...* стр. 166—195; 4) *Probleme...* стр. 112—114.

Если мы возьмем его подробный разбор проблемы **a* в книге "L'Apophonie" (1956), окажется все же, что исследователь оставил ряд случаев без объяснения. Таковы основы: **kaiko*- 'слепой', **daiue*- 'деверь', **kanku*- 'сук', **kaso(n)* 'заяц', **sauso*- 'сухой', **ghans*- 'гусь'. «Перед лицом этих этимологий, — пишет Ю. Курилович, — мы еще не решаемся рассматривать доказательство послеиндоевропейского (южного) происхождения вокализма *a* как окончательное. Но задача сводится к небольшому числу этимологиии»⁸⁰. Многие слова эти относятся к категории конкретных имен, не связанных с глагольными корнями. Ни в местоимениях, ни в числительных нет исконного вокализма *a*; нет его и среди названий частей тела, а это основные категории индоевропейской лексики. Исследователь считается с возможностью, что не поддающиеся объяснению случаи могут представлять собой заимствования из каких-либо неиндоевропейских языков. В инсбрукском докладе (1961) Курилович, не приводя уже новых доводов, исключил *a* из праиндоевропейского вокализма.

Против аргументации Куриловича выступил недавно О. Семереньи⁸¹. Он настойчиво подчеркивает несводимость многих начальных **a* к послеларингальной позиции или к шва, но наряду с этим выдвигает также и теоретическое соображение, основанное на принципах фонологической типологии: не существует фонологических систем, содержащих только гласные среднего и высокого подъема; все известные системы содержат *a*. С этой точки зрения предлагаемый Куриловичем праиндоевропейский вокализм \tilde{e} , \tilde{o} , \tilde{i} , \tilde{y} оказывается нереалистичным. Вывод Семереньи: надлежит признать индоевропейское *a* и тем самым принять для праязыка «нормальную систему из пяти гласных, такую, как мы находим, например, в латинском языке»⁸².

Мы уже имели возможность убедиться (стр. 39) в том, сколь большое значение может иметь фонологическая типология при реконструкции доисторических состояний звукового строя. Однако в рассматриваемом случае ссылка Семереньи на типологические закономерности вряд ли достигает цели. Когда мы, рассуждая об индоевропейском вокализме, пользуемся привычными обозначениями **e*, **o*, они имеют условный характер, не позволяющий придавать им слишком определенную фонетическую реальность. Наши **e* и **o* в свое время обозначались как **a*₁ и **a*₂. Если бы мы пожелали придать реконструкции Куриловича форму

⁸⁰ L'Apophonie... стр. 193.

⁸¹ O. Szemerényi. Structuralism a. substratum — Indo-Europeans a. Aryans (sic! вм. "Aryans" следует читать "Semites") in the ancient Near East. *Lingua*, v. 13, 1964, стр. 1—29.

⁸² Там же. стр. 9.

i u
ä å

возражения со стороны фонологической типологии, по-видимому, отпали бы⁸³.

Тем не менее самый вывод, к которому приходит Семереньи в результате анализа самого материала, представляется мне обоснованным, независимо от типологического аргумента. В случае с гласным *a* мы имеем ту же напрасную тенденцию языковедов исключить из реконструкции все «малочастотное», редкое, с которой мы уже встречались в вопросе о глухих придыхательных. Без исследовательского нажима, без предположений *ad hoc* нельзя устранить хотя бы и немногие случаи индоевропейского **a*. Стало быть, необходимо его принять. Даже если бы этот звук оказался генетически чужим, субстратным, заимствованным и т. п., усвоение его в качестве особой фонемы дает ему место в фонологической системе языка, воспринявшего этот звук.

К тому же гипотеза о «заимствованном» характере слов, содержащих несводимые к известным нам источникам звуки *a*, тоже является одним из предположений *ad hoc*, к которым прибегают, не видя путей для приемлемого объяснения. «Заимствования» иноязычных слов с усвоением иноязычной фонемы вместо замены ее автохтонной фонемой представляют собой вообще редкий случай, если речь не идет о заимствовании из одного литературного языка в другой на совершенно ином уровне языкового развития. В словах с несводимым *a* естественнее поэтому видеть не заимствования из другого языка, а остатки прошлого, рудименты. Так, по-видимому, смотрит на этот вопрос и Семереньи. Он исходит при этом из представления о позднем возникновении индоевропейского качественного аблаута *e/o*, который стал мощным морфологическим фактором, преобразил всю картину индоевропейского вокализма и вытеснил более ранние чередования. Формы с древним вокализмом *a* остались в некоторых изолированных словах, не связанных с глагольными корнями и не охваченных перестройкой вокализма. Последующая судьба *a*, дефонологизация различия между *a* и *o* в ряде языков (см. выше) связана была с незначительностью функциональной нагрузки *a*. В дальнейшем эта нагрузка увеличилась благодаря возникновению *a* (или *â*) < **ə* в европейских языках (по-видимому, уже очень поздний процесс).

Проблемы дальней реконструкции индоевропейского вокализма очень сложны. Они неразрывно связаны со спорными вопросами ларингальной теории и с не менее спорными вопросами развития индоевропейского аблаута, которые остаются нерешенными.

⁸³ К типологии вокализма ср. также: В. В. Иванов. Общиндоевропейская..., стр. 19—24.

несмотря на обилие высказанных по их поводу предположений.

Нет, разумеется, ничего проще, чем принять моновокалическую теорию в одной из ее разновидностей и представить себе весь дальнейший ход развития как все время направленный в одну сторону процесс дифференциации вокализма, выделение самостоятельных гласных из былых «силлабофонем» или «протофонем»⁸⁴. С умозрительной точки зрения, такие гипотезы всегда возможны. И нет ничего легче, чем подвергать эти гипотезы умозрительной же критике, ссылаясь на то, что действительность всегда сложна и картина непрерывной единообразной эволюции маловероятна. Нас интересует только вопрос о том, в какой мере факты, устанавливаемые ближней реконструкцией индоевропейского вокализма, дают опору для дальнейших исканий.

В этом отношении интересна позиция Ю. Куриловича, исследования которого способствовали распространению моновокалической теории, начиная с 30-х годов нашего века. В своем уже неоднократно упоминавшемся инсбрукском докладе он выступил с рядом критических замечаний по адресу этой теории. То обстоятельство, что на основе форм с вокализмом *e* возникает нулевая ступень с *i* и *u*, ступень с тембром *o*, удлинненная ступень \bar{e} и т. д., еще не дает основания умозаключать, что все *i*, *u*, *o*, \bar{e} и т. д. позднейшего происхождения. В древних индоевропейских языках огромный слой производных форм, основанных на аблаутных закономерностях, отнесил сравнительно немногочисленные слова, сохранившие древний вокализм. Древнее *o*, как в греч. $\kappa\acute{o}\pi\tau\omega$, представляет собой уже редкий случай по сравнению с массовидной деривацией типа $\acute{\upsilon}\beta\acute{o}\varsigma$ ⁸⁵. Рядом с распространением новых тембров шла элиминация старых. С другой стороны, вокализм *e* в ряде случаев, вероятно, уже является вторичным, представляя собой новообразование по преобладающему типу. Все это делает реконструкцию *e* как единственного гласного если не невозможной, то во всяком случае весьма спорной и непосредственно из фактов не вытекающей.

Против моновокалической гипотезы выдвигались доводы так-

⁸⁴ См., например: L. Hjelmslev. Quelques réflexions sur le système phonique de l'indo-européen. Mélanges linguistiques offerts à M. H. Pedersen. København, 1937 (Acta Jutlandica. XI. 1), стр. 34—44; С. Н. Borgström. 1) Thoughts about indo-european vowel-gradation. Norsk Tidsskrift for sprogvidenskap, Bd. XV, Oslo, 1949, стр. 137—187. 2) Internal reconstruction of preindo-european word-forms. Word, v. 10, 1954, стр. 275—287; Н. Д. Андреев. Периодизация истории индоевропейского праязыка. Вopr. языкозн., 1957, № 2, стр. 3—18. С. Д. Кацнельсон. К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы. Вopr. языкозн., 1958, № 3, стр. 46—59.

⁸⁵ J. Kuryłowicz. Probleme... стр. 113

же с точки зрения фонологической типологии. «Моновокалическая картина праиндоевропейского языка не находит поддержки в зарегистрированных языках мира», — утверждал Р. О. Якобсон на VIII Международном съезде языковедов в Осло⁸⁶. Не будем входить в рассмотрение вопроса о том, действительно ли в известных нам живых языках нет моновокализма. Специалисты тех языков, относительно которых утверждалась моновокаличность (абхазский, аранта и т. п.), расходятся в своих мнениях. Но даже если утверждение Якобсона правильно, оно не может претендовать на панхроническую значимость. Оно сигнализирует лишь о том, что гипотеза о моновокалическом предке индоевропейских языков должна быть отнесена к достаточно отдаленному прошлому, к такой хронологической глубине, на которой типологические закономерности современных языков уже не действуют. Однако суждения о явлениях такой глубины вряд ли могут быть добыты путем системного анализа недавних фактов и в сущности выходят за пределы всякой «реконструкции», даже дальней.

⁸⁶ R. Jakobson. *Typological Studies*. . . , стр. 23. Ср.: Н. С. Трубецкой. *Основы фонологии*. М., 1960, стр. 107. — «Языков с одной-единственной гласной фонемой. Видимо, нет».

II. РЕКОНСТРУКЦИЯ КАТЕГОРИЙ ИМЕННОЙ И ГЛАГОЛЬНОЙ ФЛЕКСИИ

Категории именной флексии

Первичное единство грамматического строя индоевропейских языков является не менее важным показателем их генетической связи, чем общность лексического состава и устанавливаемые на основе этой общности закономерные фонетические соответствия между отдельными ветвями и языками. Сравнительно незначительная «проницаемость» морфологии, особенно словоизменения, очень редко подвергающегося воздействию со стороны других языков, делает ее бесспорным свидетельством языкового родства. Этим определяется ее решающее значение в комплексе вопросов, связанных с реконструкцией общеиндоевропейского языкового состояния. Если нет поддающейся реконструкции морфологической системы, то «реконструкция» рассыпается.

Морфологические системы современных индоевропейских языков складывались в течение ряда тысячелетий. Одной из наиболее замечательных их особенностей, благодаря которой сравнительно-исторический метод оказался по отношению к индоевропейской семье более продуктивным, чем в какой-нибудь другой области языкознания, является их многослойность. Новые явления сосуществовали с более ранними, часто накладывались на них, не снимая их полностью. Отсюда многочисленные «аномалии» индоевропейских языков, остатки былых систем, свидетельства о прошлом, позволяющие продуктивно применять метод восстановления этого прошлого на основании его пережитков. В любом индоевропейском языке, хотя бы взятом нами в наиболее ранний период его засвидетельствования, мы легко найдем элементы его системы, восходящие к уровням разной глубины. Одни возникли уже на путях самостоятельного развития данного языка, другие появились в одной из ареальных зон, выделившихся из индоевропейской общности; многое восходит к общеиндоевропейскому состоянию того периода, который восстанавливается в порядке ближней реконструкции; другие стороны системы, и при этом, может быть, наиболее основополагающие в смысле морфологической структуры индоевропейского слова, уводят в еще более далекое прошлое.

Мы видели, что для фонологической дальней реконструкции почти единственным твердым пунктом является наличие ларингальных. Морфологическая дальняя реконструкция имеет больше опорных точек. Не говорю уже о проблеме индоевропейского корня. В настоящей главе нас интересуют вопросы флективной структуры имени. Как ни решать спорные вопросы ближней реконструкции, о которых у нас пойдет речь, общеиндоевропейское языковое состояние являет картину весьма развитой флексии. Между тем

стоит лишь обратиться к такому характерному для древних индоевропейских языков явлению, как именное словосложение, и мы сразу наталкиваемся на пережитки дофлективного периода. Наряду с позднейшими типами композиции, где сложные слова возникают в результате смыслового и формального объединения синтаксической группы, срастающейся в единое целое (например, лат. *agrī-cultūra* 'земледелие'), такие сложные имена, как лат. *agri-cola* < **agro-cola* 'земледелец' или греч. *ῥοδο-δάκτυλος* 'розоперстый', не могут быть разложены на грамматически оформленные слова и созданы по более древнему словообразовательному типу, где членом сложения является не падежная форма, а именная основа. Этот тип словосложения (сложение собственном смысле слова) унаследован от общеиндоевропейского языкового состояния и должен восходить к такому периоду развития индоевропейского языка, когда флексия (по крайней мере, в ряде синтаксических сочетаний) еще не была выработана и морфема, ставшая впоследствии основой имени, представляла собой самостоятельное слово. Другим остатком дофлективного периода является форма звательного падежа единственного числа (греч. *πάτερ, λύκε*), которая представляет собой в позднейшей системе основу с нулевой флексией, но по своему происхождению является былой формой имени, флективно еще не изменявшегося. Экспрессивность, связанная с функцией обращения, позволила сохраниться архаической форме. В таком же положении находится форма повелительного наклонения единственного числа с нулевой флексией, сохранившаяся в тех же условиях обращения. Таким образом, мы имеем все основания доводить дальнюю реконструкцию до эпохи, предшествующей возникновению флексии. Вместе с тем несомненная многослойность системы флективных категорий и у имени (и местоимения), и у глагола позволяет поставить вопрос о восстановлении основных этапов ее развития и прийти в ряде пунктов если не к несомненным выводам, то во всяком случае к вполне обоснованным предположениям.

Возможность ухода в более далекую историю не снимает, однако, остроты спорных моментов ближней реконструкции. Они касаются важнейших вопросов развития индоевропейской флексии.

Как известно, в периоды развития индоевропейских языков, засвидетельствованные письменными памятниками, старые флективные системы во всех ветвях так или иначе шли на убыль. Со времени романтиков (Ф. Шлегеля и др.) процесс этот истолковывался как деградация, иссякание творческого начала в языке. Младограмматики отказались от теоретической концепции о смене двух периодов — роста и упадка — в жизни языка вообще, но сохранили представление о росте флективной системы в праязыковой период, об упадке ее после распада языка. Младограмматическая реконструкция перенесла в общеиндоевропейское состояние мор-

фологический строй тех языков, в которых он отличался наибольшей сложностью и расчлененностью — санскрита и греческого. Отклонения других ветвей рассматривались как утраты или новообразования, как перестройка древней индоевропейской системы, происшедшая в промежутке времени между «распадением» праязыка и древнейшими памятниками каждой данной ветви. Направления языкового развития в эти зачастую весьма длительные периоды дописьменной истории отдельных ветвей отождествлялись, таким образом, с позднейшим, исторически документируемым направлением в сторону упадка флективности. Веским доводом в пользу предположения об утрате ряда флективных категорий в отдельных ветвях индоевропейской семьи явилось то наблюдение, что утрата морфологических категорий очень часто сопровождается сохранением соответствующих форм, адаптирующихся к новой системе. Со времени исследования Дельбрюка об отложительном, местном и орудийном падежах⁸⁷ утвердилось учение о падежном синкретизме. Там, где количество падежей сократилось по сравнению с древнеиндийской восьмипадежной системой (а это имело место в той или иной мере почти повсюду), сокращение происходит в порядке слияния прежде дифференцированных падежей воедино, новые синкретические падежи содержат сумму значений, принадлежавших падежам, из которых они составились, и зачастую сохраняют форманты своих предшественников. Так, старославянский родительный складывается из двух индоевропейских падежей — родительного и отложительного; латинский аблатив имеет тройственное происхождение, сочетая в себе отложительный, орудийный и местный.

Младограмматическая реконструкция общеиндоевропейской флективной системы, солидно обоснованная рядом выдающихся исследователей, не осталась, тем не менее, без возражений. Ее упрекали в чрезмерно односторонней ориентации на санскрит и греческий, т. е. на языки одной восточной группы индоевропейской семьи, в отнесении к праязыку нововведений, свойственных только восточному ареалу. В связи с этим встал вопрос о том, что рост флективной системы мог продолжаться в отдельных ареальных зонах уже после распада праязыка как целого, что общеиндоевропейскую морфологическую систему надлежало бы представлять себе более простой, чем древнеиндийская или греческая. Изучение новых языков, тохарского и хеттского, обнаружило в них ряд изоглосс, связывающих их как раз не с восточным, а с западным ареалом, в частности с италийскими и кельтскими языками, и это повысило интерес к явлениям западных языков и их значению для реконструкции общеиндоевропейского состояния. Особенности хетт-

⁸⁷ B. Delbrück. Ablativus, localis, instrumentalis. Berlin, 1867; ср. также: K. Penka. D. Entstehung d. synkretistischen Casus in Lateinischen, Griechischen u. Deutschen. Wien, 1874.

ского языка поставили вопрос об их сравнительно-исторической оценке, что в них является архаизмом, сохраняющим индоевропейское прошлое, и что инновацией. К новым фактам присоединились и новые методологические установки, иные взгляды на характер индоевропейской общности. Младограмматики проводили в своей реконструкции принцип полного единообразия; новые течения подчеркивали момент изначальной диалектной раздробленности, возможности исконных различий, явившихся источником многообразных отражений в будущих «ветвях».

Вопрос о проверке и éventуальном пересмотре младограмматической реконструкции индоевропейской флективной системы является, таким образом, вполне актуальным. Нельзя не отметить, что в последние годы некоторые советские исследователи определенно высказывались в пользу несложной морфологической структуры праязыка и предлагали переориентировать реконструкцию от санскрита и греческого на хеттолувийскую и германскую ветвь⁸⁸.

Автор настоящих строк в свое время⁸⁹ ожидал от этой проверки более значительных результатов, чем она, по-видимому, может дать. Ныне он полагает, что младограмматическая реконструкция индоевропейской флексии нуждается, конечно, — две трети века спустя! — в серьезных дополнениях и поправках, но в основном выдержала испытание временем.

Категории рода, числа и падежа, переплетением которых определяется система именной (и местоименной) флексии в древних индоевропейских языках, разнотипны как по своей грамматической сущности, так и по своему отношению к предметному миру и объективной действительности.

Особенно остро стоит этот последний вопрос в отношении категории рода. Она возникает только тогда, когда морфологический классификационный признак, присущий предметному имени, но не составляющий координаты его формоизменения, отражается в форме качественного имени, которое само по себе к определенному роду не принадлежит, но изменяется по родам. Если в языке замирает формоизменение качественных, «согласуемых» слов по роду, категория рода исчезает.

Все древние индоевропейские языки, кроме армянского, имеют категорию рода, и каждое имя к ней причастно, либо принадлежа к

⁸⁸ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958 (Доклады на IV Международном съезде славистов); В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963. — Эта же точка зрения проведена, хотя и с оговорками, в таком капитальном труде, как «Сравнительная грамматика германских языков», — см. статьи Э. А. Макаева об именном склонении (т. III. М., 1963) и М. М. Гухман о глаголе (т. IV. М., 1966).

⁸⁹ И. М. Тронский. К вопросу о сравнительно-историческом методе. Уч. зап. ЛГУ, сер. филолог. наук, вып. 15, 1952, стр. 26—27.

некоторому роду, либо изменяясь по родам. Если оставить в стороне заведомо более поздние явления редукции родовой системы, то во всех ветвях, известных в XIX в., были три, те самые три рода, которые со времен античной грамматики получили наименование мужского, женского и среднего (или нейтрального). Совершенно естественно, что классификация предметных имен по трем названным родам была приписана общиндоевропейскому языковому состоянию.

Система эта, прочно держащаяся во многих языках в течение тысячелетий вплоть до нашего времени, всегда вызывала недоумение исследователей своей «непонятностью». Действительно, к какому из индоевропейских языков мы бы ни обратились на любом этапе его развития, категория рода может рассматриваться как знаменательная, семантически обусловленная только по отношению к одной, и притом сравнительно немногочисленной части лексического материала, к существительным, обозначающим лиц и животных. Огромная литература, посвященная проблеме грамматического рода вообще и родовой системе индоевропейских языков в особенности⁹⁰, не дала еще удовлетворительного ответа на вопрос о предметно-смысловых основах родовой классификации и, более того, даже не создает убеждения, что самая постановка этого вопроса в равной мере законна по отношению ко всем элементам этой системы.

Серьезный шаг вперед в прояснении этих вопросов бы сделан А. Мейе⁹¹. Он установил, что в привычной трехродовой классификации не все члены гомогенны и что средний род занимает по отношению к мужскому и женскому другую позицию, чем мужской и женский род между собой. Противопоставление среднего рода (n) двум прочим родам значительно глубже проникает в грамматическую систему древних индоевропейских языков, чем противопоставление женского рода (f) мужскому (m). Средний род имеет редуцированную систему форм, поскольку по всему склонению проведено формальное равенство именительного падежа (N) и винительного (A) во всех числах, не говоря уже о звательном (V), для которого служит та же форма NA. В единственном числе среднего рода форма эта в именной системе имела нулевое окончание. Правда, в основах на *-e/o- некоторые ветви и языки перенесли на

⁹⁰ История вопроса до 1929 г. подробно рассмотрена в книге: G. Royen, O. F. M. Die nominalen Klassifikations-Systeme in den Sprachen der Erde. Mödling, 1929 (Linguistische Bibliothek Anthropos, Bd. IV). Важнейшие из более поздних работ поименованы в статье: I. Fodor. The origin of grammatical gender. Lingua, v. VIII. 1959, стр. 1—41. 186—214. Новейшая трактовка вопроса в книге: J. Kurylowicz. The inflectional categories of indoeuropean. Heidelberg, 1964, стр. 207—226.

⁹¹ Для нас наиболее важны его статьи в сборнике «Linguistique historique et linguistique générale», 2 ed. Paris, 1926, а также «Essai de chronologie des langues indo-européennes. La théorie du féminin» (Bull. de la Soc. de Ling. de Paris. t. 32. 1931. №№ 1—3, стр. 1—28).

NAV и окончание **-m* (**-n*) из А других родов (и.-и. *-am*, греч. *-ov*, лат. *-um*, кельт. **-on* д.-прус. *-an*), но, как свидетельствует хет. *-a*, лит. *-a* ст.-сл. *o*, это — позднейшее, не общеиндоевропейское явление. Местоименное окончание NAVп *-d* отлично от окончаний других родов. Это обстоятельство особенно важно в том отношении, что согласование местоимений на **-d* с существительными, имевшими нулевую флексию, создавало уже родовую классификацию, превращало имена, свойством которых было равенство N и A, из класса в грамматический род (позднейший средний), которому тем самым противостоял другой род (несредний). В результате форма Ап всегда, а форма Nп почти всегда отличны в единственном числе от форм других родов по своему конечному элементу. Нулевое окончание является остатком дофлективного состояния, от которого в именах среднего рода вообще остались значительные следы былой несклоняемости. В греческом языке, вообще богатом архаизмами в отношении родовой системы, имеется ряд слов, не употребительных иначе, как в NAVп: *δέμας*, *σέβας*, *ἦδος*, *ὄφελος* и т. д. Синтаксический рудимент того же явления можно видеть в употреблении формы NAVп в функции универсального объектного падежа в таких сочетаниях, где слово несреднего рода было бы поставлено в каком-либо другом из косвенных падежей⁹². Это бывает и с именами и, особенно, с местоимениями в греческом и еще чаще в латинском языке. Хеттский допускает такое употребление местоимения среднего рода во многих конструкциях. В историческое время огромное большинство имен среднего рода уже имеет полную парадигму склонения. Формы падежей, отличных от NAV, совпадают при этом с соответствующими формами имен несреднего рода от основ того же типа, и притом имен мужского рода, если в этом типе основ мужской и женский род обнаруживают отличия в склонении. Это — показатель направления, в котором развивалась флексия. Склонение мужского рода играло индуцирующую роль по отношению к более «отсталому» среднему роду. Сюда же относится нередкая в словах среднего рода, принадлежащих к древнему лексическому фонду, гетероклисия: парадигма образована формой NAV единственного числа (S) от одной основы, к которой присоединяются прочие формы от другой основы. Этот флективный тип восходит, очевидно, к супплетивизму двух основ, из которых одна служила для несклоняемого в прошлом слова среднего рода, а другая для изменяющегося по падежам слова несреднего рода. Наиболее частый случай такой гетероклисии представляет собой сочетание в одной парадигме основы на **-r-* или **-i-* для NAV(S) и основы на **-n-* для прочих форм, например хет. NAV

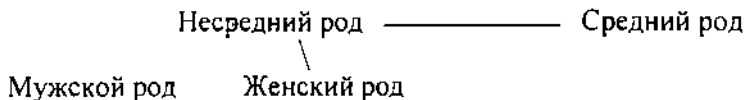
⁹² W. Havers. Eine syntaktische Sonderstellung griechischer u. lateinischer Neutra. Glotta, Bd. 13, 1924, стр. 171—189; E. Löfstedt. Syntactica. Lund, Bd. I. 1928, стр. 187 и сл.; Bd. II, 1933, стр. 15.

catar с супплетивной основой *цeten-*. Во множественном числе (Р) для функции NAVn адаптированы формы, служившие для производства собирательных имен, чаще всего с основой *-ā/э, т. е. с ларингальным в исходе, опять-таки резко отличные от форм NV и A во множественном числе других родов. Средний род, таким образом, представляет собой категорию, имеющую давние истоки в общиндоевропейской языковой системе; особенности его представляются зачастую уже архаическими и идут на убыль в процессе языкового развития.

Совершенно иную картину являет противопоставление женского и мужского рода. Оно не столь глубоко пронизывает грамматическую систему, как соотношение среднего рода с несредним, и, что самое важное, степень его проникновения в эту систему различна в разных ветвях. В санскрите или германском степень эта значительно выше, чем в греческом или латыни. Стало быть, мы имеем здесь дело с противопоставлением более новым, крепнущим на наших глазах, рост которого продолжается после распада индоевропейской общности, на путях самостоятельного развития отдельных ветвей. Отвлечемся пока от спорного вопроса о сравнительно-грамматической оценке хеттской родовой системы (см. стр. 64). Если рассматривать только те ветви, которые были известны в XIX в., необходимо будет признать все три рода как общиндоевропейские. Уже в общиндоевропейское время наметилась значительная тенденция соотносить некоторые основы имен существительных, особенно основы на *-ā-, *-iā-, *-ī-, *-ū-, с женским родом, но прикрепления тех или иных основ к родам еще не наступило и в большинстве своем типы основ оставались безразличными к роду. Внутри этих основ принадлежность существительного к мужскому или женскому роду не отражалась на склонении. Всюду, где при одной основе возникали флективные различия между именами мужского и женского рода, как это имело место в рефлексах основ на *-ā- в греческом языке, основ на *-i- и *-u- в древнеиндийском и в германском и т. д., мы имеем дело со специфическими новообразованиями отдельных ветвей. В тех частях речи, которые изменяются по родам, в прилагательных и местоимениях, процесс образования особых форм женского рода протекал интенсивнее, но и тут степень захвата языкового материала была неодинакова в разных ветвях; также и в этом отношении греческий и латинский языки архаичнее других. В области указательных местоимений дифференциация форм мужского и женского рода общиндоевропейская: д.-и. *sa, sã*, греч. *ὁ, ἡ*, гот. *sa, so*, лат. формы AS *sum, sam*. Иначе обстоит дело с прилагательными, причастиями. В латинском языке, как и во многих других, систематически проведено чередование основы *-e/o- и *-ā- для противопоставления m (а также n) и f в прилагательных и причастиях (*bonus, bonum — bona*), но во всех

прочих основах прилагательные (и причастия) противопоставляют единую форму *mf* форме *n* (*brevis* — *breve*⁹³, AS *audācem* — *audāx*, NP *audāces* — *audācia*). По сравнению с латинским греческий язык в этом отношении, с одной стороны, более архаичен, но содержит и инновации. Архаичность состоит в том, что очень большое количество прилагательных с основой на **-e/o-* не имеет соотносительной формы женского рода с основой на **-ā-* и *-os* функционирует как общая форма *mf*, противопоставленная *-ov* (*n*); к числу этих прилагательных «двух окончаний» на *-os* относятся вместе с рядом простых прилагательных многочисленные композиты, образованные по архаическим моделям словосложения: нередко бывают колебания между более старинным типом двух окончаний и позднейшей трехродовой моделью. С другой стороны, греческий язык ввел трехродовое чередование в ряд других основ (**-и*, **-п-*, **nt-* и т. д.). Неразличение мужских и женских форм прилагательного мы находим иногда и в других языках, например в древнеиндийских основах на *-и-*. При таких условиях общеиндоевропейским явлением можно признать только сильную тенденцию к созданию трехродовой модели в тематических основах прилагательных по типу местоименной модели.

Эти особенности морфологической структуры древних индоевропейских языков заставили А. Мейе с полным основанием предположить, что трехчленной родовой классификации предшествовала двучленная. По его мнению, средний род некогда противостоял не мужскому и женскому как двум самостоятельным родам, а как единому целому, впоследствии распавшемуся на два отдельных рода. Получается схема:

Многие исследователи согласились с этой реконструкцией происхождения индоевропейской родовой системы⁹⁴.

Мысль о расщеплении старого несреднего рода на позднейшие мужской и женский не может быть обоснована приведенными вы-

⁹³ Противопоставление, разумеется, имеет место только в формах N(V) и A, где средний род отличается от несреднего. Использование двух фонетических дублетов для дифференциации *m* и *f* в типе *ācer* — *ācris* произошло очень поздно и не может интересовать нас в данной связи.

J. Lohmann. *Genus u. Sexus*. Göttingen, 1932 (Ergänzungshefte zur Zeitschrift für vergleich. Sprachforschung, N 10); E. Schwyzer — A. Debrunner. *Griechische Grammatik*, Bd. II. 1949. стр. 30; T. Burrow. *The Sanskrit Language...*, стр. 200—207; L. Hjelmslev. *Animé et inanimé, personnel et non-personnel*. *Travaux de l'Institut de linguistique*. t. I. Paris. 1956, стр. 155—199; J. Kuryłowicz. *The inflectional categories...* стр. 207 и сл.; J. B. Hofmann — A. Szantyr. *Latcinische Syntax u. Stilistik*. München, 1965, стр. 5, и др.

ше материалами. Они диктуют лишь необходимость признания оппозиции *mf* более поздней, чем *pop-n* — *n*. Идея распада *pop-n* на *m* и *f* вызвана обстоятельством, о котором мы еще не упоминали. Дело в том, что в хеттском языке обнаружилась двухродовая система, в которой среднему роду противостоит «общий», соответствующий совокупности мужского и женского родов в других древних индоевропейских языках. То, что наиболее древний по засвидетельствованию индоевропейский язык, сохранивший ряд несомненно архаических черт, как например ларингал, подтвердил гипотезу о двучленной родовой классификации, выведенную из материала других языков в порядке внутренней реконструкции, казалось достаточным основанием для признания хеттского языка сохранившим эту древнюю родовую классификацию в ее исконном виде. Отсюда, конечно, вытекало, что позднейшие мужской и женский род выделились из «общего» рода хеттского типа.

Предположение об архаическом характере хеттской двучленной системы родов вызвало, однако, возражения других исследователей, предпочитавших усматривать в хеттской модели не архаическую черту, а новообразование, редукцию общеиндоевропейской трехчленной системы. С А. Мейе спорил Г. Педерсен⁹⁵; к взгляду Педерсена присоединился Г. Кронассер, не считавший нужным утруждать себя сколько-нибудь обстоятельной аргументацией⁹⁶. Из советских исследователей того же мнения придерживается Т. В. Гамкрелидзе⁹⁷.

Аргументацию Педерсена вряд ли можно признать убедительной; она направлена преимущественно против тезиса Мейе об архаическом характере периферийных языков, что не имеет прямого отношения к рассматриваемому нами вопросу. Однако независимо от доводов Педерсена отождествление хеттской родовой системы с праязыковым состоянием времени отделения хеттского от общеиндоевропейского массива связано с известными трудностями. Если хеттский выделился на таком этапе развития индоевропейской речи, когда для нее характерна была двучленная родовая система и даже не было тенденции к созданию трехчленной, то должно было бы пройти очень много времени для того, чтобы все прочие ветви пришли так или иначе к трехродовой системе, в общих чертах единой для всех этих языков, несмотря на разную степень дифференциации форм мужского и женского рода. Это единство, охватывающее во всех ветвях один и тот же ряд суффиксов, служащих преимущественно для образования существительных женского рода, свидетельствовало бы к тому же об очень незначительном диа-

⁹⁵ H. Pedersen. Hittitisch u. d. anderen indoeuropäischen Sprachen..., стр. 13—19.

⁹⁶ H. Kronasser. Vergleichende Laut- u. Formenlehre d. Hethitischen. Heidelberg, 1956, стр. 97.

⁹⁷ Т. В. Гамкрелидзе. «Анатолийские языки» и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. М., 1964, стр. 2.

лектном расслоении праязыка во время отделения хеттского. Это все легко объяснялось бы, если бы была правильна гипотеза Э. Стёртеванта о том, что хетто-лувийская группа противостоит не отдельным ветвям индоевропейской семьи, а всей семье в целом, как самостоятельный отпрыск более широкой «индохеттской» семьи, отделившийся в далеком прошлом от второго отпрыска этой семьи — праиндоевропейского языка. Хеттский сохранял бы двучленную классификацию индохеттского, а индоевропейский выработал бы три рода. Если же отход будущих носителей хеттской речи произошел не в столь отдаленные времена и если в индоевропейском уже начиналось тогда диалектное расслоение, которое привело к разным путям развития на разных ареалах, нелегко себе представить, что эти разные диалекты все вырабатывали трехродовую систему в столь сходных направлениях.

Тем не менее самая последовательность развития от двучленной к трехчленной именной классификации в истории индоевропейского языка не должна, по-видимому, вызывать сомнения. Проблема происхождения этой классификации сводится к двум основным вопросам: 1) как возникла модель, в которой среднему роду противостоял несредний род; 2) в силу каких причин эта модель была перестроена и среднему роду стали противопоставляться два рода — мужской и женский.

Ни один из этих вопросов не получил еще окончательного разрешения.

Согласно наиболее вероятному предположению, в основе двучленной классификации лежит противопоставление активного и инертного, или одушевленного и неодушевленного, или лица и вещи, одна из тех многочисленных классификаций, которые в разных вариантах нередко встречаются в различных языковых семьях⁹⁸. Двучленная классификация этого типа, деление имен на одушевленные и неодушевленные имеется, например, в алгонкинских языках Северной Америки. Некоторые индоевропейские языки до сих пор сохранили такое деление, по признаку лица и вещи, в вопросительно-неопределенном местоимении: русск. *кто, что*, греч. *τίς, τί*, лат. *quis, quid* и т. п. Однако в применении к именам эта характеристика хорошо подходит только к одному из членов противопоставления — среднему роду. Существительные среднего рода действительно обычно обозначают неживое, неактивное, нерасчлененное, например части тела, явления природы, сосуды и орудия, единицы времени, а также могут иметь собирательное или отвлеченное значение. На изначальную инертность, неактивность имен

⁹⁸ G. Royen, O. F. M. Die nominalen Klassifikations-Systeme...; ср.: М. Я. Немировский. Род и класс. К вопросу о генезисе номинальных классификаций. Орджоникидзе — Грозный, 1935 (Изв. Ингушского н.-иссл. инст., т. IV, вып. 2); А. В. Десницкая. Именные классификации и проблема индоевропейского склонения. Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз., 1941, № 3, стр. 49—55.

среднего рода, по-видимому, указывает и то обстоятельство, что они не имеют самостоятельной формы именительного падежа, отличной от винительного. Это — имена, не обозначающие действителя.

Однако — и в этом трудность вопроса — род или роды, противостоящие среднему, никогда в доступное исследованию время не содержали в себе одни только наименования одушевленных или активных предметов, а распространялись также на имена неподвижных вещей и отвлеченных понятий. Дихотомии активного и инертного (в любом варианте этого противопоставления) материал не дает.

Необходимо, правда, учитывать, что в древних индоевропейских языках, кроме хеттского, мы застаем средний род как элемент трехчленной родовой системы и не знаем состава противостоящего ему некогда несреднего рода до возникновения оппозиции мужского и женского рода. Над исследователями слишком тяготела хеттская модель, в которой несредний род представляет собой сумму мужского и женского. Если представлять себе древний индоевропейский активный класс по этой модели и видеть в мужском и женском родах только продукт его распада, очень трудно понять картину распределения имен по родам в исторических индоевропейских языках. Естественнее представлять себе женский род не как простую «половинку» древнего «активного» рода, а как новый класс имен, включивший в себя имена, прежде принадлежавшие и активному роду, и неактивному.

С возникновением родов, именуемых по традиции мужским и женским, родовая дифференциация действительно используется как средство выражения половых различий, но выходит далеко за их пределы. К женскому роду трехчленной индоевропейской родовой системы относятся не только наименования живых существ женского пола, но и большое количество имен неодушевленных предметов, в том числе многие отвлеченные имена действия и качества, а также собирательные имена. Это — те основные лексико-семантические категории, из которых складывается состав женского рода в древних индоевропейских языках. Можно думать, что имена живых существ женского пола прежде относились к несреднему («активному») роду, а собирательные и отвлеченные — к среднему. Создание женского рода отсекло от обоих древних родов по части и образовало из них новый класс.

Вряд ли было бы перспективным искать для этой новой грамматической категории каких-либо предметно-смысловых основ. Ссылка на особенности «первобытного» мышления бесполезна. Образование женского рода происходило еще в общеиндоевропейский период, но на позднем его этапе, который соответствует примерно развитому неолиту или даже началу энеолита. О материальной культуре, социальном строе и мировоззренческих представлениях евразийских племен этого времени есть достаточно сведений, чтобы не приписывать им такого «мышления», которое объедини-

ло бы в одну семантическую категорию женщин с именами качества и глагольного действия. Очевидно, речь идет о категории, создавшейся по внутриязыковым причинам.

Поэтому заслуживают внимания те теории, которые выдвигают на первый план формально-синтаксические моменты соотношения родовой классификации предметных имен с ее отражением в согласованных с именами грамматических категориях слов, изменяющихся по родам — местоимениях, прилагательных, причастиях⁹⁹. Одной из существенных функций рода, продолжающей играть роль также и в современных языках, является то, что она облегчает соотнесение согласуемого слова (например, анафорического местоимения 'он', 'она', 'оно') с существительным, которое при этом замещается¹⁰⁰. В сложном предложении внутри связного контекста, всюду, где согласуемое слово удалено от своего существительного, особенно в языках со свободным порядком слов, родовая дистинкция обогащает возможности согласования, становясь одним из синтагматических приемов. Мы видели, что древнейшим, еще общеиндоевропейским этапом становления женского рода явилось выделение группы имен, с которыми согласовались формы местоимений и прилагательных, образованные от основы на **-ā-* (**sā* и т. п.), т. е. основы с ларингальным исходом. Вместе с тем среди древнейших существительных женского рода основную массу составляют имена на **-ā* и на **-ī-*, опять-таки основы с ларингальным исходом. Соотнесение этих основ друг с другом создает женский род.

Этапы становления этой категории можно представлять себе по-разному, и вряд ли их можно восстановить с точностью. В качестве вполне правдоподобной возможности следует указать на гипотезу А. Мартине. По его мнению, женский род впервые появился в согласовании указательных местоимений типа **sā* с группой имен. Прилагательные женского рода на **-ā* были образованы уже по аналогии местоимений. Местоименная оппозиция типа **so*, **sā* могла существовать и раньше. Тогда она была использована ради нового типа согласования. Местоименное противопоставление могло служить в свое время для выражения половых различий (так думает Мартине), но **sā* могло иметь не значение женского пола, а какое-нибудь иное, например собирательное. Каково бы ни было

⁹⁹ A. Martinet. Le genre féminin en indo-européen: examen fonctionnel du problème. BSL, t. 52, 1956, стр. 83—95; I. Fodor. The origin of grammatical gender... Ср. также: J. Kuryłowicz. The inflectional categories... (более ранняя трактовка вопроса в «Études indoeuropéennes...», стр. 244—251).

¹⁰⁰ W. Admoni. D. deutsche Sprachbau. 2 Aufl., 1965, стр. 99—100; ср.: R. de la Grasserie. De la catégorie du genre. I. Paris, 1906, стр. 251.

его исконное значение как самостоятельного слова, оно стало согласовываться в анафорическом порядке по формальному признаку с существительными, имевшими ларингальный исход, независимо от их значения.

Если мы возьмем наиболее распространенный словообразовательный суффикс существительных, имевший ларингальный исход, суффикс **-ā-*, то он употреблялся для производства имен от глаголов или других имен и дериваты имели разные значения в зависимости от характера отправного слова. Имена на **-ā*, образованные от глаголов или прилагательных, имели отвлеченное значение: д.-и. *diçā* 'направление', греч. *δίκη* 'право', 'справедливость'; греч. *φυγή*, лат. *fuga* 'бегство'. При образовании от существительного производные имена на **-a* указывали на женский пол, когда отправное слово допускало половые различия: *āçvā* от *āçvah* и т. д., или имело собирательное значение: греч. *πυρά* 'костер' от *πῦρ* 'огонь', *πάτρά* 'отечество' от *πατήρ* 'отец', и т. п. Искать в этих случаях семантической связи между дериватами нет оснований. До образования женского рода отвлеченные и собирательные имена на **-ā* относились, надо полагать, к инертному роду и не имели различия между N и A. С другой стороны, имена со значением женского пола должны были входить в состав активного рода с дифференцированными N и A. С образованием женского рода как единой грамматической категории дифференциация N и A распространилась также и на бывшие «инертные» имена.

К существительным с ларингальным исходом, образовавшим, согласно предлагаемой здесь гипотезе, первичную группу имен женского рода, стали затем присоединяться в силу различных семантических аналогий имена с другими основами. Формальные дистинкции между женским родом и противостоявшим ему мужским стали затемненными; среднего рода с его особыми формами NA это не касалось. Начался процесс установления дистинкций, размежевание основ между родами. Это последнее происходило в основном уже после распада индоевропейского единства.

Имена со значением женского пола не являлись, таким образом, основной лексико-семантической категорией при образовании «женского» рода. Однако они в некоторых отношениях уже с самого начала приобрели ведущую роль. Благодаря им женский род стал дифференцировать N и A. В этом отношении мужской и женский род противостоят среднему как единство, чем и обусловлена была возможность сохранения прилагательных двух окончаний, различающих только мужско-женский род и средний, в ряде языков. В позднейшие периоды истории индоевропейских языков родовые различия сохраняют знаменательный характер почти исключительно в дифференциации живых существ по полу, чем и объяс-

няются традиционные термины «мужской» и «женский» род.

Если наше объяснение происхождения женского рода правильно и он действительно объединил в своем составе часть имен активного рода с частью — и притом количественно очень значительной — имен инертного рода, то тем самым решается спорный вопрос о месте хеттской родовой системы в истории индоевропейского рода. «Общий» род, противостоящий среднему в хеттском языке, не воспроизводит древнего активного рода, а является суммой мужского и женского рода в том их составе, который характерен уже для трехродовой классификации. Он мог возникнуть только в порядке редукции уже сформировавшихся трех родов. В качестве факторов этой редукции можно указать, с одной стороны, на совпадение индоевропейских тембров *o* и *a* в хеттском *a*, ставившее под угрозу различие *m* и *f*, а с другой стороны, на субстратные влияния: лингвистическая среда, в которую попал хеттский язык — хурритский, хаттский и т. д., характеризовалась отсутствием родовой классификации.

Таким образом, против признания трехродовой системы общеиндоевропейской не имеется никаких противопоказаний. Она должна быть сохранена в ближней реконструкции, в то время как двучленная классификация отходит в историческую глубину как образец почти несомненной дальней реконструкции.

С категорией рода — и притом в ее древнейших дистинкциях — в индоевропейском переплетались дистинкции двух прочих категорий флексии — числа и падежа. Эти две последние категории вообще неразрывны: различия в числе выражаются противопоставлением падежных окончаний. Основа к числу безразлична. Это обнаруживается, между прочим, в композитах: лат. *rēgifugium* 'царебегство' не содержит указания, бежал ли один царь или несколько; ср. русск. *богоборец*.

Категория грамматического числа имеет свою проблематику¹⁰¹, в которой немаловажное место занимает вопрос о так называемых «особых значениях» множественного числа¹⁰². Они отражают различные этапы развития категории множества в языке. Выработке единой категории отвлеченного множества предшествуют более конкретные множества. Они могут отличаться друг от друга численной мощностью — таковы двойственные, тройственные числа разных языков, или способом своего составления, например инк-

¹⁰¹ См.: И. М. Тронский. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках. Уч. зап. ЛГУ. сер. филолог. наук. вып. 10, 1946, стр. 54—72.

¹⁰² Вопрос этот был поставлен на материале русского языка в статье: А. А. Потебня. Значение множественного числа в русском языке. Воронеж, 1888 (отд. оттиск из «Филологических записок»); ср.: В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 147—166.— Аналогичные материалы из древних языков, преимущественно греческого и латинского: J. Wackernagel. Vorlesungen über Syntax., Bd. I. Basel, 1920 (1926), стр. 73—105.

люзивное и эксклюзивное множественные числа у местоимений первого лица в некоторых языках ('мы, включая вас' и 'мы, исключая вас'). Для личных местоимений характерна категория коллектива неоднородных предметов (мы = я + различные не-я), целое, в котором маркирован элемент, обозначаемый соотносительным единственным числом. Важнее всего, однако, соотношение раздельной множественности и собирательности: это смысловое столкновение сопровождается в индоевропейских языках историю грамматического множественного числа от самого возникновения этой категории до наших дней¹⁰³.

В древних индоевропейских языках, помимо единственного (S) и множественного (P) числа, существовало еще двойственное (Du). Эта архаическая категория, свойственная многим языковым семьям¹⁰⁴, с течением времени идет на убыль. Так было и в индоевропейской семье, хотя в некоторых языках двойственное число сохраняется и поныне (литовский, лужицкие). Если взять древнейших представителей каждой ветви, мы найдем дуалис в живом употреблении в индоиранских языках, балтославянских, в греческом (но уже не во всех диалектах), частично в тохарском; остатки обнаруживаются в германских языках (местоимения, глагол), в древнеирландском (имена), совершенно незначительные следы в италийских и, может быть, в хеттском. Таким образом, двойственное число имелося во всех основных ареальных группах. При этих условиях его отсутствие в отдельных ветвях, сравнительно поздно или совсем поздно засвидетельствованных и значительно отличающихся от общеиндоевропейского типа, не может рассматриваться иначе, как утрата. Категорию двойственного числа надлежит признать общеиндоевропейской. Однако уже с самых ранних известных нам времен она представляется вялой и маложизнеспособной и допускает факультативную замену себя множественным. Как мы увидим, развитие падежной системы не привело к созданию многочисленных дифференцированных форм двойственного числа. При системе восьми падежей ни в одном языке нет больше трех отличных друг от друга форм двойственного числа.

Важное значение для дальнейшей реконструкции развития категорий грамматического числа имеет вопрос о множественном числе слов среднего рода. Его синтаксические и морфологические особенности давно обратили на себя внимание, и труд Иоганна Шмидта «Формы множественного числа среднего рода в индоевропейском языке»

¹⁰³ Ср. о современном русском языке: «В разнообразии употребления форм множественного числа выражается смысловое противопоставление разъединенного множества отдельных единиц и коллективной совокупности или сплошной массы однородных предметов» (В. В. Виноградов. Русский язык..., стр. 166).

¹⁰⁴ A. Cuny. La catégorie du duel dans les langues indo-européennes et chamito-sémitiques. Bruxelles. 1931 (Mémoires de l'Académie Royale de Belgique, Classe des lettres. II. 28).

ке»¹⁰⁵ стал основополагающим в этой области исследованием.

Шмидт исходил из известного правила греческого синтаксиса, согласно которому при подлежащем во множественном числе среднего рода глагольное сказуемое ставится в единственном числе, в то время как подлежащее во множественном числе мужского и женского рода имеет при себе глагольный предикат во множественном числе. Это явный архаизм, поскольку уже у Гомера названное правило может нарушаться в сторону распространительного употребления множественного числа глагола, но аттическая проза и зависящий от нее позднейший греческий литературный язык строго соблюдают его. Это особое положение множественного числа среднего рода свойственно также древнейшим индоиранским текстам, но уже в Ведах оно существует лишь в качестве архаизма, а в Авесте оно соблюдается только в древнейшей части — в Гатах. В хеттском языке, который еще не был известен И. Шмидту, рассматриваемое правило имеет еще более широкое применение, чем в греческом и индоиранском: оно распространяется также на именное сказуемое и на притяжательные местоимения, служащие определением к существительным среднего рода в НА множественного числа. Очевидно, это особое положение множественного числа среднего рода, характерное для древнейших текстов на индоевропейских языках, должно быть проецировано в праязыковое состояние. Множественная форма имен среднего рода означала нечто иное по сравнению с множественным числом других родов. Она первично выражала не раздельную множественность, а собирательность, и поэтому сочеталась с глагольным сказуемым в единственном числе. Собирательное значение еще долго сохраняется в субстантивированном употреблении множественного числа среднего рода прилагательных и местоимений: χαλεπά (P) τὰ καλά (P) 'трудно — прекрасное' (ср. лат. *omnia* (P) *praeclara* (P) *rara* (P) 'все прекрасное редко', хотя в латинском языке уже нет употребления S глагола при Pn). Отсюда возможность употребления Pn прилагательного как предиката (или определения) при расчлененном подлежащем (или определяемом), состоящем из имен (обычно неодушевленных) других родов и чисел.

И. Шмидт показал, что толкование NAn как собирательного имени в индоевропейских языках может быть оправдано и морфологически. Формы именительного—винительного падежа множественного числа от имен среднего рода представляют собой не что иное, как собирательные слова, адаптированные, иногда с перестановкой ударения, к функции множественного числа. В первую очередь это относится к наиболее частой форме NAn, форме на *-ā/-ə*. Здесь форма с нулевой флексией, конечный элемент которой представляет собой один из наиболее употребительных суффиксов со-

¹⁰⁵ J. Schmidt: D. Pluralbildungen d. indogermanischen Neutra. Weimar, 1889.

бирательных и отвлеченных имен. Элемент *-ā/-ə* не флективный, а деривационный. Форма NAn образована от иной основы по сравнению с NAn в единственном числе.

И. Шмидт представлял себе дело так, что собирательные имена на *-ā* относились к женскому роду и имели соответствующее склонение. Согласно предположению, изложенному выше, слова эти в свое время принадлежали к инертному классу и оставались несклоняемыми. С образованием женского рода произошло разделение самостоятельных собирательных слов на *-ā*, перешедших в женский род, и форм на *-ā*, вошедших в систему имен среднего рода как множественное число.

Другие формы NAn, отличные от образования на *-ā/-ə*, тоже представляют собой адаптацию собирательных имен к системе среднего рода.

В исторических индоевропейских языках категория множественности едина. Рассмотренные нами явления свидетельствуют, однако, о более древнем языковом состоянии, при котором раздельная множественность распространялась лишь на имена активного класса, а в пассивном классе имела только категория собирательности. Собирательность предшествует множественности. Эта последняя выражается в древних индоевропейских языках лишь путем флексии и тем самым является сравнительно молодой категорией, которой в дофлективном состоянии индоевропейских языков могла предшествовать только собирательность. Раздельная множественность возникла в активном классе: каждый из активных действующих мыслится как самостоятельный предмет, способный быть и субъектом и объектом действия. Имена активного класса могут мыслиться и в совокупности и в раздельном множестве. Инертные предметы имели лишь собирательную совокупность¹⁰⁶.

То, что И. Шмидт установил для множественного числа, очевидно, может быть перенесено и на двойственное, искони тесно связанное с категорией парности, т. е. с одним из видов собирательности.

Мы уже видели (стр. 55), что система падежей развилась в активном классе, перешла на инертный класс. То же направление развития обнаружилось и в системе чисел. Наблюдения эти окажутся очень важными при рассмотрении системы падежей.

Традиционная реконструкция устанавливает для общеиндоевропейского языкового состояния те восемь падежей, которые засвидетельствованы древними индоиранскими языками: именительный (N), винительный (A), орудийный (творительный, инструментальный — I), дательный (D), родительный (G), отложительный

¹⁰⁶ Связь между противопоставлениями активного и инертного в именной классификации и отношением раздельной множественности к собирательности имеется также в неиндоевропейских языках. Некоторые примеры приведены в статье «К семантике множественного числа...», стр. 61, прим.

(аблатив — Ab), местный (локатив — L) и звательный (V). Эта система падежей развертывается по всем трем числам, хотя во множественном числе, а особенно в двойственном в течение всего доступного исследованию времени число дифференцированных падежных форм меньше, чем восемь, и одна и та же форма обслуживает два падежа или более. В дальнейшей истории языков эта система испытывает многочисленные редукции, приводящие к так называемому падежному синкретизму, к совмещению в значении одного падежа значений двух или трех прежде самостоятельных падежей.

Реконструкция восьмипадежной общеиндоевропейской падежной системы и концепция дальнейшего развития как ряда утрат представлялась солидно обоснованной. Открытие новых языков — тохарского, хеттского — могло только подтвердить эту реконструкцию. Тем не менее в последнее время высказываются другие мнения. Некоторые исследователи считают возможным предположить для общеиндоевропейского состояния более ограниченное количество падежей, например три — именительный, винительный и родительный¹⁰⁷ — или четыре, включая также и дательный.¹⁰⁸ Создание многопадежной системы интерпретируется при этом как явление, свойственное лишь определенным ареалам, или как результат независимого конвергентного развития в ряде языков.

Рассмотрим вопрос подробнее.

Восьмипадежная система прямо засвидетельствована в древнеиндийском, обоих древнеиранских (авестийском и древнеперсидском), а также в древнехеттском. Уже это последнее обстоятельство не позволяет локализовать рассматриваемую систему только в каком-либо одном из индоевропейских ареалов. В древнеармянском, гораздо позже документируемом, те же падежи с утратой звательного. Однако звательный, форма обращения с нулевым окончанием — глубокий архаизм, реликт дофлективного состояния; в большинстве ветвей он исчезает довольно поздно, но для споров о том, какой ступени развития достигла общеиндоевропейская падежная система, наличие или отсутствие дифференцированного V не играет роли. Очень интересен случай с тохарским языком, где при перестройке на «агглютинативное» склонение старый инструментальный распался на три падежа, не совершенно одинаковых в тох. А и тох. В, но в основе лежит та же восьмипадежная система, о которой идет речь. В балтийских и славянских языках семь падежей — не хватает только отложительного, функции которого выполняет родительный. Согласно младограмматической реконструкции, AbS также в общеиндоевропейский период совпадал

¹⁰⁷ В. В. Иванов и В. Н. Топоров. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков, стр. 22.

¹⁰⁸ См. высказывания Э. А. Макаева в «Сравнительной грамматике германских языков» (т. III, М., 1963, стр. 296).

с GS во всех основах, кроме тематических, где он имел особое окончание. Синкретизм G и Ab легко мог произойти. Однако характерно, что именно в тематических основах балтийские и славянские языки заменили древнюю индоевропейскую форму родительного падежа единственного числа формой, совпадающей с аблативной: старославянский род. п. *вълка*, лит. *vilko* соответствуют аблативным арх. лат. *lupōd*, д.-и. *vykāt*. Это можно было бы еще объяснить вместе с В. Ивановым и В. Топоровым, исходя из предположения об исконной недифференцированности G и Ab: в поисках обновления формы могли прибегнуть к наречию с аблативным значением, отвечавшим части функций падежа. Однако при этом предположении неясно, почему в индоиранском множественном числе форма отложительного падежа совпадает с (позднейшей) формой дательного, а не с формой родительного. Естественнее все же предположить также и в балтославянском синкретизм, слияние Ab и G в один падеж.

Греческий язык I тысячелетия до н. э. имеет пять падежей: N, V, A, D, G. По сравнению с восьмипадежной системой G совмещает в себе функции G и Ab, а D — функции D, I и L. Однако всегда было известно, что греческий язык содержит в своих наречиях и первых членах срощений инструментальные формы — ἀμαρτή, ἡσυχῆ, ἐπισχερώ, аблативы — дельф. *foikw*, *toutw*, локативы — *oïkoi*, *lōthoi*, *oũdacei*, *ōdoiđokos*, падежную форму на -φι.¹⁰⁹ Если же мы обратимся к ставшим недавно известными микенским текстам II тысячелетия до н. э., то мы найдем инструментальный падеж в живом употреблении, несомненные остатки былой дифференциации дательных и локативных форм и весьма вероятные следы особых аблативных форм, т. е. снова ту же восьмипадежную систему. В италийских языках семь падежей: из восьмипадежной парадигмы отсутствует только инструментальный, значения которого совмещаются со значениями отложительного. Однако и от инструментального имеются следы. Наречный суффикс *ē* не может восходить только к отложительному *-ēd* (мы имели бы в этом случае **benēd*) и *ē* должно отражать также и окончание инструментального падежа на *-ē*. Таким образом, из двенадцати хорошо известных ветвей индоевропейских семей девять приводят нас к восьмипадежной системе. Не только языки «восточного» ареала (индоиранские, армянский, греческий), но и хеттский и такие ясно выраженные языки «западного» ареала, как италийские, согласно

¹⁰⁹ В сочетаниях типа *χεῖρὶ δεξιτερῆφι* или *κρατερῆφι βίηφι* формы, образованные от прилагательных женского рода, согласованных с существительными, являются несомненно падежными. Рядом с этим есть и наречные формы на -φι. См.: И. М. Тронский. Образования на -φι в гомеровском эпосе. В кн.: Eirene, Прага, 1960, стр. 37—50.

свидетельствуют в одном направлении.

Прочие ветви, хотя и не имеют ясных остатков всех восьми падежей, однако в большинстве случаев указывают на то, что число падежей было больше четырех. Единственный иллирийский язык, о падежной системе которого имеются данные, мессапский. Мессапские тексты кратки, однообразны и далеко не всегда понятны, тем не менее устанавливается отличие во множественном числе окончаний дательного падежа *-bas* < **-bhos* и инструментального *-bis* < **-bhis*, а в единственном числе, по-видимому, различие форм *vastei* и *vasti* как дательного и противостоящего ему местного падежа. В германских языках, кроме N, A, G, D, имеется звательный падеж в готском и инструментальный в древневерхненемецком и древнесаксонском. Рассматривать их как ареальное новообразование части германских языков нет оснований. Остается одна кельтская ветвь¹¹⁰. Все представители ее, кроме древнеирландского, вообще утратили падежи. В древнеирландском имеются N, V, A, D, G. Для предположения об исконной четырехпадежной системе, не считая звательного, он мог бы быть единственным свидетелем, но странно было бы опираться на этот единственный случай, когда речь идет о ветви языков, находящейся на пути к полному устранению именной флексии и засвидетельствованной лишь с V в. н. э., когда такие языки, как греческий и латинский, уже редуцировали свою былую многопадежность до того самого уровня, на котором находится древнеирландский.

Обзор всех ветвей показал нам, что традиционная реконструкция восьмипадежной системы как общиндоевропейской должна, по-видимому, остаться в силе. Из восьми падежей только отложительный дает некоторые основания для скепсиса, но и они не могут быть признаны достаточными.

Надлежит обратить внимание на единство индоевропейской падежной системы также и в семантическом отношении. По всем ветвям падежная система обнимает единую совокупность значений, лишь по-разному распределяемую между падежами в зависимости от их числа. Если исходить из общиндоевропейской малопадежной системы, самостоятельно возраставшей по разным ветвям, то непонятно было бы, почему повсюду процесс дифференциации падежей приводил к выделению именно инструменталиса, локатива, вокатива и т. п. Сравнение с неиндоевропейскими языками показывает, что возможно создание совершенно других падежей, и это говорит против предположения о позднейшей дифференциации конкретной (пространственной и т. д.) части индоевропейской системы. Что же касается до распределения значений ме-

¹¹⁰ Я не ссылаюсь на факты албанского языка, поздно засвидетельствованные, являющие слишком много отклонений от древнего типа. Однако и в албанской падежной системе имеются остатки отложительного и местного падежей.

жду падежами, то элементы восьми падежной системы являются своего рода «атомами», из синтезирования которых получаются падежные значения в тех системах, где число падежей меньше восьми. Гипотеза редукции систем в порядке падежного синкретизма вполне оправдывается в семантическом отношении и в огромном большинстве случаев подтверждается с формальной стороны наличием остатков форм слившихся падежей внутри синкретического.

Все эти соображения позволяют ввести восьмипадежную систему в ближнюю реконструкцию общеиндоевропейского языкового состояния.

Поскольку речь идет не об отдельных языках, а о реконструкции, значения отдельных падежей восьмипадежной системы могут быть определяемы только абстрактно. Для падежей, рассматриваемых изолированно, вне системы, значения эти устанавливались уже младограмматиками (Б. Дельбрюк и др.). Момент системности был впервые введен в исследование падежных значений Р. О. Якобсоном на материале русского языка¹¹¹. Его метод был затем применен В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым по отношению к древнеиндийскому¹¹² и В. В. Ивановым в его уже упоминавшейся монографии о хеттском языке.

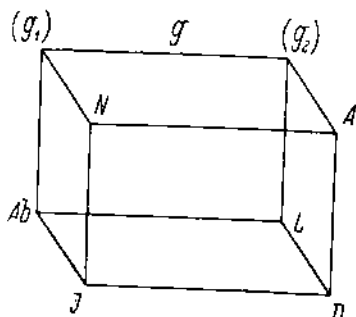
Исследуя систему значений индоевропейских падежей, можно исключить из рассмотрения звательный падеж как форму обращения, не выражающую отношения имени в этой падежной форме к другим членам предложения. Далее, поскольку, как мы видели, падежная система развилась сперва в сфере имен активного класса, имен действующих, мы будем исходить из значений падежей при глагольном предикате, выражающем действие. Для падежных значений при предикате, выражающем состояние, наши формулировки пришлось бы дополнить, но это не играет роли в настоящем рассмотрении вопроса.

Оппозиции падежей индоевропейской семипадежной системы (не считая звательного) можно распределить по трем координатам и соответственно наглядно изобразить в форме параллелепипеда. Возьмем при этом русское предложение: «Друг отца на рассвете написал из Москвы карандашом письмо брату». Оно содержит все нужные нам падежи, если приравнять предложное сочетание «из Москвы» к отложительному падежу. В предложении этом можно сразу же выделить группу падежей, которыми выражены предметы, непосредственно участвующие в содержании высказываемого действия как действующие и объекты: друг... написал ... карандашом письмо брату. Остальные упомянутые предметы — отец, рассвет, Москва — находятся в некотором отношении к

¹¹¹ R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen d. russischen Kasus. Travaux du Cercle linguistique de Prague, t. 6, 1936. стр. 240—288.

¹¹² В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Санскрит. М., 1960.

содержанию действия, не будучи охвачены им полностью; они затронуты действием, но вместе с тем распространяются за его пределы. Падежи G Ab L противостоят падежам N I A D по признаку неполной охваченности, периферийности, экзоцентричности¹¹³. На грани G Ab L расположены падежи, маркированные признаком экзоцентричности, а на противоположной грани — N I A D, у которых признак экзоцентричности отсутствует.

N и A противостоят друг другу как субъект и объект действия. Действие «исходит» от субъекта и «переходит» на объект. Но не следует говорить о «направленности» как признаке винительного падежа. Направленность — стрелка, вектор, а винительный падеж указывает на неподвижность. Векторность может быть выражена глагольным предикатом, контекстом, но не A как таковым.

Действие пребывает в объекте, является в нем. В отличие от субъекта, источника действия, который от действия в языке отделен в силу двучленного строения предложения, объект в индоевропейских языках составляет единое целое с действием, его неотчуждаемую, но бездеятельную принадлежность. При глаголах движения N обозначает источник движения, A — опять-таки не его направленность, а нечто недвижно покоящееся, конечный пункт движения, или комплексивно — меру его протяженности в пространстве или времени (винительный протяжения). Но N выступает в качестве независимого члена предложения, не указывая на связи имени с другими словами. В оппозиции N — A маркированным членом служит A по признаку объектности (отсутствия движения).

Падеж I тоже служит для обозначения действителя, только не главного, а дополнительного действителя. При одушевленном имени это будет соучастник действия (социативное значение I), при неодушевленном — орудийное (в нашем примере — карандашом) или значение сопутствующего обстоятельства. I противостоит N по признаку соучастия. В таком же отношении стоит D к A, обозначая второй, дополнительный объект, чаще всего адресата действия или заинтересованного свидетеля действия, однако не действителя¹¹⁴. Падежи соучастия I D образуют на грани N I A

¹¹³ Р. Якобсон, а вслед за ним В. Иванов и В. Топоров вкладывают в признак периферийности другое значение, выделяя на его основании те падежи, которые у нас будут обозначены как падежи соучастия. Во избежание терминологической путаницы мы не будем пользоваться термином «периферийность» и назовем G Ab L экзоцентрическими падежами.

¹¹⁴ При глаголах состояния дательный падеж может относиться к сопереживаю-

Д «вторые» субъектно-объектные падежи.

На грани экзоцентрических падежей G Ab L родительный падеж (G) совмещает в себе позиции субъекта и объекта по отношению к тому слову, при котором он находится, — родительный падеж субъекта (*subiectivus*) и объекта (*obiectivus*). К позиции субъекта примыкают такие значения, как родительный принадлежности (*possessivus*), целого (*quantitatis*) и т. п.; к позиции объекта — приглагольное употребление родительного падежа, которое в индоевропейское время было, очевидно, значительно более распространено, чем в исторических языках (многочисленные пережитки в греческом и славянских). Родительный падеж выражает самые различные отношения экзоцентрических предметов к содержанию высказывания, в том числе и пространственно-временные сопутствующие обстоятельства, например греч. *ιχθός 'ночью'*; *ἔρχοιται τῆς ἑσπ.* Маркируются эти пространственно-временные сопутствующие обстоятельства в экзоцентрических падежах соучастия Ab и L, противостоящих друг другу по схеме «отправная точка движения — покой», соответствующей противопоставлению деятеля и бездеятельности.

Таким образом, грань I Ab L D содержит падежи соучастия (сопутствующих обстоятельств), которым противостоят основные субъектно-объектные падежи на грани N G A.

Грань N G Ab I содержит падежи действителя (отправной точки), грань A G L D — падежи объекта (отсутствия движения).

Падежи, противостоящие друг другу по одному из трех признаков, часто имеют общую сферу употребления благодаря нейтрализации маркированного и немаркированного, одушевленного и неодушевленного и т. д.

Нейтрализация эта является одной из предпосылок, хотя и не единственной, для падежного синкретизма. Весьма важно отметить, что синкретизм обычно происходит по ребрам нашего параллелепипеда. Сливаются падежи, находящиеся на противоположных вершинах ребра¹¹⁵. Так, в новохеттском совместились L и D, в балтославянских Ab и G, в греческом L D I, а также Ab G, в итальянских Ab и I, в латинском L, Ab и I и т. д. При четы-

шему лицу — дательный сопереживания, *Dativus sympatheticus*, согласно В. Гаверу [W. Havers. *Untersuchungen zur Kasusyntax d. indogermanischen Sprachen*. Strassburg. 1911 (*Untersuchungen zur indogermanischen Sprach- u. Kulturwissenschaft*, 3)] — лат. *caput mihi dolet* 'у меня болит голова'. Последовательность системы требовала бы, чтобы основной субъект состояния ставился в винительном падеже и падеж субъекта состояния был бы равен падежу объекта действия. На эту роль дательного падежа при глаголах состояния можно сослаться как на довод в пользу сравнительно позднего приравнения падежа субъекта состояния падежу субъекта действия и тем самым в пользу наличия следов доминативного строя в системе значений индоевропейских падежей.

¹¹⁵ Имется в виду синкретизм падежной системы, а не совпадение отдельных форм, которые очень часто происходят по другим причинам — фонетическим и т. д.

рехпадежной системе (германская, кельтская) падежи соучастия стянулись в один падеж.

В вопрос о движущих силах редукции в истории отдельных ветвей мы входить не будем.

Восьмипадежная система должна, разумеется, иметь свою историю, воссоздание которой составляет одну из проблем дальней реконструкции общеиндоевропейского языкового состояния.

Судя по тому, что во всей дальнейшей истории индоевропейских языков наблюдается сокращение числа падежей, нет ничего невозможного в предположении, что их было некогда больше восьми и что какие-нибудь падежи слились еще в общеиндоевропейский период или оказались устраненными в процессе развития всех ветвей еще до первых памятников. Высказывалась, например, мысль, что в индоевропейском винительном слились два падежа — один объектный, а другой пространственный. Решающих доводов в пользу этого предположения нет. При предложенном выше понимании восьмипадежной системы открывается возможность истолкования индоевропейского родительного как синкретического падежа, в котором слились один субъектный и один объектный падеж. К некоторым морфологическим следам двойственного происхождения индоевропейского родительного падежа мы еще вернемся.

С возможностью существования бесследно исчезнувших падежей следует считаться, но при реконструкции приходится исходить из того, что есть. В наличных падежах, в особенности в их формах, можно обнаружить слои различной глубины.

Древнейший атематический тип индоевропейского склонения построен на противопоставлении «сильных» падежей с ударением на основе и сильной ступенью чередования в ней и «слабых» падежей с ударением на окончании в окситонных основах и слабой ступенью чередования. К группе «сильных» и «слабых» падежей относятся все падежи единственного числа, в двойственном *NVA* и *GL*, во множественном *NV*, *A* и *G*. Прочие формы двойственного (*I D Ab* — д.-и. *-bhyām*) и множественного (*I* — д.-и. *-bhiḥ*, *D Ab* — д.-и. *-bhyah*, *L* — д.-и. *-si*), так называемые «средние» падежи, не участвуют в этом противопоставлении. Они сходны со «слабыми» падежами в ступени чередования гласного основы, но отличаются местом ударения. Так, древнеиндийские более чем односложные окситонные основы имеют в «средних» падежах ударение на основе, что является при слабой ее ступени более поздним типом. В древнейших памятниках древнеиндийского языка окончания «средних» падежей бывают отделены от склоняемого слова, являясь как бы самостоятельными послелогами. Ю. Курилович привел целую систему доводов¹¹⁶ в пользу более позднего вхождения этих

¹¹⁶ J. Kuryłowicz. *Études indoeuropéennes...*, стр. 165—168; ср.: The inflectional

падежных форм в парадигму склонения. Это главным образом те формы, которые содержат элемент **-bh-* в одних языках (индоиранские, италийские, кельтские, армянский, греческий) и **-m-* в других (славянские, балтийские, германские). При этом во многих языках — греческом, италийских, кельтских, германских — формы эти не имеют дифференциации падежных значений: греч. *-φι*, лат. *-bus* < и.-е. **-bhos*, д.-ирл. *-ib* < и.-е. **-bhis*, общегерманская форма с консонантизмом *mz* обслуживают все падежи соучастия (D I Ab L). Вокализм этих форм в разных ветвях сходен, но не тождествен. Эта недифференцированность падежных значений отражает, по видимому, исконное состояние, модифицированное в восточных языках присоединением различных гласных и согласных элементов, неодинаковых в разных ветвях, в порядке позднейшей дифференциации падежных форм. Очевидно, элементом **-bh-/*-m-* характеризовался некий суффикс наречного типа, лишь впоследствии введенный в парадигму склонения. Это подтверждается хеттским языком, который имеет падежные формы, дифференцированные по числам только в NA и отчасти в G. Очевидно, к общеиндоевропейской эпохе можно отнести дифференциацию падежных форм по числам только для группы N A G, которая выше была охарактеризована как группа основных субъектно-объектных падежей. Только для этих падежей надлежит вводить в ближнюю реконструкцию особые формы во множественном и двойственном числе. Это, собственно говоря, единственная необходимая поправка к младограмматической реконструкции индоевропейской падежной системы. В прочих падежах числовая дифференциация создавалась позже, самостоятельно в отдельных диалектных группах, главным образом в порядке введения наречных форм в парадигму склонения. Их не хватало. Это создавало омонимию форм типа латинского *-bus*. Даже те языки восточной группы, которые создали ряд модификаций наречного суффикса **-bh-*, не устранили полностью формальной омонимии. Она осталась в совпадении D и Ab множественного числа в индоиранских языках.

Этот поздний слой падежных форм затрагивает не самое возникновение восьмипадежной системы, а только ее распространение по числам, хотя элемент **-bh-* мы находим иногда и в инструменталисе единственного числа, но наряду с другими формами более древнего происхождения.

Поскольку склонение развилось в активном классе имен в связи с выражением субъектно-объектных отношений, естественно думать, что основные субъектно-объектные падежи N A G создались раньше падежей соучастия I D Ab L. То, что эти последние распространились на множественное и двойственное число позже, чем N A G, тоже свидетельствует в пользу этого предположения. Иссле-

дователи, ставившие перед собой проблему стратификации падежей, часто приходят к этому выводу¹¹⁷. Ю. Курилович в связи с этим замечает, что аблаутная форма корня или суффикса именной основы в «слабых» падежах характерна для деривации, и считает вероятным, что «слабые» падежи по своему происхождению являются отыменными наречиями¹¹⁸. Однако весьма возможно, что во многих случаях дело идет не о наречиях, а о производных образованиях другого типа. Если мы обратимся к форме I единственного числа и отвлечемся при этом от образований адвербиального происхождения на *-bh-/ *-m-, свойственных немногим языкам (армянский, мужской и средний род в балтославянских языках) и проникших, быть может, из множественного числа, то при основах на *o*, *ē*, *i*, и мы найдем I S на *ō*, *ē*, *ī*, *ī*, одинаковый с N Du mf. Очень возможно также, что согласные основы имели инструментальный падеж на *-e, сохранившийся в латинском окончании -e аблатива согласных основ; ср. греч. N Du τατέρε. На это совпадение инструментального падежа с двойственным числом обратил в свое время внимание Э. Леви¹¹⁹. Семантический ход, обусловивший адаптацию N Du к I S, совершенно ясен: *друг написал карандашом* < *друг написал* — *карандаш* в паре (с ним). Леви привел ряд типологических параллелей из угро-финских языков, где двойственному числу одного языка соответствует в параллельном предложении инструментальный падеж другого языка.

Если это так, индоевропейское окончание локатива *-i может быть сопоставлено с N Du среднего рода *-i, более древним, чем *-ī.¹²⁰ Семантический ход мог бы быть таким же, как в инструменталисе: *друг на рассвете написал* < *друг—рассвет* в паре (с ним) — *написал*, но здесь не может идти речь об использовании формы N Du, в которой основа имеет нулевую ступень, в то время как в локативе полная ступень. Конечный элемент *-i, служивший, надо думать, одним из суффиксов собирательных имен, был присоединен к форме локатива с нулевой флексией: *āhan* 'днем' и *āhani, udān* 'в воде' и *udāni*.

Окончание D S *-ei лучше всего понимать как присоединение *-i к окончанию *-e. Формы на *-e, восходящие к N Du mf, могли обозначать второй предмет высказывания независимо от того, был ли он действителем или объектом. Впоследствии дательный падеж был дифференцирован от инструментального прибавлением

¹¹⁷ W. P. Lehmann. On earlier stages of the indoeuropean nominal inflection. Language. v. 34, 1958, стр. 179—202; J. Kuryłowicz. The inflectional categories..., стр. 196.

¹¹⁸ Там же, стр. 197.

¹¹⁹ E. Lewy. Zum Dual u. zum Tocharischen. Zeitschrift für vergleich. Sprachforschung. Bd. 45, 1913, стр. 365—368.

¹²⁰ K. Brugmann. Grundriss d. vergleichenden Grammatik d. indogermanischen Sprachen. II, 2, 1909, стр. 203.

локативного *-i.¹²¹

Вопрос о происхождении форм отложительного падежа неясен.¹²²

Древнейший слой склонения — N A G единственного числа. Естественно, что о происхождении этих падежей и соотношении их друг с другом возможны только гипотезы.

В именах активного класса показателем A служит *-m, которому противостоит в N чаще всего *-s.¹²³ Родительный падеж тоже имеет окончание *-s, отличаясь, однако, от именительного тем, что N принадлежит к «сильным» падежам, а G — к «слабым».

Многие со времен Боппа приписывали номинативному *-s местоименное происхождение. Однако заслуживает внимания предложение Н. Ван-Вейка¹²⁴ о генетической связи между окончаниями *-s в N и G. Исследователь предполагал при этом, что и N, и G восходят к некоему «активному» падежу (термин Уленбека), под которым понимался падеж действителя в эргативной конструкции. Хеттский язык поставил лингвистов перед новым обстоятельством: наряду с окончанием *-s родительный падеж имеет также окончание *-m (хет. -n). В этой связи форма родительного падежа тематических основ на -v в кипрском диалекте греческого языка¹²⁵ перестала быть изолированной. Морфологическая дублетность флексии родительного падежа, ее совпадение с формами как N, так и A, укрепляет позицию Ван-Вейка, дополняя ее предположением о тесной генетической связи G не только с N, но и с A. Это вводит нас в круг вопросов о происхождении именительного и винительного падежа, связанных с предположением о былом строе индоевропей-

¹²¹ С возможностью единой формы на *-e для дательного и инструментального падежей считается и Ю. Курилович (The inflectional categories..., стр. 197), но, согласно его реконструкции, эта форма служила и для отложительного падежа.

¹²² Невозможно, однако, согласиться с Ю. Куриловичем, который считает тождество $Ab = G$, проявляющееся в равенстве форм единственного числа этих падежей от всех нетематических основ, исконным. По мнению Куриловича, лишь создание окончания *-āi для местоименных и именных тематических основ отделило отложительный падеж от родительного. При таком предположении невозможно объяснить совпадение Ab во множественном числе с D, а в двойственном числе с DI, когда в обоих случаях для аблативных значений могла быть использована исконная форма родительного падежа. Уже скорее можно принять толкование Э. Бенвениста. Он исходит из хеттского -z, которое в других ветвях перешло в -s, что привело к совпадению форм отложительного и родительного падежей. Однако и эта гипотеза имеет свои трудности.

¹²³ Мы не рассматриваем N с полевым окончанием, связанного с вопросом об удлинённой ступени. В именах на *-ā отсутствие показателя *-s — остаток их бывлой принадлежности к инертному классу.

¹²⁴ N. van Wijk. D. nominale Genetiv Singular im Indogermanischen in seinem Verhältnis zum Nominativ. Zwolle, 1902.

¹²⁵ В кипрском силлабическом письме -o-ne, где -e — графическое. Прибавим, что *-ons, к которому возводятся некоторые старославянские окончания родительного падежа (ст.-сл. доуша и т. п.), проще всего объяснять как контаминацию обоих показателей *-m и *-s.

ских языков, отличном от позднейшего номинативного.

Не ставя этого вопроса во всем объеме, ограничимся в данной связи напоминанием о гипотезе, высказанной некогда Г. Педерсеном¹²⁶. Он предполагал, что в некий доисторический период при непереходных глаголах субъект ставился в основной форме, функционировавшей также как объект; при переходных глаголах объект в это время ставился в основной форме, а субъект в родительном падеже, если могла идти речь о его деятельности. Предложение «брат убивает зверя» выражалось тогда как «брата звероубиение». При этом родительный падеж субъекта должен толковаться как родительный принадлежности. Постепенно родительный падеж субъекта (активный падеж) дифференцировался от родительного в его прочих применениях с помощью различия в ударении и морфологических новообразований. С развитием самостоятельного активного падежа сфера его употребления расширилась, и он функционировал как подлежащее также и при непереходных глаголах¹²⁷.

Когда эти строки писались, родительный падеж на **-m* был еще неизвестен. Соображения Педерсена должны быть дополнены. Показатель действителя **-s* и показатель объекта **-m* были свойственны, по-видимому, двум видам родительного падежа (G_1 и G_2 нашего параллелепипеда), имея то же происхождение, что показатели N и A . С дифференциацией, отделившей G от N и A , эти два падежа слились в едином G . Основным показателем осталось окончание **-s*, а его дублет **-m*, кое-где сохранившийся и в единственном числе, был оттеснен во множественное (**-om*).

Дальняя реконструкция падежной флексии сливается с более широким вопросом — дальней реконструкцией всего строя индоевропейских языков.

К вопросу о категориях индоевропейской глагольной флексии

Реконструкция общиндоевропейского глагольного строя — труднейшая область сравнительной грамматики индоевропейских языков.

В древних индоевропейских языках глагол зачастую представляет собой очень сложную систему, развертывающуюся по ряду категорий — залоговых, видовременных, модальных, не говоря уже о лице и числе, и притом в каждом языке особую. Число форм, которые могут быть образованы от одного глагола, достигает порой нескольких сот. Картина глагольной флексии, взятой в сравнительном плане, радикально отличается от тех соотношений, кото-

¹²⁶ H. Pedersen. Neues und nachträgliches. Zeitschrift für vergleich. Sprachforschung. Bd. 40, 1907. 129—217, особенно стр. 148—157.

¹²⁷ Там же, стр. 152. У самого Г. Педерсена гипотеза эта сопровождается рядом дополнительных предположений, которые нами устранимы.

рые мы встретили в области именного словоизменения. Склонение в разных языках дифференцировалось преимущественно количеством падежей. Могло быть два числа, а не три, два рода вместо трех или полное отсутствие родовых различий. Как мы видели, эти отличия возникали только путем редукции. Совокупность значений, выражаемых формами словоизменения, оставалась в общем одинаковой. Радикальных изменений системы не происходило в период, отделяющий общеиндоевропейское языковое состояние от древнейших памятников отдельных ветвей. Ближняя реконструкция поэтому была сравнительно легко осуществима.

Совершенно не то в глаголе. Глагольные системы большинства древних индоевропейских языков отличаются от именного склонения гораздо меньшей целостностью. В склонении двусосновность, гетероклисия представляет собой в исторических языках сравнительно редкое явление. В глагольном спряжении бывают соединены многочисленные основы, происходящие от общего корня, — а в иных случаях и неоднокоренные, супплетивные, — совершенно нерегулярным путем. Дальнейшее развитие языков характеризуется внесением в глагольное формоизменение все большего единообразия, но это длительный процесс, ни в одном языке не доведенный до конца. При этом в истории тех глагольных систем, за которыми можно следить в течение многих столетий, постоянно наблюдается развитие новых категорий и смена форм, и притом нередко с бесследным исчезновением былых подсистем. В качестве примера достаточно сравнить глагольные системы романских языков с латинским в отношении пассива. Флективные формы латинского медиопассивного инфекта в романских языках вымерли и заменены двумя сериями аналитических форм, из которых одна имеет пассивное значение, а другая возвратное. Далее, романские языки редуцировали времена субъюнктива и создали новое наклонение — условное.

Не приходится сомневаться в том, что в каждой из индоевропейских ветвей глагольная система изменилась в промежуток времени между самостоятельным выделением этой ветви и древнейшими памятниками. Прямое проецирование глагольной системы некоего исторического языка в праязыковое состояние, как это имело место с восьмипадежной именной системой, в глаголе немыслимо. Перед исследователем возникают два трудных вопроса. Оба они относятся к проблематике ближней реконструкции.

Какова бы ни была ближняя реконструкция, относящаяся к IV—III тысячелетию до н. э., она должна предполагать более или менее развитую глагольную систему, соответствующую тому уровню языка и мышления, который обнаружился в развитой падежной системе. Она неизбежно должна заключать в себе элементы, которые в тех или иных ветвях оставили лишь следы или даже совершенно исчезли. Исследователь заранее должен быть готов к констатации в отдельных ветвях утрат, даже таких, которые не ос-

тавили после себя никаких пережитков. Для каждой такой ветви реконструкция прошлого, не подтверждаемого реальными следами, неизбежно становится более гипотетической. Но чем гипотетичнее реконструкция, тем более возрастает многообразие ее возможностей, тем более она теряет однозначный характер. Исходя из разных языков, можно по-разному реконструировать общеевропейское состояние и по-разному рисовать себе развитие отдельных ветвей от этого предполагаемого состояния к исторически засвидетельствованным системам. С другой стороны, неясен вопрос, какое состояние мы собираемся реконструировать. Очень возможно, что в области глагола диалектное разнообразие индоевропейских языков IV—III тысячелетия до н. э. было более значительно, чем в сфере имени.¹²⁸ Тогда сколько-нибудь единообразная ближняя реконструкция, основанная на сравнении языков, становится беспредметной. Для этого периода при таком предположении можно пытаться только воссоздавать некоторые ареальные реконструкции, отличные между собой. Единообразная реконструкция этим не снимается, но переносится в более далекое прошлое, не синхронное, быть может, с реконструируемой именной системой. Как это ни парадоксально звучит, проблемы дальней реконструкции индоевропейской глагольной системы нередко разрешаются легче и бесспорнее, чем вопросы, связанные с уровнем развития глагола в период начинающегося распада индоевропейской общности.

Младограмматическая реконструкция была основана на согласном свидетельстве двух языков, к которым относились древнейшие известные в XIX в. памятники индоевропейской речи, — древнеиндийского и греческого. Консервативность этих двух языков, лучшее сохранение в них ряда черт общеевропейского языкового состояния, чем в других языках, обнаружилось в их значении для воссоздания общеевропейского звукового строя и состояния именной системы. Позволительно было думать, что греческий и санскрит наилучшим образом сохраняют некий праиндоевропейский морфологический тип, и соответственно относиться с доверием к сохранности глагольной системы, в этих языках очень сходной. Дальнейшее развитие глагола в индоевропейских языках представлялось в виде последовательных утрат и замен точно так же, как это было с именной системой и как это имело место в развитии глагола индоевропейских языков в историческое время. История именной и глагольной флексий смыкалась в младограмматической реконструкции, образуя однотипный процесс. Кроме того, приняв санскрит и греческий за опорные языки для ближней реконструкции, удавалось обнаружить в других ветвях более или менее ясные следы тех морфологических образований, которые в це-

¹²⁸ Ср.: R. Birwe. Griechisch-arische Sprachbeziehungen im Verbalssystem. Walldorf—Hessen, 1956; Т. Я. Елизаренкова. Аорист в «Ригведе». М., 1960, стр. 14—16.

лом приходилось считать утраченными в этих ветвях. Получалось всесторонне обоснованное научное построение, которое большинство исследователей продолжает считать правильным по настоящий день. К другим достоинствам этой реконструкции, которых ее авторы, может быть, и не подозревали, мы еще вернемся.

Из новых языков, ставших известными в XX в., тохарский уложился в младограмматическую гипотезу. Гораздо сложнее оказалось с хеттским. С точки зрения флективной морфологии хеттский глагол являет гораздо более простую систему, чем греческий или древнеиндийский: два времени — настоящее и претерит, два наклонения — изъявительное и повелительное, два залога — актив и медиопассив. Однако те грамматические оппозиции, для которых служат греческая или древнеиндийская видовременная и модальная системы, могут быть выражены и в хеттском, но другими средствами — при помощи производных глаголов и многообразных аналитических форм. Одни исследователи считали флективную часть хеттской глагольной системы глубоким архаизмом, документом, если не самых начал, то очень раннего состояния глагольной системы индоевропейских языков. Другие видели в ней результат редукции более сложной системы, свидетельство о поздней, а не ранней ступени истории глагола.

На первой точке зрения стоит испанский языковед Ф. Родригес-Адрадос. Его обширный труд «Развитие и структура индоевропейского глагола»¹²⁹ содержит попытку коренного пересмотра проблемы глагольной реконструкции исходя из представлений об архаическом характере хеттской системы. В связи с этим автор дает краткие очерки процессов развития глагола по отдельным ветвям. Нельзя не согласиться с тем, что без такого исследования отдельных ветвей невозможно обосновать новую реконструкцию. Но нужны не краткие очерки, а серьезные исследования. Это, разумеется, не в упрек автору, который не мог объять столь огромного материала в одном томе и не может являться специалистом по всем ветвям в равной мере. Но пока этих исследований, проведенных с новой точки зрения, нет, нельзя иметь окончательное мнение о новой реконструкции.

Целью последующих страниц является поэтому лишь краткое рассмотрение некоторых вопросов. В детали мы, как правило, не будем входить.

Идея приоритета хеттской глагольной системы с самого начала возбуждает известные сомнения. Если исходить из нее, то надо считать, что видовая система с противопоставлением презенса, аориста и перфекта, система наклонений с конъюнктивом и оптативом, в сущности даже различие между тематическим и нетематиче-

¹²⁹ F. Rodríguez-Adrados. *Evolución y estructura del verbo indoeuropeo*. Madrid, 1963 (Manuales y anejos de «Ene-rita». XXI).

ским спряжением возникли после отделения хеттского языка от прочих индоевропейских. Между тем все эти явления проникли настолько глубоко в структуру индоевропейского глагола во всех прочих ветвях, что на развитие их понадобились бы многие столетия в период еще мало нарушенного контакта между отдельными индоевропейскими диалектами. Возникает тот же вопрос, с которым мы встретились при рассмотрении хеттской родовой системы (стр. 59). Хеттский язык оказывается при этом предположении в таком отношении к другим индоевропейским, что скорее справедлива индо-хеттская гипотеза Э. Стёртеванта, чем обычные представления об отделении хеттского во второй половине III тысячелетия. А если хеттский отделился значительно раньше, то становится маловероятным, что он сохранил свою глагольную систему неизменной до времени древнехеттских текстов и что можно доверять его свидетельству об отдаленном прошлом. То обстоятельство, что в хеттском глагольное словоизменение построено на основе настоящего времени, а не на корне, свидетельствует скорее о радикальной перестройке глагольной системы, а не об ее архаичности.

В языках постоянно происходит процесс обновления форм. Если языковед, обнаруживая формы, принадлежащие к поздним пластам, исключает из протомодели не только эти формы, но и обслуживаемые ими категории, то такие приемы работы влекут за собой серьезную опасность искажения действительности.

Наконец, еще одно замечание общего порядка. Исследователь, признающий причинность в процессе языкового развития, всегда будет обращать особое внимание на повторяемость явлений, на действие одинаковых законов в истории языков вообще, генетически родственных языков в особенности. Рассматривая всю историю индоевропейских языков от реконструируемого общего состояния до наших дней, мы наблюдаем при всем разнообразии подробностей некоторые единые линии развития. Сравнительно-исторический метод являет собой мощное средство показа единства этих путей в дописьменную эпоху. Апеллируя от истории одного языка к истории другого, мы в отдельных случаях рискуем преувеличить это единство в подробностях, «навязать» истории одного языка черты, которые никогда в этом языке не были, а имелись в другом языке. Однако это будет ошибка неизмеримо меньшего значения, чем если мы будем считать языки абсолютно индивидуальными явлениями, развивающимися каждый раз совершенно особенными путями. Призыв к предпочтению «внутренней реконструкции» сравнительно-историческому методу в своих методологических основах смыкается с концепциями Тарда, Шухардта, Кроче, итальянских «неолингвистов», — со всеми теми направлениями, которые исходят из единичности и неповторимости всякого сложного культурного творчества и в сходстве изучаемых явлений усматривают только результат диффузии, иррадиации из единого центра на

обширный ареал. В истории языков такие явления бывают, но играют ли они ведущую роль?

Во всех древних индоевропейских языках, засвидетельствованных во II и I тысячелетиях до н. э., — в хеттском, индоиранских, греческом, латинском и др., — мы находим залоговые противопоставления, выраженные различными сериями личных окончаний. Эти различия мы находим также в кельтских, на древнейшей ступени германских языков. Древнеиндийский и греческий различают три залога — актив, медий и пассив. Однако в большинстве ветвей морфологически дифференцированы только два залога — актив и медиопассив. При этом создание специальных форм для пассива в греческом и санскрите представляет собой явное новообразование. Особой серии личных окончаний пассив не имеет также и в этих языках. Пассивные значения медиа развиваются только со временем. Так, в гомеровском языке пассив находится еще на раннем этапе своего становления. Трехчленная пассивная конструкция, служащая для трансформации активной (рабочие строят дом — дом строится рабочими), с указанием агента действия при пассивном глаголе, в это время еще не существует. В архаической латыни пассивная конструкция с агентом действия получила развитие лишь в аналитических формах системы перфекта и очень редко встречается при старых медиальных формах инфекта. К общеиндоевропейскому состоянию можно отнести только дифференциацию актива и медиа.¹³⁰ Медий обозначает особое отношение между глагольным действием и его субъектом, близкое ко многим значениям русского «средневозвратного» на -ся, который, по обычному (надо думать, справедливому) мнению, заменил собой древний медий. Он имеет во всех древних языках два основных значения. Одно — непереходное (греч. *φέρω* 'несу' — медий *φέρομαι* 'несусь', т. е. 'спешу'), а другое — значение действия, которое не только производится субъектом, но и возвращается к нему, происходит в его пользу или во вред ему (*λοῦω* 'мою', *λοῦομαι* 'моюсь' или 'мою себе что-нибудь') и т. п. В синхронном плане значения эти могут рассматриваться как подвиды некоего более общего значения: субъект медиального глагола мыслится внутри глагольного процесса в отличие от положения дела при активном глаголе, где субъект отделен от глагольного процесса (см. стр. 74)¹³¹. Но с исторической точки зрения объединение непереходного значения со значением

¹³⁰ См.: А. Н. Савченко. Происхождение среднего залога. Ростов, 1960; М. М. Гухман. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. Мю, 1964; J. Gonda. Reflections on the Indo-European Medium. *Lingua*, v. IX, 1960, стр. 30-67.

¹³¹ E. Benveniste. Actif et moyen dans le verbe. *Grammaire et psychologie*. Numéro spécial du «*Journal de psychologie*». 1950, стр. 119.

действия, возвращающегося к субъекту, требует истолкования.

Интересно отметить, что глагольный процесс, обозначаемый медиумом, связан со специфическим субъектом. Исследователи гомеровского языка обращали внимание на то, что подлежащим медиального глагола обычно является лицо или неотчуждаемая принадлежность лица — части тела, голос и т. д. То же имеет место в древнеиндийском языке, где вообще преобладает значение медиума как действия в пользу субъекта. Депоментные *media tantum* также обозначают в первую очередь состояния, чувства, умственные операции, передвижение тела в пространстве, жизненные процессы и т. п. Они выражают состояние субъекта, но принадлежащего к активному классу или тесно связанного с ним.

Для происхождения категории медиума очень важна генетическая связь его личных окончаний с окончаниями перфекта, а также с хеттским спряжением на *-hi*. Вопрос этот окончательно прояснен Ю. Куриловичем, истолковавшим глаголы на *-hi* как депоментные по их происхождению.¹³² В личных окончаниях древнейшей серии являются формативы единственного числа и 3-го лица множественного. Окончания индоевропейского перфекта, равно как и медиопассива, восходят к серии, отраженной древнеиндийскими перфектными окончаниями *-a*, *-tha*, *-a* в единственном числе, которым соответствуют греческие *-a*, *-θα*, *-ε*, и 3-го л. мн. ч. д.-и. *-uh* < *-ur*, ир. *-ar* < **-r*. Эта же серия имеет в хеттском формы *-ha*, *-ta*, *-a*, представленные в медиопассиве и в претерите спряжения глаголов на *-hi*. Очень возможно, что эти окончания восходят к еще более древней серии **-ǝ* (ǝ Куриловича), *-t*, ноль. Настоящее время глаголов на *-hi* с окончаниями *-hi*, *-ti*, *-i* обновлено конечным элементом *-i*, характерным для настоящего времени активной серии. Элемент *-r* или *-ri* равным образом окрашивает медиальные окончания в разных языках.

Перфект сам по себе в древнее время был безразличен к противопоставлению актив — медиум, что сохранилось в тех языках, где позднейшие медиопассивные системы перфекта образуются аналитическим путем. Синтетические формы медиопассивного перфекта в греческом и индоиранском — новообразования. Вместе с тем перфект в системе форм отдельных глаголов нередко соотносится с медиальным настоящим временем — *δέρομαι* — *δέρομαι*. Семантическая связь дана тем, что основной функцией перфекта является обозначение состояния.¹³³ Становление перфекта формой с актив-

¹³² J. Kuryłowicz. The inflectional categories..., стр. 56—89.

¹³³ См.: J. Wackernagel. Studien zum griechischen Perfektum. Göttingen, 1904; L. Renou. La valeur du parfait dans les hymnes védiques. Paris, 1925; P. Chantraine. Histoire du parfait grec. Paris, 1927.

ным значением, переход его к обозначению действия, повлекшего за собой состояние, относится к более позднему времени, и процесс этот прослеживается уже на текстах.

Все это заставляет думать, что и перфект и меди́й генетически восходят к одной и той же категории — категории глаголов состояния, некогда противостоявшей в доистории индоевропейского языка глаголам действия. Эта оппозиция является глагольным аналогом к оппозиции активного и инертного класса в области имен. Как в именах активный класс играл ведущую роль при выработке склонения и распространение падежной системы шло от активного класса к инертному, так и в глаголах ведущую роль играло спряжение глаголов действия. Исторические формы меди́я, например греческие окончания $-\mu\alpha\iota$, $-\sigma\alpha\iota$, $-\tau\alpha\iota < \text{и.е. } *-\text{ai}$, $*-\text{soi}$, $*-\text{toi}$, являются перестройкой первичной серии $*-\text{a}$, $*\text{tha}$, $*-\text{e}$ под воздействием активных форм. Влияние глаголов действия обнаруживается также и в семантической структуре меди́я, в той его двойственности, которая позволяет объединить в нем значения состояния и действия в пользу субъекта и приводит к преобладанию личного подлежащего при медиальных глаголах.

Противопоставление глаголов действия и глаголов состояния представляет собой древнейший слой, до которого доходит дальняя реконструкция залоговых оппозиций. Попытки продвинуться дальше вглубь неизбежно становятся более зыбкими. Интересно предположение, что основа перфекта восходит к отглагольным именам.¹³⁴ Те личные окончания, которые были предположены выше как древнейшие для глаголов состояния, согласуются с этим предположением: они известны в функции именных суффиксов; тогда древнейшие формы перфекта являлись бы адаптацией именных форм.

С образованием меди́я, возникающего, как мы видели, в сфере переходных глаголов, залоговые потенции перфекта начинают ослабляться. В оппозиции типа $\delta\acute{\epsilon}\rho\kappa\omicron\upsilon\alpha\iota$ — $\delta\acute{\epsilon}\beta\omicron\rho\kappa\alpha$ залоговой разницы уже нет. Когда же внутри перфекта создается противопоставление активных и медиальных форм, как это имело место в греческом и индоиранских языках, сохранивших перфект в качестве особой категории, перфект окончательно становится одним из глагольных видов.

Видовременные системы греческого и древнеиндийского глагола, положенные в основу младограмматической реконструкции, привели к перенесению в праязык весьма развернутой глагольной структуры. Согласно этой реконструкции, от трех основ, имеющих видовой характер, — презентной, аористной и перфектной — образуется ряд наклонений, а внутри изъявительного наклонения —

¹³⁴ J. Kuryłowicz. The inflectional categories..., стр. 62; ср.: А. В. Десницкая. Каузативные глаголы. Уч. зап. ЛГУ, сер. филолог. наук. т. 5, 1940, стр. 158. — Удвоение в перфектной основе, указывающее на длительность или интенсивность состояния, не принадлежит к древнейшим чертам перфекта.

времена. Так, от презентной основы образуется презенс и имперфект, от перфектной основы — перфект и плюсквамперфект. Особую основу составляет будущее. Наклонения и времена развертываются, таким образом, внутри видовых основ, хотя есть следы образования модальных форм непосредственно от корня не в связи с обычной видовой основой. Прошедшие времена — имперфект, аорист, плюсквамперфект — отличаются от непрошедших особыми личными окончаниями, например **-mi*, **-si*, **-ti* в единственном числе настоящего времени, **-m*, **-s*, **-t* — в имперфекте. По традиции, окончания настоящего времени именуются первичными, имперфекта — вторичными, хотя современные исследователи обычно считают, что ряд **-mi*, **-si*, **-ti* более поздний и образован уже из **-m*, **-s*, **-t*. Те же окончания мы находим в модальных рядах при несколько особом положении императива. Из противопоставления этих рядов выпадает только настоящее время от перфектной основы, об окончаниях которого речь шла выше. Другим признаком прошедших времен является приращение (аугмент), приставочное **ĕ*. Разумеется, все времена и наклонения могут быть развернуты по двум залогам.

Некоторые элементы этой сложной системы уже давно вызывали скептическое отношение. Плюсквамперфект представляется слишком сложным образованием для общеиндоевропейского периода и засвидетельствован по существу только двумя языками — греческим и древнеиндийским; латинский плюсквамперфект представляет собой заведомое новообразование. Это время, имеющее разное употребление в греческом и древнеиндийском, могло самостоятельно развиться в каждом из этих языков, и нет надобности проецировать его в общеиндоевропейское языковое состояние. Будущее время выпадает из противопоставления видовых основ и уже морфологически является неким придатком к системе. Оно образуется в разных ветвях по-разному, иногда с элементом **s*, иногда без него, но и в тех случаях, когда имеется элемент *s*, самые образования имеют разные формы в различных ветвях и не сводимы к единой праформе. Будущее как объективная понятийная категория предполагает уже развитое представление о закономерности мира. Пока этого нет, люди говорят о будущем как о сфере своих ожиданий, предположений, пожеланий и т. д., и для его выражения служат модальные категории. Действительно, все виды выражения будущего в древних индоевропейских языках возникают как пересмысление форм наклонений или как производные от них. Это дает основание не относить будущее к общеиндоевропейскому состоянию и считать, что разные формы будущего времени развились самостоятельно на отдельных ареалах или в отдельных ветвях. Ареальное происхождение можно признать также за аугментом *e-*, засвидетельствованным только в индоиранских, армянском и гре-

ческом. Префикс этот был сперва факультативным, как свидетельствуют Веды, Авеста и гомеровские поэмы, к которым ныне присоединились и показания микенских надписей. Прочие ветви не имеют ни малейших следов этой категории. Аугмент — важная изоглосса, обосновывающая ареальную близость языков, имеющих аугмент. О позднем развитии залоговых противопоставлений внутри перфекта мы уже говорили.

Младограмматическая реконструкция индоевропейской глагольной системы нуждается, таким образом, в ряде поправок. Однако основные оси, образующие эту систему, видовые ряды — презентный, аористный и перфектный — и противопоставление ряда наклонений, включая конъюнктив и оптатив, не вызывали до недавнего времени сомнений. Положение изменилось с открытием хеттского языка, который не имеет синтетических форм аориста и перфекта, равно как и наклонений, кроме изъявительного и повелительного. Сторонники новой реконструкции индоевропейской глагольной системы предлагают считать хеттскую систему самой простой и древней.

Начнем с общего соображения. Младограмматическая реконструкция ставила в основу праязыковой глагольной системы видовую и модальную дифференциацию, придавая меньшее значение различению времен. Вид оказывался древнее времени. Младограмматики вряд ли связывали это с историей сознания, но, помимо своей воли, они поставили во главу угла конкретное различение действий по условиям их протекания, а не более абстрактную дистрикцию времен. Если принять хеттскую систему за основу, то временные различения древнее видовых и модальных, кроме повеления. Уже одно это вызывает сомнения в правильности новой гипотезы.

По мнению многих современных исследователей, древнейшим слоем презентно-аористной части глагольной системы является форма, образованная непосредственным присоединением вторичных окончаний к презентной или аористической основе и сохранившаяся в Ведах и Авесте в функции так называемого инъюнктива.¹³⁵ Поскольку вторичные окончания признаются более древними, чем первичные, форма эта древнее формы презенса, в которой к той же самой основе присоединяются уже более поздние первичные окончания. До создания презенса и дифференциации аориста форма, которую мы застаем как инъюнктив, являлась единственным представителем глаголов действия, которому могла противостоять лишь форма глаголов состояния, реконструированная выше

¹³⁵ См.: L. Renou. Les formes dites d' injonctif dans le R̥gveda. Étrennes de linguistique offertes par quelques amis à E. Benveniste. Paris, 1928, стр. 63—80; J. Kuryłowicz. Injonctif et subjonctif dans les Gāthas de l'Avesta. Ročník Orientalistyczny, III, 1925/7, стр. 164; J. Gonda. The character of indo-european moods. Wiesbaden, 1956, стр. 33—46. Ср.: E. Schwyzler. Griechische Grammatik, Bd. I, стр. 645.

как предшественник перфекта и меди. Эта первичная форма глаголов действия, «примитив», как ее называет Швицер, предшествует всякой видовременной и модальной дифференциации. Лишь с того времени, как присоединение *-i к окончаниям *-m, *-s, *-t и т. д. создает рядом с «примитивом» форму, функционирующую впоследствии как презенс, возникает противопоставление двух серий форм — презентных и инъюнктивных. Для того чтобы истолковать это противопоставление, нужно учесть своеобразную семантику инъюнктива в Ведах и Авесте. Инъюнктив имеет целую серию значений, дифференцируемых только по контексту. Он может играть роль модальной формы, употребляться в запретах и т. д. Вместе с тем он обозначает прошлое и даже настоящее, особенно настоящее как обозначение действия, совершающегося постоянно, без ограничений каким-либо временем. Это бросает свет на первичное значение категории настоящего, находящейся в оппозиции к инъюнктиву. Это — «наличное» настоящее, настоящее *hic et nunc*, и присоединение элемента *-i, очевидно, маркировало эту наличность действия (ср. очное и заочное наклонение в некоторых неиндоевропейских языках). С появлением презентной формы за инъюнктивом осталась вся область неналичного, в которую входило и постоянное, панхроническое, и прошлое, и недействительное, существующее только в воображении и пожелании. Диффузная категория инъюнктива сохранилась только в индоиранских языках как глубокий архаизм, свойственный только Ведам и Авесте и исчезнувший во всех прочих языках, включая хеттский. Инъюнктив уступил место другим образованиям. Его модальные значения были унаследованы позднейшими наклонениями — конъюнктивом и оптативом. Значение постоянного действия отошло к презентной форме, и этим была создана категория настоящего времени в современном значении этого термина. В значении прошлого инъюнктив сменился претеритом — имперфектным или аористным. Претерит обслуживается древней инъюнктивной формой, потерявшей другие значения. Так обстоит дело в хеттском языке, где претерит образуется только от презентной основы. В индоиранских, греческом и армянском для образования претеритальной формы изъявительного наклонения к инъюнктивной форме прибавляется аугмент. Но, как мы уже видели, это прибавление долгое время оставалось факультативным. Гомеровский безаугментный имперфект или аорист есть древняя инъюнктивная форма, сохранившая из всех своих значений только претеритальное. В других ветвях имперфект образуется иными путями, иными способами, и разнообразие их позволяет думать, что все эти способы уже не принадлежат общеиндоевропейскому состоянию. Временная дифференциация настоящего и прошедшего уже не общеиндоевропейская. Пока существуют только презенс и инъюнктив, разница между ними скорее модальная, чем временная. С этой точки зрения, хеттский

претерит, находящийся в чисто временной оппозиции к презенсу, представляется типологически более поздним.

Временная дифференциация проходит только в изъявительном наклонении, не затрагивая прочих модальных образований, и древнейшим средством ее осуществления являлось противопоставление первичных и вторичных окончаний. Видовая дифференциация создается использованием разных основ. Аорист надлежит изучать в тех языках, где он образует отдельный вид, противостоящий как презенсу, так и перфекту, т. е. опять-таки в греческом и индоиранских, а среди этих последних — главным образом в древнеиндийском. Аорист простейшего типа, образуемый без особых суффиксов, можно отличить от имперфекта только тем, что имперфект имеет рядом с собой презенс с первичными окончаниями, образованный от той же основы, а аорист такой параллельной формы не имеет. В древнейших текстах часто бывают случаи, когда трудно определить, имеем ли мы дело с имперфектной или аористной формой.¹³⁶ Корневые типы аориста дифференцируются тогда, когда в глаголе появляются основы с разными значениями способа протекания действия. Мы уже видели, что презенс является маркированным по отношению к инъюнктиву; маркирован он также и по отношению к аористу. Для презентной основы характерны многообразные способы образования с помощью аффиксов, по-особому модифицировавших значение основы (*-n(e)-, *-sce/o-, *-ie/o- и т. д.) и разным образом характеризовавших глагольный процесс. С появлением этих основ противостоящая им более простая основа с нулевым или тематическим суффиксом становилась аористом. Аорист немаркирован; он обозначает глагольное действие в «чистом» виде, без всяких модификаций. Его древнее значение лучше всего сохранилось в греческом языке, где оно по существу негативно, не обозначает длительности,¹³⁷ и лишь оппозиция к презенсу сообщает ему значение совершенного вида. Создание особых аористных суффиксов (*-ā-, *-s- и др.) относится, вероятно, к уже более позднему времени. Самая же дифференциация видов может восходить к очень раннему периоду, еще до образования первичных окончаний. То обстоятельство, что в хеттском языке имеются многие из общеиндоевропейских суффиксов презентной основы и им не противостоит выделившаяся в доистории греческого и индоиранского более простая аористная основа, является одним из показателей той глубокой перестройки, которую мы отмечаем (стр. 87) в хеттском глагольном словообразовании. Не только с точки зрения большей абстрактности своей глагольной системы, как было сказано выше, но и со стороны способов глагольной деривации

¹³⁶ Т. Я. Елизаренкова. Аорист в «Ригведе»...; J. Narten. D. sigmatischen Aoriste im Veda. Wiesbaden, 1964.

¹³⁷ С. П. Соболевский. Синтаксическое деление времен греческого глагола. Филологическое обозрение, т. 1, 1891, стр. 52—53.

хеттский язык не может считаться сохранившим более древнее глагольное состояние, чем то, которое может быть восстановлено на основании греческого и индоиранских. При этом, как указывает Курилович,¹³⁸ греческая глагольная система лучше сохранила индоевропейскую видовую дифференциацию, чем ведийская.

В дальнейшей истории индоевропейских языков видовая система редуцируется, хотя иногда и наблюдаются случаи ее оживления, как например в славянских языках. В очень многих ветвях перфект и аорист образовали единую систему; другие пошли еще дальше, слив этот новый претерит с имперфектом. Ослабление видовых значений очень рано приводит к росту грамматических значений относительного времени. Противопоставление незавершенного и завершенного перемещается из абсолютного плана в контекстный. Незавершенность и завершенность начинают соотноситься с другим глагольным действием и сменяются категориями одновременности и предшествования.¹³⁹ Во многих языках, утративших аорист как самостоятельную категорию, сохранились формальные следы аористных образований, особенно суффикса *-s. Но даже там, где таких следов нет или они являются спорными, предположение о том, что аориста никогда не было, представляется весьма сомнительным.¹⁴⁰

В подробности относительно отдельных типов аористных образований мы входить не будем.

В отношении модальной системы все ветви индоевропейской семьи различают по крайней мере два наклонения — изъявительное и повелительное. Однако наряду с этим всюду имеются наклонения недействительности, хотя бы выраженные только аналитическим способом с помощью модальных частиц. Древнеиндийский и греческий языки располагают двумя наклонениями недействительности — конъюнктивом и оптативом (в древнейшем индийском к ним надо присоединить инъюнктив).¹⁴¹ Эти же два наклонения мы находим также в тохарском. В дальнейшей истории и греческого, и древнеиндийского два наклонения сливаются в одно, которое ради терминологического различения с системой двух наклонений мы будем называть субъюнктивом. В санскрите это единое наклонение сохранило оптативные формы, в греческом — конъюнктивные. В большинстве ветвей мы находим со времени древнейших письмен-

¹³⁸ J. Kuryłowicz. The inflectional categories... стр. 123.

¹³⁹ Там же, стр. 90 и сл. — Для латинского языка см.: И. М. Тронский. Заметки о видовременной системе латинского глагола. Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.—Л., 1960, стр. 434—445.

¹⁴⁰ Ср.: J. Kuryłowicz. The inflectional categories..., стр. 122, прим. 12. — «Хеттский язык с его потерей различия имперфект — аорист — перфект и созданием описательного перфекта (с *ḫarzi*) представляет уже гораздо более новый этап» (чем ведийский и греческий).

¹⁴¹ Не рассматриваем здесь прекатива; это новообразование индоиранской ветви.

ных памятников один лишь субъюнктив. В некоторых случаях язык сохраняет явные следы былого многообразия наклонений. Латинский, например, адаптировал старые конъюнктивные формы для будущего времени, а в субъюнктиве сохранил либо оптативные формы (*siem*), либо инъюнктивные формы аориста с основой на *-ā-*. Более или менее явные следы оптатива, реже конъюнктива, остались в системе форм почти всех ветвей. Так, славянские формы повелительного наклонения продолжают индоевропейский оптатив, а не императив.

В вопросе о наклонениях до знакомства с хеттским языком никто не подвергал сомнению первичность греко-индийской системы. В хеттском языке не оказалось явных следов синтетических модальных форм.¹⁴² Представление об особой архаичности хеттского языка породило и здесь тенденцию признавать хеттское состояние древнейшим. Старая реконструкция приводила к выводу о том, что модальные дифференциации предшествуют временным: на это указывало образование будущего времени из модальных форм, соотношение временного и модального моментов в инъюнктиве. Сторонники предпочтения хеттской системы считали необходимым выдвинуть обратное предположение о происхождении категории модальности из категории времени.¹⁴³ Встал вопрос, не является ли дифференциация конъюнктива и оптатива ареальным новообразованием. Особенно беспокоил вопрос о конъюнктиве, следы которого во многих ветвях мало заметны.

Однако с точки зрения развития грамматической абстракции, создающей все более отвлеченные и обобщенные значения грамматических форм, система двух наклонений — конъюнктива и оптатива — представляется более ранней, чем обобщенный субъюнктив.

Б. Дельбрюк в свое время подробно изучил значения конъюнктива и оптатива в тех двух известных в XIX в. языках, где эти наклонения противопоставлялись друг другу, — в древнейшем индийском (ведическом) и греческом.¹⁴⁴ В качестве древнейших значений конъюнктива были установлены ожидаемое действие и действие, к которому побуждают; оптатив противопоставляет этим значениям другую пару — действие возможное и желательное. Семантика обоих наклонений разворачивается, стало быть, как в области познавательного отношения к осуществимости предсказуемого действия, так и в аспекте отношения к действительности как к предмету человеческого воления. Модный уклон второй половины

¹⁴² Э. Бенвенист, однако, пытается установить в хеттской форме повелительного наклонения на *-lu* рудимент оптативного образования (E. Benveniste. *Hittite et indoeuropéen*, стр. 18—20).

¹⁴³ E. A. Hahn. *Subjunctive and Optative. Their origin as futures*. New York, 1953.

¹⁴⁴ B. Delbrück. *Der Gebrauch d. Coniunctivs u. Optativs im Sanskrit u. Griechischen*. Halle, 1871.

прошлого века в сторону волюнтаристической психологии побудил Дельбрюка признать в семантической структуре обоих наклонений приоритет волевого момента. Конъюнктив был для него наклонением «воления», опатив — «желания». Эта дифференциация по «душевым функциям» неприемлема для столь древней категории. Диффузность познавательного и действенно-волевого момента — исконная черта обоих наклонений, перешедшая к ним от их предшественника, инъюнктива. Различение душевных функций наступит позже. В греческом языке они будут отделены друг от друга с помощью модальной частицы (*ἄν* или *κε*, смотря по диалекту), присоединяемой для выражения познавательных значений. На базе конъюнктива ожидательное наклонение, проспектив, отделится от побудительно-запретительного; при опативной форме модальная частица создаст предположительное наклонение, потенциал, в отличие от желательного.

Я. Гонда¹⁴⁵ критикует волюнтаристическую концепцию Дельбрюка, но его собственные попытки определить основные значения конъюнктива и опатива столь же психологичны и страдают столь же модернизирующим уклоном.

Думается, что конъюнктив и опатив противостоят друг другу по семантике близкого и далекого, различной близости действия к реализации. Близость к осуществлению выражается конъюнктивом: ожидание, побуждение (соответственно — запрет); отдаленность — опативом: предположение, пожелание. Конъюнктив всецело обращен к будущему, опатив — главным образом. Оба наклонения, взятые в совокупности, не исчерпывают категории недействительного. Заведомая недействительность, ирреал, не может быть выражена ни тем, ни другим наклонением; в греческом языке ирреал образуется с помощью присоединения модальной частицы к формам претерита, имперфекту или аористу, и возможно, что это употребление унаследовано от предшественника претерита — инъюнктива.

Создание единого наклонения недействительности, субъюнктива, не является поэтому простым суммированием двух прежних наклонений; это — более высокая ступень абстракции, охватывающая значения, которые не были свойственны ни конъюнктиву, ни опативу. Эти отдельные наклонения конкретных нереальностей предшествуют единому наклонению отвлеченной нереальности. Таким образом, также и здесь, равно как и в вопросе о соотношении видов и времен, младограмматическая реконструкция находится в большем согласии с развитием мышления, чем гипотеза, предлагаемая ей на смену. Опора на греческий и древнеиндийский снова оправдала себя.

Другой вопрос — о формах конъюнктива. Они создаются на базе инъюнктива. Конъюнктив атематических глаголов на *-e/o-* представляет собой тематизованный инъюнктив, а затем суффикс *-e/o-*

¹⁴⁵ J. Gonda. The character of the indo-european moods...

уже как примета конъюнктива распространяется на тематические глаголы. Форма на *-ā-*, свойственная итало-кельтским языкам и тохарскому, восходит к инъюнктиву аориста на *-ā-*.¹⁴⁶ Формы эти иногда сосуществуют в пределах одного языка (таков, например, латинский), но могут распределяться по разным ареалам. Единого общеиндоевропейского образования, вероятно, не было, и конъюнктив мог в некоторых ветвях обслуживаться инъюнктивными формами и после создания оптатива, как противостоящее ему наклонение. Происхождение оптативных образований неясно. Они были более характерны, чем конъюнктивные и, во всяком случае, чем инъюнктивные. При образовании единого субъюнктива они оказывались поэтому более жизнеспособными.

Таким образом, в отношении глагола, как и в отношении имени, подтвердилась та теория «утрат», которую младограмматики экстраполировали от раннего исторического периода на поздний доисторический. «Утрата» во многих случаях является результатом обобщения и представляет собой прогрессивное явление.

Теоретически вполне допустимо предположение, что носители той или иной ветви при переходе на индоевропейскую речь с какого-то другого языка не усвоили индоевропейской системы полностью, и тех или иных категорий в языках этой ветви никогда не было. Однако так обстоит дело только с точки зрения истории этих отдельных ветвей. С общеиндоевропейской точки зрения здесь утрата, своего рода конститутивная утрата, определившая дальнейшую историю ветви.

Другое дело, если можно доказать, что какая-нибудь ветвь отделилась от общеиндоевропейского массива до того, как на всем его ареале произошли те или иные изменения. Это имело место с хеттским языком в отношении ларингала. Утверждение, что «простые» глагольные системы в хеттском языке или каком ином представляют более ранний этап развития, чем «сложные» системы других языков, недоказуемо и очень мало вероятно по существу.

¹⁴⁶ J. Kuryłowicz. The inflectional categories... стр. 143. Н. С. Трубецкой (N. Trubetzkoy. Gedanken über d. lateinischen *a*-Konjunktiv. Festschrift P. Kretschmer, 1926, стр. 267—274) и Э. Бенвенист (E. Benveniste. Prétérit et optatif en indo-européen. BSL, t. 47, 1951, стр. 11—20) рассматривали форму на *-a* как оптативную, и с этим соглашается Ю. Курилович, однако см. возражения в ст.: G. S. Lane. Tocharian evidence and the Trubetzkoy — Benveniste hypothesis. Language, v. 38, 1962, стр. 245—253.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

История индоевропейских языков начинается с праиндоевропейского языкового состояния, поэтому вопросы реконструкции и индоевропейская проблематика в целом должны неминуемо занимать основное место в изложении, тем более что именно в этой области за последние десятилетия получены наиболее интересные результаты.

1. Индоевропейские языки и латинский язык

За десятилетия, прошедшие со времени первого издания книги, в индоевропеистике появился целый ряд новых важных направлений и обобщающих работ, к которым необходимо обращаться всякому, кто изучает изменения, происходившие в латинском языке. Основным отечественным достижением в этой области можно считать монографию Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (Тбилиси, 1984; репринтное издание: Благовещенск, 1998; появился также английский перевод). Целый ряд новых идей, касающихся отдельных аспектов языковой и культурной реконструкции, впервые выдвинутых в этой книге, будут затронуты в последующих разделах. Во втором томе упомянутого издания имеется краткий словарь индоевропейских корней, организованных по семантическому принципу – единственное на русском языке собрание реконструированных корней и лексем. Из кратких и полезных грамматик, сопоставимых по ясности изложения с указанными у И. М. Тронского книгами Антуана Мейе, необходимо назвать книгу Освальда Семереньи «Введение в сравнительное языкознание», доступную на русском языке в переводе с первого издания (М., 1980; в 1996 г. вышло четвертое издание на английском языке), «Сравнительную грамматику индоевропейских языков» А. Н. Савченко (М., 1974), а также вышедший под редакцией Вяч. Вс. Иванова том «Новое в современной индоевропеистике» (= Новое в зарубежной лингвистике, вып. 21. М., 1988), где опубликован, в частности, перевод очерка индоевропейской грамматики Жана Одри. Важным пособием по реконструкции является «Словарь индоевропейских социальных терминов» Эмиля Бенвениста (М., 1995). Из других пособий укажем: W. Cowgill. *Indogermanische Grammatik*. Begründet von Jerzy Kuryłowicz. Hgb. von M. Mayrhofer. Bd 1. 1. Halbband: Einleitung von W. Cowgill. Ins Deutsche übersetzt und bibliographisch bearbeitet von A. Bammesberger und Martin Peters. 2. Halbband: Lautlehre (Segmentale Phonologie des Indogermanischen) von Manfred Mayrhofer. Heidelberg, 1986; C. Watkins. *Geschichte der indogermanischen Verbalflexion*. Heidelberg. 1969; É. Benveniste. *Noms d'agent et noms d'action en indo-européen*.

Paris, 1948 (=1975); Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. Unter Leitung von H. Rix. Wiesbaden, 1998; C. Watkins. Indo-European and Indo-Europeans, in: American Heritage Dictionary, pp. 1496-1550 (содержит словарь индоевропейских корней); K. Brugmann. Die Syntax des einfachen Satzes im Indogermanischen. Berlin-Lpz., 1925 (= Kleine Schriften. Bd I. Göttingen, 1953, pp. 1-104); Ю. С. Степанов. Индоевропейское предложение. М., 1989; Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Ленинград, 1967.

Ареальные связи латинского языка подробно прослежены в книге В. Порцига "Членение индоевропейской языковой области" (М., 1964). Удачным обзором всех одиннадцати крупных языковых групп, представляющих индоевропейскую семью языков, могут служить пособия, в частности, книга Ф. Бальди¹, а также собрание грамматик каждой из языковых групп и истории их развития². На русском языке подобные обзоры представлены в статьях, опубликованных в серийном издании «Сравнительно-историческое изучение языков разных семей».³

Анатолийские языки в настоящее время доступны в следующих описаниях: И. Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952 (перевод выполнен с 1-го издания); Вяч. Вс. Иванов. Хеттский язык. М., 1963; А. А. Королёв. Хетто-лувийские языки // Языки Азии и Африки, т. 1. М., 1976, стр. 13-93; грамматики палайского, лувийского, лидийского и ликийского языков, опубликованные в сборнике переводов "Древние языки Малой Азии" (М., 1980). Словарь Фридриха 50-х годов сейчас переиздан А. Камменхубер; издается полный хеттский словарь в Чикаго. Последний этимологический словарь, вышедший не полностью: J. Puhvel. Hittite Etymological Dictionary. Vol. 1-. Berlin, 1984-.

Из важнейших пособий по истории греческого языка следует назвать грамматику Эдуарда Швицера (E. Schwyzer. Griechische Grammatik. Bde I-III. München, 1953), 2-й том которой написан в соавторстве с Альбертом Дебруннером; добротным дополнением к этой грамматике служит двухтомник Михаэля Мейер-Брюггера (M. Meier-Brügger. Griechische Sprachwissenschaft. Berlin-N. Y., 1992).

Н. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg. 1954-1966; P. Chantraine. Dictionnaire Étymologique de la langue grecque. Paris, 1968-.

По армянскому языку из работ последних лет см.: А. С. Гарибян. Армянский язык // Языки Азии и Африки, т. 1. М., 1976, стр. 94-109; Э. Г. Туманян. Структура индоевропейских имён в армянском языке. Опыт реконструкции. М., 1978.

Германские и кельтские языки представлены многочисленными описаниями: Германские и кельтские языки. М., 1999 (в серии «Языки мира»); Сравнительная грамматика германских языков, т. 1-4. М., 1962-1966; Антуан Мейе. Основные особенности германской группы языков. Пер. с франц. М., 1952;

¹ Ph. Baldi. An Introduction to the Indo-European Languages. Illinois, 1983.

² Le lingue indoeuropee. A cura di Anna Giacalone Ramat e Paolo Ramat. Bologna, 1994.

³ Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы. М., 1981. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы. М., 1982. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988; Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. М., 1991.

В. М. Жирмунский. Введение в сравнительно-историческую грамматику германских языков. М. – Л., 1963; Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. Пер. с англ. М., 1954; Введение в германскую филологию. М., 1980; М. М. Гухман. Готский язык. М., 1958 (впоследствии книга переиздавалась без изменений); В. М. Жирмунский. История немецкого языка. 5-е изд. М., 1965; А. И. Смирницкий. Древнеанглийский язык. М., 1955; Ю. К. Кузьменко. Фонологическая эволюция германских языков. Л., 1991; В. В. Левицкий. Этимологический словарь германских языков. тт. 1-3. Черновцы, 2000; Э. А. Макаев. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.

В области кельтологии, помимо «Краткой сравнительной грамматики кельтских языков» Г. Льюиса и Х. Педерсена (М., 1954), ныне следует иметь в виду «Введение в кельтскую филологию» В. П. Калыгина и А. А. Королёва (М., 1989). Имеется издание древнейших ирландских текстов, выполненных так называемым огамическим алфавитом, содержащее также подробный словарь: А. А. Королёв. Древнейшие памятники ирландского языка. М., 1984.

Из материалов, к которым филологу-классику приходится обращаться для справок по славянским и балтийским языкам, в первую очередь укажем: публикуемый под редакцией О. Н. Трубачёва «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд». М., 1974-; О. Н. Трубачёв. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991; А. А. Зализняк. Древне-новгородский диалект. М., 1995; E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg-Göttingen, 1962-. К сожалению, не окончено издание словаря В. Н. Топорова «Прусский язык» (буквы А-Л). М., 1975-1990. V. Mažiulis. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius, 1988-1997. Z. Zinkevičius. Lietuvių kalbos kilmė, tt. 1-6. Vilnius, 1984-1994; A. Sabaliauskas. Lietuvių kalbos tyrinėjimo istorija. Vilnius, 1979-1982. Желательно также обращение к собранию сочинений К. Буги (K. Būga. Rinktiniai raštai. tt. 1-IV. Vilnius, 1958-1962), в частности, к его списку несуществующих литовских форм, цитируемых индоевропейцами.

Из литературы по индоиранским языкам филолога-классика в первую очередь интересуют пособия по санскриту: Т. Барроу. Санскрит. Пер. с англ. М., 1976; В. А. Кочергина. Санскритско-русский словарь. С приложением "Грамматического очерка санскрита" А. А. Зализняка. Изд. 3-е. М., 1996. M. Mayrhofer. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1956-Т. Я. Елизаренкова. Грамматика ведийского языка. М., 1982; Т. Я. Елизаренкова. Язык и стиль ведийских риши. М., 1993; Г. А. Зограф. Индоарийские языки // Языки Азии и Африки, т. I. М., 1976, стр. 110-270; В. А. Кочергина. Учебник санскрита. М., 1994. Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Санскрит. М., 1960; Л. Г. Герценберг. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972; вышедший под редакцией В. С. Расторгуевой «Опыт историко-этимологического исследования иранских языков», тт. 1-2. М., 1975; Основы иранского языкознания (в трёх томах: Древнеиранские, Среднеиранские и Новоиранские языки). М., 1979-1982; В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. т. 1 (М., 2000). Также доступны «Историко-этимологический словарь осетинского языка» В. И. Абаева (М.-Л., 1958-1995) и «Этимологический словарь ваханского языка», составленный М. И. Стеблин-Каменским (СПб., 1999); Языки мира: иранские языки/отв. ред. В. С. Расторгуева. М., 1997.

В последние десятилетия возник вопрос о выделении нуристанских языков в самостоятельную ветвь, отличную от индоиранского, но этот вопрос не получил окончательного решения? и тем самым общая картина изменилась сравнительно мало.

Тохарские языки описаны в сборнике под редакцией Вяч. Вс. Иванова: *Тохарские языки*. М., 1963

За это же время были описаны и обследованы так называемые реликтовые языки, т.е. языки, представленные незначительным числом памятников. Некоторая часть этих языков оказалась принадлежащей к анатолийской группе: лидийский, чьи генетические связи с хеттским отчетливо доказаны, ликийский, который продолжает лувийский клинописный, засвидетельствованный памятниками второго тысячелетия до н. э. и лувийский иероглифический (основные памятники относятся к VIII в. до н. э.), а также сидетский, представленный одной двуязычной надписью и, возможно, карийский, о генетической принадлежности которого исследователи до сих пор спорят⁴.

По целому ряду языков, засвидетельствованных редкими эпиграфическими памятниками и глоссами, сохраненными античными лексикографами, проведена важная филологическая работа, позволившая в ряде случаев внести уточнения в интерпретацию грамматического строя этих реликтовых языков, а также несколько отчетливее проследить их генетические связи. Из наиболее существенных пособий, ориентированных на учет реликтовых языков, в первую очередь нужно указать на изданный под редакцией Франсуази Бадер том «Индоевропейские языки»⁵. Нередко фракийский, фригийский, иллирийский и древнесмакдонский объединяют в одну группу, называя их палеобалканскими языками⁶.

Одним из лучших руководств по албанскому языку продолжает оставаться книга А. В. Десницкой «Албанский язык и его диалекты» (Л., 1968).

2. Языки древней Италии и латинский язык

К библиографическому списку Жана Кузена, указанному в библиографии И. М. Тронского, следует добавить продолжающую его книгу Фабио Купайоло (F. Cupaiolo. *Bibliografia della lingua latina* (1949-1991). Napoli, 1993).

Основная литература.

Место латинского языка: G. R. Solta. *Zur Stellung der lateinischen Sprache // Sitzungsberichte Osterr. Akad., Phil.-hist. Klasse*. 1974. Bd 291 B. IV, Abh. IV. H. II. S. 1-85 (в приложении анализируются архаические лат. тексты); Ю. В. Откупщиков. Место латинского языка среди других индоевропейских языков // *Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание: Международная конференция. Тезисы докладов*. Москва. МГУ им. М. В. Ломоносова, 26-28 января 2000 г. М., 2000. С. 12-16; J. Untermann. *Literaturbericht – Italische Sprachen: Glotta* 71 (1979); *Lingue e dialetti dell'Italia antica*. Padova 1978; A. Marinetti. *Aggiornamento*. Padova, 1982; E. Pulgram. *Italic, Latin, Italian*. Heidelberg, 1978; P. Poccetti. *Nuovi documenti italici a complemento del manuale di E. Vetter*. Pisa, 1979; G. Giacomelli. *La lingua falisca*. Firenze, 1963; A. L. Prosdocimi. *Le tavole iugvine*. I. Firenze, 1984; *Lingue e dialetti dell'Italia antica*. a cura di A. L. Prosdocimi.

⁴ Из отечественных исследователей принадлежность карийского языка к анатолийской группе решительно отвергает Ю. В. Откупщиков (см., напр., Ю. В. Откупщиков. *Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации*. Л., 1988. С. 187-218). Противоположная точка зрения представлена работами Л. С. Баюм, которая решительно поддерживает дешифровку карийских надписей, предложенную В. В. Шеворошкиным (см. В. В. Шеворошкин. *Исследования по дешифровке карийских надписей*. М., 1963).

⁵ *Langues indo-européennes*. Sous la direction de Fr. Bader [Éd.]. Paris, 1994.

⁶ На русском языке доступен сборник текстов с лингвистическим комментарием: В. П. Нерознак. *Палеобалканские языки*. М., 1978.

Roma, 1978 (коллективная монография, составившая том VI руководства Popoli e civiltà dell'Italia antica); J. W. Poultney. The bronze tables of Iguvium. Baltimore, 1959; A. Ernout. Le dialecte ombrien. Paris, 1961; C. de Simone. Etruskischer Literaturbericht // Glotta, 1975. Bd 53; A. Marinetti. Il sudpiceno come italico (e 'sabino'?) // Studi etruschi, 1981. Vol. 49. P. 113-158; M. G. Bruno. I Sabini e la loro lingua. Milano, 1962; M. Lejeune. L'anthroponymie osque. Paris, 1976; G. Meiser. Lautgeschichte der umbrischen Sprache. Innsbruck, 1986. Особый вопрос представляет собой положение венетского и мессапского языков: G. B. Pellegrini, A. L. Prosdocimi. La lingua venetica, vol. 1-2. Padova, 1967; M. Lejeune. Manuel de la langue vénète. Heidelberg, 1974; J. Untermann. Die messapischen Personennamen, in: Hans Krahe. Die Sprache der Illyrier. Teil 2. Wiesbaden, 1964.

Обзор новых эпиграфических памятников и их интерпретация: R. Wachter. Allateinische Inschriften. Sprachliche und epigraphische Untersuchungen zu den Dokumenten bis etwa 150 v. Chr. [1987]; Т. А. Карасёва. Учебное пособие по истории латинского языка «Грамматический комментарий к латинским текстам VI-I веков до нашей эры. М., 1994; Т. А. Карасёва. Историческая фонетика латинского языка. М., 1987; Ю. В. Откупщиков. Латинская флексия -osio в G. S. e/o-основ: Philologia classica. III (Язык и стиль памятников античной литературы). Л., 1987. С. 120-126; Ю. В. Откупщиков. К вопросу об огласовке корня латинских сигматических форм // Вопросы языкознания. 1989. № 4. С. 20-22; Ю. В. Откупщиков. Закон Лахмана в свете индоевропейских данных (гипотезы и факты): Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 83-90.

Развитие латинской языковой системы: H. Kurzová. From Indo-European to Latin. The Evolution of a Morphosyntactic Type. Amsterdam; Philadelphia, 1993; P. Schrijver. The Reflexes of the Proto-Indo-European Laryngeals in Latin. Amsterdam; Atlanta (Georgia), 1991; G. Radke. Archaisches Latein. Darmstadt, 1981; P. Baldi. The Foundations of Latin. Berlin-New York, 1999; J. Marouzeau. L'ordre des mots dans la phrase latine. Paris, 1949; M. Leumann. Lateinische Laut- und Formenlehre. München, 1977; J. B. Hofmann, A. Szantyr. Lateinische Syntax und Stylistik. München, 1965.

Акцентуация латинского языка в последнее время рассматривается в нескольких аспектах. С точки зрения синхронии материал по латинской акцентуации на русском языке изложен лучше всего в статье И. М. Тронский⁷. Намного сложнее вопрос о соотношении латинской акцентуации с акцентуацией в праиндоевропейском. Следует, вероятно, не вдаваясь в детали дискуссии, признать гиперкритическую точку зрения, согласно которой латинское ударение не имеет «ничего общего с праиндоевропейским» (Э. Зилер). В отечественных работах⁸ делаются попытки проследить влияние акцента на количественные и качественные изменения латинских гласных.⁹ Безусловно, влияние акцентуации на изменения в обла-

⁷ И. М. Тронский. К вопросу о латинском ударении // Памяти акад. Л. В. Щербы. Л., 1951. С. 276—282.

⁸ В. А. Дыбо. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии: Вопросы славянского языкознания, 1961, вып. 5; Л. Г. Герценберг. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л., 1981; Л. Г. Герценберг. Слоговые акценты периода поздней индоевропейской общности. Дисс. М., 1982; Л. Г. Герценберг. Предыстория латинской акцентуации: Вопросы языкознания, 1982, № 5; С. Л. Николаев, С. А. Старостин. Парадигматические классы индоевропейского глагола: Балто-славянские исследования 1981.

ти фонетики ограничивается почти исключительно самым ранним периодом развития латинского языка. Что касается так называемой начальной интенсивности, то в этом вопросе существенного продвижения за последние десятилетия не произошло. Между тем очевидно, что именно действие начальной интенсивности привело к коренным изменениям в латинском языке.

В последнее время появилась Хрестоматия по ранней римской литературе, составленная К. П. Полонской и Л. П. Поняевой (2-е издание 2000 г.). К сожалению, так и не осуществился проект: М. Л. Воскресенский, А. А. Королёв. О составлении этимологического словаря итальянских языков // *Этимология* 1967. М., 1969. С. 276-285.

В области латинской эпиграфики самой крупной находкой явилось обнаружение надписи из Сатрика (на русском языке рассмотрена в учебнике Т. А. Карасевой и в статье Ю. В. Откупщикова (Латинская флексия -osio в G. S. e/o-основ: *Philologia classica*. III // *Язык и стиль памятников античной литературы*. Л., 1987. С. 120-126) и так называемой Гарильянской надписи (см.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского*. СПб., 1998. С. 30-31); одновременно с этим М. Гвардуччи поставила под сомнение подлинность Пренестинской фибулы, которая в учебнике И. М. Тронского рассматривается как безусловно подлинная.

Из открытий, связанных с языками древней Италии, наиболее существенным является обнаружение памятников элимского языка (Западная Сицилия), который был определён как индоевропейский недавно скончавшимся Мишелем Лежёном.¹⁰ Другие языки древней Италии получили за это время более надёжную интерпретацию; в частности, под редакцией Альдо-Луиджи Просдочими был опубликован монументальный том «Языки и диалекты древней Италии»¹¹. Тем не менее ссылки на издания Феттера, которым пользовался И. М. Тронский, до сих пор обязательны при описании материала итальянских языков.

Расселение индоевропейских и неиндоевропейских племён на территории Апеннинского полуострова представлено на следующей схеме.

⁹ В частности, речь может идти об объяснении краткости корневой морфемы в причастиях на -to- (например, от *natāre* причастие **natós* < **sn̥tós* < **s̥n̥tós*, или д.-и. *sn̥tī* 'он плавает', греч. *vótos* 'южный ветер').

¹⁰ M. Lejeune. Observations sur l' épigraphie élyme // *Revue des Études Latines* 1969, T. 47, P. 133-183.

¹¹ *Lingue e dialetti dell'Italia antica*, a cura di A. L. Prosdocimi. Roma, 1978 (коллективная монография, составившая том VI руководства *Popoli e civiltà dell'Italia antica*)

ПЛЕМЕНА ДРЕВНЕЙ ИТАЛИИ

3. Ларингальная теория и её значение для понимания классических языков

Основная литература: Indogermanische Grammatik. Band I. Zweiter Halbband. Lautlehre (Segmentale Phonologie des Indogermanischen) von M. Mayrhofer. Heidelberg, 1986. S. 73-177. Die Laryngalthorie und die Rekonstruktion des indogermanischen Laut- und Formensystems. Hgb. von A. Bammesberger. Heidelberg, 1988.

В современных работах по индоевропейской реконструкции принята ларингальная теория, восходящая к «Мемуару о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» Фердинанда де Соссюра¹². Развитие ларингальной теории до первой половины 1960-х гг. и обсуждение оснований, на которых она строится, представлено в соответствующем разделе книги «Общеиндоевропейское языковое состояние» в формулировке самого И. М. Тронского (см. приложение).

Особенно бурно ларингальная теория развивалась в 1980-е гг. в трудах Бекеса, Линдемана, Петерса и Схрейвера.¹³ Именно в этих трудах утвердился так называемый школьный вариант ларингальной теории, в котором различаются три ларингальных фонемы, способных оказывать влияние на тембр и количество соседнего гласного. Более изощренные варианты ларингальной реконструкции ныне принято оговаривать особо: так, четырехларингального варианта придерживается Уинфрид Леманн, выдвинувший идею о ларингальном инфиксе в праиндоевропейских глагольных основах.¹⁴

Ларингальная теория представляет собой инструмент, позволяющий проникнуть в языковую структуру и более отчётливо увидеть морфологию слова в соотношении со словами сходной структуры или происхождения. Необходимо также сказать, что применение ларингальной теории обязательно *только* там, где есть возможность опереться на структурные закономерности, прослеживаемые в морфологии. При этом не лишним будет указать на несколько обстоятельств:

Ларингальная теория есть гипотеза, опирающаяся на единство языковой структуры и позволяющая это единство продемонстрировать.

Ларингальная теория представляет собой закономерное развитие индоевропейского сравнительного языкознания. Само по себе предположение о существовании класса фонем, который не сохра-

¹² Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. Переводы с французского под ред. А. А. Холодовича. М., 1977. С. 302-561 (пер. А. А. Бобовича и А. Б. Черняка).

¹³ R. S. P. Beekes. The Development of the Proto-Indo-European Laryngeals in Greek. The Hague, Paris, 1969; F. O. Lindeman. Einführung in die Laryngalthorie. Berlin, 1970 (2. Aufl. 1996); M. Peters. Untersuchungen zur Vertretung der indogermanischen Laryngale im Griechischen. Wien, 1980 (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philol.-hist. Klasse. 377. Bd); P. Schrijver. The Reflexes of the Proto-Indo-European Laryngeals in Latin. Amsterdam; Atlanta (Georgia), 1991; ср. также сборник под ред. Тео Феннеманна (Th. Vennemann) (ed). New Sounds of Indo-European. 1989).

¹⁴ W. P. Lehmann. Kuryłowicz's Use of Structural Relationships // Kuryłowicz Memorial Volume. Part One. Ed. by W. Smoczyński. Kraków, 1995, p. 1-9.

нился ни в одном языке, совершенно правомерно: например, ни в одном из языков не представлены слоговые сонанты *m* и *l*; но их использование со времён Николая Бругманна (не путать с Карлом Бругманном) позволяет отчётливее увидеть структуру слов и морфем.

Ларингальная теория требует осторожности в применении: привлекая ларингальную реконструкцию, мы постулируем сущности, не засвидетельствованные в реальных языках, поэтому использовать их при реконструкции следует осмотрительно и экономно. Поместить сто ларингалов в реконструкцию одного корня — не заслуга.

В настоящее время необходимо знание правил отражения ларингалов в греческом и в латинском языках, без чего филолог-классик лишён возможности пользоваться современными этимологическими словарями и, тем более, читать научную литературу.

Общее правило отражения ларингальных в различных индоевропейских языках в зависимости от фонетической позиции представлено в следующей таблице, при чтении которой следует иметь в виду, что ларингальный обозначается как **H*₁ **H*₂ **H*₃ в зависимости от тембра, представленного в греческом языке. В тех случаях, когда разновидность ларингального нам неизвестна, тот же знак употребляется без уточняющего номера. Как это принято повсеместно, смычный согласный обозначается сокращённо знаком *C*, а гласный — как *V*. Знак *ø* обозначает лингвистический ноль. Более сложные случаи сочетания сонанта с ларингальным в таблице не рассматриваются, так же как и особая трактовка ларингального в абсолютном исходе слова. Так называемый *schwa Indogermanicum*, со времён Августа Фикка употребляемый при реконструкции, соответствует *H*₂. Принятые в данном Предисловии обозначения ларингальных не являются единственными: нет ни малейшей разницы в том, чтобы употреблять *H*₁ или *h*₁, или же *ə*₁.

Таблица отражения ларингальных в индоевропейских языках

И.-е.	лат.	греч.	д.-и.	гот.	лит.
CHC	a	e, a, o	i	a, ø	ø
HC	ø	e, a, o	ø	ø	ø
<i>H</i> ₁ e	e	e	a	i	e
<i>H</i> ₂ e	a	a	a	a	a
<i>H</i> ₃ e	o	o	a	a	a
e <i>H</i> ₁	ē	ē	ā	ē	ė
e <i>H</i> ₂	ā	ā, ē	ā	ō	ō
e <i>H</i> ₃	ō	ō	ā	ō	uo
iHC	ī	ī	ī	ei (= ī)	y
uHC	ū	ū	ū	ū	ū

Предлагаемый чисто практический обзор использования ларингальной теории не предполагает интерпретацию ларингала как фонологической сущности.¹⁵ Более того, трехларингальный вариант представляет собой упрощение. Типологические сопоставления допускают возможность предполагать значительно большее число ларингальных в праиндоевропейской фонологической системе. Обычно три ларингальные фонемы сопоставляют с тремя рядами заднеязычных смычных:

k̥	k	kʷ
N ₁	N ₂	N ₃

Такое построение основано на неразличении смычных согласных и ларингальных, которые, однако, в определённых позициях ведут себя отличным от смычных образом. Не случайно поэтому Ф. де Соссюр называл их «сонантическими коэффициентами», подчеркивая связи ларингальных фонем с сонантами, а не со смычными. И действительно, как можно видеть из приведённой выше таблицы, ларингальный в позиции между двумя смычными вокализуется, проявляя те же свойства, что и слоговой сонант.

Очевидно, есть смысл перечислить те основные случаи, в которых следы исчезнувшего ларингального наиболее отчетливы. К числу таких случаев можно отнести структурные особенности и отношения между разными типами основ (огласовка корня) в глагольной системе и структурные отношения в области именного словообразования (флексия склонения ж. рода в сопоставлении с атематическим типом склонения и имена ж. рода типа д.-и. *gājñī*, *rátnī* при греческом *πότια*).

¹⁵ Краниологи выделяют два этапа в развитии речевого аппарата человека на протяжении последних 40 тыс. лет. Только на второй стадии происходит развитие фаринкса, позволяющее артикулировать гласные определенного тембра. Для ранней стадии приходится вернуться к моновокалической системе с гласным неопределенного тембра. Сдвиг голосовых связок вниз и назад прослеживается на основании сравнения костных остатков *Homo erectus* (до 200 тыс. лет – 40 тыс. лет) и *Homo sapiens*. Дальнейшее развитие *Homo sapiens* может быть подразделено на две стадии, связанные с развитием фаринкса (см. G. S. Krantz, *Laryngeal Descent in 40.000 Old Fossils*, in: M. E. Landsberg [ed.], *The Genesis of Language. A different Judgement of Evidence*, Berlin New York Amsterdam, 1988, pp. 173-180).

Структурные особенности и отношения между разными типами основ (огласовка корня) в глагольной системе

Если мы тщательно пересмотрим многочисленные варианты глагольных форм, каждая из которых представляет собою одно-временно и результат закономерного фонетического развития, и результат воздействия системы, в соответствии с которой происходит развитие по аналогии, мы обнаружим, что определить исконную систему, к которой восходит конкретная форма, является делом чрезвычайно трудным. В спряжении глаголов на -μι в ионийском диалекте формы 2 и 3 л. ед. ч. типа διδοῖς, διδοί вытеснили формы διδῶς, διδῶσι и составляют систему, изменяясь по парадигме, свойственной для слитного спряжения. Какая из указанных форм является исконной? В приведенном нами примере ответ очевиден: слияние как процесс неизвестен микенскому греческому, следовательно, слитные формы не могут быть древнее рубежа II-I тыс. до н.э. Вне системной классификации форм древние системные связи не видны, так что без предварительной оценки древности дошедшей до нас системы обойтись невозможно. Приведем еще один пример – аттическое спряжение

Sing. 1 л. διδῶμι 2 л. διδῶς 3 л. διδῶσι
Pl. 1 л. διδομεν 2 л. διδοτε 3 л. διδοασι

Здесь мы безусловно находим класс непродуктивных противопоставлений, основанных на долготе корневого гласного:

Sg. : Pl. = \bar{V} : \check{V}

Обломок архаической системы противопоставлений в этом примере вполне отчетлив; остается только дать объяснение данному противопоставлению и связать его с семантикой грамматической формы.

Классическим примером применения ларингальной теории служит возможность проследить известную оппозицию e \emptyset в спряжении глагола (ед. ч. – полная ступень корня, множественное число – нулевая, ср. в греческом языке 1 sg. εἶμι : 1 pl. ἴμεν – корень *ei- 'идти'), в котором древний аблаут приобрёл неузнаваемый вид, то есть применение ларингальной теории позволяет увидеть древнюю структурную особенность и в случаях, где она перестаёт быть очевидной:

τίθημι – τίθεμεν < *dhi-dheH₁-mi – *di-dhH₁-mé

ἵστανμι – ἵσταμεν < *si-steH₂-mi – *si-stH₂-mé

δίδωμι – διδομεν < *di-deH₃-mi – *di-dH₃-mé

В дальнейшем такой тип противопоставления и основанный на нем тип спряжения получает широкое распространение в греческом языке (δείκ-νῦ-μι ~ δείκ-νῦ-μεν).

Ларингальная теория позволяет увидеть то же противопоставление – полная ступень корня в единственном числе, нулевая ступень корня во множественном числе – при спряжении глагола 'быть':

праформа	вед.	греч.	лат.	гот.	хет.	лит.	ст.-сл.
1. *H ₁ és-mi	ás-mi	εἰμί, лессб. εἰμι	esom ¹⁶ sum ¹⁷	im	e-eš-mi	es-mi	КСМЬ
2. *H ₁ ési <*H ₁ és-si	ási < ás-si	εἶ, εἶς. ἔσοι	es, ess ¹⁸	is		esi	КСИ
3. *H ₁ és-ti	ás-ti	ἐστί	est	ist	e-eš-zi	yrà, старое ēsti	КСТЬ
1. *H ₁ s-mós	s-mási s-más	εἰμέν, ἐσμέν	sumus	sijum		esme	КСМЫ
2. *H ₁ s-té	s-thá(na)	ἐστέ	estis ¹⁹	sijub		este	КСТЕ
3. *H ₁ s-onti	s-ánti		sunt		a-ša-an-zi		СЖТЬ
3. *H ₁ s-enti	s-ánti	εἰσί, дор. ἐντί мик. e-e-si		sind		yrà	

праформа	д.-и.		греч.	лат.	хет.
	Imperf	Perf.			
1. *eH ₁ s-m	ás-am	ás-a	ἦα, ἔα!, ἦν	eram	e-su-un
2. *eH ₁ si < *H ₁ és-si	ás, ás-is	ás-itha	ἔησθα, ἦσθα, ἦς	eras	e-es-ta
3. *eH ₁ s-t	ás, ás-it	ás-a	ἦ(ε)ν, ἔην, ἦην, ἦν, ἦς	erat	e-es-t
1. *eH ₁ s-me	ás-ma	ás-imá	ἦμεν	eramus	e-su-(u)-en
2. *eH ₁ s-t	ás-ta	ás-á	ἦστε, ἦτε	eratis	e-es-tin
3. *eH ₁ s-ont	ás-an	ás-ur	эол. ἔον	erant	
3. *eH ₁ s-ent	ás-an	ás-ur	ἔσαν, ἦσαν, дор. ἦν	erant	e-sir, e-se-ir

¹⁶ Форма esom обнаружилась в последнее время в т.н. Гарильянской надписи.

¹⁷ Лат. sum восходит к *som, которое отражает *sm, возникшее в безударной позиции из *ésmi < *H₁ésmi.

¹⁸ Древняя латинская форма.

¹⁹ Аналогическая форма (-ss : ess = stis : X), восходящая к древнему *stés, в безударной позиции давшему *stis.

Такое же противопоставление свойственно не только корневым морфемам, но и суффиксальным, например, его следы можно видеть в латинских и греческих формах дезидератива (оптатива):

праформа	д.-п.	греч.	лат.	хетт.
1. *H ₁ s-yéH ₁ -m	sy-ám	είην	siem > sim	e-su-un
2. *H ₁ s-yéH ₁ -s		είης	siēs > sīs	e-es-ta
3. *H ₁ s-yéH ₁ -t	syát	είη du. είτην	siēt SIED sit	e-es-ta
1. *H ₁ s-iH ₁ -mé	sy-áma ²⁰	είμεν	sīmus sīmus	e-su-(u)-en
2. *H ₁ s-iH ₁ -té		είτε	sītis sītis	e-es-tin
3. *H ₁ s-iH ₁ -ont		эол. έον		
3. *H ₁ s-iH ₁ -ent	siyúr	είεν, du. είήσαν cf. sy-áma	sient (*siH ₁ ent) sint	e-sir, e-se-ir

Как можно видеть из приведённой таблицы, только в греческом языке перед согласным в начале слова ларингальный даёт рефлекс в виде гласного: H₁ > e, H₂ > a, H₃ > o. Во всех остальных языках, и в том числе в латинском, в данной позиции ларингальный исчезает бесследно.

В латинском языке только формы глагола 'быть' сохраняют древнее противопоставление полной и нулевой ступеней в единственном и множественном числе, в то время как спряжение других глаголов в презенсе подверглось коренной перестройке.

Несколько лучше древнее противопоставление видно в таких формах латинского перфекта, как ēgī <*eagai <*eH₂eg-H₂e (лат. -ai <*a+i, где -i привнесено как и хетт. -hi из спряжения на -mi), ōdī <*H₃e-H₃od(h)ai, ср.:

Ведийский санскрит	греческий	готский
1. véda <*woid-H ₂ e (F)ōīda <*woid-H ₂ e		wait
2. véttha <*woid-tH ₂ e (?)(F)ōīσθα <*woid-tH ₂ e (?)		waist
3. véda <*woid-e (F)ōīδε <*woid-e		wait
1. vidmá <*wid-me (F)ἴδμεν <*wid-me		witum
2. vidá <*wid-H ₂ (F)ἴστε <*wid-te		witup
3. vidúr <*wid-неясное(F)ἴσ(σ)ᾶσι <*wid-неясное		witun

²⁰ Аналогическая форма вместо закономерного *sīma.

Те же структурные особенности заставляют в ряде случаев восстанавливать ларингальный и в начале презентных основ, так как обычным способом оформления глагольного корня в презенте является огласовка -е-. Таким образом восстанавливается древнейший презент от корней

*H₂eġ- > лат. agō, д.-и. ajāti, греч. ἄω,

*H₂erk- > лат. arceō (ср. Orcus < *H₂ork-os, с другой ступенью аблаута), греч. ἀρκέω, хет. hark- 'держатъ'.²¹

Нечто подобное обнаруживается и в именных основах: *H₂erġ > лат. argentum, д.-и. (вед.) ajūna- 'блестящий, светлый', греч. ἀργός, ἀργυρός, хет. har-ki-is, тох. В arkwi; хет. ḥašša- 'очаг' ~ лат. āra 'алтарь'; сходным образом хет. ḥant- 'люб' ~ лат. ante 'перед'.

В других случаях ларингальному соответствует в латинском огласовка о: хет. ḥaštai- 'кость' ~ лат. os 'кость'; хет. ḥappina- 'богатство' ~ лат. Ops 'божество богатства' (ср. opulentus); хет. ḥarḡ- 'отделяться' ~ лат. orbis.

Есть случай соответствия хеттского ḥe- латинскому o-:

хет. ḥekur 'скалистый пик' ~ арх. лат. ocris 'каменистая гора'.²²

Наиболее полное изложение этих фактов, заменившее собой книги Кронассера 1960-х гг., представлено в монографии Крэга Мелчерта: С. Melchert. Anatolian Historical Phonology. Amsterdam, 1994 (Leiden Studies in Indo-European 2).

В ряде случаев благодаря использованию ларингальной реконструкции удаётся восстановить структурные отношения и прояснить словообразование явно родственных производных от одного и того же корня. Например, корень *ġenH₁- способен выступать в нескольких ипостасях.

С огласовкой корня -е- образуются имена среднего рода с основой на -es/-os:

*ġenH₁-os/*ġenH₁-es > γένος, γένε(σ)ος

(в позиции перед гласным ларингальный влияет только на тембр следующего за ним гласного; ни в одном из языков H₁ не влияет на тембр последующего гласного).

²¹ С. Watkins. On the Family of arceō, ἀρκέω, and Hittite hark-// Harvard Studies in Classical Philology 1970. Vol. 74. P. 67-74.

²² Более сложны случаи таких хеттско-латинских соответствий, как хет. ḥuda- 'спешка' ~ лат. vādō 'идти'; хет. ḥulana- 'шерсть' ~ лат. lāna 'шерсть'; хет. ḥuqant- 'ветер' ~ лат. ventus 'ветер'; хет. ḥuḡat-/ ḥurt- 'проклинать' ~ лат. verbum 'слово'; хет. palḥi 'широкий' ~ лат. palam 'открыто'; хет. ḥalḥ- 'бить, ударять' ~ лат. vulnus 'рана'; хет. ešḥa- 'хозяин' ~ лат. erus 'господин'; хет. ešḥar 'кровь' (gen. ešḥanaš) ~ арх. лат. assyr. aser (см.: E. Benveniste. Origines... P. 8, 26; A. Ernout. Aspects... P. 119 sq.).

С огласовкой корня *-e-* также образуются отглагольные имена с основой на *-ti*:

**ǵenH₁-ti-s* > γένεσις

(в позиции между согласными ларингальный вокализуется, причём тембр гласного в греческом языке выдает разновидность ларингального)

С нулевой огласовкой корня закономерным образом возникают презентные медиальные формы:

**ǵnH₁-o-mH₂i* > γίγνομαι

(ларингальный влияет только на тембр следующего за ним гласного – первый ларингальный не способен изменить тембр *-o-*).

С нулевой огласовкой корня образуются и перфектные редуплицированные формы: причастие женского рода

**ǵe-gnH₁-us-iH₂* > γεγαυῖα

(в позиции между гласными ларингальный выпадает) и причастия на *-to*:

**kṛti-gnH₁-to-s* > κασί-γυητος.

(слоговой сонант с последующим ларингальным дает неслоговой сонант с долгим гласным соответствующего тембра).

Без применения ларингальной реконструкции родство данных однокоренных форм, а также их место в структуре слово- и формообразования индоевропейских языков остаётся без объяснения.

Применение ларингальной теории позволяет увидеть следы единства формообразования даже в таких корнях, в которых оно выглядело бы едва ли не полностью отсутствующим:

**reiH-C* > **rī-C*

ст.-сл. *пи-ти*, греч. πῖ-θι (2 sg. aor. imperat.), πῖ-ν-ω.

**roiH-C* > **rō-C*

д.-и. *rā-ti* 'он пьёт', греч. (золийское) πῶ-ν-ω, д.-и. *rā-tra-*, лат. *rō-culum*, греч. πῶ-μα, д.-и. *rā-tar*, лат. *rō-tor*, греч. τέ-πω-κα (1 sg. perf.), лит. *puotà* 'пир'

**roiH-V* > **roj-V*

рус. *водо-пой* <**roiH-os*, ст.-сл. *пон-ти* (каузатив), д.-и. *rāu-áyati* (<**roiH-éj-e-ti*)

**riH-C* > **rī-C*

д.-и. *rī-tá-*, русск. *выпитый, пиво*, греч. πῖ-πίσκω

**riH-V* > **ri(j)-V*

греч. ἔ-πι-ον (1 sg. aor.), греч. πῖ-ε (2 sg. aor. imperat.)

**ri-piH-V* > **ri-p-V*

д.-и. *ri-b-a-ti* (тематическая форма 3 sg.), *ri-p-ate* (атематическая форма 3 pl.), лат. *bi-b-ō*, др.-ирл. *ibid* (2 pl. imperat.).²³

²³ P.Gansiorowski. Strange ablauts and neglected sound changes in PIE// Indogermanische Forschungen. 1998, Bd 103. S.82-83

Изложение того, как в различных языках ведут себя сочетания «сонант + ларингальный» и «ларингальный + сонант», заняло бы слишком много места и потребовало бы привлечения слишком большого числа примеров. В нашем рассмотрении мы ограничимся только двумя случаями: слово *vir* < **viros* < **wi-Hr-os* даёт форму с кратким *i* (правило формулируется как упрощение группы "ларингальный + r" > r в любой позиции в рамках латинского языка; в балтийских языках закономерным рефлексом сочетания *i* + ларингальный является удлинённое *i* (лит. *vīras*). Таким образом, мы имеем в литовской и латинской формах точное соответствие, несмотря на то, что при поверхностном сличении бросается в глаза разное количество корневого гласного.

Любопытно закономерное развитие форм в греч. *ζῶος* < *ζῶφος* и в латинском *vīvus* по сравнению с греч. *βιότης* (более частое *βίος* представляет собой т. н. *back-formation*, нем. *Rückbildung*, т. е. обратное образование) и латинским словом *vīta*. Данный корень, соответствующий русскому 'живой', принимает столь различные формы в силу чисто фонетических изменений, которые становятся понятными только с учётом ларингальной реконструкции: корень **g^wei-H₃-* в нулевой ступени **g^wi-H₃-* присоединяет суффикс *-wo-, в результате чего латинское развитие **g^wi-H₃-wo-* демонстрирует долгое *i*, восходящее к сочетанию "i+ларингальный", в то время как в греческом языке то же самое **g^wi-H₃-wo-* > **g^wуH₃-wo-* > **gyōwo-* > *ζῶφος* > *ζῶος*.

Слово со значением 'жизнь' образуется от того же корня **g^wi-H₃-* с помощью суффикса -eto-/eteH₂-. В ходе фонетического развития данной формы в греческом языке интервокальный ларингальный выпадает бесследно, повлияв только на тембр последующего гласного, таким образом, что **g^wi-H₃-et-o-* > *βιότης*. В латинском языке *vīta* восходит к **wi-e-ta* < **g^wi-H₃-et-eH₂-*, образованному от того же корня с тем же суффиксом.

Как показывают приведённые примеры, использование ларингальной теории оправдано только в тех случаях, когда ларингальная реконструкция имеет эвристическую ценность и позволяет отчётливее увидеть морфологическую структуру слова, скрытую от нас фонетическими изменениями, свойственными каждому отдельному языку.

Для латинского языка наиболее подробным сводом интерпретаций с учётом ларингальной теории служит книга Питера Схрейвера, которая вносит значительные уточнения в интерпретацию латинского материала. В рамках данного очерка невозможно привести даже список латинских форм, получающих новую интерпретацию благодаря использованию ларингальной теории, тем более, что интерпретация ряда примеров не безусловна. В учебных целях в настоящий момент использование ларингальной теории желательно поэтому ограничить лишь наиболее отчётливыми примерами.

4. Глоттальная теория

Основная литература: Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

Плохая засвидетельствованность (или даже, согласно некоторым мнениям, полное отсутствие) в традиционной реконструируемой системе индоевропейского консонантизма согласного *b*, обычно демонстрируемого лишь одним примером: древнерусское *болѣй* 'большой' – греческое *βέλος* – латинское *dē-bilis*, давно вызывала недоумение. Поэтому уже в 1951 г. Хольгер Педерсен предложил реконструировать вместо серии *mediae* (звонких непридыхательных) серию *tenues* (глухих непридыхательных): в такой системе отсутствовал бы уже не звук *b*, а *p*, который отсутствует и в фонетических системах многих хорошо известных языков (вместо *tenues* Педерсен реконструировал *mediae*, а вместо *mediae aspiratae* – *tenues aspiratae*). На типологическое неправдоподобие ряда *dh d t* указывал и Роман Осипович Якобсон (впоследствии, впрочем, выяснилось, что такой тип консонантизма известен, например, в таких языках Юго-Восточной Азии, как язык келабит, на котором говорят даяки северного Саравака, и мадурский язык). Дальнейшее изучение типологии языков привело к тому, что независимо друг от друга в декабре 1972 г. – Тамаз Валерианович Гамкрелидзе и Вячеслав Всеволодович Иванов, а в 1973 г. – Пол Джон Хоппер (Hopper) выдвинули гипотезу, получившую название глоттальной теории. Суть их предположения состоит в том, что на месте традиционно реконструируемой серии *mediae* (*b d g*) в индоевропейском могли быть глоттализированные (иначе: абруптивные) согласные. Абруптивная артикуляция согласных, хорошо известная во многих кавказских языках (например, в абхазском), характеризуется наличием у них, наряду с обычной смычкой голосовых связок, ещё и дополнительной горловой смычки (в зависимости от временной последовательности этих двух смычек абруптивы обозначаются на письме как *p' t' k'* или как *'p 't 'k*). Что касается серий *mediae aspiratae* (*bh dh gh*) и *tenues* (*p t k*), то, по мнению Гамкрелидзе и Иванова, согласные фонемы обеих этих серий имели как аспирированные, так и неаспирированные варианты: *bh/b, ph/p*.

Традиционная (младограмматическая) реконструкция

Сери́и / Ряды	I (mediae)	II (mediae aspiratae)	III (tenues)
labiales	(b)	bh	p
dentales	d	dh	t
velares	g	gh	k

Реконструкция Гамкрелидзе – Иванова (1972)

Сери́и / Ряды	I	II	III
labiales	(p')	bh/b	ph/p
dentales	t'	dh/d	th/t
velares	k'	gh/g	kh/k

Предлагаемый глоттальной теорией вариант реконструкции хорошо объясняет факт малого числа примеров с b (действительно, в тех кавказских языках, где серия глоттализированных представлена не полностью, отсутствует обычно именно p' – глоттализированный p). С другой стороны, пока, несмотря на усилия многих исследователей, число фактов, подкрепляющих глоттальную теорию (ныне существующую уже не только в приводимом здесь, но и в ряде других вариантов), примерно соответствует фактам ей противоречащим. В любом случае следует иметь в виду, что реконструкция позволяет восстановить только ограниченную часть языкового материала, и не может быть уверенности, что для эпохи праиталийского языка может быть реконструирован полный набор фонем. Тем не менее реконструкция праиталийского языкового состояния не требует восстановления абруптивных согласных, и поэтому обычно реконструкция праиталийского консонантизма имеет более традиционный вид.

5. Единство именных парадигм в праиндоевропейскую эпоху и развитие флексии в италийских языках, в том числе вопрос о флексии генетива тематических основ

Благодаря ларингальной теории в настоящее время намного отчётливее можно проследить единство именной флексии. Как можно видеть, только склонение местоимений демонстрирует некоторые особенности в наборе окончаний. Нижеследующая таблица показывает, что флексия вне зависимости от вида основы изначально была единой.

Падежные окончания в индоевропейском

Singularis

Основа	Консо- нантные	основы на -o-	основы на -eH ₂ -	основы на -i-	основы на -u-
Nom.	-s, -ø	-os	-eH ₂ -ø	-i-s	-u-s
Nom./Acc.	-ø	-o-m	—	-i-ø	-u-ø
ср. р.					
Gen.	-s, -os, -es	-ī, -osyo	-eH ₂ -es, -eH ₂ -os	-oy-s	-ow-s
Dat.	-ey	-ōy	-eH ₂ -ey	-ey-ey	-ew-ey
Acc.	-m̄	-o-m	-eH ₂ -m	-i-m	-u-m
Abl.	= Gen.	-ōt, -āt	= Gen.	= Gen.	= Gen.
Instr.	-bhi, -mī, -(e)H ₁	-o-H ₁ , -e-H ₁	-eH ₂ -bhi, -eH ₂ - eH ₁ ?	-i-bhi, -i-H ₁	-u-bhi, -u-H ₁
Loc.	-i, -ø	-o-y, -e-y	-eH ₂ -i	-ēy-ø	-ēw-ø
Voc.	-ø	-e-ø	-eH ₂ -ø	-ey-ø	-ew-ø

Pluralis

Основа	Консо- нантные	основы на -o-	основы на -eH ₂ -	основы на -i-	основы на -u-
Nom./Voc.	-es	-ōs	-eH ₂ -es	-ey-es	-ew-es
Nom./Voc. в местном.		-oy			
Nom./Acc.	-H ₂	-e-H ₂	—	-i-H ₂	-u-H ₂
ср. р.					
Gen.	-om (?)	-ōm	-eH ₂ -om	-y-om	-w-om
Gen. в местном.		-oysōm	-eH ₂ -sōm		
Dat./Abl.	-bhos -mos	-o-bhos, -o-mos	-eH ₂ -bhos -eH ₂ -mos	-i-bhos, -i-mos	-u-bhos -u-mos
Acc.	-m̄s	-o-ms	-eH ₂ -ms	-i-ms	-u-ms
Instr.	-bhis, -m̄s	-ōys, -o-m̄s (?)	-eH ₂ -bhis, -eH ₂ -m̄s	-i-bhis, -i-m̄s	-u-bhis, -u-m̄s
Loc.	-su	(-o-su?)	-eH ₂ -su	-i-su	-u-su
Loc. в местном.		-oysu			

Особого замечания заслуживает флексия генетива на *-ī*. После публикации в 1980 г. надписи из Сатрика (*Lapis Satricanus*),²⁴ обнаруженной в 1978 г., стало очевидно, что в тематическом склонении существовала флексия *-osio*, точно соответствующая микенской *-o-jo* = гом. *-olo*.

Гипотезы о замене древней флексии генетива в различных ветвях индоевропейских языков сводятся к следующим объяснениям:

- заимствование флексии **-osyo* из склонения местоименных основ в индоиранском, греческом, армянском и древнейшей латыни (*Lapis Satricanus*);

- использование флексии аблатива **-ōd* в балто-славянском и, возможно, в кельтиберском и лепонтийском;

- расширение **-eso*, для которого Рейнгард Штемпель приводит греческий и германский языки, не упомянув ст.-сл. форму *чесо*;

- заимствование окончания *-eis* из склонения основ на *-ī* в оско-умбрском;

- **-ī*, заменившее тематическое *-o* в латыни, кельтских языках, исключая кельтиберский; возможно и мессапский.

Для латинского генетива на *-ī* предлагались следующие объяснения:

- прямое фонетическое развитие *-ī* из **-osyo*,

- развитие *-ī* из локативной флексии **-oi*,

- теория Якоба Ваккернагеля, согласно которому лат. флексия *-ī* *gen.sg.* восходит к сочетаниям типа д.-и. *svī-kr-* 'делать для себя', лат. *lucī facere, multī facere*, греч. *πολλοῦ ποιεῖσθαι*,

- теория, впервые высказанная Фердинандом Зоммером и подержанная А. М. Дивайн (А. М. Devine, *The Latin Thematic Genetiv Singular*. Oxford, 1970), согласно которой латинский ж. р. на *-ī* и флексия генетива на *-ī* восходят к одному **-iH₂*.

Доказательства этого последнего предположения²⁵ должны учитывать общие вопросы, связанные с категорией числа, рода и характера родовой оппозиции в и.-е. (напомним, что в хеттском противопоставлены только *genus neutrum* и *genus commune* – оппозиция, за которой, как предполагают, стоит древнее различие одушевленных и неодушевленных классов предметов). Можно принять возникновение женского рода как нововведение, и тогда общий в своей основе способ образования флексии (**-iH₂* > *-ī* и **-eH₂* > *-ā*) как у собирательных, так и у абстрактных имен существительных требует при интерпретации примеров типа лат. *arma* : *inermis* постулировать различие в семантике флексии **-iH₂* (со значением совокупности предметов) и флексии **-eH₂*, выражающей

²⁴ *Editio princeps*: Car. de Simone // *Archeologische Studien van het Nederlands Instituut te Rome*. s'Gravenhage, 1980.

²⁵ R. Stempel. *-ī-genetiv. ī-Motion und Femininum: Versuch und Synthese// Indogermanica et Caucasia. Festschrift für Karl Horst Schmidt zum 65. Geburtstag*, hgb. von R. Bielmeier und R. Stempel unter Mitarbeit von R. Lanszweit. Berlin – New York, 1994. S. 197-210.

идею принадлежности к определённом множеству. Тем самым появляется возможность видеть распространение э *Indogermanicum* < -H₂ от парадигмы основ на -o на всю флексию *potn.-acc. pl.* имен среднего рода, а затем и на флексию женского рода.

Такие санскритские слова, как *vṛkīh* 'волчица', букв. 'принадлежащая волку (подруга жизни)' < *w₁k^{wi}iH₂s, демонстрируют склонение по согласному типу, а **potniH₂*, **rēg'niH₂* передают possessивность, т.е. выполняют функцию прилагательного, обозначающего 'лицо, принадлежащее владыке/ царю'. Благодаря такой интерпретации удаётся присоединить и примеры Я. Ваккернагеля (цит. выше д.-и. *svī-kr-*).

В любом случае теперь, когда появился текст с древним, но вероятно, составным латинским генетивом на *-*osuo*, встает вопрос, как и когда был утерян этот генетив и почему он оказался заменен флексией на -ī.

В связи с этим вопросом стоит вспомнить о замечательной диссертации Л. Прата (L. Prat, *La flexion de l'ablatif sg. en Latin archaïque*, Paris, 1974), который с редким бесстрашием объяснил исчезновение аблативной флексии в латыни результатом демографических изменений в Риме после Пунических войн. С точки зрения истории латинского языка появление флексии на -ī есть прямое указание на смену языковой нормы, произошедшую уже в исторические времена. Каково бы ни было происхождение флексии -ī, сменившей древнейшее лат. -*osio*, она остается в большей мере фактом истории латинского языка, чем индоевропейским реликтом.

Другой не менее сложный вопрос связан с реконструкцией аблатива как самостоятельного падежа и индоевропейской флексии аблатива.

Реконструкция аблатива как отдельного падежа претерпела за последнее время изменения в двух отношениях: во-первых, произошёл отказ от реконструкции флексии -d в тематических основах, т.е. младограмматическая реконструкция, поддержанная авторитетом К. Бругманна, уступила место гипотезе, которую развивал Д. Н. Кудрявский. Данная гипотеза, подробный обзор которой на русском языке представлен С. Я. Шарыпкиным,²⁶ отражена во всех последних обобщениях.²⁷ Пересмотр форм аблатива в разных языковых традициях позволил увидеть наслоение нескольких аблативных окончаний в отдельных языках, как это показывает следующая таблица:

²⁶ Т. н. «гипотеза Казанского-Кудрявского», см.: С. Я. Шарыпкин. О древнейшем этапе эволюции древнегреческой падежной системы // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры. М., 1989. С. 84-103.

²⁷ A. L. Sihler. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. New York: Oxford, 1995; P. Baldi. *The Foundations of Latin*. Berlin-New York, 1999 (Trends in Linguistics. Studies and Monographs, 117).

ОКОНЧАНИЯ АБЛАТИВА В И.-Е. ЯЗЫКАХ

Языки	Основы на -e/o	Основы на -ā	Местоим. I л. ед. ч.	Основы на -ē	Основы на -i	Основы на -ī	Основы на -u	Основы на -ū	Согласные основы	Аблативн. наречия
Хет.	antuḥšaz (antuḥša-)		ammēdaz	udnēaz	tuzzijaz (tuzzi-)		genuuaz (genu-)		ḥumandaz	—
Лув.	XII-ta-ti ḥappiṣati		—	—	ḥarmaḥāti (ḥarmaḥi-)		—		—	—
Лат.	Gnaiuōd	Troiād	mēd	eōd <u>diē</u>	marīd, urbīd		castūd		airid	intus
Оск.	Dolud malud	toutād	—	—	—		—		ligud pure-to	—
Авест.	akāt (aka-)	daēnayāt (daēnā-)	maṭ	—	garōit (ga ⁱ ri-)	—	xrataot (xratu-)	tanvāt (tanū-)	vīsat (vīs-)	—
Д.-и.	devāt (deva-)	senayāt (senā-)	mat	—	agneḥ, m.; vāriṇaḥ, n.; matyāḥ, mateḥ, f.	devyāḥ (devī-)	śatroḥ (śatru-), m.; madhunaḥ (madhu-), n.; dhenvāḥ, dhenoh (dhenu-), f.	bhūvaḥ (bhū-)	marutaḥ (matut-)	mukhataḥ
Греч.	дельф. Фоκκι									ἐντός ἐκτός

Хеттские примеры цит. по книге: *Фридрих И.* Краткая грамматика хеттского языка / Пер и вступ. статья А. В. Десницкой. М., 1952 (antuhša- 'человек', udnē- 'страна', tuzzi- 'войско', gepu- 'коллено', ḫumant- 'всякий, каждый'. Лувийские примеры даны по: *Laroche E.* Dictionnaire de la langue Louvite. Paris, 1959 (XII-ta-ti ḫarpišati 'вне (т. е. «кроме») 12 частей тела', ḫarmaḫi- 'голова'). Архаические латинские формы цит. по: *Эрну А.* Историческая морфология латинского языка / Пер. М. А. Бородиной. М., 1950. (в diēs 'день' аблативное -d представлено в фалисской форме foied = лат. hodiē 'сегодня'), airid = aere от aes 'медь, деньги', intus 'изнутри, внутри'. Осские формы приводятся по: *Vetter E.* Handbuch der Italischen Dialekte. Bd 1. Heidelberg, 1953 (dolud malud 'от злого умысла', touto 'община, народ', *lix, ср. маррутинское lixs 'закон', умбр. pir, abl. pure 'огонь'). Авестийские примеры цит. по: Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Эволюция грамматических категорий. М., 1975. Т. 2. С. 121-124 (aka- 'плохой', daēnā- 'религия', ga'ri- 'гора', xratu-/xratav- 'ум', tanū- 'тело', vīs- 'дом'). Санскритские примеры приводятся по: *Mayrhofer M.* Sanskrit-Grammatik mit sprachvergleichenden Erläuterungen. 2 Aufl. Berlin, 1965 (deva- 'божество', senā- 'войско', agni- 'огонь', vāri- 'вода', mati- 'мысль', devī- 'богиня', śatru- 'враг', madhu- 'мед', dhenu- 'корова', bhū- 'земля', matut- 'ветер', mukha- 'рот, лицо'. Дельфийская форма Γοικω 'из дому' восходит к аблативному окончанию на дентальный, см.: *Schwyzler Ed.* Griechische Grammatik. Bd 1. München, 1938 (1953). S. 549; ἐντός 'изнутри', ἐκτός 'извне'.

Идея И. М. Тронского, согласно которой для праиндоевропейского следует реконструировать большее число падежей, чем это делалось до сих пор, получила дальнейшее развитие на материале местоименных основ и так называемых наречных элементов (отражённых как наречия, союзы, предлоги и приставки). Этот материал, как будто, позволяет восстанавливать целую серию локативных и направительных падежей, которые могут быть сведены в ряды по формальному признаку, но не позволяют провести отчётливую дифференциацию с точки зрения грамматической семантики.

²⁸ Н. Н. Казанский. К реконструкции категории падежа в праиндоевропейском // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л., 1989. С. 121-123.

6. Имена числительные и их развитие в латинском языке

Последним по времени обзором по итальяским числительным служит очерк Роберта Колемана, опубликованный в томе "Индоевропейские числительные", изданном в 1992 г. под ред. Ядранки Гвозданович.²⁹

Одним из сильнейших факторов, способствовавших росту научного знания о латинском языке, явилось создание новых лексикографических трудов, обобщивших материал, ранее существовавший разрозненно. Как известно, числительные в латинских текстах обычно записываются цифрами, так что полное их написание «прописью» встречается весьма редко. Поэтому только материал, собранный в фундаментальном латинском словаре – «Тезаурусе латинского языка» (*Thesaurus linguae Latinae*) в статье *millesimus*, позволил понять, что в латинском языке порядковые числительные типа «двухтысячный» не включали в свой состав числительных-наречий и не звучали как *bis milesimus* и т. п., хотя именно такие формы, появившиеся, по-видимому, лишь в послеантичной школьной традиции, продолжают фигурировать практически во всех учебных пособиях, в том числе и у И. М. Тронского. В классической латыни числительные названного типа состояли из двух порядковых числительных, имея вид *secundus millesimus*, *tertius millesimus* и т. д.

7. Глагольная система праиндоевропейского языка и её развитие. Реликтовый характер спряжения на -*mi* в латинском языке.

Основная литература: *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammgebildungen. Unter Leitung von H. Rix. Wiesbaden, 1998; K. Hoffmann. Das Kategoriensystem des indogermanischen Verbums // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, 1970. Bd 28. S.19-41; E. Neu. Zur Rekonstruktion des indogermanischen Verbalsystems // Studies in Greek. Italic and Indo-European Linguistics offered to L. R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday. Innsbruck, 1976. Pp. 239-254; E. Neu. Dichotomie im grundsprachlichen Verbalsystem des Indogermanischen // Indogermanica Europaea (Grazer Linguistische Monographien, 4). Graz, 1989. S. 153-175; N. Oettinger. Der indogermanische Stativ: Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, 1976. Bd 34. S. 109-149; J. Jasanoff. Stative and Middle in Indo-European. Innsbruck, 1978; K. Strunk. Zum idg. Medium und konkurrierenden Kategorien // Wege zur Universalienforschung. Tübingen, 1980. S. 321-337; H. Rix. Zur Entstehung des indogermanischen Modusystems. Innsbruck, 1986; H. Rix. The Proto-Indo-European Middle: Content, Forms and Origin // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, 1988. Bd 49. S. 101-119; Вяч. Вс. Иванов. Славянский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981; И. А. Перельмутер. Общеиндоевропейский и греческий глагол. Видо-временные и залоговые категории. Л., 1977; G. Klingenschmitt. Das altarmenische Verbum. Wiesbaden, 1982; Б. Б. Ходорковская. Вторичное окончание 3 лица единственного числа *-d в индоевропейских языках // *Colloquia classica et Indo-Europeica II*. СПб., 2000. С. 16-28.*

²⁹ J. Gvozdanović [ed.]. *Indo-European Numerals*. Berlin; New York, 1992. P. 389-445.

Сопоставление глагольных форм презенса с достаточной уверенностью позволяет восстанавливать праиндоевропейское спряжение. Как мы видели в разделе, посвящённом ларингальным, спряжение глагола 'быть' восстанавливается как укладывающееся в систему глагольного словоизменения архаического, но хорошо засвидетельствованного типа с чередованием *e/o* при спряжении в единственном и множественном числе. Для более продуктивных типов спряжения удаётся также реконструировать общие праформы не только в презенсе, но и в прошедшем времени (греческий имперфект, хеттский и готский претерит):

Примеры спряжения глагола в настоящем времени (*actívum*)

Praesens

	и.-е.	вед.	греч.	лат.	гот.	слав.	хет.
sg.							
1	bheroH ₂ 'несу'	bhárāmi 'несу'	φέρω 'несу'	legō 'соби- раю'	baira 'несу'	вѣрж	pi-eš-ki-mi 'даю' (итер.- фрекв.)
		(авест. sprasyā ³⁰ 'вижу')					
2	bheresi	váhasi 'везёшь'	φέρεις	legis	bairis	вѣрши	pi-iš-ki-ši
3	bhereti bherei	bhárati	φέρει	legit	bairiþ	вѣретъ вѣре	pi-eš-ki-iz-zi
du.							
1.	bherowos	cárāvas ³¹ 'мы (двое) бродим'			bairos	вѣревѣ	
2.	bheretH ₂ es	bhárathas	φέρετοι		bairats	вѣрета	
3.	bheretes	váhatas	φέρετοι			вѣрете, -та	
pl.							
1.	bheromos	bhárāmasi cáramas	φέρομεν дор. φέρομες	legimus	bairam	вѣремъ	pi-eš-ga-ue-ni
2.	bherete	bháratha vādathana	φέρετε	legitis	bairiþ	вѣрете	pi-eš-ki-te-ni
3.	bheronti	bháranti	φέρουσι =дор. φέρουτι	legunt	bairand	вѣржтъ	pi-eš-kán-zi

³⁰ Родственно латинскому *spesio*.

³¹ Эта форма представлена в «Атхарваведе» и восходит к индоевропейскому корню *k^wel-.

Медий

Praesens

	вед.	греч.	лат.	хет.	гот.
1 sg.	bháre	φέρομαι	sequor	e-eš-ḫa-ḫa-ri	haitada
2	váhase	φέροσαι, -ηι	sequere, -ris	e-eš-ta-ri	haitaza
3	bhárate	φέρεται, -τοι (арк.-кипр.)	sequitur	e-ša-(a-)ri)	haitada
1 pl.	bhárāmahe	φερόμε(σ)θα	sequimur	e-šu-wa-aš-ta(-ri)	haitanda
2	bháradhve	φέρεσθε	sequimini	i-ya-ad-du-ma	haitanda
3	bhárante	φέρονται	sequuntur	e-ša-an-da(ri)	haitanda

Имперфект

	вед.	гр.	хет.
1 sg.	ájuse (AV)	ἔφερόμην	e-eš-ḫa-(ḫa)-at
2	árocathās	ἔφέρεο	i-ya-at-ta-ar
3	árocata	ἔφέρετο	e-ša-at, e-eš-ta-at
1 pl.		ἔφερόμε(σ)θα	e-šu-wa-aš-ta-ti
2	ājuṣadhvam	ἔφέρεσθε	e-eš-tum-ma-at
3	ājuṣanta	ἔφέροντο	e-šs-an-ta-at

Дальнейшее сопоставление глагольных систем различных индоевропейских языков наталкивается на целый ряд трудностей. Трудность первая – это несовпадение видовременных систем. Мы обнаруживаем в хеттском противопоставление индикатива императиву и презенса претериту. Эту скудную парадигму чрезвычайно трудно сопоставлять с разветвлёнными парадигмами классических языков. Второе обстоятельство заключается в необходимости формального сопоставления, которое даёт неожиданный результат, приводя исследователей к выводу о необходимости объединения в одну общую категорию таких грамматически несхожих категорий, как перфект (со всем спектром значений, присущих, например, перфекту греческого и латинского языков) и медий. Тем самым реконструкция настоятельно требует восстанавливать набор категориальных значений глагольных форм, существенно отличающихся от представленного в засвидетельствованных языках. Именно благодаря последнему обстоятельству готового ответа на вопрос, какой могла быть глагольная система, из которой развивается система латинского глагола, до сих пор нет. Существуют только попытки охватить материал по частям или же, пожертвовав «детальями», восстанавливать только один какой-то аспект системы, делая максимальный упор на формальную реконструкцию, которой придаётся правдоподобная интерпретация в терминах категорий глагола.

Указанные трудности препятствуют связному изложению проблем: приходится учитывать одновременно и видо-временные категории, и категорию наклонения. Поэтому последующее изложение поневоле будет страдать некоторой однобокостью.

Начнём с разбора схемы, разработанной Э. Зилером, который выделяет следующие типы основ.

1. Неосложненные

Корневое спряжение (презенс/имперфект и аорист)

Простое тематическое (презенс/имперфект и аорист)

2. Осложненные

I. Презенс/имперфект и аорист

Редулицированные (презенс/имперфект и аорист)

Стативы³² на *-eH₁- (презенс/имперфект и аорист; отыменные)

II. Только презенс/имперфект

инфикс -n-

суффикс -new-

Осложненные тематические основы

1. *-ye/o

2. *-ey^e/o, *-eH₂y^e/o-

3. *-sk^e/o-

Дезидеративы *-H₁s^e/o-

A. с редупликацией на -i-

B. без редупликации

C. с суффиксом *-H₁sy^e/o-

Разные

III. Только аорист

атематический на -s-

IV. Отыменные на *-ye/o-

Нетрудно видеть, что автор схемы пытается упростить имеющееся в латинском и древнегреческом языках многообразие форм, делая при этом упор на формообразование. В этом Зилер не одинок, а находится в русле исследований, некоторый итог которым подведён в книге Е. Курцовой³³, которая прямо пишет о развитии грамматической системы от деривационного типа к флективному.

³² Подробнее о статива см. ниже.

³³ H. Kurzová. From Indo-European to Latin. The Evolution of a Morphosyntactic Type. Amsterdam: Philadelphia. 1993.

Флективный тип представлен в реально засвидетельствованных языках, а деривация основ проглядывает в суффиксальных формах глагольных основ, иногда сохраняющих подобие системных отношений. Вместе с тем, рассмотрение каждой из морфем с точки зрения агглютинации применительно к синтетическим языкам накладывает определённые ограничения на конечный результат.

Характер и способ действия в индоевропейских языках может выражаться с помощью суффиксации. Даже в современных синтетических индоевропейских языках такого рода категориальные различия могут выражаться с помощью аффиксации, ср. русск. *ходить* – *походить* – *сходить* – *хаживать* – *похаживать*, лат. *dīc-ere* – *dīc-t-āre* – *dīc-t-it-āre* и т. п. Судя по всему, такой способ выражения категориальных грамматических значений был свойствен и праиндоевропейскому языку. Наиболее существенной категорией, вошедшей в парадигму глагольного спряжения целого ряда языков, стала категория дезидеративности, отражённая в древнегреческих оптативных формах, реликты которых, как это давно было замечено, сохранились и в латинском языке. Такие формы, как *siem* и *sīpmus*, в памятниках архаической латыни встречаются ещё с чередованием *e/ø* в исходе суффикса: *siem* < *H₁s-ye-m и *sīpmus* < *H₁s-y₂-me. То же самое наблюдается в гомеровском оптативе εἶπυ < *H₁s-yeH₁m по сравнению с формой множественного числа εἶεϋ < *H₁s-yH₁nt.

Наиболее отчётливо грамматическое значение, передаваемое с помощью суффиксации, представлено в форме каузатива, прежде всего потому, что в древнеиндийской грамматике каузативные глаголы составляют ещё отдельный продуктивный класс. При сопоставлении с другими индоевропейскими традициями выясняется, что тот же суффикс способен придавать глагольному действию значение повторяемости. Именно поэтому Х. Рикс говорит о каузативе-итеративе (+дуратив?). Два способа образования каузатива (посредством суффиксов *-eye/o-* и *-ye/o-*) можно продемонстрировать на примере латинских *топеō* – *топēre* из **топ-eye/o-*.

Именные
основы и
производ-
ные гла-
голы

	вед.	греч.	лат.
-o-	devá- 'бог'	οἶκος 'жилище'	dēnsus 'густой'
-eye/o-	devayá- 'стремиться к богу'	οἰκέω 'живу'	dēnsēō (?) (II) 'делаю густым'
-o-	amítṛa- 'враг'	φοῖβος 'светлый'	puḡnus 'кулак'
-eH ₂ ye/o-	amitrāyá- 'быть враждебным'	φοῦβάω 'чищу' (эллинистич. поэзия)	puḡnō (I) 'дерусь'
-eH ₂ -	pṛtānā- 'битва'	τίμη 'честь'	cūra 'забота'

	вед.	греч.	лат.
-eH ₂ y ^e /o-	ṛṭapāyá- 'сражаться'	τῆμάω 'чту'	cūrō (I) 'забочусь'
-i-	sakhay- 'друг'	μῆνις 'ярость'	fīnis 'граница'
-iy ^e /o-	sakhīyá- 'стремиться к дружбе'	μηρίω 'сержусь'	fīniō (IV) 'ограничиваю'
-u-	gātū- '(свободный) путь'	μέθυ 'вино'	metus 'страх'
-uy ^e /o-	gāthuyá- 'получить свободный доступ'	μεθύω 'я пьян'	metuō (III) 'боюсь'
-s-	gājas- 'пыль'	τέλος 'конец, предел'	fulgur 'молния'
-sy ^e /o-	gajasyá- 'обращать в пыль'	τελείω, -έω 'кончаю'	fulguriō (IV) 'удаляю молнией'
-p-	ukṣāp- 'бык'	ὄνομα 'имя'	—
-py ^e /o-	ukṣapuyá- 'желать быков'	ὀνομαίνω 'называю по имени'	—
-d-		ἐλπίς, -ίδος 'надежда'	custōs, -ōdis 'сторож'
-dy ^e /o-		ἐλπίζω 'надеюсь'	custōdiō (IV) 'охраняю'

Новая интерпретация глагольных суффиксов основывается не только на новом взгляде на процессы деривации, но включает также реинтерпретацию суффиксов с точки зрения их этимологии. Наиболее существенной для истории латинского языка является предложенная Е. Курцовой гипотеза, которая позволяет объединить и сопоставить до того не находивший параллели греческий суффикс пассивного аориста -θη- с латинским суффиксом имперфекта -bā- (обычно понимаемый как форма от глагола 'быть').

* * *

В глагольных системах индоевропейских языков легко различаются формы, в которых окончание присоединяется непосредственно к корню глагола, и глагольные корни, имеющие суффиксальное расширение, начиная от так называемого тематического гласного и кончая сложными суффиксальными конглютинатами. Происхождение тематического спряжения изложено в целом ряде гипотез, основанных в том числе на аналогическом распространении древней флексии посредством нового окончания с последующим переосмыслением старого окончания как соединительного гласного³⁴. Корни, к которым непосредственно присоединяется окончание (*es-mi, *ei-mi), используют тематический гласный только для образования таких наклонений, как конъюнктив (ср. гом. ἵσμεν); в противопоставленном этому спряжению типе формо-

³⁴ С. Watkins. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969. S. 100-104.

образования тематический гласный используется в формах индикатива (ср. ἄουρεν). Такое распределение, возможно, свидетельствует о некогда существовавшем членении корневых морфем на два класса. В хеттском языке всё глагольное спряжение, за исключением образований с суффиксами *-sko- и *-yo-, рассматривается как атематическое. В рамках атематического спряжения противопоставляются два подтипа, известные в хеттском языке как спряжения на -mī и -hī. Такое положение, скорее всего, отражает праиндоевропейское состояние с делением корней по лексико-семантическому принципу, на основе которого возможно противопоставить активные и инактивные глаголы. При этом даже в хеттском языке наблюдается взаимное влияние флексии двух типов спряжения, то есть возможны переходы глагола из одного подтипа спряжения в другое. В латинском языке спряжение на -mī постепенно сходит на нет; в греческом языке сходное явление наблюдается в дорийских диалектах (ср. дорийское ὀμίω = ὀμιμι), в то время как в языке Сафо спряжение на -mī, напротив, оказывается продуктивным.

На синхронном уровне картина запутанна; ясно, что нигде не засвидетельствован, например, такой глагол, в котором к корню *ag- (*H₂eǵ-) присоединялось бы окончание *-mī (ср. лат. agō, греч. ἄγω < *H₂eǵ-oH₂; в санскрите в 1-м л. ед. ч. окончание -mī вытеснило старую основу, следы которой, однако, видны между корнем и флексией в форме ājāmi). Напротив, во всех языках корень es- 'быть' относится к спряжению на -mī (как и целый ряд других корней, напр., dheH₁- в dá-dhā-mi). Безусловно, такая картина отражает более древнее наследие и приоткрывает возможности для реконструкции ранних состояний системы. И хотя у нас недостаёт материалов для того, чтобы провести лексико-семантический анализ всех глаголов, принадлежащих к той или иной (активной или инактивной) группе, можно думать о том, что первоначально спряжения на -hī и -mī отражали важную особенность, существенную для лексико-семантического членения. Принятое отождествление спряжения на -mī с активным и спряжения на -hī с инактивным ни в одном из сохранившихся языков не прослеживается в сколь-нибудь полной мере.

В современных работах встречается термин «статив», который обозначает новое состояние или переход в это новое состояние. В силу такого рода семантических особенностей первоначально стативные глаголы не должны были иметь медиальных форм.

Иногда статив подразделяется на две родственные категории, обозначаемые как «фиентив» и «эссив». Разницу можно видеть в разборе форм типа ст.-сл. сѣдѣти 'сидеть', ср. лат. sedeō-sedere (эссив) в противовес ст.-сл. сѣдѣхъ (фиентив), в котором идея

принятого сидячего положения, согласно ряду исследователей, прослеживается более отчётливо, чем в латинских глаголах.

При таком разделении с чисто формальной точки зрения эссив может быть представлен как наложение каузативного значения на фиентивное, что, впрочем, не подтверждается в должной мере семантическим анализом конкретных глагольных форм.

Фиентив обозначает переход субъекта в новое состояние. Сам глагол может при этом образовываться как от глагольной основы, так и от именных основ. Морфологически показатель фиентива оформляется с помощью суффикса *-eH₁-/*-H₁-. Наиболее показательным примером образования фиентива от глагольной основы служат формы *m̥p-eH₁ -/*m̥p-H₁-, которые представляют собой расширение глагольного корня *m̥ep-, имеющего общее значение мыслительной деятельности. Получившаяся форма достоверно отражена в ионийско-аттическом ἐμάμην, в значении которого присутствует внутренний переход субъекта в иное состояние, а именно – состояние буйства, безумия (или, как, возможно, показывают литовские и старославянские примеры (m̥in̥éjau; мьнѣше) – мнительности). Несомненную древность данного образования демонстрирует чередование полной и нулевой ступеней получившейся глагольной основы, а также сам способ словообразования, который может использоваться не только для производства новых грамматических форм, но и для образования иных основ, например, *m̥p-eH₂-/*m̥p-H₂- с семантикой, которую восстанавливают как 'думать о (ком-л., чём-л.)' – 'помнить'.

Ещё более отчётливо, чем в приведённом примере, значение фиентива проступает при присоединении того же суффикса *-eH₁- к именным основам, ср. приведённые ниже примеры:

Именные основы и производные глаголы	вед.	гр.	лат.
-o-	(*rudhro- 'красный')		ruber 'красный'
-o-eH ₁ -			rubeō (II) 'краснею'
-es-/os	(*sr̥igos- 'мороз')	ῥῆγος 'холод'	fr̥igus 'холод'
-es-eH ₁ -		ῥῆγέω 'мёрзну'	fr̥igeō (II) 'мёрзну'
-u-	(*dh̥rsu- 'храбрый')	θρασύς 'храбрый'	
-u-eH ₁ -		θαρσέω 'дерзаю'	

На формальном уровне существует определённое сходство между окончаниями меди и перфекта, подмеченное Ежи Куриловичем, Кэлвертом Уоткинсом и другими³⁵. На основании этого частичного сходства меди и перфект объединяются в единую категорию статива, противопоставленную другим формам, объединённым эвентивным значением, то есть значением, передающим идею действия как такового. Категория статива обнаруживается, например, в суффиксе *-H₁-* (см. выше о фиентиве). Тем самым семантическая близость этих форм позволяет высказать предположение о возможном существовании древней категории, затем разошедшейся в нескольких направлениях, включающих собственно меди и перфект.

Как можно видеть, таким способом достигается движение исследовательской мысли от формального общего сходства, возможно, отражающего древние категориальные различия, к семантико-грамматическим различиям.

Такая методика исследования, апробированная всей историей индоевропеистики, позволяет восстановить утраченное единство форм и предположить некоторую стоящую за ними общую семантику. В ходе исследования такой метод заставляет объединять такие разные по грамматической семантике формы, как, например, суффиксальные образования, в которых формально обнаруживаются сходные элементы: презенс на *-s-*; *-s-*, участвующее в образовании дезидеративов³⁶ (лат. *vīsō vīserē*); аористное *-s-*. Точно так же существует соблазн объединять в единую семантическую категорию такие формально сходные образования, как формы с редупликацией, которые засвидетельствованы для образования самых разных времён: презенс (ср. греч. *δίδωμι*, лат. *sistō*), перфект (*didicī*), аорист (греч. *ἤγαγον*). Последний пример наиболее явным образом демонстрирует ущербность такого метода, так как значение редупликации, исключая общую идею интенсивности действия, нам неизвестно.

Остаются такие особенности, которые вполне могут быть древними, как аблаут типа *λείπω – ἔλιπον – λέλοιπα*, при котором абла-

³⁵ C. Watkins. *Geschichte der indogermanischen Verbalflexion*. Heidelberg, 1969. S. 112.

³⁶ Вообще праиндоевропейские дезидеративы на **(H₁)se/o-/*-(H₁)s-ye/o-* восстанавливаются в виде двух типов: во-первых, дезидеративы на **(H₁)se/o-*, которые характеризуются либо редупликацией корня в нулевой огласовке (типа д.-и. *jīghāmsati* 'желать убить' < **jighā-sa-* < **g^Wi-g^Wn₀-H₁se/o-*; д.-и. *vīpsa* 'желать получить' < **H₁i-H₁p-se/o-*; д.-и. *dīsa* 'желать дать' < **di-dH₃-se/o-*, а не из формы ***di-dH₃-H₁se/o-*); во вторых дезидеративы, образуемые без редупликации и с огласовкой корня *-e-* (ср. греч. формы будущего времени *πέσομαι* < **p^hent^h-se/o-*; *δείξω* 'покажу' < **deik-se/o-* при гомеровском *μένεω* 'буду оставаться' < **men-H₁se/o-*). В пределах индоиранского и балтийского возможно встречается также усиленное **(H₁)s-ye/o-*.

утные изменения сопровождаются дифференциацией окончаний. Последнее часто принимается за необходимость восстанавливать для праиндоевропейского глагола троичную систему времён.

В современных исследованиях практически не разработаны вопросы диахронической типологии в области изменений видо-временной системы, и мы можем предполагать, что для праиндоевропейского набор категорий отличается от того, что представлено в реально засвидетельствованных языках. Правдоподобным выглядит противопоставление лексико-семантических классов, вероятной кажется возможность использования редупликации для выражения интенсивности действия, менее отчётливой оказывается суффиксация как способ видо-временной или модальной дифференциации форм.

Несмотря на отсутствие окончательного ответа в этой области (при всей соблазнительности стадийного изменения от деривационного грамматического типа к флективному, эта гипотеза остаётся без настоящих доказательств), можно думать, что сама морфологическая структура за последние сорок лет значительно проявилась, и теперь дело в большей степени за чётким семантическим описанием, затрагивающим как лексическое, так и грамматическое значение формы, и за созданием типологии изменений грамматического значения на более детальном материале вне общей гумбольдтовской схемы перехода от аморфности к агглютинации и далее к фузионности.

Диатезы и залогов

Основная литература: R. Stempel. Die Diathese im Indogermanischen. Formen und Funktionen des Mediums und ihre sprachhistorischen Grundlagen. Innsbruck, 1996 (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Vorträge und Kleinere Schriften 67); M.-D. Joffré. Le verbe Latin: Voix et Diathèse. Louvain-Paris, 1995 (рассмотрена вся глагольная система латинского языка, включая именные формы глагола); Y. Duhaux. Le verbe grec ancien. Éléments de morphologie et de syntaxe historiques. 2me éd., revue et augmentée. Louvain-la-Neuve, 2000 (Bibliothèque des Cahiers de l'Institut de linguistique de Louvain 104) (1-е изд. книги вышло в 1992 г.); И. А. Перельмутер. Залог греческого глагола: теория, генезис, история. СПб., 1995.

В последнее время является общепринятым противопоставление залога и диатезы как формально выраженной оппозиции («актив-медий») для ранних этапов; затем в латыни и в ряде других языков эта оппозиция сменяется оппозицией «актив-пассив») – в противовес оппозиции смысловой. Диатеза, в отличие от залога, понимается как противопоставление грамматических категорий вне зависимости от того, имеют ли они формальное выражение. Исследование диатез допускает несколько подходов. Например, с точки зрения логического анализа возможно «исчисление диатез» в терминах А. А. Холодовича,³⁷ при котором с опорой на лингвистиче-

³⁷ А. А. Холодович. Залог I: определение. Исчисление// А. А. Холодович. Проблемы грамматической теории. Л., 1979. С. 277-292.

скую типологию рассматривается широкий спектр грамматических противопоставлений, так или иначе сводимых к диатезе. В латинском языке в ряде случаев медиальная диатеза выражается формой активного залога (timeō “я боюсь” едва ли можно рассматривать как активную форму эвентивного глагола, т. е. обозначающую действие в активе), а активная диатеза выражается формой пассива. Последнее не нуждается в специальной иллюстрации (см. депонентные глаголы). Нетрудно заметить, что в подобных случаях исследование грамматического значения (определение диатезы) затруднено лексической семантикой каждого конкретного глагола. Группировка глагольных форм с учётом лексико-грамматического значения оказывается всякий раз несколько громоздкой (см., впрочем, классификацию И. А. Перельмутера для древнегреческого языка).

Личные окончания

Для флексии глагола ларингальная теория позволила внести некоторые уточнения: в 1 л. ед. ч. $-oN_2 = -\bar{o}$, хет. $-ahhi$, с добавлением актуализирующей частицы $-i$.

2 л. дв. ч. $*-tN_2es$ требует определённой осторожности при интерпретации: он фигурирует как *pluralis* в итальянских яз. $*-tes > -tis$

Медиальные окончания :

1 л. греч. $-\mu\eta\upsilon < -\mu\bar{a}\nu$ при том, что $-\mu\bar{a} < *-mN_2o$

2 л. $-so$ $-\sigma o$ плюс актуализатор $< *-i$ ³⁸

3 л. $-to$ греческое $-to\iota$, лат. $*-to\bar{g}$ с чередованием актуализационных частиц $*-i/*-r$, добавленных к окончанию. На более древней стадии противопоставление $*-i/*-r$ могло служить категориальному противопоставлению, впоследствии утраченному, и сохранённому только в виде реликтов: хеттская парадигма и парадигмы итальянских языков показывают смешение двух серий древних показателей в одну супплетивную парадигму как в презенсе, так и в перфекте.

Личные окончания в настоящее время принято восстанавливать следующим образом:

³⁸ Эти древние формы сохранились в аркадском $\kappa\epsilon\iota\omicron\iota$ ‘ты лежишь’ $< *k\epsilon\upsilon\text{-}so\upsilon$ (атт. $\kappa\epsilon\iota\sigma\alpha\iota$, гомер. $\kappa\epsilon\iota\alpha\iota$), кипрском $\kappa\epsilon\iota\tau\omicron\iota$ ‘он лежит’ $< *k\epsilon\upsilon\text{-}lo\upsilon$ (атт. $\kappa\epsilon\iota\tau\omicron\iota$), микенском $e-u-ke-to$ / $\epsilon\upsilon\kappa\eta\epsilon\iota\omicron\iota$ / ‘она торжественно объявляет, клянётся’.

Activum (вторичные окончания)

	и.-е.	вед.	ав.	хет.	гр.	арх. лат.	гот.	ст.-слав.	лит.
1 sg.	-m	-m	-m	-mup	-v	-m	-ø		-u
	-m̄	-am	-am	-un	-α		-u	-ъ	-m̄i
2	-s	-s	-s	-š	-s	-s	-s	-o	-si
3	-t	-t	-t	-t	-ø	-d	-ø	-ø	-ø
1 du.	-wē	-vā	-va	—	—	—	-u, -wa	-вѣ	-va
2	-tom	-tam	?	—	-tov	—	-ts	-та	-ta
3	-tām	-tām	-tām	—	-tāv	—	—	-тѣ, -та	—
1 pl.	-mē	-mā	-ma	-wen	-μεν	*-mos	-m(a)	-мъ	-me
2	-te	-ta(na)	-ta	-ten	-тѣ	*-tes?	-þ	-тѣ	-te
3	-nt	-n(t)	-n		-v	-nt	-n(a)	[+носовой]	—
	-nt̄	-at	-at						
	-r̄	-ur							
	-ēr		-er		-ēre				

Activum (первичные окончания)

1 sg.	-oH ₂	-āmi	-ā(mi)		-ω	-ō	-a	-ж	-u
	-mi	-mi	-mi	-mi	-μ	-m	-m	-мь	-mi
2	-si	-si, -ši	-hi, -ši	-ši	-s	-s	-s	-си,	-si
					-εs			-шь	
3	-ti	-ti	-ti	-zi	-t	-t	-t/þ	-ть	
	-i				-i			-ø	-o
1 du.	-wos	-vas	-vaihi	—	—	—	-os	-вѣ	-va
2	-tH ₁ es	-thas	?	—	-tov	—	-ts	-та	-ta
3	-tes	-tas	-tō	—	-tov	—	—	-тѣ,	—
								-та	
1 pl.	-mos	-mas(i)	-maihi	-weni	-μεs	*-mos	-m	-мъ	-me
2	-te	-tha(na)	-θα	-teni	-тѣ	*-tes?	-þ	-тѣ	-te
	-nti	-nti	-nti	-(a)nzi	-vti	-nt	-nd	[+ носо-	—
	-nt̄i	-ati	-aiti		*-ατι			вой]тъ	

Medium (вторичные окончания)

	и.-с.	вед.	ав.	хет.	гр.	лат.	гот.
1 sg.	-H ₂ O	-i	-i	-ḥa(ḥa)t(i)	-μην (лор. -μᾶν)	-ar	
		-a	-am				
2	-tH ₂ O	-thās	-sa	-tat(i)	-σo	-re	
3	-o	-ta	-ta	-tat(i)	-то	-tur	
	-to			-at(i)			
1 du.	(-wedhH ₂)	-vahi	-vadi				
2	(-teH ₁)	-āthām			-(σ)θov		
		-ithām					
3	(-tē)	-ātām			-(σ)θāν		
		-itām					
1 pl.	-medhH ₂	-mahi	-madi	-waštat	-μe(σ)θα	-mur	
2	-dhwo	-dhvam	-δvəm	-tumat	-(σ)θε	-minī	
3	-(ē)ro	-nta	-nta	-antat(i)	-ντο	-ntur	
	-nto	-ata	-ata				
	-ṅto	-ra(te)					

Medium (первичные окончания)

	и.-с.	вед.	ав.	хет.	греч.	лат.	гот.
1 sg.	-H ₂ or	-i	-i				
		-e	-ē	-ḥa(ḥa)(ri)	-μαι	-r	-da
2	-tH ₂ or	-se, -še	-hē, -šē	-ta(ri), -tati	-σαι, -σαι	-re	-za
3	-or	-te	-tē	-ta(ri)	-ται, -τοι	-tur	-da
	-tor	-e		-a(ri)			
1 du.	(-wosdhH ₂)	-vahe					
2	(-HtoH ₁)	-āthe			-(σ)θov		
		-ithe					
3	(-Htē)	-āte			-(σ)θov		
		-ite					
1 pl.	-mosdhH ₂	-mahe	-madē	-wašta(ri)	-μe(σ)θα	-mur	-nda
				-waštati			
2	-dhwo	-dhve	-δvē	-tuma(ri)	-(σ)θε	-minī	-nda
3	-(ē)ror)	-nte	-ntē	-nta(ri)	-νται, -ντοι	-ntur	-nda
	-ntor	-ate	-atē				
	-ṅtor	-re	-āirē				

Реконструкция праиндоевропейских показателей, совмещающих в себе выражение категорий числа, лица и залога, за последние десятилетия подверглась сравнительно небольшим изменениям, связанным с использованием ларингальной теории.

После микенских находок стало совершенно очевидно, что окончание *-toi*, засвидетельствованное в аркадском и кипрском диалектах, действительно представляет собой глубокий архаизм, почти повсеместно заменённый в I тыс. до н. э. окончанием *-tai*. Это аналогическое изменение, безусловно, происходит за счёт влияния 1-го л. ед. ч., при котором *-tai* **-toi* *-toi* изменяются в *-tai* *-tai* *-tai*.

Благодаря этому удалось и отчётливее определить положение латинского окончания *-tur* < **-tor*, сопоставив частицу *-i* первичных окончаний глагола, представляющую собой актуализатор,³⁹ свойственный исключительно презенсу, футуруму и формам конъюнктива, с конечным *-g*, изначально выражавшим, как можно думать, несколько иное значение или выполнявшим иную функцию.

Сопоставление с хеттскими и тохарскими данными едва ли позволяет думать, что мы имеем здесь дело с итало-кельтской инновацией. С другой стороны, все языки, нам известные, обобщили одну из этих частиц, причём латинский язык обобщил *-g* только в пассивном залоге и в форме 3-го л. мн. ч. перфекта. (Видеть в этом исключительную связь *-g* со «стативом», быть может, правдоподобно, но такое предположение остаётся бездоказательным).

³⁹ В индоевропейских языках употребляется дейктическая частица *-i*, придающая глагольной форме дополнительное актуализирующее значение. а по происхождению, возможно, связанная с показателем локатива в склонении имени. Характерной особенностью употребления этой дейктической частицы является невозможность её сочетания с аугментом в тех языках, где таковой засвидетельствован (санскрит, древнегреческий, армянский). Тем самым уже для праиндоевропейского удастся надёжно реконструировать выражаемое дейктическими частицами временное противопоставление, в котором занимающее начальную позицию индоевропейское **e-* подчёркивает прошедшее время, к которому относится действие, а занимающая конечную позицию дейктическая частица **-i* выражает состояние *hic et nunc*.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЗНАКОВ

1. Долгота обозначается чертой над гласным (например, ā). Краткость обозначается лишь в случаях особой надобности знаком \cup над гласным.

В частности, в написании латинских слов долгота гласного отмечается во всех случаях, а краткость лишь тогда, когда на ней акцентируется внимание, и гласный, не имеющий надстрочного знака, должен рассматриваться как краткий. Исключение составляют эпиграфические тексты, которые цитируются в своей античной форме, т. е. обычно без надстрочных знаков; без знаков приводятся также некоторые формы и тексты позднейшего времени. Апексы (§ 103), имеющиеся на надписях, воспроизводятся по мере надобности; знак $\acute{}$ передает *iōta longum*. (§ 103).

Знак \cup под гласным (например, \cup) обозначает неслоговой гласный; знак \cup под сонантом обозначает слоговой сонант; ϵ , ϕ и т. д. — открытые е, о и т. д.; ϵ , ϕ и т. д. — соответствующие закрытые; η — заднеязычный носовой, η — среднеязычный носовой.

Об особых знаках, применяемых при восстановлении общиндоевропейского и общеталийского языкового состояния, см. §§ 10 и 28.

Знак $>$ обозначает «переходит в»; знак $<$ обозначает «происходит из».

2. В албанских текстах: κ близко к русскому κ ; ϵ — бормотный звук, близкий по тембру к ϵ ; ξ — ш.

В готских текстах: $\epsilon\bar{i}$ обозначает долгое \bar{i} ; $a\acute{i}$ — краткое \acute{e} ; $a\bar{i}$ — краткое \bar{o} ; j — звонкий заднеязычный щелевой; w — звонкий губозубной щелевой; интервокальное b — звонкий щелевой, соответствующий смычному b ; β — глухой переднеязычный щелевой (англ. *th* в *thing*).

В древнеиндийских текстах: e и o всегда долгие, равно как и a в дифтонгах $a\bar{i}$, $a\bar{u}$; y — согласный сонант, соответствующий гласному \bar{i} ; \bar{n} — среднеязычное n ; $\bar{ṇ}$ — какуминальное (церебральное) n ; ξ и ϕ — шипящие типа русского ξ , первое — какуминальное, второе — среднеязычное; η — глухое придыхание; ζ — глухая среднеязычная аффриката, близкая к русскому ζ ; j — соответствующая звонкая аффриката (дж); \check{t} — какуминальное (церебральное) t ; группы, образованные сочетанием согласного с h (например, th , dh), обозначают соответствующие глухие или звонкие придыхательные.

В древнеиранских (авестийских) текстах: \bar{a} — редуцированный гласный; \bar{a} — близко к дифтонгу $\bar{a}o$; ξ — ш; $\check{\zeta}$ — ч; \check{j} — дж.

В древнеирландских текстах: ch — глухой заднеязычный щелевой (русск. х); th — глухой переднеязычный щелевой, обозначаемый в готском þ; интервокальные b, d — звонкие щелевые, соответствующие звонким b, d; интервокальное t произносится звонко, как d.

В литовских текстах: a — древнее носовое а, утратившее свой носовой характер в современном литературном языке; ē — закрытое долгое ē; j — среднеязычный щелевой («йот»); š — ш; ž — ж; z — з. На долгих гласных, дифтонгах и дифтонгических сочетаниях восходящий характер музыкального ударения отмечается циркумфлексом (~), нисходящий — акутом ('); грависом (˘) обозначается ударение на кратком гласном.

В осских текстах, исполненных осским алфавитом: транскрипционный знак í обозначает открытое i; ú — о. С помощью z транскрибируется в текстах с осским алфавитом знак для ts (русск. ц); в текстах с латинским алфавитом z обозначает звонкий свистящий (русск. з). Долгота гласного в осских текстах обозначается с помощью удвоения этого гласного.

В тохарских текстах: ä обозначает редуцированный звук; у и ʒ имеют те же значения, что и в транскрипции древнеиндийских звуков.

В умбрских текстах, исполненных умбрским алфавитом, транскрипционный знак ř служит для звука, этимологически восходящего к интервокальному d и выражаемого в умбрских текстах, исполненных латинским алфавитом, через rs. По-видимому, звук этот был близок чешскому ř (сходно с русским ржь).

В хеттских текстах: š соответствует русскому с; z — русскому ц.

ОБЪЯСНЕНИЕ СОКРАЩЕНИЙ

Сокращения заглавий цитируемых произведений

- Ad. (Теренций) — Adelphoe
Aen. (Вергилий) — Aenēis
Agr. (Катон) — Dē agrī culturā
Am. (Овидий) — Amōrēs
Amph. — Plautī Amphitruō
Andr. (Теренций) — Andria
Ann. (Энний) — Annālēs
Ant. Rōm. — Antīquitātēs
Rōmānae
Ar. (Германик) — Arātēa
As. — Plautī Asināria
Aug. (Светоний) — Dīvus
Augustus
Aul. — Plautī Aululāria
Bacch. — Plautī Bacchidēs
B. C. (Цезарь) — Bellum Cīvīle
B. G. (Цезарь) — Bellum Gallicum
B. P. (Невий) — Bellum
Poenicum
Capt. — Plautī Captīvī
Carm. (Гораций) — Carmina
Cas. — Plautī Casina
C. G. L. — Corpus Glōssariōrum
Latīnōrum (§ 58)
C. I. E. — Corpus Inscrīptiōnum
Etruscārum
C. I. L. — Corpus Inscrīptiōnum
Latīnārum (§ 57)
Cist. — Plautī Cistellāria
Cōm. — Cōmoediae
Contr. (Сенека Старший) —
Contrōversiae
Curc. — Plautī Curculiō
Dēf. tab. — Dēfīxiōnum tabellae
De ōr. (Цицерон) — Dē ōrātōre
Dīv. (Цицерон) — De dīvīnātiōne
D. n. (Цицерон) — Dē deōrum
nātūrā
Ecl. (Вергилий) — Eclogae
Epid. — Plautī Epidicus
Epist. (Цицерон, Гораций,
Сенека) — Epistulae
Eun. (Теренций) — Eunūchus
Ex Pontō (Овидий) — Epistulae
ex Pontō
fr. inc. — fragmenta incerta
Georg. (Вергилий) — Geōrgica
G. L. — Grammaticī Latīnī (§ 58)
G. R. F. — Grammaticae Rōmānae
fragmenta (§ 58)
Hal. (Овидий) — Halieutica
Hec. (Теренций) — Hecyra
Lēg. (Цицерон) — De lēgibus
L. L. (Варрон) — Dē linguā Latīnā
Men. (Варрон) — Saturae
Menippēae
Men. — Plautī Menaechmī
Merc. — Plautī Mercātor
Met. (Овидий, Апулей) —
Metamorphōses
Mīl. — Plautī Mīles Glōriōsus
Mon. Anc. — Monumentum
Ancūgānum
Mōst. — Plautī Mōstellāria
N. H. (Плиний) — Nātūrālīs
historia
Od. (Ливий Андроник) — Odusia
Latīna
Off. (Цицерон) — Dē officiīs
Ōr. (Цицерон) — Ōrātor
Ōrīg. (Катон) — Ōrīgīnēs
Pers. — Plautī Persa
P. F. — Paulī epitomē ex Festō
Phorm. (Теренций) — Phormiō
Pīs. (Цицерон) — In Pīsōnem
ōrātiō
Plat. (Апулей) — Dē Platōne et
eius dogmate
Poen. — Plautī Poenulus
Praet. — Praetextae
Pseud. — Plautī Pseudolus
Rem. (Овидий) — Remedia
amōris
Rēp. (Цицерон) — Dē rē pūblicā
R. M. (Катон) — De re mīlitārī

R. R. (Варрон) — Rērum rūsticārum librī	Tab.—Tabulae
Rud. — Plautī Rudēs	Thras. (Непот) — Thrasybūlus
Sat. (Макробий) — Sāturnālia	Top. (Цицерон) — Topica
Sc. (Энний) — Scēnica	Trag. — Tragoediae
S. C. de Bac. — Senātūscōnsultum dē Bacānālibus	Trin. — Plautī Trinummus
Serm. (Гораций) — Sermōnēs	Trist. (Овидий) — Trīstia
Sest. (Цицерон) — Prō Sestiō ōrātiō	Troad. (Сенека) — Trōadēs
Stich. — Plautī Stichus	Truc. — Plautī Truculentus
Syll.—Dittenberger, Syllogē Inscriptiōnum Graecārum	Var. (Энний) — Varia
	Verr. (Цицерон) — In Verrem ōrātiōnēs
	Vid. — Plautī Vīdulāria

Нумерация фрагментарно сохранившихся текстов основана на изданиях:

Плавт — Lindsay (1904—1905).

Энний — Vahlen, Ennianae poësis reliquiae, 2 изд. 1903 г.;
сценические авторы, кроме Плавта и Энния — Ribbeck, Tragicorum
Romanorum fragmenta, 3 изд., 1897; Comicorum Romanorum
fragmenta, 3 изд., 1898.

Луцилий — Marx (1904—1905); прочие поэты—Morel,
Fragmenta poëtarum Latinorum, 1927.

Катон — Jordan (1860).

Страницы Феста и Павла приводятся по изданию Lindsay
(1913).

Ноний—Lindsay (1903).

При ссылках на С. I. L. дается только номер тома и номер
надписи; напр. P².581 = С. I. L., том 1, изд. 2, надпись № 581.

Сокращенные обозначения языков и диалектов

авест.— авестийский	ит.— итальянский
алб.— албанский	италийск.— италийский
англ.— английский	кельт.— кельтский
арм.— армянский	кимр.— кимрский
арх.— архаический	кипр.— кипрский
атт.— аттический	кл.— классический
беот.— беотийский	крит.— критский
вед.— ведический	крито-мик.— крито-микенский
вен.— венетский	лат.— латинский
вестин.— вестинский	лепонт.— лепонтный
вольск.— вольский	лесб.— лесбийский
галл.— галльский	лит.— литовский
герм.— германский	мегар.— мегарский
гом.— гомеровский	месс.— мессапский
гот.— готский	нем.— немецкий
греч.— греческий	ос.— осский
д.-в.-н.—	пелигн.— пелигнский
древневерхне немецкий	поздн.— поздний
д.-и.— древнеиндийский	порт.— португальский
д.-ирл.— древнеирландский	пренест.— пренестинский
дельф.— дельфийский	прусск.— прусский
доиндоевр.—	ретором.— ретороманский
доиндоевропейский	русск.— русский
дор.— дорический	сабинск.— сабинский
др.-верхненем.— древневерхне-	совр.— современный
немецкий	ст.-лит.— старолитовский
др.-ир.— древнеиранский	ст.-сл.— старославянский
др.-ирл.— древнеирландский	тох.— тохарский
др.-лат.— древнелатинский	умбр.— умбрский
д.-прус.— древнепруссский	фалис.— фалисский
европ.— европейский	фр.— французский
и.-е.— индоевропейский	фриг.— фригийский
и.-и.— индоиранский	хет.— хеттский
ир.— иранский	эпир.— эфирский
ион.— ионический	этр.— этрусский
исп.— испанский	

ВАЖНЕЙШИЕ ПОСОБИЯ

Сравнительная грамматика индоевропейских языков

- Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительная фонетика индоевропейских языков. В кн.: Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды. Т. I. Москва, 1956.
- Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительная морфология индоевропейских языков. В кн.: Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды. Т. II. Москва, 1957.
- K. Brugmann и В. Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Т. I и II (Бругман: фонетика и морфология, 2 изд., Страсбург, 1897—1916; т. III—V (Дельбрюк: синтаксис), Страсбург, 1893—1900.
- K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Страсбург, 1904.
- A. Meillet. Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes. 8 изд. Париж, 1937 (русск. пер.: А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. — Л., 1938).

Италийская ветвь

- И. Цветаев. Сборник оскских надписей с очерком фонетики, морфологии и глоссарием. Киев, 1876.
- J. Zvetajeff. Sylloge inscriptionum oscarum ad archetyporum et librorum fidem. Петербург, 1878.
- R. S. Conway. The Italic dialects edited with a grammar and glossary. Т. I—II. Кембридж, 1897.
- R. v. Planta. Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte. Т. I—II. Страсбург, 1892—1897.
- C. D. Buck. A grammar of Oscan and Umbrian. Бостон, 1904.
- G. Devoto. Tabulae Iguvinae. Рим, 1940.
- V. Pisani. Le lingue dell'Italia antica oltre il latino. Турин, 1953.
- E. Vetter. Handbuch der italischen Dialekte. Т. I. Гейдельберг, 1953.
- G. Bottiglioni. Manuale dei dialetti italici. Болонья, 1954.

Прочие языки Италии

- R. S. Conway, J. Whatmough, S. E. Johnson. The Praeitalic dialects of Italy. Т. 1—3. Лондон, 1933.
- M. Pallottino. Etruscologia. 2 изд. Милан, 1947.
- V. Pisani. Le lingue dell'Italia antica... (см. выше).

История латинского языка

- И. М. Тронский. Очерки из истории латинского языка. М. — Л., 1953.
- A. Meillet. Esquisse d'une histoire de la langue latine. 4 изд. Париж, 1938.
- G. Devoto. Storia della lingua di Roma. Болонья, 1940.

- J. Cousin. Evolution et structure de la langue latine. Париж, 1944.
L. R. Palmer. The Latin language. Лондон, 1954.
E. Pulgram. The tongues of Italy. Кембридж (Масс.), 1958.

Возникновение романских языков

- М. В. Сергиевский. Введение в романское языкознание. Москва, 1952.
E. Bourciez. Éléments de linguistique romane. 4 изд. Париж, 1946 (русск. пер.: Э. Бурсье. Основы романского языкознания. Москва, 1952).

Историческая грамматика латинского языка

- F. Stolz и J. H. Schmalz. Lateinische Grammatik. 5 изд. Мюнхен, 1928 (обработ. M. Leumann и J. B. Hofmann).
A. Meillet и J. Vendryès. Traité de grammaire comparée des langues classiques. 3 изд. Париж, 1948.

Фонетика и морфология

- W. M. Lindsay. The Latin language. Оксфорд, 1894 (нем. пер. 1897).
W. M. Lindsay. A short historical grammar of the Latin language. 2 изд. Оксфорд, 1915 (русск. пер.: В. М. Линдсей. Краткая историческая грамматика латинского языка. Москва, 1948).
F. Sommer. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. 2 и 3 изд. Гейдельберг, 1914 (с дополнением: Kritische Erläuterungen zur lateinischen Laut- und Formenlehre. Гейдельберг, 1914).
V. Pisani. Grammatica latina storica e comparativa. Турин, 1948.
J. Safarewicz. Zarys gramatyki historycznej języka łacińskiego. Варшава, 1953.

Фонетика

- И. А. Бодуэн де Куртенэ. Из лекций по латинской фонетике. Воронеж, 1893.
A. C. Juret. Manuel de phonétique latine. Париж, 1921.
W. M. Lindsay. Early Latin verse. Оксфорд, 1922.
R. G. Kent. The sounds of Latin. Балтимора, 1932.
A. C. Juret. La phonétique latine. Париж, 1938.
E. H. Sturtevant. The pronunciation of Greek and Latin. 2 изд. Филадельфия, 1940.
M. Niedermann. Précis de phonétique historique du latin. 3 изд. Париж, 1953 (русск. пер. со 2-го изд.: М. Нидерман. Историческая фонетика латинского языка. Москва, 1949).

Морфология

- М. М. Покровский. Материалы для исторической грамматики латинского языка. Москва, 1898.
A. Juret. Formation des noms et des verbes en latin et en grec. Париж, 1937.

- A. Ernout. Morphologie historique du latin. 2 изд. Париж, 1945 (русск. пер.: А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. Москва, 1950).
R. G. Kent. The forms of Latin. Балтимора, 1946.

Синтаксис

- J. Wackernagel. Vorlesungen über Syntax. Т. I—II. Базель, 1920—1924.
E. Löfstedt. Syntactica. Т. I, 2 изд. Лунд, 1942; т. II, Лунд, 1933.
A. Ernout и F. Thomas. Syntaxe latine. 2 изд. Париж, 1953.
F. Novotny. Historická mlůvnicka latinského jazyka. Sv. 2. Прага, 1955.

Стилистика

- J. Marouzeau. Traité de stylistique latine. 2 изд. Париж, 1946.

Этимологические словари

- A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3 изд. (обработ. J. B. Hofmann). Гейдельберг, 1930—1956.
A. Ernout и A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Т. I—II. 3 изд. Париж, 1951; 4 изд. Т. I. Париж, 1959.

История научного изучения латинского языка

- Geschichte der indogermanischen Sprachwissenschaft [hg. von W. Streitberg. Т. II, 1. Страсбург, 1916 — статьи A. Walde. Die italischen Sprachen и K. v. Ettmayer. Vulgärlatein.

Библиография

- J. Cousin. Bibliographie de la langue latine. 1880—1948. Париж, 1951.

УКАЗАТЕЛЬ*
(Цифры указывают на параграфы)

A

ā (межд.) 300

ā (предл.) 268 б, 297,
734, 791, 806

ā (ab) 732

AARA 104

ab 168, 217, 227, 731,
734, 738, 806

ab- 777

abaliēnāre 777

abaliēnātiōnem 777

A•BA•MO•RE 94

abante 809

(ab)dītus 670

abdō 608

abdoucīt 112, 217

abdūcīt 217

abdūcō 227

abēō 791 a

abice, abiciam 86

abiciō 86, 141 a

abicit, abiēcī 86

abiēs 346, 355 a

abiegnus 749

abiegnus 755

abiete 71

abietis 346

abiicit 86

abligurrierat 659

abluō 143

abnegō 234

abnormis 789

abnuitūrus 690

abnuō 234

abolēvī 632, 637

aboluī 637

Ābrāhae, Ābrāhām 403

abripio 86

abs 268 б, 297, 806

abscondī 624

absconditus, abscoñsus 679

absēns 590

absque 806

abstinentia 747

abstinī 624

abstulās 556

abstulī 624

abundantia 747

abundō 721

ac 168

accendō 518 a

acceptus 149

accidō 152

accipio 96, 144

acclāmō 225 a

accūsō 153, 229

ACEPI 225 д

ācer 13, 173, 355 г,
404, 761

ācerrimus 408 г

ac 811

acētābulum 753

acētum 756

Achivī 152

acina, acinī, acinus 327

acredula 752

acrimōnia 748

ācris 173, 355 г, 404

ācrum 397

ACTIANI 203

actiō 768

actitō 193 г

actīvus 750

āctor 766

actūrus's 301

actus 193 г, 226, 674

acus 13

ad 285, 297, 715, 730,
806

adaeque 804

adamussim 800

adāxim 193 г, 661

adbibō 229

addere 155

addic, addice 91

addō 608

addūc, addūce 91

adduēs 606

addūxe 657

addūxit 629

Adelphoe 113

adeō 791 a, 804, 805

ADERINT 654

adeum 297

adferō 232

adgredimur 525

adgrētus 677

adhibeō 144

adhūc 91, 190, 805

adiectus 71

ADIESE 104, 659

ADIESENT,

ADIESET 659

adimō 144

* Составила Н. Н. Надель.

adiungō 259
adiuverō 634
adiuvō 71
adloquor 241
admodum 800
admoveō 235, 727
adnotō 234
adnūt 632
adnuō 234
Adolenda 579
adolēvi 632
ADOLISCENS 63
adoptāfīcius 748
adorior 523
ADOVXET 629
adrogō 156
adsidios 251
adulēscēns 575
adultus 666, 677
advehō 260
advenāt 556
adveniō 156
adversum 808
adversus 808
advorsum 210, 804
ADZVTOR 289
Aeacidā 315
Aeacidārum 322
aedem 114
aedēs 28, 700
aedilis 114
aedilitās 774
aedis 700
aedus 114
aegrōtus 756
Aegyptus 696
Aeneadum 322
aēneus 740, 749
AENIA 203
aēnus 193 a, 207, 740,
755, 770
aequālis 279
aequor 162, 362, 696,
770
aequus 114 aera 700

aerārius 748
aerē 358
aereus 740
aerumnābilis 762
aes 700
Aesculāpius 177
aestīvus 750
aestuōsus 757
aestus 764
aetātula 752
Aetna 28, 696
AETOLIA 114
Aetōlum 339
AF 806
afferō 232
afflictāt 547
agam 556
agceps 82
agcora 82
age 492, 803
agēbam 566
agellus 245
agēns, agentis 576
ager 173, 329, 751
agēs 554 6
agētis 554 6, 563
agger 106
aggere 82
aggredior 229
agguis 106
agī 571, 743
agilis 355 r, 762
agimīnī, agimur, agimus 546
agit 161
agite 550
agitō (imperāt.) 551
agitō (praes.) 502
agitur 297, 803
agmen 235, 769
agnitus 677
agnus 82, 745, 755
agō 513, 625, 743
agrāticum 759
agrestis 279, 763
agrestum 364
agricola 745, 784, 786

agricolārum, agricolum 322
agrī cultūra 784
agrīcultūra 784
Agrigentum 149
AGVSTO 135
ah 824
āh 824
aha 824
Ahāla 745
ahēnus 76
aī, aiam, aibam 614
AIDE 114
aidīles 355 r
AIDILES 161, 443
AIDILIS 114
aiēbam, aiēns, aiere,
aieret, aiērunt 614
ain 70, 803
aiō (aiiō) 71 b, 104,
207, 259, 614
AIQVOM 114, 152
AIRE, AIRID 360
ais 71 b, 207, 614
AISCLAPI 331
aisne 803
ait 207, 614
āla 268 6
alacris 154, 355 r, 404
albeō 508
albēscō 520
Albim 359
albogalērus 786
albor 280
albuī 633
Albula 696
ALEI 475
alebris 762
ālēō 768
Aleria 146, 279
āles 773
algeō 509
ali- 427, 475, 795
alī 475
alicubi 215, 216
alicubi 799
alicunde 216, 799

- alid 475
 aliēnae 311
 aliēnāre 777
 aliēnus 755, 777
 aliī 475
 alimōnēs 769
 alimōnia 748
 aliōquī 799
 aliōrsum 804
 aliquī 471
 aliquis 456, 795
ALIQVOD 218
 aliquot 218
 alis 329, 475
ALISALIVM 475
 aliter 801
 alituom 402
 alitus 678
 aliud 162, 218, 475
 alius 259, 475, 777, 795
 alius 475
 aliuta 141 a, 799
 alloquor 241
 almus 754
 alnus 250
ALONNVS 244
 Alpēs 701
 altāria 703
 alter 406, 475, 777,
 801, 831, 844
 alterī 826
 alterius 475
 altitūdō 356 b, 768
 altus 678, 714
 aluī 104, 633
 alumnus 150, 244, 575,
 755
 alveolus 147
ALVI 104
 alvī 104
 alvos 282
 alvus 326
AMA 288
 amābilis 279, 762
 amābō 803
 amandus 183
 amāns 193 b
- amant, amantem 183
 amāre 183, 212
 amārō 658
 amāscō 520
 amāsse 225 r
 amāssō 661
 amātis 183
 amātor 766
 amāvī 632
 amb- 791 a, 809
 amb(i)- 809
 ambābus 323
 ambae 831
 ambegnus 788
 amb(i)egnus 790
 ambēsus 809
 ambi- 790
 ambiaxium 809
 ambiegnus 788
 ambiguus 141 a
 ambiō, ambīre 602
 ambiō 791 a
 ambīs 343, 831
 ambissit 661
 ambō 306, 343, 831
 ambo 699
 ambulō 712
 amēminor, amentō 552
 amēs 199
 amīcābus 323
 amīcibus 340
 amīcīre 523
 amīciō 809
 amīcītia 748
 amīcuī 637
 amīcus 759
 āmittō 268 b
 amīxī 630
 ammoveō 235
AMNEGAVERIT 234
 amnis 697
 amnuō 234
 amoenus 113
 amor 770
 amplector 809
- ampliter 801
 ampolla, ampulla 150
 amputō 263
 amussis 359
 an- 809
 an 822
 ana 809
 anas 160, 179
 anatēs, anatis 154
 anceps 80, 355 a
 ancipes 355 a
 aneō 508
 angere 82
 angiportus 786
 angō 518 a
 anguimanus 369
 anhēlāre 809
 Aniēn 356 b
 Aniēnis 346, 356 c
 anīlis 762
 animābus 323
 animadvertō 78, 299,
 791 a
 animal 162, 168, 190,
 279, 350, 362, 695
 animālī 360
 animālis, -e 168
 animus 694, 754
 Aniō 346, 356 b
 anitēs, anitis 154
 annālis 762
 anne 822
 annōna 225 d
 annotō 234
 annuō 234
 annuus 82
ANONAM 225 d
 anquīrō 791 a
 ānser 76
 ante 158, 168, 805, 808
 ante- 808
 anteā 804
 antecēdō 727, 791 a
 antehāc 804
 antestāminō 552
 antīcus 759

antidhāc 804
antīquitus 800
antīquus 759
antistes 773
anxius 770
ap- 806
aperiō 260, 806
aperuī 633
apica 141 b
apiō 807
apis 364, 760
apīscor 520
apium 364
APOLENEI 358
appellāssēs 658
Aprīlis 696
apud 218, 285, 774,
807
apum 364
APVRFINEM 94, 285
APVT 218
aqua 745, 752
aquae ductus 784
aquaeductus 784
aquālis 762
aquārius 748
aquātilis 762
aquila 315
aquilentus 756
AQVILLIAES 316
aquilicium 784
Aquilō 696
aquilus 752
Arabis, Arabs 347 a
ārae 703
arāneola 203
arātra 703
arātrum 753
Ararim 359
arbiter 285
arbitrātus 668
ARBITRATVV 376
arbitror 285
arbor 280, 347 b, 356 r
arboris 347 b
arbōs 347 b, 356 r
arbustum 756
arcessivī 632

ARCHILAVS 63
arcī 398 b
arcibus, arcubus 380
arcūs 703
ardea 749
ardeō 166 b
arduus 750
ārē 791 a
ārēfaciō 791 a
ārēfaciō 791 a
arēna 76
arfārī 285
arfinēs 285
ARF(uērunt),
ARFVISE 285
argentārius 748
arger 285
arguitūrus 690
āridus 166 b
ariēs 355 a
ārma 194, 701
armāmentum 769
armārium 748
armicustōs 786
armiger 739, 786, 789
armilustrium 785
arripiō 238
ars 761
arsī 257, 263
arsus 257
arquitenēns 789
artibus 380
articlus, articulus 175
artifex 160, 355 a, 789
artificis 355 a
artubus 380
arundinētum 756
aruos 750
arvectum, arvehant 285
arvenās 285
arventōrēs 285
arvocātōs 285
arvolāre 285
ARVORSVM 285
arvus 750
arx 266

as 356 r
āsa 212
ascia 282
ascrip̄tīvus 750
asellus 752
ASIAGENVS 788
asinus 212
aspellō 268 a
aspiciō 263
ās(s) 849
assiduos 251
assiduos 750
assis 356 r, 849
assium 364
assus 257
ast 813
AT 297
at 813
Atheniēnsis 763
ATIGAS 556
ATILIES 338
atque 168, 811
atquī 813
ātrāmentum 769
ātriēnsis 763
atrōcium 364
atrōx 776, 780
atta 224
attāt 91
attigās 556
attinēt 547
attingō 149, 230
attonitus 679
au- 791 a, 809
au 824
auceps 166 b
auctor 695
auctōr, auctōris 356 a
auctōritās 774
auctrix 695
auctus 673
aucupis 144
audācia 747
audāciter 801
audācter 801
audāx 404, 747, 776
audeō 166 b, 508

audībam, audībō 567
audiēbam 566
audīferit, audiī, audiit
659
audis 523
audisse 225 r
audissēs 658
audīt (perf.) 91
audītus (rīar.) 677
audītus (cym.) 369
audīvi 632
audīvisse, audīvisēs
658
audīvit 91
Augustus 756
auferō 791 a, 809
aufugiō 809
aula 225 r, 268 6, 752
aulla 225 r
AVLVS 115
aureus 147, 749
auricula 115
aurifex 144, 786, 788
aurītus 665
aurufex 144, 788
aurum 115
Auruncī 759
aus 210
ausim 661, 662
auspex 161, 743, 788
Auster 696
austium 115
aut 812
autem 813
autumpnus 244
auxilia 700
auxilium 700
auxītis 661
avāritia, avāritiēs 383
avāritiae 700
avārus 208
avē, avēbō, aveō, avēre,
avērem, avēte, avētō 617
avis 743, 760
āvius 791

avonculus, avunculus 129
AZVTORBVS 289

B

bāca, bacca 224
bacchānal 362
Bacchānālīōrum 397
balineum, balneum 164
balneāticum 759
balteus 749
barba 276, 745
barbarus 154
barbātus 665, 756
basilicus 759
basim 359
bāsium 212
battō 204
battuō 224, 521
Bellius 260
Bellōna 260, 745, 755
bellum 260
bene 17, 180, 187, 188, 336
benē 801
benedīcō 791 a
benemōrientissima 410
Beneventī 311, 735
bēs 356 r
bēs, bēssis 849
bestiārius 748
bi- 830
biber 168, 570
bibī 515, 626
bibitus 678, 679
bibāx 776
bibō 275, 515
bibō (cym.) 768
bibulus 752
bicēsus 260
bicornis 789
bicorpor 356 r
bidēns 260, 830
biennis 760
biennium 789
bifurcus 789
bīgae, biūgae 166 v
bignae 846
bilībra 786
Bilius 260
bīmus 213
bīna 846
bīnī 846
bīniō 768
bīnō 846
bīnum 339
bis 260, 845
BIXIT 290
blandior 526
blanditer 801
blanditiā 748
boārius 209
bōs 765
bōbus 365
bona 404
bonō 108
bonum 404
bonus 17, 180, 260, 404, 406
bōs 348, 355 v
boum 210, 364
bovārius 209
bovem 359
boverum, bovēs 364
bovī 358
BOVID 360
Bovillae 701
bovis 348, 355 r, 357
bovom 210, 364
bovum 364
bracchium 224
breve 350
brevis 360
breviārium 748
brevis 122, 180, 248, 350
broccus 224
brūma 166 v
Brundisiī 332
būbus 365
bucca 224
bulla 224
būris 359

C

-c (союзн. част.) 168
-c (указат. част.) см. -ce

- cācula 745
 cacūmen 225 r
 cadamitās 284
 cadō 193 r, 513, 623
 cadūcus 759
CAECILIS 329
 caedēs, caedis 352, 355 d
 caedito 189, 551
 caeleste 360
 caelestis 763
 caelestum 364
 caelum 225 r
 caelum (II) 697
 caelus 697
 caementīcius 748
 caementum, caementa
 697
 caementum 225 r
 caerulus 280
 Caesar 156, 160
 Caesariānus 755
 Caesariēs 212
 Caesaris, Caeseris 156
 caestīs 398 b
 caia 259
 calamitās 284
 calcar 168, 190, 279
 calceārium 748
 caldus 164, 243
 calefaciō 613
 calēfaciō 791 a
 calēfaciō 791 a
 calefacis 91
 caleō 509
 calēscō 520
 Calidōrus 141 b
 calidus 164, 243
 calleō 508
 calx, calx 266
 calvitium 748
 Campānicus 759
 campester 406
 candēfaciō 566, 791 a
 candēlabrum 753
 candidātōrius 748
 canīnus 755
 canis 355 r, 364, 760
 canite 550
 Cannae 701
 Cannēnsis 763
CANONT 63
 cantāre 502
 cante 550
 canturiō 526
 canum 355 r, 364
 cānus 256
 capāx 776
 cape 492, 550
 capere 498, 570
 caperem 561
 caperis 547
 capessī 628, 632
 capessivī 628, 632
 capessō 519
 capessūrus 690
 capi 571
 capiēbam 566
 capimus 524
 capiō 96, 259, 523, 625,
 721
 capis 523, 524
 capissō 519
 capitāle 362
 capitālis 762
 capitis 145, 347 a
 Capitōlia 703
 capricornus 787
 capsō 661
 captivus 750
 caput 145, 347 a, 362,
 774
 cardō 356 b
 careō 721
 cāritātivus 750
 carmen 244
 carnēs 700
 carnis 346, 355 r, 356 b
 carō 14, 346, 355 r,
 356 b, 700, 768, 768
 Carthāginī 311, 361,
 735
 casa 212
 cāssus 225 r
 castimōnia 748
 Castorēs 700
CAS|TRA 86
CASTREIS 163, 340
 castrēnsis 763
 castū 218
CASTVD 218, 376
 cāsus 193 r, 212, 674
 cata 809
 catapultā 138
 Catō 768
 catus 768
 caulis 760
 cauneās 71
 causa 212
 causā 805
 caussa 225 r
 cautus 665, 678
CAVATVRINES 340
 caveō 131
 cāvī 634
 cavilla 281
CAVITVM 678
 cavus 131
 ce- 791 a
 -ce (-c) 93, 94, 168, 427,
 430, 441, 442, 448, 449,
 450, 452, 453, 605, 795,
 799, 823
 cecidī 141 a, 623, 624
 cecidī 623, 624
 Cēcilius 114
 cecinī 141 a, 623, 624
 cecurrī 623
 cedo 605, 791 a, 795
 cēdō 791 a
CEIVEIS 363
CEIVES 366
CEIVIS 111
 celer 123, 169, 355 r, 404
 celerior 408 r
 celeris 169, 355 r, 404
 celerissimus, celerrimus 408
 cēlō 712
 celsus 123
 cēna 272, 770
 cēnātus 666

CENSENTO 551
cēnseō 675
CENSUIT 645 a
cēnsus 675
centēnī 846
centēsīmus 844
centiēs 845
centimanus 842
centum 236, 842
centuplex 842
cēpī 625
CERERES 161
Cereris 161, 347 6
Cerēs 347 6, 356 r
cerne 492
cernō 171, 518 6
certē, certō 336, 801
certō (глгг.) 727
certō sciō 801
certus 171, 665, 677
cervīcal 762
cervīcēs 701
cervīx 701, 776
cervus 750
cesnās 272
CESOR 252
cessī 629
CESTIO 344
cētera 800
ceterōquī 799
cēterum 813
cette 605
ceu 68, 814
chommoda 85
cicōnia 283
ciēs, cīmus 511
cinctūtus 756
cineris 117, 347 6
cīngō 518 a
cinis 117, 347 6, 356 r,
770
Cinna 745
ciō 511
circā 808
circiter 808
circuīre 78

circum 805, 808
circum- 808
circumcīdāneus 749
circumdare 155
circumdō 607
circumeō 791 a
circumīre 78
CIS (мест.) 291
cīs (предл.) 408 в, 807
cisium 212
citerior, citimus 408 в
cito 187
citrā 408 в, 800, 808
citrō 800
cīve 738
cīvem 738
cīvī (глгг.) 632
cīvī (сущ.) 360
cīvis 111, 169
cīvicus 759
cīvītās 739, 774
cīvītātium, cīvītātum 364
clam 808
clāmītō 502
clanculum 236
clangō 518 a
clāreō 508
clārō 508
CLAUDI 329
Claudius 115
claudō 251, 516 6
clausī 628
claussī 251
clāvīcula, clāvis 359
clēpit 625
clīnāre 498
clītellae 701
Clītiphō 144
clīvus 133, 750
cloāca 282
Clōdīus 115
Cloelius 113
clūdō 156
coacla 282
cocens 291

coctilis 762
coctus 673
cocus 744
cōda 115
CODIVGI 290
coeō 791 a
coepī 67, 197, 482, 625
co-ēpī 67, 197, 625
coepiō, coeptus 197
coetus 67, 197
COFECI 237
COGENDEI 111
cognātus 16
COG-NA-TVS 86
cognitus 670, 677
cognōscō, cognōvī 670
cōgō 197
coherceō 76
cohors 162
cohortō, cohortor 486
coiīcī 86
coiīcīt 71 в, 86
Coinquenda 579
COIRAVERE 113
coitus 67
colī 398 a
cōlis 115
colla 703
collis 250
colloquium 747
colloquor 247
collum, collus 257, 697
colō (глгг.) 123, 215,
670, 674
colō (сущ.) 398 a
colōniīs 200
colōnis 323
colōnus 755
colōs 398 a
colpa 128
colū 398 a
coluī 633
columba 695
columbus 695
columella 172

columnus 282
colus 215, 326, 398 a
colūs 398 a, 773
comederet 611
comedō 791 a
comes 355 a
COMFLVONT 74
cōmis 193 a, 256
comitis 355 a
comitium 806
comitiis 737
commendō 149
commentāriēnsis 763
commentārii 700
commentārium 748
commentus 670
comminus 800
Commolenda 579
commōrunt,
 commōverunt 658
commūnem 113
commūnis 225 a
cōmō 197
COMOINEM 113
comparāre 156
comparō 727
compedēs 701
comperiō 523
compersī 624, 630
compēs 701
competō 156
Compitālīōrum 397
compitum 141 b, 156
compleō 721
complexus 667
complūra, complūria 367
compos 162
COMPREHENDERIT 139
comprimō 144
comprōmississe 111
compūnxī 630
COMVNIBVS 225
concapit, concapitō,
 concapsit 139
concidī 624

concidī 624
concinō 141 a
concordia 747
concorde, concordis
 404
concors 162, 404, 747
concrēduī, concrēduō 606
concubina 755
concuſsī 251, 628
concutiō 141 a
condiciō 768
condidī 624
conditāneus 749
condō 608
cōnea 283
cōnfēcī 237
cōnfectus 149, 674
cōnferō 237
cōnfessus 667
cōnfice 550
cōnfiō 141 a, 155,
 674
cōnfiēri 613
cōnfluunt 74
cōnfractus 193 r
congiārium 748
CONGIUGI 290
CONGNATAE 82
CONGORDIA 292
coniux 786
CONIVNX 193 b
cōnīveō 193 b, 628
cōnīvī 626
cōnīxī 628
conlībertus 739
conloquar, conloquor 247
CONPROMESISE 111
coquō 744
CONQVAEISIVEI 114
cōnsanguineum 339
cōnscientiae 700
cōnsciūs 744
cōnsecrō 149
cōnsecuos 215

cōnsentiunt 162, 547
cōnservāvisse 658
cōnservus 790
CONSILI 331
cōnsiliō 732
cōnsilium 252
cōnsol 128
CONSOLVERVNT 142
cōnspiciō 141 b
cōnstiti 624
cōnstituit 632
Cōnsualia 701, 762
cōnsul 128, 193 b, 356 b
cōnsulāris 279
cōnsulātus 764
cōnsulō 536
cōnsulūi 633
cōnsvētūdō 768
contāgē 399
contemptim 800
contemptus 673
coticēscō, coticiscō 520
coticuī 635
contigi 624
contineō 236
continūi 624
contiō 211
contrā 800, 808
contrā 800
contrā- 808
contrādīcō 791 a, 808
contrō- 808
contrōversus 808
contūdit 625
cōnūbia 703
CONVENTVVS 373
convocō 156
cooptō 200
cōpia 196, 700
cōpiaē 700
cōpō 115
cōpula 197
coquināre 498

coquō 124, 215, 274
cor 225 b, 261, 362,
696, 743
cōram 196, 808
corcodilus 282
Corinthus 696
CORNELI 329
CORNELIO 158
CORNELIVM 334
CORNELIVS 162, 329
cornicen 160, 356 b
corniger 788
cornix 776
cornū 377, 398 a
cornūbūbuli,
 cornūbūbulum 373
cornum, cornus 377
cornūs 373
cornūtus 665
corōlla 247, 752
corporātūra 751
CORPORID 360
corr 225 b, 261
corrīgō 246
cōrs 162
corvus 127
COSENTIONT 162,
 547
COSMIS 193 a, 256
COSOL 252
[c]**OSOLED** 360
COT 291
cottidiē 215
cotumix 776
COVRAVERVNT 113
coventiō 211
COVENTIONID 360
coxī 628, 629
cōxī 630
crāstinus 755
crāticula 359
crātis 359
crēbrō 336
crebrō 801
crēdibilis 762

crēdō 608, 791 a, 803
crēduam 606
crēduim 606, 608
crēdulus 752
crepuī 633
CRESCES 252
crēscō 520
crētus 677
crēvī (or cernō) 518 b,
 632
crēvī (or crēscō) 632
crība 694
crībrum 753
crīnītus 756
CRISIPVS 86
crocodilus 282
cruentus 767
cruor 767
CVAMECIS 111
cubā 492
cubīle 762
cubital 279
cubitū 686 b
cucullio 768
cucumis 359
cucurrī 623
cucūrū 824
cūdī 626
cūdō 516 b
cui 69, 470
cui 470
cuia 424 b, 474
cuiātis 795
cuiās 795
cuimodī 426
cuium 424 b, 474
cuius (cuius) 215,
 424 b, 426, 470, 474
culex 776
culleus 749
culpa 128
cultellum 280
culter 753
cultus 670, 674, 764

cum 215, 464, 731,
 732, 738, 799, 806,
 815
-cum 94
cumque 799
Cūmānus 740
-cumque 236
cūnae 701
cūnctārī 266
cūnctus 266
-cunque 795
cuntellum 280
cupidō 356 b, 768
cupiō 522, 523
cupiret 525
cupitum 768
cupiant 523
cupivī 632
cuppes 224
cupressū, cupressūs 398 a
cūr 136, 190, 799, 822
cūrāvere 113
cūria 211
curiātim 800
cūriōsus 757
cūrō 712, 727
curriculum 175
currō 513, 712
currus 225 d, 703
cursim 800
cursus 676
curūlis 225 d, 762
curvus 127
custōdēla 752
custōdiō 526
cuticula 359
cutis 359

D

dā 193 d, 604
dabam, dabō 604
dacrīma, dacruma 284
-dam 427, 795, 799
DAMDVM 236
damnās 329, 403 b
dampnum 244

damus 604
Danaum 339
DANVNT 536
dapāticus 759
dare 728
dari 570
darī 571
dās 604
dasī 571
DATAI 321
datātīm 800
date 604
DATOD 551
dator, datōris 347 b
datus 15, 670
dautia 584
dāvī 624
Dāvid 403
-de 799
dē 193 d, 408 a, 725,
734, 731, 734, 738,
799, 805, 806
dea 695, 745
deābus 323
deamō 200
dēgener 789
deargentāre 791 a
dēbeō 198
decem 122, 161, 828,
839
decem et quīnque 840
DECEM NOVEM 840
decemvir 741
decemvirī 741
decēnī 846
dēcernō 277
decet 755
decies 845
decimus 844
dēcontrā 809
decor 744
decōrus 744
DECREVIT 111
dēcērō 658
dēcētus 677
dēcēverō 658

decuplus 839
DEDE 288, 645 a
dederō 639
[d]**EDERO** 648
DEDET 645 b
dedī 15, 623, 624
dedimus 646
dedissem, dedistī 639
dedit 161, 645 a
dēditīcius 748
dēdō 608
DEDRO 261
DEDRON, DEDROT
261, 648
deesse 200
dēfendi 626
DEFENICIONIS 289
dēfensor 766
dēferō 791 a
Dēferunda 579
dēfinitīvus 750
dēfit 613
dēfrūdō 153
defuntus 266
dēgener 356 r
dēgī 196
dēgō 198
dēgūnere 518 b
deī 338
DEICERENT 111
deicō 14
dein 168, 799
deinde 70, 168, 799
deis 340
DEIVOS 111, 185,
210, 338
DEIXSISTIS 629
DELEI 332
dēlēniō 180
dēlēre 505
dēlīniō 180
-dem 436, 437, 795,
799
Dēmiphō 144

dēmō 196, 200
dēmpsi 625, 630
dēmum 408 a
dēnī 846
dēnsus 369
dēnuō 800
dentātus 756
dentium 364
dēnuō 143
deōrsūm 185, 210, 804
deorum 339
dēpost 809
depsuī 633
dēpuviō 143
dēque 408 a, 805
derelinquō 791 a
dērepente 804
dērō 594
dēscendīdī 624
dēsīderium 747
dēsīderō 747
dēsiliō 142, 212
dēsipere 523
dēsīt (perf.) 659
dēst 594
dēstertuī 633
dēstināre 498
dēsūdāscō 520
dēsum 594
dēsūper 212
dētērior, dētērrimus 408 r
dētorsus 676
dētrīmentum 740
deum 210, 339
deūnx 849
deus 111, 185, 210, 330,
338, 340, 695, 745
deversor 748
dēversōrium 748
dēvōrō 658
dēvorsūm 210
dēxtāns 849

dexter 167, 169, 268 a,
406, 408 B
dextimus 408 B
dextrā 800, 808
dextrābus 323
dī 338, 695
Dīāna 185
dībus 340
dīc 168, 550
dīcae, dīcam 106
dīcāre 498
dīce 106, 168, 550
dīcēbō 563
dīcere 355 a, 498
dīcerent 111
dīcō 14, 513, 670, 713
dictāre 502
DICTATORED 360
dictū 687
dictus 14, 670
didīcī 623
dīdō 256, 608
Dīdō, Dīdōnis 400
dīdūcō 193 a, 809
diē 388, 389
diē septimī 735
diēbus 394
DIED 391
diei 388, 389
diēi 388
diēi 185, 388
diērum 393
diēs 185, 383, 384, 385,
388, 392, 395, 694,
746, 765
Diēspiter 383
differō 809
difficilis 254
difficiliter 801
difficulter 801
diffīdō 254
diffūsī 630
dīgerō 256

DIGNE 194
dignus 82, 119, 234,
755
diī (or deus) 338
diī (or diēs) 388
diīs 340
diīūdicō 259
diīungō 259
dīlēxī 625, 630
dīligō 141 6, 256
dīmīdius 141 6, 256
DINAI 208
DINGNISSIME 82
dingua 284
dīnumerō 256
dīnus 208
DIOVE 257, 358
DIOVO 220, 259, 357
DIOVOS 357
diribeō 117, 212, 213
dirīgō 141 6, 166 6
dirimō 117
diruitus 678
dirumpō 256
dirutus 678
dis- 790, 791 a, 809
dīs 404
dīs (or deus) 340
discēdō 256, 791 a
discindō 225 a
disciplīna 282
disiungō 259
dispendite, dispennite
236
dispērgō 256
displiceō 141 a
displicet 203
displicīna 282
disrumpō 253
disscindō 225 a
dissimilis 790
dissimulō 256
dissolvō 721

distineō 809
distrāhō 256
disturbāt (perf.) 658
dīte 404
Dīte 354
DITE PATER 354
dītior 409
dītis 196, 208
Dītis 354
dītissimus 409
diū 374, 383, 800
dius 383, 800
diūs 383
dives 161, 225 B, 360,
773
divess 225 B
dīvī 210, 338
dividō 260, 513, 629
dīvīnitus 800
dīvīnus 208, 755
dīvīsī 629
dīvīssiō 225 r
dīvīsuī 686 6
dīvīsus 674
dīvitiōr 409
dīvītis 141 6, 196, 208
dīvītissimus 409
dīvom 339
dīvus 210
diurnus 755
diūtinus 755
diūtissime 802
diūtius 802
dixem 657, 661
dixero 189
dixerunt 648
dixī 626
dixim (dī- ?) 661
dixissem 657
dixistī 283, 660
dixistis 629
dixō (dī- ?) 661

dixti 283, 657, 660
-dō 799
dō 604
doceō 147, 507, 712
docet 162
docilis 762
doctus 678
docuī 631, 633
dōdrāns 849
doleō 712
domesticus 759
domī 311, 398 a, 735,
800
domī dvellīque 735
domibus 398 a
domina 745
dominicus 759
dominō 738
dominum 738
dominus 745
domitō 502
domitus 499 б, 678
domō (глг.) 499 б
domō (суш.) 398 a, 734
domōrum 398 a
domōs 373, 398 a
domū 398 a
domuī (глг.) 499 б,
631, 633
domuī, **DOMVI** (суш.)
373, 398 a
domum 398 a, 715, 800
domus 126, 398 a
domūs 398 a
donec 815
DONOM 337
dōnum 15
dormībam, dormībī
565
dormīs 523
dormītāre 502
dormītum 686 a
dormīvī 632
dorsum 257
dōs 364, 696

dossum 257
dracuma 177
dū- 830
duābus 323, 343
duae 321, 343
duae quīntae 848
duās 606
dūc, dūce 168, 550
dūcendus 582
ducēnī 846
ducentī 830, 842
ducentum 842
dūcere 498
ducīs 347 a
dūcō 14, 112, 513, 670
ductim 800
ductus 670
duellum 260
duī 343, 830
duim 555, 606
dulce 800
dulcis 760
dum 799, 815
dūmecta 756
dumtaxat 803
dūmus 256
duo 306, 343, 699, 830
duō, duōbus, duōs 343
duōdecim 830
duom 830
duōrum 830
duōs 830
duplex 830, 845
dupliō 768
duplus 845
dupundī 150
dūrīter 801
dūrītīa 748
dusmō 256
dussis 849
duum 830
dux 14, 347 a, 743
DVA 343, 830
dvellī 311
Dvellius 260
dvellum 260

DVELONAI 260
DVENOI 108, 333
DVENOS 180, 260, 329
dvi- 830
dvicēnsus 260
dvidēns 260, 830
Dvilius 260
DVOMVIR 830
DVONORO 180, 219,
260, 339

E

ē (предл.) 268 б, 297,
791, 806
ē (част.) 420, 825
ea 207
eā 433, 799
eābus 323, 433
EAD 433
eād 799
eādem 436, 799
eae 424 г, 433
EAEDEM 438
eam (глг.) 601
eam (мест.) 433
eampsam, eampse,
eapse, eāpse 454
eāpropter 804
eārum, eās 433
eāste 452
eātenus 799
ēbibō 268 б
ec- 427, 795
ēcastor 420, 825
ecca, eccam 450
ecce 450, 817
ecc(e) 795
eccere 817
eccillum 795, 817
eccistam 795
eccistum 817
eccum 450, 795
ecferō 232, 806
ecquis 795
ecus 215
edam, edās, edēbam,
edendī, edēns 611

edepŏl 420
ēdēpol 825
ēdī 625
ēdicō 268 6
edim 555, 610
edimus, edis, edit 611
edō 609, 610, 611, 625
ēdō 608
ēducāre 498
edūlis 762
edundī, edunt 611
ēdus 114
EI 432, 433
EIS 104, 433
efferō 232
effigiae 392
egeō 721
ēgeram 650
ēgerās 651
ēgerim 653
ēgeris 652
ēgeris 653
ēgerō 650, 652
ēgī 625
ēgisse 650, 656
ēgisse 650, 655
ēgissēs 655
ego 187, 412, 416
egō 416
egomet 161, 416, 795
ēgredier 572
ēgredior 268 6
ēgregī, ēgregie 330
ēgregius 791
egrētus 677
ehem 824
ei, eī 432, 433, 824
eia, (h)eia 824
eīdem 438
EIEI, EIIVS, EIÍVS 432
eis 433
EIS 431, 433, 448
eīs 433

eīsdem 256, 438
EISDEM 438
ēiūrō 268 6
eius 259, 424 6, 426,
432
eiusdem 256, 437
ēlexī, ēlicuī 637
ēligō 268 6
ellum 453, 795
em (межд.) 168, 550
em (мест.) 432
-em 436, 437, 795, 799
em- 453, 795
eme 168, 453, 795
emem 435, 436
ēmersus 666
ēmī 625, 630
ēmigrō 268 6
em(i)llum 795
ēminōr 539
ēmissīcius 748
emō 236, 513, 625
ēmpuriō 526
ēemptus 236, 670, 673,
674
ēn 817
endo 141 B, 158, 806
endoque 791 a
ēnicō 268 6
enim 799, 819
ENOS 420
ēns 590
ēnsis 760
ENVRBID 141 B, 806
eō 207, 583, 601, 692,
799
eō (мест.) 433
EOD 433
ēōdem 70
eōdem 436
eōpse 454
eōpte 795
eōrum, eōs 433
epistula 142
equa 695, 745

eques 355 a, 773
equester 763
equestris 404
equidem 818
equitis 355 a
equitissa 695
equōd 335
equos 215, 260, 329
equōs 252
equus 114, 695, 745
eram 556, 566, 588
ergā 807
ergō 807
ērigō 166 6
erīlis 762
ēripiō 268 6
eris 554 a
erit 554 a, 589
ERITOR 284
eritūdō 768
erō 554 a, 589
erō (cym.) 768
erus 76
es 225 B, 492, 585
ēs 610
ēscā 263
ēscās 316
escit, escō, escunt 593
ESED 217, 533, 554 a,
589
ESPIRITVM 294
Esquilinus 268 a
ess 225 B, 585
esse 570, 591, 689, 727,
728
ēsse 610
essem 561, 587, 681
ēssem 610
essēmus, essēs, essēt
587
essētur 610
essis 585
ēssum 610
est 13, 261, 585, 778
ēst 610
este 585

ēste 610
 estis 585
 ēstis 610
 esto 189
 estō 585
 ēstō 610
 estōte 585
 estrā 268 a
 ēstur 610
 esum 585
 ēsum 610
 ēsuriō 526
 ēsūrus 610
 ēsus 674
 et 168, 404, 795, 811
 Etēsiae 696
 etiam 259, 811
 etsī 733
 Euander, Euandrus 329
 euhoe 824
 eum 433
 eumpse, eumpsum 454
 eundem 236, 437
 eundi 601
 eunt 601
 euntis 574, 601
 euntō 601
 ēveniō 268 6
 ex 268 6, 297, 731,
 734, 738, 805, 806
 exadvorsum 804
 examurcāre 791 a
 examussim 800
 exardēscō 520
 exarsī 635
 excandē 566, 791 a
 exemplar 279, 362
 exemplāre 168, 362
 exemplum 249
 exeō 791 a
 exercitī 373
 exercitus 369, 694
EXFERTO 551
 exfodīri 525
 exfutī 492

exim 799
 eximius 747
 eximō 747
 exin 799
 exinde 799
 existimō 152
 exolētus 677
 exōrābilis 762
 exos 356 r
 expergīscor 279, 677
 expergitus, experrēctus
 677, 679
 explēnunt 536
 explicātus 679
 explicāvī 638
 explicitus 679
 explicuī 638
 expoliō 225 a
 expulsī 630
 exsequiae 701, 703
 exsolvō 225 a
 exspoliō 225 a
 exstīnxi 228, 628
 exsūgēbō 563
 exsultō 149
 exta 701
 extemplō 175, 800
 extempulō 175, 800
 extendō 268 a
 exteri 167
 exterior, exterus,
 extimus 408 v
 extermentārium 740
 externus 755
 extorris 782, 789
 extrā 167, 268 a, 800,
 808
EXTRAD 800
 extrēmīus 411
 extrēmō 802
 extrēmum 802
 extrēmus 408 a
 extrīnsecus 252
 exul 356 6
 exūtus 677

EXVEHITO 551

F

faba 287
 fabrum 339
 fābula 753
 fac, face 168, 550
 facessī, facessīvi 628, 632
 facessō 519
 faciam 661
 faciē 389, 738
 faciēi 389
 faciem 738
 faciendus 582
 faciērum 393
 faciēs 388, 392
 facile 800
 facilis 72, 175, 355 r,
 762
 facilitās 164
 facillimē 801
 facillimus 408 r
FACILVMED 336, 801
 facinus 770
 faciō 15, 519, 608, 625
 facīs, facit 525
 faciundus 582
 factū 686 v. 687
 factum (ire, irī, irier) 692
 factūrum, factūrus sum 689
 factus sum 613
 facul 800
 facultās 164, 172
 fāgineus 749, 755
 fāginus 755
 fāgūs 398 a, 696, 744
 faentle 762
 Faleriī 117, 759
 Falisci 759
 falsō 336, 801
 falsus 676
 fāma 754
 famē 399
 familia 142
 familiāris 762
 familiās 316

- famul 169, 329
 famulus 142
 faōnius 209
 far 362
 farcināre 498
 fārī 15, 497
 -fāriam 800
 farīna 225 д
 farreus 257
 farris 362
 farsī 257
 farsus 676
 fās 403 a, 770
 fasēna 212
 fastīdiō 721
 fātus 677
 fautum 678
 favōrābilis 762
 faveō 131
 fāvī 634
 favitor 678
 favōnius 209
 faxem, faxim 661
 faxint 662
 faxitur 661
 faxō 661, 662, 663
 febrīculōsus 359
 febris 359
FECED 161, 217, 645 a
 fēcerō 661
 fēcerunt 648
 fēcī 15, 523, 608, 625,
 638
FECID 645 a
 fēcīt 139
FECVIT 637
 fefaked (**FHE** : **FHAKED**)
 139, 217, 623, 638, 645a
 fefellī 149, 623
 fel 225 b, 286, 362
 fēlix 776
 fellis 225 b, 362
 fēmina 755
FEMINABVS 323
 feminis 351 a, 782
 femoris 351 a
 femur 351 a, 767, 782
 femus 351 a
 fenestra 753
 fēnisex 789
 fēnum 114
 fēnus 770
 fer 612
 ferbuī 638
 ferculum 5, 753
 ferendus 579
 ferēns 261, 347 a, 362,
 576
 ferentis 347 a
 fericulum 5
 ferinunt 536
 feris 523, 524
 ferō 17, 287, 612
 ferōx 776, 780
 ferrāria 748
 ferrātilis 762
 ferre 257, 612
 ferrem, ferrī, feris 612
 ferrūgō 768
 fers 257, 261, 612
 fert 261, 612
 ferte, fertis, fertur 612
 ferunt 261
 ferus 180, 260
 fervē, fervēfaciō 566,
 791 a
 ferveō 510
 fervī 638
 fervō 510
 fervuī 638
 fervūra 751
 fervor 751
 fesceninōe, fiscennīni
 338
 fēsīs 212
 fessus 674
 festīvus 750
FHE : **FHAKED**
 cm. fe-faked
 ficēdula 752
 fictilis 762
 fictae 676
 fictus 673
 ficū, ficus 398 a
 fidē 388, 389
 fidēi 185, 388
 fidelis 762
 Fīdenātēs 761
FIDENSVS 289
 fidēs 14, 383
 fidī 518 a, 626
FIDI 388, 389
 fidō 14
 fidus 744
 fiebantur, fiere, fierem,
 fieret, fierī 613
 fierī 724
FIGARVS 542
FIGIER 572
 figō 516 b, 628
 figūra 751
 filī 330
 filiābus 323
 filibus 340
 filie 330
 filiolum 203
 filiolus 147, 752
FILIOS 162, 329
 filius 162
 findere 518 a
 fine 360
 finēs 366
 finī 360, 805
 finīō 522, 526
FINIS 363, 366
 finis 366, 697
 finītus 677
 finivī 632
 finxī 628
 fiō 185, 613
 fircus 286
 firmus 194
 fissus 665
 fit 260
 fitum est 613

fitur 613
fivō 516 v, 628
fixī 628
fixus 676
flābrum 175
flaccus 224, 249
flāgiti 331
flāmen 356 v, 769
flammidus 758
flāmōnium 769
flāre 497
Flaurus 115
flaus 210
flāvī 632
flāvus 750
flebilis 762
flectibilis 762
flectō 516 a
flēmus (perf.) 658
fleō 548
flēre 505
flētus 677
flēvī 632
flexī 628, 673
flexibilis 762
flexus 673
fligere 498
Flōra 745
flōris 347 6
flōs 347 6, 356 r, 770
fluctī 398 6
fluctus 676, 764
FLVIVS 104
flūmen 769
fluō 628
FLVS 63
fluvius 104
flūxī 628
fluxus 676
focī 703
fodentēs 525
fōdī 625
fodiō, fodīre, fodirī 525
fodis 523

foedera 703
foederātī 14, 67
foederifragus 788
foedifragus 788
foedus 113
FOIDERATEI 14, 67,
113, 163, 338
fontānus 755
fontēs 137
forās 715, 800
FORATIA 286
fortis 266
fordus 287
fore 570, 592
forem 592, 681
forēs 260, 703
foret 118
forīs 800
fōma 194
formīca 127
formīdulōsus 757
fōrmōsus 757
formus 260, 754
fornāx 127, 776
fors 17, 800
forsitan 803
forte 800
fortis 169, 266
fortūnā, fortūnai 108
fortūnās 316
Fōrtūnāta 194
fostis 286
fōtus 678
FOVE 131
fōvī 634
fracēs 248
frāctus 193 r
frangō 193 r, 625
frāter 364, 766
fraus 695
frēgi 625
fremui 633
frēnī 327
frequēns 801
frequentē 801

frīgēdō 768
frīguī 637
frīgus 253
frīxus 676
frūctū 738
frūctui 374
frūctuis 373
frūctum 738
frūctus (прич.) 673, 678
frūctus (сущ.) 369
frūgālior, frūgālis,
frūgālissimus 409
frūgī 403 v, 409
frūgifer 789
frūgiferēns 789
fruitūrus 690
fruitus 678
frūmenta 700
frūmentum 700, 769
frundēs 137
frūnītus 671
fruontur 150
fruor 516 v, 673, 712,
732
frūs 137
frustrā 800
fructum 756
fruuntur 150
frūx 403 v
FV 592
fuam, fuant, fuās, fuat
592
fūdī 492, 625
fuerō 658
FVET 645 6
fugā 492, 745
fugāx 776
fūgī 625
fugiō 625, 712, 745
fugīre 525
fugis 523
fugitūrus 690
fugitus 678
fui 626, 631, 632

fūimus 631
 fuit 645 a
 fūit 185, 631
 fulcrum 279
 fulgeō 510
 fulgō 510
 fulgorivit 146
 fulgur 146, 362,
 770
 fulgura 179
 fulguris 146, 154,
 362
 fulmen 266
 fulmentum 266
 fulsi 257, 266
 fultus 266
 fūmāt (perf.), fūmāvit
 91
 fūmus 754
 fūnctus 671
FVNDATID 551
 funditus 800
 fundō 492, 625
 fundus 282
 fūnebris 253, 761, 770
 fūnera 703
 fūnestus 756
 fungor 712, 732
 funtēs 137
 fūnus 770
 fūr 136, 347 b
 fūris 347 b
 fūrmica 127
 furnus 127
 fūrōrēs 700
 furvos 118
 Fūsii 212
 fūtāre 690
 fūtis 359
 futūrus 613, 690
FVEIT 631
 fūverō 658
 fūvi 626, 631, 632

G

Gabī 338
 gaesum 212
 gallīna 755
 gallināceus 749
 gallus 224
 ganniō 224
 garriō 224
 Garumna 696
 gaudeō 166 b, 674, 712,
 747
 gaudia 700
 gaudium 747
 gāvīsus 674
 gelū 123
 gemellus 166 6
 gemū 633
 genere 360
 generibus 397
 generis 212, 346, 347 6,
 362, 789
 genetrīx 776
 genitor 16
 genitus 678
 genū 377, 764
 genuī 515, 633, 670
 genūs 363
 genus 16, 346, 347 6,
 362, 377, 770, 789
 germen 244
 gerō 212, 329, 628, 671
 gerundus 582
GESISTEI 644
 gessi 628, 629
 gestus 671
GIANVARIA 290
 gibba, gibber, gibbus
 224
 gigne 492
 gignitus 679
 gignō 16, 515, 523
 gith 403
 glaciālis 279
 glaciāre 500
 glāns, glandis 772
 gladium, gladius 697

glandulae 701
 glūma 225 r
 gluttiō 224
 Gnaeō 114, 218
 Gnaeus 210, 234
GNAIVOD 114, 210,
 218, 335, 360
 Gnaivos 210
 gnārus 234
 (g)nāscor 486, 520, 523
 gnāta 234
 gnātābus 323
 gnātīs 323
 (g)nātus 16, 234, 670,
 734
 gnāvos 138
 (g)nītor 214
 (g)nīxus 234, 676
 (g)nōbilis 762
 (g)nōsce 492
GNOSCIER 234
 gnōscō 234, 493, 520
 (g)nōtus 677
 (g)nōvī 482, 631, 632,
 660
 gracilis 762
 gradior 712
GRADOS 398 6
 Graecānicus 759
 Graīs 71 b, 340
 Graiugenārum,
 Graiugenum 322
 grallae 241
 grātiā 805
 grātiīs 800
 grātīs 323, 800
 gravēdō 768
 graviter 801
 gressus 674
 gruibus 365
 gruis 349, 355 r
 grundīō, grunniō 236
 grūs 349, 355 6, 765
 gulō 768
 gummi 403

gurdus 369
guttātim 800
guttur 224
H
haba 287
habeō 506
HABIAS 203
habitāre, habitō 502
habitūdō 768
habitus 678, 764
habuī 633
hāc 447, 799
hae 424 r, 441, 449
haec 217, 441
haecce 443
haec(e) 442
haecine, haecne 449
haesi 628
haesūrus 676
HAICE 217, 442
hallec, hallex 404
hanc 446
harēna 76, 212, 286, 700
harēnae 700, 703
hārunc 441
haruspex 86
hāsce 441
hau(d) 218, 821
hauritūrus 690
hausī 628, 690
haustūrus, hausūrus 690
havě cm. avě
hebetis 154
HEC 443
Hecoba, Hecuba 144
hehae 824
HEI 448
(h)eia cm. eia
heic(e) 449
heice 332
HEIS 448
helus 123
helvus 750
hemōnem 180, 356 b
herbōsus 757
hercle 824

Herclē 354
HERCOLEI 358
Herculēnī 400
Herculēs 177, 354
hērēdipeta 789
hērēditās 774
hērēs 695
herī 180, 311, 735
herus 76
hesternus 755
heu(s) 68, 824
hī 441, 448
hībernus 248, 755
hibiscus 759
hībus 449
hic 795
hīc 332, 441, 449, 799
hicc, **HICC** 443
hic(e) 94, 404, 440,
443, 449
hicine 449
hieme 737
hiemis 147, 347 r
HIEMPS 252, 261
hiems 252, 261, 347 r,
355 a
hietāre 147
hinc 799
HINNAD 320
hinniō 224
hīnsidiās 76
hircus 286
hisce 338, 441, 448
Hispāniēnsis 763
histrionicus 759
hoc 443
hōc 447, 799
hocc 225 b, 229, 443
hoccine 449
hodiē 191, 286, 800
hodiernus 755
HOIC 445
HOICE 445
HOIVSCE 441, 444
holera, holeris,
holerōrum 397

holitor 766
holus 123, 397
homicidium 788
hominis 346, 347 r, 356 b
homo 189
homō 126, 180, 189,
346, 347 r, 356 b,
695, 768
homōnem 356 b
homullus 752
homunciō 768
homunculus 236, 752
HONC 446
HONCE 125
honestus 770
honor 347 b, 356 r, 696
HONORE 358
honōris 347 b
HONORIS 161
honōs 347 b, 356 r, 696
hōnos 770
Horātia 286
hordea 703
hordeum 703
hordus 287
horior 502
hōmus 450
horror 770
hōrsūm 450, 804
hortāre 542
hortāri 502
hortāris 542
hortor 486
hortus 756
hōrunc 441
hōsce 441
hospes 355 a
hospitium 748
hosticapas 315
hostilis 762
hostis 169, 286, 350
hūc 799
hui 696, 824
huic 69, 445, 449
huic 445
HVIIVS 444

huius 104, 424 B, 426,
444
huiusce 441
humerus 76
humī 311, 735
humilis 762
humō 734
humū 398 a
humus 694, 696
hunc 125, 168, 261, 446
hunce 168
HVZVS 290

I

I 433
ī (глгг.) 601, 782
ī (мест.) 433, 438
-ī 823
iācē 492
iaceō 493, 506
iaciō 625
iacis 523
iacuī 71
IAI 434
iaiūnus 132
iam (мест.) 434
iam (нар.) 71, 434, 799
iambus 71
Iānuārius 398
ībam 565, 601
ibī 187, 799
ibō 565, 601
ībus 431
īcī 626
id 424 B, 431
īdcircō 804
idem 430, 436
īdem 256, 413, 436,
437, 438
identidem 804
ideō 799
īdūlis 762
īdūs 701
īcī 523, 625, 630
iecoris, iecur 351 a
iecur 767

IEI 432, 433
IEIS 433
ieiūnus 132
iēns 601
ierant, ierō 659
IFERI 237
igitur 297, 803
ignēscō 520
igneus 749
igni 360
ignis 761
ignōscitūrus, ignōtūrus
690
ii 433
iī (глгг.) 71, 659
iī (мест.) 438
īdem 438
iis 423, 433
iīs 438
iīsdem 438
īlex 776
ilicō 141 B, 272, 800
īlignus 755
illāc 799
illae 424 r
illaec 453
ille 72, 168, 453
illēx 247
illexī 629
illic 453, 795
illīc 91, 453, 799
illim 799
illinc 799
illisc(e) 453
illi(u)s 426
illō 424 r, 799
illōc 799
illōrsum 804
illūc 799
illuc(c) 453
illud 420
illūstris 268 a
illuviēs 143
im (мест.) 431
im (предл.) 297

imber 120
imberbis 226, 760, 789
imberbus 789
imbrex 776
imbrī 360
imbuō 236
imeum 435
imitō, imitor 486
immemor 244
immeritus 244
immortālēs 695
immō 818
impēgī 624
imperīi 331
imperō 727
impetrāssere 519, 661
impetrāto 733
implōrātō 791 a
improbus 236
impūne 800
īmus 601
in 141 B, 408 B, 715,
731, 734, 735, 737,
738, 806
in- 790, 804, 806, 821,
823
inberbis 226
inbuō 236
INCEIDERETIS 111
incendī 626
incestus 149
incīderētis 111
incipiō 236
inclēmenter 804
incōnsultū 804
inclūdō 153
increpāvī, increpuī 638
incubāre, incumbere
498
indaudiō 806
inde 168, 799, 806
indidem 799, 804
indigena 745
indigeno 806
indō 608
indostruum 150

- indu 158, 806
 induō 791 a
 induperātor 158
 industrius 150, 158, 806
 indūtus 677, 682, 717
 ineō 791 a
 inermis 789
 inermus 789
 inertior 407
 infāns 575, 786
INFE 613
 infēlix 1936
 infer 169, 329
 inferi 167, 193 6, 237, 751
 infernus 755
 inferō 237
 inferum 339
 inferus 169, 329
 inficiō 155
 infimus 408 6
 infrā 167, 800, 808
 infringō 149
INFRONTE 94
 ingemescō 520
 ingenium 236
 inger 168, 550
 ingredior, ingressus 156
 inguen 119
 inhibeō 155
 inimicus 789
 inīquitas 790
 inīquus 152, 790
 iniussū 804
 inlēs 247
 inmemor 244
 inmeritus 244
 innōtēscō 520
 innoxior 410
 inops 162
INPEIRATOR 236
 inprobus 236
 inquam 236, 615
 inque, inquitēbat, inquitēns,
 inquitēs, inquiet, inquitī,
 inquistī 615
 inquilinus 123
 inquimus 615
 inquirō 152, 236
 inquis 615
 inquit 615, 626
 inquitis, inquitō,
 inquiunt 615
 inrītāt (perf.) 658
 inritus 246
 inruō 226, 246
 insece 615
 Inseque 615
 Insequis, insexit 615
 insidiae 701
 insipiēns 193 6
 insitus 141 a
 insperātās 321
 Instar 805
 instituī 632
 institūī 185, 632
 insulsus 149
 insultō 727
 insvēram, insvēveram
 658
 int 601
 integer 156
 integrum 146, 203
 intellegō 156, 245
 intellēxi 625
 intelligō 156
 intemperiae 392
 inter 801, 806
 interdīcō 791 a
 interdīus 383
 interduō 606
 interest 721
 interfieri 613
INTERIEISTI 659
 interior 167, 408 6
 interlūnium 739
 internus 755
 interpertor, interpretor 282
 intersum 727
 intertrīgō 740
 intimus 408 6
 intonātus 679
 intrā 167, 408 6, 800, 808
 intrāre 806
 intrō 800
 intrō- 808
 intrōdūcō 790, 791 a
 intrōductiō 790
 intrōrsum, intrōvorsum
 208
 intus 800
 inveniō 260
 inveterāvi 635
 invicem 800
 invictus 790
 invadeō 727
 ioca, iocī 327
 iocineris, iocinus, iocur
 351 a
IOVBEATIS 629
 ioubeō 507
 ioudex 110
 ioum 364
 iourāre 110
 ious 110
IOVSIT 629
IOVXMENTA 110,
 268 6, 769
 Iovem 359
 loverum 364
IOVESAT 211, 212
IOVESTOD 211, 770
 Iovis 259, 348, 351 6,
 355 r, 383, 765
IP•SAE 86
 ipse 264, 464, 455
 ipsemet 416, 795
 ipsī, ipsimus,
 ipsissimus, ipsos,
 ipsum, ipsus 455
 ĩre 335a, 601, 670
 ĩrem 601
 ĩrī 692
 irritus 246
 irruō 226, 246
IS 433
 is 429, 430, 431, 436,
 437, 438, 440

īs (глар.) 207, 601, 778
īs (мест.) 433, 438
ISCIATIS 294
isdem 437
ISDEM 438
isdem 438
ISPARTACVS 294
ISSA 293
istāc 799
istae 424 r
istaec, istanc 452
ISTATVAM 294
iste 158, 168, 413,
424 a, 452
istī 424 r
istic 452, 795
istīc 190, 452, 799
istim 799
istimodī 426
istinc 799
istīus 185, 424 b
isti(u)s 426
istō 424 r, 799
istōc 799
istūc 799
istuc(c) 452
istud 218, 452
istunc 452
īt 601
ita 168, 799, 820
itaque 94
īte 601, 782
item 799
īter 351 a, 767
ītere, īteris 351 a
īterum 799, 831
ītidem 141 a, 804
ītiner, ītineris 351 a
ītis 601
ītō 551
ītū, itum, itur, itūrus 601
iubar 160
iubeō 673, 713, 727
iūdex, iūdicis 355 a
iūdicium 747
iuga 703

iūglāns, iūgulāns 175
iugum 744
IVM 434
iūmenta 110, 769
iūmentum 268 b
iūnctus 266, 671, 674
iunge 492
iungō 727, 732
iūnior 409
IVNONE 358
iūnxī 629
iūpiter 184, 224, 351 b
Iuppiter 141 a, 184, 224,
351 b, 354, 355, 786
iūrat 212
iūrātus 666
iūrē 358, 732
iūrō 211
iūs (I) 770
iūs (II) 770
iūsiūrandum 784
iussī 251, 629, 673
iussitur 661
iussō 661
iūs(s)titium 788
iussus 230, 673
iustī 657
iūstus 211
iūtus 678
IVVS 104
iuvātūrus 690
iuvencus 119, 759
iūvenēs 355 r
iūvenīlis 762
iūvenior 409
iūvenis 141 b, 355 r, 364
iūvenīx 776
iūventa 104, 756, 774
IVENTA 104
iūventās 774
IVVENTE 290
iūventūs 774
iūvenum 355, 364
iūverint 634
iūverit 664

iuvī, iūvī 634
iuxta 268 a
iuxtā 756, 771, 808
iuxtā 800
īverō 659
īvī 632, 659
Jānuārius 696

K

Kalendae 139, 701
Kalandai 139
KAPIA 103
KARESSEMO 63

L

labōriōsus 757
lābundus 579
lac 261, 281, 362, 404
laccessivī 632
laccessō 519
LACHRYMIS 63
lachrima, lacruma 284
lact 261, 362, 404
lactē 508
lacteus 749
lactis 281
lactīca 759
lacubus 380
lacus 764
LACVVS 381
Lāertie 330
LAESAERIT 203
laesī, laesus 673
laetē 798
laetitīa 748
laetitīās 321
laetor 486
laevus 750
lagoena 67
lambī 626
lāna 260
lanterna 267
lapicīda 788
lapicīdīnae 283, 701
lapiderum 364
lapidicīnae 283

lapillus 241
lapis, lapidis 772
lappāgō 768
lāpsus 676
Lār 193 d, 356 r
Larēs 212, 356 r
largiter 801
Laris 193 d
lārva, lārva 201
LASES 212, 356 r
laterīcius 748
Latīnī 755
Lātōnās 316
lātrīna 196, 208
latrō, latrōnis 356 b
lātus 16, 242, 612, 670,
676, 714
laudābam 566
laudandus 579
laudāns, laudantis 576
laudantō 551
laudāre 500
laudāsse, laudāssem,
laudāssim, laudāssō,
laudāstī 658
laudāte 535
laudātiō 740, 768
laudātōte 551
laudātus 677
laudātus sum, fuī 683
laudāvī 631, 632
laudō 547
laurī, laurō, laurū,
laurūs 398 a
lautia 284
lautus 678, 679
lavābrum 279
lavācrum 753
lavāre 498
lavātrīna 196, 208
lavātus 679
lavere 498
lavī 625, 634

lavō 131, 625
LEBARE 290
lēber 134
LEBRO 134
lectīca 759
lectistemium 788
lēctitō 193 r
lēctus 88, 193 r, 186,
674, 756
LEEGE 104
lēgerupa 788
lēgī 625, 630
legiō 768
lēgis 355 a
lēgō 193 r, 513
leguī 637
LEIBEREI 134
LEIBEREIS 338
LEITERAS 224
lembus 120
lēnībunt 565
lēnis 761
lēniter 801
lentiscus 759
Leōnidā 315
leporis, lepus 356 r
lerigiō 282
leriquiae 282
Lesbos 696
lētālis 279
Leucesie 112
levāre 500
levāssō 661
lēvī 111, 518 b, 632, 670
lēvir 284
levis 122, 180, 260
lēvis 111
lēx 355 a
libellus 172, 173
līber 134, 751
liberālis 279
LIBERATES 316
līberō 721
līberōrum 339
libertābus 323

libertās 774
līberum 339
-libet 803
libra 28
libet 63
licēssīt 661
licet 815
[**I**] **ICETOD** 218, 551
liēn 356 b, 768
liēnis 355 r, 356 b
Ligerim 359
lignum 119, 234
līmāx 776
limbus 120
līmīna 703
līnea 147
lingua 284
lingulāca 759
linitus 679
līnō 518 b
liquidus 758
linquō 625, 791 a
līnteolum, lintiolum 203
hippus 224
liquī 133, 625 ~
liquidus, liquidus 83
lis 271
lītera 224
litium 364
lītora 700, 703
littera 224, 700, 701
litterae 700
littus 224
litus 670
lītus 224
līvī 518 b, 632
lixa 745
loca 323, 702
locāre 500
locī 327, 702
LOCINA 110, 318
locō 737
locuplēs 773, 788
locus 141 b, 271, 327
locūtus 677

loebertātem 134
loebesum 134
LOIDOS 113
longē 336, 801, 802
longimanus 369
longinquus 759
longissimē 802
longius 802
longulus 752
longus 125, 242, 714
loquor 486
LOSNA 110, 268 6
LOVCARID 360
LOVCOM 110
luben(t)ter 801
lubet см. libet
lubidō 768
lūbricus 256
lūci 311, 735
lūcidus 758
Lūcīna 110
LVCIOM (Lūciom)
110, 162, 334
Lūcium 162
LVCIVS (Lūcius) 110,
162
lucrō 768
lucrum 279
lūctus 227
lūcum 110
lūdiō 768
lūdis 737
lūdus 113
luī 633
lumbus 126, 260
lūmen 769
lump(h)a 280
lūna 268 6
lupe 330
lupus 744, 745
lūsi 230, 628, 673
lūstrāre 268 a
lūstrō 272
lūstrum 753
lūsus 673

M

macer 746
māchina 141 a
māchinōr 547
maciēs 746
MAC[i]STERATVS
177
maereō 712
maestus 665
magis 14, 407, 410, 802
magister 406
magistrātus 764
magistrātuum 200
MAGISTRATVVS 378
magnāi 316
magnanimum 339
magnanimus 787, 788
magnī 800
magnificus 789
magnitūdō 356 b
magnus 14, 193 r
maiestās 14, 407
Maiiam 71
maiius 71
maior 259, 356 r, 406,
407
maiōr 14
maiōra 407
maiōre 360, 407
maiōrem 14
maiōrēs 212, 407, 701
maiōrī 360
maiōris, maiōrum 407
maiōsibus 212
maius 14, 212, 356 r,
407
male 187, 188, 336
malē 801
maledicēns,
maledicentior,
maledicus 409, 744
maleficentior, maleficus
409
malevolēns, malevolus
409
mālim, mälle, mällem
599

mallis 600
malluviae 247
mālō 198, 599, 791 a
mālui 599
mālum 695
malum 824
mālus 695
MAMANI 400
mamilla 225 d
mamma 224, 225 d
mānāre 498
manceps 788
māncipis, māncupis 144
māncipium 695
mandī 626
mandidī 624
mandō 518 a
maneō 14, 506, 712
Mānēs 701
manibus 323
MANIOS 139, 329
mānsī 628
mānsus 676
mānsvēs 784
mantāre 676
MANVBIES 323
manū missus 784
manūmittō 791 a
manūs 186, 252
manus 694
Mārcius 747
Mārcus 183, 194, 747
mare 158, 350, 360,
362, 760
maredus 284
margō 356 b, 768
marī 360
Marmar 354, 786
marmor 362
Mārs 194, 198, 210, 354
Mārspiter 786
marum 364
mās 356 r
MASCEL 329
Māspiter 269
massa 75

Massilia 142
māter 356 a, 364, 694, 766
mātercula 752
māteria 383
māteriaē 388, 389
māteriāi 388
māteriēs 383, 388
māteriēs, māteria 746
māteriēum 393
māternus 755
MATRI 358
mātrimōnium 748
mātrīmus 754
mātrōna 755
MATRONA 321
MATRONABVS 323
mātūrissimus 408 a
mātūrismus 408 r
MATVTA 318
māvelim, māvellem,
māvīs, māvolet 599
māvolō 198, 599
māvolt, māvoltis 599
Māvors 194, 198, 210
māximam 800
māximē 410
MĀX(imō) 193 r
māximus 193 r, 251,
406, 408, 408 r
ME 418
mē 412, 419, 420, 421
meae 311
mēcastor 825
MED 139, 420
mēd 218, 420, 421
mediū 331
meditor 486
medius 259
mēdiūsfidius 825
mehe 420
meherculē(s) 825
mei 418, 419
meī 418
meis 423
mel 225 b, 362

melior 406, 407
meliōsem 212
mella 703
mellis 225 b, 362
mellītus 756
membrum 120
mēmē 420
mēmet 795
meminī 20, 482, 623
memor 364
memorātui 686 b
memordī 623
mendāx 776
MENERVAI 318
menetrīx 280
mēns 17, 96, 169, 345,
355 r, 364, 740,
761, 780
mēnsērum 401
mēnsis 252, 355 r, 364,
760
mēnsōrum 401
mēnsūm 355 r, 364
mēnsus 675
mente 780
MENTE 780
mentio 189
mentis 17, 96, 169, 345,
364
mēō 423
meōpte 795
mēpte 795
merācus 759
MERCASSIVR 661
mercātūra 751
mercēn(n)ārius 234,
748
MERCVRIS 329
meretō(d) 141 b
meretrīx 280
mergō 255
merīdiē 280
merīdiēs 384
meritissimō 802
merobiba 788

merobibus 786
mers 266, 355 a
mersāre, mersus 676
mertāre 676
merus 18:0
MESIS 252
Mēsium 114
messis 230, 761
messui 636
-met 795
mētītus 677
metō 761
metūculōsus 757
metuī 626, 633
metuō 521
metus 369
meus 422, 423, 704
mī 196, 200, 419, 423
mica 256
micuī 633
MIEIS 423
mihī 94, 187, 189, 196,
200, 419
mihipte 795
miis 423
miles 161, 225 b, 251,
355 a, 261
milēss 225 b, 251,
335 a, 261
milīa 225 r, 843
MILITARE 158, 220
militāre 355 r
militāris 279
militia 748
militiae 311, 735
mille 225 r, 826, 843
millēnī 846
millēsīmus 844
millī 843
milliēs 845
miluos, milvos 201
mīma 695
mīmus 695
mina 177
minācter 801

minimus 408, 408 a
minister 406
MINISTRIS 338
minor 407
MINSIS 63
MINVCI 329
minuō 518 a
minus 407
mīrificissimum 409
MIRQVRIOS 121
mīs 418, 423
MISC 520, 550
miscēō 520, 732
miscuī 520
miser 212
mīsī 629, 670
missilis 762
missus 670
mittō 224, 629
mīus 423
mixtus 268 a, 673
modestia 747
modestus 747
modo 800, 815
modō 158, 187, 188
modus 744
moenia 113
moēre 209
Moesia 67
molestus 352
mōlibar 565
molitus 678
mollēscō 520
molliculus 752
mollis 270
mollūgō 768
MOLTAI 128
MOLTATICOD 360
molūi 633
molumentum 280
momordī 623, 630
monē 492
moneam 556
monēbam 566
monēdula 752
moneō 493, 507, 548

monerint, moneris 664
monēs 548
monitor 766
monitus 633, 678
montuōsus 757
mōns 252
mōnstrum 272, 753
montē, montī 360
monūi 71, 633
monumentum 280, 769
morbidus 758
mōrigerus 329
morimur 523
morior 486, 523
morīri 523
mōris 346
moritūrus 690
moriundus 579
mors 169, 350, 355 r,
740, 761
morsus 678
mortis 350
mortuos 329
mortuus 260, 665, 690
mōs 346
Mosella 696
Mōstellāria 748
mōtiō 768
mōtus 211, 634, 678
moveō 625
movēre 209
mōvi 625, 634
mox 815
mū 824
muccus, mūcus 224
mūgil, mūgilis 169
mulctrum 272
mulier 356 r
mulierem 203
MVLIERORVM 397
mūliō 768
mūlo medicus 788
mulsī 266, 628
mulsus 676
multa 128

multangulus 788
multiangulus 788
multimōdis 788, 800
multō 732
multum 800
MVMMI 329
mundānus 740
mūnia 113, 701
MVNICIPIS 340
mūnificior 409
mūniō 113
mūnus 770
mūris 347 6
mūrium 364
mūrus 113
mūs 347 6, 356 r, 770
mūscipula 788
musca 759
mūscus 759
mustāceus 749
myrtūs 398 a

N

-n cm. -ne
nactus 671, 679
Naevius 234
nam 799, 819
namque 819
nanciscor 518 a, 520
nancitor 162, 541
nāntus 671, 679
nantus 266
nāre 497
narrō 234
nāscitūrus 690
nāscor cm. (g)nāscor
Nāsō 768
nassus 224
nāsus 768
nāsūtus 756
nātio 695
nātiō, nātiōnis 356 a
NATIONV 220
nātrix 776
nātū 687
nātūra 751

nātus 734
nātus cm. (g)nātus
nauticus 759
NAVALED 360
nāvālis 279
nāvis 355 r, 359, 760,
765
nāvus 138
-ne (-n) 94, 168, 449,
755, 822, 823
n(e)- 791 a, 796, 804,
821
nē 193 d, 456, 815,
820, 821
Neāpolim 359
nebula 752
nec 168, 221, 811, 821
necessitūdō 768
necō 13
nectō 516 a
nēcubi, nēcunde 216
necuter 216
nefārius 212
nefās 403 a
neg- 821
neglegō 277, 821
negō 821
negōtium 821
nēmō 76, 180, 196, 213,
356 b
nemorivagus 789
nempe 168, 799, 819
nemut 819
neō 185
nepōs, nepōtis 347 a,
355 a
neptis 359
Neptūnālia 762
nēquam 403 r, 409
neque 168, 193 r, 221,
811, 821
nequeō 603
nēquidem 821
nequinont 536

nēquior, nēquissimus
409
nequīquam 799, 804
nequit 603
nēquiter 801
nēre 185, 505
Neriēnis, Neriō 356 b
nervos 282
nesciō 791 a, 821
nescīt 547
NESTRIS 422
neu 68, 111, 168, 222
neunt 547
neuter 68, 475
neutiquam 68
neutrubī 804
nēve 68, 168, 222
nēvī 632
nevīs, nevolt 598
nex 695
nexuī 636
nī 821
nictārī 676
nihil 76, 180, 196, 200,
213, 299
nīl 76, 196, 200, 213
nīmfrum 820
nimis 180, 187, 744
nīmium 800
nimius 744
nīš 419
nisi 180, 187, 212
nī(s)sus 676
nītor cm. (g)nītor
nivem 214
nivis 347 a
nix 228, 256, 261,
347 a
nīxus cm. (g)nīxus
nōbilissimus 408 r
nōbīs 421
noceō 13
noctis 800
noctū 374, 383, 735, 800
nocturnus 755

noember 209
noenu(m) 821
NOIS 419
nōlēns, nōlī, nōlim, nōlīs,
nōlite, nōlītis, nōlītō,
nōlle, nōllem 598
nollis, nollo 600
nōlō, nōlumus, nōlunt
598
nōmen 161, 347 r, 362,
769
nōmināre 141 b
nōminātim 800
nōminātivus 750
nōmine 360
nōminī 358
nōminis 141 b, 347 r,
357
NOMINVS 357
nōmus 658, 660
nōn 821
Nōnae 701, 846
nōnāgintā 841
nōngentī 842
nōnī 846
nōnne 822
nōnus 211, 844
nōram, nōrit 658¹
nōrunt 658, 660
nōs 416, 420, 704
nōscō cm. gnōscō
nōsmet 416, 795
noster 405, 422, 704
nōstī 658, 660
nōstis 660
nostrārum 418
nostrās, nostrātis 91,
169, 355 r
nostrātes 761
nostrāpte 795
nostrī, nostrōrum 418
nostrum 339, 418
NOVNDINVM 211
nountios 183, 211
nova 745

novem 122, 828, 838
november 209
novēnī 846
novēnsidēs, novēnsilēs
284
nōveram, nōverit,
nōverunt 658
nōvī см. (g)nōvī
novīcius 748
nōviēs 845
nōvimus 658
novior 407
NOVIOS 329
nōvistī 658, 660
novitās 211, 774
Novōcōmēnsēs 791
novom 745
novos 7, 745
novus 7, 122
nox 723, 800
noxit 661
nūbēs 352, 355 д
nūbis 355 д
nūbs 355 д
nucerum 364
nudiūs 383
nūdus 758
nūllae 475
nūllus 299, 475
num 456, 822
NVMASIOI 108, 139,
146, 212, 333
Numeriō 108, 139, 146,
212
numerō 800
numerus 126, 169
Numidae 126
nummōrum, nummum
339
numquam 299
nunc 261
nunciam 259
nūndinae 211, 701
nunquam 804
nuntius, nūntius 183,
211

nūper, nūperus 800
nupta 666, 673
nuptiae 701
nuptum 686 а
nuptiis 737
nurus 118, 256, 368
nusquam 804
nūtrītus 677

O

ō 300, 824
ob 168, 217, 227, 791a,
806
obdormiscō 520
obdormivī 635
obdūcō 227
obeō 791 а
obferō 232
obgerō 229
obīnunt 536
OBIQE 63
obiter 800
oblītus 208, 678
obmittō 225 д, 235
oboediō 113
obs 806
obsecrō 791 а
obses 251, 355 а
obsideō, obsidēs 141 б
obstrūdant 806
obviam 800
occānsiō 252
occāsus 666, 674
OCCEST 225 в, 443
occidō 141 а
occinū 637
occisim 661
occultus 670
occupāre 498
occupō 96, 144
ōcior 407
ocquiniscō 229
ocris 13
octāgintā 841
Octāviānus 755
octāvus 138, 844
octiēs 845
octingentī 842
octō 837
octōgintā 841
octōnī 846
octuāgintā 841
octuplex 837
octussis 849
oculus 752
odefacit 284
ōdi 482, 625
odiōsus 757
odor 284
ofella 225 д
offa 225 д
offendī 626
offerō 232
officīna 166 а, 232
officium 96
oh 824
OINO 113, 158, 219
OINVMAMA 787
OITILE 113
ol(e)facit 284
oleō 510
olēre 284, 756
ōlim 453, 799
olīva 152
ōlla 115
olle, ollus 453
OLO 115
olō 510
oloes 163, 340
OM 297
omittō 225 д, 235
OMNEIS 111
omnēs 366
omnīmōdīs 788
omnis 126
omnis 366
onerārius 748
OPEINOD 297
opera 745
operārī 501
operis 362

opificina 232
opificium 96
opīmus 754
opīnor 486
opīs 355 r
OPORDET 292
OPOS 362
opperītus 677, 679
oppertus 679
OPPODVM 181
opprimō 225 a
Opscus 268 a
opsōnātū 686 v
OPTANTIS 366
optārō 658
optimātes 761
optimus 63, 406, 408,
408 v
optinuit 227
OPTVMO 219
optumus см. optimus
opulentus 756
opus 362, 745
opusculum 752
ōra 745
ōrāta 115
ōrātor 696
orbis 169
ōrdine 732
ōrdō 194, 356 v
ōricula 115
orior, orīrī 523
oritūrus 523, 690
oriundus 549
ōrnō 194
Orphea 70
ortus 670, 734
ōrum 115
ōs 696, 745, 770
os(s) 356 r, 362, 696
ōsa 102
Osci 24
ōsculārier 572
Oscus 268 a
ossis 356 r, 362
ostendō 268 a

ōstium 115
ostreum, ostrea 695
ōtia, ōtium 703
otto 229
ovem 359
ovīle 762
ovis 350, 355 r, 760
ovīs 252
ōximē 408 r

P

pābulum 175, 753
pācāre 158
PACARI 158, 570
pācis 355 a
palam 808
palin 824
pallia 703
palūs 752
palūdis 772
Pancratius 282
pandī 626
pangō 518 a, 625
pānis 263
panna 234
pānsus 671, 679
pānixit 638
papae 91
Papīrius, Papisius 212
pappa 224
pār 356 a, 404
parāre 498
parasītaster 751
parāstī 658
parātus 677
PARBI 290
parcuī, parcuīt 638
PARENTATID 551
parentēs 364, 575, 695,
700
parere 498
pāricīda 152
pāricīdas 315
pariēs 355 a
parietis 147
pariō 259, 523
parīre 523
paris 356 a, 404
pariter 801
paritūrus 690
pars 169, 251, 261, 263,
800
parsī 624, 638
parte 360, 737
partem 359, 800
PARTI 359
partī 360
partibus 380
particeps 788, 789
partim 169, 359, 800
partubus 380
partum 364
PARTVS 357
parum 210, 800
parumper 804
parvolus 142
parvom 210
parvos 210, 282, 329
parvulus 142
parvus 225 r
pāscō 520
pāscuus 750
passer 161
passīvus 750
passum 379
passus (or pandō) 671,
679
passus (or patior) 230,
673
passuum 379
pāstus 264, 671, 673
patefaciō 155
pateō 506
pater 346, 347 v, 356 a,
364, 694, 747, 766
patēr 356 a
patibulum 175
patina 234
PATRE 360
patrēs 700
patria 747
patricius 748

patrīmus 754
patris 346, 347 b, 356 a
patrius 747
PATRO 397
PATRVS 357
patrōnus 755
patruēlis 762
patruus 750
paucābus 323
paucus 282, 759
Paulīnus 225 r
paullum, paullus,
 Paulus 225 r
paulum 225 r, 268 b,
 800
Paulus 225 r
pauper 360, 364, 367
pauperrimus 408 r
pausa 212
pauxillulus 752
paveō 506
pāvī 632, 634
pavīculum 753
pavis 523
pāx 261, 355 a, 695
-pe 454, 799, 823
p(e) 795
pecten 356 b, 768
pectō 516 a, 779, 780
pectora 703
pecū 377, 764
pecudis, pecus 772
pedem 778
pedes 773
pedēs 252
pedetemptim,
 pedetentim 267
pedis 346, 347 a, 355 a
pēdis 743
pēgī 518 a, 624, 638
-pēgī 625
peior 259, 407
pelagus 337
pelegrīnus 280
pellicio 245
pellio 768

pellō 250
pēlvīs 359
penātes 701, 761
pendeō 506
penes 807
penitus 800
penna 234
penus 807
pependī 623
peperci 149, 623, 624,
 630, 638
pepercitus 679
peperi 146, 623
pepigī 518 a, 624, 638
peposci 623
pepugī 623
pepuli 142, 623, 643
per 731, 732, 806, 809
per- 790
-per 799, 823
percellō 516 b, 673
percontor 712
percrepis 638
perculi 626
perculsi 630
perculus 673, 676
percussī 629, 673
percussus 673
perdō 608
perduim 606, 608
perduint 606
peregrī 311, 735
peregrīnus 280
pereō 791 a
perēs 284
perfācilis 786
Pergama 703
pergō 166 b, 225 a, 677
pergrandis 790
PERIA 288
perīclum 175, 279
perīculōsus 757
perīculum 175
perlegō 245

perlūceō 245
permulctus 676
permultus 790
perniciū 388, 389
perperam 800
Perperna 745
perpessus, perpetior
 156
perpetrō 146
Persa 257
persaepe 804
pertimēscō 520
pertināx 141 a
pēs 346, 347 a, 355 a,
 743
pessimus 408 r
pessum (īre, dare) 686 a
pessumdō 607
pestilenta 367
petessō 519
PETIEI 659
petiū 659
petitus 677
petivī 632
Phaedrā 315
Phāsīm 359
PHEVVS 67
Philocōmasium 695
philosophia 212
phrenēticus 759
piāclum 175, 279
piāculāris 762
piāculum 175
-piam 795
pictūra 751
pientissimus 410
pigerrimus 408 r
pignus 770
piissimus 410
pilumnoe 113, 163, 338
pīnsitus 678
pīnū 398 a
pīnxī 629
pīnxit 638
pipiō 768

pirum 695
pirus 695
PISAVRESE 220
PISCIM 359
pistus 678
pius 71
placeō 506
plantās 198
plantō 500
plānxī 629
plaudō 115
plaustra 115
Plautīnus 755
PLAVTIOS 329
PLEBE, PLEBEI 388
plēbei 383
plēbēs 355 d, 383
PLEBI 388
plēbis 383
plēbs 355 a, d
plectō 492, 516 a
plēnus 755
PLEORES 409
plēps 355 a
plēre 505
plērumque 800
plētus 677
-plēvī 631, 632
plicō 638
-plicuī 633
plīsima 409
plōdō 115
ploera 409
PLOIRVME 111, 113,
163, 338, 409
plōstra, plōstrum 115
PLOVRVMA 409
PLOVS 113, 409
pluit, plū(v)it 632
plūrātis 279
plūrēs 409
plūria 367
plūrimī 111, 113, 409
plūrimum 802

plūrimus, plūs 409
plūs 802
pluvia 747
po- 791 a, 806, 809
pōcillum 172
POCOLOM 337
pōc(u)lum 240, 753
poena, Poenus 113
poēsīm 359
polībant 565
polliceor 809
Pollūcēs 243, 700
Pollūx 112
POLOVCES 112
pōmoerium 113, 263
Pompei, Pompei 330
POMPLIO 344
Pomptīnus 267
pōne 808
pondō 403 b
pōnō 167, 193 a,
256, 518 b, 637,
791 a
Pontīnus 267
poploe 113, 163, 338
poplus 177
poposcī 520
populī 700
pōpulneus 749, 755
pōpulnus 755
populōi 333
populus 177, 330,
700
por- 791 a
por 809
porgō 809
porrigō 791 a
porgō, porrigō 164
porta 756
portae 703
portendō 809
portio 695
portōrium 283
portulāca 759
poscō 272, 520, 712

positus 167, 212, 806
posivī 167, 637
posse 596
possem, possim 596
possitur 596
possum 251, 596,
791 a
post 805, 808
post- 808
poste 808
post(e) 168
posteri 408 a
posterior 407, 408 a
posthabeō 155, 791 a
postīcus 759
postrēmīsimus 411
postrēmō 802
postrēmum 802
postrēmus 408 a
postrīdiē 311, 332,
735, 800
postumus 408 a
postus 167
posuī 637, 678
pote 596
potēns 596
potērim, **POTERINT**
654
potes(s) 225 a
potesse, potesset,
potest, potestur 596
potior 526, 712, 721
potis 596
POTISIT 596
potisset, potissit, potis
(sum, sunt. esset.)
596
potissimum 802
potītur 526
potuī 596
pōtuī 686 b
pōtus 666, 678, 679
POVMILIONOM 364
prae 743, 806
prae- 790
praebeō 196

praiceps 355 a, 790
praecīdāneus 749
praecīdārius 749
praecinū 624
praecipēs 355 a, 790
praecipuus 750
praecō 225 r
praedā 218
praedātor 766
praedātōria 748
praedicō 791 a
praefectūra 751
praefica 695
praemātūrus 790
praemium 196
praemorsī 630
praenōmen 790
praesēns 590
praesente, praesenti 360
praeses 743
praestes, praestitis 355 a
praestigia, praestrīgiae
279
praestō 727
praesum 727
praeter 801, 808
praeter- 808
praeteritus 666, 670
praeterlābor 791 a
praetor 196
PRAIDAD 218, 320
Prancatius 282
prandi 626
prānsus 666
precor 520, 744
prehendī 626
prehendō 518 a
PREIVATOD 111
premō 517
prēndō 518 a
prsēsēpia 114
pressī 517, 628, 629
pressus 676
přimigenia, přimogenia
141 b, 788
přimīitvūs 750

přimogenia 788
přimum 800
přimus 829, 844
přinceps 166 6, 183,
236, 355 a, 788
přincipiō 800
přincipis 144
přior 407, 829, 844
přiscus 759, 829
přistinus 755, 829
PRIVATAST 301
přivātō 111
přiviciioes 340
přō 193 d, 791, 806,
809, 824
přobātus 679
přobitus 679
přocul 808
přocum 759
přocus 744
přōd- 791 a, 806
přō-d(ē) 791 a
přōdeō 791 a
přōdere 607
přōdīnunt 536
přōdis 160
přōdit 160, 607
přōditus 607
přōdō 608, 791 a
přoelium 113
přofānus 193 d
přōficīscor 791 a
přōfligāre 498
přōgeniēs, přōgenī 388
PROGNATVS 162
přōgredīminō 552
přohibeō 155
přohibēssīt 661
PROIECIDAT 551
přoin 168
přoinde 70, 168
přōlēs 196
přōmiscam 800
přōmpsi 625, 628
přōmptū 686 b

přōmunturium 150
přōnus 755
přope 168, 409, 808
přopinquus 759
přopior 409
PROPIVS, přoprius
279, 808
přōportiō 791
přopter 94, 801, 808
přoptereā 804
přōrsa, přōsa, přōssa
257
přōstibulum 695
přōsum 595
Přōtesilāodamīa 786
přōvidēns 164
přoximē 808
přoximior 411
přoximus 408 r, 409
přoxumae 311, 735
přūdēns 164
přuīna 260
přallō 86
-pse 454, 795
-pte 454, 795
přūbē 399
přūber 356 r
přūberis 346
přūbēs 346, 356 r
přūbis 356 r
přūbicā 316
přudet 721
přūdīcītia 748
přuellula 752
přuer 169, 329, 330, 745
přuere 330
přuerīlis 762
přuerpera 788
přugil 169, 355 r, 356 6
přugilis 169, 355 r
přugna 741, 745
přugnāre 741
přugnō 727, 745
přugnus 741
přulcer 80
přulcher 80, 85
přullus 224

pulsāre 257, 676
pulsus 128, 676
pultāre 676
pulvīnar 279, 762
pulvis 356 r
Pūnicus 113
pūniō, pūnīre 113
puppēs 363
puppī, puppim 360
puppis 357, 359
puppīs 363
pupugī 630
putā 188
PVTEOLIS 203
putō 713
putris 761
Pyrrhus 73

Q

QOI 460
qua 461, 462, 468
quā 471, 799
quadrāgēnī 846
quadrāgēsīmus 844
quadrāgiēs 845
quadrāgīntā 238, 828
841
quadrāns 849
quadrīngēnī 846
quadrīngētēnī 846
quadrīngētī 842
quadrīnī 846
quadruplex 238, 833,
845
quadruplus 845
quae 442, 462, 467, 468
quaerītō 502
quaerō 519, 632
quaesī 632
quaesītus 632, 677
quaesīvī 632, 636
quaesō 519, 616, 803
quaessō 519
quaesumus 546, 616
QVAIRATIS 152
QVAI 468, 470

-quam 795
quam 464, 734, 799,
814, 815
quamdiū 236
quamquam 733, 815
quamvis 733, 815
quandō 141 v, 799, 806,
815
quandōquidem 191
QVANSEI 252
quantō 732
quārtē 332
quārtus 194, 844
quārum 472
quās 467
quasi 158, 187, 191,
733, 814
quasillus 212
quassantī 574
quātenus 799
quater 845
quaternī 846
quatis 523
QVATTOR 204
quattuor 10, 14, 260,
828, 833
quattuordecim 786
quattus 849
-que 94, 168, 427, 795,
796, 811, 823
QVE 425, 460
queēns 603
QVEI 425, 460, 465,
470
QVEIQVOMQVE 795
quem 464
quempiam 464
quemquam 464
queō 603
quercōrum 398 a
quercubus 380
querēla 752
quernus 266
querquēdula 752
QVES 465
quēs 465, 466, 472
QVESCAS 204

quēscunque 795
questī 373
quī 425, 456, 459, 460,
465, 471, 799
quia 468, 815
quibus 473
quibusdam 256
quicquam 229
quīcunque 795
quid 412, 463, 695, 799
quīdam 456, 795
quidem 436, 818
quidnī 821
quidquam 229
quīē 399
quīēns 603
quīēssem 658
quīēvī 632
quīn 190, 815
quīncentum 842
Quīnctī 266
Quīnctīlius 266
quīnctus 236, 266
Quīnctus 266
quīncūnx 849
quīncuplex 834, 845
quīncuplus 845
quīndecim
quīne 815
quīngētī 842
quīnī 266, 840
quīnque 44, 119, 226,
274, 834
quīnque partēs 848
quīnque septimae 848
quīnquennis 788
quīnquiēs 845
quīnquiplus,
quīnquiplus 845
quīntus 119, 183, 193 v,
236, 266, 834
quīnus 844
quippe 168, 229, 454,
733, 795, 799, 815,
819
quippīnī 799

quīquam, quīque, quīquī
471
quis 412, 456, 459, 461,
462, 695
quīs 473
quiscunque 795
quisdam 795
quispiam 795
quisquam, quisque 461,
795
quisquis 413, 461
quium 472
quīvīs 471
QVO 470
quō 471, 799, 815
quoad 804
quōcircā 804
quod 215, 420, 424 6,
463, 815
quoi 470
QVOI 460
quōī 470
quōia 424 8, 474
QVOIEI 470
quōium 424 8, 472, 474
quōius 215, 259, 424 6,
426, 470, 474
quom (мѡм.) 464, 799,
815
quom (союз) 215, 464
quōminus 815
quomque 795, 799
quondam 799
quoniam 259, 815
quoque 811
quōquōvorsum 804
quōr 136, 799
quōrsum 804
quōrum 472
QVORTA 194, 844
quōs 466
quot 168, 215, 844, 845
quotannis 800
quotiē(n)s 799, 845
quotidiē 215
quotus 844
quum 215

R

rabies 388, 746
rādicitus 800
rādix 260, 776
raptābus 323
raptim 800
rapuī 633
rārē, rārō 336, 801
rāreter 801
rāster, rāstrum 697
rāstrī 327
ratiō 768
ratus 668, 670
raudus 115
rāvis 359
rē 389, 391, 721
re-/red- 790, 791 a
reāpse 454
rēbus 394
reccidī 624
recidivus 750
reciperō 144
rectinis 790
reclīnō 790
recommīscor 791 a
reconciliāssere 519, 661
rectā 800
rēctē 336, 801
RECTED 336, 801
rēctus 193 r
recuperō 144
recursūs 703
rēd 391
redāctus 193 r
reddere 146, 155, 515
reddibō 607
reddō 604, 608, 791 a
redeō 791 a
redigō 141 a
redimō 144
redinunt 536, 601
rēfert 721, 791 a
rēgem 359
rēgerum 364

rēgī 358
rēgia 747
rēgīfugium 699, 785
rēgīna 755
regiō 347 r, 356 8, 768
regiōnis 347 r
regiōne 737
rēgis 347, 355 a, 357
rēgius 747
regō 193 r
regrediōr 539
reguit 637
rēgula 752
rei 388, 389
reī 185, 388, 389
rēī 316, 388, 389
reice 70
relātū 686 8
relictus 228, 670, 673,
791 a
relicuos 215
religiō 282
religiōnēs 700
religiōsus 757
reliquiae 282
relinquō 791 a
reliquiae 701
relligiō 791 a
rem 78
rēmex 160, 346, 743
rēmigis 346
rēmus 743
rēn 347 r, 356 8
renegat 203
rēnis 347 r, 356 8
reor 486
repente 800
reperiō 146, 523
repositus, repostus 167
repperī 166 a
reppulī 624
requiē, requiem 399
rērī 505, 670
rērum 393

rēs 85, 383, 385, 387,
392, 395, 746, 765
resīnus 790
resipīre 523
resipivī 632
resonāvī 638
respōnsiō 768
respondeō 156
respondī 624
rēspūblica 784
restēs 363
restiō 768
restis 359
restīs 363
restūtus 283
rēte 362
retineō 141 6
retractō, retractō 156
retrō, retrō- 808
rettulī 166 a, 230, 624,
791 a
revertī, revertor 487
rēx 227, 347 a, 355 a,
261, 747
rēxī 629
Rhēgium 73
Rhēnus 73
ridiculus 175
riēn 356 B
rīsī 673
rīsus 673, 764
rīte 800
rīvus 750
rius 210
rōbīgō 768
rōbor 146, 362
rōboris, rōbur 146, 362
rōbus 362
rōdus 115
rogitō 502
rogō 712
Rōmae 311, 317
ROMAI 317

ROMANO 339
Rōmānōi 333
ROMANOM 339
Rōmānus 740, 755
Rōmae 735
rōrifluus 784
rosa 212
rōs marīnus, rōsmarīnus
784
ROSTRIS 340
rolundus 181
rota 695
rubeō 506
rubor 770
rudīvī 632
rudis 760
rūdō 516
ruitūrus 690
rūmis 359
rumpō 518 a, 625
runca 745
runcō (cym.) 768
runcō 745
rūpēs 352
rupī 518 a, 625
rūre 361, 734
rūrī 411, 361, 735, 800
rūtis 715, 770
rūsticus 759

S

sabulum 251
sacer 173, 225 B, 261,
329
sacerdōs 172, 773, 788
sacrilegus 744
sacros 225 B
saec(u)lum 175
saepe, saepior,
saepissimus 800
sāgiō 524
sāgīs 523, 524
SAKROS 173, 261,
329
sāl 193 D, 347 B, 356 6
salictum 756
salignus 234, 755
salīs 523
salis 193 D, 347 B,
356 6
salīvī 637
salix 776
sallō 243, 516 6, 673
salsus 516 6, 673
saltāre 502
salūbris 279, 355 r,
404, 762
saluī 633, 637
salūtāre 362
SALVTES 161, 357
salūtis 161
SALVTVS 357
salveō 508
salvētō 551
sam 428
Samnis 91, 169, 355 r
Samnitēs 24, 761
Samnitīs 91, 169, 355 r
Samnium 234
sancīō 518 a
sancitum 677
SÁNCTA 193 B
sānctus 266
sanguen, sanguinis,
sanguis, sanguīs 356 B
santus 266
sānxī 628
sapiēns 364, 575
sapientia 315
sapientipotentēs 788
sapīvī 632, 637
sapsa 428, 454
sapuī 637
sarcta 266
sarsī 266
sarta 266
sartus 673
sarui 633
satis 800

satisfaciō 155, 613,
791 a
satius 802
Sāturnālia 762
sāturnālicius 748
Sāturnāliōrum 397
Sāturnie 330
satus 15, 670
saxātilis 762
scabellum 172
scaber 746
scābī 625
scabiēs 746
scabillum 172, 752
scabō 625
scaena 114
scaeptrum 114
scālae 272
scalprum 752
scamnum 234, 755
scandī 626
scandō 518 a
scelerōsus 757
scelus 123
scēna 114
scēptrum 114
scibis 565
scicidī 623, 624
scidī 624, 626
SCIES 252
scīlicet 803
SCIPIONE 219
scis 523, 524
scissus 673
scīt 547
scītō 550
scīvī 632
scīvisse 658
scrība 694, 745
scrīpsī 227, 628
scrīptum 227
SCRIPTVST 301
scurra 745
scutra 753
scutula 142

sē 420, 421, 791
sē- 225 r
secātūrus 690
sēcēdō 225 r, 791 a
secīvus 750
secordia 180
secta 228, 745
sectilis 762
sector 745
sectus (от secō) 678
sectus (от sequor) 677
secuī 633
secundum 808
secundus 215, 579, 831
secuntur 150, 215
secūris 359
sēcūrus 791
secus 403 a, 808
secūtus 677
SED (мест.) 420, 421
sēd (мест.) 218, 420,
421
sēd (мест.) 813
sēd- (прист.) 225 r,
791 a
sē(d) (предл.) 806
sēdecim 268 б, 840
sedeō 193 r, 743
sēdēs 352, 364
sēdī 515, 625
sedīle 762
sēditō 225 r, 806
sēdium 352, 364
sēdulō 142, 225 r, 800
sēdum 352, 364
sedum 813
segetēs 179
segetis 154
segmentum 235
sei 252, 428
SEIGNVM 194
SEISPITEI 358
sēlībra 847
sella 241
semel 261, 829, 845

sēmen 15, 769
sēmēnstris 283
sēmētis 359
sēmet 795
sēmi- 847
sēminārium 748
sēmīs, sēmīssis 849
sēmīstertius 847
sēmivir 847
sēmōdius 283, 847
SEMOL 180
semper 120, 829
SENATI 373, 379
SENATORBVS,
SENATORIBVS 365
SENATOVS,
SENATVEI
SENATVOS 373
senātūs 373
senātus 764
seneciō 768
senecta 774
senectūs 774
senex 161, 351 б, 747,
776
sēnī 268 б, 846
senicēs 351 б
senior 407
senis 351 б, 776
senium 747
SENTENTIAM 236
SENTENTIAD 320
sentis 251
sēnsī 225 б, 628
sēnsus 673
seorsum 804
sepeli (perf.) 659
sepelis 523
sepelītus 677
sēpēs 114
sēpse 454
septem 744, 836
septendecim 236, 840
septēnī 846
septiēs 845
septimī 311

septimontium 785
septimus 744, 844
septingenti 119, 842
septuāgintā 841
septuennis 789, 836
septūnx 849
sepulcrum 175, 279,
753
sepultus 674
sēque 791 a
sequendus 582
sequere 513, 542
sequeris 542
sequester 397
sequimini 543
sequimur 540
sequitur 541
sequontur 150, 541, 546
sequor 486, 539
sequuntur 150
sermō 769
serō 15, 117, 505, 670
sērō 336, 801
seruī 201, 633
serundus 582
servibō 565
serviō 526
servitium 748
servitūs 774
sescentī 268 a, 842
sescentum 842
sescūnx 849
sēsē 420
sēsqui- 847
sēsquipedālia 847
sessus 193 r, 230, 673
sēstertium 339
sēstertius 847
Sestius 268 a
sestus 268 a
sette(m) 229
sētius 802
seu 68, 812
sevērus 208
sevī 15, 632, 670
sex 835
sexiēs 845

sexta pars 848
sextāns 849
Sextius 747
Sextus 268 a, 747
sextus 844
sī 428, 456, 815
sibe 419
SIBEI 163, 419
sibī 94, 187, 189, 419
sic 799
sīc 428, 799, 820
Sicilia 142
Siculus 142
SID 218
sīdō 256, 515
SIED 217, 533, 586
siem 7, 555, 586
sient 586
siēs 16, 586
siet 586
signum 234
siit 659
sīlenta 367
sīlex 776
Silvānus 740
silvester 406
silvestris 763
sīm 7, 555, 566, 586
similis 142, 180, 762
simītū 601, 764, 800
simplex 120, 829, 845
simplus 829, 845
simul 800, 808
simulac 815
simulō 142
simus 555, 586
simus 585
sināpi 403
sincērissimus 408 r
sine 168, 806
sinem 563
singulī 829, 846
sinister 406, 408 B
sinistimus 408 B
sinistrā 800, 808
sinō 167, 518 G
sint 586

sinunt 536
sinus 764
sīquidem 191
sīrint, sīrit 664
sīs (глг.) 586
sīs (мест.) 422
sīs (модальн. слово)
208, 597, 803
sistī 658
sistō 515
sit 218, 586
sīf, sitim 738
sitis 359
sītis 16, 586
situs (глг.) 670
sītus (сущ.) 251
sīve 111, 812
sīvī 632, 670
sīvistī 658
SLIS 271
so- 790
sobrīnus 253
sōc 799
socer 329
socerus 329
SOCIVM 339
socordia 180
socors 790
socrus 368
sōl 190, 347 B, 356 G
sōlārium 748
solea 749
solinunt 536
sōlis 347 B
solium 284
sōlīus 424 B
sollemnis, sollennis 244
sollistimus, sollus 408 B
solum 800
sōlus 475
solūtus 677
soluī, solvī 634
solvō 201, 634, 721
somniaere 500
somniaculōsus 757

- somnium 747
 somnus 126, 234, 747
 sonāre 499 6, 514
 sonātūrus 690
 sonō 514
 sōns 574, 590
SONT 585
 sonuī 633, 638
 sophōs 824
 sōpiō 522
 sōpīvi 632
 sordeō 508
 sordērum 399
 sōrex 776
 soror 260
 sorōr 356 a
 sorōricīda 788
 sorpsī 630
 sortior 526
SORVM 423
 sōs 428
SOVEIS 163, 323, 422
 sparsī 628
 Spartānus 740
 spēca 111
 speciē 388
 speciēbus 394
 speciērum 393
 speciēs 392, 395, 694
 speciēum 393
 speciō 259, 743
 specis 523
 speculum 205
 spectāc(u)lum 753
 specubus 380
 spēcula 752
 spepondī 623
 spērēs 383, 392
 spēmō 518 6
 spēs 383, 387, 395, 695
 spīca 111
 spīcilegium 789
 spinter 266
 spīritus 764
 spondeō 507
 spondēre 741
 spōnsa 741
 spōnsālia 701
 spōnsus 671, 673, 674,
 678, 741
 sponte 800
 spopondī 623, 624
 sprētus 677
 sprēvī 632
 spuō 521
 spūtum 677
 st 824
 stabilis 175, 762
 stabulum 175, 279, 762
 stāmen 15, 769
 stāre 35
 statim 800
 stātō 218
STATOD 218, 551
 stātū 685
 statua 745
 statuāria 748
 statuī 626, 633
STA-TV-IS-TIS 86
 stātum 685
 statuō 521, 685, 745
 stātūra 685
 stātūrus 689
 status (rīnar.) 15, 670,
 685
 status (cyrr.) 685
 statūtus 677
 stāvī 624
 stēliō 225 r, 768
 stēlla 225 r, 245
 stercus 215
 sternō 518 6, 670
 sternuō 518 a, 6
 stēfī 15, 515, 623, 624
 stētimus 646
 stipendium 283
STIRCVS 121
 stirpis 347 a
 stirps 261, 347 a, 355 a
 stiti 624
 stlis, stlitibus 271
 stlocus 271
 stō 199, 499 a
 strāgēs 775
 strāmen 769
 strāmentum 769
 strātus 16, 670
 strāvī 632, 677
 strēnuior 410
 strictus 193 r
 strīdī 626
 strīdor 770
 strigilis 359
 strigium, 364
 structus 673
 strūxī 628
 studeō 721
 stultus 128
 stuprum 751
 sub 168, 217, 227, 731,
 791 a, 806
 sub- 790
 subdō 608
 subdūcō 227
 subeō 791 a
 subiēci 259
 submitto 235
 subnīmium 804
 subrepsīt 661
 subrūsticus 790
 substantīvus 750
 subter 801, 808
 subter- 808
 subterfugiō 791 a
 subtilis 180
 subtus 800, 808
 sūbus 365
 succurrō 229
 succus, sūcus 224
 suem 359
 suffrāgō 768
 suggerō 229
 sui 418
 suī (rīnar.) 633

suī (мест.) 412, 418
suī (суш.) 358
suībus 365
suis 349, 355 r, 357
suīsmet 795
sulfur 85
Sulmo 189
sulphur, sulphur 85
sultis 597
sum (глар.) 94, 531,
583, 584, 585
sum (мест.) 428
sum 724
summē 802
summittō 235
summōsses 658
summum 802
summus 235, 408 a
sūmō 167, 268 b, 625
sumpse 428, 454
sūmpsi 252, 625, 628
sūmptus 236, 673
sumus 546, 585
sunt 13, 585
suntō 551, 585
SVNTOD 218
suō 521
suompte 795
suovetaurīlia 739, 786
supellectilis, supellex
351 b
super 169, 329, 744,
808
super- 808
superbus 260
superī 167, 751
superne 755
supernus 755
superō 712
superstitem 269
supersum 791 a
superus 169, 329, 744
SVPESTITEM 269
suppetō 227
supplicō 791 a
suprā 167, 800, 808
suprā- 808

suprād 800
suprāscandō 791 a
suprēmum 802
suprēmus 408 a
SVPTEMPLO 297
surdaster 751
surēmī 167, 625
surgō 238
surripiō 144, 238
surrupio 144
sūs 349, 355 b, 765
sus 805
suscipiō 268 a
suspiciō 180
susque 805
sustulī 268 a, 624
sūtus 677
suus 422, 423
svādeō 507
svāviloquēns 789
svāvitās 768
svāvitūdō 768
svāsī 628
svāvior 406, 407
svāvis 260, 369, 406
svāvissimus 406
svēram, svēveram 196

T

TABELAI 321
taberna 281
TABLEIS 175
tabula 175
taceō 506, 712
tacitus 665
tāctus 674, 782
tacuī 633
taenīs 323
taeter 238
talentōrum 339
talentum 149, 339
tālīō 768
tālīs 428
tam 428, 799
tamen 813
tamne 244
tamquam 236, 733, 799,
814
TAN 297
tandem 799
TANGER 168, 570
tangō 193 r, 556, 782
tanne 244
tanquam 236
Tantaleus 749
tantī 800
tantisper 804
tantōn 91
tantus 428
tarpezīta 282
taurus 695, 751
tē 420, 421
-te? 795
tecina 177
tēctus 193 r
TED 420
tēd 218, 420, 421
teges 773
tegō 13, 193 r, 695,
745
tēgula 13
tēla 268 b
tellūs 696
temere 800
temeritās 774
temnō 518 b
temperāre 501
temperī 146, 361, 362,
735, 800
tempestās 774
tempestāte 737
TEMPESTATEBUS
141 b, 162, 365, 443
tempestīvus 750
tempestūs 774
tempora 700
temporī 311
temporis 146, 362
temptō 267
tempus 146, 362, 770
tendi 624

tenditur 236
 tendō 516 6
 tenebrae 701, 770
 teneō 506, 516 6
 tennitur 236
 tēnsus 670
 tentō 267
 tentus 670, 678
 tenuī 624, 637, 678
 tenuis 71
 -tenus 799
 tenus 807
 tepor 770
 ter 171, 225 b, 261, 845
 terebellus 740
TEREBONIO 177
 terebra 740
 terebrāmen 740
 terebrātīō 740
 terebrātus 740
 terga 703
 tergum, tergus 697
 termen 769
 termentum 740
 termō 769
 ternī 846
 ternum 339
 terr 171, 225 b, 261
 terra 694, 740, 782
 terrā, terram 738
 terrālis 740
 -terraneus 740
 terrās 316
 terrēnus 740
 terreō 257, 507
 terrester 406, 740
 terrestris 763
 terreus 740
 territōrium 740, 748
 terrōsus 740
 terrula 740
 terrulentus 740
 terruncius 225 6
 tersus 676
 tertius 171, 844
 tertus 677
 testāmentum 171
 testārī 500
 testimōnium 748
 testis 171
 testūdō 768
 tētē 420
 tetendī 624
 tetigī 141 a, 623, 624,
 782
 tetinerim, tetinerit 624
 tetinī 624, 637
 tetulī 612, 624
TEVRANO 218
 tēxī 628, 629
 texui 633
 thalamī 703
 thēnsaurus 252
 Thetim 359
THEVDOSI 63
 Tiberim 359
 Tiberis 696
 tibī 94, 187, 189, 419
 tībīcen 356 a
 tībīcina 695
 tibimet 795
 Tiburtēs 761
 tigillum 172
 tilia 231
 timidus 758
 tingō 119
 tinguō 518 a
TIS 423
 tis 418
 tisana 231
 toga 695, 745
 tōlēs 236
 tollo 189
 tollō 250, 518 6, 556
 tonāre 499 6
 tonimus 514
 tonō 514
 tōnsor 230
 tōnstrīx 230
 tōnsus 678
 tonuī 633
 topper 229, 428, 799
 tormentum 266
 tornus 266
 torreō 257, 678
 -torris 740
 torsī 266, 628
 tortus 266, 673, 678
 tostus 269, 673, 676,
 678
 tot 168, 428
 totidem 168
 totiē(n)s 799, 845
 tōtō 475
 totondī 623
 tōtus 475, 737
TOV(am) 422
 trabēs 355 d
 trabs 355 d
 trādītō 791 a
 trādō 263, 608
 trādūcō 263, 791 a
 trāloquor 263
 trāma 225 r
 trānō 263
 trāns 575, 806
 trānsdō 263
 trānsdūcō 263
 trānseō 791 a
 trānsfrētāre 791 a
 trānsiēbāmus, trānsiet
 602
 trānslātīvus 750
 trānsloquor 263
 trānsnō 263
 transque 791 a
 trapezita 282
 trāre 806
 trāxī 629
TREBIBOS 380
 Trebōnius 177
 trecentī 842
 trēdecim 256, 840
 tremēscō 520
 tremō 517
 tremonti 168, 404, 536

tremuī 633
tremunt 168, 404
trepidus 758
trēs 196, 207, 366, 832
tressis 849
tria 832
tribubus 380
tribuendus 582
tribuere 728
tribulātiō 740
tribulātus 740
tribulōsus 740
tribulum 740, 753
tribūnal 168, 279, 362
TRIBVNALE 362
tribūnāle 168
tribūnicius 748
TRIBVNOS 158
tribuō 521
tribūtīm 800
trīcēsīmus 844
trīciēs 845
tridens 787
TRIDICVM 292
trīduom 143
triennis 788
triēns 849
trīgēsīmus 844
trīgīntā 342, 832
trīnī 846
trīnoctium 789
triplex 845
tripodāre, tripudiāre
141a
tripulus 845
trīs 366
trīstītia, trīstītiēs 383
trit 824
trītīceus 740
trītīciārius 740
trītīcinus 740
trīticum 740
trītor 740
trītūra 740
trītus 677
trīumphī 703
trīumvīrum 339

trīvī 632
Troīā 218
Troīād 218
Troīugena 141 b, 788
truncāre 741
truncus (прил.) 741
truncus (сущ.) 741
trutina 141 a
tū 416
tubicen 788
tueor 510, 511
tui, tuī 418
tuitus 678, 679
tulī 612, 624, 626
Tullianus 755
Tullius 747
Tullus 747
tultus 679
tum 428, 799
tumba 63
tumultī 373
tumultuārī 500
tunc 236, 261, 799
tunde 492
tunica 231
tūnsus 671
tuor 510, 511
tuquidem 191, 416
tūquidem 191
turbāssitur 661
turbō 356 a
tūribulum 753
turpis 760
turrem, turrim 299
turris 359
turtur 782
Tuscī 759
Tuscus 269
tussis 359
tūte 158, 416
tūtē 336, 801
tūte 795
tūtēla 752
tūtemet 795
tūtīmet 795
tūtō (глар.) 486

tūtō (нар.) 336, 801
tūtor 486
tutudimus 646
tūtus 678, 679
tuus 422, 423
tuxtax 824
Tychē, Tychēnis 400

U

-u см. -ve
VBEI 799
ūber 351 a, 767
ūberis 351 a
ubi 187, 216
ubī 799, 815
ūdus 284
ūlīgō 284, 768
Ulīxēs 284
ūllus 247, 475
ulna 166 b, 250
uls 807
ulterior, ultimus 408 b
ultrā 408 a, 453, 800,
808
ultrō 800
ultus 266, 673
ululāre 782
umbilīcus 126, 759
umbō 126
umbrāticus 759
umbrātilis 762
umerus 126, 169
ūnae 826
uncia 849
ūnctitō 193 b
ūnctus 673
uncus 125
unde 168, 193 d, 216,
799
ūndē 806
undecim 183, 828, 840
undēvīgīntī 840
ungen 768, 769
unguentum 769
unguis 125, 760
unguō 518 a

ūnicus 759
ūnimamma 787
ūniō 768
ūnocus 788
ūnomammia 788
ūnum 113
ūnus 475, 755, 829
ūnxī 628
urbānus 740, 755
urbēs, urbīs 366
urbs 227, 261
ūrēdō 768
ūrō 628, 670
ursus 266
uspīam 799
usquam 799
ūsque 808
ussī 628, 629
ustus 670
VSVRA 113
ūsūra 751
ūsūrpāre 166
usurpō 791 a
ūsus 230, 673
ut 216, 799, 814, 815
VTARVS 542
VTEI 799
VTELETAS 63
uter 216, 329, 406, 475
uterque 475
uterus 329
uterum, uterus 697
utī 799, 814
VTIER 113
ūtīle 113
ūtīlis 762
utique 141 a
VTITO 551
ūtor 712, 732
utpote 733
utrīmq̄ue 799
utrōq̄ue 799
utrūm 822
utrūmq̄ue 236
VTVNTO 551
ūvae 104
uxōr 356 a

uxōre, uxōrī 360
VXVRE 63

V

vacca 695
vacuus 131
vadimōnium 748
VAE 104
vae 824
vah 824
valdē 243
VALERI 329
Valerī 330, 331
Valerīi 331
Valesīi 212
valētūdō 768
VALIA 288
validē 243
valitūdo 768
vallum 695
vallus 695
vannus 326
varietās 147, 774
Varrō 224
Vārus 224
vās 362
vāsa 362, 397
vāsōrum 397
vāssa 362
vāsum 397
vātēs 355 d, 364
vātis 355 d
vātium, vātum 364
-ve (-u) 94, 168, 812, 823
vē- 790, 823
vē 821
veclus 205, 240
vēcors 821
VECOS 133
vectīgāle 168
vectus 227, 671, 673
vegetus 154
vehēbam 566
vehiculum 753

vehō 628
vei 261, 597, 803, 812
velim 123, 555, 597
vell 261, 597
velle 17, 123, 257, 597
vellem 597
velli 626
vellis 600
vellō 626
vēlōx 776
vēlum 268 6
velut 733
vēna 755
vēnālis 279
vendō 608, 791 a
vēneō 78, 791 a
VENERES 357
VENERVS 357
veni 492
vēni 625
veniō 156, 259, 522, 523, 548, 556
venis 525
venīs 523, 524, 525, 548
venīt 525
veniunt 523
VENOS 150, 356 r
ventus 183
Venus 356 r
venustus 150
verberō 768
vērē 801
vereor 721
verītim 800
veritus 668, 678
vermis 761
verna 745
vērō 801, 813
verrī 626
verrō 130, 626
versī (слав.) 630
versī (сущ.), versōrum 398 6
versiculus 752
versum 808

versus 130, 225 b, 670,
673, 800, 808
vertebra 753
vertex 130, 776
verticordia 786, 788
VERTVLEIEIS 338
Vertumnus 244
verū, verum 377
vērum 813
vērumtamen 236
vērus 751
vervēx 776
vēsānus 790
vespa 282
vesperāscit 520
vesperī 311, 735
vester 130, 406, 422
vestis 695, 740, 761
vestrī, vestrum 418
veter 356 r
veterrimus 408 r
vetō 130
vetuī 633
vetulus 240
vetus 356 r, 360, 364,
367
vēxī 227, 628, 629
vī 358, 360
viās 316
vīcānus 740
vīcē(n)si/u-mus 844
vīcēnī 846
VICENSVAM 844
vīcēsīmus 408
vīcī 625
vīcīēs 845
vīcīniae 311, 735
vīcīnus 755
vīctōria 748
vīctor 766
vīctus 673
vīcus 133
vīcvs 103
vidēbam 566
vidēlicet 803
viden 190, 256, 803

videō 506, 625, 782
vidērier 572
vidēsne 803
vīdī 133, 625, 643, 782
vidua 750
vīgēsīmus 844
vigil 169, 355 r, 356 b
vigilando 189
vīgintī 841
vilicus 225 r
villa 225 r
villum 166 b
vim 359
vīna 700, 703
vīnārium 748
vincendo 189
VINCENTZVS 289
vinciō 518 a
vincīs 523
vincō 625
vīnolentus 756
vīnum 133, 700
violāssō 661
VIOLATOD 551
violentus 756
vir 329
virdis 205
virēs 351 b
virginālis 762
virgō 356 b
VIRO 219
VIRTVTEI 358, 360
virtūs 774
vīrus 337
vis (rīar.) 597, 598
vis (cyīr.) 349, 351 b,
355 b, 357, 363
-vīs 803
viscum 282
vīse 492
visō 493, 519
VISSI 293
vīssī 628
vīssō 519
visū 687

vīsus 674
vītabundus 712
vītīdēmīa 789
vītō 712
vīus 210
vīvō 516 b
vīvont 546
vīvus 214, 750
vīxī 628
vīxīt 645 b
VOBEIS 419
vōbis 421
vocātus 679
vōcis 347 a, 355 a
VOCITATVST 301
vocitō 502
vocitus 679
vocīvus 131, 750
VOIS 597
volam, volēbam 123,
597
volēns, volēs 597
volgum 337
volgus 129, 337
volnerāre 501
volo 189
volō 17, 123, 189, 597
volsī 630
volt 129, 261, 597, 598
voltis 597, 598
VOLVI 104
volucris 762
voluī 71, 104, 201, 633,
634
volumus 123, 546, 597
volunt 597
voluntārius 748
voluntās 574, 748
voluptās 774
volūtus 677
volvendus 579, 582
volventia 574
volvī 71, 104, 634
volvō 201, 516 b, 634
vōmer, vōmis 356 r

vomitus 678, 764
vomō 180, 514
vomūī 633
vōpte 264, 795
vorāgō 356 B, 768
vorō 224
vorrō 130
vorrus 224
vorsus (ot vorrō) 676
vorsus (ot vortō) 130,
225 B, 670, 673
vortex 130
vortī 626

vōs 416, 420
vōsmet 795
voster 130, 422
vostrārum, vōstrī,
vostrōrum, vostrum
418

VOSTRVM 422

vōtīvus 750
votō 130
vōtum 211
vōvī 634
VOVIT 645 a
vōx 347 a, 355 a, 743

vulgō 800
vulgus 129
vulsus 676
vult 129, 597
vulpiō 768
vultīs 597
vultūs 703

Z

ZANVARIO 290

ZEBVS 289

zōna 75

Научное издание

И. М. Тронский

Историческая грамматика латинского языка.

Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции).

2-е дополненное издание

Оригинал-макет выполнен
и представлен в издательство
авторским коллективом

ЛР № 070644 от 19 декабря 1997 г.

Подписано в печать 24.12.2000. Формат 60×90 1/16

Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная № 1

Печ. л. 37,0. Тираж 1500 экз. Заказ 6912

Издательско-производственная фирма «Индрик»

113452, Москва, ул. Азовская, д. 25, корп. 2, кв. 130

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

Тел. 554-21-86

